

ФИЛИППА ГРЕГОРИ

КОЛЛЕКЦИЯ

Филиппа Грегори

КОЛДУНЬЯ

ГЛАВА 1

Во сне я почуяла адское зловоние проходящей мимо ведьмы и, укрывшись с головой грубым шерстяным одеялом, зашептала: «Святая Мария, Матерь Божья, моли Бога о нас», чтобы она защитила меня от этого кошмара. Потом я услышала крик и страшное потрескивание алчного пламени. От страха я окончательно проснулась и села на своем убогом ложе.

По стенам кельи метались желтые и алые отблески огня, до моего слуха доносились пронзительные крики и возбужденные мужские голоса. Я сразу поняла, что случилось самое худшее: лорд Хьюго пришел нас уничтожить и напал на аббатство. Этого мы и опасались, поскольку инспекторы короля Генриха решили, что мы богаты, и в качестве предлога обвинили нас в безнравственности. Кое-как натянув на себя одежду, я схватила четки и накидку, сунула ноги в башмаки, распахнула дверь и выглянула в заполненный дымом коридор, куда выходили кельи послушниц.

Здание аббатства было построено из камня, но горели деревянные балки, а также стропила и деревянные полы. Языки пламени у меня под ногами пробирались вверх.

Я услышала чей-то тоненький писк, полный ужаса, и поняла, что этот малодушный голос принадлежит мне. Слева сквозь узкие щели открытых окон к моему лицу, словно голодные змеи, тянулись красноватые клубы дыма. Я выглянула в окно, и глаза мои наполнились слезами: по заросшему монастырскому двору среди бушующего пламени сновали черные фигуры, нагруженные сокровищами, нашими сокровищами, священными сокровищами из церкви. А посередине пылал огромный костер. Эти богохульники, сатанинское воинство, срывали с наших книг обложки, усыпанные драгоценными камнями, а сами книги летели в огонь, беспомощно порхая страницами. Рядом на большой чалой лошади сидел человек, черный, как сама смерть; закинув голову назад, он дьявольски хохотал — это был сам лорд Хьюго.

В смятении и страхе я заплакала и закашлялась от дыма. За моей спиной находились кельи, в которых все еще спали юные послушницы, сестры мои во Христе. Я сделала два шага по коридору, собираясь колотить в двери и кричать, чтобы они поскорей просыпались и спасали свои души от дьявола, ворвавшегося через ворота, чтобы спасались от пламени, охватившего монастырь. Я протянула руку к первой двери, но из-за густого дыма не смогла проронить ни звука. Крик застрял в горле, однако мне удалось проглотить его, и я снова попыталась закричать. Не успев стряхнуть остатки сна, я с трудом передвигала ноги, бессильная и безгласная, клубы серы окутывали меня, глаза застилал дым, в ушах стояли крики еретиков, осужденных на проклятие и вечные муки. Наконец слабой рукой я постучала в дверь. Но не услышала ни звука.

Ни единого звука.

В отчаянии я застонала и, подобрав юбки, побежала, как крыса из горящего стога сена, бросив своих сестер, забыв про долг, отрекшись от жизни, которую сама выбрала. Сломя

голову я понеслась по крутой винтовой лестнице. Дверь внизу была заперта на засов; возле нее находилась келья матушки моей во Христе, настоятельницы монастыря аббатисы Хильдебранды. Я остановилась. Только ради нее одной я должна была рискнуть жизнью. Для спасения сестер нужно было кричать, для спасения матушки Хильдебранды — сгореть заживо, и на эту жертву она имела полное право. Надо было сорвать дверь с петель, орать что есть мочи и звать ее, нельзя было ее оставлять. Она была моей защитницей, моей матушкой и спасительницей. Без нее я была бы никем. Я медлила лишь полсекунды, но, почуяв запах дыма, сочившегося из-под двери трапезной, бросилась к задней двери, отодвинула засов и выскочила туда, где в темноте едва виднелись грядки нашего огорода.

Из недр аббатства доносились голоса, но здесь, в саду, все было тихо. Я помчалась по дорожкам английского сада к внешней стене, где находилась дверца. В ушах бешено стучала кровь, но я услышала звон и треск лопающихся от жара витражей, а потом грохот, словно кто-то швырнул в окно тяжелый канделябр или серебряную тарелку. За дверцей шумел речной поток, который с плеском ударял о камни; он звал меня обратно в мир, словно бес, сидящий во мне, протянул туда указующий перст.

Еще оставался шанс, дверца передо мной была пока закрыта. Я колебалась, проверяя, хватит ли у меня мужества вернуться: я представила, как колочу в двери, бью окна, громким голосом зову матушку Хильдебранду и сестер, как держу матушку за руку, готовая встретить гибель вместе со всеми.

Но уже через мгновение я распахнула дверцу в стене, ограждавшей сад, и вырвалась на свободу.

Как я бежала, не видела ни одна душа.

Лишь очи Господа и Его Матери, да благословится имя Ее, следили за мной и жгли мне спину. Я бежала, подоткнув юбки, бросив разрушенную часовню и пылающее аббатство. Бежала со всей прытью предателя и труса. И лишь единственный тоненький крик я услышала позади, но он сразу оборвался. Кто-то звал на помощь, однако было уже слишком поздно.

И я даже на секунду не остановилась. Я бежала, будто распахнутые ворота ада наступали мне на пятки, бежала, оставив умирать свою матушку и сестер. И я вспомнила о Каине, который убил брата. Я бежала к деревне Боуэс; ветви деревьев и усики плюща хлестали меня, и я, вся исполованная, бежала и думала, что, подобно Каину, навсегда отмечена проклятием Господа.

Мора собиралась лечь в постель, когда у двери амбара услышала какой-то шум, кто-то царапался и жалобно подвывал, словно собака, наказанная хозяином. Мора замерла и подождала, прежде чем идти к порогу. Она была женщина мудрая, знахарка и провидица, многие обращались к ней за исполнением желаний, надеясь на ее темный дар, и ни один не уходил разочарованным. Разочарование наступало позже.

Она гадала: кто это может быть? Ребенок? Одинокий плач был так слаб, словно плакал больной ребенок. Но что он делает у ее двери ночью? Может, девушка с округлившимся животом потихоньку выскользнула из дому, пока спал ее тяжелый на руку отец? Может, пожаловал гость из темного мира, приняв обличье черной кошки или волка? А вдруг явился бестелесный ужасный дух?

— Кто там? — проскрипела Мора старческим голосом.

Молчание. Так молчит человек, у которого нет имени.

— Как тебя зовут? — спросила Мора, встревожившись не на шутку.

— Сестра Анна, — раздался ответ, тихий, как вздох умирающего.

Шагнув вперед, Мора открыла дверь и увидела девушку. В тусклом свете свечи бритая голова ее неприятно блестела, лицо было покрыто пятнами и полосами грязи, а глаза наполнены страхом.

— Святые угодники, — холодно произнесла Мора. — Что с тобой стряслось?

Боясь упасть, девушка протянула руку и оперлась о дверной косяк.

— Ничего больше нет, — прошептала она. — Ни матушки Хильдебранды, ни сестер, ни аббатства, ни церкви. Ничего. Все сжег молодой лорд.

Не отрывая испытующего взгляда от ее грязного лица, Мора спокойно кивнула.

— А ты? Тебя не схватили за измену или ересь? Ты не попала в лапы солдат или молодого лорда Хьюго?

— Нет, — еле слышно пролепетала Анна.

— Значит, сбежала, — заключила Мора без капли сочувствия в голосе.

— Да.

— Кто-нибудь тебя видел? Кто-нибудь следил за тобой? Ты никого с собой не привела? Никто не спалит мой дом и меня вместе с ним, как твоих праведных сестер?

— Нет.

Мора недобро засмеялась, словно это известие доставило ей особое удовольствие.

— Ты так бежала, что за тобой было не угнаться, верно? Думаю, у тебя быстрые ножки, и жирные солдаты за ними не поспевали. Быстрее, чем у твоих сестер, провалиться мне на этом месте. Оставила их гореть, да? А сама подхватила юбки и наутек? Теперь ты не попадешь в святцы, моя маленькая страданица. Эх, потеряла ты свое счастье!

Девушка слушала насмешки, опустив голову.

— Можно войти? — наконец спросила она.

Хозяйка отступила назад, лицо ее так и сияло.

— Решила пожить у меня? — поинтересовалась она радостно, словно за дверью мир не был черным как смола и по всей долине не носился ветер и не хлестал дождь. Сестра Анна кивнула, от усталости не в силах вымолвить ни слова.

— Ты надолго? — осведомилась Мора.

Гостья снова кивнула. Темные пятна на голой голове и на лице делали ее похожей на исполосованного быка, запряженного в плуг.

— Значит, явилась обратно и хочешь жить здесь? — уточнила Мора, желая продлить момент и получить удовольствие.

Анна подняла голову.

— Возьмешь меня снова? Я нарушила обеты, мне не хватило смирения. Пришли солдаты, и я показала себя как трусиха и предательница. Дом мой разрушен, сестры погибли или того хуже. Я полное ничтожество. Полное ничтожество. — Анна помолчала и тихо добавила: — Матушка тоже погибла. Матушка Хильдебранда, аббатиса. Этой ночью она будет в раю, в раю со всеми своими дочерьми. Мне некуда больше идти. Другого дома у меня нет. Ты примешь меня обратно, Мора?

Та не торопилась с ответом. То, что Анна вернулась, Мора поняла, как только позволила девушке переступить порог. Но жизнь приучила ее смаковать каждую приятную минуту.

— Может быть, — задумчиво отозвалась она. — Ты молодая и сильная, у тебя есть способности. Тебя даровали мне эльфы взамен отнятого ребенка, оставили на крыльце во мраке ночи. Я обучала тебя всему, что умею, и сделала бы из тебя знахарку, как и я сама, но ты надумала стать монахиней. Я не звала тебя обратно, однако ты всегда могла вернуться. — Мора пристально посмотрела на девушку, на бледное печальное лицо с резко выступающими скулами, и продолжила: — Ты хороша собой, вполне способна сводить мужчин с ума. Ты могла бы выйти замуж. Тебя можно было бы продать тому, кто тебя полюбит.

Сестра Анна стояла понурившись, изучая свои грязные башмаки и отвратительный мусор, покрывающий земляной пол. Потом подняла голову и взглянула на Мору уже не черными, а темно-синими, словно бездонные воды океана, глазами.

— Я невеста Христова, — заявила она. — Мне нельзя выходить замуж и иметь дело с твоим сомнительным искусством. Мне действительно некуда податься. Я нарушила обеты, но я стала невестой Христовой и буду ею всю жизнь. Я принадлежу Ему до самой смерти и никогда не допущу к себе мужчину. И не стану заниматься твоими дьявольскими штучками. Больше я не твоя ученица.

Отвернувшись от чадящей свечи, она шагнула к выходу. Резкий порыв ветра бросил ей в лицо пригоршню холодных дождевых капель, но она даже не поморщилась.

— Да заходи уже, — раздраженно проговорила Мора. — И дверь за собой закрой. Обсудим это после, не сейчас. Куда ты пойдешь на ночь глядя?

Девушка не противилась, когда Мора взяла ее за руку и подвела к небольшому очагу посередине комнаты, где под торфом горели раскаленные угли.

— Будешь спать здесь, — велела Мора. — Ты голодна? В котелке есть каша.

Анна покачала головой и, не проронив ни звука, опустилась перед огнем на колени; ее рука нащупала под платьем четки.

— Ну тогда ложись спать, — сказала Мора и по шаткой стремянке полезла на сеновал, занимающий половину помещения.

Устроившись в своем гнезде, она наблюдала за девушкой сверху, а та еще добрый час стояла возле очага на коленях и истово молилась, шевеля губами и перебирая четки. Мора любовалась чистым прекрасным профилем, который вырисовался на фоне угасающего огня. Когда-то эта девушка была прелестным ребенком. В сердце Моры пробудилась жалость, но она сразу подавила ее, сжав губы. Она вспомнила, что, едва научившись ходить, Элис носила воду в деревянном ведре, карабкаясь от речки по склону холма, ручки ее были синие от холода, а лицо вытягивалось от напряжения. Однажды на пороге она споткнулась и упала, вся вода, стоившая ей стольких трудов, пролилась. А Мора, недолго думая, отхлестала ее по щекам.

Элис не стала плакать, как все маленькие девочки. Она просто смотрела на Мору темно-синими, пылающими гневом глазами, на ее белых щеках выступил румянец. Мора тогда улыбнулась, признавая в девочке силу. И все-таки снова послала ее за водой.

Мора считала, что мир жесток и потакать ребенку не следует, да и характер у нее был не сахар. Если когда-то она и была доброй, то жизнь давно это исправила. К Элис она не испытывала ни любви, ни нежности, но учила всему, что знает сама, как плохому, так и хорошему. Искусству разбираться в травах, заклинаниям, известным или придуманным ею самой, гипнозу, умению читать чужие мысли — всему этому она обучала Элис, своего ребенка и служанку, помощницу и ученицу. Мора передала Элис злость и ожесточение, всю силу старой и мудрой женщины, хотя, возможно, девочке нужна была только любовь.

Укрывшись в своем грязном ложе из рваных одеял, Мора достала мешок с белыми, покрытыми резьбой костями и призвала все силы, чтобы увидеть судьбу сестры Анны, теперь уже бывшей монахини.

В тусклом свете чадающей сальной свечки Мора вытащила три кости, выложила их в ряд и взгляделась; от удовольствия ее темные глаза превратились в щелки.

— Замужем за лордом Хьюго, — тихо промолвила она. — Или что-то в этом роде. Жирная еда, беззаботная жизнь. — Она наклонилась, внимательно рассматривая комбинацию. — А в конце смерть. Но смерть поджидает в конце каждого пути — во всяком случае, этой ночью она должна была погибнуть.

Подобрав кости, Мора положила их обратно в потрепанный мешочек и спрятала его под соломенный тюфяк. Потом накрыла плечи кишасей паразитами шерстяной шалью, сбросила грубые башмаки на деревянной подошве, улеглась и быстро уснула, улыбаясь во сне.

Сестра Анна проснулась рано, по привычке ожидая стука монахини, призывающей к утренней молитве. Она открыла глаза, готовясь произнести «Deo gratias!»[1] на знакомый призыв «Benedicite!»,[2] но было тихо. Увидев темные стропила и неровную соломенную крышу вместо ровно оштукатуренного, девственно-белого потолка своей кельи, она удивленно заморгала. Глаза ее потемнели; вдруг вспомнив все и поняв, чего лишилась, она бросилась лицом в кучу тряпья, заменявшего ей подушку, и горько разрыдалась.

Затем стала горячо молиться; слова прерывались всхлипываниями, она повторяла их снова и снова, почти не надеясь, что будет услышана. Теперь вокруг нее не звучали утешающие молитвы, не благоухал дым ладана. Не пели чистые, высокие голоса, возносящие хвалу Господу и Его Матери. Она покинула своих сестер и матушку аббатису, отдала на растерзание жестоким и злобным мародерам, оставила в руках человека с дьявольским смехом. Она бросила их гореть в собственных постелях, бежала, как легконогий молодой олень, без оглядки, не останавливаясь на пути к своему прежнему дому, словно последние четыре года и не была одной из чад аббатства и любимицей матушки Хильдебранды.

— Проснулась? — раздался вдруг резкий голос Моры.

— Да, — ответила девушка, отныне потерявшая свое прошлое имя.

— Тогда принеси воды и разожги огонь. Сегодня утром так холодно, что скулы сводит.

Девушка с готовностью поднялась и накинула на плечи плащ. Шея невыносимо чесалась, и она поскребла ее ногтями. Мягкая белая кожа на шее и за ушами была усеяна красными следами блошиных укусов. Она еще раз сердито потерла их и опустилась на колени перед очагом. В небольшом круге от огня, обложенном камнями, осталась лишь серая зола, под

которой тлели розовые угольки. Девушка подложила немного лучины и села на корточки раздуть пламя. Одна из лучинок задымилась, и она дунула еще раз, посильнее. Лучинка порозовела, вдруг на кончике появился маленький язычок огня и побежал, пожирая сухое дерево; на его пути встретилась лежащая поперек веточка, и он погас, остался лишь тускло тлеющий кончик. Но затем огонь снова вспыхнул, и веточка запылала желтым пламенем, издавая легкое шипение. Девушка отодвинулась и потерла лицо испачканной в саже ладонью. Пальцы пахли дымом, и она отдернула руку, словно ощутила запах крови.

— Иди за водой! — закричала из своей постели Мора.

Сунув озябшие ноги в промокшие башмаки, девушка вышла на воздух.

Хижина одиноко стояла в нескольких милях к западу от деревушки под названием Боуэс, рядом тускло серебрилась река Грета. На этом участке она пробивала себе путь через огромные плиты известняка, ее воды тихо и бесшумно плыли куда-то вдаль. Уровень воды в реке часто менялся, зимой ее было много, и глубины таили массу опасностей, а в засуху русло местами пересыхало. Хижина находилась возле глубокой заводи, в которой всегда стояла вода, даже в самое засушливое время. Когда сестра Анна была маленькой и все звали ее Элис, а Мору уважительно — вдовой Морой, сюда частенько прибегали деревенские ребятишки, чтобы поплескаться и поплавать. Элис играла с Томом и еще с несколькими детьми. А потом Мора потеряла свою землю, ее отнял один фермер, который заявил, что земля принадлежит ему. Мора, женщина безмужняя, резкая и независимая, боролась с ним перед приходским судом и перед церковным. Проиграв тяжбу (все знали, что так и будет, поскольку фермер был благочестив и богат), она прокляла его в присутствии жителей Боуэса. В тот же вечер он заболел и вскоре умер. И все поняли, что это Мора убила его взглядом своих змеиных глаз.

Если бы в деревне не питали лютой ненависти к покойному, для Мору все могло бы кончиться плохо. Но вдова усопшего была женщиной доброй, она сама была рада избавиться от мужа и не стала жаловаться. Вместо этого она позвала Мору к себе в дом, попросила сделать припарку для больной спины и щедро заплатила и потом повторяла процедуру, чтобы Мора не таила на нее зла. Смерть старого фермера объяснили просто: мол, в его роду у всех было слабое сердце. А Мора не стала трубить по всей округе, что это ее рук дело.

Землю свою она так и не вернула. Но после того случая деревенские детишки больше не играли и не плавали в заводи возле ее дома. А посетители — кое-кто все-таки осмеливался приходить к ней по заброшенной дороге — пробирались под покровом ночи, поплотней закутавшись в плащи. И уносили с собой кто пучок травы, кто клочок бумаги с каракулями, который надо было носить на теле, а порой покидали ее, окрыленные несбыточными мечтами и маловероятными обещаниями. То есть в деревне помнили о том, что в хижине на берегу реки живет хитрая и коварная женщина. Коварная и мудрая, знахарка и колдунья, незаменимый друг и помощник, опасный враг. Мора, не имея земли на свое содержание, не имея мужа, который защитил бы ее, поддерживала эти суеверия и приобрела влияние, стала брать за лекарства деньги, а если случалась смерть, она обвиняла в ней других местных лекарей и чародеев.

Никого не заботило, что лишенная земли Мора жила как нищенка или что зимой она и маленькая девочка на ее попечении могут умереть с голоду или замерзнуть от холода. 1535 год со дня рождества Господа нашего выдался трудным, и в графстве Дарем, на самом севере Англии, жилось тяжело. Долгая ожесточенная борьба Мору за существование озлобила ее и омрачила детство Элис. Явных врагов у них не было, но и друзей не было тоже.

Только Том продолжал открыто приходить к ним по дороге, ведущей в Боуэс, и все понимали, что он навещает хижину ради маленькой девочки-подкидыша, ради Элис, и как только его

родители дадут согласие, они сразу обвенчаются.

Целое долгое лето они все свободное время проводили на берегу реки, которая так тихо и таинственно бежала по глубоким расщелинам. Только одно долгое лето они виделись каждое утро перед тем, как Том отправлялся работать на поля своего отца, а Мора звала Элис с собой в пустошь искать нужную траву или ковырять в огороде каменистую землю.

Дети были ласковы и внимательны друг к другу. Встречаясь и расставаясь, они нежно целовали друг друга в губы. Гуляя, держались за руки, а иногда он обнимал ее одной рукой за талию, а она клала свою золотистую головку ему на плечо. Он никогда не повышал на нее голос и не грубил ей, никогда не запускал руки под коричневый платок или под серую юбку. Больше всего он любил сидеть рядом с ней на берегу реки и слушать, как она болтает обо всем на свете, смешивая правду с вымыслом.

Она обожала дни, когда его родители трудились на полях лорда Хью. Тогда Том брал ее с собой на ферму и показывал корову и быка, свинью, сундук для белья, оловянную посуду и большую деревянную кровать за плотным старым пологом. Обычно Элис улыбалась, глаза ее теплели, как глаза кошки, которую гладят.

— Скоро мы будем вместе, — говорил Том.

— Вот здесь, — добавляла она.

— Я буду любить тебя всю жизнь, каждый день, — обещал он.

— И мы станем жить в этом доме, — отзывалась Элис. — Я так хочу, Том, чтобы у меня был дом, свой собственный дом.

Когда Мора потеряла землю и не получила ее обратно, родители Тома стали подыскивать ему партию получше, чем девчонка, за которой ничего нет, кроме полуразвалившейся лачуги и крохотного клочка вокруг. Пускай Элис почти все знает про цветы и лекарственные растения, но родителям Тома не нужна невестка, которая умеет готовить двадцать сортов ядов и сорок лекарств от болезней. Они мечтали о жизнерадостной круглолицей девице с богатым приданым в виде земли, а может, даже коровы с теленком. Они хотели невесту с крутыми бедрами и сильными руками, которая будет работать у них на полях от зари до заката, а вечерами готовить добрый ужин. Такая легко родит им еще одного Тома, и тот станет наследником хозяйства, когда они умрут.

Их никак не устраивала Элис с ее волной золотисто-каштановых распущенных волос, бледным, сдержанным лицом и корзинкой, вечно наполненной травами. Они просили сына выбросить ее из головы, но тот отвечал, что сам выберет жену, а если станут его принуждать, то заберет Элис и отправится в Дарнтон, даже если придется наняться кому-нибудь в слуги.

Хотя лорд Хью и запретил молодым людям, юношам и девушкам, покидать свои земли, но во время домашних перебранок люди предпочитали на него не ссылаться. Они мыслили так: он придет и рассудит все по справедливости, но перед уходом ему взбредет в голову выпить кружку пива, он увидит лошадь и пожелает получить ее за любую цену. И каким бы щедрым он себя ни называл, заплатит меньше, чем дали бы на ярмарке в Каслтоне. Лорд Хью был крут, и глаз у него был жесткий. Так что лучше всего домашние проблемы решались без него.

Родители Тома не придали значения словам сына. Они тайком сходили в аббатство, пообщались с аббатисой и предложили ей взять Элис к себе, заявив, что у девочки обнаружился чудотворный дар исцеления болезней, что она чуть ли не с рождения разбирается в лекарственных травах и что ее жизнь со старухой Морой ежедневно подвергается страшной опасности. И еще предложили приличное пожертвование, лишь бы аббатство приютило Элис и не выпускало из своих толстых стен.

Матушка Хильдебранда понимала, когда люди, даже незнакомые, лгут, а когда говорят правду, но прощала. Она спросила родителей Тома, почему они так твердо намерены избавиться от девушки. И тогда мать Тома заплакала и рассказала, что Том чуть не с ума сходит по Элис и что она не устраивает их. Она какая-то странная, совсем на них не похожа. Вскружила Тому голову, возможно не без помощи какого-нибудь зелья, — слуханное ли дело, что молодой парень хочет жениться по любви? Рано или поздно он исцелится, а пока не обрел душевного равновесия, их следует разлучить.

— Я должна повидать ее, — решила матушка Хильдебранда.

Элис послали в аббатство с надуманным поручением; ее провели через кухню и смежную с ней трапезную к матушке Хильдебранде, на освещенную солнцем западную часть аббатства, к грядкам с лекарственными травами. Аббатиса стояла у подножия холма и любовалась текучими водами реки, в этом месте глубокими и изобилующими рыбой. Элис приблизилась к ней, в лучах заходящего солнца волосы девочки сияли, как нимб над головой святого. Выслушав данное ей поручение, матушка улыбнулась и пригласила гостью прогуляться меж цветочных клумб и грядок с лекарственными травами. Аббатиса беседовала с Элис о цветах на клумбах, о травах на грядках, об их назначении. Девочка оглядела теплый сад, окруженный стеной, и почувствовала себя так, словно вернулась домой после долгого путешествия в дальние страны; она трогала все, что попадалось в поле зрения, ее маленькие загорелые ручки, как полевые мышки, пробежали от одного растения к другому. Матушка Хильдебранда слушала ее детский тоненький голосок, однако рассуждала Элис совсем не с детской деловитостью.

— Вот это — таволга, — уверенно сообщила она. — Спасает при болях в желудке, при несварении. Это, похоже, рута душистая — благодатная трава. Очень хорошо помогает от потливости, если ее настоять с календулой, пиретрумом, черноголовником и ариземой. Уксус, приготовленный из нее, помогает при тошноте.

Она вскинула голову и снизу вверх посмотрела на матушку Хильдебранду. Они пошли дальше. Элис прикоснулась к листьям, наклонилась и понюхала.

— А это растение мне неизвестно. Я никогда его прежде не встречала. Пахнет как хорошее успокоительное. Аромат отчетливый и сильный. Но я не знаю, какие в нем таятся силы.

Аббатиса кивала, не отрывая глаз от этого миленького лица, и показывала неведомые для Элис цветы и травы.

— Мы сейчас пойдем в мой кабинет, и ты увидишь их в каталоге, — пообещала она.

Девочка подняла к ней худенькое личико.

— И может, ты останешься здесь, — добавила старая аббатиса. — Я научу тебя читать и писать. Мне нужна умная и грамотная помощница.

Элис растерянно улыбнулась, так улыбается ребенок, который впервые в жизни услышал доброе слово в свой адрес, поскольку рука Моры была тяжела и быстра на расправу, а вот на ласку — скуповата.

— Я могла бы работать у вас, — нерешительно промолвила она. — Я умею копать, носить воду, искать нужные травы. Если я буду работать, вы оставите меня здесь?

Матушка Хильдебранда протянула руку, погладила Элис по бледной впалой щеке и спросила:

— А ты сама хочешь этого? Ты готова принять постриг и навсегда оставить прежний мир? Это

непростой шаг, особенно для такой юной особы. У тебя наверняка есть родственники, которые тебя любят. Семья и друзья, которых любишь ты.

— У меня нет семьи, — ответила Элис по-детски простодушно. — Я живу со старухой Морой, она взяла меня к себе двенадцать лет назад, когда я была еще грудным ребенком. Я ей совсем не нужна, и она мне не родная. У меня на целом свете никого нет.

Старая монахиня подняла брови.

— Никого в твоём сердце? — удивилась она. — Никого, кто был бы тебе рад?

Темно-синие глаза девочки широко распахнулись.

— Нет, никого, — твердо заявила она.

— И ты хочешь остаться, — заключила аббатиса.

— Да, — кивнула Элис.

Как только она увидела большие тихие комнаты с полами из потемневшего дерева, так сразу почувствовала желание остаться. Ей понравились тишина и порядок в библиотеке, холодное освещение трапезной, где монахини молча ели, пока одна из них ясным голосом читала Святое Писание. Она уже представляла, как поселится в чистенькой скромной келье с белыми стенами. Ей захотелось стать такой же, как сама матушка Хильдебранда, старой, всеми уважаемой и почтенной. Захотелось сидеть на стуле и обедать из серебряной посуды, пить из стеклянного бокала, а не из оловянной или костяной кружки. Элис страстно мечтала об этом, как голодный и долго не мывшийся человек мечтает о настоящей пище и чистых простынях.

— Да, я хочу остаться, — подтвердила Элис.

— Почему? — поинтересовалась матушка.

Гостью нахмурилась и напрягла свой детский ум, стараясь выразиться точнее.

— Если я останусь здесь, то буду счастлива, — медленно произнесла она. — У меня будет возможность праведно жить. Я смогу научиться добрым делам, стать чище. Только бы меня кормили...

Она бросила испуганный взгляд на аббатису, но та лишь молча смотрела на нее и сочувственно улыбалась.

— Только бы меня кормили, — повторила Элис. — Дома я часто бываю голодной. А если вы будете меня бить... — Она снова быстро взглянула наверх и закончила с надеждой: — То, думаю, нечасто.

Матушка, которой привелось видеть много бедных и несчастных людей, была до слез тронута словами этого ребенка.

— А тебя часто били? — спросила она.

— Часто, — просто сказала Элис. — Я ученица Моры по знахарскому делу. Если я ошибаюсь, она бьет меня, чтобы я лучше старалась. Поэтому я предпочла бы жить у вас и работать.

Аббатиса опустила ладонь на теплую, грязную голову девочки и задала главный вопрос:

— А что будет с твоим маленьким возлюбленным? Тебе придется от него отказаться. Возможно, ты никогда больше его не встретишь, Элис. Ты готова заплатить такую высокую

цену?

— Раньше я не знала, что на свете есть такие места, как ваш монастырь, — ответила девочка. — Не знала, что можно жить в подобных условиях, что не только лорд Хью может так жить. Даже не представляла! Деревенский дом родителей Тома — это лучшее, что я видела, поэтому и мечтала поселиться там вместе с Томом.

— А ты хочешь все самое лучшее, — осторожно предположила матушка Хильдебранда.

Детская фантазия о лучшей доле в столь юном существе подкупала. Назвать это тщеславием и осудить было нельзя. Маленькая девочка любила растения не меньше, чем столовое серебро. Она стремилась не к богатству, но к миру, в котором присутствует красота.

Элис неуверенно заглянула в лицо пожилой женщины.

— Да, хочу. У меня нет желания возвращаться к Море, да и к тому тоже, мне нравится у вас. Я согласна провести здесь всю жизнь.

Аббатиса улыбнулась и мягко промолвила:

— Что ж, хорошо. Всю жизнь. Я научу тебя читать, писать, рисовать и трудиться в кладовой, пока не придет время постричься в монахини. Маленькой девочке не положено брать на себя обеты. Сначала ты должна подрасти и обрести уверенность.

— Я уверена! — воскликнула Элис. — Я уже совершенно уверена. Я хочу остаться здесь навсегда.

Матушка Хильдебранда отвела Элис в здание аббатства и поручила ее одной из молодых послушниц, которую рассмешил деревенский говор новенькой. Ради девочки Хильдебранда даже немного изменила заведенный порядок, вместе они пошли на ужин и на вечернюю молитву.

Том поджидал подругу до захода солнца, затем на небе показалась луна — вечная спутница влюбленных, скрасившая ему одиночество. Элис тем временем выпила горячее молоко с хлебом, поданным на фарфоровой тарелке, а потом отправилась мирно почивать на своей первой в жизни чистой постели.

Думая о маленькой девочке, аббатиса всю ночь провела в часовне. До утра она стояла на коленях и молилась. Наконец стали появляться сонные монахини, которые молча занимали места на первую из восьми суточных служб.

— Храни ее, Матерь Божья, — закончила Хильдебранда свое бдение. — Храни, Матерь Божья, маленькую Элис, судя по всему, мы обрели в ней ребенка непростого.

В монастыре девочка работала на грядках с травами и в кладовой и готовилась к пострижению. Учение давалось ей легко, она быстро научилась читать и писать. Не понимая слов, она на слух запомнила торжественные каденции мессы, а потом постепенно стала понимать и даже выучилась читать и писать по-латыни. Она так очаровала матушку Хильдебранду, что скоро та души в ней не чаяла, словно девочка была ее дочерью. Элис стала общей любимицей, все монахини баловали ее, как свою маленькую сестренку, настоящую чудо-девочку, благословение Божье. Женщины, отказавшиеся иметь своих детей, получали особенное удовольствие, обучая Элис или играя с ней, а молодые послушницы, скупавшие по младшим братьям и сестрам, оставшимся дома, были ласковы с Элис, смеялись с ней и с удовольствием наблюдали, как она растет.

Том несколько недель слонялся у ворот аббатства, порой получая колотушки от привратницы, потом вернулся в родительский дом, повесив голову, и мучительно ждал, когда

придет Элис, ведь она обещала.

Но она так и не вернулась. После жизни с Морой, которая часто раздражалась и ругалась, строгий и размеренный порядок монастыря умиротворил и успокоил ее душу. Ароматы кладовой и запахи трав впитались в руки и в платье. Она научилась любить прохладную и выглаженную одежду, чистое, ласкающее кожу белье, а увидев свои грязные волосы, полные вшей, она без всякого сожаления согласилась побрить голову и надеть апостольник с его белоснежными хрустящими складками, обрамляющими лицо. Мать Хильдебранда заставляла ее писать письма на латыни и на английском и мечтала о том времени, когда ее воспитанница сможет копировать и украшать миниатюрами Библию, роскошную новую Библию для аббатства. Элис научилась подолгу стоять на коленях во время молитвы, пока боль в них не перестает ощущаться, а полузакрытые глаза не начинают видеть лишь головокружительные витражи аббатства и парящие вверху лики святых. Когда ей исполнилось четырнадцать, она целый день постилась и молилась всю ночь, а под утро статуя Богоматери обернула к ней святой лик и милостиво улыбнулась. И тогда, поняв, что Дева Мария избрала ее для некой важной миссии, Элис окончательно решила посвятить себя святой и благочестивой жизни.

— Я научусь быть такой, как матушка, — шептала она. — Научусь быть такой, как матушка Хильдебранда.

Еще только раз она видела Тома. На следующий день после пострига она разговаривала с ним сквозь маленькое зарешеченное окошко в толстых воротах. Мягким и чистым голосом она сообщила, что стала Христовой невестой и что теперь никогда не познает мужчины. Она попросила его найти себе жену и обрести с ней счастье и пообещала молиться за них. А потом захлопнула окошко прямо перед его удивленным лицом. Он даже не успел проронить ни слова, закричать или заплакать, не успел протянуть ей медное колечко, которое носил для нее в кармане с того самого дня, когда обоим было всего по девять лет и они поклялись друг другу в верности.

Холодным утром своей новой жизни бывшая сестра Анна, дрожа, поплотней запахнулась в плащ, спустилась к реке, зачерпнула в ведро воды и поднялась по тропке к хижине. Внимательно наблюдая, как девушка стоит на берегу, Мора предавалась воспоминаниям, но когда слезла по стремянке вниз и подошла к огню, то без единого звука, лишь кивком приказала ей наполнить котелок водой и поставить на огонь.

Ничего она не сказала и когда разделила маленький кусочек хлеба и разведенную водой вчерашнюю кашу. Они запивали еду из одной кружки, наполненной кисловатой, пахнущей болотом водой коричневатого цвета. Сестра Анна старалась подносить кружку ко рту той стороной, которой не касались губы Моры. Она успела отвыкнуть от неизбежной здесь антисанитарии. Мора все молчала, поглядывая на девушку из-под густых черных бровей. После завтрака Анна помыла тарелку, кружку и оловянную ложку и аккуратно положила все возле очага.

— Ну так что? — наконец произнесла Мора. — Что теперь собираешься делать?

Девушка посмотрела ей в глаза. Мысли о прошлом напомнили ей, кто она такая.

— Я должна найти другое аббатство, — заявила она. — Моя жизнь посвящена Христу и Его святой Матери.

Пряча улыбку, Мора кивнула и ответила:

— Да, сестрица. Но страдания посланы тебе для испытания веры, ведь другие тоже страдают. Ко всем приходит беда, все подвергаются проверке. С вашей стороны глупо было враждовать с лордом Хью и его сыном, но монастырям сейчас везде угрожает опасность.

Король не прочь поживиться их богатством, а ваш Бог отвернулся от вас. Я так полагаю, что в пределах пятидесяти миль не найдется монастыря, который осмелится открыть тебе двери.

— Тогда я пойду дальше. Пусть будет больше пятидесяти миль, я отправлюсь на север к Дарему, если понадобится, или на юг к Йорку. Я приняла постриг и не могу жить в миру.

Мора взяла лучину из корзинки с хворостом, поковыряла в зубах и сплюнула в огонь.

— У тебя есть легенда? — с невинным видом поинтересовалась она. — Придумала про себя какую-нибудь байку?

Сестра Анна смутилась. Голова ее уже не так блестела, как прежде, на ней показался легкий пушок светло-каштановых волос. Она потерла затылок грязной рукой, и там осталось черное пятно сажи. От усталости темно-синие глаза на лице провалились. Она казалась совсем старухой, почти как сама Мора.

— Какая легенда? — спросила девушка, но тут же вспомнила, как трусливо бежала из монастыря. — О святая Мария, Матерь Божья...

— Если кто-нибудь видел, как ты удирала, твои дела плохи, — весело сказала Мора. — Вряд ли другая аббатиса встретит тебя с распростертыми объятиями, если узнает, что, почуяв запах жареного, ты дала деру, словно простой грешник.

— Я принесу покаяние и приму епитимью... — начала было Анна.

Мора недоверчиво фыркнула.

— А мне кажется, тебя выбросят за ворота в одной рубашке и тобой будет пользоваться всякий, кто пожелает. Ведь подумают что? Что ты шпионка или еретичка. Что лорд Хьюго тебе заплатил, а ты пообещала подслушивать, подсматривать и все ему докладывать. Они удивятся, как тебе одной удалось выбраться, возможно, обвинят в поджоге, или в колдовстве, или даже и в том и в другом. Ведь все напуганы; в стране нет монастыря, который нельзя обвинить в злоупотреблениях и интригах, и сейчас для них не самое подходящее время принимать новых членов, особенно тех, от кого пахнет пожаром. Ты погибла, сестра Анна! Ты нарушила свои обеты, твой монастырь теперь — тлеющие руины, над твоими сестрами надругались, они погибли или разбежались кто куда. Ну так что ты теперь будешь делать?

Девушка закрыла лицо ладонями. Мора раскурила небольшую закоптелую трубочку и с удовольствием затянулась крепким дымком какой-то травки. Она спокойно сидела и ждала, когда перестанут содрогаться плечи ее воспитанницы и умолкнут молитвы, прерываемые рыданиями.

— Предлагаю тебе остаться здесь, — наконец продолжила Мора. — Лучшего в твоём положении не придумаешь. Здесь мы легко узнаем, что случилось с твоими сестрами, как у них дела. Если аббатиса выжила, она будет искать тебя здесь. Уйдешь — и она не узнает, где ты. Может, все девушки разбрелись, как и ты, по своим домам и вас всех простят.

— Вряд ли они спаслись, — вздохнула Анна, покачав головой.

Уж очень горяч был огонь, пламя совсем близко подобралось к кельям. Большинство монахинь, скорей всего, сгорели в постелях, так и не проснувшись.

Мора, которую забавляло происходящее, подавила усмешку.

— Так ты, значит, первая выскочила? Самая шустрая оказалась? — Она сделала выразительную паузу. — Ну тогда тебе вообще некуда податься. Некуда, ты это понимаешь?

Сестра Анна даже покачнулась — настолько силен был удар. Ее так потрясли слова старухи, что она побледнела, ей сделалось дурно.

— Я тебя не прогоняю, нет, — заметила Мора. — И люди будут молчать. Все вернется на круги своя. Прошло четыре года, и вот ты объявилась. И тебе уже шестнадцать, правильно?

Девушка рассеянно кивнула.

— Созрела для мужа, — удовлетворенно промолвила Мора. — Или для того, кто не хуже, — добавила она, вспомнив гадание на костях и юного лорда Хьюго.

— Только не это, — едва слышно пролепетала девушка. — Я останусь с тобой, буду работать на тебя, как раньше. Теперь я многое знаю, куда больше, чем прежде, умею читать и писать. Мне известно гораздо больше трав и цветов — садовых цветов, а не только диких. Но я стану заниматься лишь тем, что угодно Богу, врачеванием и повивальным делом. Никакого колдовства и заклинаний. Я принадлежу только Христу. Я стану исполнять обеты здесь, буду усердной, пока не найду, куда мне идти, пока меня не примет какой-нибудь монастырь. Я буду врачевать во славу Божью и останусь Христовой невестой... — Она огляделась и порывисто закончила: — В этом презренном и жалком месте. Я буду очень стараться.

— Ну что ж, — невозмутимо произнесла Мора, — работать так работать. А когда молодой лорд организует набег на север, на земли шотландцев, и забудет про свою новую забаву мучить монашек, поедешь в Каслтон за новостями. — Она вскочила на ноги и отряхнула грязное платье. — А сейчас, раз уж ты здесь, вскопай вон тот участок. Пока тебя не было, он несколько зарос. Мне кажется, там можно посадить немного репы на зиму.

Кивнув, Анна поднялась и направилась к двери. Там стояла новенькая мотыга — плата за порчу соседских коров, которые пасутся не там, где следует.

— Сестра Анна! — тихо окликнула девушку Мора.

Та быстро обернулась. Мора бросила на воспитанницу сердитый взгляд.

— Никогда больше не отзывайся на это имя, — велела она. — Слышишь? Никогда. Теперь ты снова Элис, и если кто-нибудь спросит, где ты пропадала, ври, что гостила у родственников в Пенрите. Тебя зовут Элис. Я дала тебе это имя и снова возвращаю его. Забудь о том, что ты была сестрой Анной, это было в другой жизни, которая кончилась для тебя плохо. Теперь ты Элис, заруби себе на носу.

ГЛАВА 2

После пожара в аббатство хлынули солдаты и громилы, которым вскружили голову слухи о спрятанном золоте и других сокровищах. В деревушке Боуэс их ждал не слишком теплый прием, поскольку в шести домах не любили пришлых, а четыре дома или даже пять остались без заработка: аббатство уничтожили и служить было некому. Мора всем рассказывала, что у нее новая ученица, а если кто и узнал в девушке исчезнувшую четыре года назад Элис, то виду не подал. Возможно, в деревне и ходили подобные разговоры, но никто не посмел донести об этом, иначе в деревню явился бы лорд Хью или, что еще хуже, его сын, безумный молодой лорд. Сейчас всем было не до сплетен. По разоренному аббатству все еще бродили нищие — несчастные лишились монастырской милостыни и не представляли, куда им податься. Жители Боуэса заперли двери на засовы, сопротивляясь всяким попыткам чужаков остаться на ночлег, и старались не упоминать об аббатстве, монахинях и пожаре, а также о

мародерстве в разграбленном монастыре, не прекращавшемся и в последующие дни.

Утверждали, что аббатство сожгли случайно. Солдаты лорда Хьюго, возвращаясь из похода на разбойников, заглянули туда просто припугнуть монахинь и заставить их исполнить волю короля — отдать богатства и порвать с Папой Римским. Все началось с дикой забавы — разожгли костер, добавили дегтя. Когда пламя перекинулось на постройки, Хьюго уже ничего не мог поделаться, а все монахини погибли в первые минуты пожара. Молодой лорд был пьян и мало что помнил. Он исповедался и принял епитимью от своего священника, отца Стефана, который перешел в новую веру и не видел ничего дурного в том, чтобы выжечь гнездо предателей-папистов. Местные жители растащили из наполовину уничтоженного здания все, что только можно, а потом принялись разбирать и камни. Уже через несколько недель после возвращения в лачугу Элис могла гулять где угодно, и на нее никто не обращал внимания.

Чаще всего она наведывалась в пустошь. Каждый день она копалась в огороде, полола сорняки на грядках с овощами, а затем спускалась к реке, мыла руки и плескала водой в лицо. В первые несколько дней она раздевалась и, стуча зубами, входила в воду, пытаясь отмыть запах пота, дыма и навоза. Но это не помогало. Холодная солоноватая вода не удаляла землю под ногтями, к тому же, выбираясь обратно на холодный берег, покрытая посиневшей гусиной кожей, Элис надевала все ту же грязную одежду. Она вылавливала вшей в складках платья, но в течение дня они снова откуда-то появлялись; она чувствовала, как они ползают в постепенно отрастающих волосах. От укусов этих паразитов ее нежная кожа скоро покрылась язвами; некоторые были совсем свежие и кровоточили, на других засохла корка. Через несколько недель Элис совсем отчаялась: содержать себя в чистоте никак не получалось. У нее не было ни мыла, ни масла, ни горячей воды. Мыться можно было только в коричневатой речной воде, текущей из торфяных болот, но Элис понимала, что, когда похолодает, это станет невозможным. Поначалу, находя на себе блох и вшей, она плакала от отвращения. Умываться она продолжала, но уже не надеясь добиться чистоты.

Насухо вытерев лицо подолом платья из толстой шерсти, Элис побрела вдоль берега вверх по течению реки, пока не достигла моста, где река бежала под естественной дамбой из известняковых плит, достаточно широкой, чтобы проехала телега, и достаточно прочной для веса быка. Девушка постояла немного, глядя вниз на коричневую торфяную воду. Течение было настолько медленным, что казалось, вода вообще не движется, словно река умерла, испустила дух и превратилась в застойный пруд.

Но Элис знала, что это совсем не так. Еще детьми они с Томом залезли в одну из многочисленных пещер на берегу. Извиваясь, как лисята в норе, они пробирались все глубже и глубже, пока проход совсем не сузился, но снизу доносился громкий шум несущейся воды, и они поняли, что река спряталась и продолжает течь без остановки в вечной темноте под пересохшим сверху руслом.

Услышав плеск бушующей внизу воды, Том испугался.

— А если она поднимется? — спросил он. — Она же нас затопит!

— Не затопит, — успокоила его Элис.

В детстве о смене времен года она узнавала по приливам и отливам реки, летом вода в русле почти высыхала, а во время осенних бурь бешено рвалась из берегов. Воронки, в которых летом вода застаивалась и утекала под землю, зимой под давлением подземных ручьев и рек, ищущих выхода из каменных пещер, вскипали пузырями, бурлили родниками и били коричневатыми фонтанами.

— Где-то там прячется Старый Хоб,[3] — испуганно произнес Том, и глаза его затуманились.

Элис фыркнула и пренебрежительно сплюнула в темноту.

— А мне не страшно! — заявила она. — Мора легко с ним справится.

Скрестив два пальца — это всегда помогало против колдовства, — Том пополз обратно, чтобы поскорее выбраться на свет божий. Элис немного задержалась, и в этом не было никакой бравады перед Томом — ее с раннего детства воспитывала Мора, и она ничего не боялась.

— До сих пор не боялась, — тихо сказала себе Элис. Подняв голову, она посмотрела в чистое небо, где горело вечное невозмутимое солнце. — Мать Божья... — начала она и оборвала. — Отче наш... — снова попробовала Элис и опять замолчала.

Ее рот раскрылся в безмолвном крике, она бросилась на землю, покрытую короткой жесткой травой, и с горечью прошептала:

— Боже мой, помоги. Я боюсь молиться Тебе. Она долго лежала, охваченная отчаянием, а когда села и огляделась, солнце уже переместилось, был самый разгар летнего дня, время девятого часа.[4] Медленно, как старуха, у которой болят все кости, Элис поднялась на ноги. Короткими шажками она побрела вверх по склону холма, туда, где бледной розовато-лиловой дымкой мерцали почки раннего вереска. Прямо над ее головой кружил и кричал чибис. Над ним в синем небе, поднимаясь все выше, порхал жаворонок, он свиристел, сопровождая каждую ноту ударом маленьких крыльев. Вокруг уже распустившихся цветков вереска, опьяненные солнцем, летали пчелы; пустошь источала сладкий запах меда. Этим теплым летним днем весь мир вплоть до самых крохотных букашек с радостью тянулся к солнцу, сливаясь в благодарном нестройном хоре, — весь мир, кроме Элис. Ледяной холод пронизывал ее душу.

Она шла, время от времени спотыкаясь, глаза опустив вниз, стараясь не сбиться с овечьей тропки. Порой тихонько постанывала, словно животное, попавшее в ловушку на долгую темную ночь.

— Как же мне отомстить? — вслух рассуждала она. — Как же мне отомстить? Как научиться выдерживать всю эту грязь, холод и голод?

Девушка остановилась на краю пустоши, у небольшой пирамиды из камней, которую сложили пастухи, чтобы не заблудиться. Она присела на один из камней, оперлась спиной об остальные, закрыла глаза и подняла к солнцу лицо, искаженное гримасой страдания.

Через несколько секунд она открыла глаза и, сощурившись, посмотрела на юг. Плоская равнина тянулась к горизонту, украшенному множеством оттенков зеленого — от темно-зеленых, буйно растущих вокруг трясины мхов до желтоватых чахлых трав, кое-как пробившихся из каменистой почвы. Корни вереска и увядшие цветы давали бледно-серый и бледно-зеленый тона, создавая унылый пейзаж неброской, изысканной красоты — наполовину пастбище, наполовину пустыня. Свежие темно-зеленые побеги вереска венчали бледные, как легкий иней, соцветия. Элис взглядела в даль. К ней твердой и решительной походкой приближался человек, шотландский плед был переброшен через плечо. Элис в смятении встала на ноги, готовая в любую секунду повернуться и бежать прочь. Заметив ее движение, мужчина зычным голосом закричал, и ветер, дующий здесь даже в самые тихие дни, подхватил его крик. До девушки донеслись слова:

— Элис! Подожди! Это я!

Она опустила руку в карман, на теплые бусины четок, и пробормотала:

— О господи.

Затем снова уселась на камни и стала ждать, когда он подойдет, не отрывая глаз от его

стремительной фигуры.

За четыре года Том пополнил и раздался в плечах. Когда она ушла в монастырь, он был еще тринадцатилетним мальчишкой, этакий худой и нескладный, но по-своему красивый жеребенок. Теперь это был крепко сложенный, плотный мужчина. Когда он предстал перед ней, Элис увидела, как загорело и обветрилось его лицо, которое все было покрыто красными звездочками лопнувших вен. Однако взгляд его синих глаз остался таким же пронзительным.

— Элис, — произнес он. — Я догадался, что ты и есть та новая девушка у Моры. И сразу захотел встретиться.

— Твоя ферма в другой стороне, — сухо отозвалась она.

Его лицо покраснело еще больше.

— Я должен был отнести в Троухедс ягненка, — сообщил он. — А теперь иду обратно.

Элис внимательно на него посмотрела.

— Тебе никогда не удавалось обмануть меня, Том.

— Это все Лиза, — пояснил он, опустив голову. — Она постоянно следит за мной.

Его грубые башмаки переступали в толстом слое пыли.

— Лиза? — удивилась Элис. — Кто такая Лиза?

Том опустил на камень рядом с ней и взглянул туда, откуда пришел.

— Лиза — моя супруга, — просто ответил он. — Меня женили сразу, как только ты приняла постриг.

Девушка вздрогнула, словно ее кто-то ущипнул, и тихо промолвила:

— А я и не знала. Мне никто не сказал.

Том пожал плечами.

— Я хотел сказать тебе, но... — Он умолк на несколько секунд и добавил: — Но какой смысл?

Элис отвернулась и сжала четки в кармане так крепко, что стало больно пальцам.

— Я не представляла тебя женатым, — заявила она. — Надо было догадаться, что ты когда-нибудь создашь семью. Ведь я сама советовала тебе это, но, если честно, не верила, что ты женишься.

Том снова пожал плечами.

— А ты изменилась. Стала крупнее и выше ростом. Но глаза все такие же. Тебя что, подстригли?

— Да, — подтвердила Элис и плотней натянула платок на бритую голову.

— А какие красивые были волосы, как из золота, — вздохнул Том, словно прощался с ними навсегда.

Снова повисло молчание. Наконец Элис подняла голову и спросила:

— Тебя женили, как только я стала монашкой?

Том кивнул.

— Твои родители еще живы?

Он опять кивнул.

Лицо Элис смягчилось, она искала у друга детства сочувствия и надеялась на его помощь.

— Со мной тогда поступили жестоко, — осторожно начала она. — Я была совсем еще ребенком, а меня заставили жить с чужими людьми.

По лицу Тома было видно, что ему горько слышать это.

— Родители думали, что так будет лучше, — тихо произнес он. — Искали мне девушку с приданым. Считали, что поступили с тобой справедливо и что у нас нет будущего. Откуда им было знать, что аббатство сожгут, а ты окажешься без дома и без мужа?

— И в страшной опасности, — заметила Элис. — Если солдаты вернуться, меня схватят и надругаются. Держи в секрете, что я была в монастыре, хорошо?

Бросив на нее взгляд, который был понятен и без слов, Том вскричал, сдерживая гнев:

— Лучше умереть, чем увидеть, как тебя обижают! И ты знаешь это! Ты всегда это знала! Ты для меня единственная, другой никогда не будет.

— Мне не следует слушать это, — прервала его Элис.

Он вздохнул, принимая упрек.

— Я сохраню твою тайну. В деревне известно лишь, что у Моры новая ученица. Она и раньше говорила, что ей нужна девушка для тяжелой работы. Никто и не подумал, что это ты. Про тебя все забыли. Прошел слух, что все монахини погибли.

— Тогда почему ты пришел сюда? — удивилась Элис.

Том поежился, грубая кожа на его лице покраснела как кирпич.

— Надеялся выяснить подробности. Если бы ты погибла, я бы знал об этом. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Вот здесь, где моя боль от разлуки с тобой. Если бы ты погибла, боль бы исчезла... или стало бы болеть иначе. Я бы сразу понял, что ты умерла.

Эту преданность девушка приняла как должное, она просто кивнула и поинтересовалась:

— А как ты живешь с женой? Тебе хорошо с ней? У вас есть дети?

— Мальчик и девочка, — равнодушно сообщил Том и затих; в его голосе слышалась тоска четырехлетней разлуки. — Девочка иногда очень напоминает тебя. И еще один ребенок умер.

Элис снова повернула к нему свое личико в форме сердечка.

— Я чувствовала, что встречу с тобой, — сказала она. — Ты должен помочь мне сбежать отсюда.

Ее голос, такой пронзительный и нежный, казался ему пением ангела. Сердце Тома беспомощно затрепетало.

— А я все ломал голову, как услужить тебе! — воскликнул он. — Как помочь уйти от этой проклятой ведьмы, бросить ее хибару! Но я не знаю, что придумать. Лиза глаз не спускает с фермы, она считает весь наш заработок до последнего пенса. Что она, что мать — два сапога пара. Даже сейчас, пока я сижу здесь с тобой, я рискую.

— Ради меня ты готов был рисковать чем угодно, — напомнила Элис.

Том уставился на мозоли на своей ладони. Он угрюмо поковырял заскорузлым пальцем твердую кожу и печально ответил:

— Верно. Когда я был мальчишкой, я бегал за тобой как щенок, ждал тебя под стенами аббатства, словно побитая собака. — Он поднял голову и заглянул прямо в строгие глаза Элис. — А теперь ты не в монастыре, все опять переменялось. Люди короля уверяли, что вы ненастоящие монашки, а капеллан лорда считает, что Хьюго правильно сделал, разогнав вас. Аббатства больше нет, ты снова свободная женщина, Элис. — Не осмеливаясь смотреть ей прямо в лицо, Том опустил голову и добавил: — Я всегда, каждую минуту любил тебя. Теперь ты будешь моей возлюбленной?

С безотчетным отвращением Элис покачала головой.

— Нет! Все мои обеты остаются в силе. И не смей думать обо мне в этом смысле, Том. Я принадлежу только Богу.

Она помолчала, искоса на него поглядывая. Непросто было нащупать правильную дорожку. Ей нужно было вызвать в нем желание помочь, а не желание согрешить.

— Я надеюсь на твою помощь, — мягко продолжила она. — Если у тебя есть деньги или лошадь — одолжи мне. Я могла бы найти монастырь, который меня примет. Возможно, ты знаешь такой... или поищешь для меня?

Том поднялся на ноги.

— Нет, не могу, — отрезал он. — Дела на ферме идут плохо, у нас только одна рабочая лошадь, денег постоянно не хватает. Видит Бог, я готов для тебя на все, Элис, но ни лошади, ни денег у меня нет.

Лицо девушки оставалось спокойным, хотя внутри все кипело.

— Может, ты придумаешь что-нибудь, — настаивала она. — Я рассчитываю на тебя, Том. Если ты не поможешь, я не знаю, что со мной будет.

— Из нас двоих придумывала всегда ты, — возразил Том. — Я просто пришел повидаться с тобой, прибежал, как собачка, которой свистнул хозяин, я всегда так делал. Как только стало известно, что аббатство сгорело, я подумал о тебе. А потом, когда прослышал о новой служанке Моры, решил, что это наверняка ты. И сразу явился. Но я не строил никаких планов.

Элис тоже поднялась и стояла рядом с ним, плечо к плечу, очень близко. От него несло затхлым потом, застарелой кровью забитой скотины и прокисшим молоком. Это был запах бедняка, стариковский запах. Она сделала шаг назад. Ее детская привязанность к Тому давно забылась, но ей отчаянно нужен был помощник, иначе ей было не выбраться из отвратительной лачуги Моры. А Том был ее единственным другом. Он взял ее за руку, и она сжалась, подавив желание его оттолкнуть. Он посмотрел ей в лицо. Темно-синие глаза Элис, искренние, как у ребенка, спокойно встретили его взгляд.

— Ты не хочешь меня как мужчину, — внезапно догадался Том. — Ты только подлизываешься, а на самом деле ждешь, чтобы я, как когда-то старая аббатиса, избавил

тебя от Моря.

— А что тут такого? — с вызовом спросила Элис. — Я же не могу с ней жить! Если я для тебя что-то значу, Том, ты должен помочь мне уехать. Ты прав, я не хочу тебя как мужчину, мои обеты запрещают мне плотские желания, и я не могу представить себя с мужчиной, с любым мужчиной. Но ты просто необходим мне как товарищ, Том. Без твоей поддержки я даже не знаю, что делать. Мы обещали быть верными друг другу и всегда приходить на помощь, если один из нас будет в нужде или в опасности. Если бы тебе понадобилась помощь, я бы помогла не задумываясь. Если б у меня была лошадь, ты бы никогда не ходил пешком. — Элис помедлила, опустила глаза и откровенно добавила: — Я знаю, эти клятвы устарели. И если бы монастырь стоял сейчас на месте, я была бы там, была бы любимой дочерью аббатисы, сестрой остальных послушниц...

Она замолчала и посмотрела куда-то вдаль, словно ее взору открылся монастырский сад, грядки с травами и склоняющееся к горизонту солнце за тихими деревьями.

— Конечно, я не имею на тебя никаких прав, — очень тихо произнесла она. — Но пойми, Том, мне не к кому больше обратиться. У меня нет никого, кто бы поддержал меня, во всем мире у меня нет ни одного друга, кроме тебя. Если ты не поможешь мне, я обречена жить с Морой в пороке и грязи без всякой надежды.

Том тряхнул головой, словно пытался избавиться от наваждения.

— Не могу собраться с мыслями, — пробормотал он. — Элис, ты просто скажи, чего ты хочешь, что я должен сделать? Тебе известно, что я сделаю это! Ведь я всегда выполнял твои просьбы.

— Найди место, где я могла бы поселиться, — быстро ответила Элис. — Мора ничего не знает, и я не решаюсь уходить дальше Каслтона. Но ты можешь отправиться куда угодно и задавать любые вопросы. Выясни, где есть безопасный монастырь, а потом доставь меня туда. Лорд Хьюго не может свирепствовать по всему северу. Должны быть аббатства, до которых не дотянется его злоба, в Хартлпуле, в Дареме или в Уитби. Найди мне пристанище и отвези туда.

— Ты, случайно, не надеешься отыскать свою аббатису? — уточнил Том. — Я думал, все монахини погибли.

Элис покачала головой. Она отлично помнила дым и жар подступившего пламени. Помнила, как кто-то кричал от боли тоненьким голоском, когда она пробежала через садовую калитку.

— В новом ордене я приму новое имя и новые обеты, — пояснила она.

— А разве так можно делать? — удивился Том, нахмурившись. — Разве не станут интересоваться, кто ты и откуда пришла?

Элис бросила на друга испытующий взгляд.

— Но ты же наверняка поручишься за меня, Том. Соврешь, что я твоя сестра, хорошо?

Том пожал плечами.

— Нет! Не знаю! Наверное, совру. Я и сам не знаю своих возможностей! У меня голова идет кругом!

Вытянув мягкую белую руку, Элис слегка коснулась его лба, прямо меж бровей, сосредоточив в кончиках пальцев всю свою мощь. По ее пальцам побежало тепло — это потекла ее сила. На секунду у девушки потемнело в глазах, и она почувствовала, что может сделать с Томом

абсолютно все, может заставить его поверить в любую историю, пойти по ее приказу в огонь и в воду. Том закрыл глаза и качнулся к ней, как под порывом ветра колышется тонкая рябина.

— Элис, — отозвался он; его голос был полон желания.

Она убрала руку, и он медленно открыл глаза.

— Мне надо идти, — сообщила девушка. — Обещаешь, что найдешь для меня место?

— Да, — кивнул Том, рывком натягивая плед на плечо.

— И доставишь меня туда?

— Сделаю все, что смогу, — заверил Том. — Буду всюду спрашивать, где есть безопасные монастыри. А когда найду что-нибудь подходящее, непременно тебя отвезу.

Прощаясь, Элис подняла руку и долго смотрела вслед Тому. Когда он был уже далеко, она проговорила ему вдогонку:

— Сделай это, Том. Поторопись. Отыщи для меня пристанище. Найди монастырь и забери меня отсюда. Я не могу здесь оставаться.

Похолодало. В сентябре целую неделю дул ураганный ветер, а когда наконец утих, густой туман надолго окутал пустошь, холмы и даже долину. С каждым днем Мора вставала все позже и позже.

— Поднимусь, когда будет огонь, а на столе горячая каша, — заявляла она, глядя со своей кровати на Элис. — Какой смысл нам обеим умирать от холода?

Девушка помалкивала и старалась на нее не смотреть. Каждое утро она подносила загрубевшие руки к огню и внимательно их изучала. Кожа на ее ладонях сначала покраснела, затем образовались пузыри, потом они лопнули и стали заживать. Пухлые подушечки на больших пальцах загрибели, кожа на ладонях стала сухой и жесткой. Элис втирала в мозоли жир с овечьих шкур, с отвращением вдыхая неприятный запах сала, но руки с каждым днем становились все краснее и шершавее.

— Я еще стану монахиней, — тихо бормотала она.

Перед сном, стараясь угадать время, поскольку поблизости не было церковного колокола, Элис перебирала четки и читала молитвы вечерни. Как-то раз она настолько устала за день, что решила молиться, лежа на соломенном тюфяке. Не успев закончить, она уснула, а утром и вовсе забыла помолиться. Осознав это, она поняла, что монашеская дисциплина утекает из ее жизни, как вода меж пальцев. Без монастырского устава, без отмеренного ударами колокола дневного распорядка девушка не могла поддерживать правильный ход молитв, не могла вести размеренный монашеский образ жизни, ведь нужно было добывать еду, с трудом таскать воду и топливо для очага, бороться за выживание в этом жестоком мире. «Все равно у меня есть шанс стать монахиней, — подумала она перед сном. — Еще можно стать монахиней, только бы поскорее попасть в монастырь».

Она ждала и ждала новостей от Тома, но ничего не было. Из Боуэса долетали лишь темные слухи о каких-то проверках и переменах. Королевские контролеры рыскали везде, в том числе и в мирных монастырях, требовали отвечать на вопросы, проводили инспекции сокровищ орденов, давших обет жить в бедности и нищете. Никто не ведал, как далеко зайдет король. Он казнил епископа, обезглавил Томаса Мора, самого почитаемого в Англии человека, он

сжигал на кострах монахов. Он заявил, что ему одному должно подчиняться все духовенство: приходские священники, викарии и епископы. И теперь обратил взор на аббатства, как мужские, так и женские. Ему хотелось отобрать у них власть и земли, он не мог существовать без их богатств. Это было не лучшее время для поступления в монашеский орден под чужим именем и в обгорелой рясе.

— На мне лежит проклятие, проклятие преследует меня, — с обидой говорила Элис, таская для Моря воду и выдергивая из холодной вязкой земли репу.

Особенно тяжело девушка переносила холод. Четыре года она спала за каменными стенами, где в очагах всю ночь жарко пылали толстые поленья дров, поэтому грязный земляной пол в хижине Моря казался ей невыносимо сырым. Она кашляла по ночам, и кашель этот переходил в мучительные рыдания, в которых выплескивалась вся ее тоска по родному монастырю. Мучительнее всего были сны, там она в безопасности в своем аббатстве сидела у ног матушки Хильдебранды и при ясном свете восковых свечей читала ей вслух Святое Писание. Однажды ей приснилось, что аббатиса явилась в хижину и позвала ее; она в это время работала на грязных грядках, стоя на коленях.

— Конечно же, я не погибла! — радостно воскликнула матушка Хильдебранда.

Нежные руки старой женщины обняли Элис и прижали к себе, девушка с упоением вдохнула чистый, благоуханный запах накрахмаленной полотняной рясы.

— Ну конечно же, я не погибла, — повторила матушка. — Пойдем со мной, нас ждут дома.

Прижавшись щекой к грязной тонкой подушке, Элис зажмурилась, не желая просыпаться, чтобы навсегда остаться в этом сне. Но то ли холод, дующий с пола, разбудил ее, то ли раздраженный крик Моря, однако ей пришлось открыть глаза и снова пережить боль потери, снова во всей ужасной глубине осознать, что она далеко от теплого дома, далеко от женщины, которая любила ее, что у нее нет надежды увидеть матушку и дорогих сестриц-монахинь.

Долгие недели без остановки лили тяжелые дожди, словно разверзлись хляби небесные. Каждое утро, просыпаясь, Элис обнаруживала, что соломенный матрас подмокает все больше — земляной пол в лачуге был совсем мокрый, — а платье и плащ пропитаны утренней сыростью. Мора, ворча себе под нос, освободила для воспитанницы немного места там, где спала сама, и по ночам будила, приказывая спускаться по шаткой стремянке и поддерживать угасающий в очаге огонь. Каждый день Элис шла вдоль реки в сторону деревни, где росли дубы, вязы и буки. Она притаскивала домой тяжелые сучья и рубила их старым топором Моря. Большую часть дневного времени занимала эта заготовка дров, кроме того, надо было выносить мусор, ходить на реку за водой, выдирать из грядок репу и морковь. Раз в неделю в Боуэсе был базарный день, и приходилось делать закупки — долгие и утомительные пять миль туда и обратно по скользкой и грязной проселочной тропе вдоль реки или открытой всем ветрам дороге. Элис не хватало обильной и качественной монастырской пищи, она худела и бледнела не по дням, а по часам. Лицо ее осунулось. Однажды в Боуэсе какой-то мальчишка бросил ей в спину камень, и когда она обернулась выругать его, он испугался и заплакал, увидев в ее глазах пламя безумного гнева.

С холодами появились болезни. В дверь Моря постоянно кто-нибудь стучал и просил ее или Элис дать заговор или микстуру, средство от поноса, простуды или лихорадки. В четырех домах в Боуэсе случились роды, и Элис с Морой довелось принимать окровавленных, крохотных, орущих во всю глотку младенцев.

— У тебя неплохо получается, — заметила Мора, глядя на длинные, тонкие пальцы Элис. — Да и в своем монастыре ты попрактиковалась на полудюжине младенцев бедняков. Ты можешь сама принимать роды, у тебя хватит умения, а я уже стара бегать ночами к черту на

кулички.

Элис взглянула на нее с молчаливой яростью. Для знахарки роды — самая трудная работа. То одно может пойти не так, то другое, существует смертельный риск сразу для двух человек — ребенка и роженицы, живыми должны остаться оба, а если кто-то из них заболит или, не дай бог, помрет, вина ложится на повитуху. Мора боялась неудачи, боялась, что в деревне ее возненавидят. Ей было гораздо спокойней посылать на роды одну Элис.

А деревня была пронизана атмосферой недоверчивости и подозрительности. Одну знахарку схватили, отвезли в Болдрон, расположенный в четырех милях, и обвинили в порче скота. Улики против нее были очевидны. Соседи клялись, что она бежала по реке и ее ноги мелькали над водой, оставаясь совершенно сухими. Кто-то видел, как она прошептала что-то на ухо лошади, а потом лошадь охромела. Одна женщина сообщила, что на Каслтонском рынке поспорила с обвиняемой из-за куска копченой свинины, и с тех пор у нее болит рука, и она боится, что рука загниет и отвалится. Какой-то крестьянин показал под присягой, что в туман вез эту знахарку по Болдрон-лейн, она отругала его, так лошадь испугалась и понесла, и он упал с телеги. Мальчишка из деревни заверял, что знахарка летала по воздуху и беседовала с голубями на господской голубятне. Все окрестные жители свидетельствовали против нее; судебное разбирательство продолжалось много дней.

— Все это вздор и чепуха, — заявила Элис, вернувшись из Боуэса со свежими новостями. — Такое может случиться с каждым, детский лепет какой-то. Все словно с ума посходили. Слушают кого попало, любую глупость. Всякий может оклеветать ее.

Лицо Мора помрачнело.

— Не нравится мне все это, — сердито произнесла она.

Вывалив из мешка покупки прямо на пол возле очага, Элис бросила три жирных кусочка бекона в похлебку, кипящую в трехногом котелке.

— Не нравится мне все это, — повторила Мора. — Я уже сталкивалась с подобным. Иногда в это время года, иногда летом. Всякий раз, когда людей что-то тревожит... или когда им нечего делать, некуда девать злобу.

— Ради чего они это затеяли? — встревоженно спросила Элис.

— Ради забавы, — пояснила Мора. — Время скучное, осень. А этот сентябрь еще и холодный. Вот они сидят у огня и рассказывают друг другу страшные истории. Все болеют, у кого простуда, у кого малярия, лекарства не помогают. Надвигается зима, а с ней голод. Надо найти виновного. Им нравится собираться толпой, кричать и браниться. В такие минуты толпа подобна зверю с сотней глоток и сотней бьющихся сердец, а в головах — ни единой мысли. Только страсти.

— Что сделают с этой несчастной?

Мора сплонула и попала точно в огонь.

— Уже делают, — уточнила она. — Для начала обшарили с ног до головы, нашли метки, что она кормила грудью дьявола, и выжгли их раскаленной кочергой. Если эти раны загноятся, значит, она ведьма. Тогда ей свяжут руки и ноги и бросят в Грету. Если не утонет, значит, ведьма. Могут заставить ее положить руку в пылающий кузнечный горн и поклясться, что она невинна. Могут связать и оставить в пустоши на всю ночь, а потом посмотреть, спасет ли ее дьявол. Будут забавляться с ней до тех пор, пока не натешатся.

Девушка подала Море миску с похлебкой и краюху хлеба.

— А потом?

— На деревенском лугу установят столб, — ответила Мора, — священник прочтет над ней молитву, и кто-нибудь — скорей всего, кузнец — удавит ее, затем ее похоронят на перекрестке дорог. После поищут другую и еще одну. Пока что-нибудь не случится, какое-нибудь торжество или праздник, и у них не появится новое развлечение. На деревню как будто сошла зараза всеобщего помешательства. Для нас это нехорошее время. Пока болдронская знахарка не умрет и все про нее не забудут, я в Боуэс ни ногой.

— А где мы достанем муку? — поинтересовалась Элис. — И сыр?

— Сходишь сама, — хладнокровно произнесла Мора. — Или недельку-другую перебьемся без этого.

Элис устремила на старуху ледяной взгляд.

— Перебьемся, — смиренно промолвила девушка, хотя в животе у нее урчало от голода.

В конце октября неожиданно настали сильные холода, по утрам все было покрыто инеем, лужи замерзли. На зиму Элис пришлось отказаться от мытья тела. Вода в реке поднялась, бушевали большие волны, меж белых камней крутились коричневые водовороты, а сами камни к утру покрывались скользкой коркой льда. Каждый день Элис притаскивала полное ведро воды для приготовления пищи; на воду для мытья у нее не было ни времени, ни сил. Ее отросшие волосы кишели вшами, черное монашеское платье пропахло потом и загрубело. Между пальцами она частенько отлавливала блох и давила их крошечные тельца зазубренными ногтями большого и указательного пальцев, не испытывая при этом ни смущения, ни стыда. Она привыкла к вони и грязи. Когда она выносила треснувший ночной горшок в выгребную яму, то уже не отворачивалась, борясь с подступающей к горлу тошнотой. Дерьмо, как Морино, так и ее собственное, куриный помет и объедки скапливались в выгребной яме; Элис разносила все это по грядкам и перекапывала, совершенно не замечая смрада.

Выстиранное белое белье, благоухание трав в кладовой и цветов на алтаре аббатства — все это растворилось в прошлом. Иногда Элис казалось, что Мора права: она действительно никогда не была в аббатстве, никогда не была монахиней. Но по ночам девушка просыпалась с мокрым от соленых слез лицом, ей снова снилась матушка аббатиса и та жизнь, которую она потеряла.

Ей все не удавалось забыть, как приятно быть чистой. Ее вечно голодный растущий организм постоянно требовал пищи, которую она вкушала в аббатстве. Всю осень Мора и Элис питались жидкой овощной похлебкой, лишь изредка приправленной ломтиком бекона или свиного сала, плавающего в золотистых капельках жира. Иногда им перепал кусочек сыра. Каждый день у них был черный ржаной хлеб из муки грубого помола, и в тесте часто попадались крупные неперемолотые зерна. Случалось, от благодарной жены какого-нибудь крестьянина им доставались потроха недавно заколотой свиньи. Порой лакомились и кроликом. Мора ставила силки, а Элис — сети в реке. Две курицы, что жили вместе с ними в доме и скудно питались объедками, каждые пару дней неслись, так что хозяйкам перепали яйца. Но по большей части на завтрак была жидкая овсянка, а потом голодали до самого вечера, до обеда в виде похлебки с хлебом, а иногда — с кусочком сыра или мяса.

Элис хорошо помнила вкус тушеного карпа, выловленного в монастырском пруду. В дни поста они ели лососину, форель или морскую рыбу, специально привозимую с побережья. Запах жареной говядины, пышные запеканки, теплая, густая и питательная овсяная каша, поданная ранним утром после молитвы с капелькой монастырского меда, политая желтыми, как масло,

сливками, горячий эль перед сном, а по праздникам — марципан, жареный миндаль и засахаренные фрукты. Элис тосковала по теплomu ароматному вину с пряностями, подаваемому после праздничного обеда, оленине в горячем соусе на портвейне, по тушеному зайцу с овощами, поджаренными на сливочном масле, по густому запаху свежих вишен. Иногда Мора криком будила ее посреди ночи и, сонно зевая, ворчала: «Ты опять стонешь, тебе опять снится еда. Упражняйся лучше в умерщвлении плоти, мой ангелочек». И Элис чувствовала, что рот ее полон слюны, ей действительно снился обед в тихой трапезной, голос монахини, читающей вслух Святое Писание, матушка Хильдебранда во главе стола, которая протягивала вперед руки, благословляла еду и благодарила Господа за хлеб насущный, а иногда окидывала взглядом стол и убеждалась, что у малышки Элис всего вдоволь. «Вдоволь», — вожделенно повторяла Элис. Ей казалось, она больше никогда не узнает, что такое сытый желудок. Чувство голода преследовало ее везде, личико похудело и осунулось.

— Что-то ты какая-то вялая, — с неудовольствием заметила Мора. — Как ты зиму переживешь, если уже осенью тощая, будто грабли?

— Не переживу, — уныло ответила Элис. — Знаю, что умру. Я очень хочу есть, мне холодно, я устала от такой жизни.

— Не помрешь, — усмехнулась Мора. — Чтобы убить женщину, у которой все еще впереди, мало пустого желудка и холодного воздуха. Найди в себе мужество и питай им желудок, Элис. Научись драться, умирать тебе рано.

В конце октября в Боуэсе началась эпидемия, полдюжины детей и некоторые взрослые страдали рвотой, нередко захлебывались. Каждый день матери семейств за несколько миль являлись к хижине Моры кто с подарком, кто с головкой желтого сыра, а кто даже с пенни. На небольшом огне старая знахарка поджаривала корень фенхеля, высушивала его и толкла в порошок, а затем давала Элис листок хорошей бумаги, перо и чернила.

— Пиши молитву, — распорядилась она. — Любую хорошую молитву на латыни.

Девушка с удовольствием брала в руки перо, неуклюже держала его распухшими, покрытыми мозолями пальцами, с чувством, что держит ключ от потерянного царства.

— Пиши! Да пиши же ты! — нетерпеливо подгоняла Мора. — Хорошую молитву от болезни.

Элис осторожно окунала перо в пузырек с чернилами и, шевеля губами, выводила на латыни простые слова молитвы «Отче наш» — первой молитвы, которой научила ее матушка Хильдебранда.

Мора с любопытством наблюдала за воспитанницей.

— Готово? — уточняла она.

Элис, у которой комок подступал к горлу, молча кивала. Тогда Мора брала листок, рвала его на шесть маленьких квадратиков, насыпала в каждый по щепотке приготовленного порошка и сворачивала так, чтоб тот не высыпался.

В первый раз Элис удивилась.

— Ты что делаешь? — поинтересовалась она.

— Колдую, — заговорщицки пояснила Мора. — Колдовство поможет нам за зиму нагулять жирок.

Она оказалась права. Жители Боуэса и крестьяне из окрестностей платили за черный

порошок в особой бумажке по пенсу за упаковку. Мора купила еще бумаги и заставила Элис писать молитву «Отче наш». Девушка понимала, что в этом нет греха, но ей было не по себе, когда Мора рвала плотную, гладкую бумагу на части.

— Для чего этот порошок? — спросила однажды Элис, глядя, как старуха, сидя возле огня и зажав коленями ступку, толчет корень.

— Он хорошо помогает при болях в желудке. — Мора улыбнулась. — Но силу ему придает именно заговор, который ты пишешь.

— Это не заговор, а молитва, — презрительно сказала Элис. — Я не занимаюсь колдовством и не стала бы продавать поджаренный фенхель и два слова молитвы за пенни.

— Но это помогает им, — возразила Мора. — Они принимают порошок, а когда начинается приступ рвоты, произносят слова, написанные на бумажке. И приступ проходит.

— Как такое возможно? — раздраженно промолвила Элис. — Как отрывок из молитвы может помогать им?

Мора рассмеялась и повернулась к огню.

— Вы только послушайте речи этой беглой монашенки! — воскликнула она. — Вы только послушайте эту девчонку, которая выращивала на огороде лекарственные травы, работала в монастырской буфетной, в кладовой и в лечебнице, но все равно отрицает силу растений! Отрицает силу молитвы! Она помогает, девочка моя, потому что в ней есть сила. Перед молитвой необходимо вдохнуть в себя воздух. А это успокаивает. Чтобы молитва дошла до небес, надо открыть окно, а открыв окно, дышишь чистым воздухом. Тот, кто умер от рвоты, был слишком болен и слаб, слишком дрожал от страха в своих грязных комнатах. Заговор действует, потому что он имеет силу. Если веришь в него — он помогает.

Элис незаметно перекрестилась, ведь если бы Мора увидела, то стала бы издеваться над ней.

— Раз они могут платить за зелье, — между тем продолжала старуха, — значит, могут платить за хорошую еду и чистую воду. И есть шансы, что они выздоровеют до того, как болезнь их свалит. Богатым всегда покровительствует Господь.

— А если не поможет?

Лицо Мора застыло.

— Ты бы лучше молчала, — огрызнулась она. — А еще лучше молилась бы своей Мадонне, чтобы всегда помогало. Если не поможет, я постараюсь их убедить, что на них действуют другие чары, что на них наложено заклинание или они просто неправильно произносят слова молитвы. В случае неудачи я сразу пойду к их наследникам и постараюсь завоевать расположение и дружбу. Но если они мстительны, если скот у них тоже мрет, тогда нам с тобой придется держаться от Боуэса подальше, сидеть тише воды ниже травы, пока тело не похоронят и про усопшего не забудут.

— Это неправильно, — решительно заявила Элис. — В аббатстве мы лечили по старым книгам, знали свойства трав, которые выращиваем, готовили из них настойки и пили из мерных стаканчиков. А у тебя не лечение травами, а шарлатанство. Вранье и обман, приукрашенные ломаной латынью, какой только детей пугать.

— Шарлатанство, да? — яростно прошипела Мора. — Я умею так посмотреть на беременную, что у нее сразу случится выкидыш! В деревне есть люди, способные это подтвердить, считающие, что я одним щелчком пальцев могу убить здоровое животное, пока оно пьет,

склонившись над корытом. В деревне есть люди, которые думают, что во сне со мной разговаривает сам дьявол и в моем распоряжении все его возможности.

— И ты не боишься? — спросила Элис.

Старуха резко и громко рассмеялась.

— Боюсь? А кто не боится? Но я больше боюсь умереть зимой от голода или холода, потому что у нас совсем нет дров. С тех пор как у меня украли землю, у меня не было выбора. И с тех самых пор я боюсь. Я ведь знахарка, как же мне не бояться. — Мора лукаво сверкнула глазами. — Впрочем, теперь я боюсь меньше, чем раньше. Гораздо меньше.

Она отложила в сторону ступку с пестиком и теперь спокойно раскладывала по бумажным квадратикам темный порошок.

— Правда? — уточнила Элис, уловив в ее голосе нотку боли.

— О да, — весело отозвалась Мора. — Если в Боуэсе станут искать ведьму, как ты думаешь, кого схватят первой? Старушку, у которой в сумочке несколько каких-то травок, живущую здесь много лет, от которой никогда не было большого вреда, или девчонку, миленькую, как смертный грех, которая ни с кем не общается и не заигрывает с мужчинами? Про нее не поймешь: то ли она еще девица, то ли уже женщина, то ли святая, то ли грешница. Она редко показывается в Боуэсе, но всегда в плаще и с платком на голове. Ни с кем не беседует, у нее нет ни одной подружки. Избегает мужчин и всегда смотрит в землю, когда кто-нибудь попадает на пути. Это тебе надо бояться, Элис. Это в тебе они видят очень подозрительную особу, ведь ты ни на кого не похожа. Это тебя считают колдуньей, которая лечит от рвоты. И тебя они станут славословить или проклинать. Бояться надо тебе, понятно?

— Как можно подумать, что это заклинания? — удивилась Элис. — Ты же с самого начала велела мне написать молитву, и я написала. Как они могут подумать, что я занимаюсь колдовством?

— Давай, давай! — Мора нетерпеливо махнула рукой. — Пиши еще! Еще пиши, слышишь? Надо завернуть несколько порций. Именно твои слова на бумаге придают силу порошку. С тех пор как ты вернулась, фенхель стал хорошо помогать от рвоты. Ходят слухи, что ты настоящая знахарка, а я только прислуживаю тебе. Говорят, что ты явилась прямо от самого дьявола. Что обгорелые края твоего платья — следы адского пламени и ты — невеста самого дьявола.

— Кто говорит? — осведомилась Элис; ее голосок чуть слышно задрожал. — Я не верю, что кто-то говорит такое.

— Лиза, жена Тома, — торжествующе сообщила Мора. — Она уверяет, что ты являешься Тому во сне. Во сне он шепчет твое имя, а это верный знак, что ты колдунья.

Элис зло рассмеялась.

— Ах да, — саркастически сказала она. — Том зовет меня, чтоб я спасла его от острого языка женошки.

— А ты прокляни ее! — Лицо Мора так и сияло в полумраке хижины. — А что? Попробуй! Прокляни ее, пусть сдохнет. Тогда Том вернется к тебе, уже вдовец и вдобавок богач с ее-то приданым. Твои загорелые руки будут обрабатывать его землю, и ты увидишь, как она зацветет. Лиза — никуда не годная злая баба, никто не любит ее. И никто не станет по ней горевать.

— Хватит, — перебила Элис. — Тебе прекрасно известно, что я не стану этого делать, да и не владею я этими силами.

— Владеешь, еще как владеешь, — гнула свое Мора. — Ты знаешь это, и я тоже. Ты хотела сбежать от своих способностей, надеялась, что твой Боженька убережет тебя, если ты забудешь о своем даре. Но смотри, ты снова здесь, ты вернулась, словно никогда не пропадала. Безопасных монастырей не осталось, слышишь, Элис? Тебе некуда податься. Конечно, можешь жить здесь со мной, но можешь и уйти к мужчине. А чем плох Том? Когда вы были маленькие, он нравился тебе, и он так и не полюбил другую женщину. Ты вполне могла бы убить эту его Лизу. Ты должна убить Лизу! Я объясню тебе, как это сделать. Существуют сотни способов. А потом сможешь жить в свое удовольствие на ферме у Тома и мыться хоть каждый день, ты ведь истосковалась по комфорту. Сможешь даже повторять свои глупые молитвы. Подумай, как мы с тобой будем питаться. Одно крохотное заклинание — а какая большая разница. Сделай это, слышь, Элис!

— Не могу! — отчаянно воскликнула девушка. — Не могу. А если бы и могла, не сделала бы. У меня нет никакой силы, только знания, полученные в аббатстве. Я не буду повторять твои заклинания. Они пустые, они ничего не значат. И я никогда не стану пользоваться твоим искусством.

Мора пожала плечами и взялась перевязывать ниткой пакетики с порошком.

— А я так думаю, что станешь, — не сдавалась она. — И уверена, что в кончиках пальцев ты ощущаешь свою силу и на кончике языка тоже. Разве нет, моя Элис? Когда в одиночестве ты уходишь в пустошь и дует легкий ветерок, разве тебе не кажется, что ты способна направить свою силу, куда пожелаешь? Наспать на человека здоровье или болезнь? Богатство или бедность? Когда в аббатстве ты стояла на коленях, разве не чувствовала внутри себя и вокруг эту силу? Я в себе эту силу ощущаю, да. И в тебе тоже. Старая аббатиса оценила твои способности и захотела, чтобы они служили Богу. Ну а теперь ты свободна и можешь пользоваться своей силой как угодно.

— Нет, — отрезала Элис, покачав головой. — Я ничего не чувствую и ничего не знаю. У меня нет никакой силы.

— Посмотри на огонь, — тут же попросила Мора. — Посмотри на огонь.

Девушка повернула голову к очагу; кое-как наломанный торф горел оранжевым, в куче красных углей пылало толстое бревно.

— Сделай так, чтобы огонь стал синим, — прошептала Мора.

Перед мысленным взором Элис предстал образ синего пламени, она постаралась на нем сосредоточиться.

Языки пламени трепетали и плясали в очаге Моры, затем вдруг вспыхнули и загорелись ровным небесно-синим цветом. Да-да, угли горели синим, как яркое летнее небо, а пепел отливал темно-фиолетовым.

Старуха радостно засмеялась. Элис быстро отвела взгляд, огонь снова вспыхнул и стал оранжевым, как прежде. Она торопливо перекрестилась и раздраженно сказала:

— Прекрати свои штучки, Мора. Это все глупые фокусы, курам на смех. Я с детства знаю твои хитрые трюки, меня не обманешь.

— Так я ничего не трогала, — заметила старая знахарка. — Это ты смотрела, собственными глазами, ты все проделала своими умом и силой. Ты можешь, конечно, попытаться от себя

убежать, как убежала от праведной жизни. Но никуда ты не денешься, и в конце концов тебе придется выбирать.

— Я монахиня, — сквозь зубы процедила Элис. — И не стану связываться с колдовством и прочей чертовщиной. Мне это не нужно. И ты не нужна мне. И твой Том мне тоже не нужен. Послушай теперь меня, Мора. Как только будет возможность, я уйду. Клянусь, если б я могла уйти сейчас, меня бы здесь уже не было. Мне ничего от тебя не нужно. Ничего, ты меня поняла? Если б я могла, я бы уехала немедленно и никогда бы не вернулась.

— Тихо, — вдруг прошипела старуха. Элис замолчала, обе женщины замерли.

— За дверью кто-то есть, — пояснила Мора. — Слышишь?

— Да, — тихо отозвалась девушка. — Лошадь. Нет, две лошади.

Быстрым движением Мора опрокинула котелок с водой на пылающий торф. Пламя сразу погасло, комната наполнилась густым дымом. Элис закрыла рот ладонями, боясь задохнуться.

Удар в маленькую деревянную дверь прозвучал как удар грома. Старуха и ее воспитанница прижались друг к другу, не отрывая глаз от двери, которая, казалось, сейчас разлетится вдребезги. Кто-то барабанил по ней рукоятью меча.

— Я открою, — вызвалась Мора; в темноте ее лицо было белым, как лицо утопленницы. — Полежай наверх и спрячься под одеяло. Если пришли за ведьмой, то пускай это буду я. А ты сможешь убежать. Никто не станет слушать бредни жены Тома, если другие ничего против тебя не имеют. Слава богу, на этой неделе никто не помер. Давай, девонька, у тебя нет другого выхода.

Без споров и колебаний Элис метнулась к стремянке и взлетела наверх.

— Иду, иду, — сердито прохрипела Мора. — Двери сорвете с петель у бедной старухи, окаянные...

Убедившись, что воспитанница надежно спряталась, она отодвинула деревянный засов. За дверью маячили огромные силуэты всадников — словно два великана, они закрывали собой почти все небо. За ними светили ночные звезды и плыли темные тени облаков.

— Нам нужна молодая знахарка, — сообщил один из них.

Его лицо было укутано, видимо, от холода, он был вооружен дубиной и коротким кинжалом.

— Молодая знахарка, ты поняла? — повторил всадник. — Где она?

— Да я и сама, по правде, не знаю, — захныкала было Мора, — ее нет...

Великан нагнулся, протянул руку, ухватился за платок на шее Мору и поднял старуху так, что их лица оказались как раз напротив. Лошадь беспокойно дернулась. Мора, задыхаясь, издала какой-то булькающий звук, ноги ее болтались.

— Это приказ лорда Хью, хозяина замка, — прогремел великан. — Он сейчас болен. Ему нужна молодая знахарка и ее заклинание против рвоты. Давай ее сюда, и мы не сделаем тебе ничего плохого. Даже заплатим. Если ты прячешь ее, я засажу тебя в этот вонючий сарай, заколочу дверь гвоздями и подожгу.

Он отпустил Мору, и та, едва удержавшись, снова обрела под ногами твердую почву. Кое-как войдя обратно в дом, старуха притворила дверь. Элис с белым, как полотно, лицом и

вытаращенными от страха глазами сидела наверху.

— Я не пойду, — заявила она.

Мора сорвала платок с плеч, расстелила перед очагом и положила на него несколько горстей разных трав, молитвенник в черной обложке, четыре пакетика своего порошка, блестящий кусок кварца, перевязанный длинной лентой, и ступку с пестиком.

— Придется попробовать, иначе убьют нас обеих, — мрачно изрекла она. — Это твой шанс, хороший шанс. Другим-то всем помогло. Так что тебе придется рискнуть.

— Я бы могла бежать, — упрямылась Элис. — Могла бы на ночь спрятаться в пустоши.

— И оставить меня одну? Утром ты нашла бы меня мертвой. Ты слышала его слова? Он сожжет меня живьем.

— Им ведь нужна не ты, — возразила Элис. — Они бы не стали тебя жечь. Ты могла бы наврать им, что я ночую в Боуэсе. А я бы скрылась в пещере у реки, пока они меня ищут.

Мора устремила на нее сердитый взгляд и нахмурилась.

— Ты злая, жестокая девчонка, — сказала она. — Личико у тебя красивое, а душа злая. Значит, возьмешь и убежишь? Бросишь меня одну и я попаду к ним в лапы? По-твоему, лучше бы я погибла, лишь бы тебе не рисковать?

Элис только открыла рот, собираясь возразить, но тут Мора сунула ей в руки приготовленный узел и добавила:

— Ты бы с удовольствием поставила на карту мою жизнь. — Она подтолкнула Элис к двери. — Иди, иди, девочка, а я, когда смогу, навещу тебя в замке, узнаю, что с тобой стало. Посмотрю, на что ты способна. Они там и травы выращивают, и цветочки тоже. У тебя будет возможность применить не только мою науку, но и знания, полученные в монастыре.

Губы Элис дрожали. Она взяла узел и ответила:

— Я не могу. Я ничего не умею. Ничего не знаю. За всю жизнь я вырастила всего несколько трав, делала только то, что мне приказывали. А твои трюки — обман и чепуха.

Мора злобно рассмеялась. Один из всадников снова заколотил в дверь.

— Давай, девка, выходи! — крикнул он. — Иначе придется выкурить тебя оттуда!

— Возьми мои обман и чепуху, сложи со своим невежеством и попробуй спасти свою шкуру, — прошипела Мора; ей приходилось силой толкать воспитанницу к двери. — Поколдуй хорошенько. У тебя есть дар, я чувствую. Одной мыслью ты сделала так, что пламя загорелось синим цветом. Напряги все силы, они тебе скоро понадобятся, и сделай это ради себя. Сделай такой заговор, чтобы старый лорд выздоровел, иначе мы с тобой погибли.

Элис вышла в дверь и едва слышно простонала от страха. Слуга лорда наклонился, схватил ее под мышки и посадил перед собой на лошадь.

— Поехали! — скомандовал он.

Всадники развернули лошадей, успевших истоптать копытами все грядки, и канули в темноту; ветер унес вдаль топот копыт.

Мора постояла немного у раскрытых дверей хижины, не обращая внимания на холод и на дым погашенного очага, клубящийся за спиной, и прислушиваясь к тишине ночи. Значит, Элис

уехала, вот так-то.

— У нее есть сила, — произнесла Мора, глядя в ночное небо, на облака, проплывающие в свете полумесяца. — Она поклялась, что уйдет, тут же за ней явились всадники, и вот она ушла. Интересно, чего она пожелает в следующий раз? Чего ей захочется?

ГЛАВА 3

Прежде Элис никогда не скакала галопом, она прижалась всем телом к луке седла, ее подкидывало от мерных прыжков животного. В лицо задувал ветер, а всадник держал ее так крепко, словно боялся, что она сбежит. Когда она опускала глаза, то видела лишь перекатывающиеся мышцы огромной лошади и развевающуюся гриву. Оставляя шлейф летящих из-под копыт искр, они миновали вересковую пустошь, каменный мостик и оказались в Каслтоне, где на той же головокружительной скорости с грохотом помчались по мощенной булыжником улице, вдоль которой выстроилась дюжина каменных домов. Ни в одном из закрытых ставнями окон не светился огонек; в стороне от главной улицы, в крохотных домишках и лачугах, разбросанных по окрестностям, тоже было темно и тихо.

Потрясенная Элис едва дышала и не проронила ни звука, когда лошади свернули влево, шумно пронесли по подъемному мосту и влетели в раскрытые, словно пасть зверя, ворота замка. Два солдата в темноте арки коротко окликнули их, и всадник что-то на ходу ответил. Наконец они оказались во дворе, освещенном луной. Мимо окончательно растерявшейся Элис промелькнули конюшня, скотный двор справа, круглая башня караульной слева, в нос ударил запах свинарника. Затем копыта лошадей простучали по второму подъемному мосту, перекинутому через глубокий ров с водой, лошади нырнули в другие ворота и остановились. В темноте с криком: «Стой! Кто идет?» — появились два солдата, они внимательно оглядели всадников и указали дорогу через сад. Элис успела заметить грядки с овощами и травами и ряды яблонь, на которых не было яблок. Наконец на фоне ночного неба она увидела крепкое приземистое двухэтажное здание, длинное, с парой огромных двустворчатых дверей по центру. Оттуда доносились крики и громкий смех. Дверь распахнулась, вышедший из дома мужчина беспечно помочился на стену. Двор был освещен ярким факелом, ноздри щекотал запах жареного мяса. Всадники направили лошадей вдоль здания. Справа особняком стояла пекарня, в окнах которой горел огонь, а прямо перед ними возвышались две громадные, погруженные во мрак башни, сложенные из больших серых валунов.

Всадник спешил, сильные руки подхватили Элис и поставили на землю.

— Где мы? — едва дыша, спросила она.

Мужчина кивнул в сторону башни, примыкающей к длинному строению, и коротко пояснил:

— Это башня лорда Хью.

Он посмотрел вверх ее головы и что-то крикнул. Из башни донесся ответный крик, и Элис услышала, как отодвигается засов.

— А там что?

Она указала на другую башню, поменьше и попримыкающей к стене замка. Внизу окон не было, к окнам второго этажа вела каменная наружная лестница.

— Молись, чтобы никогда туда не попасть, — мрачно изрек великан. — Это тюремная башня. На втором этаже стража, а внизу камеры. У них там и дыба есть, и тиски, и пресс, и уздечка,

все как положено. Молись, чтобы никогда этого не увидеть. Там все становятся намного разговорчивее, но и выше ростом. Гораздо выше. И тоньше. А иногда без зубов. Дешевле, чем у самого последнего зубодера! — Он грубо рассмеялся и крикнул зычным голосом: — Эй!

Из тени выступил стражник.

— Вот знахарка из Боуэса, — сообщил великан. — Немедленно доставь ее вместе со скарбом к его светлости. И никто к ней не должен соваться. Таков приказ самого милорда.

Он подтолкнул Элис к стражнику, тот схватил ее за руку и потащил вверх по каменным ступеням к арочному дверному проходу. Дверь, толстая, как ствол дерева, была открыта. Внутри мерцало пламя факела, оставляя на стене полосу черной копоти. Замок дышал холодом и сыростью; казалось, даже платок на грубо подстриженной голове Элис дрожал. Здесь было холоднее, чем в пронизанной сквозняками хибаре Моры. Стены замка защищали от ветра, но туда никогда не попадало солнце. Девушка незаметно перекрестилась. У нее было предчувствие, что она идет навстречу смертельной опасности. Темный коридор, освещенный по углам чадящими факелами, был как самый страшный кошмар в монастыре: запах дыма, треск пламени и длинный, длинный путь в никуда.

— Шагай быстрее, — поторопил стражник и крепко сжал руку Элис.

Виток за витком она поднималась за ним по винтовой лестнице.

— Пришли, — наконец сказал он, постучав в массивную деревянную дверь: три коротких удара и два длинных.

Дверь распахнулась. Помещение было так ярко освещено, что девушка зажмурилась. Несколько человек сидели на скамьях за длинным столом с остатками ужина, в углу ворчали над костями две большие охотничьи собаки. С первого взгляда Элис поняла, что перед ней — люди знатного происхождения. Плащи, небрежно брошенные на стулья, были сшиты из тонкой шерсти на шелковой подкладке. Присутствующие были одеты в тонкие чулки изящной расцветки и бриджи с пуфами, подвязанные под коленями красивыми ленточками. Длинные камзолы были распахнуты, так что виднелись шелковые подкладки. На головах красовались небольшие бархатные шляпы с перьями и драгоценными камнями. Было жарко, пахло прогорклым дымом и потом.

— Девка! — воскликнул один из них. — Очень любезно с твоей стороны!

Элис отпрянула и спряталась за спиной солдата, который еще держал ее за руку. Тот покачал головой и ответил:

— Нет. Это знахарка из Боуэса, ее прислали к милорду. Как он себя чувствует?

Молодой человек, находившийся в самом конце комнаты, поманил их к себе.

— Увы, ему не лучше, — проговорил он вполголоса. — Лорд хочет видеть ее немедленно.

Он отдернул гобелен на стене и распахнул узенькую арочную дверь. Стражник отпустил Элис и сунул узел ей в руки. Она застыла в нерешительности, не зная, что делать дальше.

— Ну, чего стоишь? — обратился к ней молодой человек.

Но девушка все не решалась двинуться с места. Тогда солдат подтолкнул ее вперед. Стараясь не потерять равновесие, она сделала шаг, и еще один; спотыкаясь, она кое-как проковыляла мимо мужчин, провожающих ее взглядами. За узкой дверью оказалась каменная лестница, освещаемая одним-единственным еле горящим факелом. В конце пролета Элис

увидела небольшую деревянную дверь; едва она поднялась по ступеням, как дверь медленно отворилась.

Темное помещение освещали только пламя камина и слабый огонек восковой свечи на сундуке. Закругляющиеся стены башенной комнаты были завешаны гобеленами. Перед камином — тяжелый резной деревянный стул, возле него — табуреточка для ног. Под застекленным окном, смотрящим во двор замка, находился небольшой круглый столик. В углу — два деревянных сундука для одежды и буфет, в котором стояли кувшин с вином и бокал; Элис отметила очень красивую форму бокала и поняла, что, невзирая на страх, не утратила наблюдательности. У дальней стенки располагалась небольшая высокая кровать, задрапированная занавесками, расшитыми богатыми узорами.

В изголовье кровати девушка увидела крошечного человечка, ростом не более ребенка. Он глаз не сводил с гостя, непрерывно поглаживая рукой подушку, где покоилась голова человека с исхудалым, изможденным болезнью и страданием лицом, желтым, как осенний березовый лист. Но черные глаза, когда над ними поднялись тяжелые веки, смотрели ярко и весело, сверкали, как у старого сокола.

— Ты, что ли, знахарка? — спросил он.

— Я мало что умею, — тут же стала оправдываться Элис. — И мало чему училась. Вам надо послать за кем-то более опытным и знающим, аптекарем или даже брадобреем. Вам нужен настоящий врач.

— И он будет ставить мне банки, пока я не помру, — медленно произнес больной. — Своими банками меня чуть в могилу не свели. Пока я не выгнал всех вон, они как один твердили, что ничего больше не могут. Довели меня до полусмерти! Но я не помру. Мне пока рано помирать. У меня есть еще дела на этом свете, слышишь, девка? И ты спасешь меня, правда?

— Попробую, — согласилась Элис.

Ей очень хотелось отказаться, но она вовремя прикусила язык. Она повернулась к камину, при свете огня положила на пол узел, собранный Морой, развязала его, расправила платок и разложила в порядке все, что там было. Карлик протопал к ней и присел рядом на корточки, при этом его голова не доставала ей даже до плеча.

— Используешь черную магию, госпожа моя? — промолвил он вкрадчивым тоном.

— Нет! — мгновенно откликнулась Элис. — Я мало что знаю про травы, только то, чему учила моя госпожа. Лучше бы вы послали за ней.

Карлик покачал головой.

— Весь Боуэс судачит про новую молодую знахарку, которая явилась неизвестно откуда и живет теперь возле реки вместе со старухой вдовой Морой. — Он кивнул в сторону неподвижно лежащего на кровати больного. — Милорд тоже не любит черной магии и не потерпит ее.

Элис расправила молитвенник, по правую руку положила травы и ступку с пестиком. Карлик указал на камень, обвязанный ленточкой.

— Что это такое?

— Кристалл кварца, — пояснила Элис.

Человечек быстро перекрестился и закусил кончик большого пальца.

— Чтобы предсказывать будущее? — гневно воскликнул он. — Но ведь это черная магия!

— Нет, — успокоила Элис. — Так я найду источник болезни. Это как лозой ищут подземные воды. Отыскивать воду с помощью лозы — не черная магия, это может делать даже ребенок.

— Ага, — ответил человечек, признавая ее правоту. — Да-да, верно.

— Хватит болтать! — раздался приказ больного. — Давай лечи меня скорее, знахарка.

Девушка поднялась на ноги, зажав ветхую ленту между большим и указательным пальцами; кристалл свешивался как маятник. Платок, покрывающий ее голову, соскользнул на плечи. Карлик изумленно уставился на щетку едва отросших волос.

— Что это у тебя с головой? — удивился он, но тут же лицо его приняло лукавое, озорное выражение. — Ты побрила ее, красавица моя? Ты что, беглая монашка из богатого аббатства, где старухи богатеют и говорят мятежные речи?

— Нет, — отозвалась Элис.

Из темноты двора под окном донесся короткий крик петуха, но сразу умолк — видимо, петух решил, что еще рановато и можно немного поспать.

— Я жила в Пенрите и заболела лихорадкой, вот мне и обрили голову, — соврала Элис. — Я не монашка и не понимаю, что такое мятежные речи. Я девушка простая.

Недоверчиво улыбаясь, карлик кивнул. Семеня ножками, он пробежал на свое место в изголовье кровати и снова принялся гладить подушку.

Элис подошла поближе и пробормотала:

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti.[5]

Прозрачный камень на ленточке медленно задвигался сам по себе, проделав дугу по часовой стрелке.

— Так действует благодать Божья, — продолжала Элис.

Камень быстро пошел по кругу. Девушка вздохнула. В аббатстве она никогда не пользовалась маятником, монашки не одобряли подобные методы, считая их проявлением сверхъестественных сил. С этим камнем работала Мора. Благословив его, Элис думала удержаться на зыбкой грани, которая разделяет благодать Божью и дьявольские козни. Но сейчас за ней пристально наблюдали хозяин замка и карлик со своей едва заметной злобной улыбкой. Девушка уже чувствовала горячее дыхание костра, где сжигают еретиков, и боялась обвинения в колдовстве, за которым следует удавка.

Она опустила едва дрожащую руку на лоб старого господина и, вспомнив действия Мора, заявила:

— Недуг находится здесь.

Карлик присвистнул, наблюдая, как кристалл перестал вращаться и начал просто раскачиваться туда-сюда.

— Ну и что это значит? — осведомился он.

— Болезнь не в голове, — тихо пояснила Элис.

— Я что, разве не видел, как ты пальцем подтолкнула кристалл?

— Да хватит болтать, — сердито вмешался лорд. — Пусть девица делает свое дело.

Она откинула богатый плед, накрывающий старика. От ее взора не укрылось, что при соприкосновении со свежим воздухом тело его задрожало, хотя в комнате было тепло. Она нерешительно приложила тыльную сторону ладони к его морщинистой щеке. Оказалось, что у лорда сильный жар. Тогда она осторожно перенесла руку на его плоский живот и наконец сообщила:

— Болезнь здесь.

Движение камня сразу изменилось. Он снова стал вращаться по кругу, на этот раз энергично, еще и еще.

— У вас брюшная лихорадка, — заключила Элис уверенным голосом. — Вы что-нибудь ели или постились?

— Ел, — подтвердил старик. — Меня заставляют есть, а потом из милосердия ставят банки.

— Вы можете есть все, что пожелаете, — ответила Элис. — Все, что любите, но понемногу. Пить же вы должны только родниковую воду. Как можно больше. Сегодня и завтра каждые полчаса по полпинты. Это должна быть настоящая родниковая вода, не из колодца в замке и не из городского колодца. Отправьте кого-нибудь в пустошь, пусть найдут родник и принесут вам воды.

Его светлость кивнул.

— Если вам станет холодно, прикажите укутать вас еще пледом или двумя, — продолжала Элис. — А когда будет жарко, раскройтесь. Делайте то, что вам самому нравится, и тогда лихорадка пройдет.

Повернувшись спиной к больному, она вернулась к расстеленному перед камином платку и нерешительно помедлила, глядя на упаковки с порошком из поджаренного корня фенхеля. От него мало пользы, конечно, но и вреда тоже никакого.

— Перед сном принимайте один порошок, — посоветовала она. — У вас часто бывает рвота?

Лорд снова кивнул.

— Когда почувствуете тошноту, прикажите открыть окно...

Стоящий в изголовье карлик испуганно охнул.

— ...и прочтите вслух то, что написано на бумажке.

— Холодный ночной воздух вреден, — решительно запротестовал карлик. — И что там у тебя написано? Заклинание?

— От свежего воздуха тошнота пройдет, — спокойно промолвила Элис, словно ни минуты не сомневалась в правильности своего лечения. — А на бумажке не закливание, а молитва.

Больной слабо усмехнулся.

— Да ты, девка, настоящий философ, — заметил он. — Ишь, не закливание, а молитва! Нынче легко могут повесить как за то, так и за другое.

— Там слова из молитвы «Отче наш», — быстро пояснила Элис.

Да, в этой темной комнате шутить было небезопасно, здесь всюду видели колдовство, но тем

не менее ждали чуда, которое исцелит старика.

— От лихорадки я намелю вам порошка, его следует принимать с питьем.

Она отыскала небольшие сушеные ягоды белладонны, которых Мора не забыла положить в узел, взяла одну из них, растерла в ступке в порошок и взяла щепотку.

— Вот, — обратилась она к лорду. — Примите прямо сейчас. Средства вам хватит на ночь, а утром я вернусь и принесу еще.

— Ты останешься здесь, — тихо произнес старик.

Девушка промолчала, не решаясь возражать.

— Ты останешься здесь, — повторил лорд. — Дэвид, найди для нее тюфяк. Она будет спать здесь и питаться тоже. Она не должна ни с кем видаться. Не хочу всяких сплетен.

Карлик кивнул и направился к двери; он прошел через дверной проем, и портьера слегка шевельнулась.

— Но мне надо домой, милорд, — едва дыша, сказала Элис. — Моя родственница станет меня искать. А завтра утром я приду как можно раньше, когда велите, тогда и приду.

— Ты останешься здесь. — Лорд окинул ее с головы до ног своими черными глазами. — Послушай меня, девочка, в этих стенах есть люди, которые попробуют подкупить тебя, чтобы ночью ты меня отравила. А есть и те, кто назовет тебя мошенницей, если ты не вылечишь меня. Некоторые будут не прочь попользоваться твоим юным телом, а потом, получив удовольствие, выбросят в ров с водой. Безопаснее всего, если, конечно, я выживу, быть со мной. Так что ты останешься здесь.

Склонив голову, Элис завязала платок Мора вместе с содержимым.

Следующие пять дней она жила в маленькой комнатке рядом со спальней больного. Она ни с кем не виделась, кроме лорда Хью и карлика. Еду ей приносил карлик, и однажды она поймала его за тем, что он пробовал ее пищу, как и пищу, приготовленную для его светлости. Она удивленно заглянула в лицо маленькому человечку, и тот ухмыльнулся.

— Ты что, думаешь, девонька, ты единственная знахарка, которая лечит травами? В мире много самых разных ядов. И не меньше людей, которым выгодна смерть милорда.

— На этот раз он не умрет, — заверила его Элис. — Он уже идет на поправку.

Каждый день лорд ел все больше, он уже не лежал, а сидел в постели и подолгу беседовал с карликом и с Элис; его голос звучал громко и чисто, как звонкий колокол. На шестой день он заявил, что хочет обедать в зале со своими людьми.

— В таком случае мне пора уходить, — заметила Элис.

Лорд как раз одевался. Он лихо водрузил на голову, обрамленную длинными белыми волосами, черную шляпу с маленькими жемчужинами. На нем были темные чулки, поверх толстого, подбитого камзола — отороченная мехом мантия, которая ниспадала до самого пола.

— Милорд, я рада, что сослужила вам службу, — добавила она.

— Твоя служба еще не окончена, — возразил старик, сверкнув на нее черными глазами. — Я

с тобой, девка, еще не рассчитался. Отправишься домой, когда я велю, и ни минутой раньше.

Элис понурилась и промолчала. Когда она снова подняла голову, в ее глазах стояли слезы.

— Это еще что такое? — воскликнул лорд. — В чем дело?

— Дома осталась моя родственница, Мора из Боуэса. Я узнала, что у нее тоже брюшная лихорадка. У меня никого нет, кроме нее... — Девушка покосилась на лорда и увидела, что он сочувственно ей кивает. — Если бы только я могла сходить домой...

Лорд Хью щелкнул тонкими белыми пальцами. Карлик подскочил к нему и низко поклонился. Они обменялись несколькими быстрыми и негромкими фразами на неизвестном для Элис языке. Затем милорд снова посмотрел на нее, широко улыбнулся и спросил:

— И когда же заболела твоя родственница?

— Вчера, — отозвалась Элис.

— Ты лжешь, — ласково произнес его светлость. — Сегодня утром она справлялась о тебе у ворот замка. — Он указал на карлика. — Дэвид говорит, она оставила для тебя весточку, что здорова, что придет на следующей неделе и принесет тебе еще трав.

Элис густо покраснела и ничего не ответила.

— Идем обедать. Ну, пошли, — скомандовал лорд Хью, однако, не дойдя до двери, остановился и обратился к Дэвиду: — Ты посмотри на нее, на кого она похожа! Пугало огородное!

Старое платье Элис, подпоясанное платком, было покрыто пятнами грязи, а снизу — обгорелое. Другой платок, серого цвета, покрывал ее голову и был завязан под подбородком.

— Подбери-ка ей наряд получше, какое-нибудь старое платье Мег, — бросил лорд Хью через плечо. — Пусть считает, что это подарок. И сними с нее этот дурацкий платок!

Карлик сделал девушке знак подождать и распахнул один из сундуков в углу.

— Мег была последней содержанкой лорда, — пояснил он. — Где-то тут есть вполне симпатичное платье, красное такое. Два года назад она умерла от сифилиса. А вещи остались здесь.

— Я отказываюсь надевать ее платье! — воспротивилась Элис, в ее голосе слышалось отвращение. — Мне не нужно ваше красное платье.

Дэвид вытащил из сундука наряд вишнево-красного цвета, взял его за плечики и встряхнул перед девушкой. Элис распахнула глаза и шагнула вперед.

— О-о! — только и смогла вымолвить она.

Платье было сшито из мягкой, тонкой шерстяной ткани, теплой и гладкой на ощупь. Узор на воротнике, рукава с буфами, а подол оторочен темно-красной шелковой лентой. Мег была женщиной тщеславной, ей нравилось нарушать законы, запрещающие простолюдинкам носить одежду определенного цвета. Был даже серебряный шнурок, чтобы подбирать наряд в талии.

— Такого красивого платья я в жизни не видела, — благоговейно пролепетала Элис. — Какой цвет! А какая ткань!

— К нему еще есть вышитый корсаж, — сообщил карлик. — И верхняя юбка в тон.

Он кинул наряд Элис и снова обернулся к сундуку. Порывшись там, он извлек корсаж с длинными свободными рукавами и тонкими серебряными галунами на спине и ярко-красную, вышитую серебром юбку.

— Быстро надевай, — нетерпеливо распорядился он. — Мы должны быть в зале до того, как войдет милорд.

Но Элис уже взяла себя в руки.

— Я не могу надеть платье, которое носила содержанка, — заявила она. — Тем более что можно подхватить сифилис.

Дэвид раскрыл рот и злобно рассмеялся.

— Эх ты, а еще знахарка, — выдавил он наконец, вытирая слезы. — Подхватить сифилис от платья! Такого прекрасного заблуждения я еще не слышал.

Он резко швырнул Элис корсаж с юбкой, и той пришлось поймать их.

— Надевай! — грубо прикрикнул карлик, неожиданно сменив тон.

Однако она все еще не решалась. В ее ушах отчетливо звучал голос, ее собственный голос, отчаянно призывающий матушку Хильдебранду явиться и забрать ее отсюда. Уберечь от позора, спасти, как много лет назад она спасла ее от Моры. Элис горестно качала головой. Гибель аббатства, потеря матушки — это стало для нее кошмаром, который омрачал каждую минуту. Она жила во мраке одиночества, ее всюду подстерегала опасность. И не было рядом аббатисы, которая любила и защищала ее.

— Я не могу надеть платье, которое носила содержанка, — тихо повторила Элис.

— Нет, можешь! — зарычал карлик. — Или придется надеть саван, девка. Я с тобой не шучу. Старый лорд не любит, когда ему прекословят. Иначе я проткну тебя насквозь и отправлюсь обедать один, если тебе угодно. Выбирай!

Девушка развязала платок на поясе, и ее платье упало на пол. Карлик смотрел на нее, словно на лошадь, оценивая достоинства. Глаза его скользнули по чашам груди под рубашкой из грубой ткани, ощупали тонкую талию и гладкие мускулистые бедра. Губы его сложились так, будто он собирался присвистнуть.

— У старого лорда всегда был хороший вкус к девкам, — пробормотал он себе под нос. — Судя по всему, для смертного одра он приберег самое аппетитное.

Элис через голову натянула платье и продела руки в мягкие рукава. Внутри они были подбиты белым шелком и имели прорезы, через которые виднелась тонкая белая ткань, а заканчивались небольшими манжетами с вырезанной из рога пуговичкой. Она повернулась к Дэвиду спиной, и он молча затянул, а затем завязал алую шнуровку. Какое-то время Элис смотрела на корсаж и юбку.

— Не знаю, как это надевать, — наконец сказала она.

— А я-то думал, все девушки знают, — удивился карлик. — Юбочка надевается сверху и завязывается сзади.

Он подставил ей юбку, Элис шагнула в нее, повернулась внутри, и он завязал шнурок ей на талии. Шурша, юбка опустилась до пола, спереди был длинный разрез, который открывал

красное платье. Девушка провела ладонями по юбке; серебряное шитье было прохладным и шершавым. Юбка оказалась слишком длинной — Мег, содержанка старого господина, была довольно высокой.

— А теперь это. И поторопись, девушка!

Дэвид протянул Элис корсаж. Она просунула руки через широко скроенные рукава, снова повернулась к карлику спиной, а он зашнуровал наряд сзади.

— Да что это такое? Камеристка я, что ли, черт меня побери... — ворчал он, продевая серебряные шнуры сквозь отверстия и туго их затягивая.

В самом низу корсажа он завязал узел бантиком и подоткнул под ткань. Элис снова повернулась к нему лицом.

— Ну-ка, одерни спереди, — приказал он. — И рукава тоже.

Она послушно одернула. Корсаж тоже оказался длинноват, по бокам упирался в бедра, а заостренный клин спереди опускался слишком низко. Он жестко сжимал ее, и грудь казалась плоской, составляя одну гладкую линию, начиная от пышной юбки и заканчивая квадратным воротом платья, выступающим над корсажем. Элис оправила верхние нарукавники, длинные и широкие, подвернутые так, что видны были великолепные нижние рукава с разрезами.

— И пояс болтается, — заметил Дэвид.

Элис затянула серебряный пояс потуже, его длинный конец опустился ниже, подчеркивая ее тонкий стан и резкую линию корсета, намекающую на вожделенный треугольник между бедер. Она провела рукой по стриженной голове: золотистые волосы торчали во все стороны.

Дэвид кивнул.

— Медок будет даже послаще, чем Мег, — проговорил он словно сам себе. — Кто только им полакомится, вот вопрос.

Девушка пропустила его слова мимо ушей. Карлик снова стал рыться в сундуке.

— Неужели нечем прикрыть голову? — рассуждал он. — Ничего такого. Все уборы прикалываются к волосам, а у тебя их нет. Так что иди простоволосая.

— Никто и смотреть на меня такую не станет, — засомневалась девушка.

— Еще как станет! — заверил он с каким-то злобным удовлетворением. — Половина из этой публики считает тебя чуть ли не святой целительницей, а другая половина думает, что ты очередная содержанка лорда. А молодой господин...

Тут его голос замер.

— Что? — уточнила Элис. — Что молодой господин?

— У него на хорошеньких девок тоже глаз наметанный, — просто ответил карлик. — Кроме того, у него с тобой свои счеты. Если бы, к примеру, старый лорд помер, молодой господин смог бы отправиться ко двору короля, избавиться от мегеры, на которой женился, и отлично устроиться в жизни. Он не поблагодарит тебя за труды.

— Мегеры? У него есть жена?

Дэвид знаком велел ей следовать за ним; они вышли из комнаты и спустились по каменной винтовой лестнице. Проходя мимо узкого стрельчатого окна, Элис вдохнула холодный

западный ветер, пролетевший над рекой Тиз и принесший ей с болот и вересковых пустошей запах родного дома и детства. На мгновение ей страстно захотелось вернуться в ветхую хижину на берегу реки, окруженную тихими пустошами.

Карлик усмехнулся и произнес:

— Она постоянно жалуется на него старому лорду. Однажды я был при этом и все слышал. Лорд Хьюго не спит с ней и плохо обращается. Однажды она так рассердила его, что он побил у нее на глазах ее любимую служанку. Гордый, свою жену не тронул, но такой крутой нрав, что самому дьяволу было бы страшно. Старый лорд когда-то держал Хьюго на коротком поводке, но прошло девять лет, и оба устали от этой ведьмы. Раньше он следил, чтобы сын не слишком обижал жену и снабжал ее в достатке всякими безделушками и благовониями, пытаясь немного подсластить ее сварливый характер. Но уж больно часто им доставалось от нее, и тому и другому, так что оба рады были бы от нее избавиться.

— Рады, но никак не могут, верно? — нахмурившись, спросила Элис.

Дэвид пожал плечами.

— Кто знает, как исправить ситуацию? Церковью теперь управляет король, а не наместник из Рима. И король ведет себя с женщинами, как пожелает. Почему бы не делать то же самое и молодому лорду? Законная жена бесплодна, но при разводе он останется без ее земель и приданого. Хьюго любит погулять, но так и не заимел ребенка ни от одной девки. Мегера остается здесь, пока не придумают, как от нее избавиться, не лишившись ее богатства.

— И как же? — поинтересовалась Элис.

— Например, уличить в супружеской измене, — прошептал Дэвид. — Или в случае ее смерти.

Они миновали пустую комнату для стражи и в полной тишине спустились по лестнице к большому залу.

— А она? — задала Элис новый вопрос.

Маленький человечек прокашлялся и презрительно сплюнул.

— Она готова на все, лишь бы вернуть любовь молодого господина. На все, только бы залезть к нему в постель. Женщина она горячая, да вот характер подкачал, сладострастная, а живет на голодном пайке. И ради мужа на все согласна. Я слышал, как она болтала об этом со своими дамами. — Дэвид помолчал и продолжил: — Каждый день она умоляет Господа послать наследника, тогда ее положение будет твердым. Каждый день молится, чтобы молодой лорд обратил на нее внимание и подарил ей сына, чтобы его светлость встал на ее сторону и не искал способов, позволяющих менять жен так же легко, как охотничьих собак. И она без ума от Хьюго... Да все бабы тут без ума от него!

— А как он... — начала было Элис.

— Ш-ш-ш, — оборвал ее карлик.

Он обернулся через плечо посмотреть, готова ли она войти. Элис кивнула, и он распахнул одну из массивных деревянных дверей.

ГЛАВА 4

Большой зал представлял собой огромное сводчатое помещение, тускло освещаемое узкими стрельчатыми окнами, прорубленными высоко в толстых каменных стенах, и факелами, закрепленными на стенах специальными скобами. С западной стороны располагался большой камин, в нем ярким пламенем горели сложенные как попало крупные дрова, комната была наполнена дымом, в воздухе плясали белые хлопья пепла. Слева на возвышении, совсем рядом с Элис, находились большой стол и три пустующих, обращенных к залу кресла с высокими резными спинками. По всему помещению тянулись четыре длинных стола со скамьями; на лучших местах, поближе к помосту, сидели солдаты и стражники; у южной двери из-за мест препирались слуги, повара и женщины.

В зале стоял страшный гвалт: у восточной стены грызлись несколько собак, солдаты колотили кулаками по столу и громко требовали хлеба и пива, стараясь перекрыть шум, гомонили слуги. Какой-то хорошо одетый молодой человек подошел к главному столу, снял с полки красивые канделябры, поставил их и зажег фитили бледно-золотистых восковых свечей.

Карлик Дэвид слегка подтолкнул Элис локтем.

— Сядешь в самом центре зала, — велел он. — Пойдем, я найду тебе местечко.

Слегка прихрамывая, вперевалку, он направился между столами. Едва карлик ее усадил, как по залу прокатилась волна возбужденного шепота. Дэвид сразу обернулся и похлопал девушку по руке, обращая ее внимание на главный стол.

— Теперь смотри! — торжествующе произнес он. — Видишь, как встречают милорда Хью? Видишь?

Гобелен позади стола на помосте отдернулся, небольшая стрельчатая дверь за ним открылась, и показался старый лорд Хью. Он опустился на одно из резных кресел как раз посередине стола. Секунду царило удивленное молчание, затем раздался громкий крик восторга и страшный грохот — это солдаты и слуги приветствовали своего господина, стуча по столу рукоятками ножей и барабана по скамьям башмаками.

Элис улыбнулась всеобщей радости, глядя, как старый лорд кивает шишковатым черепом, кланяясь сначала в одну, а потом в другую сторону. «Он неплохо выглядит», — отметила про себя Элис. После того как чуть ли не целую неделю она видела его наверху в тесной комнатке больным и беспомощным, ей было немного странно смотреть на лорда, по-хозяйски восседающего во главе стола. Она даже слегка покраснела — и от жары в зале, и от удовольствия. «Это я вылечила его! — с гордостью подумала она. — Я вылечила. Его все оставили умирать, а я вылечила». Это удивительное озарение было ей неожиданно приятно. Она вытянула перед собой руки, спрятанные под свисающими рукавами платья, и почувствовала, как бьется, как течет по всему телу к кончикам пальцев ее сила.

Она и раньше успешно лечила людей. В монастырской больнице — бродяг, странников, больных бедняков и нищих, в деревне — фермеров в их громоздких кроватях и крестьян на убогих соломенных ложах. Но старый лорд был первым, кому она вернула здоровье и лично наблюдала, как он поднялся со смертного одра и снова взял в свои руки несметную власть. «И это сделала я, — твердила Элис сама себе. — У меня хватило умения, я исцелила его. Я вернула ему здоровье».

Улыбаясь от этой мысли, она смотрела на лорда, как вдруг портьера за его спиной снова шевельнулась и в зале показался его сын.

Молодой лорд Хьюго был так же высок ростом, как и его отец, лицо у него было такое же

скуластое и жесткое, отцовские черные глаза, пронизывающий взгляд и орлиный нос. У кончиков губ залегли глубокие морщины, и на лбу, меж бровей, была складка, словно он постоянно хмурился. Но когда кто-то в зале крикнул: «Эй-эй! Хьюго!» — лицо его вдруг осветилось самой радостной и веселой улыбкой, будто к стогу сена поднесли пылающую головню.

— Мать Божья, — тихо промолвила Элис.

— В чем дело? — удивился Дэвид. — У тебя что, видение? Интересно, что ты там увидела.

— Нет-нет, — отозвалась Элис, не желая признаваться. — Ничего особенного. Пустяки. Просто увидела... — Она помедлила и беспомощно закончила: — Просто увидела, как он улыбается.

Ей бы посмотреть на Дэвида, но она не могла оторвать глаз от молодого лорда. Он стоял, небрежно положив руку на спинку кресла и повернув голову к отцу. Свет факела отражался в зеленом изумруде, сверкающем на тонком длинном пальце, широкий камзол тоже был зеленым, голову украшала надетая набекрень бархатная шляпа, из-под которой выбивались черные вьющиеся волосы.

— А вот и мегера, — подал голос Дэвид. — Вон она, садится слева от милорда.

Но Элис едва ли его слышала. Она все смотрела на молодого лорда. Это он был там, когда пылало аббатство. Это он хохотал, когда на крышах лопалась раскаленная черепица, взрываясь, словно фейерверк, и расплавленный свинец стекал на землю ослепительным водопадом. Это он виноват в том, что аббатство сгорело, что матушка Хильдебранда погибла, а сама Элис снова оказалась в целом мире одна без всякой защиты. Он преступник, он совершил самый страшный, самый тяжелый грех. Он поджигатель, и это отвратительно. Он убийца. Элис изучала его строгое лицо и умом понимала, что должна ненавидеть его как своего злейшего врага. Но Хьюго был так красив и обаятелен, что это действовало сильнее всякого колдовства. В этот момент старый лорд как-то пошутил, Хьюго закинул назад голову и засмеялся, Элис тоже не удержалась и улыбнулась — так мы смеемся вслед за хохочущим ребенком или улыбаемся, видя чью-то бурную радость. Она смотрела в дальний конец зала, на Хьюго, и понимала, что ее лицо, никем не замечаемое, сияет от удовольствия.

— Ишь ты, глянь-ка, какая спесивая, — пренебрежительно сказал карлик.

Жена молодого лорда была высока ростом и казалась старше своего мужа. Окинув зал властным и вместе с тем бесстрастным взором, она с холодным изяществом поприветствовала тестя, учтиво помедлила, дождавшись, когда усядутся лорды, и только потом опустилась на кресло. Наконец снова взглянула в зал и заметила Элис.

— Нагнись, — зашептал карлик. — Нагнись. Ради бога, опусти голову. Она смотрит на тебя.

Но Элис выдержала пристальный взгляд холодных серых глаз этой женщины.

Леди Кэтрин что-то спросила у одной из сидящих поблизости дам. Та сразу обернулась на Элис и подозвала слугу. Знахарка прекрасно понимала важность соблюдения этикета и субординации, она знала, что сейчас к ней направляется самый низкий по званию слуга, но глаз от лица леди Кэтрин не отвела.

— Две кошки на крыше одного сарая, — тихо пробормотал Дэвид.

Вдруг Элис стало больно; она так сильно сжала скрытые рукавами кулачки, что ногти впились в ладони. Слуга остановился прямо перед ней на покрытом грязным тростником полу.

— Леди Кэтрин приказывает вам выйти из-за стола, — доложил он. — Она требует вас

немедленно.

Элис покосилась на Дэвида.

— Делай, как считаешь нужным, — пожал он плечами. — Я пришел сюда пообедать. Ты пришла устроить кошачью драку. После обеда шагай напрямик в комнату милорда. И не вздумай тянуть время.

Все еще не отрывая взгляда от желтовато-бледного, широкого лица леди Кэтрин, девушка кивнула. Она медленно поднялась и через весь зал устремилась к главному столу.

Мужчины и дамы, перед этим весело болтавшие друг с другом, один за другим умолкали, поворачивая головы в ее сторону. Огромный волкодав сначала зарычал, но затем словно передумал и поплелся вслед за ней. Наконец она остановилась перед помостом; в спину ей глядели не менее двух сотен пар глаз, а перед ней холодно светились глаза леди Кэтрин.

— Мы должны отблагодарить тебя за то, что ты достойно проявила свое искусство, — сказала хозяйка замка безжизненным голосом, в котором слышался отвратительный южный акцент. — Судя по всему, тебе удалось излечить милорда и полностью вернуть ему здоровье.

Слова, звучавшие вполне милостиво, сопровождались ледяным взглядом.

— Я всего лишь исполнила свой долг, — ответила Элис, не отрывая глаз от лица леди Кэтрин.

— Так и я не устою, вот прямо завтра возьму и заболею! — весело засмеялся лорд Хьюго.

Сидящие на скамьях офицеры дружно подхватили его смех. Кто-то еще и залихватски присвистнул. Но Элис пропустила это мимо ушей, ее внимание приковал молодой лорд. Его черные полуприкрытые глаза смотрели лениво, а улыбка была такой теплой и располагающей, словно у них был какой-то общий секрет. Это было приглашение в постель, столь же недвусмысленное, как церковный колокол, зовущий к заутрене. Элис почувствовала, как лицо медленно заливают яркая краска.

— И не мечтайте, милорд, — ровным голосом произнесла леди Кэтрин, затем повернулась к Элис и резко спросила: — Откуда ты?

— Из Боуэса, — ответила девушка.

— Что-то говор у тебя не местный, — недоверчиво заметила леди Кэтрин и нахмурилась.

— Я провела несколько лет в Пенрите, — тут же соврала Элис. — Там живет моя родня. У них говор мягче, и они научили меня читать вслух.

— Ты умеешь читать? — вмешался старый лорд.

— Да, милорд, — подтвердила Элис.

— Может, ты и писать умеешь? По-английски и по-латыни? — заинтересовался изумленный старик.

Молодой лорд хлопнул отца по плечу.

— Вот вам и писарь, — ухмыльнулся он. — Девица — писарь. На нее можно будет положиться... уж она не сбежит от вас в попы.

За длинным столом совсем близко к помосту раздался смех, и человек в черном одеянии

священника поднял руку в сторону Хьюго, изображая фехтовальщика в схватке.

— Это лучше, чем ничего, — согласился его светлость. Он помолчал и грубо добавил: — Домой пока не поедешь. Мне нужно кое-что написать. Найди себе стул и сядь.

Элис кивнула и направилась обратно в конец зала, но ее остановил молодой лорд.

— Нет-нет! — крикнул он, после чего обратился к отцу: — Если уж она будет вашим секретарем, ее место здесь. Вы позволите, леди Кэтрин?

— Разумеется, милорд. — Кэтрин растянула губы в тонкой усмешке. — Все, что вы пожелаете.

— Пусть сядет с вашими дамами, — предложил Хьюго. — Эй, Марджерри, подвинься и освободи место для юной знахарки. Она будет обедать рядом с тобой.

Опустив глаза, Элис подошла к помосту и поднялась на три невысокие ступеньки. Здесь у самой двери стоял еще один небольшой стол, вокруг которого расположились четыре дамы. Элис взяла пятый стул и села с ними. Они недоверчиво переглядывались, пока слуги несли для новенькой оловянную тарелку, нож и массивный оловянный кубок, на котором был выбит герб Каслтона.

— Это правда, что ты ученица старухи Моры? — осведомилась наконец одна из них.

Элис узнала в ней миссис Эллингем — овдовевшую хозяйку прекрасной фермы возле Слейтхолма, которую выгнала из дома злая невестка.

— Да, — подтвердила девушка. — Сначала я жила в Пенрите, а потом стала работать у Моры.

Женщина уставилась на ее лицо.

— Да ты найденыш Моры! — изумленно воскликнула она. — Та самая маленькая девочка. Ты жила с ней, когда я отправилась сюда.

— Верно, миссис Эллингем, — отозвалась Элис и помедлила, лихорадочно соображая. — Я не сразу узнала вас, поскольку уехала в Пенрит сразу после свадьбы вашего сына. А потом вернулась.

— Но я слышала, ты ушла в монастырь, — строго произнесла женщина.

При этих словах одна из присутствующих охнула и вмешалась в беседу.

— Монашка?! Только не это! Я не стану сидеть за одним столом с монашкой! Это приличный дом, милорд не захочет обедать с еретичкой.

— Я останавливалась в монастыре всего на три дня по дороге в Пенрит, пока поджидала попутную повозку, — пояснила Элис, вцепившись пальцами в подол красного платья. — Я не жила там.

Миссис Эллингем важно кивнула.

— Если бы жила, тебе бы не поздоровилось, — заметила она. — Сам молодой лорд Хьюго со своими людьми потрепал это аббатство. Говорят, он лично ободрал в алтаре все папистские драгоценности и при этом хохотал как безумный. Все были пьяны, и он, и его друзья, и он позволил им устроить небольшой пожар. Но они перестарались, все монашки сгорели в кроватях.

Чувствуя, как дрожат руки, Элис сжала кулачки на коленях. Она все еще помнила удушливый запах дыма. В ушах стоял тот короткий крик, единственный, который она слышала. «Почему я тогда не погибла вместе со всеми? — думала Элис. — Не пришлось бы сидеть здесь и внимать этим сплетням».

— А я ручаюсь, он сделал не только это, — зашептала другая женщина, та, которую звали Марджери. — Вы только представьте, аббатство, где в постелях полно монашек! Уж он-то не оплошал бы перед тем, как их сжечь.

Элис посмотрела на нее с ужасом, остальные дамы оглянулись на сидящую к ним спиной леди Кэтрин.

— Ш-ш-ш, — предостерегла одна из них. — У нее слух, как у совы.

— А я все равно ручаюсь, что молодой лорд не оплошал, — настаивала Марджери. — Представить не могу, что господин не воспользовался моментом. У него всегда стоит, как у собаки мясника, разве он мог удержаться?

— Небось перед пожаром залез в постель к целой дюжине, — весело засмеялась ее соседка. — Уж он показал им, чего они упускают в жизни!

— Тише, — снова зашипела одна из дам, еще более настойчиво, но остальные уже не могли сдержаться и всю хихикали.

Элис отвернулась, пытаясь побороть охватившую ее злость.

— Замолчите, — сказала миссис Эллингем с притворной строгостью. — Такие речи не для ушей юной особы. Ты провела с ними под одной крышей целых три дня, вы, наверное, подружились?

Петух, который мирно бродил по залу и клевал между столами что придется, истошно заголосил — это пробегающий мимо слуга пнул его ногой.

— Нет, — ответила Элис, подавляя отвращение. — Старая Мора брала у них лекарственные травы, а за это я трудилась у них на грядках. Мора послала меня отработать долг. Вот я и находилась там, пока не сделала всю работу, а потом отправилась дальше. Я так и не познакомилась с ними как следует. И жила с их прислугой.

В полумраке зала перед ней вдруг ясно высветилось лицо аббатисы, матушка ласково улыбалась, Элис видела каждую ее морщинку. На мгновение ей даже показалось, что матушка легко коснулась ее плеча, оперлась на него, как бы приглашая прогуляться по монастырскому саду. Но нет, прохладная и сухая свежесть деревьев и грядок с лекарственными растениями, тишина и покой — все осталось в далеком прошлом.

— Я и половины из них не успела повидать. — Элис на ходу придумывала новые подробности. — У них в самом разгаре был пост... или праздник, и меня держали в сторожке у самых ворот. Мне было скучно все эти три дня, и я была очень рада, когда наконец приехала телега и увезла меня в Пенрит.

На помост ступил слуга, он подал серебряное блюдо с едой сначала старому лорду, потом его сыну, следом — леди Кэтрин. Только тогда все принялись есть нарезанное тонкими ломтями темное мясо.

— Это оленина, — удовлетворенно сообщила миссис Эллингем. — Дэвид приготовил неплохое угощение.

— Дэвид? — удивилась Элис. — Разве Дэвид распоряжается обедом?

— А кто же, — отозвалась Марджери. — Ведь он управляющий старого лорда, он распоряжается всем, что происходит в замке, все обитатели замка должны его слушаться, он надзирает за хозяйством и поместьями, приказывает, что надо выращивать, и все самое лучшее отбирает для замка. Молодой лорд Хьюго частично исполняет обязанности управляющего за пределами замка, в селах, кроме того, чинит суд и расправу вместе с отцом.

— А я думала, Дэвид простой слуга.

Миссис Эллингем засмеялась, и Элис покраснела.

— Не дай бог, он это услышит! — весело сказала дама. — После милорда и молодого лорда Хьюго он самый влиятельный человек в замке.

— И самый опасный, — тихо добавила одна из женщин. — Этот Дэвид злой, как змея.

Еду им пришлось ждать довольно долго. Наконец подали обед на блюдах тонкого олова — на серебре вкушали только лорды и леди Кэтрин. Мясо ели руками, разрезая ножом. Потом принесли похлебку в тарелках, ложки с толстыми ручками и хлеб из хорошо промолотой ржаной муки на толстом деревянном подносе. За господским столом ели с пшеничным хлебом; Элис хорошо видела большую светлую аппетитную буханку. Пища была слегка подогрета, только похлебка оказалась холодной.

Девушка положила ложку на стол.

— Тебе не по вкусу? — поинтересовалась ее соседка. — Кстати, меня зовут Элиза Херринг. Так тебе не нравится?

— Холодная, — пояснила Элис. — И кажется, пересолена.

— Она сварена из солонины, — вмешалась миссис Эллингем. — А солонина со дна бочки, провалиться мне на этом месте. Похлебка всегда холодная. Пока донесут из кухни, остывает. Горячего мяса я не ела с тех пор, как покинула дом.

— Вам бы лучше помолчать, мясо, видите ли, ей холодное, — сердито пробубнила Элиза Херринг. — Насколько мне известно, невестка не кормила вас олениной, ни горячей, ни холодной, ни даже сырой.

— Чума ее заberi, — ответила миссис Эллингем, после чего обратилась к Элис: — Вот ты смогла бы как-нибудь повлиять на незнакомую тебе особу? Смогла бы смягчить ее сердце и сделать так, чтобы она полюбила меня? Или свести в могилу? Кругом столько болезней, почему бы ей не подхватить лихорадку.

Элис пожала плечами.

— Я всего лишь лечу травами, и ничего больше. Колдовать я не умею, а если б и умела, не стала бы. — Элис сделала паузу и, только когда убедилась, что все дамы ее слушают, продолжила: — Да и заклинаний никаких не знаю. Немного лечу травами, и все. И милорда вылечила травами. Но насылать на человека хворь я не могу и не желаю.

— А приворожить могла бы? — любопытствовала Марджери, самая молодая из дам. — У тебя же есть всякие приворотные зелья, любовные напитки, травы, которые возбуждают желание, разве нет?

Ее взгляд то и дело невольно останавливался на молодом лорде Хьюго. Элис вдруг все это страшно надоело.

— Ну, есть такие травы, только ведь мысли человека не изменишь. Можно возбудить мужчину, он ляжет с женщиной и получит удовольствие, но полюбить-то все равно не полюбит.

Элиза Херринг громко расхохоталась.

— Так что ничего у тебя не выйдет, останешься при своих, Марджери! — весело воскликнула она. — Он спал с тобой много раз, а после презирал до тех пор, пока снова не ощущал зуд.

— Тихо, тихо вы, — испуганно зашипела четвертая женщина. — Госпожа может услышать. Вам же известно, какой у нее слух.

Подошел слуга и налил женщинам пива. Элис все смотрела туда, где обедали лорды. В ясном свете восковых свечей блестела серебряная посуда. На белоснежных льняных салфетках не было ни пятнышка. Вино пили из стеклянных бокалов. Элис поймала себя на том, что принимает, наслаждаясь запахом горящего воска, чистого полотна и хорошей еды; это напомнило ей аббатство. Когда она впервые попала в чистоту и порядок монастыря, то почувствовала страшный аппетит. Она сизмальства привыкла голодать и в аббатстве готова была работать за одни только кухонные отбросы. Все детство она постоянно мерзла, ноги ее не знали башмаков, кроме деревянных, не знали чулок и носков и зимой всегда были синие от холода. Когда она увидела, какие в аббатстве каминные, какие там носят теплые шерстяные рясы и добротные кожаные башмаки, ей страстно захотелось всего этого — если голодный замерзший человек вообще способен страстно чего-то хотеть. Но больше всего с ранних лет ей не хватало любви и привязанности. Покровительство Моры, грубость, с которой она делилась с девочкой знаниями, — вот и вся ласка. Элис нужна была мать, которая любила бы ее, а матушка очень любила всех своих послушниц, она была мудра и не боялась делиться своей любовью. Девочка стала любимицей аббатисы, матушка относилась к ней как к собственной дочери. Элис поняла, что в аббатстве ей будет хорошо. А потом статуя Богоматери улыбнулась ей, как бы поддерживая ее решение поселиться в монастыре, благословляя потребность в покое, в еде и любви. Элис была счастлива, она обрела призвание, попала в святое место, где можно вести праведную жизнь.

Девушка склонила голову над тарелкой, пряча досаду. За одну ночь она потеряла все: веру, подруг, достаток и удобства, возможность жить для себя. В аббатстве Элис могла бы подняться до самой высокой должности, стать когда-нибудь преподобной матушкой. И вдруг в одну ночь все разлетелось в прах. Она снова была выброшена из жизни, потеряла будущее и аббатису. Элис старалась не думать о матушке Хильдебранде — что толку позориться перед дамами, плача в их кругу о своем одиночестве? На господский стол подали лососину и салат из петрушки, шалфея, лука-порей и чеснока. Элис внимательно наблюдала за обслуживанием. Зелень была свежая, наверное, из личного огорода. Лососина — розовая, как цветы шиповника. Скорей всего, ее поймали в реке нынче утром. При виде сочной бледно-розовой мякоти, отливающей жиром, рот девушки наполнился слюной. Слуга швырнул перед ней на стол очередной поднос с хлебом, густо намазанным мясным паштетом, приправленным медом и миндалем, а другой слуга налил в кубок Элис еще пива.

— Я не голодна и хочу отдохнуть, — сказала девушка.

Однако Элиза Херринг покачала головой и пояснила:

— Нельзя выходить из-за стола, пока отец Стефан не прочтет молитвы и пока не встанут милорды и миледи. А потом ты должна вылить свою похлебку в лохань, это для бедных.

— Они питаются объедками? — промолвила Элис.

— Они рады и этому, — резко произнесла Элиза. — А ты разве не подавала бедным в Пенрите?

Элис вспомнила о тщательно отмеренных порциях монахинь.

— Мы отдавали хлеб целыми буханками, — сообщила она. — А иногда и бочонок с мясом. Кормили всех, кто появлялся у дверей кухни. А объедков не оставляли.

— Не очень-то это щедро, — удивилась Элиза, подняв выщипанные брови. — Человек милорда Хью каждый день во время завтрака ходит с лоханью по домам бедняков и раздает остатки обеда и ужина.

Тут поднялся священник, сидевший во главе стола прямо у возвышения, и на прекрасной латыни, чистым и звучным голосом начал молитву. Затем повторил ее на английском. Элис напрягла все внимание; прежде она не слышала, чтобы к Господу взывали по-английски, это звучало как богохульство — говорить с Богом обыкновенными словами, словно с соседским фермером... не надругательство ли это над верой? Но лицо ее даже не дрогнуло; она перекрестилась, когда это сделали остальные, и вместе со всеми поднялась из-за стола.

Леди Кэтрин и оба лорда направились к двери, расположенной рядом со столом пяти дам.

— Какое миленькое у вас платье, — обратилась леди Кэтрин к Элис, будто только теперь заметила ее наряд.

Ее голос звучал вполне дружелюбно, но глаза по-прежнему источали ледяной холод.

— Мне подарил его лорд Хью, — спокойно ответила Элис.

Она, не дрогнув, встретила пристальный взгляд хозяйки, подумав при этом: «Я могла бы возненавидеть тебя».

— Вы слишком щедры, милорд, — улыбаясь, проворковала леди Кэтрин.

— Славная будет девка, когда отрастут волосы, — ухмыльнулся тот. — Кэтрин, возьми ее к себе. Когда я болел, из нее получилась неплохая сиделка. Если уж она остается, лучше ее устроить с твоими дамами.

— Хорошо, милорд, — весело отозвалась леди Кэтрин. — Как прикажете. Но если б я знала, что вам нужен секретарь, я бы предложила свои услуги. Полагаю, моя латынь лучше, чем у этой... девицы, — закончила она с усмешкой.

Старый лорд бросил на нее хмурый взгляд из-под седых бровей.

— Возможно, — согласился он. — Но не все мои письма пристало читать даме. И вообще, это не твое дело.

На щеках леди Кэтрин проступил легкий румянец.

— Разумеется, милорд, — пролепетала она. — Надеюсь, девушка будет вам полезна.

— А теперь проводи меня в мою комнату, — распорядился его светлость, повернувшись к Элис. — Дай-ка я обопрюсь о тебя.

Он знаком велел ей подойти к нему, она повиновалась и, оказавшись спиной к леди Кэтрин, стриженным затылком сразу почувствовала ее злобный взгляд, словно холодный ветер дохнул на нее сзади; дрожь пробежала по ее спине. На ее плечо легла рука лорда Хью. Они покинули зал, миновали вестибюль и поднялись по винтовой лестнице в его комнату в круглой башне.

Лорд опирался на Элис, пока за ними не захлопнулась дверь.

— Ну вот, — сказал он, — ты и познакомилась с этой сучкой, моей невесткой, и с сынком тоже. Теперь понимаешь, почему я не позволял тебе ни с кем встречаться, почему мою пищу надо пробовать?

— Вы не доверяете ей, — догадалась Элис.

— Твоя правда, черт побери, — хмыкнул старый лорд, опускаясь в тяжелое резное кресло перед камином. — Я не доверяю им обоим. Им всем не доверяю. Кстати, мне холодно. Чего стоишь? Принеси мне плед.

Элис взяла с кровати один из подбитых мехом пледов и укутала старику плечи.

— Тебе придется ночевать с ее бабами, — отрывисто продолжал он. — Я не могу оставить тебя здесь: если все станут считать тебя моей содержанкой, для тебя будет только хуже. Но ты должна держать язык за зубами и не болтать лишнего обо мне и моих делах.

Девушка кивнула, не отрывая от него темно-синих глаз.

— Должна помнить, что это я послал за тобой, что здесь я приказываю и, пока я жив, ты будешь прислуживать только мне и больше никому. И еще будешь моими глазами и ушами. Будешь подслушивать все речи невестки и докладывать мне, особенно что она говорит обо мне и о своих планах. И о планах Хьюго тоже.

— А если я откажусь? — промолвила Элис таким тихим голосом, что он даже не разозлился.

— Ты не можешь отказаться. Ты дашь слово служить мне, быть моим соглядатаем, пронырой и знахаркой, или я прикажу удавить тебя и выбросить в ров. Выбирай. — Лорд как-то нехорошо улыбнулся. — Это твой свободный выбор, я не стану тебя принуждать.

Красивое бледное лицо Элис оставалось спокойным, как поверхность реки в безветренный, солнечный июньский день.

— Я согласна, — с готовностью отозвалась она. — Обещаю служить вам по мере сил... однако колдовать я не умею. Но и болтать про ваши дела не стану.

Старый лорд окинул ее суровым взглядом.

— Вот и хорошо, — заключил он.

ГЛАВА 5

Знание Элис латыни было досконально проверено с помощью писем, которые старый лорд рассылал во все пределы Англии. Он искал совета по поводу аннулирования брака сына с леди Кэтрин и хотел знать, как отнесутся к разводу его родные и ее дальние родственники. Он выдвинул предположение, что Кэтрин и Хьюго — троюродные брат и сестра, и слишком близкое родство является причиной отсутствия детей, а значит, их брак — «возможно», «вероятно», «может быть» — следует аннулировать. Письма его были поистине шедеврами туманных намеков и предположений. Элис переводила их на латынь, потом правила, улавливая верный тон осторожного наведения справок. Лорд хотел понять: какова будет степень сопротивления со стороны представителей его социального слоя, его противников, а также со стороны закона.

Также он готовил своих сторонников и друзей к тому, что скоро может умереть, тем самым

устраняя затруднения для сына. Старик передал с курьером два совершенно секретных послания своим «возлюбленным кузенам» во дворец Ричмонд и в Йорк, приказав им немедленно действовать, если его настигнет внезапная смерть, как бы случайная или по причине болезни, которую можно вызвать отравлением. Он велел им искать доказательства против невестки и заклинал подвергнуть ее пыткам и казнить, если будет найдена хоть одна улика, которая указывает на нее. У старика имелись самые мрачные подозрения насчет планов леди Кэтрин и ее чувств по отношению к нему. Если же улики будут указывать на сына (лорд понимал, что такое не исключено), их следует полностью проигнорировать. Порядок наследования гораздо важнее мести, кроме того, сам лорд Хьюго все равно будет мертв и благодарности от его сына «возлюбленные кузены» не получают.

Уткнувшись в бумагу, Элис писала. У нее в голове возникали мысли, что казнь Кэтрин за убийство — вариант более выигрышный и обошелся бы дешевле, чем отставка по причине бесплодия. Смерть старого лорда не пропала бы втуне; если бы в ней обвинили Кэтрин, его сын обрел бы свободу, снова женился и у него родился бы наследник, еще один Хьюго.

Старик диктовал, а Элис, склонив над бумагой стриженую голову, переводила и записывала его слова, стараясь быть слепой и глухой и не вникать в смысл фраз, лишь чуя запах исходившей от него опасности, — так заяц чует запах гончих и съезживается от страха. Впервые в жизни она поняла, что страна находится во власти коварных, постоянно плетущих заговоры лендлордов, которые отвечают за свои деяния только друг перед другом и перед королем. У каждого из них одно заветное желание: сохранить и приумножить богатство и власть своего рода, что достижимо лишь с расширением границ своих владений и с передачей их в целостности и сохранности наследнику.

Усердно скребя пером по тонкому качественному пергаменту, Элис поняла, что зачатие сына Хьюго и внука старого лорда есть не личное дело самого Хьюго и его сварливой жены и даже не семейное дело. Этот вопрос касался прежде всего денег и высокой политики. Если Хьюго станет наследником, а потом умрет бездетным, замок Каслтон и титул окажутся свободными, земли и владения будут разделены между покупателями, герб вернется королю и будет продан благороднейшему из претендентов, великий род северян падет, его история закончится, а имя будет забыто. В его жилище поселится другая семья, она получит замок и герб, а также право вести историю своего рода. Подобная перспектива наводила ужас на старого лорда Хью, ничего в мире он не боялся больше. Поселившись в замке, представители другого рода станут отрицать, что лорд Хьюго когда-либо существовал на земле. И в каждой строке, которую диктовал его светлость, Элис ощущала этот страх.

Он писал также ко двору. У него были припрятаны сокровища, награбленные в аббатстве, где жила Элис, и он собирался послать их в дар королю. Опись сокровищ, которую Элис переводила на латынь, являла собой шедевр изворотливости ума, когда золотые канделябры вдруг переименовывались в серебряные и даже в медные, а тяжелые золотые тарелки вообще исчезали из списка.

— В конце концов, мы сделали всю работу, Элис, — сказал однажды лорд. — Ведь не кто иной, как Хьюго, разрушил для короля аббатство с усердием истинного патриота. И мы заслуживаем своей доли.

Перечисляя серебро и золото, которое она лично чистила или просто держала в руках, вспоминая очертания серебряного потира на фоне белой алтарной занавеси и божественный вкус сладкого вина для святого причастия, Элис еще ниже опускала голову и продолжала скрипеть пером.

«Если я не убегу отсюда, то сойду с ума», — думала она.

— Эти монашки сбились с пути истинного, — заметил как-то лорд Хью, однако без нотки

сожаления в голосе. — Королевские инспекторы пожаловались, что монахини безнравственны и развратны, и Хьюго с отцом Стефаном отправились навестить старую аббатису и убедить ее заплатить штраф и исправиться. Во всех других местах, которые они посещали, монахи или монахини отдавали свои сокровища и каялись в грехах, а потому Хьюго обходился с ними милостиво. Но старая аббатиса оказалась упорной паписткой. Я не верю, что она признала за королем право развестись с вдовствующей принцессой Екатериной Арагонской.[6]

Лорд Хью сделал упор на титул. Восемнадцать лет он называл ее королевой Екатериной и теперь постарался не запнуться, несмотря на то что единственной его слушательницей была Элис.

— Аббатиса, конечно, присягнула королеве Анне, но я не уверен, насколько искренно. Она не захотела обсуждать проблемы веры с отцом Стефаном, даже когда он обвинил ее в распущенности и злоупотреблениях, и обозвала его честолюбивым молокососом. — Лорд Хью неохотно усмехнулся. — Она оскорбила его, ни в чем с ним не согласилась и выгнала их обоих, моего Хьюго и отца Стефана. Они вернулись домой, будто мальчишки, которых выбрали старшие. О, она была редкой женщиной, эта аббатиса. — Старик снова усмехнулся. — Мне нравилось встречаться с ней. Жаль, что все пошло не так и она погибла.

— А почему все пошло не так? — осведомилась Элис, стараясь говорить небрежно и беззаботно.

— Хьюго здорово напился, — ответил старый лорд. — Он возвращался домой с солдатами, семь дней они гоняли банду разбойников по горам и долинам. Он был пьян и весел, его люди воевали отчаянно, но слишком долго и тоже были пьяны, напились награбленного пива. Они развели костер, чтобы согреться и при свете перебрать сокровища. Они же собирали штрафы, все было по закону — или почти по закону. Отец Стефан отказался встречать их, не хотел ругаться с монахинями, он был все еще сердит на старуху аббатису. Он отправил Хьюго послание, в котором сказал: сжечь бы эту проклятую старуху — да и черт с ней. Солдаты давно желали повеселиться, и многие думали, что исполняют волю отца Стефана. Они развели огонь возле сенного сарая, а тот возьми и загорись, все и погибли. Нехорошо получилось.

— Да, — только и промолвила Элис.

Внутри у нее все трепетало, для успокоения ей пришлось незаметно сделать глубокий вдох.

— Ни одна не успела выскочить. Нехорошо получилось, — повторил лорд Хью. — Сын уверяет, что слышал их крики, а вокруг стоял ужасный запах горелого мяса. Как на кухне, где кухарка дура, вот что он сказал.

— Эту почту надо отправить сегодня, милорд? — спросила Элис.

Ее рука со свечой, плавящей сургуч, сильно тряслась, и у нее плохо получалось запечатывать письма.

Днем, когда старый лорд отдыхал, она была обязана сидеть в дамской галерее над большим залом и заниматься шитьем. Это была красивая комната, пожалуй, лучшая во всем замке. В ней имелся эркер с выходящим на внутренний двор широким окном из цветного нормандского стекла.[7] Потолочные балки были выкрашены яркой краской: зеленой, красной, багряной, ярко-синей и голубой. Стены были завешаны красивыми гобеленами, а проглядывающее дерево было обшито панелями или украшено резьбой, изображающей снопы пшеницы, тучных барашков, груды фруктов и разных товаров, напоминающих всякому о богатстве хозяев Каслтона. Дверной проем украшала резьба в виде тяжелых, ниспадающих складками портьер; элемент повторялся и в других уголках, в частности на скамье у окна, где часто

уединялись Кэтрин и ее избранные наперсницы, подальше от посторонних глаз. Здесь был и камин, нисколько не хуже монастырского, с квадратной дымовой трубой резного камня, по которой дым отводился наружу; воздух в помещении всегда был чист, и стены не покрывала сажа. Полы были застланы полированным деревом и усыпаны свежими травами, которые то сбивались в кучки, то снова разносились подолами женских юбок. Галерея была длинная, три четверти от расположенного ниже большого зала. Спальня Кэтрин находилась в дальнем конце слева, стрельчатое окно внутри, сделанное из дорогого стекла, смотрело во двор замка. Остальные женщины жили напротив; в узенькие бойницы их спален, выходящих на реку, задувал ветер, а в дурную погоду и снег. Рядом была еще одна небольшая комнатка, пустая, если не считать хранившейся там старой мебели и сломанных ткацких станков. Зимой и в плохую весеннюю и осеннюю погоду женщины от завтрака до темноты сидели в четырех стенах.

Они почти не двигались, разве что во время трапез спускались и поднимались по широкой недлинной лестнице в большой зал. В зимние месяцы они занимались шитьем, чтением, составлением писем, вязанием и пением, иногда ссорились.

Элис делала вид, что загружена работой у лорда Хью, и, как могла, держалась подальше от дамской галереи. Ей не нравились зачастую грубые женские сплетни, она опасалась и леди Кэтрин, которая, кстати, ни разу ей не угрожала, голоса не повышала, но и глаз с нее не спускала, как, впрочем, и с остальных дам. В комнате царила напряженная атмосфера незаметного, но непрерывного соперничества. В долгие часы между обедом и ужином, подававшимся уже в сумерках, когда Хьюго охотился или вместе с отцом вершил суд, собирал с арендаторов плату или объезжал свои владения, женщины предавались приятным беседам. Но как только по каменным ступеням слышались быстрые шаги Хьюго, они поправляли чепцы, разглаживали платья и переглядывались, критически оценивая и сравнивая себя с другими.

Одна Элис не поднимала глаз. В дамской галерее всегда находилось какое-нибудь шитье. Бесконечный гобелен, например, о двенадцати панелях, который начала мать леди Кэтрин, а перед смертью завещала дочери. Когда Хьюго с грохотом отворял дверь и возникал на пороге, Элис, уставившись на руки, продолжала делать стежок за стежком. С той минуты, когда она впервые увидела его, она ни разу не посмотрела на него прямо. Когда он появлялся, она выходила, а когда ей доводилось сталкиваться с ним на лестнице, она прижималась спиной к холодным камням стены, потупившись и молясь о том, чтобы он не заметил ее. Если он стоял близко, она кожей ощущала его присутствие, это было как дуновение ветра или дыхание. Когда за ее спиной закрывалась дверь, она каким-то образом понимала, что вышел именно Хьюго. Ей очень хотелось посмотреть на него, она поймала себя на том, что ее взгляд тянется к нему как магнитом. Ей интересно было увидеть, какое у него лицо: мрачное, молчаливое, угрюмое или светящееся живой и непринужденной радостью. Но она знала: когда он в комнате, леди Кэтрин, как часовой на сторожевой башне, неусыпно следит за каждой из дам. Малейший признак внимания Хьюго к любой из женщин будет немедленно разоблачен, и позже бедняжку ждет неминуемая и полноценная расплата. Элис пугала жгучая ревнивость госпожи, она опасалась бесконечных интриг в замке и скрытого, негласного соперничества в дамской галерее.

И еще она очень боялась нарушить обет. Боялась больше всего.

Однажды лорд Хьюго, легко взбегая по ступенькам навстречу спускающейся Элис, остановился, подождал, пока она поравняется с ним, взял ее одним пальцем за подбородок и повернул ее голову лицом к узенькому стрельчатому окну.

— А ты красивая, — заметил он, словно искал в ней какой-нибудь изъян и не нашел. — И волосы отрастают, гляди-ка, какие золотистые.

Голова Элис уже покрылась вьющимися золотисто-каштановыми локонами; они были еще слишком короткими, чтобы зачесывать назад, а потому, как у ребенка, торчали во все стороны.

— Сколько тебе лет?

Его влечение к ней было столь явным, что ей казалось, она чувствует его запах.

— Четырнадцать, — солгала девушка.

— Врешь. — Голос лорда звучал спокойно. — Так сколько?

— Шестнадцать, — неохотно призналась Элис, не отводя от него настороженного взгляда.

— Значит, уже взрослая. — Он помолчал и вдруг предложил: — Приходи ко мне ночью. Сегодня в полночь.

Бледное лицо Элис было непроницаемым, голубые глаза ничего не выражали.

— Ты хоть слышала, что я сказал? — спросил несколько озадаченный Хьюго.

— Да, милорд, — осторожно отозвалась Элис. — Слышала.

— Может, не знаешь, где моя комната? — уточнил он, словно только это могло быть помехой в исполнении его желания. — В круглой башне над комнатой отца. Как выйдешь, в зал не спускайся, а ступай по лестнице вверх. А я, малышка Элис, приготовлю для тебя вина, сластей и подарок.

Девушка молчала, уставившись в пол. Она ощущала, как горят ее щеки и глухо бьется сердце.

— Знаешь, о чем я думаю каждый раз, когда вижу тебя? — доверительно произнес Хьюго.

— О чем? — полюбопытствовала Элис, забыв об осторожности.

— О свежих сливках, — серьезно сообщил Хьюго.

— Как это? — удивилась она.

— Да вот так, каждый раз, как увижу, так сразу думаю о свежих сливках. Все время представляю, как обливаю всю тебя сливками и слизываю их.

Элис ахнула и отскочила, будто ее обожгло его прикосновение. Хьюго громко рассмеялся, увидев ее потрясенное лицо, и добавил:

— Значит, договорились.

Нисколько не сомневаясь в ее согласии, он улыбнулся обворожительной, подкупающей улыбкой, повернулся и снова побежал вверх, прыгая через две ступеньки. Элис слышала, как он насвистывает какой-то мадригал, словно радостный зимний дрозд.

Она прислонилась к холодной каменной стене, но холода не чувствовала. Тело ее наполнялось желанием, горячим, опасным, захватывающим дух. Она прикусила губу, но сдержать улыбку не смогла.

— Нет! — решительно воскликнула она. Но щеки ее так и пылали.

Элис хотела повидаться с Морой, и тем же вечером ей подвернулась такая возможность. Лорду Хьюго нужно было доставить письмо в замок Боуэс, и Элис предложила свои услуги.

— Если не успею обернуться, переночую у родственницы, — сказала она. — Мне все равно надо с ней встретиться, а заодно взять у нее лекарственные травы.

Старый лорд посмотрел на девушку и улыбнулся своей вялой улыбкой.

— Только обязательно вернись обратно, — предупредил он.

— Вы же знаете, что вернусь, — сказала Элис. — Теперь в пустоши нет для меня места, прежняя жизнь кончилась. И та, что была до нее, тоже. Словно переходишь из комнаты в комнату и за тобой закрываются двери. Приходится двигаться дальше, и прошлое постепенно отдаляется.

Старик кивнул.

— Лучше всего найди себе мужчину и закрой эти двери навсегда, и те, что впереди, и те, что позади.

— Я не выйду замуж, — отрезала девушка.

— Из-за твоих глупых обетов? — ухмыльнулся лорд.

— Да... — начала было Элис, но тут же прикусила язык и взяла себя в руки. — У меня нет никаких обетов, милорд. Просто я из тех женщин, кто терпеть не может спать с мужчинами. Воздержание развивает дар лечить травами. Моя родственница Мора живет одна.

Лорд Хью прокашлялся и сплюнул в огонь, который горел в углу комнаты; густой дым поднимался вверх и уходил через узкую бойницу наверху.

— А мне кажется, ты беглая монашка, — заявил он, поскольку, видимо, был настроен поболтать. — Твоя латынь слаба для светских писем, зато очень подходит для священных текстов. Волосы твои были побриты, и у тебя есть склонность, как и у всех монашек, ко всему изящному. — Он отрывисто рассмеялся. — А ты думала, голубоглаза, я не вижу, как ты гладишь руками тонкое белье, как тебе нравится свет восковых свечей, как ты любишь себя в этом красном платье, как наслаждаешься мерцанием света в серебряном шитье?

Элис молчала; сердце ее колотилось, но лицо оставалось спокойным.

— Со мной ничего не бойся, — продолжал лорд Хью. — Это отец Стефан помешался на новой религии и новой церкви — он фанатичный реформатор, настоящий святой. Хьюго любит новую церковь лишь потому, что она сулит ему выгоды: сокращение числа архиепископов, налоги с монастырских земель, власть, на которую он теперь претендует. Мы, лорды, отныне можем напрямую сотрудничать с короной, которая подмяла под себя духовных владык. — Старик помолчал и снова коротко улыбнулся. — Но я осторожен. В жизни эти повороты и смены курса случаются не один раз. Для меня нет разницы, висят ли в церкви картинки или нет, ем я мясо или рыбу, молюсь Богу на латыни или на английском. Для меня важнее то, что происходит у нас в Каслтоне, я размышляю, как переждать годы перемен. И я никому тебя не выдам. И не буду настаивать, чтобы ты поклялась в верности королю, не допущу, чтобы тебя публично раздели и высекли, чтобы проверяли на предмет ереси, а уличив, отдали на забаву солдатне.

От волнения Элис едва дышала.

— Или, во всяком случае, пока не допущу, — поправился старый лорд. — Пока ты помнишь, что принадлежишь мне. Что служишь мне. Что ты — моя раба. Моя и душой и телом.

Девушка склонила голову, демонстрируя преувеличенное внимание, однако не проронила ни звука.

— Если будешь служить мне верой и правдой, я позабочусь о твоей безопасности, возможно, увезу тебя тайно из страны в какой-нибудь уютный монастырь во Франции. Как тебе это?

— Как пожелаете, милорд, — ровно отозвалась Элис. — Я ваша служанка.

Она порывисто приложила руку к горлу и почувствовала, как под ладонью бьется жила.

— Нравится аббатство во Франции? — весело спросил старый лорд.

Элис молча кивнула, у нее даже дух захватило от такой перспективы.

— Я мог бы отправить тебя во Францию и даже выделить в дорогу сопровождающих, составить рекомендательное письмо к аббатису, в котором отметил бы, что тебе угрожает опасность и что ты — истинная дочь церкви, — с готовностью говорил старый лорд. — Я мог бы дать тебе приданое, которое ты взяла бы с собой в монастырь. Достаточно в обмен на твою верность?

— Я ваша преданная слуга, — едва слышно пролепетала Элис. — И была бы вам очень признательна, если бы вы отправили меня за границу.

Старый лорд смерил девушку взглядом.

— Но до тех пор ты будешь служить мне беспрекословно, — заявил он. — Это будет твоей платой за переезд.

— Все, что прикажете, — кивнула Элис.

— Я так полагаю, тебе надо остаться девственницей. Иначе в монастырь тебя не примут. Хьюго уже пытался тебя соблазнить?

— Да, — искренне призналась Элис.

— И что ты ответила?

— Ничего.

Лорд рассмеялся резким смехом.

— Ну смотри, дело твое, моя хитрая лисичка... Значит, он уверен, что ты будешь принадлежать ему, а ты поклялась соблюдать мои интересы, но исповедуешь еретические взгляды или веришь в свое таинственное искусство, а может, у тебя вообще в голове творится черт знает что. Признайся!

— Нет, милорд, — тихо возразила Элис. — Я мечтаю отправиться в монастырь и возобновить послушание. Я готова исполнить любое ваше желание, если вы проводите меня к месту моего служения.

— Тебя нужно оградить от моего сына?

Девушка покачала головой.

— Нет. Я хочу повидаться с моей родственницей и сегодня переночевать у нее. Мора могла бы дать мне добрый совет.

Старик откинулся на спинку кресла, словно неожиданно почувствовал усталость. Элис молча

направилась к выходу. Взявшись за ручку двери, она обернулась: лорд наблюдал за ней из-под полуприкрытых век.

— Только не вздумай его опоить чем-нибудь, — откровенно предостерег он. — Никаких, черт побери, проклятых отваров, которые убивают влечение. Ему нужен сын, а потому нужна мужская сила. Я велю ему отправляться к жене, когда очень приспичит. Под моим присмотром тебе ничего не грозит. Когда твоя служба закончится, я выполню обещание и доставлю тебя куда угодно.

— А когда это случится, милорд? — уточнила Элис тихим голосом, стараясь не выдавать своего волнения.

Его светлость зевнул.

— Когда решатся проблемы с браком моего сына, — небрежно обронил он. — Когда избавлюсь от этой ведьмы и в постели Хьюго появится новая невестка, способная рожать. Ты будешь тайно работать на меня до тех пор, пока я не увижу впереди ясное небо, тогда ты мне станешь не нужна. Сослужишь добрую службу — и я сделаю все, чтобы ты снова оказалась в стенах монастыря.

— Благодарю вас, — спокойно сказала Элис и вышла из комнаты.

Оказавшись за дверью, она прислонилась спиной к стене и постояла немного, глядя на небо через узкую бойницу. Порывами залетал холодный ветер, неся с собой запах болот и вересковой пустоши. Впервые за много месяцев в сердце Элис затеплилась надежда. Неужели она скоро окажется дома, неужели освобождение так близко?

Чтобы добраться до замка Боуэс, она взяла толстого пони[8] Элизы Херринг. Уверенная, что совладеет с перекормленным старым животным, Элис забралась на пони, плотно обернув ноги подолом красного платья. Сопровождал ее, также верхом, один из молодых слуг замка. Когда ее лошадка объезжала кучу отбросов на грязной улице, в нескольких домах со скрежетом распахнулись двери и высунулись лица, с любопытством на нее глазевшие, а за спиной о стену ударилась горсть брошенных кем-то камней. Девушка невольно пригнулась. У нее не было друзей в деревне Боуэс. Все считали ее опасной, чуть ли не ведьмой, а теперь еще и презирали как новую содержанку лорда, деревенскую девчонку, вознесшуюся над их маленьким мирком.

В замке Элис оставила письмо у дворецкого, зная, что если бы даже он осмелился взломать печать, прочитать все равно не смог бы, поскольку письмо было на латыни. Затем она отправила сопровождающего обратно в замок лорда Хью и дальше поехала одна. Путь из Каслтона в Боуэс и Пенрит пролегал по гребню пустоши между торфяниками. Взглянув на холм из долины Боуэс, Элис увидела бледную прямую ленту, еще по приказу римского наместника разделившую страну на западную часть и восточную. Дорога была безлюдной. Эти земли были почти не заселены. Путешественники останавливались и с той и с другой стороны пустоши, в Каслтоне на востоке и в Пенрите на западе, и дожидались спутников, чтобы странствовать в компании и в случае опасности успешно защищаться. Здесь водились дикие звери, кабаны и волки, поговаривали и о медведях. Зимой нередко случались метели, и укрыться было негде. Но самое неприятное, в округе было много разбойников и грабителей, как правило, шотландцев, а также подозрительных попрошаек и бродяг.

Элис по дороге не поехала, а свернула на узенькую овечью тропку, которая бежала вдоль реки Греты через густой лес, где росли буки, вязы и дубы и где в тени деревьев прятались олени. Широкая полноводная река неторопливо текла по каменистому руслу, а под каменными плитами пролегалo невидимое русло подземной реки и скрывалось огромное

озеро, полное рыбы, предпочитавшей жить в этих темных глубинах. Даже сидя на лошади, Элис ощущала огромную массу воды под землей, ее целеустремленное движение по невидимым глазу подземным полостям и пещерам.

Лошадь вырвалась из лесной чащи и, тяжело дыша, потрусила наверх, в сторону заката, через заросшие скудной травой пастбища, где обычно гуляли овцы, а иногда и несколько тощих коров, все выше и выше к заросшим вереском торфяникам. Когда-то давно, еще до того, как в Боуэс нагрянула чума, когда в деревне было много работоспособных мужчин, пастбища обнесли стеной, отделив их одно от другого. Теперь камни обвалились, и овцы щипали травку, где хотели. Весной во время стрижки или зимой во время убоя скота их различали по клеймам на шерсти. В каждой деревне было свое клеймо, но все овцы принадлежали лорду Хью.

Река здесь разлилась, мчащийся поток вышел из каменистых берегов и накрыл луга, затопив огромные пространства. Элис ехала по самой кромке рядом с водой, слушала ее журчание и смеялась, когда пони шарахался в сторону от какой-нибудь лужи. В торфяной воде, крутятся и кувыркаясь, проплывали обломки древесины и водоросли, а по краям, словно в кипящем котле, били, булькали и ворчали многочисленные родники, извергая коричневые струи, уносящиеся вниз по течению. Побегии ползучей ежевики, свисающие с полуразрушенных, сложенных без раствора каменных стен, были густо усыпаны тяжелыми ягодами; рябина краснела гроздьями алых плодов на фоне чахлой серо-зеленой зимней травы, испещренной пятнами поганок с коричневыми шляпками на тоненьких длинных ножках. Элис прищпорила лошадку и пустила ее в легкий галоп. В седле она держалась легко, ветерок откинул капюшон на спину и обдувал раскрасневшееся лицо.

Вдали показались серые каменные плиты моста, в воде под ним образовался затор, и паводок сильно разлился, сверкая, как расплавленное олово. Лачуга Моря, словно маленький ковчег, стояла на небольшом бугорке в стороне от разлива. Элис приподнялась на стременах.

— Эй! Мора! — крикнула она.

Когда пони рысью подъехал к лачуге, Мора уже ждала на пороге, прикрывая глаза от лучей красного зимнего солнца.

— Откуда у тебя лошадь? — спросила она вместо приветствия.

— Взяла покататься, — небрежно бросила Элис. — Я не совсем, мне разрешили только навестить тебя. Надо поговорить.

Темные остренькие глазки старухи пристально уставились на девушку.

— Ага, значит, все-таки молодой лорд Хьюго, — сразу догадалась она.

— Да, — кивнула Элис, не удивляясь пронизательности Моря. — И лорд Хью запретил мне давать ему зелье, которое убьет его похоть.

Черные брови старухи взметнулись вверх.

— Им нужен наследник, — заметила она. — Привяжи пони за калиткой, а то он поест все мои травы. И заходи в дом.

Девушка привязала лошадку к колючему кусту боярышника, растущему возле калитки, приподняла подол красивого платья, боясь испачкаться, и направилась в хижину.

Она уже успела забыть смрад, стоявший внутри. Выгребная яма находилась за хижинной с подветренной стороны, но сладковатый, тошнотворный запах дерьма и острый запах мочи

витамины вокруг дома и проникали сквозь все щели. Выгребная яма была такая же старая, как и сама лачуга, и всегда омерзительно воняла. В очаге тускло мерцало пламя; сырые дрова едва горели и чадили, и хижина была полна черного дыма. Когда Элис распахнула дверь, из-под ног с кудахтаньем выскочили две курицы, оставив блестящие зеленоватые кучки помета. Новые кожаные башмаки Элис скользили на влажном земляном полу. Воздух был сырым и холодным, сказывалась близость паводковых вод — всего в нескольких ярдах от порога. В сумерках над рекой клубился тяжелый туман, он проникал под дверь и в маленькое окошко. Элис подобрала подол повыше и уселась перед огнем, без спроса взяв табуретку Моры.

— Я принесла тебе немного денег, — сообщила она, — и мешок еды.

Старуха кивнула и равнодушно поинтересовалась:

— Украла, что ли?

— Дал старый лорд, — пояснила Элис. — Еще он подарил мне это платье.

— Хорошее платье, — похвалила Мора. — Такое даже леди носить не стыдно. И уж тем более содержанке лорда Хью.

— Да, все считают меня содержанкой, — вздохнула Элис, — но он уже очень стар, Мора, и болен. Он ко мне не прикоснулся. Он... — Девушка умолкла, изумленная мыслью, которая впервые пришла ей в голову. — Он очень хорошо ко мне относится, Мора.

Та нахмурила свои темные брови.

— Такого с ним раньше не бывало, — удивилась она. — Хорошо относится, значит? Может, ты нужна ему для каких-то целей, но он пока их скрывает?

Возникла пауза.

— Может быть, — наконец согласилась Элис. — Впервые вижу человека, который планирует на много лет вперед. Он продумывает все, включая свою смерть и даже смерть внука, который пока не зачат. Он и мою жизнь продумал — сейчас я работаю на него, ему нужен писарь, умеющий держать язык за зубами, а когда я все сделаю, он доставит меня целой и невредимой в монастырь. — Девушка запнулась, встретив недоверчивый взгляд черных глаз Моры, и продолжила: — Это мой единственный шанс. Он пообещал отправить меня во Францию, в какой-нибудь женский монастырь. Он моя единственная надежда.

Старуха едва слышно что-то пробормотала и повернулась, собираясь лезть по стремянке на свою лежанку.

— Согрей воду, — распорядилась она. — Мне надо запарить ромашку. У меня должна быть ясная голова, а ромашка хорошо помогает.

Элис наклонилась, поддула на огонь и установила над пылающими углями небольшой котелок на трех ножках, наполненный водой. Когда вода закипела, она бросила в нее ромашковые лепестки и дала настояться. Спустилась Мора, и обе принялись пить заварку из одной чашки, сделанной из выкрашенного рога. Старуха прихватила с собой мешочек гадальных костей. Она сделала глубокий глоток, потом потрясла мешочек с костями и протянула его своей воспитаннице.

— Доставай, — велела она.

Девушка медлила, не решаясь взять кость.

— Доставай! — настаивала Мора.

— Это что, колдовство? — уточнила Элис. — Черная магия, а, Мора?

Она нисколько не боялась, глаза ее смотрели на старуху с вызовом. Та пожала плечами.

— Кто его знает. Кому черная магия, кому гадание, а кому и глупости выжившей из ума старухи. Но мне точно известно, что это нередко сбывается.

Элис тоже пожала плечами и, увидев нетерпеливое движение Моры, вытащила из мешочка плоскую, украшенную резьбой кость, потом еще одну и еще.

Старая знахарка уставилась на кости.

— Ворота, — наконец сообщила она. — Сейчас ты находишься перед выбором. У тебя три дороги: жизнь в замке с ее выгодами, радостями и опасностями; жизнь монашки, за которую тебе придется сражаться, как сражались святые; и последнее — бедность, грязь, голод. Но... — Мора тихо засмеялась. — Незаметность. Самое главное для женщины, особенно если она бедна, особенно, если однажды состарится.

Она перевела взгляд на вторую кость с нацарапанной коричневыми чернилами руной, ненадолго задумалась и удивленно произнесла:

— Единство. Когда выберешь, получишь шанс на единство — сердце и разум идут в одном направлении. Сделай свой выбор сердцем и будь верна ему. Одна цель, одна мысль, одна любовь. Что бы ни было предметом твоего желания: магия, Бог или любовь.

Лицо Элис побелело, а глаза потемнели от гнева.

— Он не нужен мне, — процедила она сквозь зубы. — Мне не нужна любовь, не нужна страсть, не нужно плотское желание. И он не нужен. Я хочу вернуться туда, где мое место, в монастырь, там моя жизнь обретет порядок, покой, безопасность и достаток. Вот и все.

— Что-то маловато, — захихикала Мора. — Маловато для грязной девки из Боуэса, к тому же беглой монашки. Не больно-то много — покой, безопасность, достаток. Скромные же у тебя запросы.

— Ты ничего не понимаешь! — раздраженно воскликнула Элис. — При чем здесь скромные запросы? Это моя жизнь! Моя жизнь, и я к ней привыкла. Это мое место, которое я заслужила. На большее я не претендую. Благочестие и место, где мне будет спокойно. Благочестие и покой.

Улыбаясь чему-то, Мора покачала головой.

— Редкое сочетание, — тихо промолвила она. — Благочестие и покой. Мне всегда казалось, что дороги святости чаще всего каменисты.

Элис передернула плечами.

— Да откуда тебе-то знать? — усмехнулась она. — По какой дороге ты шла всю свою жизнь, разве не по той, которую сама выбрала?

— Верно, но я шла по одной дороге, — заметила старуха. — Меня правильно называют знахаркой. Как раз об этом говорит руна Единства. Выбери одну дорогу и будь верна ей до конца.

— Ну а что говорит последняя? — полюбопытствовала Элис.

Мора перевернула кость и несколько раз оглядела весь расклад.

— Один.[9] Смерть, — небрежно обронила она и убрала все три кости обратно в мешочек.

— Смерть! — испугалась Элис. — Чья смерть?

— Моя, — равнодушно пояснила Мора. — А еще старого лорда Хью, молодого лорда Хьюго и твоя тоже. Ты что, надеялась жить вечно?

— Нет... — Элис на секунду запнулась. — Но... ты намекаешь, что скоро?

— Смерть всегда приходит слишком скоро, — вдруг гневно ответила Мора. — У тебя будет несколько дней страсти и возможность сделать выбор перед тем, как она придет. Но она всегда приходит слишком скоро.

Девушка нетерпеливо ждала, что еще добавит Мора, но та, избегая ее взгляда, сделала большой глоток отвара. Тогда Элис достала из кармана небольшой кошелек с медными монетами и положила Море на колени. Однако старуха сбросила его на пол.

— Мне нечего больше сказать, — заявила она.

— Тогда просто поговори со мной, — попросила Элис. Секунду бледное лицо ее трепетало, она снова стала похожа на маленькую девочку. — Поговори со мной, Мора. Там у них как в тюрьме. Все мне враги, кроме старого лорда.

Мора слегка оживилась и наклонила голову.

— И ты хочешь сбежать оттуда? — поинтересовалась она. — Снова сбежать?

— У меня теперь есть лошадь. — Элис тоже оживилась, когда эта мысль пришла ей в голову.
— У меня есть лошадь, и если бы были деньги...

Старуха быстро выставила вперед босую ногу и накрыла грязной ступней валяющийся на полу кошелек.

— Есть же где-нибудь женский монастырь, куда меня примут, — продолжала Элис. — Ты наверняка слышала про такой, Мора!

— Ничего я не слышала, — возразила знахарка. — Кругом обсуждают только инспекторов с их штрафами и нападки на монастыри, как мужские, так и женские, нападки, идущие от самого короля. Твое аббатство ободрали как липку, из церкви утащили скамьи, с крыш сняли черепицу, даже камни разобрали на фундаменты и увезли. Сначала люди лорда Хьюго, проживающие в замке, а теперь по его приказу и деревенские. Насколько мне известно, то же самое происходит и на севере, и на юге. До Шотландии еще не дотянулась рука короля, так что попробуй. Но не успеешь дойти до границы, как тебя убьют. Девушка кивнула. Она протянула руку к чашке, и Мора, снова наполнив ее, подала ей напиток.

— Дух времени против тебя, — изрекла старуха. — Люди долго злились, глядя на богатые аббатства, довольных собой монахов и священников, видя их жадность и скупость. Они захотели, чтобы их землей владели другие или вообще никто. Не вовремя ты решила стать монахиней.

— Я вообще родилась не вовремя, — горько пожаловалась Элис. — Я не гожусь для этого времени.

Мора мрачно ослабилась.

— Я тоже, — заметила она. — И огромное множество других. Я ошиблась, взяла больше, чем могла удержать. Мой грех был в том, что я кое-чего добилась. И тогда против меня двинули силы закона и власти, которые находились в руках мужчин. Суд принадлежал мужчинам, законы разрабатывались мужчинами; а я спряталась, окружила себя древним умением, силой, которой обладает только женщина. — Мора посмотрела на Элис, в ее взгляде не было ни капли сочувствия. — А твоя вина в том, что ты отказываешься жить спокойно. Сидела бы здесь со мной и никого бы не боялась, кроме охотников за ведьмами, но тебе понадобился Том, его дом и земли. А когда ты увидела более выгодный вариант, то сбежала. Все думали, что Том умрет от горя, он умолял меня заставить тебя вернуться. А я смеялась ему в лицо. Я знала, что ты не вернешься. Ты нашла кое-что получше. И твои желания изменились. Мне было известно, что по доброй воле ты никогда не вернешься. Ты бы навсегда осталась в монастыре, верно?

— Я любила матушку Хильдебранду, нашу аббатису, — отозвалась Элис. — И она очень любила меня. Она любила меня, как собственную дочь. Это точно. Она научила меня читать и писать, обучила латыни. Она уделяла мне много внимания, у нее были большие планы насчет меня. Я занималась травами в лечебнице и в кладовой, а в библиотеке училась. Мне не приходилось делать тяжелую и грязную работу. Я была любимицей для всех, каждый день я мылась и спала очень крепко. — Девушка покосилась на Мору. — Тогда у меня было все. И любовь матушки, самая настоящая и чистая любовь, и покой, и праведная жизнь.

— Отныне в Англии ты этого не сыщешь, — предупредила Мора. — Но король не вечен. В конце концов он может снова договориться с Папой, и дела поправятся. Его наследники восстановят церковь. Однако английские монахини больше не возьмут тебя обратно...

— А если они не узнают, что я бежала... — начала было Элис.

Мора решительно покачала головой.

— Догадаются. В ту ночь ты единственная выбралась из монастыря, остальные сгорели, так и не проснувшись.

Элис на секунду закрыла глаза, ей опять почудился запах дыма, привиделись желтые отсветы пламени, пляшущие на белой стене кельи. Снова раздался единственный пронзительный крик, который она услышала, когда нырнула в калитку, подхватила повыше подол и понеслась, не думая о других, забыв об аббатисе, любившей ее, как собственную дочь. А матушка в ту минуту спокойно спала, дым пробрался в ее келью, вился над ней и задушил, и она уже не видела, как языки пламени лизали ее матрас и постельное белье, а потом и мертвое старое тело.

— Единственная из тридцати, — со скрытой гордостью напомнила Мора. — Единственная — самая трусливая, самая шустрая и самая непостоянная.

— Не надо, Мора, — мягко прервала ее Элис.

Знахарка причмокнула губами, глотнув ромашкового чая.

— Так что ты собираешься делать?

Элис вызывающе подняла голову.

— Я не сдамся! Ни за что не опущусь, не буду еще одной старой ведьмой, прозябающей на болоте. — Она оглядела стены лачуги. — Это не моя жизнь. И я никогда больше здесь не окажусь.

Мора кивнула, глядя на пылающее гневом лицо девушки.

— Я не такая, как остальные, — рассуждала Элис. — И не останусь на всю жизнь какой-нибудь приживалкой или прислужницей. Не хочу прислуживать этой ленивой и неприятной женщине, которую я презираю. Я не буду терпеть от Кэтрин унижения и не отдамся ее мужу. Не позволю им использовать и оскорблять себя ради прихотей. Я имею право быть свободной. Я имею право на свободу, Мора!

Старуха пожала плечами и усмехнулась.

— Право умереть с голоду, — равнодушно произнесла она. — Этот погрязший во зле мир не признает наших прав, дорогуша. Уж лучше постарайся смириться и прими его таким, какой он есть.

Девушка покачала головой.

— Я никогда не смирюсь с унижением. И никому не удастся сделать из меня служанку или содержанку. Никто не заставит меня выйти замуж за какого-нибудь дурня, жить с ним в хибаре и каждый год рожать ему детей, пока я не умру от тяжелой работы и истощения. Так или иначе, но я вернусь в монастырь, там мое место. Старый лорд сдержит свое обещание, он отправит меня во Францию. Если мне удастся избежать внимания лорда Хьюго и злых козней его жены, если я смогу сохранить девственность там, где всем правит похоть, я обязательно поселюсь в монастыре.

— Для этого потребуется везение и немало трудов, — задумчиво промолвила Мора. — Тут мне приходится в голову только один способ.

Она замолчала, и Элис наклонилась к ней поближе.

— Говори, — велела она.

— Заключить договор, — пояснила знахарка. — Договор с самим дьяволом. Он оградит тебя от молодого лорда и заставит его избегать тебя. Мне известны приемы черной магии, могу показать. Умею вызывать Князя тьмы, он наверняка явится к тебе, ради твоей чистой души. И ты купишь у него покой и комфорт, ты ведь об этом мечтаешь. Только так ты достигнешь спокойствия, порядка и безопасности. Но будешь принадлежать дьяволу и никогда не станешь обыкновенной женщиной.

Какое-то мгновение девушка колебалась, словно ей предлагали с головой окунуться в ад, затем спрятала лицо в ладони и простонала от боли.

— Но я не хочу! — крикнула она, будто снова стала маленькой девочкой. — Мора, я не хочу! Мне не нужны крайности. Мне нужно совсем немного: достаток и свобода. Хочу обратно в монастырь, к матушке Хильдебранде. Я боюсь дьявола, боюсь колдовства. Я опасюсь молодого лорда и его бесчувственной жены. Желаю быть там, где мне ничто не угрожает. Я слишком молода для этих нечистых дел, твой выбор сомнителен, и он мне не нужен! Я еще мало жила и не могу сама позаботиться о своей безопасности. Я хочу к матушке Хильдебранде! Я хочу к маме!

Закрыв лицо руками, слегка подавшись в сторону Мора, будто без слов умоляя себя обнять, она разразилась бурными рыданиями. Однако старуха, склонив голову и скрестив руки на груди, смотрела на огонь, молча ожидая окончания истерики. Горе девушки нисколько не тронуло ее.

— Ты нигде не будешь в безопасности, да и я тоже спокойно заметила Мора, когда Элис немного успокоилась. — Мы с тобой женщины, которые ведут себя не так, как того требуют мужчины. Таких, как мы, везде ждут угрозы. И сейчас, и в любое другое время.

Волна рыданий Элис, разбившись о мрачное безразличие Моря, затихла. Она молча утирала слезы тонким шерстяным рукавом. В очаге громко щелкнула и вспыхнула желтым пламенем ветка.

— Тогда я вернусь в замок, и будь что будет, — смиренно заключила Элис.

Мора кивнула.

— Мать Божья однажды избрала меня, — едва слышно прошептала девушка, вспомнив о своей святой тайне. — Она дала мне знак. Я совершила страшный грех, но надеюсь и верю, что Она укажет мне дорогу. Она наложит на меня епитимью и отпустит грехи. Она избрала меня не для того, чтобы я не оправдала Ее ожиданий.

Старая знахарка заинтересованно вскинула брови.

— Смотри какая это богиня, — рассудительно произнесла она. — Есть и такие, которые как раз избирают тебя, чтобы посмотреть на твой позорный провал. Для них это в радость.

— Замолчи, Мора! — раздраженно воскликнула Элис. — Ты язычница и еретичка. С тобой разговаривать — только время попусту тратить.

— Ну так не разговаривай, — ухмыльнулась Мора; слова воспитанницы ее нисколько не задели. — Мать Божья избрала тебя. Вот Она и позаботится о тебе и твоей безопасности, пока ты доиграешь Ее игру до конца, какой бы она ни была. Положись на Нее всецело, агнец ты Божий. Тогда зачем ты пришла, зачем нужно было гадать на костях и заглядывать в будущее?

— Молодой лорд для меня опасен, — призналась Элис; она съежилась и крепко сжала ладони. — Он способен отнять меня у Матери Божьей. И тогда я пропала.

— А Она разве не поразит его слепотой, спасая тебя? — с издевательской улыбкой спросила Мора. — Разве не протянет Свою святую ручку и не остановит его, когда он полезет тебе под юбку?

Девушка бросила на Мору сердитый взгляд.

— Мне надо защититься, найти способ. Иначе я стану игрушкой в его руках. Сегодня ночью он приказал мне явиться к нему. Если он возьмет меня силой, я никогда больше не стану монахиней. Он попользуется мной и выбросит, а его жена прогонит меня. И как только все узнают, что сделал со мной молодой лорд, меня пропустят через всех стражников в караульном помещении, хорошо, если только это.

— Тогда уж лучше покрепче держи ноги вместе и совершенствуй латынь, — рассмеялась Мора. — Молись своей Матери Божьей и положись на старого лорда. — Она помолчала и добавила: — Если не погнушаешься, моя безгрешная, есть кое-какие травы, которые сделают тебя не очень сладенькой для мужчины.

— Мне нельзя убивать его похоть, — напомнила Элис. — Старый лорд запретил строго-настрого, он будет следить за этим. Мне нельзя давать Хьюго ничего такого, что может ослабить его влечение.

Мора поднялась и направилась в угол, где сушились, свисая с балок лежанки, пучки трав.

— Сама станешь пить, — велела она. — Будешь делать отвар и пить каждое утро, пока не остынет. К женщине, принимающей это зелье, у мужчин пропадает желание.

Элис кивнула.

— А как можно женщину лишить желаний? — как бы невзначай обронила она.

Старуха обернулась, ее темное лицо под шапкой седых волос осветилось озорной улыбкой.

— Женщину? — уточнила она. — Но, моя маленькая монашенка, моя дорогая девственница, кто эта похотливая баба? Мы обсуждали только молодого лорда и его посягательства на твою праведную девственность.

— Ладно, хватит об этом, — отмахнулась Элис. — Так, одна дама из галереи.

— Мне надо лично с ней познакомиться, — усмехнулась Мора. — А что, эта дама — она молодая или старая? Уже познала мужчину или еще девственница? Влюблена или это просто страсть к его телу, может, мечтает, чтобы он тискал ее, давил из нее сок, щупал со всех сторон?

Элис покраснела, как маков цвет.

— Не знаю, — мрачно изрекла она. — Если поинтересуется еще раз, приведу ее к тебе.

Мора важно кивнула, однако в ее глазах прыгали веселые чертики.

— Обязательно, красавица Элис, — согласилась она. — Обязательно приведи ее ко мне.

Девушка сунула пучок травы в карман.

— А что еще может подавить пылкость Хьюго? — спросила она. — Что еще я должна делать?

— Других трав у меня нет, — ответила знахарка, — но когда придешь снова, принеси свечной воск, сотворю из него фигурки. Слепим кукол и вместе заставим плясать под твою дудку.

Глаза Элис широко распахнулись.

— Разве можно такое делать? — изумилась она.

— Да я и сама прежде никогда не делала, — призналась Мора со зловещей улыбкой. — Это сложное колдовство, очень сложное. Но старуха, которая жила здесь прежде, обучила меня заклинаниям. Это колдовство действует безотказно. Правда...

— Что? — живо откликнулась Элис; она вся дрожала, словно внезапно сильно замерзла. — Правда — что?

— Иногда они неправильно тебя понимают, — окончила фразу Мора. — Берешь эти маленькие фигурки, проделываешь над ними магические действия, и они тебя слушаются. Ясно?

Побледнев, Элис кивнула.

— Ты распоряжаешься, а они исполняют. Делают все, что захочешь.

Девушка кивнула еще раз.

— Но иногда они неправильно тебя понимают, — тихим голосом повторила Мора. — Мне рассказывали об одной женщине, которая велела умершему любовнику ожить. Он умер во время чумы, и она не могла перенести эту потерю. Она слепила из воска фигурку, а холодный труп его, да еще зараженный сифилисом, лежал в соседней комнате, весь покрытый язвами. Она заставила фигурку ходить, ее любовник тоже встал и явился к ней, как она захотела.

— Он ожил? — прошептала Элис, с трудом сглотнув слюну.

Мора тихо захихикала, так что девушку бросило в дрожь.

— Нет. Он же был мертвый и холодный, весь покрытый язвами, с пустыми глазами и синими губами. Но он следовал за ней, как она пожелала, куда бы она ни направилась, он всюду следовал за ней.

— Оживший труп? — ахнула Элис.

— Кто его знает.

— Но это ужасно! — воскликнула девушка. — Это черная магия, Мора! Это так же отвратительно, как и твой договор с дьяволом. Нет, колдовство не для меня. Я же объясняла тебе. Я прошу доброго совета, а ты искушаешь меня.

— Погоди, значит, еще не приспичило, — отозвалась Мора. — Подождем, когда по-настоящему припрет. Когда начнешь кусать локти. Вот тогда и приноси свечной воск. Как станешь биться головой о стену — а ты станешь, ангелочек мой, никуда не денешься, — рада будешь всему, что я предложу.

Девушка молчала.

— Есть хочу, — вдруг заявила Мора. — Тащи свою еду, поужинаем. Дров у меня хватит только на час, а утром соберешь еще.

Элис взглянула на нее с возмущением.

— Ты посмотри, какие у меня теперь нежные руки, ногти отросли и совсем чистые. Тебе мало от меня еды и денег? Сама соберешь.

Старая знахарка резко и грубо захохотала.

— Ах, у нашей маленькой девственницы отросли коготочки, так что ли? — злорадно прокаркала она. — Ладно, за домом есть дрова, целая поленница. Давай, что ты там принесла.

ГЛАВА 6

В октябре дни становились темней и холодней, и письменной работы у Элис прибавилось. Она стала какой-то болезненной и быстро уставала. Когда прибывал курьер с посланиями на английском языке или на латыни, старый лорд звал Элис читать их, сам он был слаб глазами и не разобрал бы чужих каракулей. Нередко заглядывал милорд Хьюго, он докладывал о судебных тяжбах, о спорах по поводу границ земельных наделов, приносил новости из других городов, из Совета северных графств или из самого Лондона. Элис должна была присутствовать, иногда записывать слова молодого лорда, иногда просто стоять за креслом его отца и слушать. Потом, когда Хьюго уходил, взмахнув темно-красным плащом и озорно подмигнув Элис, старый лорд просил ее еще раз пересказать все, что говорил Хьюго.

— Он вечно бормочет, ничего не разобрать, — жаловался он.

Элис ясно видела растущее напряжение между отцом и сыном. Молодой лорд был устремлен в будущее, ему подчинялись солдаты и слуги замка. Он хотел прославить свой род за

пределами замка и его владений. Хотел отправиться в Лондон и поискать место при дворе. Король был хвастун и глупец, он с распростертыми объятиями принимал всякого, кто давал ему совет или мог позабавить. И Хьюго желал пристроиться среди сильных мира сего. Новую религию он тоже принял; отец Стефан, еще один честолюбец, был его другом. Молодой лорд рассуждал о постройке нового дома, о том, что надо оставить замок, который служил его семье еще с тех пор, когда первый Хьюго появился здесь с нормандскими завоевателями, принял феодальное владение в качестве награды за доблесть и выстроил замок, чтобы удержать владения в руках. Он мечтал торговать, давать деньги в рост, выплачивать за работу наличными, прогнать крестьян с маленьких земельных наделов и увеличить собственные стада овец на обширных, неогороженных пастбищах. Мечтал добывать уголь и плавить железо. Он стремился занять как можно больше места под солнцем. Он любил рисковать.

Старый отец мешал ему в этом. Семья владела замком уже много поколений. Сначала была построена одиночная круглая башня, обнесенная стеной и рвом с водой. Владения понемногу расширялись, где войнами, где удачной сделкой. Замок рос, прибавилась еще одна круглая башня для солдат, потом — здание с большим залом и верхней галереей, появилась внешняя стена и внешний ров, огораживающие ферму, выкопали колодец, выстроили конюшни и большое здание у ворот для вооруженной стражи. Владения расширялись неспешно, без шума, что перепадало по наследству, что с удачным браком, что выколачивалось интригами или прямым захватом, пока на востоке их границы не перевалили Пенинские горы, а на западе не дошли почти до самого моря. Хьюго добивались власти и богатства тихой сапой, лавируя между завистливыми и коварными недругами, жадной толпой и толкающимися у трона.

За всю свою жизнь лорд Хью бывал в Лондоне раз шесть, не больше, он мастерски владел искусством придумывать правдоподобные и благочестивые оправдания. Он присутствовал на коронации королевы Анны,[10] куда безопаснее было явиться, нежели отказаться; облачившись в одежды неярких тонов, он стоял в задних рядах, являя собой истинного верноподданного лорда из провинции. Голосовал он всегда по доверенности, подкупал нужных людей, переговоры вел с помощью переписки. Когда его призывали ко двору, он ссылался на нездоровье, на растущие беспорядки в своих владениях, а позже на возраст, но немедленно посылал королю дорогой подарок, чем удостаивался капризного монаршего расположения. От своих родственников при дворе он вовремя узнавал, кого ждет повышение, а кого — сокрушительное падение. В королевских канцеляриях у него были свои шпионы, докладывавшие обо всем, что было ему интересно. По всей стране у него имелись должники; кто отдавал деньгами, а кто услугами. Сотни человек звали лорда Хью кузеном, рассчитывали на его благосклонность, искали защиты и платили за это нужными сведениями. Как коварный паук, он сидел в своей паутине и дергал за нити, которые зовутся страхом и осторожностью. Здесь, в пустынных и диких пространствах севера Англии, он представлял власть короля и занимал его место на заседаниях Великого совета северных земель, правда не чаще чем раз в году. Он никогда не хвастался богатством или властью, опасаясь зависти жадных собственников юга страны. Он соблюдал традиции, переданные ему отцом и дедом, которые жили, не слезая с седла, и никогда не покидали пределов своих земель. Они чинили над подданными суды и расправы. За закон признавали только то, что служит их интересам. Они извещали о новых королевских указах, но исполняли только те, которые были им выгодны. Словом, правили как мрачные тираны.

Самыми серьезными их соперниками были архиепископы, епископы и монастыри, и теперь епископы боролись не столько за богатства, сколько за свою жизнь. Старый лорд видел, как для его сына, а следовательно, и для еще не зачатого и не рожденного внука, а там и правнука, наступают добрые времена. Внук Хьюго станет богатым лордом, не хуже других властителей Англии, под его началом будет огромное количество людей. Он распространит свое влияние на Шотландию, а то и на всю Англию. У него будет собственное маленькое

королевство. Кто знает, насколько поднимется его род, если они станут выжидать, полагаясь на осторожность и мудрость, как это было всегда.

Однако молодой лорд Хьюго не хотел ждать пять, а то и десять лет, пока обширные земли монастырей не перейдут в его руки. Не хотел ждать, когда овец постригут, когда вырастет арендная плата, когда поступят доходы с ежегодной ренты. Он жаждал власти и богатства прямо сейчас. У него были друзья, владельцы транспортных средств, у одного была целая флотилия барж, другой добывал уголь и железную руду, еще один постоянно твердил о кораблях, способных плавать в открытом океане, о наградах, которые ждут смельчаков в дальних странах, за пределами Европы, за пределами изученного мира. Он рассказывал о торговле, о коммерции, о займах и ссудах на новых выгодных условиях. Хьюго не злился на отца, но Элис боялась молодого лорда еще больше, видя столь нехарактерную для него сдержанность.

— Ваш сын мечтает уехать в Лондон, — предупредила она старого лорда.

— Знаю, — отозвался тот. — Я все удерживаю его, но он не сможет долго терпеть.

Элис кивнула.

— А еще что-нибудь слышала? — спросил его светлость. — Заговоры, планы? Как думаешь, он уже созрел отравить меня или запереть под замок?

Ноздри Элис зашевелились, словно в этом вопросе она почуяла запах опасности.

— Нет, ничего такого, — заверила она. — Однако, как мне кажется, молодому лорду не терпится идти в этом мире своей дорогой. Я ни в чем его не обвиняю.

— Ну-ну, — нетерпеливо ответил старый лорд. — Мне нужно, чтобы ты всегда была готова обвинить его, Элис. Ты сидишь в одной комнате с моей невесткой, слушаешь сплетни ее кумушек. Кэтрин прекрасно понимает, что, если в течение года не забеременеет, я найду способ избавиться от нее. И ей лучше избавиться от меня первой. А Хьюго помешался на новых идеях, королевский двор ему подавай, Лондон, я ему мешаю, если бы не я, он давно бы отправился на юг. Так что, Элис, наблюдай и слушай, ты мои глаза и уши. Ты везде бываешь, можешь все подметить. Не надо обвинять Хьюго или Кэтрин, просто делись своими подозрениями, пускай маленькими, самыми незначительными.

— У меня нет никаких подозрений, — твердо произнесла Элис. — Леди Кэтрин если и упоминает о вашей смерти, то только как об отдаленном будущем, не более того. При мне она никогда не жаловалась, что боится развода или аннулирования брака. Лорд Хьюго лишь изредка навещает ее, и я ни разу не видела его под дверью ваших комнат.

На несколько секунд повисла пауза.

— Значит, ты не видела Хьюго возле моих комнат? — уточнил лорд.

Элис отрицательно помотала головой.

— И он не подстерегает тебя?

— Нет, — промолвила Элис.

Она не лгала. То ли отвар Моры подействовал, то ли старый лорд довел до сына свои пожелания — неизвестно. Когда Элис навестила Мору и вернулась в замок, Хьюго подмигнул ей разок со значением, но больше не просил приходить к нему в спальню. Она старалась держаться от молодого лорда подальше, а если все-таки встречала его, то опускала глаза в пол. Но однажды холодным утром она сбегала по коротенькой лестнице в комнату для

стражи, расположенную под покоем его светлости, а лорд Хьюго стоял внизу и ждал, когда она пройдет.

— Всегда-то ты торопишься, Элис, — оживленно обратился к ней Хьюго, двумя пальцами прихватив рукав ее платья. — Как здоровье отца?

— Хорошо, милорд, — сообщила девушка, не отрывая взгляда от каменных плит, попираемых его сапогами для верховой езды. — Спал спокойно. И кашель утих.

— Это все сырая погода, — заметил Хьюго. — Чувствуешь, как тянет туманом с реки? А тебя разве не пробирает до самых костей?

Элис быстро посмотрела на него исподлобья. Он наклонился, темное лицо его было совсем рядом, если бы она прошептала ответ, он бы услышал.

— Я ни на что не жалуясь, милорд, — заверила Элис. — Да и весна уже совсем скоро.

— Что ты, весны ждать еще не один месяц. Впереди много морозных дней и темных долгих ночей.

Последние слова он проговорил таким тоном, словно приглашал ее к себе в светлую теплую комнату.

— Но я не боюсь холода, — монотонно отозвалась Элис.

— Я что, тебе не нравлюсь? — Хьюго отпустил ее рукав, сжал ее щеки ладонями и повернул лицо к себе. — Ты рассказала отцу, что я приглашал тебя в спальню и ты отказалась. Так я не нравлюсь тебе, да, Элис?

Она стояла неподвижно, уставившись на белоснежную кайму его воротника, словно та успокаивала ее. Наконец учтиво промолвила:

— Это не так, милорд.

— Но ты не пришла ко мне, — резонно возразил он. — И разболтала все моему отцу. Он велел тебя не трогать. Тебе это известно?

Хьюго все еще осторожно держал в руках ее лицо. Она быстро взглянула ему прямо в глаза: они смеялись.

— Нет, неизвестно.

— Стало быть, я все-таки тебе нравлюсь? — допытывался он, едва удерживаясь от смеха — беседа становилась нелепой.

Элис и сама готова была рассмеяться.

— Мне не подходит, милорд, иметь подобные чувства к вам, — строго произнесла она. — Вы не можете мне ни нравиться, ни не нравиться.

Ее щеки под его ладонями так и горели. Хьюго перестал смеяться, кончиком пальца он нежно повел от уголка ее глаза к уголку рта. Элис замерла и не двигалась, ласка почти парализовала ее. Он наклонился ближе. Девушка закрыла глаза, словно прячась от напряженного лица Хьюго. Он остановился, когда до губ ее было полдюйма, нет, даже четверть дюйма, и мягко произнес:

— А вот ты нравишься мне, Элис. И мой отец не вечный. Думаю, тебе будет очень сыро по ночам, если ты вернешься в свой Боуэс.

Девушка не проронила ни звука. Она ощущала на лице теплое дыхание лорда. Губы его были совсем рядом. Она не могла отодвинуться от его поцелуя, только покорно ждала с поднятым лицом и приоткрытыми глазами. Но тут руки Хьюго опустились, он выпрямился. Глаза Элис распахнулись, она удивленно на него посмотрела.

— Сообщи мне, когда придешь, Элис, — весело бросил он и помчался вверх по винтовой лестнице к комнате отца.

Ни одна живая душа ничего не видела и не слышала. Однако миледи узнала. Когда Элис позвали к дамам заниматься шитьем, Кэтрин жестом указала ей на табуретку подле ее стула и, пока остальные переговаривались, внимательно изучила лицо девушки.

— Какая-то ты у нас тихоня, — заявила она наконец.

С учтивой, самой почтительной улыбкой Элис взглянула на госпожу и ответила:

— Я предпочитаю слушать, миледи.

— Ты молчишь о своих родных, — продолжала леди Кэтрин. — У тебя есть еще родственники, кроме сумасшедшей старухи в пустоши?

— Нет, — отозвалась Элис. — Там нет, а в Пенрите есть, — поправилась она.

Леди Кэтрин кивнула.

— А какой-нибудь парень есть? Ты не обручена?

Остальные дамы замолчали, прислушиваясь к этому вопросу. Элис слегка повела плечами и едва заметно склонила голову, как бы сожалея.

— Нет. Сейчас нет. Когда-то у меня был парень. — Она метнула взгляд на миссис Эллингем. — Возможно, вы знакомы с ним, миссис Эллингем. Это Том, у него ферма с овцами. Но у меня не было приданого, я уехала в Пенрит, а он женился на другой.

— А что, если мы справим тебе приданое и выдадим замуж? — весело прощепетала леди Кэтрин. — Тебе здесь, наверное, скучно, тебя не видит ни один мужчина, и ничего интересного не происходит. Для нас тут вполне сносно, мы все либо замужем, либо были замужем, а теперь вдовы или обручены, но такая девушка, как ты, должна обязательно создать семью и нарожать детишек.

Элис почувствовала, как перед ней раскрывается ловушка.

— Вы очень добры... миледи, — запинаясь, пробормотала она.

— Ну, значит, решено, — удовлетворенно заключила Кэтрин; ее голос был такой же мягкий, как алмаз, царапающий стекло. — Попрошу лорда Хьюго подыскать хорошего человека среди его солдат. А приданое дам тебе сама.

— Но мне нельзя замуж, — вдруг выпалила Элис. — Как я стану лечить, если выйду замуж? Я не смогу.

— Почему это? — удивилась леди Кэтрин, распахнув серые глаза. — Для лечения травами необязательно оставаться девственницей, если ты, конечно, не колдунья.

— Я не колдунья, — быстро заверила Элис. — Я действительно просто лечу травами. Но если выйду замуж, то не смогу этим заниматься. Лекарское дело требует много и времени, и сил. Моя родственница, например, живет одна.

— Но она вдова, — вмешалась миссис Эллингем.

Леди Кэтрин удостоила ее едва заметной улыбкой и торжествующе произнесла:

— Значит, можно создать семью и не потерять мастерства. Ты просто очень застенчивая, Элис, вот и все. Обещаю тебе, мы найдем подходящего молодого мужчину, он будет отлично с тобой обращаться.

Элиза Херринг и Марджери хихикнули, прикрыв рты ладошками. Рут, боявшаяся леди Кэтрин больше, чем они, не проронила ни звука и лишь быстрее заработала иглой, низко опустив голову.

— Так ты даже не поблагодаришь меня? — спросила леди Кэтрин. — Ты не поблагодаришь меня за то, что я предложила тебе приданое? За то, что решила выдать тебя за хорошего человека?

Голос ее звучал звонко и чисто, но подспудно — как подземная река — чувствовалась холодная угроза.

— Да, конечно, я благодарю вас, — Элис улыбнулась чистой, искренней улыбкой. — Я очень вам благодарна, миледи.

Госпожа отвернулась и перешла к последним лондонским сплетням. Она получила письмо от одного из дальних родственников на юге, в котором говорилось о растущей холодности короля к юной Анне Болейн, новой королеве, несмотря на то что она снова носила ребенка. Элис, которая во всех своих несчастьях винила короля и эту девку, мнимую королеву, тоже слушала с застывшей дежурной улыбкой; она очень надеялась, что леди Кэтрин просто забавлялась, мучая ее обещаниями выдать замуж.

— А кто такая эта новая королева? — бестактно заявила Элиза Херринг. — Всего лишь фрейлина прежней королевы, которая заморочила голову королю. Вы только подумайте! Служанка королевы — и на тебе, сама села на трон!

— А теперь он обратил внимание на другую, на леди Джейн Сеймур, — подхватила Марджери, — которая была служанкой у обеих. Прислуживала прежней королеве, то есть той, что была незаконной, а теперь служит королеве Анне.

— Быть фрейлиной при дворе — неплохое местечко, — заметила Элиза. — Только подумайте, как высоко можно подняться.

Леди Кэтрин кивнула, но лицо ее оставалось непроницаемым. Она внимательно посмотрела на Элис, словно предостерегая ее. Та низко склонила голову над шитьем.

— Это все лондонские нравы, — сказала миледи; в ее голосе снова послышалась скрытая угроза. — Что уместно для короля, не всегда должно служить примером для подданных.

— Разумеется! — вдруг засуетившись, воскликнула Марджери. — А кроме того, если у королевы Анны будет сын, король останется ей верен. Какой же король даст отставку супруге, подарившей сына. Так поступают только с бесплодными женами. То есть я имею в виду...

Марджери запнулась и умолкла. Кэтрин так и побелела от злости.

— Брак короля признали недействительным, потому что Екатерина Арагонская была женой его брата, — отчеканила она. — Это единственная причина аннулирования брака. Вы все дали клятву верности законному наследнику короля и признали законность его брака с королевой Анной.

Дамы закивали, не смея поднять глаза.

— Всякие намеки на развод по прихоти короля — это измена, — твердо говорила леди Кэтрин. — О разводе не шло и речи. Первый брак короля не имел законной силы, он противоречил заповедям Божьим. И тут не может быть никакого сравнения.

— С чем? — необдуманно брякнула Элиза.

Серые глаза Кэтрин остановились на ней, и девушка сразу смутилась.

— Не может быть никакого сравнения между вашим положением и положением придворных дам королевы, — ледяным тоном пояснила Кэтрин. — Ни одна из вас не стоит так высоко, чтобы носить алое платье, какие бы тряпки с чужого плеча ни напяливали на себя Элис. Полагаю, ни одна из вас не захочет нарушить естественный порядок, данный Богом. Если только Элис не мечтает когда-нибудь облачиться в платье пурпурного цвета. И выйти замуж за лорда.

Дамы поняли шутку и дружно рассмеялись.

— Кому принадлежал твой наряд прежде, а, Элис? — мстительно осведомилась леди Кэтрин.

Девушка откашлялась, подняла голову от шитья и тихим голосом ответила:

— Одной женщине, которую звали Мег.

— А ты знаешь, кем была эта женщина? — допытывалась миледи.

— Содержанкой лорда Хью, — пробормотала Элис.

Леди Кэтрин довольно кивнула.

— А вот я бы скорее надела коричневое платье, чем яркое, но с чужого плеча, — заявила она. — Лучше носить простую коричневую одежду, чем наряд девки, которая умерла от сифилиса.

Элис скрипнула зубами.

— Лорд Хью приказал мне надеть его, а другого у меня нет. — Она бросила быстрый взгляд на госпожу. — Надеюсь, я не рассердила вас, миледи. Я просто не осмелилась послушаться лорда Хью.

Кэтрин милостиво наклонила голову.

— Вот и хорошо, — промолвила она. — Очень хорошо. Но мой тебе совет: носишь платье — носи, но не вздумай вести себя как его прежняя владелица.

Девушка посмотрела в злые, подозрительные глаза миледи.

— Я ведь не содержанка, — напомнила она. — Я девушка. И таковой останусь.

После этого разговора Элис еще старательней стала избегать мест, где могла столкнуться с молодым лордом. Когда он появлялся в комнате отца, она уходила куда-нибудь в темный угол, где он не мог ее заметить. Она перестала носить вишнево-красное платье, которое подарил старый лорд, и обратилась к нему с просьбой выбрать другой наряд. Девушка порылась в сундуке, нашла темно-синее, почти черное платье; она носила его с черным корсажем, затягивая его спереди так, что грудь казалась плоской как доска. Наряд был великоват, воротник подпирал подбородок, и крепко прижатые груди совсем не выделялись.

Также она обнаружила в сундуке старомодный остроконечный чепец — такой фасон перестали носить, когда прежняя незаконная королева Екатерина лишилась трона. Элис запрятала свои отрастающие вьющиеся волосы под плотно сидящую черную шапочку, поверх натянула остроконечный чепец и закрепила его шпильками. Он был тяжелей, чем апостольник монахини с плотно прилегающим к лицу платком, которые она так долго носила прежде, из-за отросших волос в нем было теплее, но ощущения были схожие.

— Ты стала напоминать монашку, — заметил старый лорд и сразу поймал быстрый осторожный взгляд девушки. — Не бойся, милая моя, тебе пока ничто не угрожает. Ты как будто стараешься стать невидимкой. От кого прячешься, Элис? От леди Кэтрин? От Хьюго?

— То платье испачкалось, — ровным голосом произнесла Элис. — Я отдала его в стирку. И мне уже полагается носить чепец.

Лорд Хью вскинул седые брови.

— В этом сундуке смело бери любые платья, — разрешил он. — И пусть Дэвид покажет тебе еще один сундук. Пока ты с нами, можешь надевать все, что там есть. Однако когда уйдешь, вещи останутся здесь.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Элис. — Но разве мне позволительно облачаться в красную одежду, милорд? Я думала, красное прилично носить только жене землевладельца.

Старик усмехнулся.

— В своих владениях закон устанавливаю я. Здесь закон — мое слово. Впрочем, женщин это не касается.

Замок готовился встречать Рождество, и индейки с гусями, ничего не подозревая, с удовольствием поедали дополнительный корм. Старого лорда одолел кашель, из-за чего он плохо спал по ночам, утомлялся и становился раздражительным. Однажды на рассвете Элис вышла по морозцу на маленький огородик рядом с кухней собрать свежих трав и, возвращаясь, на пороге столкнулась с человеком, плотно закутанным в плащ.

Мужчина схватил ее за руку. По первому прикосновению она поняла — это Хьюго.

— Я испугал тебя.

В тени капюшона светилась его улыбка. Лорд потянул ее за собой в теплую кухню. На скамьях и на полу возле очага спали два слуги. Хьюго пнул их сапогом, и они, до конца не проснувшись, убрались с места. Он подтащил пару табуреток и силой усадил Элис возле пылающих углей.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, беря ее за руку. Действительно, пальцы ее посинели от холода.

— Я собирала травы, а они покрыты инеем, — пояснила Элис. — Кашель у вашего отца усилился.

Молодой лорд зажал ее онемевшие ладони между своими. Когда они отогрелись, и к ним вернулась чувствительность, лицо Элис исказила гримаса боли, она отдернула руки и потрясла пальцами. Хьюго тихо засмеялся, он наклонился вперед и снова взял ее ладони.

— Меня всю ночь не было в замке. — Он почти шептал, ни один слуга, даже если и бодрствовал, не мог слышать его. — Не хочешь узнать, Элис, чем я занимался?

Девушка покачала головой и, избегая его настойчивого взгляда, отвернулась к огню.

— Я встречался с друзьями, со своими единомышленниками, — сообщил он. — Один из них — сын землевладельца, человек хоть и не знатный, но богатый. А другой — сын торговца. Все мы молоды и хотим найти свое место в меняющемся мире. И всем троим мешают отцы.

Элис сделала движение, будто собиралась встать. Хьюго удержал ее, потянув за накидку.

— Послушай, — тихо продолжил он. — Видишь теперь, как я доверяю тебе. Один из них намерен убрать отца с дороги, объявить его сумасшедшим и присвоить отцовские земли и богатство. Мать обещала поддержать его, жена тоже. Грешно так обращаться с отцом, как считаешь, Элис?

Она молчала; ее лицо покраснело от тепла очага, но кожа вокруг темно-синих глаз оставалась белой. Хьюго понял, что она боится.

— А я бы не стал так делать, слышишь, Элис, если только кто-нибудь меня не уговорит, — заявил молодой лорд. — Но мой отец стоит у меня на дороге — разве ты не понимаешь этого? Если бы не его приказ оставаться здесь, я бы давно был в Лондоне. Если бы не его желание сохранить за собой земли Кэтрин, я бы давно избавился от нее. Если бы не его стремление жить как можно более незаметно, не его страсть к покою, я давно был бы при дворе, я рискнул бы жизнью и богатством ради куда больших наград. Разве тебе не ясно, Элис, что я сгораю от нетерпения?

Девушка не размыкала губ. Хьюго сжимал в ладонях ее руки; если бы он не держал их так крепко, она выдернула бы их и зажала уши.

— Шанс выпадет вам, когда этого пожелает Господь, — промолвила Элис, поняв, что он ждет от нее ответа. — Вам надо набраться терпения, милорд.

Он наклонился еще ближе, их лица оказались совсем рядом.

— А если у меня не хватит терпения? — возразил он. — Если терпение лопнет и я найду себе верного помощника? Представь, если отец заболит и никто не сможет его вылечить. Если он умрет. Тогда я прогнал бы жену, избавился бы от нее. Избавился бы от нее и нашел женщину, которой доверяю, которая будет крепко держать в узде замок, пока я в отъезде. Женщину, которая умеет читать и писать. Которая всецело на моей стороне, душой предана моим интересам и во всем от меня зависит. Которая стала бы моими ушами и глазами. Как ты для моего отца.

Элис оцепенела. Его голос завораживал ее, лорд явно пытался заманить ее в какую-то ловушку.

— Мне необходима свобода, — отозвалась она низким, страстным голосом.

— Я искушаю тебя, Элис? — мягко спросил Хьюго. — Богатством и властью?

Он заметил, что глаза ее потемнели, будто ее охватило желание.

— И наслаждением, — добавил он. — Представь, дни и ночи, долгие ночи, полные страсти, которые я подарю тебе.

Девушка отпрянула, словно он плеснул ей в лицо ледяной воды, и вырвала руки.

— Мне надо идти, — отрывисто произнесла она.

Хьюго поднялся вместе с ней, обнял ее за талию и прижал к себе. Его губы потянулись к ней. Элис почувствовала, как против воли ее голова откидывается, губы приоткрываются.

Но вдруг он убрал руки и отпустил ее. Она пошатнулась, едва не потеряв равновесие.

— А теперь шагай, — велел Хьюго; в его темных глазах вспыхнул лукавый огонек. — Теперь-то ты понимаешь, кто твой господин, верно? Больше не спрячешься за спиной моего отца, не выйдет. У меня было много женщин, и я знаю, как это бывает. Ты уже хочешь меня, хотя сама об этом не догадываешься. Ты попала на удочку, как лосось в весеннем ручье. Ты еще поплаваешь, но рано или поздно я вытащу тебя на берег. Ты будешь бредить мною, Элис, будешь страстно желать меня. И в конце концов сама явишься и будешь умолять, чтобы я взял тебя. — Лорд улыбнулся и взглянул в ее бледное лицо. — Я окажу тебе эту милость. Ты будешь принадлежать мне одному. И сама откажешься от своей свободы.

Элис повернулась и, с трудом волоча ноги, двинулась к кухонной двери.

— Теперь ты глубоко завязла, — тихо проговорил Хьюго как бы самому себе. — Глубоко завязла, моя маленькая Элис.

А она толкнула дверь и побежала через вестибюль к большому залу.

Двенадцать ночей она не могла уснуть, ожидая первых проблесков рассвета, который не очень торопился наступить в это зимнее время. Двенадцать дней она как в тумане исполняла работу для старого лорда, писала то, что он приказывал, не понимая смысла. Она собирала для него травы, толкла их или делала отвары, в зависимости от их силы. Сидела в покоях леди Кэтрин, кивала и улыбалась, когда дамы приглашали ее к беседе.

На двенадцать дней она погрузилась в безбрежную реку мрака и полного смятения. Никогда еще она так не нуждалась в спокойной уверенности матушки Хильдебранды. Никогда не испытывала такой потребности в размеренной монастырской жизни. Двенадцать дней Элис бродила по замку как призрак, а при звуках хлопнувшей двери и веселого свиста Хьюго ее охватывал трепет, словно от лихорадки.

Однажды, когда она стояла у ворот замка, он верхом возвращался с охоты, без шляпы, которую, должно быть, сдуло ветром на болотах; лицо его так и сияло. Увидев девушку, он прыгнул с лошади и швырнул поводья одному из слуг.

— Я привез тебе великолепный обед, Элис, — радостно сообщил он. — Завалил дикого кабана! Его нафаршируют, а голову принесут и положат к твоим ногам. Ты будешь есть вкусное мясо с темным соусом и хрустеть поджаристой корочкой, моя Элис.

Девушка судорожно сжала корзинку и, едва дыша, ответила:

— У меня сейчас пост. Сегодня день памяти апостола Андрея Первозванного, милорд. В этот день я не ем мяса.

Он беззаботно рассмеялся, словно для него все это не имело никакого значения.

— Какая чушь! Ах, Элис, Элис, да забудь ты про эти старые глупые байки, в них давно уже никто не верит. Захотелось рыбы — ешь рыбу. Проголодалась — ешь мясо. Целый день я мотался в седле, гонялся за кабаном, а ты нос воротишь и отказываешься со мной отобедать. У Элис задрожали руки; она еще сильнее вцепилась в корзинку.

— Вы должны простить меня, — начала она. — Я...

Вдруг позади раздался громкий предупреждающий крик, в узкие ворота въехала повозка. Хьюго подался вперед и ладонями схватил Элис за голову. Девушка отшатнулась, прижалась к стене и почувствовала, как на нее навалилось его горячее тело. Корсаж служил ей

панцирем, остроконечный капюшон — шлемом. Но и сквозь одежду она ощутила жар Хьюго. Его чистое белье пахло свежестью, смешанной с острым запахом пота. Коленом он прижался к ее ногам, его раздувшийся гульфик уперся ей в бедра так откровенно, будто поблизости никого не было и оба были совсем без одежды.

— Разве тебе не хочется попробовать, Элис? — прошептал Хьюго ей на ухо. — Разве ты не мечтаешь узнать, каково это на вкус? Запретный и сладкий плод. Неужели я не могу, Элис, неужели не могу показать тебе, как приятно нарушать запреты? Нарушить запрет и получить удовольствие, ну же, пока ты молода, желанна и горяча.

Стоя в тени створки ворот, повернув к нему лицо, чувствуя, как его тепло обволакивает ее с головы до ног, слыша в ухе столь соблазнительный мужской голос, Элис закрыла глаза и ощутила неодолимое желание.

Легко, как язычок свечного пламени, губы его прикоснулись к ее раскрытым губам. Затем он слегка отпрянул и взглянул смеющимися темными глазами на ее застывшее лицо.

— Ночами я сплю один, — тихо сказал Хьюго. — Тебе известно, где моя комната: в круглой башне, над покоями отца. Вечерком, Элис, когда уйдешь от отца, не беги вниз — что тебе делать с этими дурами, — а поднимайся ко мне. Слышишь, поднимайся — и получишь больше, чем поцелуй у ворот, о, гораздо больше... о таком ты и не мечтала.

Элис открыла затуманенные страстью глаза. Молодой лорд смотрел на нее и улыбался искушающей, беспечной улыбкой.

— Придешь сегодня? — спросил он. — Я затоплю камин, согрею вина и буду ждать тебя, идет?

— Да, — согласилась Элис.

Он удовлетворенно кивнул, словно они заключили наконец приятную и выгодную сделку, повернулся и был таков.

В тот вечер Элис ела мясо дикого кабана, когда его подали на стол дамам. Хьюго все оглядывался на них, и она видела его загадочную улыбку. Она поняла, что пропала, что теперь его не остановит ничто: ни травы, ни предостережение старого лорда.

— Элис, ты какая-то странная, — с напускным добродушием заметила Элиза. — У тебя уже почти две недели лицо белое как мел. Ты не притрагиваешься к обеду, по утрам встаешь, когда все еще спят, а сегодня весь день ловишь ворон.

— Я заболела, — резко, со злостью произнесла Элис.

Элиза рассмеялась.

— Так подлечись! Какая же ты знахарка, если не можешь себя вылечить?

— Постараюсь, — отозвалась Элис. — Обязательно подлечусь.

В тот вечер ее кожа вспыхивала жаром только от одного лунного света. Девушка представила, как лучи ночного светила, врываясь сквозь двадцать серебристых бойниц, будут освещать ей дорогу в комнату Хьюго и как он будет лежать в постели совсем голый, поджидая ее: придет, не придет? Она поднялась и отправилась в галерею леди Кэтрин, где хранилась коробка с новыми восковыми свечами. Элис взяла три свечи, завернула в тряпицу, туго перевязала и скрепила тесемку печатью. На следующее утро она отослала сверток с одним из курьеров в хижину Моры, пояснив, что это рождественский подарок для родственницы. Записку посылать не стала — в этом не было нужды.

В канун Рождества одна из кухарок вбежала по каменным ступенькам наверх и сообщила Элис, что у торговых ворот ее поджидает какая-то старуха. Девушка сделала перед старым лордом реверанс и попросила позволения отправиться на встречу с Морой.

— Ступай, — разрешил он.

Лорд тяжело дышал, в тот день он вообще плохо себя чувствовал. Старик сидел перед пылающим камином и кутался в теплый плед, но никак не мог согреться.

— Скорей возвращайся, — добавил он.

Элис набросила черный плащ и как тень скользнула вниз по ступенькам. В караульном помещении никого не было, кроме дремлющего стражника. Элис миновала большой зал, где около десяти мужчин развалились на скамьях и отсыпались после обильного обеда, пересекла комнату для прислуги и кухню.

На кухне горели все печи, витал запах жареного мяса и дичи, подвешенной уже довольно давно. После трапезы пол был чисто выметен, в углу виднелась пропитанная кровью куча опилок, которую должны были вынести.

Повара ели только после того, как подавалась еда в зал; кухонные работники опорожнили не один кувшин с вином и теперь храпели по углам. Только мальчишка, раздетый до трусов, монотонно крутил ручку вертела, на котором жарилось мясо для ужина, и глазел на Элис, которая, приподняв подол платья, чтобы не запачкать его в грязи, пробиралась через кухню.

Оказавшись на воздухе, она пошла через огород. С одной стороны тропинки находились аккуратные грядки с салатом, с другой росли лекарственные травы, все было огорожено забором. Возле башни, защищающей внутренний двор замка, ее пропустили стражники, напутствуя непристойными шутками, однако рук не распуская. Всем было хорошо известно, что ей лично покровительствует сам старый лорд. Девушка миновала мост через ров, заполненный стоячей темной водой, и внешний двор, где под бледными лучами дневного солнышка подремывала небольшая ферма и на одной из яблонь во все горло распевал черный дрозд. Здесь были ульи, хлев и свинарник, всюду бродили и клевали куры, понуро стояли около дюжины коз и пара коров, одна с сосущим теленком. Также здесь имелись хранилища для овощей, сеновал и амбар. И несколько ветхих, полуразвалившихся крестьянских домов. От старого лорда Элис знала, что их уже никогда не восстановят. Держать такое хозяйство в стенах замка было слишком накладно. Кроме того, отныне мирной жизни этих владений ничто не угрожало. Армия шотландцев никогда не забиралась так далеко на юг, разбойники же были опасны только странникам, путешествующим по пустынным дорогам, а не надежно защищенным фермам и уж тем более не самому лорду Хью.

Элис прошла по территории хозяйства к большим воротам с опускающейся решеткой; за воротами находился подъемный мост, заслоняющий темные воды внешнего рва. Ворота были закрыты, но в их массивных бревнах была прорублена небольшая дверь. На часах стояли двое солдат, сквозь открытую дверь караулки за ними наблюдал офицер. Пускай в стране мир, но молодой лорд к делу безопасности замка относился серьезно и за небрежную службу взыскивали с солдат строго. Один из стражей распахнул перед Элис дверь; наклонив голову, она шагнула за ворота и даже зажмурилась от неожиданности — так ослепил ее свет зимнего солнца. И дышалось за пределами мрачных стен как будто свободней.

Мора ждала ее; она была еще грязней, чем прежде, и совсем ссутулилась. На фоне величественного замка она казалась меньше, чем возле своего очага.

— Принесла, — сообщила она, не здороваясь. — С чего это вдруг ты передумала?

Взяв Мору под руку, Элис направилась прочь от ворот. Вдоль главной улицы городка расположились торговые ряды, где продавались фрукты, овощи, мясо, рыба, яйца и огромные головы бледного сыра из котерстоунских сыроварен. Полдюжины странствующих торговцев разложили на прилавках галантерейные товары, ленточки и тесемочки и даже оловянную посуду; они расхваливали свой товар и призывали покупать рождественские подарки для жен и дам своего сердца. Элис увидела Дэвида, шагающего вдоль рядов, где предлагали сельскохозяйственные продукты; карлик указывал на выбранный товар, требовал все самое лучшее и кивал слуге, плетущемуся за ним, а тот расплачивался наличными. Дэвид мало покупал, он предпочитал заказывать товар прямо с ферм, расположенных в пределах феодального поместья и принадлежащих замку. И фермерам приходилось отдавать все, что требовалось лорду, почти даром, в счет пошлины.

Девушка повела Мору мимо торговых рядов, мимо болтающих женщин, вниз по склону, пока они не вышли к невысокой стенке, обозначившей границы чьего-то пастбища, где можно было присесть. Внизу в долине текла река; ее воды пенились у самого подножия утеса, на котором стоял замок.

— А ты все хорошеешь, — заметила Мора без всякого одобрения. Грязной ладонью она потрепала Элис по щеке. — Тебе не идет черное. Зато вот этот головной убор... в нем ты уже не похожа на маленькую девочку. Женщина, да и только. И вся чистенькая такая. Ну прямо знатная дама. Поправилась, вон как щечки раздались, видно, что здорова. — Старуха откинулась назад, завершая осмотр. — И грудь стала выше, и лицо красивей. И платье новое.

Элис просто кивнула.

— Ну прямо красавица, даже слишком, — пронизательно добавила Мора. — Настолько красива, что не спрячешься, издали видать, даже в этом синем платье и остроконечной шляпе величиной с дом. Я так поняла, отвар не подействовал? Или ты настолько красивая, что нравишься молодому лорду, несмотря на зелье?

— Не знаю, — ответила Элис. — Мне кажется, он заигрывает со мной просто так, из озорства. Он понял, что не нужен мне, ему известно, что его жена наблюдает за мной, как сова за мышью. Он просто со мной забавляется. Свое влечение он может удовлетворить где угодно, ни одной юбки не пропустит. Однако в Хьюго сидит дьявол, который толкает его на флирт со мной.

— Тут уж никакое снадобье не поможет, — пожалала плечами Мора. — Похоть порой можно отвести, но если замешана жестокость или желание поиграть, просто так не справиться. Он будет забавляться, где захочет и с кем захочет. А тебе придется потерпеть.

— Дело не только в нем одном, — пожаловалась Элис. — Эта ведьма, его жена, обещает выделить мне приданое и выдать замуж. Я думала, она просто угрожает, чтобы я держалась подальше от ее мужа, черт бы его побрал, но одна из ее дам, Элиза, жена военного, обмолвилась, что леди Кэтрин велела какому-то офицеру подыскать мне мужа.

— Вряд ли это возможно, разве что сам старый лорд разрешит, — успокоила ее Мора.

— Да, — согласилась девушка. — Но если солдату скажут, что мы с ним уже практически обручены и что леди Кэтрин обещает за мной приданое, и если потом мы случайно останемся вдвоем...

Мора кивнула.

— Тогда он изнасилует тебя, и ты, возможно, забеременеешь, а то еще и сифилис подхватишь, и все, битва проиграна, прощай мечты об аббатстве, — мрачно усмехнувшись, заключила она. — С животом или язвами на твоём хорошеньком личике в монашки тебя никто не возьмет.

— Есть кое-что еще, — печально продолжала Элис. — Хьюго обсуждает со мной свои планы и замыслы, искушает стать его сообщницей. Он совращает меня всякий раз, когда я вижу его.

— Толкает на грех? — уточнила Мора.

— Сама не знаю! — воскликнула Элис. — На грех, или флирт, или того хуже!

— Хуже?

Элис наклонилась к самому уху Мора и зашептала:

— А что, если он подстрекает меня, планирует заставить сделать что-нибудь против старого лорда? Вдруг он хочет, чтобы я шпионила за старым лордом, копировала его письма? Что, если он принимает меня за пешку в их семейной игре?

Мора пожала плечами.

— А ты разве не можешь отказаться? — удивилась она. — Открыться старому лорду и попросить у него защиты?

Девушка метнула на старуху яростный взгляд. Та внимательно вгляделась в бледное, напряженное лицо воспитанницы, в ее глаза, где светилось некое новое для нее чувство, очень напоминавшее голод.

— Так вот оно что, он подцепил тебя, ты уже готова заглотить наживку, ну наконец-то! — вдруг догадалась она и расхохоталась. — Так ты сохнешь по нему! Ах ты, моя монашенка. Ты вожделеешь к нему и потому боишься попасть в ад. Твоя Матерь Божья не смогла остановить тебя, не избавила от жара между ножек. У твоего Боженки, значит, нет лекарства от этого.

Элис мрачно кивнула.

— Да, я вожделею, сохну, — с горечью подтвердила она. — Теперь и сама понимаю, что это так. Когда я пришла к тебе за травами, я уже боялась этого. Но надеялась, что смогу выбросить Хьюго из головы и все будет в порядке. А потом мне показалось, что я заболела, какая-то странная болезнь, внутри все горит, и ночью никак не заснуть. И аппетит пропадает. Увижу его — и как будто сразу теряю сознание. Когда его нет, хожу сама не своя, душа болит, так и хочется побежать к нему. Я попала в ловушку, Мора. Черт бы его побрал, но он поймал меня.

Старуха тихонько свистнула, словно призывая на землю бурю.

— Ну так дай ему, и все дела, — просто посоветовала она. — И избавишься от своего жара. Говорят, это помогает. Представь, что перед тобой бутылка вина, которую надо прикончить, и напейся до рвоты, потом и приближаться к нему не захочешь. Я могу подсказать, как переспать с ним и не забеременеть. Дай ему, и насытишь свой голод. Почему нет?

— Да потому, что я невеста Христова, — сквозь зубы процедила Элис. — Риск большой: попробуешь раз, потом два, а вдруг и сотни раз окажется мало. Я монахиня. Мне вообще здесь, в миру, не полагается быть, вот в чем дело. Мне даже взглянуть на мужчину нельзя. А я тут... насмотрелась всякого, теперь только и вижу его и хочу его больше жизни, представляешь? Но я все равно невеста Христова, молодой лорд должен оставить меня в

покое. Тебе легко забыть про мои обеты, Мора! А я не забыла!

Старая знахарка пожала плечами — она не чувствовала за собой никакой вины.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Ему я не доверяю, но еще больше боюсь ревности его жены, — рассуждала Элис. — Надо найти способ выпутаться из паутины, которую плетут вокруг меня. Куда ни повернусь — я в западне, со мной играют, как кошка с мышью, это делают все, все до одного. Нашли такую деревенскую дурочку. Мной только пользуются. У старого лорда я единственный друг и верный союзник. По его словам, я принадлежу ему со всеми потрохами, нахожусь у него в руках, потому что боюсь обвинений в ереси, боюсь, что меня выдадут как беглую монашку. А молодой лорд намерен соблазнить меня и использовать против отца, а может, просто со мной переспать, он любит необременительные развлечения. Леди Кэтрин мечтает бросить меня в лапы какого-нибудь насильника в наказание за то, что старый лорд благоволил ко мне, а молодой глаз на меня положил. Я должна найти силы и выпутаться, Мора. Ведь я здесь как младенец среди волков.

— Тебе нужна женская сила, как и мне когда-то, — ответила Мора. — Твой Христос не поможет тебе. Во всяком случае, сейчас. От настоящей опасности и мужской похоти Он не спасет. Тебе нужна другая сила. Сила древней богини.

— У меня нет выбора, — вздохнула Элис.

Холодный воздух вокруг нее, казалось, застыл и не двигался.

— Нет у меня выбора, — повторила она. — До сих пор меня гнали и гнали и теперь загнали в тупик. Приходится прибегать к любым средствам, имеющимся под рукой. Дай мне то, что принесла.

Мора осторожно огляделась: на лугу было пусто, за спиной глухо слышался шум базара. Никто не видел их. Она развернула тряпицу, и Элис разинула рот.

На тряпице лежали три безупречно вылепленные фигурки, исполненные с таким искусством, что впору было сравнивать со статуями в церкви. Сходство было поистине изумительным. Холодные, резкие черты лица леди Кэтрин, платье с задранном подолом были вырезаны из воска с поразительным мастерством. На груди платье было открыто, голые ноги раздвинуты. На лобке Мора сделала несколько царапин, намекая на волосы, влагилице представляло собой непропорционально глубокую дыру, проделанную нагретым шилом.

— Они друг другу будут в самый раз, — произнесла Мора и противно захихикала.

Далее она продемонстрировала Элис фигурку молодого лорда Хьюго. Его лицу она придала упрямое, жесткое выражение — таким его боялись все обитатели замка, и Элис в том числе. Но вокруг глаз виднелись тонкие морщинки, и казалось, он вот-вот улыбнется. Мора слепила ему и пенис, большой, как гульфик.

— Ему, наверное, очень хотелось бы иметь такой на самом деле! — веселилась Мора.

Она взяла фигурки и показала девушке, как они вставляются одна в другую.

— Так можно отвести его похоть от себя и направить к ней, — удовлетворенно сообщила старуха. — Пока они будут лежать вот так, ты в безопасности.

Была еще третья фигурка, старого лорда.

— Он сейчас намного худее, — грустно заметила Элис. — Совсем похудел, да и постарел

тоже.

— Я давно не видела его, — отозвалась Мора. — Можешь сама придать ему любой вид, какой пожелаешь. Возьми нагретый нож и вырежь на здоровье, а пальцами помогай. Но будь осторожна.

Девушка с неприязнью смотрела на три маленькие скульптурки. Потом оторвала лорда Хьюго от леди Кэтрин и снова завернула их в тряпицу.

— Что значит, осторожна? — уточнила она.

— Как только они стали твоими, как только ты признала их живыми, просто уменьшенными копиями настоящих, что бы ты с ними ни делала, в жизни все будет происходить точно так же, — прошептала Мора. — Хочешь смягчить сердце старого лорда — вырежи из его груди маленький кусочек воска, слепи сердечко и нагревай его, пока оно не расплавится и по капле не стечет обратно в ямку, откуда было взято. Наутро лорд станет с тобой ласковым, словно женщина со своим новорожденным ребенком.

Глаза Элис широко распахнулись.

— И так можно делать со всеми? — удивилась она. — То есть если я стану колоть леди Кэтрин в живот, то она заболеет? А если размягну член молодого лорда, он станет импотентом?

— Да. — Лицо Мора так и сияло. — Неплохое оружие, главное — мощное, верно? Но сначала ты должна стать для них хозяйкой, сделать их теми, чьи роли они будут исполнять. И я уже предупреждала, они могут слишком тебя слушаться. Могут... перестараться.

Воцарилось минутное молчание. Элис заглянула Море в глаза.

— Я готова, — решила она. — Без их помощи я не буду чувствовать себя в безопасности.

— Тогда запомни заклинание.

Старая знахарка приблизила губы к уху Элис и нараспев проговорила абракадабру из латинских, древнегреческих, французских и искаженных английских слов. Она повторяла снова и снова, пока девушка не заучила фразы наизусть.

— От каждого из них ты должна что-то взять, — наставляла Мора. — От них самих, ну, клочок волос, ноготь, кусочек отжившей кожи. Прилепишь к фигурке на подобное место. Ноготь на палец, волос к голове, кусочек кожи туда, где он находился. И тогда получишь куклу и силу.

— А ты сама когда-нибудь так делала? — поинтересовалась Элис.

— Нет, — отрезала Мора. — Не было случая. Женщины часто просили меня смягчить сердце мужа, но проще подсыпать траву в похлебку. Был у меня один, хотел добиться чьей-то смерти, но такими вещами я не занимаюсь. Уж больно велик риск. Я всегда считала, что в этих делах сильно рискуешь.

— Почему сейчас пошла на это? — прямо спросила Элис.

Мора окинула взглядом ее гладкое юное личико.

— Неужели не догадываешься? Столько училась, столько занималась, а как была недотепа, так и осталась.

Элис хлопнула ее по плечу.

— Не понимаю, о чем ты.

Старуха положила грязную руку на чистую ладонь своей воспитанницы.

— Для тебя стараюсь, — хрипло произнесла она. — Пытаюсь дать тебе шанс, помочь исполнить желание, спасти от солдата-насильника, или от молодого лорда, или от обоих. Мне наплевать на твои мечты про монастырь, но вот на тебя не наплевать. Я растила тебя как собственную дочь. И не хочу видеть под мужчиной, который тебя не любит.

Девушка взглядела в морщинистое лицо Моря и промолвила:

— Спасибо.

Старуха была ее единственной союзницей в этом ненадежном мире. Элис не забыла подзатыльники, тычки и затрещины, которые получала в детстве, но также помнила, что Мора оберегала ее, без единого слова отпустила и приняла обратно, несмотря на опасность. Она еще раз посмотрела Море в глаза и повторила:

— Спасибо.

— Ну а если будет что не так, — с вызовом заявила старуха, — если тебя с ними поймают или просто узнают, что ты ворожила, мое имя не упоминай. Соврешь, что вылепила их сама, что это твоя идея. Таково мое условие. Я сделала их, но не желаю подвергать свою жизнь угрозе. Если правда выйдет наружу, говори, что сама придумала и вылепила. Я хочу умереть в своей постели.

Чувство нежности друг к другу сразу испарилось.

— Обещаю, — отозвалась Элис.

Однако на лице Моря мелькнула тень подозрительности.

— Я действительно обещаю, — подтвердила Элис. — Торжественно клянусь. Если хоть кто-нибудь обнаружит фигурки, скажу, что сама виновата и никто другой.

— Поклянись своим добрым именем, именем твоей аббатисы и именем твоего Бога, — потребовала Мора.

Девушка колебалась.

— Поклянись сказать, что они принадлежат тебе, — настаивала Мора. — Клянись, или я заберу их обратно!

— Если у меня найдут их, то я все равно пропала, — пожала плечами Элис. — Этого достаточно, чтобы меня повесили.

— Передумаешь — выброси их в ров с водой по дороге домой, — посоветовала Мора. — За колдовство надо платить, и порой недешево. За все надо платить. А за это ты заплатишь мне клятвой. Клянись своим Богом.

Элис посмотрела на Мору с отчаянием.

— Неужели ты не видишь? — воскликнула она. — Неужели не понимаешь? У меня нет больше Бога! Христос, мой Господь, и Мать Божья отвернулись от меня. Я бежала из монастыря, надеясь унести Их в сердце. Но как ни пыталась, не смогла удержать Их. Когда я жила с тобой, Мора, я старалась соблюдать часы молитв, насколько могла угадать правильное время. Но в замке все протестанты, еретики, и я не могу молиться. Мать Божья

покинула меня. Вот почему меня обуревают страсть к молодому лорду, вот почему я решила на черную магию.

— Так ты утратила Бога? — оживилась Мора. Девушка кивнула.

— Поэтому я и не могу поклясться Его именем. На мне нет Его благодати. — Она резко рассмеялась. — Хочешь, поклянись твоими богами?

— Клянись, — согласилась Мора. — Клади руку на мою, вот так, и повторяй за мной: «Клянусь Князем тьмы и всеми его слугами, что властью, данной им, я буду владеть этими куклами как своими собственными. Я сама желала получить их, они мои, и я признаю их своими».

То ли рассмеявшись, то ли заплавав, Элис опустила тонкую белую руку на ладонь Мора и произнесла клятву. Когда она закончила, старуха крепко сжала ей пальцы и неторопливо заключила:

— Отныне ты в его власти. Только что ты сама призвала его. Теперь должна освоить это мастерство, Элис, должна знать своего господина.

В ярком свете холодного зимнего солнца девушка слегка задрожала.

— Я буду принадлежать ему до тех пор, пока не поселюсь в монастыре, — пояснила она. — Свою душу я отдала ему не навсегда. Я проклята только до тех пор, пока не вернусь в монастырь.

— Ты собираешься вернуться в монастырь, порвав со своим Богом, когда душа твоя предоставлена, пусть и на время, Князю тьмы? — Мора озадаченно хмыкнула. — Опасно ты играешь, Элис.

Девушка встала, крепко прижимая к груди сверток с восковыми фигурками.

— Разве мне не угрожает смертельная опасность? — спросила она. — И от Кэтрин, и от Хьюго, и от самой себя. У меня есть будущее только в том случае, если я освобожусь от его приставаний, потом солгу и договорюсь с монастырем. А уж там будет видно, простила меня Мать Божья или нет. — Элис помолчала, ее лицо смягчилось. — И если простила, никогда больше грешить не стану. Ни капельки, ни одного даже самого мелкого греха не допущу.

— А если не простит?

Элис пожала плечами.

— По крайней мере, в монастыре я буду в безопасности, сыта и без мужчин. Больше мне ничего не нужно. Я стану служить монастырю верой и правдой, как самая преданная служанка.

Мора грубо расхохоталась и с трудом поднялась на ноги.

— Что ж, будь по-твоему, — ответила она. — Раз уж ты так хочешь. Если простят — благочестивая жизнь, если нет — покой, благополучие и уют. Удачи тебе, моя Элис, удача тебе очень понадобится, это точно.

— По-твоему, я не найду приют? — встревожилась вдруг Элис, ее бледное лицо еще больше побелело. — Ты что, Мора, знаешь про мое будущее? У меня ничего не получится?

Старуха засмеялась и предпочла сменить тему.

— С Рождеством тебя! Меня не будет дома, я пойду к соседям собирать рождественские подарки. В этом году они должны быть щедры, чума теперь далеко от Боуэса, и рвотная болезнь оставила деревню.

Но Элис схватила Мору за грязный платок.

— Ну скажи, — взмолилась она. — Ты нагадала, что у меня ничего не выйдет? Неужели меня погубят, сделают из меня содержанку, а потом выдадут замуж за какого-нибудь болвана?

— Ничего не скажу, — отмахнулась Мора. — Ты просила защитить тебя от опасности — я сделала. И пусть эти куколки помогут тебе. А мне пора.

Поняв, что больше от Мору ничего не добиться, Элис покорно опустила плечи. Она полезла в карман и протянула старухе серебряный трехпенсовик.

— С Рождеством. Вот. Милорд выдал мне горсть монет на подарки. Возьми и купи себе бутылку медовухи.

Однако Мора оттолкнула ее руку и заявила:

— Кроме клятвы, мне ничего от тебя не надо. Ничего, только клятва. Если у тебя найдут эти фигурки, соври, что сама их сделала.

— Обещаю, — нетерпеливо отозвалась Элис. — Я ведь дала тебе слово. Поклялась именем самого Сатаны!

— Так тому и быть, — кивнула Мора.

Она поправила платок на голове, повернулась и пошла в город.

ГЛАВА 7

Рождество в замке отмечалось широко — обильные, нескончаемые обеды, которые продолжались двенадцать дней до кануна Крещения. Перебывало множество певцов, танцоров и даже труппа темнокожих акробатов, умевших плясать на руках с такой легкостью, словно это не руки, а ноги; они ходили колесом так быстро, что напоминали странных человекозверей — омерзительное зрелище. Был и дрессировщик с лошадей, которая крутилась на задних ногах и гадала, ударяя копытом в землю: один удар означал «да», два удара — «нет».

На второй день привели медведицу, напоили ее вином и заставили танцевать, а юноши прыгали вокруг нее, увертываясь от огромных когтистых лап. Когда насытились этим зрелищем, со зверя сняли намордник и стали травить собаками, и медведица убила трех породистых псов. Хьюго потребовал прекратить это. Элис видела, как сильно он расстроился, потеряв шотландскую борзую светло-коричневой масти. Медведица все рычала и злилась, а хозяин кормил ее хлебом с медом и поил крепкой медовухой. Через несколько минут она совсем одурела и ей захотелось спать; только тогда получилось надеть на нее намордник и увести из зала.

Когда медведица совсем ослабла, некоторые пожелали прикончить ее ради забавы. Возбужденный возможной опасностью и стремительностью неожиданных атак медведицы, Хьюго был не прочь позволить это, но старый лорд отрицательно покачал головой. Элис в это время стояла за его креслом.

— Вам жалко ее? Такого огромного зверя? — спросила она.

Старик резко рассмеялся.

— С чего ты взяла? Просто она приносит хозяину неплохой доход. Если бы мы убили ее, нам бы это стоило немало золота. — Он обернулся и бросил на девушку пронизательный взгляд. — Перед тем как посмотреть мужчине в душу, малышка Элис, проверь содержимое его кошелька. И только тогда принимай решение.

На другой день молодежь отправилась на охоту; Хьюго привез живого оленя со связанными ногами, и его выпустили в зал. Он испуганно запрыгивал на длинные столы, скользил по гладкой поверхности, безумным взглядом озирался по сторонам и метался по залу, а люди со смехом и криками разбегались, давая ему дорогу. Элис видела его блестящие, черные, наполненные страхом глаза — глаза загнанного животного. От обильного пота его красновато-коричневая кожа потемнела; наконец его подогнали к помосту, чтобы старый лорд мог вонзить охотничий кинжал ему в сердце. Из раны плеснула ярко-алая струя крови, и женщины завизжали от удовольствия. Олень упал, его изящные черные копытца заскребли по полу, ища опоры. Наконец он испустил дух.

На двенадцатый день утром состоялся небольшой рыцарский турнир. На поле замковой фермы Дэвид велел плотникам построить временное ограждение, обозначавшее арену, и установить красивый шатер из полосатой ткани, где старый лорд со всеми удобствами мог бы наблюдать за поединками. Кэтрин в новом праздничном желтом платье, горящем ярким пятном под лучами зимнего солнца, находилась рядом со старым лордом. Элис в своем темно-синем сидела на табурете по его левую руку; ей дали задание считать удары противников.

В панцире Хьюго казался уродливым и огромным, вид его вызывал возбуждение. Левое плечо закрывал огромный наплечник, до массивной латной рукавицы усеянный медными шипами. Правую руку до самого плеча защищали чешуйчатые металлические пластины, позволяющие свободно двигать рукой и держать копье. Грудь и живот были прикрыты полированным нагрудником такой формы, что любой удар должен был уходить в сторону, а на ногах блестели мощные пластины поножей и наголенников. Неуклюжим шагом Хьюго направился к большому чалому боевому коню, который тоже был весь с головы до хвоста покрыт панцирем, и только в отверстиях шлема лихорадочно сверкали глаза.

— Это очень опасно? — обратилась Элис к старому лорду.

Тот кивнул и улыбнулся.

— Всякое бывает.

Противник Хьюго уже поджидал на другом конце поля. Леди Кэтрин с горящими глазами наклонилась вперед и уронила желтый платок. Всадники устремились навстречу друг другу; проскакав половину пути, они опустили копья. Элис зажмурилась, с ужасом ожидая лязга оружия. Но она слышала только топот копыт, вскоре и он смолк, лошади остановились. Старый лорд толкнул ее локтем и сообщил:

— Счет не открыт. Мальчишки.

Во второй заезд Хьюго все-таки ударил противника в корпус, в третий получил удар в плечо, а в четвертый его копье попало противнику прямо в закрытый панцирем живот, и тот вылетел из седла.

Зрители и горожане, толпившиеся у ристалища со стороны ворот, взорвалась громкими одобрительными возгласами, в воздух полетели шляпы.

— Хьюго, Хьюго! — кричали они.

Молодой лорд осадил лошадь, развернулся и рысью затрусил обратно. С его противника сняли шлем.

— Ну как ты, Стюарт? — поинтересовался Хьюго. — Запыхался?

Тот поднял вверх руку.

— Ничего страшного, пустяк, — заверил он. — Но с меня хватит, пускай другой попробует выбить тебя из седла.

Хьюго рассмеялся и поскакал к своему месту. Элис показалось, что под шлемом видна его самодовольная улыбка.

Турнир длился почти до вечера; обедать отправились, когда уже смеркалось. На нижнем этаже Хьюго сбросил латы и в одной рубашке и рейтузах помчался по винтовой лестнице, на ходу отдавая распоряжения. Его вымыли и одели в красный камзол как раз к обеду; он сидел по правую руку от отца и много пил. Господа утоляли голод под пение и танцы актеров, и кривляние шутов. Наконец старый лорд велел принести чашу для омовений и помыл руки. Следом начались традиционные рождественские игры. Под гром аплодисментов в зал, маршируя, вошли кухонные работники, одетые кто во что горазд — кто стащил свой костюм, кто взял поносить на время. Их головы венчали кастрюли и котелки, а в руках они держали символы своей власти: деревянные ложки и поварешки. Теперь они руководили рождественскими увеселениями, выворачивая наизнанку и ставя с ног на голову принятые в замке строгие правила.

Лорд Хью засмеялся и пересел на стул возле камина, а леди Кэтрин встала у него за спиной. Подождав, пока его светлость устроится поудобней, кухонные работники велели выдать его сыну грязный фартук и поставили его прислуживать и подавать вино. Женщины в зале визжали от смеха, гоня молодого лорда то с одним поручением, то с другим. Один из слуг, очень бойкий малый, уселся в кресло старого лорда и стал отдавать приказы. Некоторым мужчинам было предъявлено вопиющее обвинение, что они ведут себя как девицы; их связали в длинную цепочку и с хохотом смотрели, как они пытаются распутаться. Нескольких молодых служанок обвинили в извращенной похоти и в том, что в сношениях они предпочитают исполнять мужскую партию. На виду у всех их раздели до сорочек и обрядили в штаны с условием ходить так до конца празднества. Двух солдат обвинили в краже, которую они совершили во время набега на Шотландию во главе с Хьюго, а паре поварят были присвоены титулы «их грязнейшества». Чью-то жену обвинили в супружеской измене, а девицу-кондитершу в том, что она ругается как сапожник, после чего завязали ей рот платком.

Парень-ведущий на господском кресле гоготал, указывая то на одного, то на другого; несчастные истерически визжали, протестуя против обвинений, а ревущая толпа решала: виновен или нет.

Потом ведущий совсем распоясался и переключился на дворян. Двое молодых вассалов из благородных были обвинены в лени и дармоедстве; в наказание им предложили влезть на табуретку и спеть веселую песенку. Одного из кузенов лорда Хью обвинили в том, что он чревоугодник и обжора, что после каждого обеда тайком проникает на кухню и клянит марципан. Любимец Хьюго, молодец, который, сидя в караулке, рассуждал только о войне, был объявлен лъстецом и лизоблюдом, за что ему обмазали голову сажей из камина.

Народ смеялся до упаду, а ведущий все смелел. Кто-то набросил ему на плечи пурпурную мантию старого лорда. Он вскочил на резной стул и стал приплясывать то на одной, то на другой ноге, указывая на Хьюго, который дурачился в глубине зала с подносом и кувшином

вина.

— Похотливый кот, — торжественно провозгласил парень.

Весь зал так и покатился от хохота.

— Сладострастный козел, — добавил он. — Хочешь, перечислю сейчас всех баб, которых ты поимел за год?

Снова поднялись крики и смех, а дамы за столом Элис нервно зашевелились и недовольно зароптали. Но ведущий, господин и распорядитель праздника, мог говорить все, что угодно, не боясь наказания. Любовницей Хьюго он мог назвать каждую из них. А уж Кэтрин потом на них отыграется, даже если это окажется клеветой.

— Неужели всех запомнил? — проревел чей-то голос из зала. — В году целых триста дней, да с большим хвостиком! Это что ж получается, около тысячи баб, что ли?

Ухмыльнувшись, Хьюго принял позу, поднял фартук, открыв расшитый цветными нитками гультфик, и задергался бедрами взад и вперед. Девушки в зале завизжали от восторга.

— Ты ошибаешься, — отозвался он. — Пожалуй, тыщи две будет.

— Да, ты прав, проще назвать тех, кого ты еще не поимел, — быстро нашелся ведущий. — Зачем тратить зря время?

Снова восторженные крики и взрыв хохота. Хьюго церемонно поклонился. Даже старый лорд со своего места у камина слегка усмехнулся. В зале воцарилась тишина, всем хотелось услышать, чем этот малый завершит свою остроту.

— А вы знаете, — удивленно продолжил он, стараясь выжать из шутки все возможное, — здесь у нас только одна баба, которой милорд Хьюго еще не поимел... — Он развернулся и указал на Кэтрин, стоящую у огня рядом с его светлостью. — Собственную жену! Любимую женушку! Леди Кэтрин!

Зал загудел, слышались крики и визг. Дамы Кэтрин, находившиеся за столом на помосте, всплеснули руками, но тут же прижали ладони к губам, чтобы, не дай бог, не рассмеяться.

Молодой лорд с видом кающегося грешника опустил голову. Хохотали все, даже сам старый лорд. Солдаты, словно боясь упасть от смеха, вешались друг на друга, а распорядитель праздника снял с головы пурпурный, усыпанный драгоценными камнями головной убор лорда Хью, подбросил его в воздух и ловко поймал, наслаждаясь своим остроумием. Только белая от злости леди Кэтрин не улыбалась.

— А теперь старый лорд! — раздался чей-то возглас. — Что он натворил?

Ведущий с серьезным видом направил палец в сторону лорда Хью.

— Ты очень, очень виновен, и с каждым годом твоя вина растет, — изрек он.

Лорд Хью фыркнул, ожидая продолжения.

— Каждый год ты делаешь все меньше, а вина твоя растет и растет, — заявил ведущий.

— Загадка! — подыгрывали ему из зала. — Загадка! В чем его преступление?

— В чем мое преступление? — подхватил его светлость. — Почему я делаю все меньше, а вина моя растет?

— Стареешь! — ликуя, выкрикнул парень.

Лорд Хью расхохотался, за ним и другие. Он погрозил смельчаку кулаком и предупредил:

— Вот только попадись завтра утром мне на глаза. Узнаешь, стар ли я держать меч в руках.

Ведущий на стуле застучал тощими коленками одна о другую, как бы показывая: ой, как страшно.

— А теперь повелеваю: танцы!

Он высвободился из плаща лорда Хью, скинул головной убор, вывел перед всеми самую грязную и жалкую кухонную посудомойку и встал с ней рука об руку во главе танцующих. Остальные, продолжая хихикать и улыбаться, выстраивались за ними парами. Элис наклонилась к Элизе.

— Вы видели ее лицо?

Та кивнула и ответила:

— Он еще грубей, чем в прошлом году. Но и тогда был ой-ой-ой какой наглый. Однако это традиция, и от нее никому нет вреда. Старый лорд обожает древние обычаи, а Хьюго наплевать. Из Кэтрин всегда делают посмешище. Хьюго все любят, а вот ее не очень.

Тут один из актеров подошел к их столу и бесцеремонно положил на плечо Рут свою ручищу. Она негромко взвизгнула, отказываясь с ним танцевать, но он силой потащил ее в круг.

— Вот потеха началась, — весело прощепетала Элиза и побежала следом за Рут подыскивать себе партнера.

Элис в своем синем платье как тень прошла по залу и встала за стулом лорда Хью, а потом вместе с ним вернулась на помост, где он занял свое законное место.

— Ты не танцуешь, Элис? — спросил он, стараясь перекрыть громкую музыку и грохот барабана.

— Нет, — коротко отозвалась девушка.

— Будь рядом, и никто не посмеет тебя пригласить, — посоветовал лорд. — Грубое веселье, конечно, но мне нравится наблюдать за ними. И Хьюго...

Он неожиданно замолчал. В дальнем конце зала его сын стоял на коленях перед какой-то служанкой, лицо которой скрывала полумаска в виде головы утки. Кэтрин с явной неохотой — лицо ее было бледным и неподвижным — танцевала в паре с одним из молодых рыцарей.

— Хьюго, конечно, проказник, — продолжил старый лорд. — Надо было женить его на девице, у которой пожар между ног.

Танцы затянулись до глубокой ночи; в перерыве какой-то юноша спел красивый мадригал, потом в зал прибежала молодая цыганка и сплясала странный, неистовый танец, щелкая деревянными трещотками, затем под аплодисменты и рев публики из кухни вышла процессия слуг с блюдами жареного мяса; сначала подали на главный стол, а потом и на остальные, по одному большому блюду на четверых. Это было последнее угощение праздника, самое великолепное. Лордам принесли жареного лебедя, вновь одетого в собственные белоснежные перья; он, как живой, гордо держал над блюдом голову. С другой стороны главного стола поставили блюдо с павлином, величаво колыхающим перьями хвоста. В общем зале на столы принесли куски жареного гуся, индейки, каплунов и дикой утки. У всех

на этом празднике был лучший хлеб — белая французская булка с толстой золотистой корочкой и плотным мякишем. Оба лорда ели с удовольствием и никак не могли насытиться — так было вкусно. Сидящая рядом с ними Кэтрин тоже не отставала; подтерев тарелку ломтиком хлеба, она взяла еще кусочек дикого лебеда, однако лицо ее пылало злобой.

Затем подали кувшины с вином. Слуги не успевали подносить и уносить блюда. Элис, у которой от усталости кружилась голова, ела мало, зато пила терпкое красное вино, налитое из бочек в прохладном погребе. Была уже полночь, когда наконец подали засахаренные фрукты и сладости, на главный стол — целых два блюда. Перед старым лордом поставили сделанную из марципана точную копию замка, над круглой башней которого развевалось фамильное знамя. Дамы даже поднялись со своих мест и сгрудились вокруг десерта, любуясь его красотой.

— Ну как можно резать такую прелесть, — восхищенно произнесла Элиза.

А перед Хьюго поставили другой марципан: загородный дом на высоком берегу реки, окруженный густым парком, в котором виднелась сделанная из сахара фигурка оленя.

— Вот таким и должен быть наш новый дом! — воскликнул Хьюго. — Черт побери этих слуг, я и подумать не успел, а они уже сделали. Вы только посмотрите, сэр, что они сотворили!

Лорд Хью улыбнулся.

— Вот теперь оба дома рядышком, — заметил он. — И я знаю, в каком предпочел бы жить.

Молодой лорд опустил голову; он слишком много съел и выпил, чтобы спорить с отцом.

— Мне известны ваши предпочтения, сэр, — почтительно сказал он. — Это у меня так, просто фантазии.

— А ты сможешь его съесть? — спросил старый лорд с усмешкой.

Хьюго рассмеялся и вместо ответа вынул нож.

— Кому кусочек моего дома? — крикнул он. — Моего красивого домика, который я нарисовал от нечего делать, а эти кухонные собаки стащили бумагу и сляпали мою мечту из сахара?

— Мне, — кокетливо промолвила Элиза.

Хьюго одарил ее широкой улыбкой.

— Ну уж вы, сударыня, не откажетесь от любого кусочка из моей руки. Умолять будете, чтобы вам позволили хоть разок лизнуть, верно?

Элиза протестующее заохала и засмеялась. Хьюго улыбнулся ей еще раз, а потом перевел горящие глаза на знахарку.

— А ты, Элис? Попробуешь моей красивой игрушки?

Она покачала головой, отошла и села за дамский стол в конце помоста. Когда остальные дамы вернулись с тарелками, Элиза поставила перед ней кусок марципанового дома.

— Это от него, — сообщила она, кивая в сторону Хьюго, сидящего к ним спиной. — Этот кусочек он отрезал специально для тебя прямо под носом жены. Смотри, он подарил тебе парадный вход. Ты играешь в опасные игры, Элис.

Когда все насытились и на столах уже ничего не осталось, кроме сухофруктов и вина, сваренного с пряностями, Дэвид занял место за креслом своего господина и начал вызывать

из зала на помост одного слугу за другим, а его светлость вручал им подарки или кошельки, полные монет. Хьюго сидел по правую руку от отца, время от времени он наклонялся к нему и что-то шептал. Леди Кэтрин находилась по левую руку от лорда Хьюго и улыбалась едва заметной, невыразительной улыбкой. На Новый год она уже обменялась подарками со своими дамами, а для слуг и солдат ничего не припасла. Вереница слуг и военных, казалось, никогда не кончится; их было полные четыре сотни. Элис из-за стола ничего не было видно, и она дремала — сказывалось шумное веселье рождественских праздников и две предшествующие недели, проведенные без сна.

— Как это скучно, — недовольно заявила Элиза. — Везде подарки раздают на Новый год, а наш лорд Хью такой жадный, не хочет устраивать зимой два праздника.

Элис машинально кивнула.

— Давайте-ка разопьем еще кувшинчик вина, — предложила Элиза.

Она хлопнула в ладоши, подзывая проходящую мимо служанку. Марджери нахмурилась.

— Будешь пьяная, — предупредила она. — А Элис уже и так носом клюет.

— Плевать, — отмахнулась Элиза. — Последний день праздника. И сегодня госпожа уже не позовет нас к себе. Наденет свою лучшую сорочку и будет всю ночь лежать на кровати с открытыми глазами, надеясь, что вино возбудит в Хьюго желание.

— Тихо ты, — зашипела всегда осторожная Рут.

Элиза захихикала и налила себе из полного кувшина.

— Лучшим рождественским подарком Кэтрин от мужа будет хорошая случка, — пошутила она.

Марджери и миссис Эллингем так и рассыпались в злорадном смехе. Рут оглянулась и бросила на леди Кэтрин испуганный взгляд. Элис слегка пригубила из бокала.

У вина был приятный аромат. В честь праздника стол для дам сервировали бокалами, и Элис с удовольствием прикоснулась губами к прохладному стеклу. У Моры она пила из глиняной посуды или из рога, а в замке — из оловянных кружек. Девушка не прикоснулась к стеклянной посуде с тех пор, как бежала из монастыря. В стекле вино не имело ощутимого привкуса плохо вычищенного металла, бокал был легкий, с хрупкими стенками, и вино казалось необыкновенно вкусным. Элис отхлебнула еще. Невоздержное обжорство, пьянство и грубость праздничных дней никак не затронули ее. Никто не тискал ее в темном углу, не лез с поцелуями, она ни разу ни с кем не танцевала. Старый лорд был начеку, и когда какой-то офицер приблизился пригласить ее на танец, он нахмурился, а Дэвид замахал рукой, отгоняя беднягу. Леди Кэтрин улыбнулась едва заметной улыбкой, наклонилась к столу, где сидели дамы, и пропела медоточивым и вместе с тем ехидным голосом:

— Весной будем танцевать на твоей свадьбе, Элис. — Она посмотрела в спину юноши, который, несолоно хлебавши, возвращался на свое место. — Это Питер, побочный сын одного из офицеров лорда Хьюго. Он тоже в числе тех, кого я выбрала для тебя. Как думаешь, у меня хороший вкус?

Элис бросила взгляд в сторону офицера. Достаточно красив, юн, строен, с густой шапкой каштановых волос, кареглазый. Во время травли медведя она видела, как он вонзил острый нож в умирающую собаку. А в другой раз, во время петушиных боев, возбужденно кричал и подпрыгивал. «Интересно, — подумала Элис, — какова будет моя жизнь, если я стану его женой, связав на веки вечные судьбу с человеком, который так возбуждается от чужого

страдания».

— Да, миледи, — ответила она и, скрывая истинные чувства, улыбнулась, глядя госпоже прямо в глаза. — Кажется, он неплохой человек. Его отец говорил с ним по поводу брака?

— Да, — отозвалась Кэтрин с довольным видом. — Мы должны убедить старого лорда, пусть найдет вместо тебя нового писаря, тогда и возьмемся за свадьбу. Может, на Пасху.

— Хорошо, — тихо промолвила Элис и уставилась в тарелку — вдруг леди Кэтрин заметит, что в ее глазах горит полное нежелание повиноваться своей госпоже.

Она глотнула еще вина. Все дни праздников и пиров, все ночи пьяных игрищ и увеселений она чувствовала, что молодой лорд то и дело исподтишка на нее поглядывает. Но и леди Кэтрин зорко за ней следила. Элис прижала холодное стекло бокала к щеке. Надо разорвать сеть, которую лорды и эта мегера плетут вокруг нее. Надо собраться с силами, вдохнуть жизнь и энергию в восковые фигурки и заставить плясать их под свою дудку.

По случаю Рождества над столом зажгли канделябры, а на стол поставили серебряный подсвечник с бледными, как мед, свечами. Элис все смотрела на колеблющееся пламя, на чистый, полупрозрачный воск. В воздухе витал сладковатый, приятный запах. Все свечи были из чистейшего пчелиного воска. Вдруг Элис вздрогнула: она подумала, что эти свечи могли быть отлиты в ее аббатстве из воска, взятого на монастырской пасеке.

Элиза подлила ей вина, и Элис снова выпила.

В ее кошельке, подвязанном к поясу, лежали три восковые фигурки. Когда она двигалась, они мягко стучались друг о друга. У Элис было искушение выбросить их из окна в обрыв, чтоб, ударившись о твердую скалу, они разлетелись на кусочки и утонули в шумящей внизу реке. Если обнаружится, что она носит фигурки с собой, ее ждет неминуемая смерть, но и прятать их где-нибудь в замке она боялась. Ей пока не хватало мужества или, может, отчаяния использовать их по назначению. Она носила их как талисман, как последнее оружие, которое должно быть всегда под рукой.

Терпкое прохладное вино с привкусом муската глоток за глотком растекалось по ее телу. Голоса теперь звучали где-то очень далеко, лица подернулись мутной дымкой и расплылись, как в тумане.

— Хотелось бы мне... — еле ворочая языком, начала Элис.

Марджери и Элиза переглянулись и заулыбались.

— Хотелось бы мне быть леди Кэтрин, — невнятно пробормотала Элис.

Рут, самая осторожная, оглянулась: оба лорда и миледи все еще раздавали подарки.

— Зачем тебе? — спросила Рут.

— А затем, что... — медленно произнесла Элис. — Затем, что... — Она снова запнулась. — Я хочу собственную лошадь. И платье не с чужого плеча, а новое. И мужчину...

Элиза и Марджери так и прыснули от смеха. Даже Рут и миссис Эллингем, прикрыв ладошками рты, захихикали.

— И мужчину, который ко мне не пристает, — продолжала Элис. — Мужчину, который со мной живет, который женат на мне, но не пристает... который оставит меня в покое...

— Что ж это за жена такая! — смеясь, воскликнула Элиза. — Не повезло Питеру, будет

сидеть у тебя на голодном пайке.

Однако Элис не слушала ее.

— Мне нужно больше, чем обыкновенной женщине, — грустно рассуждала она. — Мне нужно так много...

Дамы уже хохотали открыто, не таясь. Элис с бледным серьезным лицом, с тяжелым остроконечным головным убором, который то и дело соскальзывал назад на покрытой растрепанными вьющимися локонами голове, — все это казалось им очень смешным. Бездонные синие глаза рассеянно уставились на горящие свечи. Молодой лорд Хьюго, который непостижимым образом почувствовал, что происходит, обернулся и мгновенно оценил обстановку.

— Ваша юная помощница что-то увлеклась... уже совсем хмельная, — тихо доложил он отцу.

Старый лорд тоже оглянулся. Однако Дэвид отвлек его внимание, указывая на очередного солдата, который подошел за подарком.

— Пусть отведут ее к себе, — быстро велел сыну старый лорд. — Не дай бог, наблюдает на платье и опозорится.

Хьюго кивнул и отодвинул стул. Леди Кэтрин не слышала их слов и удивленно вскинула голову.

— Отец дал мне одно поручение, я ненадолго, — прошептал Хьюго жене, после чего повернулся к дамам и строго сказал: — Пойдем, Элис.

Девушка подняла на него глаза. Яркие свечи горели у него за спиной, оставляя лицо в тени; она видела только сияющую улыбку. Между дамами поднялся негромкий переполох, словно в курятнике при появлении на пороге лисицы.

— Я провожу тебя в комнату миледи, — твердо произнес лорд, затем указал на Элизу. — Ты тоже пойдешь с нами.

Элис медленно встала на ноги. Пол под ее ногами завертелся, как по волшебству, и вдруг совсем исчез. Лорд Хьюго едва успел подхватить ее. Он поднял девушку на руки и кивнул Элизе; та отдернула декоративную штору и открыла дверцу позади помоста. Они вышли в коридор и двинулись по пологим каменным ступеням наверх, в комнату леди Кэтрин. Элиза распахнула дверь, и Хьюго с Элис на руках шагнул в галерею.

— Если посторожишь и будешь держать язык за зубами, дам тебе шиллинг, — пообещал он Элизе.

Ее карие глаза превратились в блестящие блюдца.

— Да, милорд, — прошептала она.

— А если станешь болтать языком, прикажу его отрезать, — весело добавил он.

От его улыбки у Элизы подкосились коленки.

— Клянусь вам, милорд! — с жаром воскликнула она. — Для вас я сделаю все, что угодно.

Кивком он приказал открыть дверь; Элиза засеменила вперед и распахнула дверь настежь. С легкостью неся Элис на руках, он миновал галерею. Девушка открыла глаза и увидела, как лунный свет из окна на секунду осветил его лицо, потом они снова погрузились в тень.

Оказавшись в дамской спальне, Хьюго положил Элис на соломенный тюфяк.

Не торопясь, он вытащил булавки, крепящие ее головной убор, и снял его. Элис упала на подушку, лицо ее было бледным, глаза закрыты.

— Меня тошнит, — тихо пожаловалась она.

Хьюго повернул ее на бок, сноровисто распустил сначала шнуровку корсажа, а потом платья под ним, снова перевернул ее на спину и кое-как стащил платье; на девушке осталась одна только нижняя рубашка. Она снова упала на кровать, раскинув руки; золотистые волосы в беспорядке разметались по подушке. Лорд Хьюго отошел и оглядел ее всю, от маленьких грязных ступней до тонких изящных рук. Элис слегка посапывала.

Лорд Хьюго вздохнул, стащил с себя штаны и лег на нее сверху.

Почувствовав вес его тела, Элис широко распахнула глаза, и он приготовился закрыть ей ладонью рот на случай, если она закричит; но затуманенный блуждающий взгляд ее был приветлив и светился радостью, а губы улыбались.

— Ах это ты, любовь моя, — промолвила она так легко, словно они уже двадцать лет были женаты. — Давай не сейчас, я такая сонная... Давай лучше утром.

— Элис?

Она тихо засмеялась, это был теплый, доверительный смех женщины, которой известно, что ее любят от всего сердца.

— Давай не сейчас, — повторила она. — Я смертельно устала, вы с сыном совсем меня замучили. Позволь мне немного поспать.

Веки ее затрепетали и закрылись, длинные ресницы легли на щеки.

— Ты хоть знаешь, кто я такой? — уточнил Хьюго, совершенно сбитый с толку.

— А как же, — с улыбкой ответила девушка.

Она повернулась на бок, спиной к лорду, и протянула к нему руку. Привычным движением, тем более что оно было бессознательным, она нащупала его ладонь и сунула в горячий и такой уютный уголок между своих бедер. Хьюго, повинувшись требовательности ее маленьких ручек, повернулся и прижался к ней, повторив изгибы ее тела. Его охватило желание, которое он мог бы удовлетворить, как всегда, быстро и грубо, не обращая внимания на ее согласие. Но в спящей и хмельной Элис было что-то такое, что остановило его.

— Элис, сколько тебе лет? — вдруг спросил он. — Какой сейчас год?

— Скоро восемнадцать, — пробормотала она сонным голосом. — Сейчас тысяча пятьсот тридцать восьмой. А ты думал какой?

Молодой лорд молчал, его охватило смятение. Элис снилось будущее, которое случится через два года.

— А отец, как он сейчас? — задал он новый вопрос.

— Он же умер, почти год прошел, — отозвалась Элис все тем же голосом. — Спи, Хьюго.

Она назвала его по имени, и от неожиданности он вздрогнул.

— А леди Кэтрин?

— О, замолчи! Не надо никого винить. Она наконец упокоилась. И все ее земли достанутся маленькому Хьюго. Ну а теперь спи.

— У меня есть сын? — допытывался лорд.

Девушка вздохнула и чуть-чуть отодвинулась. Молодой лорд поднялся на локте, заглянул ей в лицо и увидел, что она крепко спит. Он осторожно убрал лежащую у нее между ног руку и заметил, как по лицу ее пробежала легкая тень сожаления. Потом она еще глубже зарылась в подушку и окончательно погрузилась в сон.

Он сел на кровати и обхватил голову руками, стараясь мыслить трезво и осознать то, что услышал. Либо Элис напилась и потому ей привиделось черт знает что, девичьи грезы, либо вино высвободило в ней какие-то силы, позволяющие заглянуть в будущее, и тогда все ее слова — правда. Значит, через два года он будет хозяином Каслтона, Кэтрин умрет, а Элис станет его женой и матерью его ребенка. Хьюго наклонился и поправил дрова в камине; по стенам маленькой комнатки забегали отсветы пламени. Чистый, красивый профиль Элис светился в полутьме.

— Какой у нас был бы сын! — тихо воскликнул он. — Какой сын!

Хьюго вспомнил, как привычно и уверенно она сунула его ладонь себе между ног, как в ленивой дремоте пообещала любовь на утро, и снова его охватило жгучее желание. Он подумал было взять ее силой, пока она спит, без позволения, но что-то снова остановило его.

Такого с ним еще не было: Хьюго любил получать удовольствие сразу. Благодаря Элис он мельком заглянул в будущее, и это будущее ему очень понравилось. Он вдруг увидел равную себе женщину, которая желала его не меньше, чем он ее. Женщину, которая разделяет его труды и планы, которая подарила ему сына и подарит еще детей. Он был бы рад, если бы сон Элис осуществился. Был бы рад этой близости с ней, этой нежности. Но больше всего на свете он мечтал теперь о сыне, которого она подарит.

Лорд тихо рассмеялся, и смех его странно прозвучал в тишине комнаты. Ему захотелось снова услышать, как она называет его просто по имени, как требует его ласк. Захотелось увидеть, как она утомлена его ненасытной страстью и заботами о сыне. Он снова недоверчиво посмотрел в сторону Элис. Нет, ни в коем случае он не нарушит данное ей обещание. Он не станет брать ее силой, не станет пугать. Она для него желанна, но не сейчас, а в той мимолетной картине будущего: уверенная, чувственная, довольная. Сильная женщина, знающая, что вправе приказывать ему, управляющая своей жизнью.

Он накинул на девушку плед, и она даже не пошевелилась. Затем наклонился к ней и поцеловал в изгиб нежной шейки, чуть пониже уха. Запах ее кожи снова возбудил его.

— Миледи Элис, — произнес он с усмешкой, после чего поднялся и вышел из комнаты.

За дверь ждала Элиза, круглое лицо ее покраснелось от волнения.

— Все тихо, милорд, — доложила она. — А вы что, разве не легли с ней? Неужели вы оставили ее так?

Лорд Хьюго быстро посмотрел вниз, туда, куда вели ступени лестницы и где был большой зал.

— Подними-ка юбки, — коротко велел он.

Элиза удивленно округлила губки.

— О-о, милорд... — прошептала она, не в силах скрыть восхищенный протест.

Жесткой рукой он схватил край ее платья и задрал до самого пояса. Потом прижал Элизу к каменной стене и протаранил насквозь. Она вскрикнула от неожиданной боли. Он закрыл ей рот ладонью и прошипел:

— Дура. Ты что, хочешь созвать сюда весь замок?

Поверх его ладони Элиза умоляюще выпучила глаза.

Несколько раз он толкнулся в нее, а потом замер, плотно закрыв глаза и стиснув зубы в мрачной конвульсии облегчения, которая скорее напоминала злость.

Наконец он отпустил ее, и Элиза, хватая ртом воздух, отшатнулась в сторону, держась одной рукой за горло, а другой — вытирая подолом между ног.

Пошарив в кармане, Хьюго бросил ей пару серебряных монет и припугнул:

— Пикнешь — язык вырву.

Повернувшись к ней спиной, он неторопливо зашагал по галерее к лестнице, ведущей в большой зал. Она поплелась за ним и, стоя у двери, смотрела, как он спустился, помедлил немного в коридоре, разгладил одежду, расправил плечи, как на губах его заиграла улыбка и он отворил дверь, ведущую на помост, где сидели его отец и жена.

— Будь ты проклят, Хьюго, — едва слышно произнесла Элиза с несчастным видом. — Испортил новое платье, чуть не придушил и покрыл — и все за несчастный шиллинг.

Ее передернуло от обиды; она повернулась и направилась в дамскую спальню. Там она села на свою кровать и взглянула на спящую Элис.

— А все из-за того, что эта проклятая ведьма тебя околдовала и ты потерял мужское достоинство, — зло сказала Элиза. — Я все видела, ничтожный мерзавец. Лежал с ней рядышком и тыкал ее пальцем, на большее духу не хватило. Она бормотала свои заклинания, чтобы околдовать тебя и твою семью.

Элиза сняла с себя платье и натянула одеяло.

— И ты отыгрался на мне, — проворчала она. — Будь ты проклят, сифилитик чертов...

Элис во сне перевернулась, протянула руку, ища его рядом, и прошептала:

— Любовь моя.

На следующий день она болела, глаза слипались, лицо побелело как бумага — она все-таки отравилась вином. Она ничего не ела, только пила воду. Что там говорить, все обитатели замка, от Хьюго до последнего поваренка, повеселились на славу, так хорошо не гуляли весь год, и теперь пришла расплата.

Только после обеда некоторым дамам немного полегчало. И тогда леди Кэтрин приказала собраться в галерее: она будет пряхать, а остальные — заниматься шитьем. Элис было велено читать вслух.

Ее тошнило, в голове стучало, но она читала и читала, пока буквы не запрыгали у нее перед глазами. В книге были собраны любовные романы про прекрасных дам, томящихся в замках, и про влюбленных рыцарей, совершающих ради них подвиги. Читая, Элис думала о своем и в

содержание не вникала, она знала, что в жизни все иначе. Скучный голос леди Кэтрин прервал ее чтение.

— Это правда, что вчера вечером лорд Хьюго отнес тебя на руках наверх? — спросила она.

— На руках до самой спальни, это правда?

— Извините, миледи. — Элис испуганно заморгала. — Я не помню. Я потеряла сознание и не понимала, что со мной происходит.

— Он нес ее на руках? — обратилась госпожа к Элизе.

— Да, — храбро ответила та.

У нее болело все внутри, и она винила Элис в том, что вожделение Хьюго вылилось в насилие.

— До вашей спальни? — допытывалась леди Кэтрин.

— Да, — подтвердила Элиза.

— И ты была вместе с ними?

Элиза заколебалась, не зная, что сказать. Она бы с удовольствием отплатила лорду Хьюго, признавшись, что тот велел ей сторожить за дверью. Но риск был слишком велик. Гнев молодого лорда быстр и непредсказуем, а пятна на ее платье и два серебряных шестипенсовика будучи свидетелем против нее.

— Да, — выдавила из себя Элиза. — Он бросил ее на кровать и распорядился приглядеть за ней и позаботиться — ее могло стошнить, и она валялась бы в своей блевотине, как собака.

Бледное лицо Элис покрылось густой краской.

— Какая для него досада, наверное, — с потаенным торжеством заявила леди Кэтрин. — Думаю, впредь тебе лучше пить пиво, Элис.

— Я тоже так думаю, — согласилась девушка. — Мне очень жаль, простите меня, пожалуйста.

Холодно улыбнувшись, леди Кэтрин кивнула и подошла к яркому пятну зимнего солнца, упавшему через цветное стекло эркера на деревянный пол.

— Неужели он это сделал? — горячо зашептала Элис на ухо Элизе. — Неужели бросил меня на кровать?

— И лег рядом, — злорадно отозвалась Элиза. — Я спасла твою шкуру, утаив от миледи правду. Он дал мне два серебряных шестипенсовика и приказал сторожить за дверью. Я там и стояла, а он бросил тебя на кровать, раздел и лег рядом, а потом сунул в тебя палец.

Элис побелела, у нее было такое лицо, словно она сейчас упадет в обморок.

— Этого не может быть, — пробормотала она.

— А вот и было, — резко возразила Элиза. — Я видела собственными глазами.

— Но я ничего не чувствую, — удивилась Элис.

— Что вы там обсуждаете? — вмешалась леди Кэтрин.

— Цвет шелка, леди Кэтрин, — быстро нашлась Элиза. — Мне кажется, он слишком ярок. А Элис хочет оставить этот.

Элиза подняла гобелен, который Элис старательно вышивала на предыдущей неделе, и леди Кэтрин, склонив голову набок, стала его рассматривать.

— Распустить, — заключила она. — Ты права, Элиза, тут нужен цвет побледней, всякому понятно. Элис, тебе придется оставить чтение, распустить нитки и все переделать.

Взяв серебряные ножницы, Элис стала распускать шитье, всю свою недельную работу, чтобы начать заново. Элиза склонилась над гобеленом.

— Не чувствуешь, потому что сама хотела, — вернулась она к прежней теме. — Лорд раздел тебя, и ты даже не сопротивлялась, а потом взяла его руку и сама сунула между ног, как потаскуха. И после этого еще уверяешь, что у тебя нет желания.

— Этого не может быть, — повторила Элис.

Ей казалось, что вся ее жизнь дрогнула и перевернулась.

Элиза пожала плечами.

— А ты что, разве ничего не помнишь?

Элис закрыла глаза. Смутно, как во сне, она припомнила дремотное сладострастие, охватившее ее, а еще доверие и удивительную нежность, какой она никогда не испытывала наяву. Она вспомнила, как повернулась на бок, взяла его за руку, заставив обнять себя, и сунула его ладонь между бедер.

— О господи, — прошептала она, покраснев так, что ее прошиб пот.

— Ну что, в голове прояснилось? — назойливо допытывалась Элиза. — Что ты ему наговорила, почему он не тронул тебя?

— Я хотела его, — еле слышно произнесла Элис; голос ее был глух, в нем звучало искреннее горе. — Я была пьяна, и меня охватило желание. Он с легкостью мог бы взять меня. Никто бы не помешал ему, я сама не стала бы мешать. Он мог взять меня, как и всякую другую шлюшку в этом замке, и у меня не нашлось бы слов ему воспрепятствовать. Я ощущала себя распутницей. Он взял бы меня без труда. — Тыльной стороной ладони Элис яростно потерла глаза. — Это болезнь, и если не остановить ее, я пропала. Не приму меры — потеряю все. Надо собраться с духом, иначе мне конец. Я должна устоять, и для этого понадобятся все мои силы.

Она резко швырнула на пол шитье и направилась к двери.

— Элис! — прикрикнула на нее госпожа. — Что ты себе позволяешь? Как ты смеешь выходить из комнаты без моего разрешения?

Девушка обернулась, глаза ее сверкали, лицо пылало гневом и отчаянием.

— Да отстаньте вы от меня, леди Кэтрин! — ожесточенно воскликнула она. — Я больше не боюсь вас! Я потеряла все, что вы могли отобрать. Я родилась не для того, чтобы стать такой, как вы, как все эти... — Она широким жестом обвела четырех дам, которые, разинув рты, потрясенно на нее уставились. — Жалкие прислужницы. Теперь я знаю, кто я такая. Я нисколько не лучше любой из вас. Во мне нет ничего особенного. Я грешница, я совершенная дура. Но по крайней мере, теперь-то мне известно, что делать. И отныне я ничего не боюсь.

Миледи в ужасе отпрянула, но тут же взяла себя в руки.

— Как ты смеешь говорить со мной в таком тоне, девчонка... — злобно начала она.

— А вот и смею! — оборвала ее Элис. — И вы не будете больше называть меня девчонкой. Не будете мной помывать. И ваш муж перестанет мной забавляться, ведь я не игрушка. Вы сами поставили меня между ним и собой, и теперь я смею все.

— Замолчи! — взвизгнула леди Кэтрин.

Элис прожгла ее горящим взглядом и, хлопнув дверью, выскочила из комнаты. По каменным ступеням простучали ее каблучки, с силой грохнула дверь в большой зал.

— Она что, уходит от нас? — спросила миссис Эллингем.

Сидеть осталась одна госпожа, остальные сгрудились у широкого окна в эркере и, вытянув шеи, смотрели вниз на ступени, ведущие из большого зала на садовую дорожку, а дальше — к сторожке возле внутреннего рва.

— Вон она, вон она! — крикнула Элиза. — Направляется через сад к воротам. Хотите, я побегу за ней, миледи, и передам распоряжение вернуть ее?

Леди Кэтрин, с побледневшим лицом и сжатыми губами, совладала со своими страхами и подозрениями.

— Пускай идет, — наконец ответила она. — Пускай идет.

Старый лорд хватился Элис только вечером, уже перед ужином, когда ему понадобилось написать письмо. Дэвид отправился искать ее в дамской галерее, и леди Кэтрин с непроницаемым, как будто подурневшим лицом сообщила ему, что Элис с ними нет.

— Я пойду вместо нее, — вызвалась она.

Набросив на плечи темную накидку, надвинув на голову капюшон, она последовала за карликом в комнату старого лорда. В темном углу лестницы они столкнулись с лордом Хьюго, который не скрывал, что их поджидает. Он протянул руку и остановил их вопросом:

— Где Элис?

И такая страстная тоска, такое томление звучало в его голосе, каких Кэтрин еще не слышала. Она откинула с головы капюшон. Худое лицо ее пылало ненавистью, глаза горели торжеством.

— Я так и думала, — бросила она с ядовитой злобой. — Я так и знала.

Хьюго отступил назад.

— Сударыня, я...

Управляющий и Хьюго обменялись быстрыми взглядами, и карлик заспешил вверх к покоям старого лорда, не желая вмешиваться в семейный конфликт.

— Не стоит притворяться, — гневно продолжала Кэтрин. — А я все удивлялась: откуда у этой девки влияние и на тебя, и на старого лорда? Теперь поняла: она спала с вами обоими. — Губы Кэтрин исказились. — Спала с обоими! Он спал с ней, потому что впал в старческий маразм, а ты просто ни одной юбки не пропускаешь. Как только я увидела ее в платье той

шлюхи, сразу поняла, что к чему. Но я ждала, наблюдала. Ты глаз с нее не сводил, и мне стало ясно, что у тебя на уме. Господь все видит, а я на это достаточно насмотрелась. Господь видит, как ты пялишься то на одну, то на другую, как гнусно ухмыляешься и облизываешься. Как ты глядел на нее! Как тащил на руках с праздника! До самой постели донес, верно? И заплатил этой дуре Элизе, чтобы она отвернулась. Заплатил, чтобы притворилась слепой, а потом наврала мне и смеялась надо мной в кулачок. Заплатил, чтобы она помогла этой девке!

Кэтрин кинулась на мужа и залепила ему звонкую пощечину. От удара голова Хьюго покачнулась, но на ногах он устоял.

— А как же я? — Страстный шепот Кэтрин сменился приглушенным криком ярости. — Как же я? На меня ты так никогда не смотрел! В мою комнату с такой улыбочкой никогда не входил! Каждая девка в замке может похвастаться, что ты раздевал ее своим гнусным, похотливым взглядом. Каждая потаскушка в городе, каждая деревенская девка раскидывала перед тобой свои грязные ноги, а на меня, на свою законную жену, ты и внимания не обращал! — Кэтрин схватила мужа за плечи. — На меня ты даже не смотришь!

Молодой лорд безмолвствовал. Слезы потекли по щекам миледи; она изо всех сил трясла его и повторяла:

— На меня ты не смотришь.

Но Хьюго стоял неподвижно, как скала, даже не пошевелился.

— О боже! — воскликнула она с неожиданной страстью. — Хьюго, сделай и со мной то же, что ты делаешь с ней. Возьми меня прямо здесь.

Она шагнула в тень, в укромное местечко рядом с лестницей, лихорадочно задрала платье, потом схватила шнурок на его штанах, притянула его за гюльфик, придвинулась бедрами к этой украшенной вышивкой детали мужского туалета и застонала, как только жесткая ткань коснулась ее.

— Сделай же это, сделай немедленно, — отчаянно проговорила она.

Хьюго оттолкнул ее и отпрянул. Несмотря на мрак, он прекрасно видел ее застывшее, словно вырезанное из камня, лицо.

— Ну хватит, — спокойно произнес он. — Я не тронул эту девушку, не бойся и не слушай, что там болтают твои дуры. Я пальцем ее не коснулся. Донес до кровати, снял с нее платье, накрыл пледом и ушел.

Леди Кэтрин пошатнулась, будто он наотмашь ее ударил. Она отпустила и расправила задранный подол. Дышала она еще тяжело, но ровный голос мужа подействовал на нее, как холодная вода. Лицо ее побелело и стало напоминать маску.

— Ты снял с нее платье и не воспользовался этим? — уточнила она, будто не веря своим ушам.

Молодой лорд молча кивнул, повернулся и стал спускаться по лестнице.

— Хьюго!

Леди Кэтрин поспешила следом и на нижней ступеньке вцепилась ему в руку.

— Хьюго, скажи, что не хочешь ее, поэтому не тронул!

Он остановился, на его губах показалась обычная холодная усмешка.

— Вы уж определитесь, миледи, — ледяным тоном заявил он. — Сначала ты бранишь меня за то, что я переспал с ней, а теперь не можешь простить, что я этого не сделал.

Кэтрин тихо застонала и потянула его за камзол.

— Ну пожалуйста! — взмолилась она. — Я хочу знать, что было между вами на самом деле. Я не вынесу неизвестности. Не вынесу мысли о том, что ты...

— Чего ты не вынесешь? — перебил он. — Не вынесешь, что я переспал с ней, или не вынесешь, что не переспал? И как мне, сударыня, вам угодить?

Она смотрела на мужа так, будто не поняла ни единого слова.

— О господи, Хьюго, — наконец ответила Кэтрин с какой-то жадностью в голосе. — Я не хочу, чтобы ты спал с ней. Но больше всего не хочу, чтоб ты жалел ее. По мне, уж лучше бы ты изнасиловал ее, чем пожалел. Когда ты так с ней обращаешься, я не понимаю тебя. Не понимаю, что это значит! Что творится у тебя в голове, когда ты так ласков с ней и деликатен? Лучше бы ты изнасиловал ее, сделал ей больно, порвал у нее все внутри, утоляя свою похоть! А ты так церемонишься с ней.

Хьюго заглянул в глаза супруги; лицо его передернулось от отвращения и презрения.

— Так ты хочешь, чтобы я безжалостно изнасиловал ее? — удивленно спросил он. — Юную шестнадцатилетнюю особу, которую ты должна опекать... ты, значит, хочешь, чтобы твой муж порвал у нее все внутри? Боже мой, сударыня, вы скверная женщина.

Кэтрин разинула рот и отпрянула к каменной стене.

— Я не тронул ее, потому что она была такая тепленькая, такая нежная, — тихо пояснил Хьюго. — Ей приснился сон, в котором она предсказала мне будущее, мне и себе самой. Через год мой отец умрет, и хозяином здесь стану я. И она подарит мне сына.

— Не-ет... — простонала леди Кэтрин, коленки ее подогнулись, и она опустилась на пол.

— И зарубите себе на носу, леди, — безжалостно продолжал Хьюго, — вы ударили меня в последний раз в жизни. Ваши дни здесь сочтены. И ваше место в моей постели займет эта девушка из Боуэса.

— А мое приданое... — пролепетала Кэтрин. — А мои земли...

— К черту твои деньги! — выругался Хьюго. — К черту земли! Провались вместе с ними. Мне нужна девушка из Боуэса, и я поставлю на карту все, даже сам замок, чтобы получить ее.

Он бросился прочь и скрылся в караульной комнате.

Долго еще леди Кэтрин сидела на каменных ступеньках; наконец она поднялась, медленно, неуклюже, словно превратилась в совершенную старуху. Холодный свет луны над горизонтом проникал сквозь бойницы, освещая ее мстительное лицо с крючковатым носом. Из ее уст прозвучало слово, самое страшное и опасное в этом страшном и опасном мире:

— Ведьма.

Лорд Хью грелся у камина в своей комнате, когда к нему, даже не постучав, вихрем влетела леди Кэтрин. Он оторвал взгляд от огня, увидел перед собой невестку и удивленно выгнул бровь.

— Я посылал за Элис, у меня есть для нее работа, — заметил он.

— Она больше не может быть вашим секретарем, — сообщила Кэтрин; ее голос трепетал от скрытой страсти. — Мне надо побеседовать с вами, милорд. Прикажите разыскать ее и представить перед судом.

— А что она натворила? — усталым голосом осведомился лорд Хью. — Сбежала? Из ваших покоев что-нибудь пропало?

— Хуже, — прошипела Кэтрин. — В тысячу раз хуже.

Она надеялась произвести на старого лорда мощное впечатление, однако тот был совершенно спокоен.

— Милорд, я обвиняю ее в тягчайшем преступлении, — заявила Кэтрин; желание уничтожить Элис было таким сильным, что она задыхалась. — Я обвиняю ее в преступлении даже более тяжком, чем убийство.

— Интересно, — обронил старый лорд.

— Она ведьма.

В жарко натопленной комнатке на мгновение повисло оглушительное молчание.

— Я не верю, — решительно ответил он.

Но Кэтрин, как гадюка, атакующая свою жертву, немедленно воспользовалась его секундным колебанием.

— А-а, значит, вы сами ее подозреваете, — торжествующе заключила она. — Элис была к вам ближе всех. И вы сами подозреваете ее в колдовстве.

— Совсе нет, — отозвался старый лорд, но без должной уверенности.

— А я открыто ее обвиняю! — Голос Кэтрин звенел, как надтреснутый колокол. — Я обвиняю ее в колдовстве! Она околдовала моего мужа. Только что он ударил меня по лицу и сказал, что не успокоится, пока Элис не будет принадлежать ему. Что это, как не самое настоящее колдовство, милорд? И жертва здесь — ваш собственный сын.

Легкий румянец снова вернулся на щеки старого лорда.

— Клянусь честью, Кэтрин, — облегченно вздохнул он. — Я-то думал, речь идет о черной магии. Какая тут, к черту, черная магия! Ты что, не видела раньше, как Хьюго гоняется за девками? Это пройдет. — Он протянул к невестке руку и улыбнулся. — Успокойся. Возмутительно, конечно, и ты не зря сердишься, но просто у этого шалопая появилась новая игрушка. И не о чем беспокоиться, колдовством тут и не пахнет, любая девица может охмурить горячего парня, когда у нее все играет. Пустое.

Лицо Кэтрин побелело от злости.

— Нет, милорд, — ядовитым тоном возразила она. — Вы не поняли. Хьюго сам признался, что мог овладеть ею, но не сделал этого. Дал клятвенное обещание не трогать ее без ее

согласия. Она так околдовала его, что он видел будущее, где Элис — его жена. По словам Хьюго, ему не нужны мои земли и приданое, да-да, он готов бросить замок ради нее и сына, которого она посулила. А это уже колдовство, милорд, настоящее, тут не просто флирт с девкой.

Старый лорд встревожился и даже изменился в лице.

— Я поговорю с Хьюго, — пообещал он.

Потом потянулся к столу и позвонил в серебряный колокольчик. Немедленно явившийся слуга получил приказание разыскать Хьюго. Старый лорд посмотрел на невестку и взмахнул рукой.

— Можешь идти.

— Нет. Я останусь. — Кэтрин без страха встретила его изумленный взгляд, ее желтые зубы обнажились в нескрываемой злобе. — Я утверждаю, что вашего сына околдовали, и еще я утверждаю, что под чары Элис отчасти попали и вы. Здесь должен присутствовать кто-нибудь, у кого ясная голова. Кто-то должен уличить эту ведьму. Я имею смелость не доверять вашему здравому смыслу, милорд, ради вашей же безопасности, и у меня есть на это право.

Старый лорд метнул на нее горящий взгляд.

— Хорошо, можешь остаться, но только сиди и не издавай ни звука.

— Позовите также Элизу Херринг, — попросила Кэтрин. — Она была с милордом, когда он относил ведьму из зала наверх. Она опишет, что произошло между ними.

Его светлость кивнул.

— И священника, — не отставала Кэтрин. — Отца Стефана. Он человек святой и ваш верный слуга. Это не пустой каприз, он нужен для моей безопасности, а также вашей и вашего сына. Если я права и Элис окажется ведьмой, ее надо немедленно схватить, милорд. Схватить, подвергнуть испытанию и удавить.

— Какая чепуха! — не сдержался его светлость. — Вздор и женская ревность... Когда явится Хьюго, все объяснится. — Наконец он взял себя в руки и продолжил: — А ты молчи, даже пикнуть не смей. Держи язык за зубами, понятно? Я позволил тебе присутствовать, но если заговоришь, я велю вышвырнуть тебя вон. Я это сделаю, сударыня, не забывай.

— Я буду молчать, — с готовностью заверила Кэтрин. — Но когда вы поверите нелепицам, которые придумает Хьюго в ее защиту, и решите его отпустить, задайте ему один вопрос.

— Какой еще вопрос? — проворчал старый лорд.

— Спросите, как вы должны умереть, — ответила Кэтрин. — Эта ведьма предсказала не только свое торжество надо мной, но и вашу смерть. По ее мнению, через год вы умрете.

Лорд Хьюго разинул рот от изумления.

— А кому это должно быть известно, как не ей? — вкрадчиво промолвила леди Кэтрин. — Она дает вам лекарства, заведует вашими травами. Когда вы больны, она всегда находится рядом. Если она не околдовала вас полностью, то отравить может в любую минуту. Она и пообещала Хьюго, что вы скоро умрете.

— Она же моя раба, — заметил его светлость, как бы рассуждая сам с собой. — Она служит

мне...

— А если ее подкупили? — перебила Кэтрин. — Она для вас очень опасна! Вы сами подумайте, как высоко поставили ее, милорд. Так же высоко, как и Дэвида, человека, которому всецело доверяете. Ей известны все ваши тайны, она ходит за вами, как за малым дитем. Если ее амбиции или неумемная похоть обернутся против вас...

Дверь отворилась, и появился Хьюго. Кэтрин быстро спряталась за старого лорда, положила руку на спинку его кресла и уставилась на мужа. Хьюго показалось, что оба они, отец и жена, настроены против него враждебно. Он мгновенно оценил обстановку и, глядя в бледное лицо супруги, насмешливо усмехнулся и весело воскликнул:

— Вот это да, Кэтрин, мы опять с тобой встретились! — Сделав два энергичных шага, он опустился на колено перед отцом. — Милорд, мне доложили, что вы желаете меня видеть. Надеюсь, не заставил вас долго ждать?

Старый лорд протянул руку и слегка потрепал черноволосую, курчавую голову сына. От Кэтрин не ускользнуло, что пальцы его едва заметно дрожат.

— Леди Кэтрин принесла мне неприятную новость, — сообщил он. — Она обвинила Элис, моего секретаря, в колдовстве и назвала ведьмой. По ее словам, Элис околдовала тебя.

Хьюго поднялся и бросил на Кэтрин оживленный взгляд.

— Да какие тут чары, отец, — отозвался он, — просто девушка очаровательная, вот и все колдовство. А тебе, Кэтрин, не следует беспокоить отца нашими ссорами. Что, если я стану постоянно бегать к нему и на тебя жаловаться? Смотри, тебе от этого не поздоровится.

Уловив в его голосе угрозу, Кэтрин открыла рот, но старый лорд жестом приказал ей молчать.

— погоди, тут не до шуток, — решительно заявил он. — Кэтрин утверждает, что Элис якобы пообещала зачать от тебя сына и еще предрекла, что я скоро умру. Это правда?

Хьюго колебался.

— Она сама не понимала, что говорит...

— Она что, была в состоянии транса? — наклонившись вперед, мрачно осведомился старый лорд.

— Не-ет, — неуверенно протянул Хьюго. — Девушка была пьяна, она уже почти спала. Спьяну и наболтала...

— Ведьмы используют вино для своих видений, — напомнил старый лорд. — Она узнала тебя?

Хьюго снова заколебался, вспомнив, с какой уверенностью улыбнулась Элис, как тепло звучал ее голос, когда на такой же вопрос она ответила: «А как же».

— Неизвестно, — пожал он плечами.

В его голове лихорадочно металась мысль о том, как найти безопасный для Элис выход.

— Неизвестно, сэр, — повторил он. — Я почти не общался с ней.

— А когда это случилось? — уточнил старый лорд. Кэтрин сдерживало обещание молчать, и она подалась вперед, словно хотела высосать из мужа всю правду.

— Вчера, после ужина, в канун Крещения, — неохотно сказал Хьюго. — Когда я отнес ее в комнату. По вашему приказанию, милорд, вы помните. Она была пьяна.

Миледи кивнула. Старый лорд метнул на нее через плечо яростный взгляд.

— Ну-ка, встань немного подальше, Кэтрин, — велел он. — И помни, ты обещала держать язык за зубами.

Глаза Хьюго сузились.

— Кэтрин, должно быть, спутала некоторые слова, которые я произнес в пылу нашей ссоры, — посетовал он, глядя на отца. — Мне не пристало передавать вам, что жена говорила и как себя вела. Достаточно того, что она оскорбляла меня, ударила и пыталась разозлить, так что, возможно, я был резковат. Она умоляла, чтобы я немедленно взял ее, как последнюю шлюху, прямо на лестнице... мне обидно было видеть миледи и вашу невестку, которая ценит себя так дешево.

Леди Кэтрин издала прерывистый вздох — она ужаснулась, поняв этот тонко просчитанный, предательский ход супруга.

— Есть кое-что еще, сэр, и даже похуже, — многозначительно добавил Хьюго. — Но я не стану утомлять вас этим. Я готов попросить у нее прощения, и пусть эта ссора закончится здесь.

Старый лорд поднял брови, посмотрел на невестку и спросил:

— И это все? Если Хьюго извинится перед вами и, как муж, загладит свою вину, — он сделал упор на слово «загладит», и жар постоянного желания так и бросился в землистые щеки Кэтрин, — тогда будем считать, что ссора улажена. Элис сможет и дальше служить мне. Если вы так против нее настроены, леди Кэтрин, ей не следует оставаться в покоях ваших дам. И, Хьюго, тебе тоже не советую с ней больше встречаться.

— Нет, милорд, — с усилием произнесла леди Кэтрин. — Пусть сначала все это услышит отец Стефан. И еще надо пригласить Элизу.

Лорд Хью нахмурился.

— Ваш сын утверждает, что это всего лишь ссора, — решительно продолжала Кэтрин, — но он околдован, его устами владеет дьявол. Разумеется, он будет ее выгораживать! Надо продолжить допрос, и не потому, что он нуждается в защите, а чтобы защитить вас, милорд. Ведь это вашу смерть она предрекла.

Его светлость перекрестился, повернулся к сыну и распорядился:

— Пошли за Элизой. И за отцом Стефаном.

Хьюго пожал плечами, словно давая понять, что по такому пустяковому делу не стоит так беспокоиться, однако открыл дверь и высунул голову.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул он в сторону караульной комнаты.

Тут же прибежал один из молодцов.

— Сбегай-ка за Элизой Херринг и отцом Стефаном, — велел Хьюго.

В неловком молчании все трое ждали, пока не явились Элиза и священник. Лорд Хью сердито уставился на обоих, стараясь хранить беспристрастность.

— Я позвал тебя как священника, — сообщил он Стефану. — Выслушай и рассуди наш спор. Нам понадобится вся твоя мудрость.

Отец Стефан важно поклонился; его горящие сумрачным пламенем глаза сразу заметили легкий румянец на щеках леди Кэтрин и затаенную ярость Хьюго. Элиза сжалась и отступила назад, стараясь держаться как можно ближе к двери, виноватое лицо ее побледнело, казалось, она вот-вот упадет в обморок.

— Ничего не бойся, Элиза, — мягко промолвил старый лорд. — Никто тебя ни в чем не обвиняет.

Но девушка так дрожала, что почти утратила дар речи. Черные глаза ее бегали от молодого лорда к его застывшей супруге.

— Мы хотим узнать от тебя правду, — ласково продолжал старый лорд. — Что бы ты нам здесь ни поведала, любую историю, ты находишься под моей защитой и покровительством. И можешь быть предельно откровенной.

— Приведите ее к присяге, — вмешалась леди Кэтрин, стараясь не разжимать губ.

Хьюго метнул в сторону жены взгляд, оценив ее смелость, ведь ей строго приказали молчать.

— Присяга так присяга, — согласился старый лорд. Он сделал знак священнику, тот шагнул к столу возле небольшого окна и вынул Библию.

— Клянешься ли ты святой Библией, священной жизнью Иисуса Христа и Его святой Матери и Богом Отцом говорить правду? — обратился он к Элизе. — Помни, власть дьявола очень сильна в наше смутное время. И тебе надо твердо держаться Господа, иначе ты попадешь в ад.

— Аминь, — пробормотала Элиза. — Я клянусь, о Боже.

— Что произошло, когда лорд Хьюго прошлым вечером унес Элис из большого зала? — спросил старый лорд. — Расскажи нам все, что ты видела. И помни, если обманешь, тебя поджарят в аду на углях.

Элиза перекрестилась и испуганно взглянула на Хьюго. Тот смотрел на нее совершенно невозмутимо. Девушка задрожала от страха.

— Молодой лорд велел мне идти вместе с ними, — начала она и вдруг осеклась, словно молодая кобылка, которой натянули поводья.

— Продолжай, — строго произнес его светлость. — Ты дала клятву.

— Он приказал мне подождать у двери в нашу спальню, покараулить.

Она вздохнула, не отрывая глаз от старого лорда. Тот нетерпеливо кивнул.

— И он внес ее внутрь и там овладел ею? Продолжай же, милая, твои слова здесь никого не удивят.

— Нет. Я прокралась за ними, чтобы подглядеть. — Элиза облизала губы. — Мне было любопытно. Элис все хвасталась своей девственностью, болтала о том, что не любит мужчин. И мне было интересно, как у них с милордом получится.

Она снова замолчала и быстро взглянула туда, где белело мраморное лицо леди Кэтрин.

— Продолжай, — поторопил ее старый лорд.

— Он бросил Элис на кровать и раздел до самой сорочки. Потом спустил штаны и лег на нее сверху.

Леди Кэтрин зашипела, словно змея. Старый лорд жестом призвал ее помолчать. Элиза перевела глаза с госпожи, с трудом сдерживающей злость, на молодого лорда, на лице которого играла улыбка, не сулящая ничего хорошего.

— Дальше я боюсь говорить! — выпалила она.

подавшись вперед, лорд Хью схватил ее за руку и рывком поставил перед собой на колени.

— Я здесь хозяин, поняла? Даже сейчас, когда я старый и дряхлый. Я все еще здесь господин. Приказываю тебе говорить и в любом случае обещаю свою защиту. А теперь поведай-ка, милая, что было после того, как он лег на нее?

— Она его заколдовала, — тихо пролепетала Элиза. — Она смеялась и еще произносила какое-то заклятие или что-то такое, я не расслышала, а потом повернулась к лорду спиной и уснула.

— И он не тронул ее? — недоверчиво уточнил старый лорд. — Не тронул, даже когда раздел догола и лег на нее?

Элиза помотала головой и добавила:

— Зато она тронула. Протянула руку назад, взяла его ладонь и положила себе...

Девушка запнулась и смолкла. Старый лорд не полез в карман за нужным словом.

— Положила себе на клитор?

Судорожно вздохнув, Элиза кивнула.

— А потом? — допытывался лорд.

— Он спросил, узнает ли она его, и какой нынче год, и сколько ей лет, — затараторила Элиза, не отрывая глаз от старого лорда. — Я всего не расслышала. Она говорила очень тихо.

— Может, ты вообще ничего не слышала? — повысил голос старый лорд. — Давай правду, милая моя!

— Кажется, она сообщила, что ей восемнадцать лет. И что сейчас тысяча пятьсот тридцать восьмой год.

Леди Кэтрин шумно выдохнула — ответ ее полностью удовлетворил. Старый лорд посмотрел на сына и задал очередной вопрос:

— Это правда, что Элис предрекла мою смерть?

— Да, отец, — честно подтвердил Хьюго.

— А все остальное — ну, про то, что она якобы родит от тебя сына? Было это?

— Точно так, — кивнул молодой лорд.

Его светлость пожал плечами.

— А она сказала, как я умру?

Хьюго отрицательно покачал головой.

— Я не интересовался. Она была словно в полусне. Я так удивился, что не стал интересоваться и...

Он замолчал.

— И? — подбодрил его старый лорд.

— Меня охватила нежность к ней, — с трудом признался Хьюго. — Раньше я ничего подобного не испытывал к женщине, даже к самой любимой девке. Хотел дать ей как следует выспаться. И еще мне хотелось смотреть на нее, пока она спит.

Старый лорд отрывисто хохотнул.

— Да какое же тут колдовство, тут любовь, милые мои. Уж не думал я, что ты когда-нибудь влюбишься, Хьюго. Теперь у тебя впереди много радости.

Отец и сын обменялись мимолетными улыбками, как двое друзей, которые с полуслова понимают друг друга.

— Да еще в какую-то грязную из пустоши, — несколько удивленно заметил Хьюго.

— Любовь зла, — усмехнулся старый лорд. — А ты серьезно втюрился, Хьюго, ей-богу! Ну и девчонка, ты еще у нее попляшешь!

— О чем вы? — не сдержалась леди Кэтрин. — Разве не понимаете, что тут колдовство? Почему она назвала тысяча пятьсот тридцать восьмой год? Почему заявила, что ей восемнадцать? Сколько ей? Шестнадцать! И сейчас тысяча пятьсот тридцать шестой! Как вы это объясните? Откуда ей известно про вашу смерть, милорд? Она связалась с дьяволом! Она предрекла нашу гибель, и всего через два года, если мы не остановим ее немедленно!

— Что ты на это ответишь? — обратился старый лорд к священнику.

Тот глубоко задумался и развел руками.

— Не знаю. Не нравится мне все это. Мне нужно как следует поразмыслить и помолиться, чтобы Бог вразумил меня. Господь подаст нам знак, защитит от ужасов, поселившихся в стенах замка.

Леди Кэтрин подалась вперед, глаза ее сверкали ярче пламени свечей.

— Твоему господину угрожают скорой смертью, всего в течение года, а ты берешь время на размышления? — возмутилась она.

Отец Стефан повернул к ней голову, гордо посмотрел в глаза и спокойно возразил:

— Наша свидетельница испытывает к Элис злость. Возможно, это у них взаимная неприязнь, а уж у вас, миледи, точно есть причина ее ненавидеть. Если она проклята, мы сможем судить по ее речи и поведению. Я полагаю, следует позвать ее, предъявить обвинение и посмотреть на реакцию.

— И предоставить возможность околдовать всех вас, — не сдавалась леди Кэтрин.

— Успокойтесь, сударыня! — прикрикнул старый лорд, после чего обернулся к сыну. — Пошли кого-нибудь за Элис. Послушаем ее версию.

Священник бросил короткий взгляд на Кэтрин и уселся за стол у окна.

— На меня ее чары не действуют, — сообщил он. — Я уже не одну ведьму приговорил к смерти. И повидал многих женщин, выдержавших испытание там, где сильный мужчина сразу ломался. В Божьих делах я не знаю жалости, леди Кэтрин. Если она на стороне дьявола, ей стоит меня бояться.

Хьюго подошел к двери, снова вызвал слугу и приказал ему найти Элис.

— Я ни капли не верю во всю эту чушь, — бодро заявил он. — Ни в колдовство, ни в ваших ведьм, ни в заклятия. Я верю только в то, что вижу своими глазами и могу потрогать руками. А все остальное — страшные сказки для маленьких детей.

— Знаю, ты любишь рассуждать в этом роде, Хьюго, — с чувством произнес отец Стефан. — Но ты выбрал опасную дорожку, которая может привести тебя к ереси, если станешь отрицать реальность павшего ангела и не поддержишь нас в жестокой битве, которую мы ведем с грехом.

Молодой лорд пожал плечами. Некоторое время царило безмолвие. Элиза снова подвинулась поближе к двери.

— Можно мне сказать? — спросила вдруг Кэтрин.

Лорд Хью кивнул.

— Наверное, я поспешила, — продолжила она ровным голосом.

Старый лорд буквально сверлил ее взглядом.

— Я рассердилась на мужа и разозлилась на эту девицу. И возможно, поторопилась со своими обвинениями.

Все молча ждали, что будет дальше. Хьюго подозрительно, безотрывно смотрел на жену.

— Как вы сами утверждаете, милорд, мой муж не обязательно околдован. Может, его и правда охватила страсть и он ощутил к этой девице нежное чувство. — Голос Кэтрин не дрогнул, она не выдала своей неистовой ревности, железной хваткой держа себя в руках. — Возможно, как жена, я была оскорблена и обижена, но как хозяйку замка, как лицо, находящееся под вашей защитой и покровительством, меня не должно это беспокоить.

— Ну и? — поторопил ее старый лорд.

— В этой истории меня тревожит только одно, — призналась леди Кэтрин. — Ваша безопасность, сир. Если эта девушка действительно желает вашей смерти, то вполне может причинить вам вред. А если она ведьма, то угроза нависла над всеми нами. Мы должны узнать, занимается ли она черной магией, до того, как рассудим, прогонять ее из замка или нет. Если она действительно владеет этим искусством, нельзя с ней обращаться как с нерадивой служанкой. Она на всех нас найдет смертельную болезнь. Поэтому надо обязательно все выяснить. Для нашей же безопасности.

Священник утвердительно кивнул. Покосившись на него, старый лорд поинтересовался:

— Что вы предлагаете, леди Кэтрин?

Миледи глубоко вздохнула. На мужа она не смотрела.

— Суд Божий, — изрекла она. — Надо подвергнуть ее испытанию. Тогда мы сами увидим,

ведьма она или нет.

— Не нравятся мне эти ваши суды Божьи, — заметил Хьюго, невольно вздрогнув.

Но взгляд старого лорда заставил его замолчать.

— Отец Стефан? — обратился его светлость к священнику.

— Я согласен, милорд, — отозвался тот. — Надо убедиться, насколько праведен ее дар врачевания. Леди Кэтрин верно считает, что ее нельзя ни прогнать, ни оставить здесь, пока все мы находимся в неведении. Может, попробовать мягкое испытание? Освященный хлеб?

Лицо миледи исказила гримаса разочарования, которую она постаралась быстро скрыть.

— А ты что, Кэтрин, надеялась, что ее бросят в воду? — злобно воскликнул Хьюго. — Или посадят на горящий стог сена?

— Ни в коем случае! Ни в коем случае! — нетерпеливо вмешался старый лорд. — А если она добрая девушка и служит мне верой и правдой? Если против нее нет ничего, одна только, Хьюго, твоя похоть и ее особенный дар? Сделаем то, что советует служитель Божий. Дадим ей под клятвой освященного хлеба, и если она поперхнется, тогда решим, как быть дальше.

Глаза Элизы округлились, словно плоски.

— Мне можно идти? — спросила она.

— Стой на месте, — раздраженно ответил старый лорд. — Да где же эта девица?

ГЛАВА 9

Бросившись вон из галереи, Элис добежала до внешних ворот и остановилась. Воздух был морозен и сух, казалось, в любую минуту может пойти снег. Было тихо, словно город вымер. До хижины Моры пешком было целых полдня. Матушка Хильдебранда сгинула навеки. Глядя на обдуваемый холодным ветром замок, Элис остро ощутила, как ей не хватает сейчас аббатства и ее матушки. Ей некуда было податься.

Она повернула обратно и медленно побрела по территории, прилегающей к замку. В холодной земле ковырялись тощие куры. В свинарнике хрюкала толстая свинья с раздутым животом. Солнце скрылось за высокой круглой башней, и Элис совсем продрогла. Она направилась через второй подъемный мост к внутренней стене замка. Матушка Хильдебранда погибла, аббатство лежало в руинах. Ей некуда было идти, ее снова ждали галерея, торжество и злорадство всех этих кумушек.

В голове все еще стучало — сказывалось и выпитое накануне, и недавняя вспышка гнева. Она медленно прошла мимо грядок с травами и приблизилась к стоящему посреди огорода колодцу. С трудом достав полное ведро, девушка напилась ледяной солоноватой воды с привкусом грязи, который так и остался во рту. Потом двинулась дальше и оказалась у пекарни — небольшого круглого здания, напоминавшего улей, расположенного между черной, мрачной тюремной башней и огородом лекарственных трав. Она распахнула маленькую дверцу и с любопытством заглянула внутрь.

Там было тепло и тихо. Огромные круглые печи были еще горячие. Пол, столы, полки и даже висящая на крючках медная посуда покрылись тонким налетом муки. Закончив утреннюю

выпечку хлеба на завтрак, обед и ужин, работники ушли — кто в город посидеть в пивной, кто в большой зал, где почти всегда можно было найти партнера для игры в кости, а если нет, то просто подремать. Элис осторожно переступила порог и прикрыла дверь. В помещении приятно пахло свежее испеченным хлебом. Девушка опустилась на колени в белую пудру возле теплой печи; по ее лицу потекли слезы. На мгновение ей показалось, что она снова в своем аббатстве, на кухне, наблюдает, как послушницы пекут хлеб и варят пиво. Она вспомнила вкусный белый хлеб из монастырской муки, испеченный в монастырских печах, вспомнила свежие теплые булочки, подаваемые к завтраку после заутрени.

Тряхнув головой, Элис подняла край широкого темно-синего платья и вытерла мокрые глаза. Потом присела на корточки и довольно долго смотрела на пламя, еще не погасшее в печи.

— Огонь, — задумчиво сказала она.

Поднявшись, она сняла со стены две небольшие плоские тарелки, наполнила одну водой из бочки, находившейся у стола, и поставила возле огня.

— Вода, — промолвила она.

После чего взяла немного остывшего пепла, копоти и кирпичной пыли из задней части дымовой трубы и высыпала смесь перед собой.

— Земля, — проговорила она.

Затем поставила вторую тарелку, и получился квадрат.

— Воздух, — произнесла Элис.

На слое муки и пепла, покрывающем каменный пол, она начертила треугольник, обозначив его вершины: воздух, земля и огонь.

— Приди, — прошептала она. — Приди, господин мой. Мне нужна сейчас твоя сила.

В пекарне стояла тишина, а в замковой кухне, находящейся через двор, вдруг разразилась ссора, раздался стук резко распахнувшейся двери. Однако Элис ничего не слышала.

Она нарисовала еще один треугольник, перевернутый, где вершинами были воздух, земля и вода.

— Приди, — снова прошептала она, — приди, господин мой, мне нужна сейчас твоя сила.

Осторожно приподняв платье, словно женщина, по камням переходящая бурный поток, она медленно встала и шагнула внутрь пентаграммы. Она переступила черту, перешла границу. Откинув голову и закрыв глаза, она улыбалась, словно получая некую силу, струившуюся из огня, воды, земли и воздуха. Ее питали каменные плиты, которые она попирала ногами, воздух, потрескивающий и светящийся вокруг головы, лучистое тепло пекарни, в которой вдруг стало так жарко, что у нее перехватило дыхание.

— Да, — сказала Элис.

И больше ничего не случилось.

На несколько долгих минут она замерла, ощущая, как сила поднимается по телу через подошвы босых ног, входит в нее с каждым вздохом, она чувствовала, как покалывают кончики пальцев. Потом выпрямилась, снова натянула капюшон, улыбнулась про себя, как бы тайно, и вышла из нарисованной на полу фигуры.

Она вылила воду обратно в бочку, повесила на место жестянки и одним быстрым и небрежным движением стерла пентакль с усыпанного мукой пола. Затем развязала висящий на поясе мешочек. Восковые фигурки Моры охладили руку. Она перевернула их и улыбнулась: как точно передала Мора черты Хьюго; но лицо Элис тут же застыло — она посмотрела на фигурку Кэтрин с ее непристойной щелью между ног. Подойдя к куче дров, наваленных возле печи, Элис вытащила нижнее полено, засунула фигурки как можно дальше в образовавшееся отверстие, осторожно задвинула полено обратно, сделала пару шагов назад и критически оглядела дрова. Как будто не заметно. Она нагнулась, подняла с пола горсть пыли и посыпала на полено.

— Прячьтесь, — тихо попросила Элис. — Прячьтесь, мои миленькие, пока я не явлюсь за вами.

Она снова села перед огнем, чтобы согреться.

И только тогда, словно настало время ее найти, тяжело дыша, по двору пробежал слуга и, особенно не надеясь на успех, заглянул в пустую пекарню.

— Тебя требует к себе лорд, — задыхаясь, взволнованно крикнул он. — Сейчас же. Еле тебя отыскал.

Девушка равнодушно пожала плечами.

— Соври, что не смог найти. Я покинула комнату леди Кэтрин без разрешения. Мне все надоело. Не хочу больше служить ни ей, ни ему, да и вообще никому. Наверняка успела на меня пожаловаться. Не пойду, и все.

Слуга не выразил никакого сочувствия.

— Знать ничего не знаю. Ты должна идти. Там все собрались. И молодой лорд, и его мегера, и старый лорд, и отец Стефан. И даже Элиза Херринг. Теперь они требуют тебя. Советую поторопиться.

Голубые глаза Элис сузились.

— С чего это вдруг? А отец Стефан что там делает? И лорд Хьюго? Что им от меня надо?

— Они переругались, — пояснил слуга. — Все из-за леди Кэтрин. Старый лорд, я думаю, на ее стороне. Тебе придется послушаться.

— Ладно, — согласилась Элис. — Вернись и доложи, что я уже иду.

Она вытерла лицо концом рукава, пятерней причесала спутанные волосы, заправила самые длинные локоны за уши и плотней натянула на голову капюшон, чтобы вокруг лица не было видно ни единой пряди. Потом оправила длинный корсаж синего платья, отряхнула синюю нижнюю юбку, вышла из пекарни и пересекла двор, направляясь в большой зал. В зале молодой слуга подбрасывал в огонь поленья, прогревая воздух к ужину. Сделав несколько шагов по помосту, Элис открыла дверь в коридор, прошла по нему и оказалась в башне. Там она поднялась по лестнице и проплыла по караульному помещению, словно королева, раздавая поклоны слугам и солдатам; наконец, преодолев еще одну лестницу, добралась до покоев лорда Хью. Дверь была открыта. Девушку с нетерпением ждали. Спокойно и невозмутимо, с высоко поднятой головой и дерзким видом она ступила в ярко освещенную комнату. За ее спиной со стуком захлопнулась дверь.

Элис встала перед сидящим возле камина старым лордом; она не сразу выделила леди Кэтрин среди присутствующих. Та же смотрела на нее, уверенно положив руку на спинку кресла; лицо ее так и сияло торжеством. Священник находился возле стола у окна; перед ним

лежала Библия в черном переплете и накрытый белой салфеткой серебряный поднос. Рядом с ним, вытаращив от страха глаза, переминалась с ноги на ногу Элиза. Элис взглянула на приятельницу и вдруг увидела ее руки, сжатые в кулачки так, что большой палец торчал между указательным и средним, — старинный оберег против ведьмы. Синие глаза Элис потемнели. Она поняла, чего ей следует опасаться.

В стороне от всех развалился в кресле молодой лорд Хьюго. Ноги, обутые в сапоги для верховой езды, он вытянул перед собой, руки глубоко засунул в карманы штанов, лицо под шляпой было угрюмым и мрачным. Он поймал быстрый взгляд Элис, и глаза его сердито вспыхнули, словно он хотел ее предостеречь.

Элис молчала, соображая, откуда исходит угроза. Она еще раз внимательно посмотрела на старого лорда, пытаясь прочесть его мысли. Лицо его было землистого цвета, а руки, лежащие на резных подлокотниках, дрожали.

— Элис, против тебя выдвинули тяжкое обвинение, — сообщил он. — Самое тяжкое из всех, какие могут быть предъявлены христианину.

— Какое, милорд? — осведомилась она.

— Обвинение в колдовстве.

Леди Кэтрин, не в силах унять свое нетерпение, вздохнула, словно испытала в эту минуту глубочайшее наслаждение. Элис не смотрела на нее, но кровь отхлынула от ее лица, она побледнела.

— Было заявлено, что ты предрекла мою смерть, — продолжал старый лорд. — Говорила, что станешь хозяйкой замка и родишь лорду Хьюго сына и наследника. Было заявлено также, что, по твоим словам, эти события произойдут уже через два года.

— Неправда, милорд, — уверенно ответила Элис.

Хьюго подался вперед.

— Это был сон, да, Элис? — подсказал он. — Ты ведь ничего не помнишь, верно?

Девушка метнула взгляд в его сторону, снова повернула голову к старому лорду и добавила:

— Я такого не говорила.

Его светлость посмотрел на отца Стефана. Тот пожал плечами и твердо произнес:

— Вполне возможно, девушка была в трансе и теперь искренна, поскольку не все помнит. Если она действительно пророчица, такое возможно. Я слышал о некоторых весьма праведных пророках, которые предрекли будущее, не понимая смысла собственных фраз. В Евангелиях есть подобные свидетельства, например владение чужими языками и прочие чудеса. Но не исключено, что это ловушка дьявола. У тебя было видение, Элис?

— Не думаю, — резко отозвалась девушка.

Все удивленно на нее уставились.

— Если бы я могла видеть будущее, я бы не стояла сейчас здесь, выслушивая обвинения в колдовстве от леди Кэтрин, которая ненавидит меня с того самого момента, как мы познакомились. Если бы я могла видеть будущее, я бы не стала дожидаться этого дня, а давно уже была бы далеко отсюда. Если бы я была провидицей, то, ей-богу, не сидела бы в хижине Моры, когда явились ваши люди и забрали меня против моей воли.

Старый лорд невольно усмехнулся и задал новый вопрос:

— Тогда как ты объяснишь собственные предсказания, Элис?

Девушка даже вспотела под своим темно-синим платьем.

— Это был сон, милорд, — засмеялась она. — Глупый сон. Мне следовало быть осторожной и не смотреть его или хотя бы держать язык за зубами. Но я была пьяна, и мной овладело желание.

Хьюго, наклонившись вперед, видел, как блестит пот на ее бледном лбу.

— Так ты притворялась? — удивился он.

Она повернулась и взглянула ему прямо в лицо чистыми, как у ребенка, глазами.

— Конечно, милорд, — подтвердила она. — Не все же вам спать с женщинами, использовать их, а потом выбрасывать за ненадобностью. Я пыталась разогреть вашу страсть, привязать к себе, надеялась, что вы подумаете: «Какая необыкновенная девушка!» Поэтому я изобразила видение и посулила вам исполнение ваших самых потаенных желаний. Я мечтала обманом заполучить вас, сделать своим навеки.

— Так ты и раньше хотела меня соблазнить? — допытывался Хьюго.

— Да, — ответила Элис. — Мне казалось, вам это известно.

Явную, вопиющую ложь он слушал как замороженный, как католик слушает грегорианский хорал. И тем не менее закивал.

— Ну да, тогда это все объясняет. Девичьи хитрости да глупые игры.

Он поднялся с кресла, потянулся; кудрявая голова его доставала до резных раскрашенных балок. Затем обратился к отцу:

— Вы довольны, сир? Эта девица просто ставила на меня силки. И я, как видите, попался. — Он горестно ухмыльнулся и повернулся к жене. — Я должен извиниться перед вами, сударыня: похоть обуяла меня, и уже не впервые. Когда мы с вами будем наедине, я постараюсь компенсировать это недоразумение. Вам понравится. Сделаю все, что прикажете.

Хьюго вполголоса обольстительно засмеялся. Рука Кэтрин скользнула к груди, словно пытаясь унять сердцебиение.

— Еще не все кончено, — заявила она.

Старый лорд устроился поудобней и одной ногой подвинул к себе скамеечку.

— Почему же? — спросил он. — Девица признала себя виновной в обмане и объяснила, что ее пророчество было ненастоящим. Мы прекрасно поняли, зачем ей понадобилось хитрить. В замке довольно места, и я постараюсь, чтобы она не попадалась вам на глаза. Можете спокойно спать в постели вместе с возвращенным мужем. А девица эта — лгунья и потаскуха. — Он украдкой улыбнулся Элис. — И ничего больше.

— Ей следует пройти испытание, — не сдавалась леди Кэтрин. — На этом сошлись мы все. Она должна пройти испытание.

От страха Элис едва дышала, но держала себя в руках. Кровь отхлынула от ее щек, казалось, она вот-вот потеряет сознание. Глядя на нее, миледи так и сияла.

— По нашему общему мнению, ты должна пройти испытание и доказать, что ты не колдунья, — вкрадчиво пояснила она. — Если ты виновата лишь в том, что грубо пыталась соблазнить моего мужа, тогда тебе нечего бояться.

Хьюго повелительно протянул Кэтрин руку; та неохотно вышла из своего укрытия за креслом старого лорда и встала рядом с супругом. Он обнял ее за талию и заглянул в ее некрасивое напряженное лицо.

— Ну ладно вам, миледи, хватит уже, — промолвил он. Его голос звучал негромко. Кэтрин так и прильнула к нему, как тонкая рябина, на которую налетел порыв ветра. — Давай сейчас отправимся в нашу спальню, а Элис пускай пишет свои бумажки. Я вполне исцелился от страсти к ней, больше не хочу эту девку, и если сын в ее предсказании — обман и приманка, тогда, может, ты мне подаришь сына?

Все еще обнимая жену за талию, Хьюго повернулся к двери, и миледи, повинувшись не столько его сильной руке, сколько собственному желанию, покорно последовала с ним.

Все было кончено. Почти кончено.

Элис замерла, она боялась пошевелиться и нарушить момент, желала стать невидимой и провалиться сквозь землю. Священник молчал, глядя то на Кэтрин, то на Хьюго, то на неподвижную Элис, позволив делу идти так, как им самим этого хочется. Лорда Хью история уже порядком утомила, и такой исход вполне его устраивал. Все было кончено.

— Нет! — вдруг решительно воскликнула леди Кэтрин; она вырвалась из объятий супруга и снова подбежала к старому лорду. — Если она невиновна, ей нечего бояться испытания. Перед тем как вручить ей ваше здоровье, милорд, мы должны ее проверить. Все согласились, что это необходимо. Мы обязаны это сделать! Иначе я отказываюсь покидать комнату!

— Кэтрин, — повелительно позвал Хьюго, — ты моя жена, и я приказываю тебе оставить девку в покое. Все завершилось к общему удовлетворению.

— К общему, да не к моему, — задыхаясь, возразила миледи. — Не к моему удовлетворению. Ты хотел увести меня из комнаты, как блеющую овечку. И я знаю почему. Решил избавить ее от испытания. Признайся! Я не кажусь тебе соблазнительной. И никогда не казалась. Ты попытался избавить эту потаскушку от необходимости доказывать, что она не ведьма. А почему? — Голос Кэтрин звучал все громче и пронзительней. — А потому, что она заколдовала тебя, вот ты и защищаешь ее. Защищаешь от праведного гнева своего отца. Ты готов поставить на карту его жизнь и мою жизнь тоже, и только ради того, чтобы заполучить эту девку! — Кэтрин бухнулась перед старым лордом на колени. — Испытайте ее! Испытайте эту ведьму! Заставьте ее предстать перед судом Божьим!

Старый лорд посмотрел на сына и хрипло сказал:

— Будь со мной честен. Ты действительно выгораживаешь ее? Ни один из нас не относится легкомысленно к черной магии. Даже если речь идет о девичьей любви. Есть ли у тебя хоть малейшее подозрение, что она ведьма?

Хьюго вымученно засмеялся.

— Ни малейшего, — небрежно бросил он. — Этого вообще быть не может. Но если вы желаете, милорд, пожалуйста, мы готовы. Просто мы и так потратили уйму времени на это дело. Оно наверняка вас утомило. Я не боюсь этой потаскухи. Просто не вижу причин продолжать. — Хьюго снова засмеялся, на этот раз натуральней. — Давайте покончим с этим и пойдем ужинать.

— Нет, — отрезал его светлость, прищурившись. — Элис может предстать перед Божьим судом. Если она невинна, то от этого не будет вреда, а вот в тебе, Хьюго, я не очень-то уверен. Да-да, в тебе, что касается этой истории, я уверен не очень. — Он обернулся к Элис. — Ты должна дать клятву. Делай все, что прикажет отец Стефан.

Испытывая глубокий страх, Элис на секунду прикрыла глаза. Бледное лицо ее приняло зеленоватый оттенок.

— Хорошо, — ответила она ровным голосом.

Священник шагнул вперед и протянул ей Библию.

— Левую руку положи на Святую книгу, — велел он. — Подними правую руку и повторяй: «Я, Элис из Боуэса, торжественно клянусь и утверждаю, что я не ведьма».

— Я, Элис из Боуэса, торжественно клянусь и утверждаю, что я не ведьма, — спокойно промолвила Элис.

В камине вдруг упало горящее полено, и над пламенем взвился яркий сноп искр. В комнате было так тихо, что все вздрогнули.

— Я никогда не занималась черной магией, — нараспев произнес священник.

— Я никогда не занималась черной магией, — эхом отозвалась Элис.

— Не имела сношений с дьяволом.

— Не имела сношений с дьяволом.

— Не смотрела в лицо ему, как и в лица слуг его.

— Не смотрела в лицо ему, как и в лица слуг его, — повторяла Элис.

Ритм этих клятв тяжелым грузом давил ей на плечи. Платье под мышками взмокло, холодный пот бежал по спине. Она изо всех сил старалась держаться невозмутимо, но от страха едва стояла на ногах.

— Не ложилась с дьяволом, а также ни с одним из слуг его или животных его.

— Не ложилась с дьяволом, а также ни с одним из слуг его или животных его.

Ужас сжимал Элис горло, во рту пересохло. Она облизала губы, но и язык был сух.

— Не кормила дьявола грудью, а также слуг его и животных его.

— Не кормила дьявола грудью, а также слуг его и животных его, — повторяла Элис.

— Не изготавливала фигур из воска, не занималась колдовством. Не призывала духов мертвых, ни колдунов и колдуний, ни волшебников, магов и нечистой силы.

— Не изготавливала фигур из воска, не занималась колдовством. Не призывала духов мертвых, ни колдунов и колдуний, ни волшебников, магов и нечистой силы.

Голос Элис слегка колебался, но она взяла себя в руки.

В абсолютной тишине маленькой комнатки она слышала, как гулко бьется ее сердце, ей казалось, что все это слышат и понимают: она смертельно напугана. Восковые куклы стояли перед глазами так отчетливо, что девушка была почти уверена: каждый, кто заглянет ей в

глаза, тоже увидит их. Кончик пальца, которым она чертила пентаграмму, дрожал и горел. И под ногтем остались крохотные частицы муки.

— И в доказательство чистоты моей, не запятнанной этими дьявольскими навыками... — проговорил священник.

— И в доказательство чистоты моей, не запятнанной этими дьявольскими навыками...

Элис хотела прокашляться, но горло сжало, словно обручем.

— ...я беру освященный хлеб этот, тело Господа нашего Иисуса Христа... — продолжал отец Стефан.

Девушка посмотрела на него, охваченная ужасом.

— Повторяй же, — поторопил священник, глаза его сузились, словно от внезапного подозрения.

— ...я беру освященный хлеб этот, тело Господа нашего Иисуса Христа... — отозвалась Элис.

У нее не было больше сил держаться, голос прерывался от страха. Ноздри леди Кэтрин хищно раздувались, словно она чуяла этот страх.

Священник взял серебряный поднос и сдернул с него полотняную салфетку. Посередине, окруженная серебристым сиянием, лежала большая облатка с впечатанным сверху крестом.

— ...и принимаю тело Господа нашего Иисуса Христа и вкушаю его, — произнес отец Стефан.

— ...и принимаю тело Господа нашего Иисуса Христа и вкушаю его, — едва дыша, повторила Элис.

Она смотрела на толстую облатку и понимала, что не сможет ее проглотить. Горло сжимали железные обручи, во рту пересохло. Она обязательно подавится, и тогда ей конец.

— А если я дала ложную клятву, если на самом деле я ведьма, да застрянет хлеб у меня в глотке, и да свидетельствуют присутствующие здесь против меня и поступают со мной по воле своей, ибо я проклята, — напористо сказал отец Стефан.

Уже и слова застряли в глотке Элис. Она открыла рот, но не смогла проронить ни звука, попыталась прокашляться, но из горла вырвалось лишь глухое карканье.

— Ага! Она поперхнулась! — нетерпеливо вскрикнула леди Кэтрин. — Она поперхнулась уже на клятве!

— Говори же, Элис, — вмешался старый лорд, подавшись вперед.

— А если я дала ложную клятву, если на самом деле я ведьма, — прохрипела Элис, в горле которой словно кошки скребли, — да застрянет хлеб у меня в глотке, и да свидетельствуют присутствующие здесь против меня и поступают со мной по воле своей, ибо я проклята.

— Это тело Господа нашего Иисуса Христа, — пропел отец Стефан; он взял с подноса хлеб и поднес к лицу Элис. — Вкушай, дочь моя.

Девушка покачнулась, колени ее задрожали, темно-синие глаза помутнились от ужаса. Вино прошлой ночи просилось вверх тошнотой и желчной горечью. Она попыталась сглотнуть, чтоб ее не вырвало, но у нее ничего не вышло. Желчь поднималась все выше. Элис поднесла

ладонь ко лбу, покрытому липким, холодным потом. Она поняла, что как только откроет рот, ее немедленно вырвет.

— Вкушай же, девка, — сердито велел старый лорд. — Не тяни кота за хвост, мне это не нравится.

Элис снова судорожно сглотнула. Тошнота не прекращалась, желудок от страха крутило, ужас сжимал горло. Она боялась, что, как только разомкнет губы, горечь хлынет наружу.

— Она не может! — торжествующе заключила леди Кэтрин. — Она не смеет!

Подгоняемая этими словами, Элис открыла рот. Отец Стефан втиснул ей в зубы облатку. Толстый кусок вкусом не лучше бумаги заткнул ей горло. Она чуть не задохнулась и боялась закашляться; легкие разрывались от недостатка воздуха. Она понимала: ей необходимо прокашляться, но если это случится, она извергнет из себя желчь, рвоту и саму облатку и тогда ее ждет гибель.

Она расправила плечи, закрыла глаза и решительно начала жевать. Она не собиралась умирать. Не сейчас и не от этих рук. Прожевав сколько нужно, Элис с усилием сглотнула. Откусила еще кусок и прожевала. Снова сглотнула. И еще. И еще. Наконец последний судорожный глоток — и все кончено.

— Открой рот, — приказал отец Стефан.

Элис послушалась.

— Она проглотила все, — доложил священник. — Она выдержала суд Божий. Элис не ведьма!

Девушка покачнулась и непременно упала бы, но молодой лорд подскочил к ней сзади, поддержал за талию и довел до стула. Он налил из кувшина бокал эля, обернулся к отцу Стефану и ледяным тоном спросил:

— Я так понимаю, теперь ей можно пить?

Молодой священник кивнул, и Хьюго протянул бокал Элис. На секунду теплые пальцы его прикоснулись к ее застывшим пальчикам, словно давая тайный знак: успокойся, я с тобой.

— Ну что ж, я очень рада, — подала голос леди Кэтрин. — Это лучший исход, мы все на него надеялись. Элис доказала свою невиновность.

— Она может оставаться, — разрешил его светлость.

— И жить вместе с моими дамами, как это было до сих пор, — быстро добавила леди Кэтрин. — Только пусть даст мне обещание. — Она посмотрела на Элис и улыбнулась. — Пусть пообещает, что никогда больше не станет поддерживать отношения с моим мужем, будет всячески избегать его и забудет сказки про то, что родит от него ребенка.

— Это справедливо, — заметил старый лорд и обернулся к Элис. — Дай же слово, девочка.

— Клянусь, — едва слышно прошептала Элис. Пот все еще сочился из ее пор, и хлеб причастия стоял комом в горле.

— А если у меня родится ребенок, — сладким голосом проворковала леди Кэтрин, — это тоже может стать доказательством невиновности Элис. Она может воспользоваться своими талантами и сделать меня плодовитой. Тогда я подарю мужу наследника. Надеюсь, он родится в этом году.

Старый лорд утомленно кивнул и ответил:

— Да-да. Элис осмотрит тебя и поищет травы, которые тебе помогут.

— Я на это рассчитываю, — улыбнулась миледи.

Но за ласковым, веселым тоном таилась угроза. Элис, которая без позволения села в присутствии своей госпожи, беспокойно ерзала на стуле: она поняла, что ей уготована новая опасность.

— Мой муж ляжет со мной, а не с тобой, милая Элис, — торжествующе продолжала леди Кэтрин. — Это я буду носить его сына, а не ты, слышишь, Элис? А когда родится наш ребенок, можешь отправляться на все четыре стороны, ты поняла, Элис?

— Да-да, — пробормотал старый лорд. — А теперь уходите, все уходите. Мне надо отдохнуть перед ужином.

Не дожидаясь отдельного приказа, Элиза сразу исчезла за дверью; каблучки ее так и застучали по ступенькам. Элис устало поднялась с места. Хьюго быстро взглянул на нее и подошел к супруге, которая сделала повелительный знак подать ей руку.

— Пойдемте же в мои покои, — предложила Кэтрин.

Она с вожделением смотрела на хмурое лицо мужа, задыхаясь от страсти. Он ведь сам пообещал лечь с ней, и поражение Элис только возбуждало ее.

— Вы слышите? Пойдемте ко мне, проводите же меня, милорд!

Оставшись в комнате наедине с его светлостью, Элис медленно двинулась к двери; видно было, что она страшно утомлена.

— Ради бога, помоги ей зачать ребенка, — попросил старый лорд; он откинулся в кресле и закрыл глаза. — Не будет мне покоя, пока у нее не родится сын или пока я не избавлюсь от нее всеми правдами или неправдами. Но раньше чем через год от нее не избавиться. — Он вздохнул. — Весь год изо дня в день тебе будет грозить опасность, пока Кэтрин не родит или пока Хьюго не перестанет на тебя пялиться. Он должен быть к тебе глух и слеп, никаких чувств, будто тебя нет на свете. Если можешь, Элис, поспособствуй зачатию их ребенка или хотя бы не попадайся Хьюго на глаза, он парень горячий. На этот раз тебе повезло, но смотри, когда-нибудь везение кончится.

Не издав ни звука, Элис кивнула, вышла из комнаты и медленно поплелась вниз по ступенькам к караульному помещению. Там ее уже поджидала Элиза.

— Мне казалось, ты обязательно подавишься и тебя казнят, — затараторила она, глядя на приятельницу распахнутыми глазами.

— Мне тоже, — мрачно отозвалась Элис.

— Пойдем же со мной, расскажешь все остальным. Представь, как они удивятся!

— Отстань, — устало отмахнулась Элис.

— Ну пойдем, — настаивала Элиза. — Мне одной они не поверят.

— Нет, — упиралась Элис.

— Я думала, что умру от страха, — возбужденно сообщила Элиза. — А когда ты медленно повторяла клятву, я решила: все, тебе конец. В жизни ничего подобного не видела. — Она

схватила Элис за руку. — Пошли! Пойдем же, расскажешь остальным!

— Да отпусти ты меня! — Элис резко выдернула руку. — Отпусти и убирайся к черту! Слышишь, убирайся!

Она грубо оттолкнула Элизу, сбежала вниз по лестнице, пересекла зал, где слуги расставляли большие кувшины с элем и пивом, выскочила из замка и устремилась через двор к пекарне. И только там, войдя внутрь и захлопнув за собой дверь, она села на каменную плиту у очага и заплакала. И вдруг, о ужас, почувствовала, как к горлу снова медленно и неотвратимо поднимается тошнота.

Девушка встала на колени лицом к углям, горло ее перехватило, волна желчи остановилась. Наконец ее вывернуло прямо на остывший пепел. Шесть раз она изрыгала из себя вонючую массу, пока желудок не опустел.

Элис посмотрела на рвоту и вот тут по-настоящему испугалась. На углях, целая и невредимая, без единого пятнышка, белоснежной круглой лепешкой лежала освященная облатка. Совсем нетронутая, без изъяна, словно на серебряном подносе, когда Элис повторяла слова клятвы, как будто она не брала ее в рот, не жевала и не глотала. Элис знала, что облатка застрянет у нее в горле, — так и получилось.

ГЛАВА 10

Близилась ночь, темнело и становилось зябко. Элис, которая все еще пряталась в пекарне, слышала крики, стук, звон посуды, недовольное ворчание усталых слуг, убирающих после ужина. Затем голоса зазвучали во дворе — слуги покидали замок и отправлялись, стуча каблуками, в город, у ворот замка заступали на смену стражники, сначала они дружно шагали в ногу по направлению караульного помещения, потом сбились на беспорядочный топот, сопровождаемый громкими шутками. Наконец все стихло, на землю опустилась глухая ночь. Затаившись на прохладной каменной плите перед очагом пекарни, окутанная темнотой и молчанием, Элис ждала, когда над мрачным приземистым замком взойдет луна, когда в узких окнах погаснет мерцание последних свечей и настанет полночь.

Замерзнув, Элис сняла висящий на двери старый рваный плащ, накинула на худенькие плечи и подбросила в очаг, где еще тлели угли, несколько тонких лучин. Они с треском загорелись, и девушка положила сверху сухое полено. Потом снова опустилась на пол и уставилась на огонь. Долго сидела она в этом тесном, покинутом людьми уголке, словно ждала чего-то — душевной ясности или надежды. Элис понимала, что она теперь грешница, что Бог, о котором ей говорила матушка, Бог ее невинного монастырского детства от нее отвернулся. Много долгих часов она проводила на коленях в молитвах, ей даже улыбнулась статуя Матери Божьей, но она бросила своих сестер в минуту опасности, когда пылал адский огонь, и не будет прощена. Не будет прощена и за грех похоти. Дьяволу невозможно принадлежать лишь отчасти. Теперь она так далека от Христа, что организм не принял хлеба Его и изверг вон.

Она подбросила еще полено. Языки пламени жадно охватили его, по стенам заплясали зловещие тени. Во дворе раздался испуганный вздох, кто-то воскликнул: «Господи помилуй!», но Элис даже не перекрестилась. Она знала, что во всем замке она одна никогда не будет помилована и спасена. Она неподвижно сидела на корточках перед каменной печкой, словно сама обратилась в камень; ей казалось, что в пламени сгорают ее надежды вернуться в аббатство и получить прощение. Огонь постепенно гас, а она все смотрела на него, как мать смотрит на свое умирающее дитя. Глядя в очаг, Элис видела, как рушится ее будущее. Постепенно ее охватило холодное отчаяние.

— Я пропала, — вслух произнесла она.

Все ее планы — бегство из замка, возвращение в аббатство, обретение тихой гавани, возрождение римской церкви, — все превратилось в прах, испарилось. Элис понимала, что никогда теперь не станет не только аббатисой, но и послушницей. Ей нельзя было верить свою душу такому святому месту, как монастырь. Когда она трусливо бежала из монастыря, Господь оставил на ней свою метку, как она и боялась. Ей нельзя исповедоваться, нельзя вкушать освященный хлеб. Если она пройдет близко, святое вино превратится в уксус, станет кровью. Святая вода замерзнет. Съеденный освященный хлеб поднимется обратно к горлу, и она задохнется, а если извергнет его на ступени алтаря, все сразу увидят целую облатку, которую не приняли ее грязные, грешные уста. Любая аббатиса заметит эти знаки, отмечающие женщину, погрязшую во грехе, продавшую душу дьяволу. Вернуть чистоту невозможно ни хитростью, ни обманом. Никакая исповедь не даст ей отпущения грехов. Слишком глубоко она завязла. Слишком, слишком глубоко. Душа ее черна, как воды реки в полночь.

Элис испустила долгий глубокий вздох отчаяния. Прежняя жизнь кончилась, это так же верно, как смерть мудрой и доброй матушки Хильдебранды; пепел ее унесли с собой дующие над пустошью буйные ветры, ее сгоревшая ряса превратилась в клубы белого дыма. Прежняя жизнь ушла и никогда не вернется.

Долгие два часа Элис сидела, с горечью глядя на пламя, на лепешку освященного хлеба, бледным пятном лежащую между раскаленных углей; пламя не тронуло облатку, она даже не подгорела. Элис понимала, как далека она от Христа и Его матери, как далека от аббатисы. Так далека, словно уже очутилась в аду.

Придя к этой мысли, она покачала головой и удивленно сказала:

— Значит, я проклята. Проклята.

На секунду ее охватила пронзительная жалость к себе. Да, будь время не столь беспокойное, из нее могла бы выйти добрая монахиня, женщина мудрая и благочестивая. Мудрая и любимая всеми, как матушка Хильдебранда.

— Я проклята, — промолвила Элис, как бы пробуя на язык это слово. — Проклята, и нет надежды на прощение.

Еще несколько мгновений она сидела неподвижно, потом взяла каминные щипцы и достала из огня нетронутую пламенем облатку. Та оказалась совсем не горячей. С застывшим лицом Элис смотрела на это чудо. Потом зажала хлеб меж ладоней и стала растирать, а когда он рассыпался в крохи, бросила их в прожорливое пламя. Каждая кроха сначала чернела, обугливалась, а потом исчезала. Элис улыбнулась.

— Проклята, — повторила она еще раз, но на этот раз слово звучало как призыв, как указание цели.

Теперь она знала, что останется в замке, пока не поймет, в какую сторону дует ветер, каковы планы лордов. В будущем больше нет ни аббатства, ни праведной жизни. Элис навсегда останется в миру, будет добиваться могущества и власти, употребит для этого все возможные хитрости, всю силу, данную женщине, осужденной гореть в аду. Для начала надо отвести от себя внимание Хьюго. Надо заставить его лечь со своей женой. Кэтрин должна забеременеть. Любой другой исход этой некрасивой, мерзкой, грязной истории кончится для Элис плохо, это понятно, как дважды два. Чтобы использовать замок в качестве трамплина, который вознесет ее еще выше, ей придется, сжав зубы, спокойно смотреть, как желанный мужчина отвернется от нее и возвратится к жене. Придется смотреть на торжество Кэтрин, когда она будет держать в руках сына, — иного варианта нет.

Элис кивнула, и сразу в очаге вспыхнуло пламя, осветив ее лицо. Если все получится, то у нее будет несколько месяцев, а может, и лет спокойной, безопасной жизни. Старый лорд высоко ценит ее, благоволит ей, а уж благодарность Кэтрин она заработает. Элис понимала, что если заслужит доброе имя, то это введет ее в самые знатные дома. Даже если она останется с лордом Хью и завоеует его полное доверие, у нее будет все: и хорошая еда, и теплая спальня, она будет вольна поехать, когда и куда заблагорассудится. Но для этого леди Кэтрин обязательно должна зачать. Ведь если она не забеременеет, причем как можно скорей, то станет искать козла отпущения. И обязательно уготовит для Элис новое испытание. А потом еще одно и еще. Будет то вода, огонь или святое вино, но рано или поздно Элис не выдержит, и тогда ее ждет страшная смерть.

— У меня нет выхода, — прошептала она.

Уже под утро, когда в пекарне еще стояла крошечная тьма, соображения здравого смысла и морали поблекли и испарились; Элис протянула руку и вытащила полено, за которым хранились ее восковые куклы.

Укутавшись в плащ, она разложила фигурки на коленях, на подоле синего платья, и стала мерно произносить заклинание, которому ее научила Мора. Слов она не понимала, но чем дольше бормотала их в тишине и мраке пекарни, тем явственней ощущала в себе силу, новую силу, которая принадлежит только ей одной. Заклинание напоминало песнопение. Тихим, монотонным голосом Элис повторила его трижды, водя по фигуркам кончиками пальцев, пока воск не стал таким же теплым, как и ее тело, и светлым, как пламя. И еще три раза проговорила она заклинание, поглаживая фигурки, чтобы они привыкли к ней и признали своей хозяйкой. Потом она сунула руку в висящий на поясе кошель и достала скрученный листок бумаги, где были завернуты три волоса. Один из них, длинный и каштановый, она приладила к голове фигурки, изображающей леди Кэтрин, короткий был с головы Хьюго, а третий, длинный и седой, Элис добыла из гробня старого лорда.

В бликах пламени ей показалось, что куклы едва пошевелились. Она называла каждую куклу по имени и убеждала, что они должны служить только ей. Красные угольки в очаге слегка потрескивали и постепенно оседали, словно по ним ходило привидение. В тусклом свете Элис подалась вперед. Действительно, под ее ласковыми пальчиками восковые фигурки тихо, очень осторожно двигались.

Они дышали.

Они ожили.

Элис не удержалась, с ее губ сорвалось легкое восклицание — ей стало страшно. Она еще больше наклонилась и пригляделась. Потом осторожно взяла фигурку старого лорда и положила на каминную плиту.

— От тебя мне ничего не нужно, — тихо сказала она. — Просто будь здоров и силен. И еще заботься обо мне, береги и защищай все время, пока я здесь. А потом просто отпусти.

Тускло освещенное маленькое личико казалось бесстрастным. Какое-то время Элис неотрывно его изучала. Затем взяла фигурку молодого лорда. И снова секунду вглядывалась в это личико, в чистые, резкие, упрямые черты. Потом осторожно, очень осторожно провела ногтем по правому глазу.

— Ты не должен видеть меня, — прошептала она. — Не ищи меня взглядом. Не смотри на меня с вожделением. Не замечай, когда я вхожу в комнату, не оборачивайся ко мне. Ослепни, как встретишь меня, ослепни. — Она нежно погладила пальцем другой глаз. — Не смотри на меня, не примечай, не обращай ко мне взора. Ослепни, как встретишь меня, ослепни.

Элис прищурилась, напрягая зрение, и с удивлением почувствовала, что плачет. Тыльной стороной ладони она вытерла слезы. Маленькая фигурка Хьюго была теперь слепа, незряча, там, где прежде находились глаза, было гладко. Элис удовлетворенно кивнула. Она ощущала, как нарастает напряжение, как поднимается ее сила. Женственная сторона ее натуры, где коренились страсти и желания, успокоилась, куда-то спряталась. Глаза в темноте блестели, лицо сияло, процесс колдовства возбуждал ее. Она уже напоминала настоящую ведьму. Как кошка, она облизала пересохшие губы, поднесла фигурку Хьюго к лицу и стала обрабатывать ей кончики пальцев, соскабливая их едва заметными, осторожными движениями.

— Не прикасайся ко мне, — велела она. — Не трогай меня. Не возжелай касаний к коже моей. Не гладь рукой по щекам моим. Нежными пальцами своими не гладь волос моих. Не тяни ко мне руки, не обнимай меня. Силой своей отбираю желание ласкать меня. Силой своей лишаю тебя жажды касаться меня. Не трогай меня, не протягивай ко мне рук, не гладь, не ласкай меня.

Кукольные пальцы на кончиках сгладились, а ногти, так искусно вырезанные Морой, исчезли.

— Не трогай меня, лицо мое и волосы мои, — продолжала Элис. — Не тяни рук меж бедер моих, не клади их на груди мои и на затылок мой. Да умрет в тебе желание прикасаться ко мне. Не трогай меня.

Она тихо и радостно рассмеялась, ощущая внутри пощипывание и покалывание рвущейся энергии, которая мощно текла от живота к кончикам пальцев и к подошвам ног. По пустой пекарне прокатилось эхо, и девушка испуганно оглянулась. Потом еще плотней закуталась в плащ, повернула фигурку Хьюго на бок и начала поглаживать ей ухо.

— Не слушай, не старайся расслышать меня, — шептала она. — Да не услышишь ты голоса моего. Да не станешь звать меня словами нежными и ласковыми. Не распознаешь голоса моего среди иных голосов. Не услышишь пения моего. Не проснешься от дыхания моего в постели рядом с тобой. Да не станешь прислушиваться, не звучит ли голос мой и шаги мои, когда я далеко от тебя. Не станешь слушать шагов моих, когда я рядом.

Она нежно гладила ухо, пока то совсем не исчезло, потом перевернула куклу и проделала то же самое со вторым ухом. Затем Элис снова положила фигурку на спину у себя на коленях и прижала указательный палец к ее губам.

— Не общайся со мной. Ни бормотанием, ни пением, ни шутками. — Едва заметными движениями она потерла губы фигурки. — И не молись обо мне. Не зови меня. Не зови меня. Не мечтай обо мне, призывая имя мое, не зови меня по имени, когда просыпаешься утром. Да не придет имя мое на язык твой.

Губы куклы почти исчезли, но Элис не останавливалась.

— Да не будешь ты целовать меня. Не дотронешься губами своими до губ моих. Не коснется язык твой губ моих. Да не познают губы твои вкуса тела моего. Да не познает язык твой вкуса сосцов моих, пока груди мои не возжелают тебя. Да не узнает шея моя и плечи мои и живот мой нежных укусов зубов твоих. Да не узнает тело мое касания губ твоих и языка твоего, чтобы не кричала я от наслаждения и не молила тебя делать это еще и еще.

Рот куклы стал бесформенной ямкой, но Элис все продолжала его тереть. Миниатюрная копия Хьюго превратилась в безобразного маленького уродца. Отвратительного уродца, безглазого, как рыба, обитающая во мраке подземных озер, беспалого, как выкидыш, беззубого и беззубого, с дырой вместо рта.

Элис снова засмеялась, на этот раз хриплым смехом — ей страшно было смотреть на Хьюго.

— А теперь пожалуйста вы, госпожа моя леди Кэтрин, — проговорила она.

Очень мягко, с бесконечной осторожностью Элис взяла фигурку Кэтрин и поместила на коленях рядом с куклой Хьюго. Она обернула их друг к другу лицами и пошевелила огромным пенисом лорда Хьюго перед женской фигуркой, дотронулась им до губ куколки, потом до шеи и живота. Наконец в ее пальцах куклы принялись исполнять непристойный танец. То сближались, то снова расходились. Пенис то оказывался в отверстии между ног, то снова выскакивал. Потом Элис уложила женскую фигурку на спину, а мужскую пристроила сверху, прижав их одна к другой так, что пенис совсем утонул в чудовищной дыре кукольной утробы. Так их Элис и оставила.

Из того же кошелька она вынула обрывок ленточки и ею скрепила обе фигурки. В свете пламени казалось, что женская кукла светится довольством, в мерцающих отсветах огня ее щеки порозовели и потеплели. А сверху был крепко привязан безглазый, безухий, беспалый и безротый урод. Элис опустила их на пол у ног и снова уставилась на огонь.

Прошло много долгих минут. Наконец она стряхнула с себя грезы, наклонилась и подняла фигурки.

— Итак, — начала она, — Хьюго, ты пылаешь жаром, тебя лихорадит. Ты хочешь Кэтрин каждую минуту. Ты просто одержим ею. Ты совсем обезумел от желания. Только и думаешь о том, как бы вставить ей свой член. А ты, Кэтрин, очень довольна. Ты его сучка, его племенная кобыла, его девка, шлюха и сучка для порки. Он может делать с тобой все, что угодно, и ты одобряешь это. Ты забываешь обо всем, обо всем, кроме этого. Ты забываешь про страх, про соперниц и про врагов, потому что изнемогаешь от страсти, у тебя нет больше сил. Ты исполнена радости и веселья, потому что муж снова и снова прибегает к тебе, как пес, томимый жаждой, прибегает к корыту с водой.

На языке Элис все еще оставалась горечь недавней рвоты. Она прокашлялась, сплюнула в огонь и снова потеряла одной фигуркой о другую.

— Он не смотрит на прочих женщин. Никто ему больше не нужен. Он сует в тебя член с такой яростью, словно хочет пробить им дорогу в райские кущи. — Девушка помолчала и с отвращением добавила: — И ты без ума от этого.

Она еще немного подержала обе фигурки, потом развязала ленточку, и куклы сразу распались, словно мужская фигурка была рада избавиться от плена. Элис слегка нахмурилась, размышляя о том, что это значит. Потом положила фигурку Хьюго на каменную плиту рядом с фигуркой его отца и стала поглаживать живот куклы Кэтрин.

— Семя его в тебе, — тихо произнесла она. — И ты зачала мальчика. Он увеличивается, и живот увеличивается вместе с ним.

Ловкие пальцы девушки мяли мягкий воск, придавая ему иную форму. Живот Кэтрин чудовищно выпятился.

— Вот какой у тебя животик, он все растет и растет. Ничто не остановит тебя. Ни страх, ни потрясение, ни случайность. Ты все толще, аппетит твой огромен, — бормотала Элис, ее слова скорее напоминали проклятие, чем заклинание о плодовитости. — А потом... Потом ты ляжешь в постель в родовых муках. И в мучениях принесешь сына, подобие твоего супруга.

Она помолчала; ее красивое лицо исказилось гневом и ревностью. Затем угрюмо продолжила:

— После ты вознаградишь меня. Заплатишь мне полным кошельком золота и своим благословением. Дашь мне столько денег, чтобы я могла уехать далеко, куда сама захочу.

Мы с тобой расстанемся, и я никогда не увижу ни тебя, ни твоего мужа.

Наконец, собрав всех трех кукол вместе, Элис разложила их на коленях и сообщила:

— Заклятие свершено. Вы сами навлекли его на свои головы. Вы сами пожелали для себя такой участи, сами заставили меня сделать это. Заклятие свершилось, и сила его падет на вас с этой минуты.

Спрятав фигурки обратно в кошелек, она опустилась с табуретки на каменную плиту и укрылась плащом. Через несколько секунд она погрузилась в сон.

Когда рассвело, во все горло запели петухи, замычали и заблеяли домашние животные, проснулись люди, а Элис все еще крепко спала. Ей не снилось ничего запоминающегося. Но всю ночь и все раннее утро из-под плотно сомкнутых век нескончаемым потоком текли обильные слезы. И руки были крепко сжаты в кулачки, только вот большой палец обеих рук лежал между указательным и средним — такой древний и малополезный знак, оберег против ведьм и колдовства.

На рассвете пришел рабочий пекарни, он собирался разжигать печи, а обнаружил у очага спящую особу, ее спутанные золотистые волосы посерели от золы. Он потряс Элис за плечо, она проснулась и села; осыпанная мукой и пеплом, она теперь мало отличалась от Моры, старухи с копной седых волос. Лицо ее было грязным, и в утреннем полумраке полосы сажи казались глубокими морщинами, избороздившими лицо за долгие годы неудовлетворенных желаний. Прежде парень никогда не видел Элис и теперь в страхе отшатнулся.

— Прошу прощения, почтеннейшая, — запинаясь, проговорил он, после чего пулей выскочил во двор, где в сером свете хмурого утра уже проступали белые, холодные стены замка.

Элис вышла за ним и направилась к колодцу посередине двора. Она поманила беднягу пальцем и прохрипела:

— Зачерпни мне ведро воды.

Парень с опаской сделал пару шагов, но остановился вне досягаемости.

— Обещай, что не сглазишь, — попросил он.

Засмеявшись горьким смехом, Элис откашлялась и сплюнула.

— Обещаю. — Она еще раз смерила парня взглядом, в ее синих глазах сверкнула злоба. — Во всяком случае, на этот раз.

Дрожа от ужаса, он приблизился к колодцу, взялся за ручку и опустил вниз ведро. Три раза ему пришлось бросать его, пока оно своим весом не разбило корку льда, затянувшую воду. Наконец он поднял ведро, наполненное до краев. Элис сложила ладони, набрала пригоршню ледяной воды и жадно выпила.

— Теперь отправляйся работать, — велела она. — Да смотри не проболтайся, что видел меня.

— Нет-нет, госпожа. Уж я не проболтаюсь, — горячо заверил ее парень.

Девушка остановила на нем долгий взгляд, и он снова затрепетал от страха.

— Проболтаешься — сразу узнаю, — пригрозила она. Затем выразительно на него посмотрела, отвернулась и устало поплелась в замок, в дамскую галерею, чтобы помыться, причесаться и сменить платье. О бедро бился висящий на поясе кошелек с тремя восковыми

фигурками.

Не успела Элис ступить на порог, как к ней бросилась Элиза, а следом и остальные дамы.

— Где ты пропадала? Тебя всю ночь не было! — воскликнула Элиза.

Только Элис открыла рот, как приятельница, трясаясь от нетерпения, продолжила:

— Да все равно, это уже не важно. Совершенно не важно. Ни за что не догадаешься, что здесь у нас творилось. Всю ночь напролет. Всю ночь.

Остальные дамы истерически захохотали; глаза их так и горели. Элис была очень утомлена, но не удержалась и улыбнулась.

— Что такое? — поинтересовалась она.

— Лорд Хьюго! — пояснила Элиза. — Ни за что не догадаешься. Он сидел здесь у нас, и миледи тоже, всю ночь до утра, и мы видели, мы видели...

— Да рассказывай же! — прикрикнула на нее Марджери. — Рассказывай с самого начала.

— Я не стану в этом участвовать, — заявила Рут. — Сейчас сюда наверняка явится леди Кэтрин и поймет, что мы сплетничаем.

— Тогда иди к двери и покарауль, — ответила Элиза. — И если она пойдет, кашляни погромче, чтобы мы слышали. Я должна рассказать все Элис. Иначе я просто умру.

— Глупая девчонка, — снисходительно заметила миссис Эллингем. — Мало ей одной этой ночи. Как неделикатно!

Рут вышла, а Элиза потащила Элис к низенькой скамеечке, уселась у ее ног и затараторила:

— После ужина лорд Хьюго навестил нас и попросил что-нибудь спеть и сыграть. Рут играла на мандолине, а я пела, потом и Марджери пела. Он похвалил мой голос и улыбнулся мне — ну, тебе известно, как он улыбается.

— Да, — утомленным голосом отозвалась Элис, — мне известно.

Элиза прищурилась.

— Кому ж знать, как не тебе. Да-а, ты ловкая бестия! Я и не подозревала, что ты по нему сохнешь. Я-то думала, что ты решила никогда не выходить замуж. А тут на тебе пожалуйста...

— Рассказывай же, что было ночью... — перебила ее Марджери.

— Точно! — опомнилась Элиза. — Ну вот, мы ему спели, он послал за медовухой и заставил нас всех выпить вместе с ним по кружке, потом взял бутылку, бесстыдник такой, и говорит леди Кэтрин: «Нам это пригодится, ночью будет чем утолять жажду». — Глаза Элизы расширились, подчеркивая двусмысленность фразы. — А потом еще добавил: «Впрочем, вашу жажду я и так утолю, миледи, обещаю вам. У вас будет полный рот, через край польется».

Элис судорожно сглотнула слюну и тихо произнесла:

— Мерзость.

— Но это еще что! — наслаждаясь эффектом, воскликнула Элиза. — Они отправились в

спальню, а мы остались. Представляешь, каково нам было? Мы не знали, уходить или продолжать сидеть. Рут предлагала уйти, но я рассудила, что нас никто не отпускал, вдруг ему что-нибудь понадобится, и мы остались. — Она снова сделала паузу, заглядывая Элис в глаза. — А потом вдруг слышим... Нет, сначала они беседовали, тихо так, слов не разобрать. А потом слышим возгласы леди Кэтрин: «Умоляю вас, милорд, умоляю, подарите мне сына. Сделайте это со мной». — Элиза захихикала и тут же закрыла рот рукой. — Рут не выдержала и ушла, ты же ее знаешь. А мы остались. И вдруг леди Кэтрин застонала. Мы испугались, что ей больно, и порывались зайти к ним, но не решились. А она повторяла снова и снова: «Хьюго, Хьюго, ну же, ну...»

— И что он делал? — осведомилась Элис, хотя примерно представляла.

Облизав губы, Элиза продолжила:

— Ну, мы и заглянули в щелочку. Слегка приоткрыли дверь, там еще была штора, и они нас не видели. Я отодвинула штору и думаю: если застукают, отвечу, что мы беспокоились за леди Кэтрин. Застукают, как же! Да если бы мы там пели и плясали, нас бы никто не заметил.

— Так что он делал? — снова спросила Элис; лицо ее побелело как бумага.

— Он поставил ее перед собой на колени, — восхищенно зашептала Элиза, — вынул член, твердый как копье, — я сама видела — и стал тереть им по ее лицу, по глазам, по ушам, по волосам... в общем, везде. А потом терся о ее шею и ночную рубашку.

Элис не двигалась, она вспомнила непристойный танец восковых фигурок, исполненный перед тем, как она связала их ленточкой.

— Хьюго разорвал на леди Кэтрин сорочку, — делилась впечатлениями Элиза. — А она стояла на коленях и позволяла ему делать все, что заблагорассудится. Он стал тереться о ее грудь. А ей совсем не было стыдно. Стоит себе, рубаха разорвана до пупа, руками держит его за задницу и только постанывает: мол, еще, еще.

Лоб Элис покрылся холодным потом, она провела по нему ладонью и задала новый вопрос:

— А потом? Надеюсь, он поимел ее?

— Хуже, — отозвалась Элиза. — Он велел ей залезть на кровать и широко раскинуть ноги. Это было ужасно! — Элиза светилась восхищенным негодованием. — Она раздвинула ноги и собственными пальцами открыла себе... ну, ты понимаешь...

Элис быстро закрыла глаза и покачала головой.

— Все, хватит! Я не желаю этого знать.

Но Элизу уже понесло.

— Он забрался на кровать и воткнул в нее член... у него было такое лицо... прямо с ненавистью. А потом снова вынул и отпрянул.

— Почему? — удивилась Элис.

— Она закричала, — пояснила приятельница. — Она кричала, когда он засадил ей, а потом снова закричала, когда он вытащил. Она вся извивалась на кровати, словно угорь в бочке. Она совсем обезумела, сошла с ума! Умоляла его, стонала, плакала, чтобы он сделал это.

— А он?

— Сделал, но не так, как она хотела. — Элиза пожала плечами. — Подойдет к кровати, вставит и снова вынет. А леди Кэтрин орет: «Еще, еще!» Потом он заставил ее слезть с кровати и раздеться догола. Взял ее сорочку и порвал на куски. А после приказал связать эти куски и скрутить из них веревку.

— Боже милостивый, — невольно обронила Элис. — Почему вы не остановили его? Могли бы, по крайней мере, позвать леди Кэтрин.

— А ты не понимаешь? — Элиза пристально на нее посмотрела. — Ты что, настолько холодная? Ей ведь это ужасно нравилось. Она хотела, чтобы он обращался с ней как с последней сучкой. Она была не женой, а содержанкой, шлюхой и получала удовольствие.

Элис сидела неподвижно, отзвуки ее заклятия звенели в ушах. «Интересно, — думала она, — насколько серьезно и глубоко зло, которое я совершила».

— Хьюго велел ей ползать по полу, — продолжала между тем Элиза. — Она ползала на четвереньках. Он завязал ей глаза, так, что она ничего не видела, и заставил ползать по комнате. А сам вставлял ей то сзади, а то спереди прямо в рот. — Потрясенная Элиза задохнулась от восторга. — И что бы он ни делал с ней, она только кричала: «Еще, еще!»

— Всю ночь? — холодно уточнила Элис.

Она вспомнила, что, как только развязала восковые фигурки, они сразу распались.

— Он снял с нее повязку, — сказала Элиза, — взял скрученную веревку, прижал леди Кэтрин к себе и привязал. Потом поднял ее и опустил на себя. Она закричала. Долго и очень громко, словно на этот раз ей действительно было больно. Они оба упали на пол, и там он долбил ее, пока ее спина не истерлась в кровь.

— Налей мне эля, Марджери, — едва дыша, промолвила Элис. — Мне что-то не по себе от этих историй.

Девушка снова почувствовала, как из пустого желудка к горлу поднимается тошнота.

— Все, конец, — торжествующе сообщила Элиза. — Жаль, что тебя не было с нами.

Элис отхлебнула эля. Он был теплый и выдохшийся, словно сутки простоял в кувшинчике.

— А лорд Хьюго ночевал в ее кровати? — любопытствовала она, хотя ответ был ей известен.

— Когда кончил, развязал жгут и отскочил от госпожи как ошпаренный, — доложила Элиза. — Леди Кэтрин лежала на полу, и он залепил ей пощечину, сначала по одной щеке, потом по другой, после чего натянул штаны и ушел, вот так. У нее вся спина в синяках и в крови, а на щеках пятерня отпечаталась.

— Она очень огорчилась? — безразличным тоном спросила Элис.

— Приношу ей сегодня утром чашку эля, а она песни поет, — улыбнулась Элиза. — Держится за живот и говорит, что зачала ребенка. Мол, несколько не сомневается, что родит сына. Вымолила у мужа дорогу в райские кущи и теперь довольна.

Кивнув, Элис еще отхлебнула эля.

— Ну хорошо, — заключила она. — Хьюго вернулся к жене, она носит его ребенка. Теперь они отстанут от меня, она с ее вонючей ревностью и он со своей похотью. Можно спокойно заниматься своим делом, быть писарем при милорде и следить за здоровьем его семейства.

— Элис встала с табуретки, отряхнула платье и тихо добавила: — Что-то горько у меня во рту. Я и не знала, как это горько.

— Ты про что? — не поняла Элиза. — Про эль? Странно, он еще вполне свежий.

— Нет, не про эль. — Элис вздохнула. — Про вкус победы.

ГЛАВА 11

Весь февраль стояли страшные морозы. Река покрылась толстым серовато-белым панцирем льда; видно было, как под ним струится вода. Когда дамы прогуливались по дорожке вдоль берега, Элис заглянула вниз, вздрогнула и отступила назад, насколько позволял глубокий снег. На вторую неделю месяца ветер принес с юго-запада густые туманы, и все короткие зимние дни дамы проводили в замке. Когда они просыпались, было еще темно, потом наступал бледный, хмурый день, небо было затянуто тучами, а после трех часов снова темнело. Густой туман поглощал звуки, из окна галереи нельзя было разглядеть реку, а уж из комнаты старого лорда, расположенной высоко в круглой башне, не было видно даже двора, и звуков тоже было не слышно.

Элис старалась все время проводить со старым лордом в его покоях, в тепле и уюте. Лорд Хью и управляющий Дэвид были для нее самым подходящим обществом — с ними было легко и спокойно. Она выполняла все приказы его светлости, например писала послания, в которых выражались сдержанные соболезнования принцессе Марии в связи с кончиной ее матушки, вдовствующей королевы Екатерины Арагонской, читала вслух довольно противные, непристойные романы, слушала воспоминания милорда о сражениях и рыцарских поединках, о времени его молодости и силы, когда Хьюго еще и на свете не было.

Атмосфера в галерее, расположенной над большим залом, была зловещей. Леди Кэтрин то впадала в истерическое веселье, приказывая дамам петь, играть и плясать, то погружалась в глубокую и мрачную тревогу; тогда она сидела за ткацким станком, опустив руки, и только вздыхала. Дамам ничего не оставалось, как злобно пререкаться и раздраженно ссориться — так ведут себя животные, которых посадили в одну клетку. Раз или два в неделю, словно помимо воли, к ним заглядывал лорд Хьюго с кувшином медовухи.

Вечер, как правило, начинался приятно: дамы танцевали, леди Кэтрин ждала, трепеща от волнения. Хьюго обычно много пил и сильно хмелел, шутки его становились все более непристойными. Если близко оказывалась Элиза, он хватал ее и открыто лапал, не скрываясь от жены и других дам. Медовуха скоро подходила к концу, он швырял кувшин в камин, брал леди Кэтрин за обе руки и грубо тащил в спальню. И пока дамы наводили порядок в комнате, подметали разбитую посуду и убирали кружки в шкаф, слышно было, как леди Кэтрин громко кричит от боли, стонет и всхлипывает, не сдерживаясь и задыхаясь от наслаждения. А ровно в два часа ночи Хьюго отвязывал притянутую к себе полотняным жгутом жену и, пошатываясь, еле волоча ноги, с мутными глазами и отвратительным настроением отправлялся к себе в спальню.

— Все это как-то ненормально, — заметила однажды вечером Элиза.

Свечу уже погасили, и они с Элис лежали в темноте. Из углов спальни доносились тихое посапывание миссис Эллингем и мощный храп Рут. Элиза уже давно прекратила смеяться над фокусами, которые вытворяли лорд Хьюго и его жена. Да и всех остальных дам приводили в смятение странности, которые наметились в их отношениях.

— Ты слышала, как она орала сегодня вечером? — продолжала Элиза. — Лично я считаю, что ее кто-то околдовал. Разве может нормальная женщина так унижаться перед мужчиной? Она же позволяет ему делать с собой все, что угодно.

— Замолчи, — прервала ее Элис. — Она всегда была такой. Зато сегодня она выспится и утром встанет в хорошем настроении. Скоро она забеременеет.

— А потом оценится, — сонно хихикнула Элиза. — Но все равно, Элис, это ненормально. Я сама видела у нее синяки, он хлестал ее ремнем. А когда я указала ей на это, она только улыбнулась... — Элиза помолчала. — И улыбка такая противная. Будто чем-то гордится. Было бы чем.

Элис не ответила, и скоро Элиза, раскинувшись на всю кровать и стеснив ее, уже ровно дышала во сне. Лежа в темноте без сна около часу, Элис наблюдала, как по потолку едва заметно скользит лунный луч, и слушала похрапывание приятельниц. Потом потихоньку выбралась из постели, вышла в галерею и подбросила в камин пару поленьев и несколько сосновых веточек. По ним сразу побежали маленькие язычки пламени; густой смолистый запах поплыл по комнате. Элис с удовольствием вдохнула, уселась на теплую овечью шкуру и стала смотреть на огонь.

Замок был окутан непроницаемым зимним мраком и погружен в глухое молчание ночи. Элис казалось, что только она одна не спит, возможно, единственная во всем мире. Языки пламени плясали, образуя то башни сказочных замков, то загадочные пещеры. Вглядываясь в эти алые фигуры, Элис рисовала в воображении прихотливые картины. Приятный аромат горящих сосновых веток напомнил ей о матушке Хильдебранде, о ее тихом кабинете с камином, где всегда горел небольшой огонь из сосновых шишек. Элис любила сидеть у ног аббатисы, опершись спиной о ее колени, и читать вслух; порой матушка Хильдебранда мягко опускала ей на голову руку, наклонялась, чтобы объяснить незнакомое слово, или сдержанно посмеивалась, когда Элис произносила что-нибудь неправильно.

— Умная девочка, — негромко говорила она. — Умненькая-разумненькая, доченька моя Анна.

Элис подтянула рукав ночной рубашки и вытерла глаза.

— Не буду больше думать о ней, — раздался в тишине ее голос. — Я не должна о ней думать, пора прекратить это. Теперь я живу без нее. Она никогда не вернется.

И она переключилась на мысли о Море, о холодной маленькой хижине на краю пустоши. Лачугу ее, должно быть, засыпало снегом по самую крышу. Элис сморщилась, вспомнив морозные, мрачные зимние дни и долгие ночи, нескончаемую и неблагоприятную работу, когда она откапывала в снегу дорожку к выгребной яме, выносила замерзшими руками постоянно выплескивающуюся бадейку с мочой и экскрементами, а потом устало тащилась обратно.

— Что бы я ни делала, — прошептала Элис, — какую бы цену ни платила, это лучше, чем такая жизнь. И матушка Хильдебранда знала это. Она бы меня поняла. Она бы поняла, что я, хоть и глубоко погрязла в грехе, но... она бы поняла...

Девушка замолчала. Ей было ясно, что аббатиса никогда бы не стала сетовать на трудности, оправдывая человека, который совершает один грех за другим, пока не доберется до самих дверей ада.

— Не стану больше думать о ней, — грустно пообещала себе Элис.

Она еще посидела, пытаясь отбросить воспоминания как можно дальше. Ей выпало нелегкое детство в маленькой хижине на болотах, а потом она наконец-то попала туда, где тепло и

сытно, где ее любили, но это длилось недолго. На глаза ее накатились слезы.

— Не стану больше думать о ней, — снова повторила она. — Как подумаю о ней, заплачу.

Всю долгую ночь в замке царила полная тишина. Элис замерла, уставившись на красные угли; вдруг обгорелое полено сдвинулось, и она очнулась от грез. Подбросив в огонь небольшую лучинку, она наблюдала, как та задымилась, почернела и вспыхнула.

За ее спиной тихо открылась дверь спальни леди Кэтрин, и на пороге возник лорд Хьюго. На нем были только штаны, в руках он держал сапоги, рубаху и камзол. Увидев неподвижную Элис, он удивленно остановился. Потом приблизился и позвал ее:

— Элис.

— Хьюго, — откликнулась она, не обернувшись, даже не вздрогнув при звуке его голоса.

— Ты знала, что я там? — спросил он.

— Я всегда знаю, когда ты рядом, — ответила Элис. Голос ее звучал мечтательно. Хьюго сделал еще пару шагов и почувствовал, что дрожит, словно вступил в некое поле вокруг Элис, которое действует на него с таинственной силой.

— Что-то тебя давно нигде не видно, — заметил он. — Так и не удалось поговорить с тобой с того вечера, когда ты выдержала Божий суд.

Она подумала о кошельке с восковыми фигурками, который вместе с поясом был спрятан в матрасе. Кукла Хьюго, слепая и глухая, терлась о толстый живот и вставляла член в глубокую щель между ног восковой леди Кэтрин.

— Нам не о чем говорить, — отрезала Элис.

— Ты же соврала, признайся, — мягко продолжал Хьюго. — Когда сказала, что сохнешь по мне, что решила заманить в ловушку и потому придумала лживое пророчество. Соврала, так ведь?

Элис пожала плечами: какая разница?

— Ну соврала, но ведь и правда мне неизвестна. Я на самом деле не помню, что было той ночью. Только как ты вынес меня из зала, и все. Потом я крепко заснула. Может, это был сон.

— Так значит, ты не хотела меня? — уточнил Хьюго. — Лгала, обманывала, да? И тогда не хотела, и сейчас не хочешь?

Элис обернулась и заглянула ему в лицо. Одна щека ее покраснелась от огня, а другая оставалась в тени, на ней плясали тусклые отсветы пламени. Хьюго ждал, затаив дыхание.

— Почему же? — тихо произнесла она. — Хочу. Наверное, с того самого дня, как впервые тебя увидела. Помню, ты вошел, а лицо такое хмурое, и морщины такие глубокие, и вдруг смотрю, а ты улыбаешься. Вот тогда-то я и влюбилась, когда увидела радость в твоей улыбке. С ума схожу, представляя, как ты прикасаешься к миледи. Спать не могу, зная, что ты у нее. Мечтаю о тебе постоянно. О да, конечно хочу.

— Элис, — пробормотал Хьюго. — Моя Элис.

Он протянул руку, коснулся ее щеки, спрятал ее лицо в своей ладони, словно перед ним был редкий красивый цветок. Она громко вздохнула, отняла его руку, внимательно взгляделась в ладонь и спросила:

— Ты понимаешь меня?

— Собралась погадать? — пошутил Хьюго.

Элис перевернула его ладонь и посмотрела на короткие чистые ногти. Потом снова перевернула и взгляделась в характерный узор на кончиках пальцев.

— Ты чувствуешь меня? — задала она новый вопрос. — Чувствуешь мое прикосновение?

— Конечно, — озадаченно ответил Хьюго.

— Каждым кончиком пальцев? Каждым-каждым? — уточнила Элис.

— Конечно! — Он коротко рассмеялся; слова выскакивали из него, словно он слишком долго держал их в себе. — Элис, маленькая, любовь моя, конечно, я чувствую твое прикосновение. Я все ждал и ждал, когда же ты протянешь руку и дотронешься до меня. Конечно чувствую!

— А когда я вот так шепчу. — Элис понизила голос. — Ты слышишь меня?

— Да. — Хьюго был явно удивлен. — Конечно слышу. Со слухом у меня все в порядке, Элис.

Она протянула руку к его лицу и с бесконечной нежностью погладила щеку, веки и окруженные тоненькими морщинками глаза.

— Ты видишь меня? — допытывалась она. — Так же хорошо, как и всегда?

— Да, — подтвердил Хьюго. — В чем дело, Элис? Ты боишься, что я болен?

Девушка сложила руки на коленях и снова уставилась в огонь.

— Нет. Не волнуйся. Прежде мне хотелось, чтобы ты был глух и слеп ко мне. А теперь, в эту ночь, я поняла, что это обман. И всегда было обманом. Возможно, нет ничего крепче той силы, которая тянет меня к тебе. Пожалуй, она больше моего желания жить в тишине и покое. Больше, чем... — На мгновение Элис умолкла. — Больше, чем все остальное.

— Что значит «все остальное»? — хмуро осведомился Хьюго. — Какое остальное? Твои травы или какие-нибудь бабьи хитрости и уловки?

Кивнув, Элис пояснила:

— Ты не должен был смотреть на меня. Я боялась ревности леди Кэтрин. А потом, когда она заставила меня пройти испытание Божьим судом, я поняла, что рано или поздно она поймает меня на чем-нибудь, придумает новое испытание, а потом еще и еще. И в конце концов я не выдержу.

— И ты свершила какое-нибудь глупое девичье заклятие, чтобы я и близко к тебе не подходил, так, что ли? — воскликнул Хьюго в веселом изумлении. — Смотри потеряешь веру в свои способности, Элис. Вот он я, вижу тебя и слышу, трогаю тебя... и хочу тебя.

Лицо девушки вспыхнуло в темноте, как жемчужина, на которую вдруг упал луч света. Хьюго усмехнулся и с готовностью продолжил:

— Ну конечно. Чем еще все это могло кончиться? Я люблю тебя, Элис. Помню, я взглянул в зал, а там ты в красном платье, которое тебе велико, и бедная стриженная головка над ним, и твое чистое личико, и глаза такие синие-синие, как небо. Мне сразу захотелось взять тебя за руку и уложить в постель. И я все ждал и ждал, когда эта похоть исчезнет, а она и не исчезла, просто превратилась в любовь. — Хьюго помолчал. — Я мог легко взять тебя в ту ночь, помнишь, в канун Крещения? Ты была пьяная, и тебе было все равно. Но когда я притронулся

к тебе, ты улыбнулась и назвала меня по имени, словно мы с тобой уже много лет любовники. После этого я понял, что мне никто больше не нужен. Я отказался брать тебя, как какую-нибудь шлюшку. Отказался брать тебя силой. Я мечтал о нашей общей жизни. Не думаю, что у тебя было видение. В эту чепуху я вообще не верю. И не боюсь, что ты ведьма там, или колдунья, или еще кто, все это шарлатанство. Зато я верю, что мы с тобой будем вместе, вдвоем. Нет, втроем. Я, ты и мой ребенок, мой сын.

Повисла пауза. Элис снова посмотрела на кончики его пальцев, протянула руку, нежно коснулась мягкой кожи вокруг его глаз и тихо промолвила:

— А твоя жена?

— А она тут при чем? — пожал плечами Хьюго. — Наши с тобой дела ее не касаются. Кроме того, она хорошо поработала в последнее время. Скоро должна забеременеть.

Элис долго изучала его лицо и наконец спросила:

— С чего ты взял?

— С того, что я сплю с ней, вот с чего, — раздраженно бросил Хьюго.

— Ну и что из этого? — не сдавалась Элис.

— Я не... — начал было Хьюго, но тут же осекся и прыснул от смеха. — Ты считаешь, что все это ты устроила?

Девушка обернулась и посмотрела в темноту, туда, где находилась спальня леди Кэтрин, где спала эта женщина, вся в синяках, обессиленная, удовлетворенная, блаженно улыбавшаяся во сне; ей снилось, как муж мучит ее, как делает с ней все, что заблагорассудится.

— Не знаю, — резко ответила Элис. — Откуда мне знать? Меня не обучали черной магии, я умею делать только то, что видела у Моры, там, в пустоши: запугивать глупых женщин, выманивать у них деньги. Мне неизвестно, почему ты идешь и спишь с ней, зачем причиняешь ей боль и унижения. Мне все это противно, Хьюго. Странно, что между вами такие отношения. Я не стала бы заставлять мужчину делать такое с женщиной, даже если бы ненавидела ее. Да, я колдовала, признаюсь. Но не хотела, чтобы ты бил ее, плевал на нее и приказывал проделывать с собой гнусные, омерзительные вещи. И тем более, чтобы ей это нравилось, чтобы она обожала тебя за это.

Хьюго подвинулся поближе к Элис и положил руку ей на плечо. Она склонила голову и прильнула к нему.

— Сам удивляюсь, почему у нас так происходит, — заметил он. — Мне самому все это противно. Ни с одной женщиной я не поступал так, даже с самой последней девкой. Сам не понимаю, почему бью ее по щекам, катаюсь на ней верхом и шепчу на ухо ругательства. И чем хуже я с ней обращаюсь, тем больше она довольна. Мне от этого всю душу выворачивает, особенно по утрам. И еще, я иду к ней, только когда выпью как следует, иначе не могу. Эх, Элис, видела бы ты ее. Она валяется передо мной на полу, умоляет ударить ее, причинить боль. А у меня такое чувство... будто я в грязи с головы до ног.

— Я колдовала на рождение вашего сына, — отозвалась Элис. — Зря я тебя приплела к ней. Не надо было этого делать. Мне казалось, будто кто-то водит моей рукой. Я не знала, как отвести от себя угрозу. Мне нужно было набраться силы. Теперь я боюсь, Хьюго, что совершила ошибку.

— Думаешь, на Кэтрин действует твоя магия?

Милорд отвернулся от огня и всмотрелся в тонкий, чистый девичий профиль. Потом наклонился и поцеловал ее в висок, туда, где вился золотистый локон.

— Вряд ли тут действует твое колдовство, оно ни при чем, моя прекрасная Элис. Полагаю, у Кэтрин от природы такая склонность, она всегда обожала страдать. Она страстно мечтала выйти за меня, хотя ей было известно, что я равнодушен к ней. Она давно просила меня лечь с ней в постель, еще когда мы были детьми. И всегда позволяла унижать себя. Не настолько страшно, как сейчас, такого еще не было. Но раньше я так на нее не злился. Я ощущаю себя связанным по рукам и ногам.

— Связанным? Хьюго кивнул.

— И знаешь почему? Ее беременность — залог твоей безопасности. Тебе нельзя оставаться здесь, ведь она только и ждет случая заманить тебя в ловушку. Ее надо постоянно умамливать. Ты прибегаешь к колдовству, а я ложусь к ней в постель с мыслью, что ее надо как следует ублажить и тогда она оставит тебя в покое.

— Неужели заклятие тут ни при чем? — удивилась Элис.

Она повернула голову и заглянула Хьюго в глаза, лицо ее просветлело, словно часть ее вины он взял на себя.

— Совсем ни при чем, — заверил он. — Это все чепуха, ты не должна опасаться собственной силы. Человек поступает так, как сам хочет. Я лично принимаю решения и исполняю их. А перед Кэтрин я исполняю свой долг, мне следовало давно это делать. Но исполняю без желания, поэтому и напиваюсь, поэтому и жесток с ней. А ей — уж не представляю, откуда взялась у нее такая охота, — нравится, когда я пьян и груб. Выходит, ублажаю ее хорошо. И дело не в магии.

Элис облегченно вздохнула.

— А я боялась, — призналась она. — Боялась, что все испортила, что своим колдовством вынудила тебя быть с женой таким злым и мерзким.

Хьюго крепко обхватил ее, поднял и усадил на колени и, не выпуская из объятий, прижался щекой к ее щеке.

— Ничего не бойся, — сказал он. — Я хочу, чтобы у нас с тобой было будущее. А в магию, в колдовство, во все эти заклинания я не верю. Мы построим новый мир, Элис, где не будет предрассудков и страха. Нам откроется мир неведомых земель, мир приключений и риска, мир богатства и новых возможностей. Забудь про все эти ветхие обычаи и суеверия. Возьми меня за руку, и я поведу тебя к свету, а это все пусть останется в прошлом.

Она повернулась и прижалась щекой к его теплому щетинистому подбородку. Затем отодвинулась и потрогала его лицо, пальцы ее снова пробежались по морщинкам вокруг глаз, по глубокой борозде, пролегшей между бровями.

— Ты такой странный, — заметила Элис, — и все равно у меня чувство, будто я знаю тебя всю жизнь.

— У меня есть друг, лорд Стэнвик, так вот он уверяет, что я бабник! — воскликнул Хьюго и засмеялся. — На днях мы с ним выпили немного, и я сообщил по секрету, что люблю одну девушку, причем ради нее готов порвать со своей женой, забыть про отца и про свой долг. Он хохотал до слез и попросил обязательно с ней познакомиться. Он не верит, что на свете есть девушка, которая заставила меня забыть охоту, разврат и кутежи.

— А ты? — Элис улыбнулась. — Ты действительно — как это называется? — бабник? Или у

тебя серьезное чувство, надолго?

Хьюго прижал ее к себе еще крепче.

— Пока не помру, — просто ответил он. — Сердце мое принадлежит тебе, Элис. Я весь твой до самой смерти.

Она вздрогнула и прошептала:

— Не говори так. Не говори о смерти. Вот бы мы никогда не умерли. И эта ночь никогда бы не кончилась!

— Господи! — усмехнулся Хьюго. — Да ты сумасшедшая, Элис. Мы будем любить друг друга, пока молоды, а потом состаримся и умрем, отправимся на небеса, станем там двумя ангелочками и снова будем вместе. Обычное дело, нашла чего бояться. Ты что думала, за мои грешки я попаду в ад, что ли? Я был на исповеди! И теперь чист. А ты вообще не способна грешить, ты и не грешила никогда. У тебя все на лице написано, оно у тебя такое чистое и доброе. Нет уж, моя маленькая Элис.

Девушка смутилась. Ей захотелось рассказать про аббатство, про дым, про страх, охвативший ее в объятий пламенем тьме. Рассказать, как она бросила своих сестер, оставила их погибать в огне. Рассказать, что когда-то давно она любила одного человека и он тоже любил ее. Что на самом деле она не сирота, у нее была мать, матушка, которая взяла ее к себе, полюбила и выучила. А потом Элис предала матушку и отреклась от нее. Бросила умирать, когда та спала, и матушка сгинула живьем в жадных языках пламени.

— Что с тобой? — забеспокоился Хьюго.

— Все в порядке, — отозвалась Элис.

Она не стала откровенничать. Не хватило смелости.

— Давай отказывайся от своего колдовства, — предложил он. — От всех этих заклинаний и заговоров.

— Зачем ты просишь меня об этом? — упрекнула его Элис. — Ты ведь бережешь все то, что дает тебе силу, — оружие, здоровье. А моя сила — магия, больше у меня ничего нет. Она защищает меня, помогает чувствовать себя в безопасности.

Хьюго покачал головой.

— Да ничего она не помогает, только пугает, из-за нее тебе кажется, что все грехи мира собрались у твоего порога. У тебя есть травы и кристалл кварца, у тебя неплохо получается лекарское искусство, ты вылечила отца — вот и держись этого. Оставь себе лекарства и выбрось из головы заклинания, Элис. Ты забавляешься ими и не думаешь, что над тобой нависла серьезная угроза. Не потому, что они работают — все это глупость и чепуха, только темных крестьян пугать, — а потому, что дают врагам против тебя оружие. Забудь про магию и занимайся только лекарствами.

— Ну хорошо, — неохотно согласилась Элис. — Если эта сила мне больше не понадобится, я откажусь от нее. — Она вспомнила про восковые фигурки в кошельке, который засунула в спальный матрас, и добавила: — Я сама не знаю, действует это или нет. Я была уверена, что околдовала вас с Кэтрин, а теперь ты утверждаешь, что у вас всегда так было.

— Всегда так и было, — подтвердил Хьюго. — Никакое на свете заклинание не заставило бы меня проделывать с женщиной такое, если бы ей не нравилось, да и мне тоже.

— Хорошо, брошу это дело, — пообещала Элис. — Я бы и не начинала, да Божий суд подтолкнул. Я очень испугалась, и мне нужна была поддержка любой ценой, понимаешь?

Хьюго еще крепче прижал ее к себе.

— Ничего не бойся, — тихо произнес он. — Я люблю тебя, Элис, теперь тебя и пальцем никто не тронет. Отныне я твой защитник, а власти у меня хватает.

Он взял ее руку и повернул ладонью вверх. Словно скрепляя их чувства, он поцеловал самую середину ее ладони и сложил пальцы в кулачок. Затем она взяла его руку и проделала то же самое. И поцеловала кончики его пальцев, один за другим, словно хотела благословить. Долго еще они сидели перед камином, пока небо в узеньких бойницах не посветлело.

— Мне надо идти, — наконец сообщил Хьюго.

Элис повернулась для прощального поцелуя. Он осторожно обхватил ладонями ее лицо и поцеловал губы, а потом глаза.

— Иди спать, — промолвил он с несвойственной ему нежностью. — Усни, и пусть тебе снова приснится, как мы вместе день и ночь и никого нет между нами. Это время скоро настанет.

— Скоро, — эхом откликнулась Элис.

— Клянусь, — прошептал Хьюго.

— Я хочу стать твоей женой, — вдруг призналась она. — Мечтаю быть здесь хозяйкой, как и ты, полной хозяйкой. И родить тебе сына, как я предсказала в том сне.

Он усмехнулся и мягко ответил:

— Брак — это нечто совсем другое, любимая. Мы с тобой созданы друг для друга и должны быть вместе. Но женитьба — это серьезная сделка: земля, собственность, приданое. Не для таких, как мы, ведь мы любим друг друга. Мне нужно, чтобы ты свободно любила меня, по доброй воле была моею. Не брак, любимая, а долгие дни и ночи любви, ну и сын, конечно. Мой сын. А теперь отправляйся спать, и пусть тебе приснится наше будущее.

Он еще раз поцеловал ее и удалился. Она немного подождала, прислушиваясь к его шагам на лестнице, потом вернулась в спальню и осторожно закрыла за собой дверь.

В комнате она быстро осмотрелась. Дамы крепко спали и даже не пошевелились. Элис бесшумно пробралась к своему лежащему на полу матрасу, сунула в него руку и нащупала в соломе небольшой кошелек с тремя восковыми фигурками. Она достала его, накинула на плечи плащ и босиком прокралась из комнаты.

Каменные ступени под ногами были холодны как лед. Словно привидение, она вышла из замка и направилась к воротам, за которыми был подъемный мост, перекинутый через ров. Охрана спала, опасаться было нечего. Преодолев на цыпочках мост, Элис оказалась у рва. Ноги ее совсем окоченели.

Сунув руку в кошелек, она вынула первую попавшуюся фигурку. Это была кукла леди Кэтрин, карикатурно безобразная своей чудовищной сексуальностью и выпирающим животом. Дрожа от страха, девушка сжала куклу в руке и швырнула в ров.

Она думала, что фигурка сразу утонет, погрузится в зеленую воду и исчезнет с глаз долой. Ров никогда не осушали, никто не ловил в нем рыбу. Каждый день в него бросали всякие отходы и мусор. Элис полагала, что восковая фигурка отправится на дно, а за ней другая и третья и никто не найдет их. А если и найдет, то воск уже будет такой грязный и

бесформенный, что никто ничего не заподозрит, просто огарок свечи, выкинутый нерадивым, небережливым слугой.

Однако восковая куколка на секунду погрузилась в ледяную воду, после чего, к изумлению Элис, всплыла снова. И уставилась на нее маленькими глазками, насмешливо и угрожающе улыбаясь, как сама леди Кэтрин.

— Нет! — громко воскликнула Элис. — Давай тони, чего же ты не тонешь?

Ледяной ветер погнал по воде мелкую рябь. Восковая фигурка заплясала на волнах. Личико кукольной леди Кэтрин все улыбалось, словно ей было приятно, что Элис боится.

— Тони же, проклятая! — Девушка упала на колени и потянулась к танцующей на воде фигурке. — Тони же ты, тони!

Порывистый ветерок гнал куклу к берегу.

— Ну тони же, прошу тебя, — задыхаясь, бормотала Элис. — Давай иди на дно.

И вдруг она спохватилась и зашептала, словно пытаюсь объяснить свои намерения окружающей темноте:

— О господи. Я вовсе не этого хотела. Я пыталась избавиться от куклы, вот и все. Я совсем не хотела, чтобы госпожа утонула. Я просто хотела избавиться от куклы.

Ее охватила безумная тревога. А ветерок уже уносил фигурку прочь. Вдруг кто-то забарабанил во внешние ворота: это слуги вернулись в замок, чтобы пораньше начать работу, и требовали впустить их.

Одной рукой Элис задрала подол ночной рубашки и ступила в прозрачную ледяную воду. От холода у нее захватило дух. Она протянула руку к куколке. Но ту уже отнесло, и девушка никак не могла ее достать.

— Надо обязательно вытащить ее, — сказала она себе и, стиснув зубы, шагнула вперед.

Вода уже доходила до колен. Ноги свело, холод пронизывал до костей. Что-то отвратительно скользкое коснулось икр.

— Я должна достать ее, — подбадривала себя Элис.

Но фигурка отплывала все дальше. Ее маленькая восковая головка отвернулась от девушки, словно нарочно дразня ее.

— Ну иди же сюда, — уговаривала Элис.

Она крепче сжала зубы, которые стучали от холода; вода уже доставала до самых бедер.

А маленькая куколка все плясала на волнах, теперь ее лицо снова повернулось к Элис. Кэтрин улыбалась ей.

Девушка сделала еще шаг, и губы этой твари разъехались чуть не до ушей — еще немного, и она злобно расхохочется звонким тоненьким смехом. Маленькие ручки торчали из воды; она словно махала Элис. Оставалось уже меньше дюйма до ее восковых рученок. Элис продвинулась еще немного и вдруг наступила на что-то скользкое. Она слышала, как куколка захихикала, умолкла и снова захихикала. Неожиданно дно под ногами оборвалось и куда-то ушло. Проклятая кукла заманила ее на глубокое место. Элис с криком пошла вниз, вязкая ледяная вода накрыла ее с головой, хлынула в рот, и крик оборвался. Одной рукой она

все-таки успела схватить куклу, другой вцепилась в свой кошелек.

Плавать она не умела. Беспомощно барахтаясь, она скрылась под водой, а потом, испугавшись, выскочила наверх. Ее голова показалась на поверхности, она судорожно вдохнула воздух, но захлебнулась и снова пошла под воду.

Теперь против нее был ледяной холод. Зеленоватые воды рва тащили ее вниз, ноги онемели, она была ими по воде, но не чувствовала их. Живот свело судорогой. Однако и на этот раз Элис вынырнула, откашливаясь и отплевываясь. Она открыла рот, собираясь позвать на помощь, но в лицо плеснула волна.

— Нет! — крикнула она из последних сил.

Ей не хватало воздуха, в легкие набиралась вода. Ее тащило вниз, ко дну. Она захлебнулась, легкие уже наполнились водой. Но вдруг чьи-то сильные руки схватили ее за плечи, а потом под мышки.

— Держись, девка! — донесся откуда-то издалека мужской голос.

Полуживую Элис вытащили из воды на берег и принесли на мост; она задыхалась от кашля, ее немилосердно рвало.

— Ну-ну, девонька, ну же, — повторял ее спаситель.

Он закутал ее в свой плащ и стал энергично растирать, помогая одновременно высохнуть и согреться.

— Эй! — крикнул он, обернувшись в сторону караульного помещения. — Пустите нас к себе!

Затем поднял Элис на руки и внес в караульную комнату, дверь в которую открыл какой-то неряшливый парень с грязным лицом.

— Она хотела утопиться, — коротко сообщил ее спаситель. — Ну-ка, принеси горячей медовухи, да побыстрей. И простыню, надо укутать ее. И еще один плащ.

Парень сразу побежал исполнять поручение. Элис, укрытая мужским плащом, все никак не могла откашляться. Она пошарила под рубахой, нащупала кошелек и сунула в него опасную восковую куклу.

Мужчина все держал ее, из ее рта снова хлынула вода, которой она наглоталась. Сдерживаться не было никаких сил, и она помочилась, облив мокрую рубашку; моча была такой же холодной, как и все остальное. Спаситель крепко постучал ее по спине; захлебываясь, Элис сделала вдох и снова извергла из себя целую лужу воды.

— Опусть голову, — велел он.

Вода потекла уже и из носа, и к холодному лицу, словно водоросли, прилипли мокрые пряди волос. Мужчина безжалостно держал ее головой вниз, пока она не перестала давиться и откашливаться, потом поставил ее прямо, усадил в кресло и начал растирать руки.

Тут вернулся парень с дымящимся кувшином и развевающейся простыней.

— Молодец, — похвалил спаситель. — Подожди за дверью.

Он разорвал ночную рубашку Элис снизу до самого ворота и принялся энергично растирать ей тело теплой простыней. Ее кожа покрылась пупырышками, как у гуся, ступни и пальцы ног посинели от холода. От самого бедра до лодыжек было множеством крохотных порезов и

царапин, из которых сочилась кровь. Спаситель плотно завернул ее в свой теплый плащ, снова опустил в кресло и поднес к губам кружку с горячей медовухой. Элис чуть отхлебнула и отпрянула. Напиток обжигал губы. Но мужчина держал крепко и все-таки заставил выпить. Горячая медовуха побежала по горлу, как жидкое пламя.

— Послушай, я раньше тебя где-нибудь видел? — поинтересовался он.

Девушка прищурилась. Зубы ее стучали так громко, и дрожала она так сильно, что едва могла разглядеть его лицо.

— Отец Стефан, — узнала она священника. — Это я, Элис. Одна из дам леди Кэтрин. Секретарь лорда Хью.

— Еще медовухи, — приказал он и протянул ей кружку.

Элис насквозь продрогла, ее сильно трясло. Она взяла кружку обеими руками.

— Пей же, — настаивал он. — Это тебя согреет. По лицу видно, что тебе лучше.

— Спасибо вам, что спасли меня, — поблагодарила Элис.

Он нахмурился и осторожно спросил:

— Зачем ты это сделала? Это страшная смерть, отвратительная. Тебя уж точно ждал бы ад.

Она хотела пояснить, что все было не так, но вовремя спохватилась и ответила:

— Я очень боюсь. После того Божьего суда... Леди Кэтрин меня подозревает... Опасаюсь еще одного испытания... а потом будет еще. Она способна обвинить меня в чем угодно. Ночью я не могла уснуть, потом задремала, а когда проснулась, мне стало страшно. И я не знала, что делать.

Зубы ее стучали, словно опровергая эту явную ложь. Элис сомкнула их на краю кружки и отхлебнула еще медовухи.

Отец Стефан, казалось, очень расстроился.

— Дитя мое, я и понятия не имел, — промолвил он. — Это моя вина, я виноват в этом! Я не подозревал, что личная месть этой дамы пойдет так далеко. Я никогда бы не позволил проводить это испытание ради удовлетворения ее злобы. Это большой грех — использовать процедуру Божьего суда только из-за личной обиды. Я должен был догадаться. Довести тебя до такого отчаяния!

Он замолчал и быстро заходил по комнате. Элис запустила пальцы в мокрые волосы и выжала их. Она исподтишка наблюдала за священником, пытаясь догадаться, о чем он размышляет и насколько для нее опасен.

— Тебе надо исповедоваться, — решил он. — Исповедоваться и помолиться об отпущении твоего греха. Покушение на собственную жизнь — тяжкий грех. Смертный грех, Бог запрещает это делать. Ты должна бороться с отчаянием и страхом. Прости и ты меня. Я был слишком строг с тобой. Слишком горячо стремился уличить тебя. Это тоже грех, мой грех. — Он на минуту задумался и продолжил: — Это грех тщеславия. Я гордился своими достижениями в деле разоблачения ведьм, охоте за еретиками. Много людей предстало предо мной, лишь некоторые избежали правосудия. Мне надо быть бдительным и искоренять в себе гордыню.

— Я ни в чем не виновата! — горячо воскликнула Элис. — Я боялась, что леди Кэтрин

заставит меня пройти еще одну проверку. Что вы будете на ее стороне, не поверите мне и станете пытаться. И что какая-нибудь маленькая оплошность приведет меня к гибели.

— Я ошибался. — Священник вздохнул, пораженный ее признанием. — Я рад быть бичом грешников, но не таких невинных овечек, как ты. Прости меня. Ты никогда больше не предстанешь перед Божьим судом. Даю слово. Я буду тебе защитой от людской злобы. Ты доказала свою невинность, один раз во время испытания хлебом, а в другой раз в водах рва. Ведь если бы ты была ведьмой, разве ты утонула бы? А ты уже шла ко дну, когда я спас тебя.

Элис кивнула и плотней закуталась в плащ. Отец Стефан увидел это и налил еще кружку горячей медовухи.

— Пей, — велел он. — Потом отправляйся к себе и переоденься во все сухое. И ничего не бойся, никакого нового испытания тебе не грозит. Я не стану подвергать тебя Божьему суду, и, пока я рядом, никто другой не станет это делать. Теперь ты под моим покровительством. Ты тонула как истинная христианка, так что никакая ты не ведьма.

Девушка снова кивнула, кажется, она успокоилась и была удовлетворена.

— А леди Кэтрин, она уже проснулась? — осведомился отец Стефан. — Наверное, станет изводить вопросами, куда ты делась?

— Возможно, — согласилась Элис, быстро взглянув на узкое окно караульной комнаты, за которым стояло серенькое зимнее утро. — Леди Кэтрин никому не доверяет. У меня больше свободы, чем у остальных, ведь я служу его светлости. Но она за всеми следит, она всех нас боится.

— Ей есть чего бояться, бедняжке, — заметил отец Стефан. — Хьюго не всегда хорошо с ней обращается, лорд Хью устал от ее жалоб. Он просил меня обсудить с епископом, какими способами можно аннулировать их брак.

Эта новость заставила Элис наострить уши.

— Как считаете, епископ решит эту проблему?

Священник огляделся по сторонам: не подслушивает ли кто, и ответил:

— Конечно нет. Верховный глава нашей церкви — король. Все матримониальные дела рассматриваются церковным судом, а потом идут к нему. Но молодой лорд и Кэтрин находятся в близком родстве, они двоюродные брат и сестра, их дедушки и бабушки тоже были близкие родственники. Осмелюсь предположить, что правомерность этого брака будет оспорена, его могут объявить недействительным.

Девушка тихонько вздохнула.

— А с вашей рекомендацией, внял бы епископ вашему совету?

— У меня, конечно, есть некоторое влияние на его преосвященство. — Отец Стефан самодовольно улыбнулся. — Но я пока сам не знаю, что посоветовать. Мне следует молиться и много думать, Элис. Мы с Хьюго друзья, но в этом деле я прежде всего служитель Бога и должен слушать только Его голос.

— На вас большая ответственность, отец Стефан, — сочувственно промолвила Элис; она подняла на него личико, темные глаза ее светились простодушием. — Было бы так чудесно, если бы вы разведали молодого лорда! Без леди Кэтрин в замке сразу стало бы светлее. И она избавилась бы от страданий, которые сейчас переносит.

— Брак — это таинство, — напомнил отец Стефан. — Он длится до тех пор, пока сам Господь не положит ему конец — если, конечно, с самого начала имеет законную силу. Ни в коем случае нельзя потакать капризам мужчины или женщины.

— Но вам неизвестно, какому ужасу подвергается миледи, — возразила Элис. — Она позволяет делать с собой чудовищные вещи. Она так глубоко погрязла в грехе, что сама радуется как животное, даже гордится этим.

Судя по всему, священник был потрясен.

— Это надо прекратить любыми средствами! Это же смертный грех! — Он посмотрел на Элис и переменял тему. — Эй-эй, да ты вся дрожишь. Немедленно иди к себе и переоденься в сухое.

Она встала и направилась к двери.

— Элис, — нерешительно позвал он.

Девушка обернулась.

— Поклянись, что ты больше и помышлять не станешь о самоубийстве, — попросил священник. — Это ужасный грех, самый отвратительный из всех. Он приведет тебя к осуждению на вечные адские муки. Вечные, Элис. Подумай об этом.

Она склонила голову; ее посиневшие от холода пальцы сжимали промокший кошелек с магическими куклами.

— Я уже думаю об этом, отец мой, — невнятно пробормотала она.

Затем повернулась и вышла из комнаты.

ГЛАВА 12

В теплой комнате дамы еще крепко спали. Элис сбросила плащ, голышом забралась в кровать и отбросила с лица липкие волосы. Мокрый кошелек с восковыми фигурками она сунула под подушку. Она скоро уснула; ей приснилось, что она хозяйка замка, у нее собственные фрейлины, которые обращаются к ней «леди Элис», а по ночам рядом лежит Хьюго, согревая ее горячим телом. Она перевернулась на другой бок и прошептала его имя. Когда Элиза грубо потрясла ее за плечо, Элис пробудилась и улыбнулась — радость, которую она испытала во сне, еще не прошла. «Он любит меня, — пронеслось в голове у Элис. — Он любит меня и обещал, что мы будем вместе».

— Тебя требует миледи, — сурово сообщила Элиза. — Она не может до тебя докричаться, жалуется, что ты вечно опаздываешь. Лучше поторопись.

Чувство ленивого довольства как ветром сдуло. Элис выскочила из постели, быстро натянула темно-синее платье, убрала волосы под темно-синий головной убор и поспешила в спальню леди Кэтрин.

— Миледи? — обратилась она к госпоже, открыв дверь. Кэтрин сидела в кровати, ее ночная рубашка из тонкого полотна была спереди настолько изорвана, что осталось только выбросить ее, постельное белье было скомкано и измято.

— Элис. — Кэтрин обнажила в улыбке желтые зубы. — Мне нужны твои навыки.

— Да, миледи, конечно, — ровным голосом произнесла Элис. — Что я могу для вас сделать?

— Мне кажется, я беременна, — пояснила Кэтрин. — Ничего удивительного, я полагаю!

Лицо ее так и светилось, глаза сияли. Элис молча кивнула.

— Последние несколько недель милорд просто ненасытный какой-то, — добавила Кэтрин, облизнувшись, как гурман, перед которым стоит деликатес. — Никак не может оставить меня в покое. Вот и сделал ребенка.

— Очень приятно слышать, — едва шевеля губами, отозвалась Элис.

— Неужели? — В голосе леди Кэтрин звучала ирония. — Ты в самом деле рада? Ты удивляешь меня, Элис. Ты ведь надеялась на внимание со стороны лорда Хьюго. Но он замечал только меня и никого больше.

— Он проводил с вами много времени, миледи, — согласилась Элис; она уже начинала злиться, кровь бросилась в голову и стучала в висках. — Всем дамам прекрасно известно, что милорд часто посещал вас. И мы рады вашему счастью.

Громкий смех леди Кэтрин раскатился по комнате.

— Не сомневаюсь, — противно проскрипела она. — Впрочем, неужели и ты, Элис? Ты отказалась от надежд, что Хьюго когда-нибудь посмотрит в твою сторону?

— Отказалась, — легко солгала Элис. — Я здесь на службе у лорда Хью в качестве его секретаря, а также знахарки. Если он перестанет нуждаться в моих услугах, я вернусь домой. Для его сына, а также для вас, госпожа, я всего лишь служанка. И ничего больше.

— Да, — удовлетворенно ответила леди Кэтрин, выразительно глядя на Элис. — Для моего супруга ты всего лишь служанка. Он может использовать тебя как угодно или не обращать внимания. Ему без разницы.

Элис молча сделала реверанс.

— Если хочет, пусть переспит с тобой, — продолжала миледи. — Сейчас это не имеет значения. Я ревновала его, боялась, что ты отберешь его. Но теперь у меня будет от него ребенок, и лишить меня мужа не сможет никто. Пусть спит с тобой, если ему нравится, получит удовольствие и сразу забудет. Но я добилась его, Элис. Теперь он мой. Я мать его ребенка. А для его светлости и для Хьюго ты всего лишь забава. Тебе все ясно?

Продолжая упорно смотреть в пол, Элис кивнула. Она не могла говорить, ей так хотелось, чтобы все услышанное было неправдой, чтобы леди Кэтрин оказалась бесплодной и таковой осталась навсегда. Элис понимала: когда у Хьюго появится законный наследник, Кэтрин одержит над ней верх и все обещания, которые Хьюго тихим голосом давал ей прошлой ночью, ничего не будут стоить. В ушах звучал насмешливый голос Моры, советующий опасаться желаний, которые сбываются, колдовства, которое продолжает действовать уже против твоей воли, и кукол, которые неправильно понимают приказы и сами хорошо плетут свои маленькие заклинания.

— Ты мне понадобишься, — сообщила леди Кэтрин уже другим тоном. — Моя мать умерла, как тебе известно, и у меня нет подруг, с которыми можно обсудить беременность. В прошлом году скончалась моя старая кормилица, и теперь во всем замке нет никого, кто бы подсказал мне, как теперь заботиться о своем здоровье и здоровье малыша. Лорд Хью считает тебя искусной травницей, уверяет, что лучшей знахарки не знает. Я рассчитываю, что

ты будешь следить за моим здоровьем и давать добрые советы. Я мечтаю о сыне. И ты позаботишься о том, чтобы все прошло гладко.

Элис шагнула ближе к высокой кровати.

— Миледи, вам необходим настоящий врач и повивальная бабка. У меня есть некоторый опыт в повивальном деле, но для вашего здоровья и для здоровья наследника вам нужен врач.

— Будет врач, всему свое время, — надменно заявила Кэтрин. — Но пока я хочу пользоваться твоими рекомендациями и твоим постоянным уходом. Полагаю, ты принимала роды? Умеешь это делать?

Девушка упрямо помотала головой.

— Мне только шестнадцать лет, — напомнила она. — Милорд Хью достаточно добр, он доверился моим травам, но ведь он выгнал всех врачей и больше их не увидит. Ему приятней пользоваться моими услугами. Однако вы, миледи, не ссорились с опытными знахарками и повитухами, живущими в окрестностях замка. Вам стоит пообщаться с ними.

Она умолчала о том, что скорей умрет, чем станет ухаживать за Кэтрин. Неприязнь между ними была так же осязаема, как и развалившееся на кровати, полуодетое тело миледи.

— А что ты думаешь об этой старухе из Боуэса? — поинтересовалась Кэтрин. — Она будет хорошо обо мне заботиться?

Ей доставляло огромное удовольствие видеть бледное, напряженное лицо Элис и слышать, как та заикается, подыскивая оправдания. И Элис попалась на этот крючок.

— Моя тетушка Мора? — уточнила она. — О да, конечно. Она очень умелая знахарка. Она приняла много детей. Позовите ее, она осмотрит вас, ну и будет следить за вами. Она прекрасная повитуха.

Кэтрин удовлетворенно кивнула.

— Ну, тогда вы обе станете служить мне, — заключила она с легкомысленным торжеством. — Я пошлю солдат, пусть немедленно доставят Мору. Она поселится здесь и будет следить за моим здоровьем. Вы обе будете прислуживать мне, заботиться обо мне днем и ночью, Элис. А сейчас осмотри меня. Мне не терпится выяснить, правда ли я беременна. И если да, мальчик это или девочка.

Сделав реверанс, скрывая страх и раздражение, Элис отправилась за своим узелком в дамскую спальню. Только она переступила через порог, на нее набросилась Элиза.

— Зачем ты понадобилась ей? Как она сегодня, сильно злая? Разве Хьюго не провел с ней всю ночь?

— Не знаю, — пожала плечами Элис. — Сейчас его там нет. Сидит одна, очень довольная. Думает, что беременна. А я должна это подтвердить.

Все разразились восклицаниями, а Элиза округлила глаза.

— Наконец-то, — выдохнула она. — Хьюго в конце концов исполнил свой долг.

— Да, — сухо промолвила Элис. — Слава богу. Но какими ужасными средствами!

— Неужели это правда? — спросила Элиза. — У нее и прежде были ложные признаки. Если

злость препятствует зачатию, то это как раз ее случай.

— Сомневаюсь, что правда, — заметила Элис. — У нее полно причин соврать. Скоро будет известно. И если она обманывает, я непременно сообщу старому лорду. Сразу же сообщу.

— Тише, — тотчас прошептала Рут. — Иди же, Элис, она ждет тебя. Хочешь, я составлю тебе компанию?

— Да, — согласилась Элис. — Она придирается ко мне, надеется довести до слез. Идем, Рут, может, она при тебе придержит язык.

— Что ты собираешься делать? — любопытствовала Рут, увидев, что знахарка достает из своего узелка молитвенник и кристалл кварца.

— Попробую этой штукой определить, есть ли у нее ребенок, — пояснила Элис. — Ну что ты на меня так смотришь? Это просто.

И они отправились в спальню госпожи. Элис вошла первой. Леди Кэтрин любовалась своим отражением в потертом серебряном зеркальце.

— Что это у меня на шее, видишь, какое-то пятнышко? — обратилась она к Элис.

Та наклонилась поближе, разглядела и спокойно произнесла:

— Это синяк, миледи.

Она ясно видела отпечаток зубов. Это он оставил засос, Хьюго, это его работа. Кэтрин с наслаждением вздохнула.

— Как он там оказался? — Она с невинным видом подняла брови. — А что за синяк, какой он, Элис?

— Укус, — коротко ответила девушка.

— О-о-о, — откликнулась Кэтрин. — А я и забыла. Это все Хьюго. Он такой пылкий, кусается, целует засос, право, иногда кажется, что проглотит. У нас будет не сын, а лев! Ведь Хьюго и берет меня ну прямо как лев!

Элис холодно кивнула, но щеки ее пылали. От Кэтрин не укрылись эти явные знаки ревности. От ее зорких глаз ничто не могло ускользнуть.

— А ты все еще девушка, Элис? — осведомилась она. — Смотри, я могу ускорить сватовство, помнишь, мы это обсуждали? Молодой офицер все еще не прочь на тебе жениться. Мне неприятно думать, что ты состаришься, высохнешь, но так и не познаешь любви. Это чудесно, когда мужчина буквально сходит по тебе с ума. Когда Хьюго ложится ко мне в постель, я чувствую себя настоящей королевой. А когда он обнимает меня и все тело покрывает поцелуями! Передать невозможно, Элис, какие это ощущения! Такое сильное удовольствие, что кажется даже нечистым, как смертный грех...

В сердце Элис поднялась волна злости — словно тошнота подступила к горлу.

— Вы счастливы в любви, миледи, — поддержала она беседу. — А теперь скажите, когда в последний раз у вас были женские дни?

Леди Кэтрин нахмурилась — она не любила, когда ее перебивают.

— Пять... нет, шесть недель назад.

— У вас бывает тошнота?

Миледи отрицательно помотала головой.

— А груди набухли, стали более чувствительными?

Элис заставляла себя спокойно выслушивать, как Хьюго занимается любовью со своей женой, но щеки ее пылали жаром. «Жирная свинья», — думала она.

— Ну конечно, они чувствительны! — радостно воскликнула Кэтрин.

Она распахнула рубашку. На больших грудях с обеих сторон коричневых сосков стояли отметины в виде тоненьких красных полосок, словно цепочки маленьких, налитых кровью пузырьков. Рут так и разинула рот.

— Вам больно, миледи? — вырвалось у нее.

Наслаждаясь воспоминанием, госпожа закрыла глаза.

— О, это Хьюго делал мне больно. Еще он связывал меня по рукам и ногам, а потом пристраивался сзади. — Глаза Кэтрин распахнулись, потемнели и замутились, в них снова проснулось желание. — А ты, Элис, разве не хочешь, чтобы он и с тобой проделал такое? Разве тебе не понравится, если он покроет тебя? Залезет на тебя, как необузданный жеребец на кобылу?

Девушка откашлялась. Во рту у нее вдруг пересохло.

— Нет, миледи. Испытание, которому вы подвергли меня, прояснило мне голову и исправило нрав. Я больше не ищу милостей вашего супруга. Отныне вкусы мои лежат совсем в другой области. Боль никогда не доставила бы мне удовольствия. — Элис секунду помолчала. — А теперь, миледи, я должна положить руку вам на живот: мне надо увидеть, есть ребенок или нет. Это все равно что поиски подземных вод с помощью лозы, это умеют делать многие. Вам нечего бояться.

Леди Кэтрин, хотя ее и раздражала холодность знахарки, послушно кивнула и заявила:

— Я ничего не боюсь. Кроме Хьюго, никто не может причинить мне боль.

Достав молитвенник, Элис пробормотала несколько бессмысленных латинских фраз. Она не осмелилась благословлять эту работу молитвой, как делала прежде. Воспоминание о хрупкой облатке причастия, которую она стерла в порошок и сожгла, было еще ярким. Ей не хватало смелости призывать теперь имя Господа или Его Матери. Она поводила молитвенником из стороны в сторону и что-то прошептала, опасаясь обвинений в том, что начала работать без благословения Божьего.

Ледяными маленькими ладошками она ощупала круглый живот госпожи, со злобным удовлетворением отметив, как дряблое тело колыхнется от ее прикосновений.

— Леди Кэтрин беременна? — спросила Элис у кристалла.

Кварц на тесьме сделал ленивый полуоборот по часовой стрелке. Она закусил губу и почувствовала во рту вкус крови, теплой и соленой, как слезы. Камень ответил положительно, Кэтрин была беременна.

— Ну что? Ну что? Что это значит? — поторопила миледи.

— Кажется, у вас будет ребенок, — медленно проговорила Элис.

Ей от всей души хотелось обратного. Но теперь ничто не могло помешать появлению малыша. Теперь он будет расти и развиваться в жирной утробе миледи. И никакая сила не заставит его исчезнуть.

— Узнай теперь, сын ли это, — потребовала Кэтрин.

— Ребенок мужского пола? — задала вопрос Элис.

Кристалл снова качнулся. Миледи издала короткий радостный вопль; она чуть не выпрыгивала из кровати.

— Что это значит? Да? Да?

Элис кивнула.

— Беги за молодым лордом! — велела миледи, повернувшись к Рут, потом обратилась к Элис: — А ты оставайся здесь. Ты можешь понадобиться.

Убрав кристалл и молитвенник в свой узелок, Элис подошла к окну. Из пустоши дул сильный ветер, над землей змеилась поземка. Снег заносил цветочные клумбы и грядки с лекарственными травами, снежинки в танце опускались на замерзшую землю. Она подумала, что хижина Моры, должно быть, уже вся белая и перед дверью лежит огромный сугроб. Если снегопад продлится долго, солдаты не смогут попасть внутрь. Элис безумно захотелось очутиться там, в пустоши, где царят холод и одиночество. Да где угодно, только не здесь, не в этой душной комнатке, рядом с мерзкой, испорченной женщиной, которой она должна повиноваться на глазах у любимого человека.

Хьюго ворвался без стука. Кэтрин даже не успела одернуть одежду. Рубашка задрана, живот обнажен, груди свесились в разные стороны, простыня из тонкого полотна лишь наполовину прикрывает пышные волосы на лобке. Миледи смотрела на мужа такими глазами, будто ждала, что он тут же бросится на нее и станет яростно долбить, не обращая внимания ни на Элис, ни на Рут.

— Ты звала меня, Кэтрин? — отрывисто спросил Хьюго.

В сторону Элис он даже не взглянул.

— У меня есть для тебя одна новость, — промолвила миледи. — Подойди ко мне и сядь.

Она похлопала ладонью по постели, однако Хьюго не пошевелился.

— Пардон, мадам, но я не могу задерживаться ни на минуту, — пояснил он. — Я отправляюсь на охоту, меня ждут. Если я задержусь, лошади замерзнут. На улице сильный ветер.

— Тогда останься дома, — проворковала леди Кэтрин, соблазнительно улыбаясь. — Я найду для тебя забаву и здесь.

Она сдвинулась в глубь кровати. При виде мужа ее соски вызывающе затвердели. Элис, неожиданно для самой себя, уставилась на них не моргая.

— Подожди до ночи, дорогая, — ответил Хьюго. — Я обещал отцу добыть на обед оленины.

— Ну, тогда не стану тебя задерживать, поделюсь новостью. У меня для тебя очень хорошая новость, Хьюго. Я жду ребенка, и Элис считает, что это мальчик.

Повисла глухая тишина. В сторону Элис Хьюго по-прежнему не смотрел.

— Это лучшая новость из всех возможных, — спокойно произнес он, превосходно владея

собой. — Поздравляю вас, сударыня. Надеюсь, у нас родится здоровый сын. А сейчас мне пора.

— Куда ты отправляешься? — поинтересовалась леди Кэтрин.

— В пустошь в окрестностях Боуэса, — бросил он уже с порога.

— О, тогда подожди еще минутку! — воскликнула миледи, словно новая мысль пришла ей в голову. — Подожди, пожалуйста. Нужно заехать к родственнице Элис и приказать ей явиться в замок. И прошу, пошли с ней одного из своих людей. Мне нужна ее опытность, а Элис — ее советы. Верно, Элис?

— Мора гораздо опытней и искусней меня в повивальных делах, — согласилась Элис, не поднимая глаз от пола. — Но до родов она не понадобится вам, миледи, а это будет еще в октябре. Тогда и нужно ее пригласить.

— Милорд не захочет, чтобы я рисковала своим здоровьем, — решительно заявила леди Кэтрин.

— Как пожелаешь, дорогая, — отозвался Хьюго. — Я готов доставить ее хоть сегодня. Но возможно, она сама пока не готова служить тебе.

Бледные глазки леди Кэтрин удивленно расширились.

— Доставьте ее сегодня же, милорд, — распорядилась она. — Если мы все считаем, что она нужна здесь, то чего тянуть?

— Хорошо, миледи.

Хьюго поклонился и снова направился к двери.

— Вы не поздоровались с Элис, милорд, — вкрадчиво промолвила леди Кэтрин. — Она теперь просто незаменима. Ты должен обращаться с ней обходительно, Хьюго. Чего бы она ни выделявала в прошлом, теперь она моя любимая фрейлина.

Лорд нехотя обернулся. Элис встретила его непроницаемым взглядом.

— Да, конечно. Простите меня. — Он равнодушно кивнул; морщины между бровями и в уголках рта выступили еще более резко. — Добрый день, Элис.

— Добрый день, лорд Хьюго, — ответила знахарка.

На нее повеяло ледяным холодом, словно она опять с головой окунулась в воду замкового рва. Теперь и речи не шло о том, чтобы занять место госпожи. Не будет ни аннулирования брака, ни ночей любви в большой, освещенной множеством свечей спальне. Никогда Хьюго не уснет рядом с ней, удобно устроившись на постели. Кэтрин одержала победу. И помогла ей в этом сама Элис, ее колдовство.

Скользнув по ее лицу хмурым взглядом, Хьюго круто развернулся и удалился, пока супруга не придумала новый предлог его задержать.

— Элис, подай мое платье, светло-розовое, — удовлетворенно велела Кэтрин. — Он обожает этот цвет. И прикажи там кому-нибудь, пусть принесут горячую воду и теплые простыни. Я приму ванну. Он без ума, когда от меня приятно пахнет.

Смирненно присев в реверансе, знахарка послушно отправилась исполнять ее волю.

Элис удивилась, неожиданно осознав, что ей самой до смерти хочется повидать Мору. Девушка ждала у внешних ворот, когда слуга доставит старуху из Боузса. День был холодный и пасмурный, небо плотно обложили серые снеговые тучи, они плыли так низко, что казалось, задевают брюхом мрачные крыши замка. Над рвом стелился густой туман, ветер гнал над землей белую поземку, весь остальной мир утонул во мраке. Элис плотней закуталась в плащ и сунула замерзшие руки в рукава. Сначала она услышала звук, затем увидела повозку. До нее долетал стук копыт, звонкий по булыжной мостовой, потом гулкий по подъемному мосту. Элис вышла из-под арки как раз в тот момент, когда слуга натянул поводья, остановил лошадь и сгрузил на землю Мору с ее котомкой. У него было такое лицо, будто он несказанно рад, что наконец избавился от своей попутчицы.

— Приехали, бабка! — крикнул он. — И хватит на меня плеваться! А, вот и Элис тебя встречает, она покажет, где ты будешь жить. Поблагодари ее, что тебя приволокли сюда из твоей дымной развалюхи.

— Здравствуй, Мора, — подала голос Элис. Старуха отряхнулась и потуже затянула платок на согбленных плечах. Потом критически оглядела девушку и сразу уловила напряженность на ее бледном лице.

— Значит, прижало? — догадалась она. Это был скорее не вопрос, а утверждение.

— Мне очень жаль, если тебя привезли сюда против воли, — заметила Элис. — Госпоже взбрело в голову, она и распорядилась. Я тут ни при чем.

— Беременна, так, что ли? — уточнила Мора.

Элис молча кивнула.

— Куклы помогли, верно?

Девушка подвела Мору поближе к стене, приложила губы к ее уху и прошептала:

— Не знаю. Тут разве поймешь? Хьюго уверяет, что сам захотел переспать с ней, но прежде такого с ними не было, до того, как я совершила заклятие. И еще... — Она осеклась, но взяла себя в руки и продолжила: — Они делают это как-то противоестественно.

— Противоестественно? — Мора резко рассмеялась. — С чего ты взяла, детка? На что намекаешь? Он влезает на нее, как кобель на сучку? Бьет ее? Трубит в охотничий рог, когда кончает?

— Да нет, не это, — отмахнулась Элис. — Все остальное. Например, привязывает ее к себе жгутом из ее разорванной рубашки и спаривается. Это неспроста, верно? Я ведь тоже стянула фигурки ленточкой.

— Может быть. — Старуха равнодушно пожала плечами. — А может, ему самому так нравится. Пойдем в замок, детка, я замерзла.

Кивнув стражнику, Элис взяла Мору за руку, подхватила ее небольшую котомку и повела по внешнему двору, по подъемному мосту, перекинутому через ров, окутанный густым туманом, по промокшему парку во внутреннем дворе. Оказавшись в замке, они, не останавливаясь, пересекли большой зал, хотя Мора упиралась и оглядывалась по сторонам.

— Объясни хоть, что за люди здесь живут, — настаивала она. — Это зал лорда Хью? Я уже была здесь, когда выступала свидетельницей в деле о краже, в которой обвинялся Фармер Рули. Его светлость сидел за столом в большом резном кресле.

— Раз в три месяца он устраивает здесь заседание суда, — сдержанно сообщила Элис. — А

еще он здесь обедает и ужинает.

Она втащила Мору вверх по ступенькам на помост и отдернула на стене декоративную гардину.

— Через эту дверь мы сюда заходим, — пояснила она. — А если являемся рано, в этом коридоре ждем лордов и миледи. Иногда они здесь тоже стоят и беседуют. — Элис кивнула на один из дверных проемов. — Эта дверь ведет в круглую башню лорда Хью, там его покои, помещение для стражи и комната молодого лорда.

Мора внимательно оглядывала коридор. Девушка потянула ее налево.

— А это лестница в дамскую галерею, расположенную прямо над большим залом. Там дамы проводят все свое время. В круглую башню им запрещено заходить, разве что по приказу одного из лордов.

Следуя за Элис вверх по ступеням, Мора изучала гобелены, висящие по обеим сторонам.

— У меня теперь новая комната, ты поселишься со мной, — продолжала Элис. — Но все равно придется торчать в дамской галерее. Леди Кэтрин спит справа, остальные — в комнате напротив, а у нас с тобой будет комнатка рядом. Раньше там хранили старую мебель и всякий хлам. Я попросила свой уголок, где можно будет готовить травяные настои и другие лекарства. Я бы предпочла, чтобы нас поместили в круглой башне со старым лордом. Но леди Кэтрин глаз с меня не спускает.

Поднимаясь по лестнице, Мора совсем запыхалась.

— Из-за молодого лорда? — тяжело дыша, уточнила она.

— Миледи очень ревновала, — вдруг разволновавшись, призналась Элис. — Устроила для меня испытание — Божий суд. Она пыталась избавиться от меня, Мора. Хьюго проболтался, что любит меня. А прошлой ночью мы с ним были вдвоем, и он пообещал... он пообещал... — Элис огорченно замолчала, ее лицо застыло. — Но теперь это не имеет значения. Неважно, что он обещал, неважно, какие мы строили планы. Я мечтала стать его женой и хозяйкой замка. Но из этого, судя по всему, ничего не выйдет. У миледи будет ребенок. Ее положение теперь упрочилось.

Мора кивнула. Элис провела ее в дамскую галерею и в правом углу открыла дверь.

— Покои леди Кэтрин напротив. — Девушка махнула рукой в ту сторону. — Они выходят на внутренний двор замка, там теплей. Остальные дамы ночуют рядом, в соседней комнате, их окна, и наши тоже, смотрят на реку.

Переступив порог, старуха огляделась.

— Кровать, — удовлетворенно отметила она. — Никогда не спала на кровати.

— Кровать на двоих, — пояснила Элис. — Мы будем спать вместе.

— И хороший камин, да еще и шкаф, есть куда вещи положить, — радовалась Мора, мгновенно оценив достоинства комнаты. — Зеркало и буфет. Послушай, Элис, а здесь зимой удобней, чем в моей хибаре.

— И опасней, — предостерегающе произнесла Элис. — Божий суд — это тебе не шуточки.

Подняв на нее глаза, сверкающие каким-то неприятным блеском, Мора заявила:

— Да, неплохо научилась ты врать, вон куда пробились.

— И немало за это заплатила, — очень тихо отозвалась Элис.

В ее памяти все еще хранилась неповрежденная освященная облатка, которую она сжевала, проглотила, а потом изрыгнула в печь целехонькой, без единого пятнышка.

— Милость Божья на меня не распространяется, — добавила она. — С тех пор, как я отдала приказания восковым куклам.

— А что еще остается делать? — оживленно подхватила Мора. — Если один сеньор не желает тебя защищать, надо поискать другого. Как иначе ты могла выжить? Если на тебя не распространяется милость твоего Бога, хочешь не хочешь приходится прибегать к колдовству. Это как в метель выходить из дому в одной рубашке. Нужно же хоть чем-нибудь прикрыть голое тело.

— Хьюго обещал мне свою защиту, — сказала Элис. — Прошлой ночью он клялся мне в любви, говорил, что бросит Кэтрин и, если понадобится, даже замок, лишь бы быть со мной. Все как нагадали твои кости, Мора, все так, как мне приснилось. Он уверял, что ради меня прогонит Кэтрин. А я пообещала, что брошу колдовство, потому что мы и без магии будем в безопасности.

Грязной ладонью Мора шлепнула себе по заду и насмешливо воскликнула:

— Знаем мы эти обещания! Теперь-то Хьюго известно, что его жена беременна.

— Да, — кивнула Элис; ее голос звучал подавленно.

— С тех пор ты с ним общалась? — весело спросила Мора.

— Нет, — ответила Элис. — Да и где? Мы ни разу не оставались наедине.

— Может, он подал тебе какой-нибудь знак? Подмигнул? Или поймал тебя на лестнице и шепнул: «Ничего не бойся, любовь моя»?

— Он уехал на охоту, — сообщила Элис.

— Тогда, может, прислал записку, что, мол, пусть эта богачка Кэтрин носит его ребенка и наследника, а он все равно любит тебя и его слова остаются в силе? Что он разведется и женится на тебе?

Элис молча покачала головой, и Мора рассмеялась скрипучим голосом.

— Ну, тогда остается молиться, чтобы ребенок родился мертвым, — медоточиво проворковала она. — Или идиотом, или больным, или хилой девчонкой... и чтоб чрево ее никогда больше не могло носить детей. Что думаешь, Элис? Может, чего посильней, чем молитва? Небольшое такое заклинание — и у леди Кэтрин случится выкидыш. Может, травки подсыпать ей в тарелку? Яду на простыни? Тогда ее кожа распухнет и покроется волдырями и ребенок заразится во время родов.

— Тише, — оборвала ее Элис, взглянув на толстую дверь. — Даже не заикайся об этом, Мора. Выбрось из головы. Я уже почти обрела свою силу. Я стояла внутри пентакля и чувствовала, как сила струится от ступней к кончикам пальцев.

— Ну вот, ты и пришла к этому, — удовлетворенно вздохнула Мора и улыбнулась. — Наконец-то.

— Только я не рада, — страстно произнесла Элис. — Я ощущала эту силу, мне было очень приятно, мне понравилось. Теперь я знаю, что ты имеешь в виду, Мора, это было как самое крепкое вино. Но это не мой путь. Я буду надеяться на Хьюго, на то, что он сдержит обещание. И я сдержу обещание и никогда больше не прибегну к колдовству. Мне бы избавиться от этой силы. Я покончила с магией, как покончила с мечтой о монастыре. Теперь мне хочется быть просто женщиной, любящей и любимой, обыкновенной. Хочу спать с мужчиной и получать такое же наслаждение, какое получает леди Кэтрин. Я хочу такой жизни и таких удовольствий. Твои удовольствия мне не нужны. И даже те, о которых говорила матушка Хильдебранда. Моя судьба иная. Я нашла человека, который любит меня, и теперь вдруг поняла, что мне ничего больше не надо, только бы быть с ним.

Мора усмехнулась как бы про себя, будто все откровения Элис — совершенные пустяки.

— Я буду верна Хьюго, — продолжала девушка. — Как ни тяжело мне придется в следующие несколько месяцев. Даже если он засомневается, я останусь верной ему. Мы дали друг другу слово, я призналась ему в любви.

Старуха пожала плечами, словно подводя черту под этой темой.

— Может быть, — безразличным тоном обронила она. — А что с восковыми фигурками? Они целы?

— Надо избавиться от них. Прошлой ночью я швырнула одну из них в ров с водой, но она всплыла, — пожаловалась Элис. — Пришлось лезть в воду и доставать ее. Из-за нее я чуть не погибла. Это была кукла леди Кэтрин, она как будто тащила меня за собой! Я чувствовала, что она намерена меня утопить. Я слышала ее смех, когда стала тонуть. Я слышала, как она хихикает, Мора! Надо избавиться от этих кукол. Забери их обратно.

Старуха подвинула табуретку к камину и уставилась на огонь. Когда она подняла голову, ее лицо, казалось, пожелтело.

— Они твои, — промолвила она. — Твои свечи, твои куклы, ты дала им жизнь, приказывала, они слушались тебя. Они не должны быть у меня. Я не возьму их. Я уже не имею к ним отношения. И я несколько не удивляюсь, что они пытались утопить тебя. На них падает какая-то тень, но вот что это, мне не разглядеть. Напоминает воду.

— И много воды? — уточнила Элис.

Она смотрела на огонь, как и Мора, но видела там только квадратные брикеты торфа и красные угли.

— На легкие хватит, — мрачно изрекла Мора. — А уж на твои тем более, еще и останется. В общем, эти куклы принадлежат тебе.

— Можно, я их закопаю? — спросила Элис.

— Да, конечно, — ответила Мора. — Но тень, которую я вижу, — не земля, а вода.

— А если бросить их в камин? Они расплавятся и сгорят.

Склонив голову набок, Мора все глядела на огонь.

— Рискованно, — возразила она.

— Что же тогда с ними делать? — раздраженно воскликнула Элис.

— Раньше надо было думать. — Мора недобро рассмеялась, после чего сменила гнев на

милость. — Ну ладно. Когда погода наладится, пойдем с тобой в пустошь и закинем их куда-нибудь в пещеру или в яму. Если тень — это вода, тогда они захлебнутся и утонут. Возможно, нам удастся прочитать заклинание и отнять у них силу. Где они у тебя?

— Здесь, со мной, — отозвалась Элис. — В кошельке на поясе. У меня не было своей комнаты, и я боялась, что их найдут.

— Это небезопасно, — решительно заявила Мора, покачав головой. — Ни в коем случае нельзя носить их при себе. Они не должны слышать твой голос и твои самые дурные мысли. Неужели нет другого места?

— Мне негде побыть одной, — нетерпеливо пояснила Элис. — Каждый день с утра и до вечера, и даже ночью, со мной кто-нибудь рядом. Даже когда я собираю на грядках лекарственные травы, всегда поблизости кто-то вертится: слуга, садовник или поваренок.

— Спрячь их где-нибудь, где противно и грязно, — посоветовала Мора. — На помойке, рядом с мусорной кучей или под дыркой в сортире. Куда не сунет нос даже ребенок.

— Да, под дырку в уборной! — согласилась Элис, указывая в угол комнаты, где в полу была прорублена круглая дыра, прикрытая деревянной крышечкой. — Мы ходим туда по большой и малой нужде. А дерьмо падает прямо в ров с водой. Никто там не станет искать. Я подвешу их на веревочке прямо под сиденьем.

Старуха внимательно осмотрела стульчак.

— Сойдет, — заключила она. — Со временем они запачкаются и зарастут дерьмом. И никто не заметит их. Какую бы силу ни вложило в них твое заклятие, трудно предположить, что они заставят твоего лорда Хьюго околачиваться под стенами замка, когда ты гадишь ему на голову.

Элис засмеялась, ее лицо вдруг озарилось. На секунду она снова стала похожа на ту девочку, которая была любимицей аббатства.

— Я так рада, что ты здесь, — призналась она. — Сейчас велю принести горячей воды. Тебе обязательно надо принять ванну.

ГЛАВА 13

От ванны Мора отказалась, ей было стыдно оголяться перед своей воспитанницей, к тому же она была уверена, что от воды заболит.

— Но от тебя же воняет, — откровенно сказала Элис. — Жутко воняет, Мора. Леди Кэтрин и близко тебя не подпустит. От тебя несет, как от кучи дерьма в августе.

— Тогда пусть отправляет меня обратно, — проворчала Мора, пока слуги устанавливали большую ванну и таскали по лестнице бидоны с горячей водой. — Я что, просила ее? Приехал какой-то мужлан, его лошадь истоптала мой огород, схватил меня и притащил сюда помогать в родах женщине, которая только зачала.

— Ох, замолчи, — отмахнулась Элис. — Мойся лучше, Мора. Вся, с ног до головы. И голову тщательно вымой.

Она оставила старуху наедине с горячей ванной, над которой поднимался пар, а когда

вернулась с нарядом из сундука, Мора сидела, обернувшись в стеганое покрывало, так близко к огню, что покрывало едва не дымилось.

— От воды можно умереть, — пробубнила она.

— От грязи тоже, — заметила Элис. — На вот, надень.

Она выбрала простое зеленое платье, повседневное, без корсажа и без верхней юбки. Когда Мора оделась и подпоясалась и подол подшили по росту, она смотрелась даже неплохо.

— Мора, а сколько тебе лет? — полюбопытствовала Элис.

Всю жизнь ей казалось, что Мора застыла во времени, с годами нисколько не меняясь. Всегда сгорбленная, седая и грязная, лицо в морщинах.

— Сколько есть, все мои, — уклончиво ответила старуха. — А вот эту твою чертову шляпу я не надену.

— Тогда я просто причешу тебя, — начала было Элис.

Но Мора отвела ее руку со словами:

— Прекрати. Пусть теперь я далеко от родного очага, но я остаюсь все та же. Не хочу ничьих прикосновений, и сама не хочу никого касаться. Я не кролик, а дикобраз. Не тронь — и не уколешься.

— Ты всегда возражала, если я дотрагивалась до тебя, — обиженно проговорила Элис. — Даже когда я была маленькой. Даже когда я была грудным ребенком, сомневаюсь, что ты брала меня на руки чаще, чем необходимо. Я никогда не сидела у тебя на коленях. Ты не держала мою ладонь. Ты холодная женщина, Мора, холодная и бессердечная. Когда я жила с тобой, мне хотелось хоть немного ласки и нежности.

— Ну да, а потом ты нашла все это, — съязвила Мора; видно было, что монолог Элис нисколько ее не задел. — Нашла мамашу, которой тебе так не хватало, верно?

— Верно, — заявила Элис, признавая, что это правда. — Да-да, нашла, представь себе! И слава богу, что нашла прежде, чем из благодарности не бросилась в объятия Тома.

Мора так и просияла.

— И как же ты отплатила ей за любовь? — воскликнула она. — Когда нашла мать, женщину, которая тебя ласкала, целовала перед сном, рассказывала истории про святых, учила читать и писать? Какой ты оказалась дочерью?

Элис обернулась к Море; лицо ее побелело.

— Перестань, — отчеканила она.

— Перестань? — Мора изумленно подняла брови. — Перестать что? Не напоминать про матушку, которая для тебя столь дорога, что, чуть запахло жареным, ты дала от нее деру, словно ошпаренная кошка? Не напоминать, как бросила ее гореть в огне вместе со всеми сестрами, пока ты со всех ног неслась домой? Не напоминать, что ты ничем не лучше самого Иуды? — Старуха секунду помолчала. — Может, я и холодная, но, по крайней мере, честная. Пообещав кормить тебя и дать кров, я сдержала слово. Я сделала даже больше, но ты предпочла забыть об этом, тебе невыгодно помнить. Однако я качала тебя на руках и рассказывала сказки. Заботилась о тебе, учила всему, что умею сама, и передала свою силу. С первых дней я давала тебе возможность наблюдать и учиться. В пустоши испокон веков

жила знахарка, и ты должна была стать такой же знахаркой после меня. — Мора вздохнула и продолжила: — Но ты оказалась умней, чем я думала, умней, чем следует быть знахарке. В поисках лучшей доли ты поклялась матушке вечно любить ее и этого вашего Бога, однако при первой опасности ускакала как заяц. Ты убежала от нее, вернулась ко мне, а потом отказалась и от своего Бога, переключилась на магию и колдовство. У тебя в голове нет такого понятия, как верность, Элис. Ради своих целей ты готова служить кому угодно.

Девушка не смотрела на нее, она уставилась в окно, где сквозь тяжелую снеговую тучу проступало солнце. Ее кулачки, лежавшие на каменном подоконнике, сжались так, что побелели костяшки.

— Я еще молода, — дрожащим голосом промолвила она. — Мне еще нет семнадцати. Сейчас я повела бы себя иначе. После пожара я кое-что усвоила. Теперь не убегу. Я уверена.

— Ты уверена? — с вызовом спросила Мора.

— Лучше бы я погибла в монастыре, чем жить вот так, имея на совести гибель матушки. — Элис обернулась к Море, лицо ее было залито слезами. — Мне казалось, главное — что я выжила, все остальное не имело значения. Однако цена, которую я заплатила за избавление, слишком велика. Для меня было бы лучше умереть рядом с аббатисой.

— Это потому, что ты сейчас одинока, — заметила Мора.

— Очень, очень одинока, — подтвердила Элис.

— И тебе все еще угрожает опасность, — добавила Мора.

— Смертельная опасность, каждый день, — согласилась девушка.

— И ты крепко запуталась в сетях греха, — с удовлетворением заключила Мора.

— Нет мне прощения. — Элис вздохнула. — Я никогда не смогу исповедоваться и пойти к причастию. Никогда не принесу покаяние и не исполню епитимью. Мне никогда не попасть в рай.

— И все-таки ты моя дочь! — Мора хмыкнула, словно отчаяние Элис разыгрывалось в забавной комедии. — Ну прямо во всем!

Мгновение подумав, девушка опустила голову. Это означало, что она признает свое поражение.

— Но знахаркой ты можешь стать, — медленно произнесла Мора. — Просто наблюдай за ходом вещей вокруг, научись подмечать, как все меняется, пока не станешь достаточно мудрой, чтобы обходиться без этого.

Элис печально пожала плечами и упрямо сказала:

— У меня есть Хьюго. У меня есть его обещание. Я тебе не какая-нибудь нищая старуха колдунья с пустоши.

— О да! — Мора сверкнула глазами. — Я и забыла, что у тебя есть Хьюго! Какое счастье!

Девушка разжала кулачки и вызывающе ответила:

— Да, счастье, представь себе.

— Вот и я о том же, — ухмыльнулась Мора. — Ну да ладно. Когда я с ней встречаюсь? С этой

твоей Кэтрин. Когда к ней надо идти?

— Называй ее леди Кэтрин, — предупредила Элис. — С ней можно побеседовать прямо сейчас. Она в галерее, занимается шитьем. Только следи за языком, Мора. Ни слова про колдовство, иначе обе окажемся у нее в руках. Я для нее больше не соперница, но она не устоит перед соблазном избавиться от меня, если ты дашь повод устроить еще один Божий суд.

В глазах старухи мелькнула озорная искра.

— Ладно, — кивнула она. — Думаешь, меня можно купить платьем, которое носила какая-то шлюха? Буду молчать как рыба.

Элис открыла дверь в галерею. Дамы сидели в дальнем конце; сквозь узкие бойницы на их шитье падали желтые лучи зимнего солнца. Услышав скрип двери, все подняли головы и посмотрели на Элис и Мору.

— Во всяком случае, — пробормотала Мора, приложив ладонь ко рту, — не я манипулировала заколдованными куклами, верно, Элис?

Та бросила на старуху яростный взгляд и пошла вперед.

— Леди Кэтрин, — обратилась она к хозяйке. — Позвольте представить мою родственницу Мору.

— А-а, та самая хваленая искусница, — отозвалась миледи. — Мора из Боуэса. Спасибо за то, что соизволила приехать.

— Мне-то за что спасибо? — пробурчала старуха себе под нос.

Госпожа улыбнулась — ей показалось, что Мора благодарит ее за приглашение.

— Я не собиралась никуда приезжать, — напрямик заявила Мора, повысив голос. — Явились к моему домишке, вытащили из огорода. Якобы по вашему приказу. Так значит, если я захочу, то могу уйти?

Кэтрин не ожидала такого поворота.

— Я не... — начала она. — Ну... Но, Мора, всякая женщина была бы счастлива жить в замке вместе с моими дамами, хорошо питаться и спать в теплой кровати...

Глаза Мору гневно заблестели из-под густой седой шевелюры.

— Я вам не всякая женщина, миледи, — отрезала она. — Я вообще не похожа на других женщин. Поэтому я буду вам благодарна, если вы сразу ответите: могу ли я приходить и ухаживать, когда мне вздумается?

Элис набрала в грудь воздуха, чтобы вмешаться, но не решилась. Мора могла рисковать как угодно, возможно, она с самого начала собиралась повздорить с леди Кэтрин. Девушка подумала, что лучше к ним не соваться, пусть разбираются сами. Она оставила Мору, подошла к Элизе и села рядом, сделав вид, что заинтересовалась ее работой.

— Конечно, ты свободна, — заверила леди Кэтрин. — Но мне требуется твоя помощь. У меня нет здесь ни матери, ни родственниц, которые могли бы дать добрый совет. Ходят слухи, что искусней тебя в повивальном деле и в колдовстве не сыщешь по всей стране. Это правда?

— Только не в богохульстве, — немедленно возразила Мора. — Это все клевета и злые

сплетни. Я не занимаюсь колдовством и заговорами. Но я действительно знахарка и умею принять ребенка лучше других.

— Ты примешь моего ребенка? — спросила леди Кэтрин. — Он родится в октябре. Ты обещаешь принять у меня в октябре здорового ребенка?

— Если вы зачали здорового ребенка в январе, я могу принять его в октябре, — усмехнулась Мора. — В противном случае... боюсь, что нет.

Миледи чуть не выпрыгнула из кресла.

— Я совершенно уверена, что зачала сына! — воскликнула она. — Кстати, ты можешь это определить? Можешь меня успокоить? Элис уверяет, что это мальчик, а ты можешь сказать наверняка? Можешь определить, здоров ли он?

— Могу, — подтвердила старуха. — А позже могу определить, правильно он лежит или нет.

Леди Кэтрин жестом велела ей подойти поближе.

— Если захочу, — оставаясь на месте, уточнила Мора. — Могу и пол ребенка определить... тоже если захочу.

Эта фраза старухи вызвала среди дам неявный переполох. Рут бросила взгляд на Элис, пытаясь определить, насколько ту испугала отчаянная смелость родственницы. Лицо Элис оставалось невозмутимым. Она знала эту манеру Моры сурово обходиться с клиентом, нуждающимся в услугах.

— Элис, попроси-ка свою родственницу попридержать язык. — Голос леди Кэтрин звенел угрозой. — Или я прикажу бросить ее голодным псам.

Девушка подняла голову от вышивки Элизы, бесстрашно улыбнулась и ответила:

— Я не могу давить на нее, миледи. Мора вольна вести себя как вздумается. Если она не нравится вам, отошлите ее обратно. В стране много знахарок. Мора всего лишь одна из них.

Услышав эту колкость, старуха вскинула брови, но промолчала. Леди Кэтрин раздраженно повела плечами.

— Тогда чего ты хочешь? — обратилась она к Море. — Чего ты хочешь за то, что определишь пол ребенка, потом станешь заботиться обо мне и примешь роды?

Мора начала загибать пальцы.

— Шиллинг в месяц — это раз. Эля и еды столько, сколько пожелаю. И право выходить из замка и возвращаться обратно без всяких помех и вопросов, в любое время дня и ночи.

Кэтрин против воли рассмеялась.

— Ах ты, старая скряга! Надеюсь, ты так же ловко принимаешь роды, как и торгуешься.

Мора мрачно улыбнулась и добавила:

— И осла, чтобы можно было доехать до дома и обратно. Идет?

— Да, — согласилась миледи.

Шагнув вперед, старуха плюнула себе в ладонь и протянула ее леди Кэтрин. Рут, которая сидела у ног госпожи, отпрянула, как от заразы, но, к удивлению Элис, леди Кэтрин подалась

вперед и крепко пожала руку Мору.

— Забавная старуха эта твоя родственница, — вполголоса произнесла Элиза.

— Старая карга, — бросила Элис; ее вдруг охватило беспричинное раздражение. — Лучше бы она здесь не появлялась.

— Элис, его светлость справлялся о тебе, — обронила леди Кэтрин, не глядя в ее сторону. — Лорд Хью сейчас в своих покоях. У него есть для тебя работа, надо что-то написать.

Девушка встала, сделала реверанс и повернулась в сторону Мору. Из всех дам только она ничем не была занята. У каждой, даже у самой леди Кэтрин, в руках было либо шитье, либо какое-нибудь другое женское занятие. Мора подмигнула своей воспитаннице и ногой подвинула низенькую табуреточку поближе к пылающему камину.

— А твоя родственница побудет с нами, мы не обидим ее, — заверила леди Кэтрин. — У меня есть тут простое шитье, надеюсь, ты справишься с ним, Мора?

Та ухмыльнулась и весело произнесла:

— Терпеть не могу шить, миледи.

И снова дамы переполошились, но леди Кэтрин, казалось, позабавил этот ответ.

— Ну хорошо, сиди без дела. А мы немного потрудимся...

— Меня позвали сюда смотреть за вами и будущим ребенком, — важно заявила знахарка. — Мне необходима возможность видеть... у нас, знахарок, особое зрение. Если вам надо вязать всякие чепчики, у вас найдется много таких вот дур. — Она холодно кивнула на работающих дам. — А такая, как я, у вас одна.

Кэтрин захохотала. Элис даже не улыбнулась. Она сделала госпоже еще один реверанс и покинула комнату. И только оказавшись на узкой винтовой лестнице круглой башни, ведущей к спальне старого лорда, она поняла, что от досады до боли сжала зубы.

Лорд Хью сидел за столом; перед ним лежал тонкий, густо исписанный листок бумаги. При появлении девушки он поднял голову.

— Элис! Прочти мне вот это. Мелко написано. Не могу разобрать ни строчки.

— Из Лондона? — уточнила она.

Старый лорд кивнул.

— Принес почтовый голубь из моей голубятни. Умные птички, никакая погода им не страшна. Раз мой человек послал его в такую метель, значит, что-то срочное. Читай.

Письмо было от одного из осведомителей при дворе. Без подписи, все имена зашифрованы цифрами: и король, и королева, и Кромвель, и другие дворяне. У лорда Хью были свои методы проверки того, не преподнес ли монарх какого-нибудь сюрприза своим верным вассалам.

Молча пробежав глазами весь текст, Элис подняла голову и посмотрела на лорда Хью.

— Важные новости, — сообщила она. — Королева заболела и слегла. Она ждала ребенка, мальчика, но тот погиб.

— Ого, — тихо отозвался лорд Хью. — Не повезло ей.

— Сэр Эдвард Сеймур должен стать членом кабинета его величества, — прочла Элис и замолчала, взглянув на лорда.

Тот слушал и кивал, уставившись на огонь.

— В выкидыше королева винит потрясение, которое испытала, когда его величество упал с лошади, — продолжила Элис. — Но якобы кое-кто слышал, как король говорил, что Бог не дает им с супругой ребенка.

— Все, конец, — прервал ее лорд Хью.

Девушка удивленно на него посмотрела.

— Королеве конец, — пояснил он, понизив голос. — Полагаю, будет еще один развод. Или назовет ее содержанкой и снова обратится к Риму. Теперь, когда Екатерина умерла, он фактически вдовец.

— Он может снова обратиться к Папе? — недоверчиво спросила Элис.

— Да, — подтвердил лорд Хью. — Королева Анна на очереди, это уже доподлинно известно. Выкидыш, обвинение...

— И его величество может вернуть священникам прежнюю власть? — допытывалась Элис.

Бросив на девушку быстрый взгляд, лорд Хью коротко рассмеялся и воскликнул:

— Именно! И тогда ты найдешь себе надежный монастырь, Элис. Что ты об этом думаешь?

— Не знаю. — Элис в замешательстве пожала плечами. — Не знаю, что и думать. Все это так неожиданно!

— Да-а, — протянул его светлость. — Приходится поспевать, чтобы идти в ногу с совестью короля. Теперь и этот брак, похоже, противоречит воле небес. И восходит звезда Сеймуров. — Он указал на кожаную папку с письмами. — Эту почту доставил курьер. Посмотри, есть ли там что-нибудь важное.

Элис сломала печать на первом послании. Оно было написано по-английски и датировано январем.

— От вашего кузена Чарльза, — доложила она. — Ожидается принятие новых законов против попрошайничества.

— Пропустим это, — отмахнулся лорд Хью. — Оставим на потом. Что дальше?

— Такой холодной зимы никто и не упомнит, — прочла Элис. — Темза замерзла, судоходство замерло. У перевозчиков большие трудности, они почти лишились работы. Некоторые корабли так сильно зажало во льдах, что они разрушились. Обсуждают зимнюю ярмарку.

— Все это после, — вмешался его светлость. — Есть что-нибудь по северу? Какие-нибудь новые налоги?

— Новость о несчастном случае с королем, он упал во время турнира.

— Уже было. Что еще?

— Ваш кузен советует составить бумагу, — продолжила Элис, — где вы предъявите свои претензии на монастырские земли, прилегающие к вашим владениям.

Думая о широких плодородных полях по обеим сторонам реки, она непроизвольно старалась четко выговаривать каждое слово. Матушка Хильдебранда любила гулять по лугам перед сенокосом, вдыхая густой запах полевых цветов, растущих в изобилии. В летние вечера их аромат переносился через реку к садам, к окнам их келий, к самой часовне, как благоухающий природный фимиам. Теперь эти земли заброшены, ничьи, оставлены на произвол судьбы.

— Он пишет: «Вы с Хьюго удостоились высокой похвалы за те товары, которые отправляли на юг, за вашу верность и усердие. Теперь самое время намекнуть королю, что пора бы отблагодарить вас за ваши труды. Также король готов выслушать ваши предложения по поводу обмена землями или по поводу денежных сумм, полагающихся за землю, или выгодных контрактов об аренде. Многие утверждают, что аренда окупится сторицей».

— Аренда на двадцать один год, — тихо промолвил старый лорд и покачал головой. — Я уже умру к тому времени, но что будет с Хьюго?.. Что там дальше?

Элис перевернула страницу.

— Цены на зерно, уголь и говядину. Цены на меха и вино.

— По поводу севера есть что-нибудь?

— Нет, — ответила Элис. — Но законы о бродяжничестве коснутся ваших земель.

На минуту воцарилась тишина. Старый лорд все смотрел в огонь, словно хотел найти в нем совет, как обезопасить себя на время грядущих перемен.

— А другое письмо, — вдруг нарушил он молчание. — Переведи-ка. Оно от секретаря епископа, написано на латыни. Читай сразу по-английски.

Взяв бумагу, Элис подвинула к столу табуретку. Секретарь епископа описывал приемлемые основания и резоны для аннулирования брака между леди Кэтрин и лордом Хьюго. Девушка почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Закончив читать, она подняла голову и взглянула на старого лорда. Тот, в свою очередь, насмешливо смотрел на нее.

— Значит, я могу прогнать эту старую ведьму, — заметил он; лицо его осветила широкая улыбка, такая же яркая, как у сына. — Бесплодную старую мегеру. Прогнать к чертям и дать Хьюго свободу. Я сделаю это. Освобожу Хьюго. У него будет новая жена, богатенькая, с большим приданым, и я еще поживу и увижу наследника.

Элис помрачнела.

— Стало быть, вы не знаете?

— Что именно? — Лорд снова нахмурился. — Давай выкладывай, девочка, все ваши бабские сплетни. С любым известием ты должна сразу бежать ко мне.

— Она ждет ребенка, — сообщила Элис. — Думаю, это все меняет.

Лорд не сразу понял, будто не расслышал, затем лицо его снова озарилось радостью.

— Ждет ребенка?! — Его кулак с грохотом опустился на бесполезное теперь письмо. — Наконец-то ждет ребенка!

Он закинул голову и рассмеялся. Элис молча смотрела на него, плотно сжав губы.

— Наконец-то ждет ребенка! — повторил он, но тут же взял себя в руки. — Она уверена в

этом? Ты осматривала ее? Не хитрость ли это с ее стороны, как ты считаешь? Может, она притворяется и просто тянет время?

— Госпожа беременна, — заверила Элис. — Я осматривала ее. И еще она послала за моей родственницей Морой, которая поселилась со мной. Они с миледи только что обо всем договорились.

— Мальчик или девочка? — дрожащим от волнения голосом спросил старик. — Ну же, Элис. Как ты считаешь? Мальчик или девочка?

— Скорее всего, мальчик, — неохотно ответила Элис.

— Кэтрин сказала Хьюго? — нетерпеливо допытывался лорд. — Черт бы побрал этого бездельника! Где он сейчас?

— Сказала, — отозвалась Элис. — Он отправился на охоту добыть для вас оленины, милорд. Мне неизвестно, вернулся ли он.

— Он просто взял и уехал? — Его светлость снова сдвинул брови. — Он заделал этой мегере щенка и как ни в чем не бывало ускакал, даже не поставив меня в известность?

Опустив руки на колени и глядя в пол, Элис хранила молчание.

— Ага! — воскликнул лорд Хью. — Не очень-то он обрадовался, верно? Кэтрин утром сказала ему, а он взял и уехал?

Элис кивнула. Лорд смотрел на нее во все глаза.

— Полагаю, новость привела его в бешенство, — задумчиво произнес он. — Хьюго рассчитывал аннулировать брак. А теперь это стало невозможным.

В камине громко щелкнуло полено. Лорд погрузился в задумчивость.

— Прежде всего — семья, — наконец подал он голос. — Прежде всего — долг. Удовольствие он может получать где угодно... впрочем, он всегда так и делал. Но теперь, когда Кэтрин ждет малыша, она останется его женой до самой смерти. Как тебе показалось, ребенок здоровый?

— Пока рано это обсуждать. — Элис старалась говорить четко, но губы не слушались. — Сама королева Анна может подтвердить, что многие дети умирают еще в утробе. Насколько я могу судить, ребенок здоров.

— И это точно мальчик? — уточнил лорд.

Девушка кивнула.

— Хорошо, — заключил он. — Очень хорошо. Королева Анна, значит? Наконец-то у нас появился хоть какой-то шанс на наследника. Передай Кэтрин, пусть наденет сегодня платье получше, я перед всеми подниму тост за ее здоровье. Как только она нарядится, может прийти ко мне. Выпьем с ней по бокалу вина.

— А что по поводу меня, милорд? — спросила Элис. — Что делать с остальными письмами?

— Можешь идти, — разрешил его светлость. — Сейчас ты не нужна мне.

Поднявшись, Элис сделала реверанс и направилась к двери.

— Подожди! — вдруг окликнул лорд. Девушка остановилась.

— Эти бумажки от епископа брось в огонь, — велел он. — Не дай бог, Кэтрин увидит их. Только расстроится. Ей теперь вредно расстраиваться. Сожги их, об аннулировании брака не может быть и речи.

Вернувшись к столу, Элис сгребла толстые, исписанные от руки листки бумаги, сунула их в самый дальний конец камина и стала наблюдать, как они горят, как бумага темнеет и рассыпается на мелкие кусочки. Пока она смотрела на огонь, ни один мускул на ее бесстрастном лице не дрогнул.

— Теперь можешь идти, — распорядился старый лорд.

Элис еще раз присела в реверансе, вышла и тихо закрыла за собой дверь. По ступенькам поднимался карлик Дэвид, его умное личико сияло любопытством.

— Какая-то ты сегодня скучная, Элис, — заметил он. — Уж не заболела ли? Или горе какое? А что на женской половине делает эта старуха? Может, ты не рада, что твоя родственница займет твое место?

Молча отвернувшись, Элис продолжила спускаться.

— Это правда? — крикнул Дэвид ей в спину. — Правда, о чем шепчутся все дамы? Леди Кэтрин ждет ребенка, Хьюго влюбился в нее по уши, и она снова в чести у своего господина и мужа?

Девушка остановилась на поворотной ступеньке и оглянулась; ее бледное лицо светилось во мраке.

— Правда, — подтвердила она. — Все мои пожелания исполнены. Какое счастье.

— Аминь, — отозвался Дэвид, и лицо его сморщилось в иронической усмешке. — Так вот почему у тебя такая радостная физиономия!

— Да, — кисло ответила Элис и продолжила путь.

Хьюго задержался на охоте и к столу явился, когда уже все ели мясо. Он вежливо извинился перед отцом, а жене поцеловал руку. По его словам, охота выдалась великолепная. Убили девять оленей, самцов. Их тела как раз развешивали в кладовой для мяса. Хьюго пообещал, что рога сейчас принесут и покажут старому лорду, а кожи выдубят, умастят благовониями и сделают из них новенькую колыбельку для будущего лорда Хьюго.

Он ни разу не взглянул в сторону Элис. Девушка сидела, опустив глаза в тарелку, но ела мало. А вокруг болтовня возбужденных женщин не прерывалась ни на секунду, словно шумящий морской прибой. Мора тоже молчала; с уверенной сосредоточенностью она поглощала одно блюдо за другим.

Когда ужин кончился, лорды отправились в дамскую галерею, и там дамы пели и играли для них, а леди Кэтрин милостиво беседовала с ними, не прерывая шитья. Щеки ее покраснелись; на ней было новое кремовое платье с розовой верхней юбкой и розовым корсажем с разрезами, сквозь которые виднелась бледная ткань. Она вымыла голову и убрала волосы, в ярком пламени свеч ее лицо, оживленное счастьем, казалось моложе и красивее. Куда-то исчезло выражение алчности. Элис слышала ее короткий смех в ответ на остроты старого лорда, смотрела, как вспыхивают ее щеки, когда лорд Хьюго обращает на нее внимание, — смотрела и ненавидела.

— Мне надо собрать при луне кое-какие травы, — обратилась она к госпоже. — Прошу

простить меня, миледи и милорды.

Кэтрин повернула раскрасневшееся лицо.

— Конечно, — милостиво позволила она. — Можешь идти.

Старый лорд кивнул в знак согласия. Хьюго раздавал карты и даже не поднял головы. Элис спустилась по ступенькам с возвышения, пересекла зал, вышла через большие двери во внутренний двор, повернула направо и зашагала по дорожке между грядками с овощами и травами. Ей ничего не нужно было, но когда она выбралась из душного зала на свежий воздух, под высокое и холодное небо, ей стало легче. Довольно долго она стояла под лунным светом, плотно завернувшись в накидку и натянув на лоб капюшон. Потом медленно дошла до конца огорода, повернула и побрела обратно. Она уже не планировала будущее, ни о чем не думала. Ей было не до мыслей, не до планов и даже не до заклинаний. В сердце своем она лелеяла великую боль одиночества, разочарования и потери. Хьюго, как и сейчас, будет женат на леди Кэтрин, у них родится сын, который в один прекрасный день станет лордом, а Кэтрин — хозяйкой замка. А Элис так и будет знахаркой, секретарем и нахлебницей, которую едва терпят. Которую не любит леди Кэтрин, которую совсем забыл Хьюго... она станет получать небольшой пенсией, назначенный старым лордом, потому что в замке так много челяди, что одним ртом больше, одним меньше — не имеет значения.

Можно выйти замуж за солдата или крестьянина, оставить замок, переселиться в свой маленький домик. Работать с рассвета до темноты, рожать одного ребенка за другим каждый год, пока не заболеешь и не умрешь. Элис все шла и шла. Маленькая хибарка в пустоши ее не устраивала, и аббатство стало пристанищем, которое, как она думала, будет стоять вечно. Замок был лишь ступенькой на ее пути. А неожиданная, непредвиденная страсть к Хьюго и его любовь к ней явились для нее даром и радостью. И теперь все это пропало.

Вдруг она услышала, как за спиной хлопнула дверь: во дворе показался Хьюго.

— Я ненадолго, — сообщил он вместо приветствия. Теплыми ладонями он взял ее холодные руки и нежно пожал их. — Не печалься. Все образуется.

Подняв к нему бледное, напряженное лицо, Элис холодно произнесла:

— Вряд ли. Не надо меня утешать всякой чепухой, Хьюго, я не ребенок.

Он слегка отпрянул и взмолился:

— Сжался надо мной, Элис. Мы же с тобой решили, что тебе будет здесь лучше и безопасней, если у Кэтрин родится ребенок. Теперь она довольна, ее положение обеспечено, и мы с тобой можем быть вместе.

— Тайно! — ожесточенно воскликнула Элис. — Прячься по дальним углам. Или, может, здесь, в темноте среди грядок, вздрагивая при каждом звуке?

— А кому какое дело? — Хьюго пожал плечами. — Я люблю тебя, Элис, и хочу тебя. Я исполнил свой долг перед супругой, она больше не станет ко мне приставать. Я подарю тебе дом в городе и, если хочешь, стану по ночам навещать тебя. Ты сама знаешь, что пожениться мы никогда не сможем, но, по крайней мере, будем любить друг друга. Я хочу тебя, Элис, кроме тебя, мне никто не нужен.

Высвободив ладони из его рук и сунув их под накидку, она ответила:

— Я мечтала стать тебе женой. Твой отец получил сегодня письмо от епископа, где говорилось, как аннулировать твой брак. Еще недавно мы могли бы избавиться от Кэтрин. Она могла бы убраться. Я хотела стать хозяйкой, лежать с тобой в постели в твоём доме, а

не в каком-то домишке в городе.

Хьюго взял ее за плечи и осторожно потряс.

— Опомнись, моя Элис. Ты рассуждаешь как человек, задумавший запрыгнуть сразу на верхнюю ступеньку лестницы. Мне от тебя нужна только любовь, я тоже мечтаю лежать с тобой рядом. Я лег бы с тобой и в канаве или прямо сейчас на этих травках. Чего ты хочешь: меня или мое имя?

Секунду Элис не двигалась, затем бросилась в его объятия и выдохнула:

— Тебя!

Он крепко обхватил ее, и сразу холод и тупая боль в животе исчезли — все накрыла огромная волна желания.

— Тебя, — повторила она.

— Мы что-нибудь придумаем, найдем выход, — нежно пообещал Хьюго. — Не надо бояться, Элис. Мы отыщем способ быть вместе, мы будем любить друг друга. Ни о чем не беспокойся.

Тесно прижавшись к нему под плащом и согревшись, Элис положила голову ему на плечо и прошептала:

— Если бы она умерла. Если бы она умерла...

Хьюго сразу застыл, отодвинулся и взгляделся Элис в лицо, в ее невинные синие глаза.

— Не дай бог такое несчастье, — твердо заявил он. — Не думай, что я хотел бы так от нее избавиться, Элис. Если воображаешь, что я допущу такое, ты ошибаешься. Хотя, признаюсь, сама мысль не кажется мне странной. Я желал ей смерти много и много раз, однако больше с досады и несерьезно. И любой, кто поднимет руку на Кэтрин, будь то мужчина или женщина, станет мне заклятым врагом. Я ненавижу ее, но она моя жена. Она леди Кэтрин Каслтонская. Я обязан защищать ее. И я приказываю тебе, я требую: делай все для ее здоровья, все, что в твоих силах, чтобы она была довольна и счастлива. Она такая же женщина, как и ты, Элис. Она тоже способна на чувство, она может любить, как и ты, как и любой другой. Да, она жадная, возможно, мы с ней предаемся извращениям и излишествам в постели, пусть так. Но женщина она неплохая. И преждевременной смерти не заслуживает. Забудь об этом. Она доверилась тебе, твоему попечению и заботам.

Элис кивнула.

— Клянешься защищать ее? — спросил Хьюго, заглядывая ей в глаза.

— Клянусь, — ответила Элис и ощутила сухость во рту — верный признак того, что клятва ее пустая.

— Я должен идти, — заторопился Хьюго. — Меня скоро хватятся. Встретимся завтра, Элис, приходи утром на конюшню, мой егерь заболел, ты осмотришь его, и мы сможем побыть вместе.

Он нежно коснулся ее губ, быстро поцеловал, повернулся и был таков. Дверь, ведущая в зал, хлопнула. Она снова осталась одна посреди грядок.

— Если бы она умерла... — тихо сказала Элис, стоя посреди залитого лунным светом огорода и вдыхая холодный воздух. — Если бы она умерла, он бы обязательно на мне женился.

На следующий день Элис не сразу отправилась в конюшню. Леди Кэтрин пожаловалась на боль в спине и велела знахарке растереть ее маслом и экстрактами трав. Девушка трудилась над широкой мягкой спиной госпожи, и ее нетерпение все возрастало. Лежащая ничком леди Кэтрин вздыхала и постанывала от удовольствия и все никак не отпускала ее. Руки Элис были жесткими, в них не было больше той магической целебной силы, злость иссушила ее. Элис с отвращением касалась плоти этой женщины и едва сдерживала желание ее ударить. Закончив втирать масло, она увидела, что вся спина госпожи покрыта красными полосами.

— Очень хорошо, Элис, — похвалила миледи, совершенно довольная; такое с ней редко случалось.

Сделав реверанс, девушка собрала свои масла с благовониями в корзинку и быстро, как кошка, выскочила из комнаты. Она чуть ли не швырнула корзинку в руки Моры, побежала к лестнице, затопала вниз по каменным ступенькам, пересекла зал, распахнула кухонную дверь и припустила к конюшне. Но Хьюго там не было. Какой-то малый на конюшне улыбнулся ей придурковатой улыбкой.

— А где молодой лорд? — обратилась к нему Элис. — Он был здесь?

— Уехал, — сообщил рабочий. — Давно уже.

Задрожав от досады, Элис спрятала руки в рукава и щелкнула пальцами.

— Давно, очень давно, — добавил рабочий.

Девушка повернулась и поплелась обратно в замок.

Стойло любимой лошади Хьюго пустовало, видимо, ждал он недолго. Ей до боли стало обидно, что он так быстро уехал. Она знала, что при необходимости прождала бы его хоть сутки.

Встретились они уже за обедом, в полдень. Хьюго страдальчески улыбнулся и подмигнул ей, но они не обменялись ни словом. Ближе к вечеру, когда уже смеркалось, он сел на лошадь, свистнул своих борзых и во весь опор поскакал вдоль реки в долину. Увиделись они только за ужином. Элис сидела за небольшим столиком с другими дамами и созерцала затылок Хьюго, заросший черными кудрями. Она живо представляла себе эти мягкие, шелковистые волосы у себя в пальцах и мечтала, как гладит его затылок. Сжимает и трясет его голову, горя желанием... и гневом. Из-за стола они встали рано, и после ужина Хьюго заглянул в дамскую галерею.

— У меня опять болит спина, — слабым голосом пожаловалась леди Кэтрин.

Опершись о руку мужа, она медленно удалилась к себе в спальню. Дверь за ними захлопнулась, но острые глазки Элис успели заметить, что Хьюго нежно обнимал жену за талию. Девушка ждала, что он выйдет пожелать ей и остальным дамам, собравшимся вокруг камина, спокойной ночи, но дверь не открывалась. Элис чувствовала на себе насмешливый взгляд черных глаз Моры.

— Да, он вдруг стал с ней очень ласков, — заявила Элиза, держа во рту шелковую нитку вышивки. — Когда она забрюхатела, больше не слышно ни шлепков, ни криков, ни ругательств.

Элис снова посмотрела на плотно закрытую дверь и нехотя ответила:

— Он должен обращаться с ней бережно. Ему нужен наследник, и миледи надо блюсти себя, по крайней мере, в ранние сроки.

Мора отхаркнула и сплюнула в огонь.

— Он доволен, — презрительно бросила она. — И будет доволен еще больше, когда живот у нее растолстеет. Будет представлять, что в этом животе лежит его ребенок. И надувшиеся груди ему понравятся, и раздобревшее тело. Мужчины сами как дети. Будет сосать ей груди и елозить по круглому животу, сам уподобится младенцу. Он теперь не мужчина, он маленький мальчик, заполучивший новую игрушку.

Элиза захихикала. Элис промолчала. Дамы продолжали шить, то и дело поглядывая в сторону спальни и прислушиваясь, что там происходит.

Наконец дверь распахнулась, и показался Хьюго.

— Миледи устала, — сообщил он и посмотрел на Мору. — Ты или Элис приготовьте ей отвар, чтобы она уснула. Ей надо отдохнуть.

Старуха кивнула в сторону своей воспитанницы. Хьюго улыбнулся девушке открытой, доброй улыбкой и сказал:

— Спасибо, Элис. Подашь, когда будет готово.

Он повернулся на каблуках и скрылся в спальне жены.

Сделав отвар, Элис попросила Рут отнести его, а сама ждала у камина — не появится ли снова Хьюго. Но он так и не вышел. Той ночью впервые за все время этого брака без любви он оставался в постели жены до утра. Впервые в жизни леди Кэтрин спала, положив голову на плечо мужа; ее каштановые волосы разметались по его груди.

Сидя возле камина, Элис занималась шитьем с остальными дамами. Потом отправилась в кровать, вытянувшись рядом с теплым телом Мора, но уснуть не могла. Медленно полз по стене лунный луч в форме серебристой бойницы, обозначая продвижение по небу равнодушного светила. Лежа на спине с открытыми глазами, Элис ничего не видела, ни о чем не думала. Ее терзала жгучая ревность, которую она стоически выносила, молча, как переживают приступ малярии. Однако на душе кошки скребли.

Теперь и погода была против нее, приходилось подолгу находиться в замке. Март выдался ненастный, часто лил дождь или падал мокрый, тяжелый снег, который заметал сугробами двери и задувал в окна восточной стены, оставляя на каменном полу лужи. Небо казалось ниже, чем обычно; дни, и без того короткие, были темны и мрачны. Замок, казалось, съежился и затаился, сдерживая осаду зимы.

Элис никак не удавалось побыть одной. Ночью приходилось спать рядом с Морой, днем леди Кэтрин частенько вызывала ее к себе или приказывала сидеть со всеми в галерее; в последнее время им составлял компанию старый лорд, поэтому у Элис не было возможности скрыться в его комнате в круглой башне. Хьюго ежедневно седлал лошадь и пропадал на охоте, каждый раз уезжая все дальше, беспокойный, как сокол, которого долго держали в клетке. До замка долетали разные слухи. Однажды Хьюго и его люди дотла сожгли пивную — гнездо браконьеров, которые охотились в их владениях, — а людей, как мужчин, так и женщин, выгнали на засыпанные снегами болота. Еще они устроили на большаке засаду каким-то бродягам, а потом буйствовали в публичном доме с маскарадом и переодеваниями и развратом прямо на улице.

— Каков разбойник! — гордо восклицал старый лорд, когда слышал, что его сын скор на расправу.

Элис не искала встреч с Хьюго, да и он больше не звал ее. Они не общались уже очень давно. Она не подстерегала его на лестнице и даже не пыталась поймать его взгляд, когда он сидел с Кэтрин и дамами. Элис выжидала — так речная вода, скованная льдом, ждет прихода весны. С женой Хьюго был галантен, и она, не жалуясь на аппетит и бессонницу, окруженная любовью свекра и дамами, готовыми услужить, так и сияла от удовольствия. Хьюго раз или два проводил ночь в ее постели, но как дамы ни внимали каждому звуку, они не слышали криков боли и наслаждения. В те две ночи Элис до утра просидела у бойниц, глядя на засыпанный снегом пейзаж на другом берегу реки; от холодного ветра, дувшего с болотистых пустошей, она продрогла до костей. Невидящим взором она смотрела на белоснежную пустыню, лицо ее было бледно, глаза широко распахнуты, как у совы. Утром даже Мора не удержалась от возгласа, притронувшись к ее ледяной руке и заметив синие тени у нее под глазами.

К концу марта Хьюго вернулся из очередной прогулки верхом, нашел отца в дамской галерее и попросил позволения навестить друзей в Ньюкасле. Элис замерла и, не отрываясь, уставилась на шитье. Кэтрин с интересом слушала и улыбалась.

— Конечно, ты должен к ним съездить, — вмешалась она. — С нами здесь ничего не случится. С нами твой отец, и Мора с Элис обо мне позаботятся.

Улыбаясь, Хьюго обвел глазами всех присутствующих. Элис почувствовала на себе его взгляд, но головы не подняла.

— Ну вот и хорошо, с чистой совестью съезжу и с легким сердцем вернусь обратно. Ну-ка, дамы, что привезти вам из города?

— Мне нужен шелк, — задумчиво промолвила леди Кэтрин. — А Дэвиду наверняка понадобятся чай и специи.

— Приеду как настоящий коробейник, — пошутил Хьюго. — Элис, а тебе что привезти?

Девушка подняла голову, лицо ее было равнодушным.

— Спасибо, милорд, — холодно произнесла она. — Мне ничего не надо.

Он кивнул. Остальные дамы просили о небольших подарках, цветных шелковых ленточках или пряностях. Хьюго с серьезным видом записал все пожелания и спрятал список под камзол.

— Уезжаю на рассвете, — сообщил он. — Поэтому давайте попрощаемся сейчас. — Он взял руку Кэтрин и поцеловал ее. — Счастливо оставаться, дорогая. Береги себя ради нашего сына и ради меня.

Никто не остался глух к тому, с какой нежностью прозвучали его слова. Элис тихо поднялась с места и покинула комнату. Она постояла за дверью, слушая, как Хьюго прощается с остальными, потом спустилась в коридор между лестницей и входом в круглую башню, где он должен был пройти.

Что-то насвистывая, Хьюго легко сбежал вниз по ступенькам.

— Элис! — воскликнул он, когда девушка выступила из тени. — Как я рад, что ты подождала меня.

Возникла короткая пауза, во время которой Хьюго разглядывал ее окаменевшее лицо.

— Ты уж прости, — искренне сказал он. — Понимаю, тебе будет нелегко в эти дни. Да и мне тоже. Я же вижу, как ты побледнела и похудела в последнее время, и очень из-за этого расстраиваюсь. Мне необходимо сменить обстановку, Элис. Смертельно надоела эта зима, эти долгие вечера, которые я провожу с одними женщинами. Я понимаю, что тебе больно смотреть на Кэтрин. Понимаю, как тебе, должно быть, обидно.

Девушка невольно кивнула.

— Мне надо уехать куда-нибудь подальше, — горячо продолжал Хьюго. — Я разрываюсь между тобой и долгом перед женой, у меня такое чувство, будто меня тащат в разные стороны. Иногда хочется плюнуть на все и куда-нибудь сбежать!

— Тебе повезло — ты свободен, — сухо заметила Элис.

Хьюго улыбнулся.

— Ну не сердись на меня. В поездке у меня будет время на размышления. Когда я вернусь, то поставлю отца перед фактом, что мы с тобой должны иногда бывать вместе. Мы можем подготовиться, найти для тебя уютное местечко где-нибудь поблизости, где я смогу навещать тебя. Я уезжаю, чтобы продумать, как это все организовать. А ты жди.

Элис обернула к нему бледное лицо без тени улыбки.

— Ничего другого не остается, — нехотя отозвалась она. — Мне некуда идти. Я люблю тебя.

От этой фразы он просиял, но на ее лице и в ее голосе не было радости.

— Выходит, я такая же женщина, как и любая другая, — мрачно заключила она. — Ни твои клятвы, ни колдовство не уберегли меня от страданий.

— Любимая... — начал Хьюго, привлекая ее к себе.

Тут дверь наверху открылась, он отпустил ее руку и, ничего не добавив, повернулся и зашагал прочь. Элис смотрела ему вслед, и желание ее было таким острым, что походило на ненависть.

Его не было целый месяц, но каждую неделю он присылал отцу письмо, и именно Элис читала эти испещренные небрежным почерком листки бумаги. Хьюго рассказывал о торговой компании своего друга — «Ван Эсселин и сыновья», о планах друга по расширению дела, о сыне лорда Ньюкасла и о буйных ночах кутежей на берегу моря. Рассказывал он замечательно, и старый лорд вместе с Элис частенько хохотали, когда, например, речь шла о драке, которая закончилась в реке Тайн, или о бродячих музыкантах с пляшущим медведем. Элис живо представляла лицо Хьюго, ей очень хотелось слышать его голос, видеть, как его мрачное лицо вдруг озаряется теплой улыбкой. Она забыла о тех долгих неделях, когда, сгорая от страсти, искала с ним встреч, когда в бессонные ночи следила, как лунный луч медленно ползет по стене. Она забыла кислый вкус неутоленного желания, забыла о похоти, напоминавшей не любовь, а скорее ненависть. Она смеялась вместе с его отцом и невольно думала: «Если бы мы с Хьюго были мужем и женой, нам всегда было бы так весело».

А старый лорд вытирал слезы от смеха, просил прочесть это место еще раз и снова хохотал.

— Ах ты, негодяй! — радовался он. — Ну кто может устоять перед ним? Ну, Элис, разве я не прав?

И Элис кивала, сидя в башенной комнате с отцом своего любимого, прислонившись к спинке его кресла.

— Неотразим, — соглашалась она.

— Ты все еще по нему сохнешь? — спрашивал лорд Хью, цепляя пальцем ее выбившийся локон.

Девушка поворачивала к нему улыбающееся лицо и отвечала:

— Я люблю его, а он любит меня.

Лорд добродушно вздыхал.

— У Хьюго должен быть наследник, — мягко напоминал он.

— Да, конечно, — говорила Элис. — Но мы ведь и так можем любить друг друга.

Старый лорд, который всю жизнь бегал за юбками, распутничал и дрался, пожимал плечами.

— Наверное. Может быть, какое-то время.

Кэтрин тоже получала весточки от мужа. Каждую неделю он справлялся о ее здоровье и сообщал о событиях в Ньюкасле, которые считал достойными ее ушей.

«Я знаю настоящего Хьюго, — как-то подумала Элис, пока миледи читала дамам его письмо. — Мне известно, что он делал в ту ночь на самом деле; это вранье, что они отправились на прогулку под парусом, а вернувшись, рано легли спать. Правду он пишет отцу, понимая, что эти правдивые послания буду читать я. Кэтрин не знает Хьюго так, как знаю я».

В эти долгие холодные дни, пока Хьюго был в отъезде, Элис повеселела. По ночам она спала так крепко и сладко, что ей не хотелось просыпаться. Ей снилось, что Хьюго вернулся, что на ней розовое платье Кэтрин, что они с Хьюго гуляют по парку и она опирается на его руку, снилось, что на дворе самый разгар лета и солнышко в небе смотрит на них и улыбается. Снилось, что она ночует в большой кровати Кэтрин и ее властно обнимает сильная рука Хьюго. Снилось, как она плывет на торговом судне с высокими мачтами, плывет куда-то на край света, а за штурвалом стоит Хьюго и смеется, и она тоже смеется, и глаза его щурятся от бликов солнца, отражающегося в высоких волнах. Снилось, как в большом зале она подходит к главному столу и Хьюго встает и отодвигает для нее стул, потому что у нее выдается живот, в котором она носит ребенка. И все смотрят на нее и улыбаются. Все рады видеть ее, потому что она носит наследника. Просыпаясь, она еще слышала их приветствия: «Леди Элис!»

Кэтрин тоже была счастлива и не сидела без дела. Беременность благотворно сказывалась на жене молодого лорда. Она стала добрее, веселее, по утрам часто смеялась и пела. Щеки ее порозовели, она очень мило краснела, читая весточки от Хьюго, и, дойдя до конца, поясняла, что там есть одно место, которое она пропустила, как предназначенное только для нее. Потом убирала письмо в специальную сумочку на поясе и время от времени тянула к ней руку, словно проверяя, на месте ли оно.

Элис было неприятно, и она старалась не замечать этого. Когда она расчесывала госпоже волосы, та, развернув письмо на подушке, демонстративно читала его, как бы провоцируя подсмотреть, что там написано. Однако Элис оставалась холодна и безразлична, ей противно было нагибаться и заглядывать в чужое письмо; кроме того, она уже знала, что Хьюго легко разбрасывается нежными словами и обещаниями. Слова любви для него стоили мало.

«Это ничего не значит, — убеждала себя Элис. — Он надеется, что мы будем вместе, уже планирует наше совместное будущее, хочет жить со мной. Ему просто нужно время как следует все обдумать. А пока он старается ублажить миледи ничего не значащими фразами.

И я не стану завидовать ей. Это как бессмысленные заклинания, пустые по сути».

— Боже мой, ты все киснешь, — весело произнесла Мора однажды вечером, когда они ложились спать. — Тоскуешь по молодому лорду?

Пожав худенькими плечами, Элис юркнула в постель и натянула одеяло до самых глаз.

— Тяжело небось, верно? — не отставала Мора. — Любовь зла... Тебе бы надо держаться от него подальше, а ты влюбилась как кошка и тут же потеряла его, даже не попользовалась. Ну почему бы тебе не забыть про обещание? Вернулась бы к колдовству. Он-то забыл про свое.

— Да не забыл он! — яростно возразила Элис. — Ничего ты не понимаешь, Мора. И никуда он не денется. Он попросил подождать, я и жду. Как вернется, все будет иначе. И я рада ждать его.

— Ну, тебе видней, — иронически заметила Мора. — А пока ты дурнеешь, посмотри на себя в зеркало, бледненькая вся, замученная. Сохнешь не по дням, а по часам. От груди ничего не осталось, живот плоский, как доска. Чего ждешь? Ожидание тебя в гроб сведет.

— Подбрось углей в камин и ложись, — холодно ответила Элис, отворачиваясь к стене. — Я спать хочу.

Мора и леди Кэтрин составили странный, неожиданный для всех альянс. Каждый день и вечер дамы сходились в жарко натопленной галерее поболтать и посплетничать. Элис старалась найти место подальше от огня и от Кэтрин, а ту, женщину по природе задиристую, забавляли стычки с Морой. Как-то старая знахарка вдруг потребовала, чтобы ее отпустили домой, и это несмотря на валивший мокрый снег и низкие тучи, плотно закрывшие небо.

— Нет, — отказала ей леди Кэтрин. — Отправишься завтра.

Старуха хмуро кивнула, скрылась в своей комнате и появилась в плаще и в шали на плечах.

— Я же сказала, отправишься завтра, — нетерпеливо повторила Кэтрин.

— Ага, — ядовито отозвалась Мора. — Съездишь завтра, или послезавтра, или через неделю. А я хочу сейчас!

Кэтрин пошевелила пальцами.

— Пора бы уже усвоить, Мора, что в этом замке все делается по моему желанию, ты обязана слушаться.

— Ничего подобного, миледи, — усмехнулась Мора. — Я вам не эти ваши дамы.

— А если я велю тебя высечь? — пригрозила Кэтрин.

Но Мора без страха смотрела ей прямо в глаза.

— Я бы вам этого не советовала, миледи, — отчеканила она.

Потом повернулась и пошла, словно Кэтрин не только позволила ей выйти, но еще и пожелала доброго пути. В галерее воцарилась мертвая тишина, все ошеломленно ждали, что будет, но миледи вдруг громко захохотала.

— Клянусь Богом, эту старуху когда-нибудь повесят! — воскликнула она, отдышавшись от смеха.

Дамы тоже захихикали, испуганно поглядывая друг на друга. Молчала только Элис. Мора вернулась вечером, видимо, у нее имелось какое-то таинственное дело, и Кэтрин обращалась с ней так, будто ничего не произошло.

Однажды в конце марта Хьюго прислал жене письмо, где сообщил, что через несколько дней вернется. Порозовев от удовольствия, Кэтрин объявила:

— Хьюго едет домой. Всего через несколько дней! Я так соскучилась по нему. — Она поправила платье в том месте, где вздымались округлившиеся груди. — Интересно, заметит он, как я изменилась? Как ты думаешь, Элис?

Девушка сидела, уставившись на пылающие поленья.

— Думаю, да, миледи, — вежливо произнесла она.

— А как по-твоему, он будет желать меня, как желал прежде? — не отставала госпожа. — Помнишь безумные ночи, когда был зачат наш сын? Как ты считаешь, он все так же будет сходить по мне с ума?

Элис вызывающе повернула к Кэтрин каменное лицо.

— Может быть, — кивнула она. — Но вам бы лучше поостеречься, миледи. Ваши безумные игры до добра не доведут, ребенка вытрясите, и все мечты закончатся печально.

Кэтрин бросила быстрый взгляд на Мору и вдруг испуганно спросила:

— Этого ведь не может случиться? Или может?

Старуха поджала губы.

— Смотря что и как делать, — важно изрекла она. — Мало ли что ему нравится.

Возбужденно рассмеявшись серебристым смехом, миледи наклонилась к Море и что-то заговорила ей на ухо.

— От этого ребенку вреда не будет, — громко заявила Мора и ухмыльнулась. — Ничего страшного, если вы получите удовольствие.

Кэтрин поднесла руку к сердцу и широко улыбнулась. Потом обе склонились друг к дружке и зашептались, как две деревенские девчонки возле пивной.

Элис почувствовала к Море беспричинное раздражение.

— Прошу прощения, миледи, — вмешалась она, — перед обедом мне нужно почитать лорду Хью.

Кэтрин едва удостоила ее кивком, не соизволив даже поднять голову. А Мора рассказывала какую-то историю, прикрыв рот рукой.

— И что он тогда сделал? — озадаченно поинтересовалась Кэтрин. — Я и не знала, что мужчины такое могут. И как же, черт возьми, отреагировала его жена?

Выйдя из помещения, Элис прислонилась к двери спиной и закрыла глаза. Но даже сквозь толстое дерево из галереи доносился дружный смех. Она устало спустилась, прошла по коридору и поднялась по узкой винтовой лестнице в комнату старого лорда.

Хьюго уже был там. Когда Элис переступила порог, он сидел на табуретке у ног отца и тут же вскочил, чтобы поприветствовать ее. Девушка споткнулась на ровном месте, лицо ее вдруг

побелело как полотно, а потом залилось густой краской.

— Я думала, что увижу вас только через несколько дней, — пролепетала она. — О Хьюго... Хьюго.

Он взял ее за руку и крепко сжал, призывая молчать. Старый лорд перевел взгляд с красного лица Элис на улыбающегося сына.

— Я решил приехать пораньше, — спокойно пояснил Хьюго. — У меня есть великолепный план, собираюсь познакомиться с ним отца, а еще просто по всем соскучился. Как моя супруга? Беременность проходит благополучно?

— Миледи вполне здорова, — сообщила Элис.

Она едва могла говорить, сердце стучало, и ей не хотелось обсуждать Кэтрин. Зато хотелось прикоснуться к любимому, потрогать лицо, мягкую кожу вокруг глаз, поцеловать улыбающиеся губы. Хотелось его объятий и ласк, как в ту ночь, их единственную ночь вместе.

— Ну и что за план у тебя такой? — осведомился старый лорд.

Он сделал знак Элис, она пересекла комнату, встала за его креслом и теперь смотрела на оживленное лицо Хьюго.

— Это придумал ван Эсселин, — начал он, — отправить корабль вокруг Африки и даже до самой Японии — так далеко почти никто не плавал. У него есть вахтенный журнал одного голландского лоцмана, в котором обозначен весь маршрут. Я видел этот журнал, там все расписано. Он намерен набрать товаров и всяких безделушек, там их продать, вернуться с грузом пряностей и шелка и выгодно продать здесь. Это отличная идея, отец. Я уверен в успехе.

— Торговать, значит?

— Это не спекуляция на базаре, — быстро добавил Хьюго. — Это занятие вполне благородное. Приключения, опасности, будто на войне, почти как Крестовый поход. Мир меняется, отец, нам тоже надо меняться вместе с ним.

— А что, если этот твой большой корабль потонет? — задал прямой вопрос его светлость.

Хьюго пожал плечами.

— Тогда потеряем все. Ван Эсселин просит нас профинансировать путешествие, ему и нужно только тысячу фунтов. Мы можем дать ему тысячу, и, если все получится, это принесет нам состояние.

— Тысячу фунтов? — Старый лорд покачал головой. — Целую тысячу!

— Но подумай, какая может быть отдача, отец! — Хьюго уже стал горячиться. — Мы получим в двадцать, а может, в пятьдесят раз больше. Если судно прибудет с пряностями и шелками, оно может сразу причалить в Лондоне и мы озолотимся, даже если будем торговать прямо с пристани. Или можно отправить товар в Ньюкасл, а то и в Шотландию. Ради пряностей люди готовы на все; вспомни, какие деньги мы сами платим за них. Мы сразу разбогатеем, не надо будет выколачивать налоги из голодных, заваленных снегом крестьян.

— Нет, — отчеканил старый лорд. — Пока я здесь хозяин, этого не будет.

Лицо Хьюго вдруг потемнело от гнева.

— А ты не объяснишь почему? — дрожащим голосом произнес он.

— Потому что мы лорды, мы господа, а не торговцы, — презрительно заявил его светлость.
— Потому что мы ничего не знаем о море и не понимаем в торговле, которой занимаются твои друзья. Потому что основа успеха нашего рода — земля, которую мы завоевывали и удерживали в своих руках. Вот наш путь к прочному богатству и благосостоянию, все остальное — ростовщичество, неважно, в какой форме.

— Сейчас другое время, в мире все давно изменилось, — пылко возразил Хьюго. — Ван Эсселин уверяет, что по пути нам откроются новые земли, которые пока неизвестны. Это может принести несметные богатства. Говорят, есть такие страны, где золото и драгоценные камни ничего не стоят, они валяются под ногами. А наши товары ценятся очень высоко.

Старый лорд снова покачал головой.

— Ты, Хьюго, еще молод, и амбиции у тебя как у юнца. Но я уже пожил на свете и, как всякий старик, люблю во всем порядок. Пока я хозяин, у нас все будет по-прежнему. Вот помру, делай что заблагорассудится. Но думаю, когда у тебя появится сын, тебе тоже не захочется рисковать его наследством, как мне рисковать твоим.

Раздраженно хмыкнув, Хьюго бросился к двери.

— У меня здесь не больше прав, чем у женщин! — крикнул он. — Мне уже тридцать два года, отец, а ты обращаешься со мной, как с ребенком. Надоело! Ван Эсселин на год младше меня, а он управляет компанией отца. Отец Шарля де Вера отдал ему свой дом и всех своих слуг. Предупреждаю, я не желаю вечно быть твоей комнатной собачкой.

Элис смотрела на старого лорда, боясь, что он вспылит, но тот сидел не шевелясь и о чем-то размышлял.

— Я все понимаю, — спокойно промолвил он. — Скажи-ка мне, Хьюго, вот что. Когда этому твоему ван Эсселину нужны деньги?

— Через год, — ответил Хьюго. — Но уже к осени ему нужно твердое обещание.

Он вернулся на прежнее место и нетерпеливо ждал продолжения.

— Ладно, так и быть, сделаю это для тебя, — согласился его светлость. — Если Кэтрин в октябре благополучно родит сына, найду для тебя тысячу фунтов. Это будут твои деньги и деньги твоего сына. Подарок ко дню его рождения. Можешь делать с ними что угодно: купить плодородную землю с твердой рентой или пустить на волю ветров и волн в этой твоей аванюре. Посмотрим, что ты выберешь, когда на руках у тебя будет сын, которого надо обеспечить.

— Если Кэтрин родит сына, у меня будет тысяча фунтов? — уточнил Хьюго.

— Даю слово, — подтвердил старый лорд.

Быстро подойдя к отцу, Хьюго упал на колени и поцеловал ему руку.

— Ну, тогда я разбогатею! — радостно воскликнул он. — Ведь Кэтрин уверена, что родит мальчика. Правда, Элис? Ты ведь так считаешь, верно?

Девушка холодно кивнула; от напряжения у нее свело шею.

— Я немедленно иду к Кэтрин, хочу посмотреть, как у нее дела, — с довольным видом сообщил Хьюго.

Он поклонился отцу, весело кивнул Элис и выбежал из комнаты. Когда дверь за ним захлопнулась, Элис даже не шевельнулась.

— Ну вот, в этом замке еще какое-то время будет спокойно, — усмехнулся лорд. — Примерю на себя роль опытной свахи. Подожди и увидишь, как он теперь станет ее баловать, когда от нее зависит все: и наследник, и его будущее, и тысяча фунтов.

Непослушными губами Элис выдавила улыбку и взяла книгу, которую ему читала.

ГЛАВА 15

Вечером Элис сидела у камина в дамской галерее по другую сторону от госпожи и невозмутимо следила, как та хлопает мужа по руке, шутливо упрекая за остроты, как кладет ладонь ему на плечо и наматывает его темный локон на свой пальчик.

Элис приказали принести из буфета оснейского вина для Хьюго. Подавая ему напиток, она встала на одно колено, и он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз.

— Здорова ли ты, Элис? — спросил он тихо, только для ее ушей. — Когда я писал отцу, я вспоминал о тебе, знал, что ты первая прочтешь мои послания. Так что я писал не только отцу, но и тебе тоже.

Рука Элис задрожала; горлышко бутылки звякнуло о край кубка.

— И когда ложился в постель с девкой, я думал о тебе, Элис, — шептал он. — Думал, не играешь ли ты со мной. Не играла ли с самого начала, и с моим отцом тоже, и с моей женой. Что за темные игры у тебя, Элис? Отказалась ли ты от них, бросила ли свою магию и колдовство, как обещала? — Хьюго быстро огляделся. Никто за ними не наблюдал, и он продолжил: — Я уезжал, будучи без ума от тебя. В Ньюкасле, куда бы я ни пошел, где бы ни был, нигде не находил радости. Я постоянно пытался представить, как бы ты к этому отнеслась, понравилось бы тебе или нет. А потом я разозлился на тебя, Элис. В общем, мне кажется, ты околдовала меня. С самого начала ты играла со мной, хотела лишиться покоя.

— Я не умею колдовать, милорд, — сухо возразила Элис. — Мне немного известно о травах, я умею ими пользоваться, лечить болезни, могу принимать роды.

Бросив на него быстрый взгляд из-под длинных ресниц, она встала, все еще с бутылкой вина в руках, и добавила:

— Я ведь тоже потеряла покой.

Хьюго рассмеялся, обнажив ряд белоснежных зубов.

— А я совсем не прочь быть околдованным, — заметил он. — И не прочь, чтобы меня искушали и соблазняли. Но видишь, в каком я сейчас положении, Элис? До октября у меня в жизни не может быть перемен, но потом я получу все. А до этого мы могли бы повеселиться, только ты и я. Но тайно.

— Что ты сказал? — вмешалась Кэтрин. — О чем это вы шушукаетесь с милордом, Элис? Хьюго, тебе не кажется, что она исхудала? Совсем худенькая и бледненькая. Боюсь, она у нас плохо питается. Когда приехала в замок, была такая хорошенькая, а теперь посмотри, кожа да кости, как старая дева за прялкой.

Дамы дружно захихикали, будто только этого и ждали. Элис смутилась и с негодованием поймала на себе изучающий взгляд Хьюго.

— Ты нездорова? — громко произнес он безразличным тоном, чтобы все его слышали.

— Здорова, — так же громко отозвалась Элис. — Просто мы все время сидим в помещении, это утомляет. Больше ничего...

— Ну, все ясно, — перебила ее Кэтрин. — Проверь-ка, нагрета ли у меня постель! — Она посмотрела на супруга. — Впрочем, через минуту, надеюсь, нам и без того будет жарко.

Хьюго со смехом взял протянутую руку жены и ласково проворковал:

— Ложитесь в постельку, миледи. Вы должны больше отдыхать ради здоровья нашего сына. Вы не представляете, сколько надежд я возлагаю на него.

В спальне госпожи Элис проверила, устлан ли пол свежими травами, лежат ли травы под подушками. Перед камином она сделала Хьюго и миледи легкий реверанс, и все разошлись по своим комнатам.

— Что-то нынче он не очень-то на тебя поглядывает, — заметила Мора, когда они с Элис разделись и в одних рубашках юркнули в холодную постель.

— Да, — согласилась девушка.

— Как считаешь, почему? — попыталась выведать Мора.

— Не знаю, — ответила Элис.

— Интересно все-таки, почему, — не сдавалась старуха.

— Лорд Хью заставил его попоститься, — пояснила Элис, неожиданно потеряв терпение. — Сегодня. Я слышала каждое слово. Он даст Хьюго денег, если Кэтрин родит здорового сына. Обещал выдать ему тысячу фунтов, с которыми тот сможет делать все, что угодно.

— Значит, Хьюго купили! — Старуха тихонько присвистнула. — Тогда тебе нечего ждать, Элис. Ты проделала с куклами прекрасную работу, получилось лучше, чем ты хотела.

— Я пожалела об этом колдовстве тысячу раз, — призналась Элис.

— Почему? — удивилась Мора. — Потому что любишь его и хочешь сейчас к нему в объятия? Твое желание так сильно, что ты готова рискнуть всем, лишь бы забраться к нему в постель? Холодно смотришь на него, проходишь мимо, даже не оглянувшись, а сама молишься, чтобы он бросил жену и прибежал к тебе, пылая такой же страстью?

— Да, — кивнула Элис.

Откинув одеяло, она опустила босые ступни на холодный пол, взяла корзинку с дровами и подбросила в огонь полено.

— Да, я сохну по нему, не могу есть, не могу спать, а он сейчас снова лежит с ней в постели... родится ребенок, потом еще один и еще. А что останется мне? Обьедки с ее стола-Мора весело усмехнулась.

— Подай-ка мне шаль, — велела она. — И подкинь еще полено, иначе погаснет. В этом замке не жизнь, а сплошная комедия. Плохи твои дела: у Кэтрин будет ребенок. И даже без денег он не перестанет ее навещать. Он наконец ее распробовал.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Элис.

Она бросила Море шаль, затем достала из сундука гребень и стальное зеркало и начала расчесывать спутанные волосы, нетерпеливо распутывая узлы. Теперь густая золотисто-медная копна достигала плеч.

— Что значит «распробовал»? — уточнила Мора. — Мужчины всегда на это клюют — когда женщина забеременеет. Мужчина видит, что грудь у нее выросла, животик округлился. Ему нравится результат своей случки, особенно когда он спаривается. Здесь на две трети бахвальства и лишь на треть чего-то еще. Древний, глубинный инстинкт. И у Хьюго этого хватает.

Безжалостно дергая волосы, Элис кое-как заплела косу.

— Хватает? — переспросила она.

Мора вздернула брови и внимательно на нее посмотрела.

— Ты уверена, что хочешь знать?

Элис кивнула.

— Он уже спал с ней сегодня днем, — сообщила Мора. — После того, как был у отца. А ты в это время сидела в комнате старого лорда. Прибежал, выгнал всех женщин из галереи и набросился на нее, как безумный. Если тут замешано твое колдовство, тогда куклы хорошо делают свою работу. Он оторваться от нее не может. Ни днем ни ночью.

По лицу Элис было видно, что она потрясена.

— А как он вел себя? Так же грубо, как и прежде? Ведь он никогда не бывал с ней ласковым...

Мора покачала головой.

— На этот раз к себе не привязывал. А в остальном как всегда — что в голову взбредет. Шлепал, правда легонько, дергал за волосы. Потом заставил взять в рот. На нее не ложился, боялся повредить ребенку. Сунул ей в рот и мычал от удовольствия, как буйвол.

— Прекрати, — остановила ее Элис. — Какая ты противная. Откуда ты все знаешь? Ты врешь.

— Подглядывала, — улыбнулась Мора, закутывая плечи шалью и поправляя под взъерошенной головой подушку. — Я должна все знать. Вот и подглядывала.

Элис не удивляли проделки Моры. Она кивнула и отрывисто спросила:

— А миледи? Почему она позволила ему это? Ведь она беременна. Почему еще требует от него этих извращений?

— Она не требует, глупая девочка... девственница ты моя! — воскликнула Мора с усмешкой. — Зачем ей требовать? Она и без того получает все, что хочет женщина, ведь приличная женщина даже не признается, что всего этого хочет. Кэтрин просто лежит там, как мягкая розовая гора, и позволяет ему по себе ползать.

Элис сердито сдвинула брови.

— Хьюго говорил, что, как только миледи забеременеет, он не войдет к ней. Что ему нужен сын, а потом он будет со мной. Еще говорил, что в Ньюкасле подумает, как все устроить...

уверял, что мечтает жить со мной, но ее тоже надо ублажать. Все это время я ждала, только ждала. Все это время, понимаешь, Мора! Все ждала и ждала.

Старуха смотрела на нее без всякого сочувствия.

— Тогда иди к нему, — ответила она. — Но ты не сможешь победить ее жар своей монастырской холодностью. Иди к нему и признайся, что хочешь его, настаивай, чтобы он бросил жену. Приворожи, пообещай темную страсть. Боль так боль, наслаждение так наслаждение. Ты способна дать ему нечто такое, на что он и не надеется со своими шлюшками. Скажи, что ты колдунья и; если он придет к тебе, ты подаришь ему удовольствия, которые смертному и не снились. Он такой же мужчина, как и всякий другой, — их всех тянет к колдовским делам и греху, которые совершаются в темноте ночи. Желаете его получить — так возьми его! У тебя осталось мало времени, и тебе это известно.

— Мало времени? — удивилась Элис. — Ты что-то такое предвидишь?

— Элементарно! — засмеялась Мора. — Пока ты молода и красива, но в любой день чума, бедствие, болезнь могут обезобразить тебя. Подует ветер и оставит шрам на лице. Захвораете и поблекнете, кожа пожелтеет, глаза и волосы утратят свежесть. Вот сейчас из-за этой страсти ты каждый день худеете, она сжигает тебя изнутри. Еще месяц, и ты превратишься в некрасивую старую деву. Если есть мечта — действуй сразу. Ожидание — тяжелое испытание только для тебя, больше ни для кого.

— Меня измучила эта страсть, — тихо подтвердила Элис.

— Хочешь, побеседую с ним? — предложила Мора. — Вечером я всегда последней уйду из галереи. Я отведу его в сторонку и намекну, что из спальни Кэтрин он может прийти сюда. А я посторожу, пока вы не закончите.

Повернувшись к кровати, Элис подозрительно на нее посмотрела и промолвила:

— Но почему? Зачем тебе рисковать, оскорбляя этим леди Кэтрин? Ведь ты поставлена так высоко, пользуешься ее расположением, тебе платят вдвойне по сравнению с остальными, ты можешь уходить и возвращаться любое время, ты ешь, сколько влезет, и болтаешь все, о на языке! Зачем тебе рисковать?

— Это игра, детка, — снисходительно ответила Мора. — Это как бросать кости, или гадать по картам, или делать настои из трав. Это игра. Что случится потом? Вся магия — это вопрос: «А что случится, если...» Мне интересно, что будет, если ты переспришь с Хьюго. Интересно понаблюдать, как это будет. Мне просто любопытно, ничего больше.

— А разве ты сама не видишь? — спросила Элис. — Почему ты не видишь будущего, как видела раньше, а, Мора?

Старуха пожала плечами.

— Я вижу, что у тебя недолгое будущее, да тебе хватит и этого. Когда я смотрю дальше, все накрывает мрак и ничего не разобрать: только мрак и вода. Поэтому поступай так, как поступила бы любая женщина на твоём месте, и плевать на видения. Неизвестно, что тебя ждёт. Так мне передать Хьюго, что ты хочешь с ним встретиться?

Элис задумалась.

— Хорошо, — наконец решила она. — Прямо сейчас. Вызови его прямо сейчас. Немедленно уведи его от Кэтрин. Я не перенесу, если он проведет эту ночь с ней.

Кивнув, старуха выбралась из-под одеяла, набросила на плечи шаль и скрылась за дверью.

Элис снова взяла зеркало, запустила пальцы в свои густые волосы и заметила румянец на бледных щеках. Слышно было, как в другом конце галереи Мора уверенно стучит в дверь.

— Лорд Хьюго! — громко крикнула она. — Вас зовет старый лорд. Требуется вас к себе.

До нее донеслись проклятия Хьюго, потом раздались его быстрые шаги к двери. Он окликнул жену по имени и велел ей засыпать. Наконец дверь в спальню захлопнулась, и он вышел в галерею. Отбросив зеркальце, Элис тоже направилась туда.

— Тебе не нужно идти к отцу, — обратилась она к Хьюго. — Это я велела Море побеспокоить тебя.

Элис высоко держала голову, ее волосы золотой волной обрамляли лицо и падали на плечи. Хьюго во все глаза смотрел на нее, на тонкую ткань ее ночной рубашки; глубокий разрез открывал шею, где часто пульсировала тонкая жилка.

— Элис, — тихо промолвил он.

Она сглотнула, и он заметил, как на ее шее шевельнулась мышца.

— Не вынесу, если ты ляжешь к ней в постель, — откровенно призналась она. — Ты просил подождать, пока приедешь из Ньюкасла, и я ждала. А теперь стань моим, хочу любить тебя. Я столько мечтала о том, что ты вернешься домой, вернешься ко мне.

Мрачная улыбка тронула губы Хьюго и снова растаяла.

— Ты слышала слова моего отца, — сказал он. — Ты знаешь, как мне нужен наследник. Мое будущее и будущее моей семьи зависит от того, кто будет наследником этого замка и этих земель. Отец обещал мне деньги, Элис. Я не могу расстраивать Кэтрин, она носит моего ребенка, который нужен мне больше всего на свете.

— А как же я? — вырвалось у Элис. — Я вижу, что нужно Кэтрин, — и она получает это. И я вижу, что нужно тебе. Но как же я?

Хьюго посмотрел на нее, улыбнулся, и от его глаз побежали лучики морщин.

— Значит, ты хочешь меня, — догадался он.

Это был не вопрос, но девушка кивнула.

— Моры в твоей комнате нет?

Не поднимая глаз, Элис помотала головой.

— Тогда пошли, — скомандовал он и обнял ее за талию.

Элис покорно последовала за ним в свою спальню. Там он поднял ее на руки, опустил на кровать, задрал ей рубашку и, увидев ее наготу, хмыкнул от удовольствия. «Как животное», — подумала Элис. Она закрыла глаза и вспомнила о том, сколько дней и ночей желала его, ждала их первой близости. «Это Хьюго, — мысленно убеждала она себя, — тот самый Хьюго, о котором я мечтала, которого страстно желала, которого жаждала больше всех на свете». Но это не помогло. Она была холодна, внутри все было сухо. Она боялась боли, боялась его тяжелого тела. Хьюго задрал свою ночную рубашку до пояса.

— Если бы ты действительно была ведьмой, ты бы приворожила меня, — заявил он. — В Ньюкасле мы болтали про ведьм и колдовство. Стоит мужчине коснуться колдуньи, и никакой другой женщины он больше не захочет.

— Я не колдунья, — отозвалась Элис. — Ты приказал мне бросить это дело, и я послушалась. Я не умею привораживать.

В комнате было довольно холодно, и она уже стала замерзать в одной рубашке. Хьюго резко опустился на нее, и его тяжелое тело чуть ее не расплющило. За ужином он ел мясо, уснащенное пряностями, и дыхание его отдавало кислятиной.

— Хьюго, — прошептала Элис, обняв его широкие плечи.

Как страстно она ждала этой минуты! Ведь именно этого она и хотела, хотела так долго.

— Если бы ты была ведьма, — продолжал он, — какие наслаждения подарила бы мне, а, Элис? Как думаешь, ведьмы могут заставить мужчину летать? Могут сделать так, что он будет непрерывно хотеть, день и ночь? А ты бы стала колдовством вызывать для меня девственниц, одну за другой? Чтоб у каждой между ног горело от страсти, чтоб каждая сходила по мне с ума. И чтоб все предавались любви со мной и друг с другом. Представь, огромная постель, а на ней женщины, много женщин, их губы, их руки и тела стремятся доставить мне наслаждение, мне и только мне одному.

Собственные фантазии возбудили его, он оперся на руки, тяжело задышал и впихнул в нее что-то твердое. Элис закричала — это был крик боли — и, изогнувшись, попыталась его скинуть.

— Нет!

Хьюго засмеялся и положил руки на ее худенькие плечи.

— На, бери, Элис, — прерывисто произнес он. — Ты ведь этого желала. Ты же за этим охотилась. А чего ты ждала? Что я буду делать это нежно и ласково, как ты касаешься меня своими мягкими пальчиками? Но мужчина делает это вот так, Элис. Привыкай, тогда тебе понравится.

С каждым словом он впихивал ей все глубже и глубже. Элис бешено барахталась, стараясь выбраться из-под него, избавиться от этой грубой, жадной похоти.

— О-о! — вдруг простонал Хьюго и упал на нее всей своей тяжестью.

Несколько секунд оба хранили неподвижность. Боль внутри немного утихла; Элис чувствовала, как его член становится мягким и постепенно выскользывает из нее. Она ощущала запах крови, стекающей по озябшим бедрам. Слезы высохли, кожа вокруг глаз стянулась и похолодела. Она пошевелилась, и Хьюго отвалился в сторону — так свинья грузно поворачивается в луже. Он лег на спину и пустыми глазами уставился в потолок.

Подвинувшись к нему ближе, Элис положила голову ему на плечо. Она слышала, как сильно стучит его сердце, постепенно успокаиваясь. Он протянул руку и обнял ее.

— Мне больно, — тоненьким голоском проскулила она, жалуясь, как ребенок, которому действительно больно.

— Ну, тогда ты не ведьма, — усмехнулся Хьюго. — С дьяволом ты не спала, это уж точно.

— Я же говорила, что не ведьма, — резко ответила Элис. — Я была девственницей. А ты сделал меня женщиной. И мне было больно, Хьюго.

Он кивнул с таким видом, словно это совершенный для него пустяк.

— Девушкам всегда больно, когда это в первый раз, — равнодушно обронил он. — А чего ты

ждала?

Она промолчала, все ее радужные ожидания поблекли и обернулись горечью. Хьюго зевнул и сел на постели.

— Дай какую-нибудь тряпку, — велел он. — Не могу же я в таком виде вернуться к Кэтрин.

— Как к Кэтрин? — глупо спросила она.

— Вот так, — отозвался Хьюго.

Элис выбралась из постели и, ковыляя, направилась к сундуку с бельем. Она чувствовала, как по бедру стекает теплая струйка крови. Он взял у нее кусок полотна и быстрыми, торопливыми движениями вытер кровь у себя между ног. А вместе с ней и запах Элис. Потом поднял голову, увидел ее потрясенное лицо и пожал плечами.

— Перестань, Элис! — раздраженно воскликнул он. — Слышала, что сказал отец? Ты же знаешь, что значит для меня этот ребенок. Пока он не родится, я буду спать в постели Кэтрин. Я сделаю все, чтобы она была довольна и спокойна. Ради моего сына. Ради моего рода, семейства и, черт возьми, ради себя тоже! Восемнадцать лет я ждал сына. С кем я только не спал, и никто из них не беременел. А теперь моя жена, моя законная жена, ждет ребенка, и все уверяют, что это будет сын. Как же мне не заботиться о ней, как же не удовлетворять все ее желания?

— А мне снился наш с тобой сын. — Элис вздохнула. — Понимаешь, наш с тобой.

Молодой лорд наклонился к ней и потрепал по бледной щеке.

— Как забеременеешь и родишь мне сына, буду любить тебя больше всех, — небрежно произнес он. — А пока моего сына носит Кэтрин, и я готов исполнить любую ее прихоть. Во всем мире только одна вещь может заставить меня воздержаться от Кэтрин.

— И что же это? — поинтересовалась Элис.

Она из последних сил сдерживала злость и боль, у нее даже перехватило горло.

— То, о чем я и мечтал, — спать с тобой! — засмеялся Хьюго. — Как только увидел тебя, особенно когда все решили, что ты ведьма, сразу подумал: она съест меня с потрохами, — поговаривают, что ведьмы так и поступают с мужчинами. Думал, будешь носить меня на спине, как кобыла. Думал, ты знаешь такие штучки, от которых я с ума сойду, лишь бы быть с тобой.

— А вместо этого я оказалась очередной девственницей. — Элис грустно покачала головой. — Простой девчонкой, как все.

Хьюго встал, отшвырнул окровавленную тряпку и привлек Элис к себе.

— От простых девчонок тоже можно получить удовольствие, — успокоил он. — В следующий раз, любимая, когда я утомлюсь от путешествий и буду сыт по горло Кэтрин, в следующий раз получится лучше.

Девушка кивнула, поняв, что он хочет идти.

— Но больше не присылай ко мне свою Мору, — предостерег он. — Жена обязательно догадается, ей станет плохо, а это вредно для ребенка. Я навещу тебя, когда Кэтрин точно не увидит. Когда она спит.

— Значит, темные углы, — промолвила Элис. — Чуланы. Тайно, чтобы никто не узнал.

Лицо Хьюго просветлело.

— А что, мне нравится, — заявил он. — Рискованно и быстро. Ты разве откажешься от близости, когда сил нет ждать удобного момента, когда обоим очень хочется?

Элис отвернулась, скрывая от него гнев и обиду.

— И я буду как всякая простая девчонка, — ответила она.

Хьюго обнял ее за талию и небрежно поцеловал в макушку.

— Ладно, мне пора, — заторопился он. — Спокойной ночи и сладких снов.

Дверь за ним тихо закрылась. Элис устало вернулась в кровать и легла на спину, глядя, как по потолку пляшут блики пламени. Когда отворилась дверь, она и головы не повернула. Она знала, что это не Хьюго.

— Ну и дура же ты, — весело сказала Мора. — Я-то думала, ты вся горишь от страсти. Иначе я бы предупредила тебя, что если ляжешь с мужчиной, которого ненавидишь, то будет больно.

Девушка медленно подняла с подушки голову.

— С чего ты взяла, что я ненавижу его? — вяло спросила она. — Я люблю его. Люблю больше жизни.

Мора хрипло рассмеялась и юркнула в кровать.

— Да, говоришь, что любишь, — охотно согласилась она. — Но тело твоё говорит совсем другое, детка. Твое тело все время твердит «нет». Даже когда ты пытаешься обмануть себя, что на седьмом небе от счастья.

— Помоги мне, Мора, — взмолилась Элис, приподнявшись на локте. — Мне было больно, я чувствовала отвращение, он взял меня так грубо. А раньше от одного его взгляда я вся трепетала.

— Он разочаровал тебя, — усмехнулась старуха, накрываясь одеялом. — И ты ненавидишь Кэтрин. Тебя одновременно тащит в разные стороны. А собственные интересы ты не принимаешь во внимание. Сумей овладеть своей силой, Элис! Пойми, чего ты на самом деле хочешь, и добейся этого. Сегодня ночью ты лежала вот здесь и желала, чтобы он изнасиловал тебя. А ему надоели вечные жертвы, он ждет от женщины, чтобы она сводила его с ума.

— Ты подглядывала, — раздраженно заключила Элис. Потянув на себя одеяло, она повернулась лицом к стене.

— Конечно, — спокойно подтвердила Мора. — И послушай меня: с Кэтрин, с ее диким распутным нравом, он получает больше удовольствия, чем с тобой.

Элис молчала.

— Я бы на твоём месте, — задумчиво продолжала Мора, глядя в неподвижную спину своей воспитанницы, — не стала бы торопиться, дала бы ему вина, сама бы выпила бокальчик. А то и подмешала бы чего-нибудь. Есть такой корешок, так возбуждает мужчину, что он начинает сходить с ума, у него постоянно стоит, он часами не может кончить. Я бы рассказывала ему

похабные истории, заставила бы смотреть, как я трогаю себя, ласкаю и там, и тут. Заверила бы, что я ведьма и если он прикоснется ко мне, то обезумеет. И только когда он опьянеет от похоти, я позволила бы себя взять. И не стала бы распускать под ним нюни, как какая-нибудь судомойка, которую берут силой.

От ее слов Элис закрыла глаза и опустила голову.

— Но я не легла бы с ним, пока не решила, хочу я его или нет, — рассуждала Мора. — Я отказалась бы спать с мужчиной, если у меня с ним счеты или если он дурит мне голову. Не позволила бы залезть на себя, чтобы потом он отмывался, словно о меня запачкался. Я бы заставила его выбирать между собой и женой. И уж наколдовала бы так, что он выбрал бы меня.

Перевернувшись на другой бок, Элис посмотрела на Мору и злобно заявила:

— Никакое на свете колдовство не загасит желание иметь наследника. Я надеюсь только на то, что эта сучка помрет во время родов, а вместе с ней и младенец.

Старуха спокойно выдержала ее взгляд и ровным голосом произнесла:

— А я здесь как раз для того, чтобы ничего подобного с Кэтрин не случилось. В тонкой же сетке ты запуталась, малышка Элис.

Девушка снова повернулась к стенке и зарылась лицом в подушку.

— Что, снова захотелось в аббатство? — спросила Мора, посыпая солью старую рану. — Там было тепло, светло и мухи не кусали. А тут вон какая неприятность, а защитить-то некому, матушки во Христе рядом нет. — Мора помолчала и весело добавила: — Ах, какая жалость!

И прежде Элис чувствовала себя несчастной, но после той ночи стало совсем тяжело. Апрель выдался долгий и ветренный, словно сама погода была настроена против нее. Казалось, эти мрачные холодные дни никогда не кончатся.

Она помнила зимы и потяжелее, когда была маленькой и жила с Морой. Им постоянно не хватало еды и дров, и Мора ежедневно выгоняла ее на мороз из засыпанной снегом хибарки, дав указание набрать полное ведерко снега и поставить таять над крохотным драгоценным пламенем в очаге. По ночам они прижимались друг к другу, чтобы спать было теплее, и слушали, как воет волчья стая, которая в вечерних сумерках и на рассвете подбиралась совсем близко к хижине. Подбрасывая в огонь очередной брикет торфа и горсть сухой травы, Мора смеялась, будто пронизывающий до костей холод, боль в голодном желудке и бесконечное завывание волков забавляли ее.

— Запомни, — говаривала она воспитаннице, большеглазой и тоненькой, как ягненок, лишившийся матери. — Запомни, моя Элис. Никогда не спорь с мужчиной, особенно если он сильный. Найди свое место в жизни и держись его.

И маленькая девочка с огромными синими глазами на крохотном белом личике кивала и особым образом складывала цыплячьи пальчики, стараясь уберечься от дурного глаза.

— Этот крестьянин был нехороший человек, — серьезно замечала она.

— Да, это так, — с удовольствием отзывалась Мора. — А теперь он умер, потому что был ко мне несправедлив. Найди свое место в жизни и держись его, Элис. И еще — избегай нехороших мужчин, у которых в руках власть.

Элис тогда постоянно мерзла; жестокий холод, поселившийся в сердце, сопровождал ее всю жизнь, словно в груди у нее лежал кусок льда, который никогда не растопится. Ни ласки, которыми ее окружали в аббатстве, ни жаркое пламя каминов, наполненных горящими поленьями, ни пледы из теплой овчины, ни шерстяные ткани не могли избавить ее от этого чувства. В аббатстве, стоило ей услышать завывание ветра, она поднимала голову к матушке.

— Это что, волки воют? Это волки воют, матушка Хильдебранда?

Старая аббатиса смеялась, клала детскую головку себе на колени и гладила светлые вьющиеся волосы.

— Успокойся, мой воробышек. Если даже и волки, что с того? Здесь они не тронут тебя, у нас толстые стены, правда?

— Да, и теперь здесь мое место, — удовлетворенно отвечала девочка.

«А теперь у меня нет своего места, и мне снова холодно», — подумала Элис.

Она сидела на ступеньке возле кухни, глубоко запрятав руки в рукава и повернув лицо к бледно-золотистому диску зимнего солнца. Все дамы были в замке, они мило болтали и смеялись в теплой галерее. Для пущего веселья Мора спела непристойную песенку, и Кэтрин громко хохотала, положив ладонь на вздувшийся живот.

Дрожа от злости и раздражения, Элис убежала от них под тем предлогом, что ей надо собрать травы на грядках. По ночам у старого лорда начался кашель, он очень уставал от него, и Элис решила лечить его лавандой. Головки лаванды оказались чахлыми и замерзшими, надо было собирать их летом, когда они еще были свежими, сочными и душистыми.

— Ими пренебрегли, про них забыли, и теперь они завяли и замерзли, — сказала Элис, перебирая горсть сухих комочков у себя на коленях. — О боже, Хьюго...

Разрываясь между требованиями Кэтрин, которая постоянно хотела видеть ее рядом, и нуждами старого лорда, то слабеющего, то снова приходящего в себя, Элис всегда была чем-то занята, у нее не было ни минутки одиночества. Все эти долгие недели, когда не переставая шел снег, таял и снова падал, Элис безучастно сидела то возле камина в галерее, то возле узкой бойницы у старого лорда, то дрожала от холода в саду.

— Что тебя беспокоит, Элис, уж не заболела ли ты? — озаботился его светлость.

Карлик Дэвид, прищурившись, заглянул ей в лицо и злобно ухмыльнулся.

— Заболела? Разве знахарка может заболеть? Или она плохая, глупая знахарка? Травница с высохшими мозгами? Кто ты, Элис? Сухая тыква, в которой гремят сухие зерна?

Одна только Мора в темной комнате, где ночами они делили кровать, попала своим грязным пальцем прямо в болевую точку.

— Что, все страдаешь по нему, так, что ли? — резко спросила она. — Горит все внутри?

Хьюго в эти дни был занят и едва замечал Элис. Он отправлял письма одно за другим — в Лондон, в Бристоль, в Ньюкасл — и ругался как солдат, если задерживалась их доставка или ответ. Также он руководил разборкой фундамента аббатства. Рабочие возили на санях огромные камни и складывали в кучу там, где Хьюго собирался строить новый дом.

— Это будет не замок, — объяснял он супруге. — Это будет нормальный дом. Современный,

в стиле Тюдоров. Дом для долгой, мирной жизни.

Он с упоением описывал планировку здания: вместо узких бойниц — настоящие окна, в каждой комнате свой камин с отдельной дымовой трубой. Он сразу заставил бы людей копать котлован под фундамент, но земля так замерзла, что в нее невозможно было загнать даже острый нож. Так что пока Хьюго прикидывал размеры, делал чертежи, показывал их Дэвиду, спорил с ним о том, где делать кухню и пекарню, сколько нужно комнат и какой должен быть фасад. Когда в ранние зимние сумерки он появлялся в замке, дамы трепетали от волнения, как куры в курятнике при приближении лисицы. Хьюго оглядывал их темными смеющимися глазами, на несколько минут уводил ту, которая приглянулась, в какой-нибудь темный коридор и получал там грубое удовольствие.

Элис заметила, что Хьюго редко пользовал одну и ту же даму два раза подряд. Он никогда нарочно не обижал их, не устраивал с ними диких и жестоких игр, как с женой. Просто удовлетворял похоть и сразу отпускал.

И дамы обожали его за это. Элис часто слышала, как они весело обменивались по этому поводу впечатлениями.

— Он такой проказник!

— Вылитый старый лорд в молодости!

— Настоящий мужчина!

Однажды он и к Элис так же протянул руку и с насмешливой улыбкой приподнял черную бровь. Девушка посмотрела сквозь него ничего не выражающим взглядом, он коротко хохотнул и сразу отвернулся. Принял ее отказ так же просто, как и приглашение. Элис слышала, как он что-то насвистывал, сбегая вниз по лестнице. Она уже не волновала ему кровь — у него и без того было много развлечений. Он больше не навещал ее, когда Кэтрин спала, а Элис больше и не ждала этого. В игре с ним она рискнула поставить на кон свою страсть, но проиграла, и страсть куда-то исчезла.

Осталась лишь надоедливая, мучительная уверенность в том, что Хьюго нужен ей, эта уверенность коренилась где-то гораздо глубже, чем страсть. Элис проверила их чувство на прочность, и чувство не выдержало. Хьюго с легкостью от нее отказался, и она поняла: ее власти и над любимым мужчиной, и над всем миром пришел конец. Ее сила куда-то утекла, пропала — так мрачным зимним вечером бледный закат едва померцает на тусклой линии горизонта — и его нет.

Однажды, когда она поднесла руку к груди старого лорда, кристалл на тесемке остался на месте, даже не шевельнулся.

— Ты потеряла силу, Элис? — прямо спросил милорд; его глаза широко и настороженно раскрылись, словно у встревоженного филина.

— Думаю, да, милорд, — подтвердила она, похолодев до самых костей. — Не могу получить желаемое, а не хотеть не умею. Все валится из рук, ни до чего нет дела. А теперь, судя по всему, еще и дар пропал.

— И какова причина? — уточнил его светлость.

— Хьюго, — пояснила Элис. — Он захотел, чтобы я стала как все, простой любовницей. И теперь я настолько как все, что он не замечает меня. Ради любви к нему я растратила свою силу, теперь у меня нет ни силы, ни любви.

Услышав это, старый лорд отрывисто засмеялся, постепенно перейдя на кашель и хриплую

одышку.

— Тогда пришли ко мне Мору, — велел он. — Пускай теперь она лечит вместо тебя. Кэтрин говорит, что доверяет Море абсолютно, что она великая целительница и знает о травах все.

Девушка кивнула; видно было, что она страдает.

— Как пожелаете, — промолвила она; слова слетели с губ, как холодные снежинки.

Она осталась у старого лорда в качестве секретаря, правда, во время болезни и Великого поста он отправил всего несколько писем. Но когда во вторник после Пасхи Элис сидела в дамской галерее у широкого окна эркера, она увидела с полдюжины голубей, возвращавшихся с юга; они облетели вокруг замка, изменили направление и, как стрелы, потерявшие силу инерции, стали падать на свою голубятню, устроенную на крыше круглой башни. Значит, из Лондона прибыли срочные вести. Элис присела перед Кэтрин и покинула галерею. Она приблизилась к двери как раз в тот момент, когда с лестницы, ведущей на крышу, спустился слуга, держа в руке небольшой листочек бумаги. Элис последовала за ним в комнату его светлости.

— Прикажете прочитать? — обратилась она к старому лорду.

Тот кивнул. Элис развернула бумагу. Письмо было на латыни. Элис пробежала глазами по строчкам.

— Непонятно, о чем речь, — удивилась она.

— Читай, — распорядился лорд Хью.

— Во вторник на Пасху испанский посланник не принял приглашение королевы с ней отобедать. Король отправился с посланником на мессу, и брату королевы было велено их сопровождать.

— Это все?

— Да, — ответила Элис. — Только что это значит?

— Это значит, что девчонка Болейн пала, — сообщил лорд Хью без всякого сожаления. — Слава богу, с Сеймурами мы хорошие друзья.

Этими словами он будто выбил эпитафию на могильном камне. Затем он закрыл глаза и задремал. Глядя на его суровое, неумолимое лицо, Элис думала, известно ли самой королеве Анне, что она потерпела фиаско.

У Элис в замке не было почти никакой работы, она лишь читала старому лорду и сидела с леди Кэтрин. Сложную вышивку ей теперь не доверяли — миледи жаловалась, что Элис стала рассеянной. Также девушка утратила чутье к травам, ее пальцы стали такими холодными, что Кэтрин всякий раз вздрагивала от их прикосновений. С каждым днем дел у Элис все убавлялось; ей оставалось только следить за Хьюго и ждать, когда тот пройдет мимо, так и не заметив ее в тени.

Она худела и пристрастилась к вину, за обедом выпивала все больше, так как еда не шла в горло. Только это помогало ей уснуть и видеть долгие сны, в которых рядом с ней был Хьюго и их маленький сын, она держала малыша на руках, и на ней было красивое желтое платье с алыми шелковыми прорезями и оторочкой из белоснежного меха.

Все чаще шел мокрый снег, затем он сменился дождем, земля стала оттаивать. В конце апреля молодой лорд уже с утра уезжал куда-то верхом и возвращался после заката. Начали

рыть котлован под фундамент нового дома. А в тот день, когда была закончена общая планировка, Хьюго вернулся в полдень. Весь в грязи, он ворвался в галерею, где Кэтрин вышивала гобелен, Мора лениво поддерживала ткань, а Элис, Элиза и Рут подшивали кайму.

— Ты должна обязательно посмотреть, Кэтрин! — воскликнул Хьюго. — Ты увидишь, где будут комнаты, предназначенные для тебя и для нашего сына. Ей ведь можно, правда, Мора? Верхом на серой?

Он смотрел на старуху, а Элис словно не видел. Девушка не отрывала глаз от шитья, но всем существом чувствовала его присутствие рядом, как форель в воде чувствует тень рыболова.

— Только если лошадь смирная, — сказала Мора. — Езда верхом не повредит ни миледи, ни ребенку, но не дай бог, она упадет, это может кончиться плохо.

— И все дамы тоже поедут, — радостно продолжал Хьюго. — Все! Небось совсем зачахли в четырех стенах без свежего воздуха, как птички в клетке. А ты, Элис, разве не хотела бы снова подышать воздухом пустоши, вдохнуть аромат вереска? Ощутить, как ветер дует в лицо?

— Ей нельзя бросать твоего отца, — возразила Кэтрин, с улыбкой взглянув на Элис. — Она всегда сидит при нем или бегаёт с его поручениями. Она останется. А также Марджери и миссис Эллингем. Я возьму Рут, Элизу и Мору.

— Как пожелаешь, — с готовностью согласился Хьюго. — Как пожелаешь. Отправляемся завтра. А сегодня после обеда предлагаю тебе прогуляться, подышать воздухом.

Элис делала вид, что поглощена работой. Хьюго повернулся к ней.

— Ты ведь не станешь завидовать нам, Элис?

Он хотел поддразнить ее, обратить на себя внимание, хотел увидеть ее глаза — так мальчишки дразнят девчонок. Но она и головы не подняла, лишь промолвила тоненьким ровным голосом:

— Нет, конечно, милорд. Надеюсь, вы с миледи хорошо проведете время.

— Вам, наверное, очень хочется пить, милорд, — вмешалась Кэтрин. — Элис, прикажи принести милорду вина, а потом ты свободна. Тебе пора уже к его светлости, верно?

Элис поднялась и пошла звонить в колокольчик.

— Отец снова болен? — забеспокоился Хьюго.

— Нет, — отозвалась Кэтрин. — Теперь за его здоровьем следит не Элис, а Мора. Элис что-то разучилась это делать. Странно, тебе не кажется? Но твоему отцу нравится, когда она читает ему вслух. Правда, Элис?

Девушка быстро посмотрела на Хьюго из-под густых ресниц и ответила:

— Да. Мне можно идти?

Тот улыбнулся, задержав на ней задумчивый взгляд, и кивком отпустил ее. Склонив бледное лицо к полу, Элис открыла тяжелую дверь и вышла.

— Теперь уже недолго, — пробормотала Мора, наблюдая, как Хьюго провожает глазами Элис. — Теперь уже недолго, — повторила она со злобным удовлетворением.

— О чем ты? — нетерпеливо спросила Кэтрин.

Мора не могла сдержать усмешку.

— Я говорю, теперь уже недолго. Просто вспомнила одну известную игру.

ГЛАВА 16

После обеда старый лорд оставил Элис у себя, поскольку кузен из Лондона прислал ему письмо. Курьер долго добирался по Большой Северной дороге, его и других путников задержали снежные заносы, а потому привез новость, которая уже на неделю устарела. Зато, как известно, сплетни гораздо более живучи. Леди Джейн Сеймур предоставили собственные апартаменты в Гринвичском дворце, не менее великолепные, чем у самой королевы. Рочфорда, брата Анны, не удостоили звания кавалера ордена Подвязки, эта честь перепала кому-то другому. Весь вечер монарх танцевал с леди Джейн Сеймур. Он и его супруга Анна должны были вместе смотреть первомайский рыцарский турнир, но весь двор бурлил слухами о ссоре между ними. Якобы королева догола раздела малютку принцессу Елизавету и потребовала, чтобы муж нашел хоть один изъян на полненьком тельце младенца. Она поклялась королю, что скоро подарит ему еще одного прекрасного ребенка, но тот только отвернулся.

Прочитав письмо и увидев, как лорд кивнул в сторону камина, Элис бросила лист в огонь. Было еще письмо из Геральдической палаты. В честь рождения внука лорд Хью хотел разделить герб на четыре части. В семействе Кэтрин уже был прецедент оказания такой чести, и старый лорд торговался с палатой о том, насколько справедливо это притязание и какую цену надо заплатить, чтобы род Хьюго засверкал еще ярче. Узнав, сколько за это требуют, лорд покачал головой и проворчал:

— Надо быть поосторожней в своих амбициях. Видишь, Элис, что получилось, когда Болейны не стали сдерживать амбиции. Самое безопасное место — где-нибудь в толпе. И не очень близко к трону.

Потом был контракт об аренде из Боуэса, присланный для рассмотрения. Арендатор был против изменения условий аренды и дополнительных выплат сверх суммы ежегодной ренты. Он предлагал выплачивать натуральным продуктом, но замок остро нуждался в наличных деньгах. Элис медленно читала текст, написанный на средневековой латыни, спотыкаясь на архаичных словах. Лорд Хью смотрел на пламя в камине, кивая сначала сосредоточенно, а потом устало, пока наконец его глаза не закрылись. Элис прочитала еще несколько строк и подняла голову от пергамента. Лорд спал.

Тихо встав со стула, стараясь не шуметь, она подошла к бойнице в западной стене и выглянула вниз. На дальнем берегу реки она увидела закутанную в меха, неуклюже шагающую леди Кэтрин; ее рука покоилась на руке Хьюго. Он наклонился к ней поближе, чтобы лучше слышать; судя по всему, ее голос заглушался шумом быстро бегущей воды. Даже на таком расстоянии было заметно, с каким обожанием, с какой восторженной улыбкой Кэтрин смотрит на мужа.

За спиной Элис дремал старый лорд, на решетке камина весело трещали горящие поленья, а она все наблюдала: вот Хьюго наклоняется к Кэтрин, вот помогает ей пройти через грязные участки дорожки. Поодаль за ними шла Мора с корзинкой в руке, рядом с ней — Элиза Херринг. Остальные дамы, должно быть, остались в замке. Процессию сопровождали двое вооруженных слуг на лошадях. Для жены и будущего сына Хьюго принимал все возможные

меры безопасности.

Вдруг Элис ощутила боль в ладонях. Ее кулаки сжались так крепко, что ногти глубоко вонзились в мякоть, оставив там по четыре глубокие красные серповидные отметины.

— О господи, эта ревность меня совсем измучила, — прошептала она, но продолжала стоять, не в силах отойти от окна.

Миледи слегка поскользнулась на грязи, и Хьюго одной рукой подхватил ее за талию. Элис даже показалось, что она слышит ее смех. Потом Кэтрин повернулась к мужу, тот склонил к ней темную голову и поцеловал.

Щеки Элис так и запылали. Откуда-то из глубин сознания всплыло воспоминание о кукле, которую она пыталась выбросить в ров с водой. Все три фигурки висели на шнурке в мешочке под полом ее спальни, ожидая собственных похорон. Элис отучила себя думать о них, как смогла не думать о монастыре, о матушке и о пожаре.

Но, увидев, как Кэтрин поскользнулась совсем недалеко от бешено мчащейся ледяной воды, Элис снова представила маленькую фигурку, которую когда-то бросила в зеленоватую воду, вспомнила, как та выскочила на поверхность, развернулась к ней лицом и вдруг улыбнулась, а потом чуть не утопила, действуя на нее своей злобной магической силой.

— Но я ведь сейчас в безопасности, — произнесла Элис. — Я в замке в безопасности, а вот ты сейчас там.

Она обернулась. Старый лорд спал, слегка похрапывая, шляпа съехала в сторону, голова склонилась набок. По каменным стенам плясали красные отсветы пламени. У очага дремала охотничья собака, подергивая во сне лапами. Элис снова выглянула в окно и прошептала, глядя на Кэтрин:

— Здесь мне ничто не угрожает, а вот ты... Ты сейчас совсем близко к воде. Мое заклинание с куклами оказалось сильным, оно подействовало. Из-за него твой муж вошел к тебе и любил тебя с такой страстью, что совсем забыл про меня. Это я, действуя через кукол, привязала его к тебе. Это моя сила поселила ребенка в твоем чреве. И кукла, сделанная по твоему подобию, тонула, Кэтрин. Она погружалась в воду. — Элис помолчала, ее страстный голос, несущий в себе колдовские чары, на секунду замер в тишине комнаты. — У меня было видение, где мы с Хьюго вместе. Возможно, это означает, что тебе суждено умереть, Кэтрин. И возможно, ты умрешь. Утонешь. Утонешь сейчас.

Бредущая позади Мора, ненамного отставшая от Хьюго с Кэтрин, вдруг остановилась и склонила голову набок, словно прислушиваясь к какому-то далекому шуму.

— Возможно, это случится сейчас, — продолжала Элис.

Она всем телом прижалась к холодному камню подоконника, посылая свою энергию, свою волю, способную пронзить каменные стены замка.

— Возможно, сейчас, Кэтрин.

Элис начала издавать гудящий звук, рождающийся глубоко в гортани, мощный и усыпляющий, подобный жужжанию сердитых пчел.

— Сейчас, — страстно говорила она. — Вода глубокая и холодная, Кэтрин. И камни в воде остры. Если ты поскользнешься и упадешь, тебя понесет вниз по течению, и когда тебя вытащат на берег, твои легкие и живот будут полны ледяной воды. Ты чуть не утопила меня. И я знаю, что это такое. А скоро это узнаешь и ты.

Мора застыла на месте, насторожившись, как охотничья собака при звуках рога. Вдруг она повернулась к замку и окинула взором бойницы, словно ища Элис, словно та громко и отчетливо позвала ее. Вот она взглянула прямо туда, где стояла ее воспитанница. Секунду женщины смотрели друг на друга, и Элис поняла, что вопреки расстоянию, узости окна и темноте в комнате Мора видит ее глаза и читает мысли. Затем старуха нечленораздельно завопила и бросилась к Кэтрин, предостерегая об опасности.

Оглянувшись на крик, Хьюго схватился за рукоять меча. Миледи тоже повернулась на месте, оступилась на грязной дорожке, качнулась назад, пытаясь со своим животом неуклюже удержать равновесие, шагнула на самый край дорожки и замахала руками, как беспомощный ребенок. Глаза Элис пылали; она продолжала гортанно гудеть, все громче и громче, словно звук этот обладал силой, которая давила на фигуру Кэтрин, плотно закутанную в тяжелые, мешающие двигаться меха. Беспомощно хватая руками воздух, широко раскрыв рот в отчаянном крике, миледи медленно падала назад. Мелькнули ее ноги, она перелетела через камни, усеявшие берег реки, и пропала в бурлящих водах глубокого омута.

Сорвав и отбросив меч в сторону, Хьюго, как безумный, велел солдатам помочь ему и прыгнул вниз, на камни и валуны у самой воды. Но Мора оказалась проворней. Пока он возился с мечом, она в одно мгновение перемахнула через камни, словно выдра, нырнула в омут и скрылась под водой. Вот она вынырнула, глотнула воздуха и снова нырнула.

— Уйди с дороги, Мора, — дрожа от волнения, произнесла Элис. — Мы с тобой одной крови, она тебе никто. Ты же на моей стороне, Мора. Брось ее, брось, пускай тонет!

И еще раз Мора вынырнула, помотала головой, словно пытаясь избавиться от навязчивого голоса в ушах, и нырнула. Ноги ее мелькнули над водой, потом в воде показалось что-то белое, и наконец на поверхности появилось яркое платье, а за ним и голова Кэтрин, которую поддерживала Мора. Хьюго вошел по пояс в воду и подхватил супругу. Элис видела, что та обвисла и не шевелится, возможно находясь без сознания. Она поняла, что Кэтрин жива. Ей было досадно, что миледи не свернула шею или не размозжила голову об острые камни.

Хьюго поднял жену и протянул руку Море. Один из солдат спрыгнул вниз и передал обеих женщин второму солдату, стоящему наверху. Элис наблюдала за этим сухими глазами, белая как мел. Хьюго снова взял Кэтрин на руки и, спотыкаясь, побежал к лошадям. Элис видела, как Кэтрин усаживали на лошадь, как вялой рукой она ухватилась за луку седла; Мору усадили позади одного из солдат. Маленькая кавалькада, обогнув башню, исчезла из поля зрения, и Элис догадалась, что они поскачут в замок через задние ворота. В каждую минуту мог прозвучать сигнал тревоги. Элис представила, как люди забегают, забеспокоятся о состоянии Кэтрин и будут восхвалять мужество Мору.

На негнущихся ногах она отошла от окна, подвинула табуреточку, села у ног лорда Хью и посмотрела на огонь. Вспомнив ледяную зеленоватую воду рва, девушка задрожала. Она наклонилась вперед, положила подбородок на руки, пустым, невидящим взором уставилась на раскаленные угли и стала ждать, когда в замке поднимутся крики и начнется суматоха.

Долго ждать не пришлось. Из большого зала донеслись возгласы, и лорд Хью сразу проснулся.

— Что там такое? Что случилось? — спросил он. — Элис! На нас что, кто-то напал? Что за шум?

— Сейчас схожу и узнаю, милорд, — ровным голосом ответила Элис.

Она направилась к двери, но как только открыла ее, ворвался Дэвид.

— Не тревожьтесь, милорд, — затараторил он. — Леди Кэтрин упала в реку, и ваш сын

доставил ее домой. Ей теперь ничего не угрожает. Дамы укладывают ее в постель. Знахарка уверяет, что ребенок не пострадал.

— Слава Всевышнему! — перекрестившись, воскликнул старый лорд. — Передай ей, что я сейчас же к ней спущусь. Элис! Ты слышала? Кэтрин чуть не утонула, а вместе с ней и наследник! Боже мой! Они были на волосок от гибели!

— Давайте лучше я схожу к ней, — предложила Элис.

— Да, да. Пойди выясни, как она себя чувствует, и сразу возвращайся. А я навещу ее, когда она позволит. И пусть Хьюго зайдет ко мне, как только разберется с женой.

Элис покинула комнату и сбежала по ступенькам в дамскую галерею. Там стоял шум и гам. Носились слуги, таская кто дрова в корзинках, кто горячую воду в кувшинах, кто горячее вино и медовуху. Дамы визгливо отдавали распоряжения и тут же их отменяли, бестолково бросались растирать и целовать руки своей госпожи. Хьюго, поддерживая Кэтрин, велел немедленно положить грелку в ее постель и очистить комнату: миледи надо было раздеть. Мора, не обращая внимания на суету и неразбериху и оставляя за собой мокрый след, направилась к двери своей комнаты. Увидев Элис, она остановилась, глаза их встретились.

— Ты плаваешь, как настоящая ведьма, — заявила Элис, не обращая внимания на то, что ее могут услышать.

— А ты ругаешься, как ведьма, — ядовито отозвалась Мора.

— Что ты суешься? — Элис понизила голос, и он потонул в криках. — Почуяла мою силу, поняла, что я делаю? Ну и не лезь, куда не просят, я сама разберусь.

— Просто не желаю ничьей смерти, — сказала старуха; тело ее содрогнулось, словно она промерзла до костей. — Больше всего я бы не хотела умереть от воды. Когда при мне кто-то погибает в воде, я не могу стоять равнодушно. Особенно если это молодая женщина, тем более с ребенком в чреве и уж тем более которой я служу. Ты, Элис, девушка суровая, не чета мне, раз могла спокойно смотреть, как она тонет.

— Я держала ее под водой, сколько сил хватило, — процедила Элис сквозь зубы.

— А я вытащила. — Мора сверкнула глазами. — Такой смерти ни одной женщине не пожелаю. Я готова умереть как угодно, лишь бы не утонуть. Мне все нипочем, только бы не уйти на дно и не застрять на пути в ад.

Элис огляделась. Элиза Херринг находилась довольно близко, хотя их не слышала: она взволнованно наставляла слугу.

— Слава богу, ты оказалась поблизости, — громко произнесла Элис.

Лицо Мора, облепленное мокрыми, спутанными волосами, просияло.

— Спасибо на добром слове, — поблагодарила она.

Затем протиснулась мимо своей воспитанницы, зашла в комнату и скрылась за дверью. Элис повернулась и хлопнула в ладоши.

— Мужчины! — крикнула она, и ее чистый голос перекрыл шум в галерее. — Все вон отсюда! Все! Пока вы здесь, невозможно уложить леди Кэтрин в кровать. Элиза, разбери постель госпожи! Иди-ка сюда, девочка, — обратилась она к проходящей служанке. — Положи в постель побольше грелок. — Она остановила другую служанку. — А ты проследи, чтобы в каминах горели дрова, и в спальне у миледи, и здесь тоже.

Комната сразу опустела.

— Дайте дорогу! — сердито скомандовала Элис служанкам и дамам леди Кэтрин, которые все еще бестолково суетились, только мешая друг другу.

Она взяла миледи под руку, вместе с Хьюго они провели дрожащую женщину в спальню и усадили в кресло перед камином.

— Прикажите принести полотенца и простыни, — попросила Элис, не глядя на Хьюго.

Она стащила с Кэтрин насквозь промокшую, отделанную мехом мантию и бросила на пол. Потом освободила от шпилек нарядный головной убор, расстегнула платье и раздела миледи догола.

Хьюго подал Элис полотенце, и оба стали энергично растирать миледи, пока не исчезли пупырышки и бледная кожа не порозовела. Затем Элис плотно завернула Кэтрин в теплые простыни, Хьюго поднял ее и уложил в постель, а Элис укрыла сверху теплыми шкурами. Далее она вынула грелки и распорядилась срочно наполнить их горячей золой взамен остывшей. Хьюго дал супруге горячей медовухи. Зубы ее жалостно стучали о край кубка.

— Мне холодно, — пожаловалась она.

Молодой лорд бросил на Элис отчаянный взгляд. В комнате было жарко, как в пекарне. Лицо Элис покраснелось, лоб покрылся испариной. От жары грязь на сапогах Хьюго высохла и превратилась в пыль, от его мокрой одежды валил пар.

— Выпейте еще медовухи, — не оборачиваясь, посоветовала Элис.

Она закрыла горячую крышку очередной грелки, завернула ее в полотенце и сунула в постель к ногам Кэтрин.

— Элис, мне так холодно. — Миледи говорила тоненьким, жалобным голоском, как маленькая девочка. — Как мне холодно, Элис. Неужели у тебя нет ничего, чтобы я согрелась?

Девушка повернулась к шкафу и вытащила самую большую меховую мантию с капюшоном.

— Сядьте на минутку, — распорядилась она. — Сейчас закутаем вас, на мокрую голову накинem капюшон, вот так. И вы скоро согреетесь.

Вдвоем они помогли Кэтрин сесть. Когда платье было снято и обнажился округлившийся животик, Элис отвернулась. «Как горшок с медовухой, — раздраженно подумала она, — жирная кубышка». Рядом с этой пухлой голой женщиной Элис чувствовала себя тенью, темным призраком. Она подоткнула пышный мех вокруг Кэтрин, снова накрыла ее простыней и задала вопрос:

— Так теплей?

Госпожа кивнула и попробовала улыбнуться, но лицо ее оставалось белым. Хьюго взял в руки холодные ладони жены и повернул их: ногти были синие, так и не порозовели.

— Может, стоит пустить кровь? — обратился он к Элис. — Послать за врачом, пусть вскрыет ей вену?

— Сейчас ей нужна вся ее кровь, — пояснила знахарка. — У нее холерический темперамент. Скоро она согреется.

— А ребенок? — произнес Хьюго в сторону, только для Элис. — Главное — это ребенок. С

ним все будет в порядке?

Девушка кивнула. Она ощутила во рту что-то очень кислое. Ей не хотелось наклоняться слишком близко к Хьюго, ей казалось, что изо рта у нее дурно пахнет.

— Думаю, ребенок вне опасности, — ответила она. — Через несколько дней вы с миледи смеяться будете над этим случаем.

Хьюго кивнул, но лицо его оставалось встревоженным.

— Дай бог, чтобы было так, — пробормотал он.

— Мне надо к вашему отцу, — сообщила Элис. — Он отправил меня выяснить, что с миледи. Хотите, я пришлю сюда сиделку?

Милорд покачал головой.

— Я сам пойду к отцу. И сразу вернусь. А ты будь здесь и присматривай за Кэтрин. Я доверяю тебе уход за ней, Элис. Ты знаешь, как много значит для меня этот ребенок. Он мое будущее... и моя свобода. Осенью он даст мне целое состояние, если только роды пройдут благополучно и отец сможет подержать его на руках.

— Да, знаю, — отозвалась Элис.

Несмотря на жару в комнате, Кэтрин дрожала, обхватив себя обеими руками. Хьюго повернулся к ее постели и сказал:

— Передам отцу, что с тобой ничего страшного. Элис будет здесь, она позаботится о тебе, а я только туда и обратно.

Миледи кивнула, откинулась на подушку и с силой сжала челюсти, чтобы не стучали зубы. На фоне темного меха ее кожа казалась белой, как пергамент. Хьюго вышел, потихоньку прикрыв за собой дверь.

Женщины остались вдвоем. В комнате повисла тишина. Из-за двери спальни доносился возбужденный разговор собравшихся вокруг камина дам. У Кэтрин не было сил позвать их, она не могла даже протянуть руку к колокольчику. Она полностью была во власти Элис, словно та связала ее по рукам и ногам, сунула кляп в рот и приставила к горлу острый нож.

Элис медленно подошла к кровати. Бледно-карие глаза Кэтрин не отрываясь следили за каждым ее движением.

— У меня было такое ощущение, будто меня кто-то толкнул, — призналась миледи; губы ее дрожали, она напоминала ребенка, которому причинили невыносимое зло. — Да, словно кто-то толкнул, хотя там никого не было. Мне послышалось какое-то гудение, громкое такое, словно пчелы летали или какой-то человек специально гудел, а потом я почувствовала, что меня кто-то очень сильно толкает, прямо в воду.

Синие глаза на красивом, ясном лице Элис ничего не выражали, но смотрели уверенно.

— Это все фантазии, — ласково промолвила она. — Вы просто очень испугались. С беременными такое бывает, миледи. Ведь возле вас никого не было. Кто мог гудеть да еще толкнуть вас в реку?

И она тихо засмеялась. Кэтрин вытащила из-под меха ладонь, протянула знахарке и жалобно произнесла:

— Возьми меня за руку. Мне страшно, очень страшно.

Элис подошла ближе. Теперь у нее самой гудело в голове, словно жужжал рой пчел, нагоняющий дремоту. Она знала: стоит ей прикоснуться к холодным пальцам госпожи, и она не выдержит искушения, схватит подушку и придавит ее испуганное лицо. В голове гудело уже так громко, что терпеть было невозможно.

— Я была с тобой жестока, Элис, — прозвучал тоненький голосок Кэтрин. — Я злилась на тебя и мучила. Ревновала к тебе мужа.

Лицо Элис оставалось бесстрастным, она все прислушивалась к гудению. А гул все нарастал, распухал в черепе... но вот Кэтрин знаком подозвала ее ближе.

— Прости меня, — тихо попросила она, — пожалуйста, прости, Элис. Хьюго смотрел на тебя такими жадными глазами, что я не могла вынести. Пожалуйста, прости меня.

Гул заглушал всякую мысль. Кэтрин потянулась к ней. Руки Элис дрожали от желания сомкнуть пальцы вокруг жирной шеи госпожи и сжимать, сжимать до тех пор, пока дух не выйдет вон из этого пухлого, белого, изнеженного тела.

— Пожалуйста, Элис, — не унималась Кэтрин. — Ты не представляешь, каково это, страдать от ревности, как страдала я. Это ревность ввела меня в грех, вот почему я злилась на тебя, цеплялась к тебе и изводила. Боюсь, я сама сделала тебя своим врагом. Прости меня, Элис. Пожалуйста, скажи, что прощаешь.

Элис еще приблизилась. Лицо Кэтрин было полно раскаяния. Элис неожиданно почувствовала, как улыбается, ей стало тепло при мысли, что она собирается сделать. Миледи умоляюще тянула к ней руки; Элис сделала еще один шаг и тоже вытянула руки...

— Именем Пречистой Девы умоляю тебя, — настаивала Кэтрин, — возьми мою ладонь, Элис, и скажи, что прощаешь.

Услышав имя Пресвятой Богородицы, Элис остановилась, закрыла на секунду глаза и тряхнула головой. Потом глубоко вздохнула. Гул в голове неистово взвыл, но тут же стих и теперь звучал глухо, едва различимо, будто невидимый рой вернулся в улей и притаился на время. Миледи продолжала тянуться к ней, и Элис неохотно взяла ее за руку.

— Я ревновала, — захлебываясь, продолжала Кэтрин. — Когда ты появилась в замке, ты была такая красавица, Элис. А ко мне Хьюго был равнодушен. Ты умная, образованная, и старому лорду ты тоже понравилась... а меня он всегда недолюбливал. Я испугалась, что ты отберешь у меня обоих. И мужа, и покровителя. Я боялась, что ты займешь мое место, а я останусь ни с чем.

Она лихорадочно дышала, но щеки оставались бледными. Лицо было белым, как у восковой куклы.

Держа холодную как лед ладонь, ощущая свою силу, Элис вдруг услышала, как невидимый рой возвращается, жужжит в черепе, гудит в крови, движется по всем членам и струится из ее смертоносных пальцев.

Руки ее похолодели, стали холодней, чем у Кэтрин, холодней ледяной воды в зимней реке. Элис задрожала от возбуждения и опустила другую руку на вцепившуюся в нее ладонь госпожи. Та, задыхаясь, пробормотала:

— Мне кажется, я умираю, как темно в комнате, очень темно. Держи меня крепче, я совсем не вижу тебя.

На лице Элис змеилась жестокая, плотоядная улыбка, она сильнее сжала руку миледи, ощущая, как из пальцев струится холод, а вместе с ним и тьма и как они проникают в сознание миледи.

— Что, холодно? — усмехнулась она.

— Я замерзаю, Элис. Замерзаю, — пожаловалась Кэтрин, которую трясло все сильнее. — Почему не горят свечи? Почему погас огонь? Почему так холодно и темно? Меня никто не любит, все меня бросили. Держи меня крепче. Говори со мной. Мне страшно. Страшно.

Элис рассмеялась — и по ярко освещенной, жаркой, как баня, комнате словно прошла волна холода.

— Я здесь, леди Кэтрин, — ответила она, — разве вы не видите меня? В камине пылает огонь, в спальне тепло. Все свечи горят, красивые, яркие свечи из пчелиного воска. Здесь светло, как солнечным днем. Неужели вам темно? Неужели вам все еще темно?

— Элис, — зашептала Кэтрин. — Держи меня, Элис, пожалуйста. Держи меня крепко. У меня такое чувство, будто меня кто-то тащит на дно, будто я тону.

— Да! — торжествующе отозвалась Элис; ее дыхание тоже участилось. — В прошлый раз ты точно так же схватила меня там, во рву. Ты звала меня к себе, а потом потянула вниз. Но на этот раз я утащу тебя под воду. И мне не нужно сжимать тебе горло. Мне нужно только держать тебя за руки, как ты этого хочешь. Ты отправишься на дно, Кэтрин. Ты пойдешь на дно, утонешь, лежа в своей постели.

— Элис! — пропищала миледи тоненьким голоском и тут же задохнулась, словно хлебнула зеленой ледяной воды.

— Ты тонешь, Кэтрин! — Элис снова захохотала, безумно и открыто, сама поражаясь своей силе. — Мора вытащила тебя из реки, но ничто и никто не спасет тебя теперь, когда ты тонешь. Ты идешь ко дну. Ты тонешь, оставаясь в своей постели!

Дверь за ее спиной щелкнула, и она обернулась. На пороге стояли Хьюго, старый лорд и Дэвид. Хьюго переводил глаза то на жену, то на знахарку и ничего не понимал.

— Что тут происходит? — спросил он.

Элис глубоко вздохнула. Ярко освещенная жаркая комната завертелась вокруг, как разноцветные блики во вращающемся кристалле.

— Миледи очень напугана, — пояснила она; ей казалось, что собственные слова доносятся откуда-то издалека. — Она так крепко вцепилась в меня и не отпускает! Я пыталась позвать женщин, но никто не слышит. И у меня кружится голова.

Она пошатнулась, и Хьюго быстро шагнул вперед. Элис качнулась к нему, но его опередил управляющий Дэвид, который подскочил к ней и не дал упасть.

Однако Хьюго и головы не повернул в ее сторону. Он крепко обнял Кэтрин, и та зарыдала на его плече.

ГЛАВА 17

Несколько недель миледи хворала; весь май с его ясными днями она провалялась в постели. Солнце уже вставало рано, птицы пели до темноты, и за весь этот солнечный ветреный месяц от Кэтрин не услышали ни единой жалобы. Она тихо лежала в кровати, которую передвинули поближе к узенькому оконцу, иногда приподнималась на подушках, смотрела на двор и деревья в парке и наблюдала за жизнью в замке. Она быстро утомлялась, и ей нравилось, когда Элис читала вслух.

— Я не могу разобрать ни строчки, — жаловалась миледи. — Болит голова. А Элис так хорошо читает.

Лорд Хью передавал невестке романы, стихи и даже некоторые письма из Лондона, где было описано, как проходил суд над королевой Анной и как ее казнили.

— Ей отрубил голову француз, — прочла Элис, — его специально обучили и прислали для этого...

— Она никогда мне не нравилась, — перебила ее миледи, покачав головой. — Знаешь, Элис, меня ведь назвали в честь королевы Екатерины. Мне всегда казалось, что Анна Болейн рано или поздно падет. Она была прелюбодейка, сначала спала с королем, потом с его придворными. Мне нисколько ее не жалко. Ее возвышение было возмутительно быстрым.

— Не быстрее, чем возвышение Джейн Сеймур, — рассудительно заметила Элис. — Джейн была фрейлиной Анны, а станет королевой. Если мужчина — король или, во всяком случае, хозяин своей судьбы, он выберет любую женщину. И она возвысится так, как он пожелает.

Повернув на подушке голову, Кэтрин посмотрела на Элис, улыбнулась и удовлетворенно произнесла:

— Нет ничего лучше брака по любви. Нет ничего лучше брака по любви между равными.

Каждое утро Хьюго приходил к жене и сидел до самого обеда. Обедал он с ней, в ее комнате, всегда в двенадцать, и главный стол в большом зале казался без них странно пустым. Во время трапезы Элис часто прислуживала им. Хьюго принимал ее помощь, словно не замечая, не обращая на нее внимания. Он видел только супругу, предлагал ей самые вкусные кусочки, подносил маленький бокальчик с добрым красным вином, специально привезенным из Гаскони, чтобы оздоровить ей кровь. А миледи всегда благодарила Элис.

Днем, когда Хьюго отправлялся на охоту, Элис пела для нее, подыгрывая себе на лютне, читала ей вслух и переписывала отрывки из книг, которые миледи собиралась заучить наизусть.

— Я так рада, что ты со мной, Элис, — сказала однажды Кэтрин ласковым тоном. — Так рада, что ты ухаживаешь за мной. Я еще очень слаба. Тебе я могу открыться, но не говори Хьюго: я так слаба, что мне кажется, я никогда не наберусь сил. Наверное, я бы не выжила после падения в воду без твоей заботы.

Элис вежливо улыбнулась. Мора, которая без дела сидела у камина в спальне Кэтрин, бросила на свою воспитанницу быстрый насмешливый взгляд.

— Кто бы мог подумать, что вы так подружитесь, — вслух изумилась она. — Вас теперь и водой не разольешь!

Девушка снова раздвинула губы в улыбке и чопорно ответила:

— Я счастлива быть вашей подругой, миледи. А теперь вам пора немного отдохнуть.

Днем Кэтрин всегда спала, к ужину пробуждалась и только потом одевалась и спускалась со

своими дамами в зал. Собравшиеся женщины и мужчины, видя, что день ото дня здоровье миледи крепнет, встречали ее одобрительным гулом.

— Она была на волосок от смерти, — заявила Мора за столом, протягивая руку к очередному ломтю белого хлеба. — Ей-богу, я уж думала, конец, еще немного, и мы потеряем ее.

— Это просто чудо, — набожно отозвалась Рут. — Чудо, что вы не дали ей утонуть, а потом и умереть от простуды и ребенка спасли. Надо благодарить за это Бога.

— Чудо, что она стала такая сладенькая, — съязвила Элиза. — Всегда была кислая, как лимон, пока ее не макнули. А теперь ну прямо как мед. — Она кивнула на Элис. — И к тебе стала такая добренькая.

— Интересно, будет теперь ребенок бояться воды? — полюбопытствовала миссис Эллингем. — В Ричмонде была одна девочка, мать, когда носила ее, упала в реку, и девочку потом от одного прикосновения к воде бросало в дрожь.

— Знаю такую, — подтвердила Мора. — А иногда бывает наоборот, когда такие детки плавают в воде как рыбы. Помните Джейда Дурачка? Его мать утонула, и я лично своей рукой вытащила его из матери, как ягненка из мертвой овечки. Прямо на берегу реки мы и запеленали его, а ведь как высоко тогда стояла вода! Потом мальчишка плавал, будто он не человек, а рыба.

Горячо закивав, Марджери стала вспоминать историю про какого-то хорошего пловца. Элис откинулась на спинку стула, стараясь не слушать эту болтовню. Нынче вечером восковые свечи горели особенно ярко, и вино было очень приятным. Повернув голову налево, она увидела широкую спину Хьюго, подбитые плечи его кафтана, кружева на накидке. Его черные волосы мелко вились на затылке, шляпа была надета по моде — набекрень. Девушка вложила во взгляд всю свою силу, стараясь внушить ему мысль о себе, заставить его обернуться и посмотреть на нее.

Не получалось. Он совсем не чувствовал ее.

— Ты такая бледненькая, Элис, — раздался голос Элизы. — Ты что, снова заболела?

— Нет, я здорова, — возразила Элис. — Немного устала, вот и все.

Марджери подула на хлеб, на котором горкой возвышалось аппетитное мясо, откусила и с облегчением вздохнула.

— Мне кажется, ты болеешь с самого Рождества, — отметила она. — Когда ты появилась в замке, ты была такой бодрой и хорошенькой, а теперь у тебя кожа как сыворотка.

— Погодите, вот придет лето, и она расцветет, — заверила Мора. — Элис не любит сидеть в четырех стенах, а все эти чтения и письма кого угодно в гроб вгонят.

— Чтобы женщина так много всего знала и умела — это как-то неестественно, — заявила миссис Эллингем. — Что же тут удивительного, если она такая тощая и непривлекательная? Она постоянно работает головой, вот потому и худая как палка, и некрасивая, не то что другие девушки.

— Некрасивая? — пораженно переспросила Элис.

Элиза язвительно кивнула.

— А почему, по-твоему, миледи теперь так к тебе расположена? Да потому, что Хьюго больше и не смотрит в твою сторону. Ты теперь такая костлявая, Элис, и бледная как

поганка. А на свою Кэтрин он не надышится, кутает ее, греет в постели ее толстый животик, ведь ночи теперь такие холодные. Благодарю Бога, если найдется кто-нибудь, кто погрееет тебя.

— Придет лето, и она расцветет, — повторила Мора. — Оставьте девочку в покое. В такие дни кто угодно станет бледным... холодно, мрачно, весна называется...

Мора сменила тему, и беседа потекла своим чередом, но вечером, после ужина, когда дамы расселись с кружками медовухи вокруг камина, Элис скрылась в спальне Кэтрин. Она взяла с собой свечу, чтобы та светила на лицо. Большое красивое зеркало было сделано из посеребренного стекла, и отражение в нем всегда получалось благоприятным, без бросающихся в глаза недостатков. Укрепив свечу, Элис стала себя разглядывать.

Да, она похудела. Платье покойной содержанки Мег висело на ней, как на вешалке, пояс, стягивающий талию, болтался, корсаж, затянутый до предела, сглаживал ее и без того небольшую грудь, но на животе был свободен. Девушка спустила шаль на спину. Плечи костлявые, как у старухи, ключицы торчат — просто воробышек. Элис подвинулась ближе и посмотрела на лицо. Под глазами темные тени, вокруг рта морщинки — признак переутомления. Детская округлость исчезла, щеки ввалились и побледнели. Синие глаза кажутся огромными, как у беспризорного ребенка, в них читаются холод, одиночество и нужда. Под ними — тени, напоминающие синяки.

Недовольно поморщившись, Элис пробормотала:

— Ну и вид у меня... он никогда не вернется к такой выдре. — Она помолчала и добавила: — Он вообще никогда ко мне не вернется. Сначала он мог полюбить меня... аббатиса обучила меня всему, я была не менее искусна, чем Мора. Тогда он мог полюбить меня и хранить верность, и не было бы этой боли. Потом я связалась с магией, околдовала его и миледи тоже, и что-то гложет меня изнутри, словно большой жадный червь, вся моя сила тает, остается одна только страсть.

Из зеркала на нее глядело изможденное девичье лицо. Элис прикоснулась к щеке и почувствовала слезы.

— И еще колдовство, — тихо произнесла она. — Страсть и колдовство — этого хватит, чтобы навредить, заставить страдать. Да, это все, что у меня есть. Я не в силах больше привлечь мужчину.

Она вздохнула, и пламя свечи заколебалось, оставляя в воздухе дымный след. Завиваясь, дым поднимался к потолку.

— Я окунулась в бездну, пытаюсь избавиться от Хьюго, — прошептала она. — Все свою силу вложила, чтобы он не смотрел на меня, отвела его глаза и внимание. Надо снова погрузиться в эту бездну и вернуть его.

Пламя свечи колебалось, словно кивало, соглашаясь с ней. Наклонившись вперед, Элис задала свечке вопрос:

— Стоит ли так делать?

Пламя снова качнулось. Девушка улыбнулась, лицо ее осветилось радостью и как будто снова посвежело.

— Оно ответило, — тихо промолвила она. — Пламя — мой помощник и советник.

В комнате царил тишина; было слышно, как в галерее кто-то настраивал лютню и взял несколько аккордов. Звуки повисли в воздухе, словно Элис, погрузившись в сомнения,

остановила время.

— Это будет уже более сильная магия, — задумчиво сказала она. — Куда сильнее, чем та, которую я знаю. И сильнее, чем знает Мора.

Словно внимательный собеседник, пламя свечи предупредительно затрепетало.

— Но я сделаю это! — решила Элис. — Только получу ли я в награду Хьюго?

Пламя метнулось, и крохотная искорка слетела с кончика фитиля. Элис удивленно вздрогнула и прижала ладони к губам, сдерживая смех.

— Получу! Я получу моего Хьюго! — восхищенно воскликнула она. — Все-таки добьюсь своего!

Она взяла подсвечник и направилась к двери. Пламя развевалось, как маленькое знамя, освещая стены и полог большой супружеской кровати Хьюго и Кэтрин, тень от него прыгала и скакала, как огромный зверь. Отворив дверь, Элис вошла в ярко освещенную галерею, наполненную звуками музыки. И пламя свечи, не замеченное никем, мигнуло и погасло.

Дамы сидели вокруг камина. Леди Кэтрин, согревшаяся и размякшая, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза, слушала, как Элиза пощипывает струны лютни. Бледной холодной тенью Элис проплыла по комнате, держа в руке потемневший подсвечник, и скрылась в своей спальне.

Она плотно закрыла дверь, но нескладная мелодия, которую небрежно наигрывала Элиза, все равно доносилась снаружи. Элис прижалась спиной к двери, словно желая воспрепятствовать звукам. Она пожала плечами, как азартный игрок, которому нечего больше терять, прошла в угол, где была уборная, и закатала рукава. Сморщив от запаха нос, она сунула руку в дыру и нащупала шнурок с висящим на нем мешочком, где лежали восковые фигурки. Мешочек, весь облепленный дерьмом, прилип к стене замка. Элис никак не могла ухватить его, пальцы скользили. Наконец она поймала мешочек за уголок, оторвала от стены и вынула из дыры.

— Фу-у! — протянула она, чуть не задохнувшись от вони.

Опустив мешочек на каменную плиту очага, она попыталась развязать шнурок. Тот задеревенел и поддался не сразу, но наконец развязался, и фигурки выпали на поверхность.

Элис уже забыла, как отвратительно они некрасивы. Куколка Кэтрин с широко раздвинутыми ногами и нелепо огромным животом, фигурка старого лорда с большим носом и алчным выражением лица и Хьюго — ее возлюбленный Хьюго — со смазанными, слепыми глазами, стертymi ушами, с грязным пятном вместо рта и с безобразными обрубками вместо пальцев. Элис задрожала и швырнула мешочек в огонь; тот зашипел, и комнату наполнил теплый запах дерьма. Подвинув табуретку поближе, Элис положила все три фигурки себе на колени и стала внимательно их разглядывать.

Дверь за ее спиной тихонько отворилась, и в комнату неслышно вошла Мора.

— Ага, — с порога начала она, — я почуяла, что ты собираешься колдовать, еще когда мы болтали о новостях из Лондона. Но не думала я, что ты снова возьмешься за этих кукол.

Побледнев, Элис оглянулась и посмотрела на старуху. Она даже не попыталась прикрыть ужасные повреждения, которые нанесла фигуркам.

— Снова возвращаются силы? — спросила Мора, садясь на корточки рядом с воспитанницей.

Та кивнула.

— Наслушалась, что говорили за обедом про твой внешний вид, — догадалась Мора. — И конечно, про то, что Хьюго безумно любит жену, что она больше не боится тебя, раз ты потеряла свою красоту.

Элис молчала, уставившись на фигурки. Мора взяла кочергу и стала ковырять в очаге; одно полено упало, и в раскаленных углях образовалась глубокая дыра.

— Для тебя это было горько, конечно, слышать, — рассуждала она, глядя в огонь. — Горько и больно знать, что красота уходит и тебе мало от нее радости.

И на этот раз Элис промолчала. Куколки на ее коленях влажно блестели, по ним бегали блики пламени, словно после долгого сна у холодной стены замка к ним снова возвращались тепло и жизнь.

— Значит, тебе не понравилась измена Хьюго. — Мора смотрела не на Элис, а в самую середину огня, словно нашла там что-то интересное. — Ты видела, как он прыгает в реку, пытаешься вытащить Кэтрин. Видела, как он тепло кутает ее, сажает на лошадь и скачет во весь опор, только бы спасти ее. Видела, как он обнимает ее и целует, а теперь видишь, как он каждый день сам, по своей воле приходит к ней и каждую ночь проводит с ней в постели. И теперь она светится и расцветает от его любви. А ты, бедная и мрачная, подобна маленькому подснежнику в темном лесу. Ты растешь и цветешь в холоде и в забвении, затем завянешь и умрешь, и никто о тебе не вспомнит.

Запах горящего мешочка вился вокруг них, как дым адского пламени.

— Значит, желаешь снова обрести свою силу, — продолжала Мора. — Заставить этих кукол слушаться тебя, плясать под твою дудку.

— Да, и вернуть ему прежний вид, — вдруг подала голос Элис, протягивая Море изувеченную фигурку Хьюго. — Снова сделать его целым и невредимым. Я велела ему не видеть меня и не слышать, не притрагиваться ко мне. Велела спать с Кэтрин и сделать ей ребенка. Отмени все мои заговоры. Сделай его прежним, заставь снова горячо полюбить меня. Сделай его таким, каким он был в Рождество, когда унес меня на руках с праздничного пира, чтобы лечь со мной, хочу я этого или нет. Когда во время испытания Божьим судом клялся ложными клятвами, лишь бы спасти меня. Когда сидел у огня в той самой комнате, где теперь сидит миледи, и уверял меня, что она ему противна и он навещает ее только для того, чтобы уберечь меня от ее гнева, а телом и душой жаждет быть со мной. Сделай это, Мора! Пусть он снова станет таким, как был!

Старуха сидела неподвижно. Потом медленно, почти печально покачала головой.

— Невозможно, — промолвила она. — Нет таких заклинаний. Пришлось бы повернуть вспять само время, вернуться в Рождество. Все, что случилось, уже случилось, Элис. И этого не вычеркнешь.

— Кое-что можно вычеркнуть, — злобно заявила Элис, обернувшись к ней исхудалым, изможденным лицом. — Ребенка можно вычеркнуть, Мора. Ребенка можно погубить в животе матери. Он может родиться мертвым, а Кэтрин может погибнуть. И тогда даже если Хьюго больше не полюбит меня, и ее он любить не будет. Но когда миледи умрет и ребенок тоже, Хьюго снова будет моим.

— Я не стану, — тихо ответила Мора. — Даже для тебя, Элис, дитя мое, бедное мое дитя. — Она покачала головой. — Многим я устраивала выкидыш или делала аборт. Я насылала на скот порчу, о да, и на мужчин тоже. Но на чужих мне людей или на тех, которых была причина

ненавидеть. А дети были нежеланные, и женщины отчаянно хотели от них избавиться. Я не смогу убить ребенка женщины, с которой живу, чей хлеб я ем. Не смогу, Элис.

Наступило молчание. Остатки сгоревшего мешочка мерцали искрами и превращались в пепел, который тут же распадался в прах.

— Тогда объясни, как это делается, — прошипела Элис. — Я сама все устрою. Если бы ты не влезла, Мора, я бы ее тогда утопила. Ну теперь уж я покончу с ней. И предупреждаю: не вмешивайся.

— Не надо, Элис, — предостерегла ее Мора. — Я не вижу этому конца, и осталось так мало времени...

Девушка вскинула на нее глаза и резко спросила:

— Что ты там разглядела? Что значит «осталось мало времени»?

— Ничего такого, — пожала плечами Мора. — Заяц, пещера, холодно, кто-то тонет. И очень мало времени.

— Заяц? — уточнила Элис. — Мартовский заяц?[11] Волшебный заяц? Заяц, в которого превращается ведьма в полете? Что это значит, Мора? Что за пещера? И кто тонет? Это имеет отношение к случаю с Кэтрин? Кто-то тонет в пещере? Тонет, его уносит в подземную реку, и он остается там навсегда?

— Заяц, пещера, холодно, кто-то тонет, и очень мало времени, — повторила Мора. — Пойми, Элис, я не могу действовать, если не знаю как. Я вижу опасность, и меня что-то толкает навстречу ей. Мне известно, что такое страх перед огнем или перед водой. Не принуждай меня идти туда, где я чую опасность, Элис.

В комнате снова повисла тишина, обеим стало не по себе. Каждая замерла, как олень, заметивший охотника, и ждала, когда испуг пройдет. Минута шла за минутой, но обе молчали.

— Тебе придется что-то предпринять, — сказала вдруг Элис изменившимся голосом.

Она уставилась на кукол у себя на коленях. Лицо ее светилось ужасом пополам с восторгом.

— С чего бы это?

— Куколки ожили, — прошептала Элис. Наклонившись к ним, она смотрела, как в медленном, едва заметном ритме вздымаются и опускаются их маленькие грудки.

— Они живые, — добавила она. — С ними надо что-то делать, Мора, иначе они начнут действовать сами.

Еще ни разу Элис не видела, чтобы Мора боялась. А теперь старуха сгорбилась, словно стала вдруг жутко мерзнуть или умирала от голода. Долгие и нелегкие годы, проведенные в пустоши, среди болот, нищета на клочке земли с овощными грядками, существование на скудные подаяния — все это не прошло для нее бесследно, и теперь глянец, приобретенный за несколько недель комфортной жизни в замке, сразу слетел с ее лица, будто его и не было.

Восковых куколок они спешно спрятали под подушку. Ночью Элис слышала, как они копошатся. Днем, когда она ходила по комнате, ей казалось, что куклы неотступно следят за ней, взгляды их проникали сквозь подушку и одеяло. Эти уродливые маленькие призраки жили рядом с ними, и теперь уничтожить их было невозможно.

Обе женщины очень их опасались, и не только их самих — опасались, что кто-нибудь заметит, как шевелится и приподнимается на кровати покрывало. Опасались добросовестной служанки, которая периодически вытряхивала их одеяла. Боялись назойливо любопытных глаз Элизы Херринг или неожиданного визита отца Стефана.

Эти крохотные куколочки постоянно стояли у них перед глазами, и казалось невероятным, что никто не ощущает их присутствия, никто за дверью не слышит их приглушенных тоненьких вскриков, время от времени раздающихся из-под подушки.

На третий день на рассвете Мора и Элис не спали: маленькие твари шумно возились всю ночь. В конце концов женщины подбросили в камин дров, потеплей закутались, поскольку в комнате было совсем холодно, сели перед огнем, прижавшись друг к дружке, и уставились на разгорающееся пламя.

— Что же с ними делать? — вслух размышляла Мора. Лицо ее посерело и осунулось от страха и усталости.

— Может, сжечь? — предложила Элис.

— Я не осмелюсь, — ответила старая знахарка. — По крайней мере, сейчас, когда они такие живчики. Неизвестно, чего от них ждать. Вдруг они выпрыгнут из огня и, горящие, начнут бегать за нами по комнате! Если сами куклы не сожгут нас, то его светлость сцапает за колдовство. И зачем я только их сделала?

— Ты научила меня заклинанию, которое дало им силу, — напомнила Элис. — Ты должна была знать, что мы от них так просто не избавимся, они теперь с нами навсегда.

— Я даже не представляла, что такое бывает, — пояснила Мора, — что они настолько сильные и живучие. Это все ты, Элис. В них действует твоя сила. Твоя сила и страшная ненависть, которую ты вдохнула в них.

Девушка обеими руками вцепилась в одеяло.

— Если у меня такая сила, почему тогда я не могу получить все, что захочу? — спросила она. — Я смогла сделать чудовищные ошибки, подвергая собственную жизнь опасности. Я смогла предать матушку и своих сестер. Но такой, казалось бы, малости — отбить мужчину у другой женщины — не могу. Мне мало радости от моей силы.

— Просто в тебе много противоречий, — возразила Мора. — Поэтому и сила твоя то появляется, то исчезает. Ты то любишь, то предаешь. А теперь тебе подавай Хьюго. И что ты будешь с ним делать, если получишь его?

Элис на секунду закрыла глаза. Под подушкой, в тени плотных штор, закрывавших кровать, куколочки лежали тихо, будто ждали, что скажет Элис.

— Буду любить его, — промолвила она ослабевшим от страсти голосом. — Он станет моим единственным и тоже меня полюбит. Он опьянеет от страсти ко мне, так увлечется, что перестанет смотреть на других женщин. Сделаю из него своего слугу, своего раба. Он сойдет с ума от любви ко мне.

Мора кивнула и подтянула одеяло.

— В таком случае ты быстро убьешь его, — заключила она.

Девушка вздрогнула и открыла рот, собираясь протестовать.

— Да-да, — подтвердила Мора. — Это правда. Если получишь молодого лорда и сделаешь

из него раба, ты убьешь его. Хватит с тебя старой леди, которую ты оставила гореть заживо. В тебе сидит темная сила, Элис. Я и сама не ведала, что такая бывает. Хотела бы я знать, откуда ты явилась ко мне, из какого мрака, когда я подобрала тебя у порога.

— Я всего лишь хочу того же, что есть у всякой женщины, — пожалала плечами Элис. — Любимого мужчину, крышу над головой, благополучие и уют. Вон у Кэтрин полно разного добра. И я хочу того же, не больше. Откуда у нее права, почему их нет у меня?

— Может, и получишь все это, — предрекла Мора. — Ненадолго.

— Как ненадолго? — вспыхнула Элис. — Насколько? Что ты молчишь, Мора?

Старуха покачала головой, лицо ее помрачнело.

— Мне не видно. Все передо мной заволгло мраком. И кости не помогают, и огонь, и кристалл, и даже сны. Вижу только зайца и пещеру и еще чувствую холод. — Мора задрожала и добавила: — Как в могиле. В таком преклонном возрасте меня настиг страх.

— Я тоже боюсь, — призналась Элис. — С каждым днем эти куклы становятся для нас все опасней. Давай уже что-нибудь решим и покончим с ними. Откладывать больше нельзя, рискованно.

— Мне известно одно священное место в пустоши, недалеко от Боуэса, — неторопливо произнесла Мора. Там стоит крест. Это на другом берегу, напротив моей хибарки.

— Крест жестянщика, — заметила Элис.

— Да, — подтвердила Мора. — Освященное место. Местечко самое для них подходящее. Рядом дорога, по которой почти никто не ходит. Мы можем отправиться засветло, будем там в полдень, закопаем фигурки в освященной земле, покропим святой водой и к ужину вернемся.

— Отпросимся собирать травы, — предложила Элис. — В пустоши и на болотах, вереск и цветы. Я могу взять лошадь.

Мора кивнула и сказала:

— Как только захороним их в освященной земле, они станут безвредными. И пускай голова болит не у нас, а у твоей святой Матери Божьей.

— А они сами нас не закопают, как ты думаешь? — зашептала Элис. — Помнишь, как повела себя кукла Кэтрин? Она потащила меня в ров с водой. Когда я попыталась утопить ее, она сама меня чуть не угробила. Эти куколки не найдут какой-нибудь способ похоронить нас вместо себя?

— Только не в освященной земле, — успокоила девушку Мора. — Да, конечно, на освященной земле они бессильны... Я слепила их, а ты наделила магическими свойствами. Если мы с тобой будем вместе, то мы — их хозяйева. И если мы как можно скорее закопаем их в освященной земле, до того, как они соберутся с силами...

Вдруг девушка замерла, и Мора сразу насторожилась, умолкла и посмотрела туда, куда Элис устремила неподвижный взгляд. Все три восковые фигурки вылезли из своего убежища и стояли на покрывале в ряд, слегка наклоняясь вперед, будто прислушиваясь к беседе. Увидев, что женщины в ужасе на них уставились, все три куколки, словно запнувшись, сделали по маленькому шагку вперед.

Пони были оседланы сразу, как только проснулись конюхи. Положившись на репутацию Мора, известной своим упрямством и своеволием, Мора и Элис попросили передать леди Кэтрин, что отправились по делам. Обе надеялись, что их не накажут за отъезд без предупреждения и разрешения. Не проронив ни слова, с бледными лицами, они забрались на лошадок, и те рысцей выехали за ворота замка. С одной стороны седла Элис прикрепила лопату, а с другой привязала короб, где находился мешочек, в котором что-то оттопыривалось и шевелилось.

В городке, раскинувшемся вокруг замка, лошади нервничали, шарахались по сторонам и дергали головами, завидев любую тень, отчего Мору сильно качало.

— Они знают, что везут, — пробормотала она себе под нос.

Наконец мощенная булыжником главная улица Каслтона кончилась, и по узеньким проселкам они направились на запад. Мешочек перестал шевелиться, лошади тоже присмирели.

— Судя по всему, куклы задумали перехитрить нас, — забеспокоилась Мора, трясясь в седле рядом с Элис. — Я чувствую их ненависть.

Девушка побледнела и напряглась, ее синие глаза потемнели от страха.

— Тише, — шикнула она. — Ты взяла святую воду?

— Стащила, — спокойно ответила Мора. — Отец Стефан такой рассеянный: оставил ящик с вещами у себя в комнате, думает, что их никто не тронет. Могла стянуть и хлеба для мессы, но решила, что не стоит.

— Не стоит, — согласилась Элис.

Она хорошо помнила, как съела облатку и та, непереваренная, целая и невредимая, выскочила у нее изо рта.

Женщины продолжили путь. В то утро по земле клубился туман, лишь местами вдруг появлялись яркие пустоты, солнечные островки вдоль дороги, но потом снова все застилала густые клубы, словно на землю опустились сырые сумерки.

— Если туман еще больше сгустится, мы спокойно управимся, никто не увидит, — заметила Мора, прикрывая губы платком. — Сделаем все, что надо, и сразу обратно в замок, чтобы успеть к ужину.

— Думаю, сгустится, — предположила Элис. — Все будет хорошо. Я избавлюсь наконец от этих злобных кукол. И сохраню свою шкуру целой и невредимой.

Мора бросила на нее горестный и вместе с тем изумленный взгляд.

— Что ж, в тебе есть сила, — признала она. — Сгустит туман — так мы будем в безопасности.

Слегка усмехнувшись, Элис кивнула.

— Да, мне нужен туман, поскольку нужна безопасность, и... — она помолчала, — и Хьюго в моих объятиях уже сегодня.

Старуха улыбнулась и покачала головой.

— Ах ты, маленькая шлюшка, ей уже не терпится, — пошутила она. — Хочет все и сразу!

На минуту туман приподнялся, и лошади побежали быстрее; на грязной дороге их неподкованные копыта ступали почти неслышно. По обеим сторонам росли кусты утесника, усыпанные яркими желтыми цветами, но их аромат не ощущался в холодном воздухе.

С соседнего луга взлетела стайка чибисов; птицы закружили в небе, и ветер понес их в сторону. Все вокруг застилал густой серый туман, а над головами путешественниц открылось ярко-голубое пятно неба, в котором сияло солнце.

— Чувствуешь, как припекает? — с наслаждением произнесла Мора. — Приятно после холодной зимы погреться на солнышке. В последние дни я что-то все мерзну, до самых костей. Никак не согреюсь. До чего хорошо снова оказаться на солнышке.

Элис откинула капюшон. Ее золотисто-каштановые волосы рассыпались по плечам.

— Этот замок — все равно что тюрьма, — недовольно промолвила она. — Радуетя леди Кэтрин или куксится, сидеть с ней утомительно и скучно.

— Родится ребенок, и я сразу уйду, — заявила Мора. — Вернусь к себе домой.

— Как раз к зиме, — сказала Элис. — Роды-то в октябре.

Старуха ухмыльнулась. Черный дрозд, сидящий на придорожном кусте, выпятил грудь и пропел замысловатую трель. Мора просвистала ему в ответ, точно повторив мелодию, и озадаченная птица сердито пропела еще раз, уже громче.

— Знаю, — вернулась Мора к прежней теме. — Но лучше уж околеть на болоте, чем провести еще одну зиму в этом замке.

— Ты серьезно? — удивилась Элис. — Серьезно?

Улыбка сползла с лица Моры.

— Нет, конечно, — проворчала она. — Сейчас я не вынесу мороза. Что угодно, лишь бы не сидеть в холоде и мраке.

— Впереди еще целое лето, — беззаботно отозвалась Элис. — Не вспоминай о грустном.

Согнав тень, набежавшую на лицо, Мора подняла голову к солнцу, прикрыла глаза и задала свои вопросы:

— А ты? После того, как мы сделаем дело, ты все поставишь на Хьюго? Растолстеешь, научишься улыбаться, будешь ждать, когда ему надоест поблекшая жена и младенец с его какашками? Я-то думала, тебе наскучило ждать и ты снова решила побаловаться колдовством.

Элис смотрела, как дорогу перед ними застилают клубы тумана.

— Твои руны нагадали, что мы с Хьюго будем вместе, и мне приснилось, что мы вместе и что у нас есть сын. Мы обе видели это, и я, и ты... Я хочу такого будущего, и оно обязательно настанет, просто еще не время. Посоветуй, как мне заполучить Хьюго?

Мора поджала губы и покачала головой.

— В тебе есть сила, — заметила она. — Ты молода и, когда перестанешь сохнуть от безответной любви, не уступишь любой красавице. Зачем тебе ждать и чахнуть, разве на Хьюго свет клином сошелся? Есть и другие мужчины.

Взгляд Элис был устремлен вперед, туда, где по склону холма шла прямая как стрела дорога.

— Мне нужен Хьюго, — отрезала она. — Как только я увидела его, меня сразу охватила страсть. Я ведь была только из монастыря, Мора, и в моей жизни он первый мужчина, который меня достоин. Я мечтала соединиться с ним, как птичка весной, которая ищет пару. И ничто не могло помешать нам, ни ему, ни мне.

Старуха хрипло рассмеялась, откашлялась и сплюнула.

— Да ведь ты сама ему помешала! — воскликнула она. — Сразу же. Это ты сделала так, что он ожесточился и испортился и с женой обращался как изверг. Ты заставила их вытворять в спальне черт знает что. А теперь он любит ее.

Лицо Элис было измученным и злым. Она сощурилась и проговорила сквозь зубы:

— Знаю. Надо было рискнуть, раз уж он полюбил меня, и не связываться с колдовством. Надо было довериться ему, и он бы обо мне позаботился. Но я боялась за свою безопасность... и рисковать не стала.

— Все та же история, — усмехнулась Мора. — Бежишь, спасая собственную шкуру, а в результате теряешь единственное, что тебе по-настоящему дорого.

Элис вдруг натянула вожжи; ее пони остановился и шагнул в сторону.

— Да! Боже мой, да! — резко крикнула она, словно пронизательность Моры была для нее как удар плетки.

На секунду повисла тишина.

— Лучше всего забыть про него, — наконец подала голос Мора. — Это еще один урок для тебя. Что прошло, то прошло. Даже если упускаешь что-то по трусости или по глупости. Ты потеряла матушку аббатису, потеряла Хьюго. Ну так отпусти их. Пусть уходят. Минувшего не вернешь. Найди другую любовь, Элис, но уж на этот раз держись за нее до конца. Возьми на себя такой риск.

— Мне нужен Хьюго, и больше никто, — настаивала Элис. — Слишком много мы успели наобещать друг другу. У меня было видение. Я могу подарить ему сына, и мне все еще кажется, что у Кэтрин ничего не выйдет. Хозяйкой замка должна стать я, Мора. Это мое место. Только об этом я и мечтаю. Даже если любовь прошла, даже если я испортила Хьюго, изменила его, даже если сама изменилась и испортилась. Я хочу владеть этим замком. Хочу быть там первой леди наравне с Хьюго и старым лордом. Пусть мои мечты исполнятся, даже если я больше не достойна их!

Понимая, что Элис совсем запуталась, Мора пожала плечами.

— Посоветуй, как достичь этого? — продолжала Элис. — Боже мой, Мора, ведь безнадежная любовь — твой конек. Как мне завладеть Хьюго и замком в придачу? Ведь наверняка есть такие заклинания!

Старуха коротко рассмеялась и ответила:

— Ничто не заставит мужчину полюбить тебя, ты это знаешь не хуже меня. Таких фокусов, чтобы любовь пришла и осталась навсегда, не бывает. Вся наша магия, все травы способны вызывать лишь похоть и страсть.

— От похоти никакого толку, — раздраженно бросила Элис. — Похоти в нем хоть отбавляй.

На всех хватает. Но он должен хотеть одну только меня. Только меня.

— Тогда надо так его ублажить, что он никого другого не захочет и на сторону не побежит, — улынулась Мора. — И сойдет с ума от вожделения. Ты должна дать ему возможность покрыть богиню.

— Что? — не поняла Элис.

Туман впереди стоял серой влажной стеной.

— Вот и солнышко скрылось, — заметила Мора и натянула на плечи шаль.

Они въехали в полосу тумана, плотно окутавшего их со всех сторон. Мягкая грязь дороги заглушала топот лошадиных копыт. С листьев кустарника, росшего по обеим сторонам живой изгородью, капала влага. В темно-зеленых листьях боярышника белели бутоны. Вдруг кустарник кончился, перед ними открылась плоская пустошь, и послышался отдаленный шум бурной реки.

— Что значит — покрыть богиню? — глухо переспросила Элис.

— Подсыпать кое-чего, — небрежно обронила Мора. — Есть такой гриб, маленький и серенький, земляной корень называется.

— Знаю, — кивнула Элис. — Надо высушить, растолочь и добавить в еду, он вызывает бредовые состояния и эротические видения.

— А если употребить в сыром виде, — подхватила Мора, — или в запеченном, когда он становится сладким, он вызовет горячку, да, и совершенно безумные сны. Если хочешь заполучить мужчину любой ценой, хитростью заставь его съесть земляной корень, а когда начнет действовать, нашептывай на ухо все, что на ум взбредет, самые безумные фантазии. Например, что танцуешь перед ним в обнаженном виде, что вылизываешь его, как сука щенка. В общем, все, что может доставить ему удовольствие.

Дыхание Элис участилось.

— А мужчина что делает в это время? — поинтересовалась она.

— Наслаждается видениями и снами, — пояснила Мора. — Может, например, принять тебя за богиню, или ему представится, что он летает по небу и испытывает влечение к звездам. Все твои слова он примет за собственное видение, прекрасное или кошмарное, это зависит только от тебя.

— А потом? — допытывалась Элис. — Когда он получит удовольствие и проснется?

Мора злобно захихикала.

— А потом используй свою женскую силу, — прокрипела она. — Тут уж не нужно никакого колдовства. Соврешь, что все, что он видел, было с ним на самом деле. Что ты ведьма и провела его по таким местам, которые знаешь только ты. Если он глуп, а у тебя хватает наглости и бесстыдства, то он никогда не оставит тебя. После такого все другие женщины будут казаться ему пресными, простушками, как земля под ногами. А ты для него будешь как огонь, как вода, как воздух.

Лицо Элис просветлело.

— Хьюго будет моим! Он попадет на эту штуку. Он ведь с самого начала хотел от меня этого. — Она минуту помолчала и вдруг насторожилась. — Но какой ценой? Чего мне это

будет стоить, Мора?

Старуха громко рассмеялась.

— Тебе бы пойти в процентщицы, Элис, тебе не ведьмой быть, а ростовщицей. Еще не пощупала, а хочешь знать, сколько стоит. Боишься рискнуть. Никогда не ставишь на карту все! Как обычно, осторожничаешь, подсчитываешь, заботишься о своей шкуре.

— Какой ценой? — не отставала Элис.

— Ценой жизни, какой же еще, — с готовностью ответила Мора. — Жизни мужчины, разумеется.

Элис метнула на старуху яростный взгляд, та кивнула и продолжила:

— Не сразу, конечно, должно пройти время. От двух порций ничего страшного не будет, но если делать это раз в неделю в течение, допустим, полугода, он больше не сможет жить без зелья; оно будет нужно ему, как другим еда и питье. Даже больше, чем еда и питье. Он станет твоим рабом, послушным псом. Тебе не потребуется ложиться с ним в постель, если тебе самой не захочется, ему нужно будет только царство грез, с тобой или без тебя. Он будет ползать перед тобой, как голодная собака, ждущая миски с похлебкой. И проживет не дольше собаки, лет пять, от силы шесть.

— Ты сама когда-нибудь так делала? — полюбопытствовала Элис.

Мора скупно улыбнулась и холодно произнесла:

— Я делала все.

Какое-то время они молчали; шум реки все усиливался.

— Река разлилась? — наконец спросила Элис; голос ее звучал глухо, поскольку она закрывала лицо платком.

— Еще нет, — сказала Мора. — Но вода поднимается. Если в горах пройдут дожди, то вода хлынет из подземных пещер и затопит долину. В этом году зима была влажной.

— Интересно, можно ли проехать через мост? — засомневалась Элис, всматриваясь в даль.

— У нас еще несколько часов, — напомнила Мора. — Но если в горах случится гроза, у нас будет мало времени, придется быстро закапывать кукол и скорей возвращаться.

— Наше дело недолгое, — отозвалась Элис. Мешок с фигурками шевельнулся, словно опровергая ее слова.

— Сюда, — скомандовала старуха и свернула в сторону от грязной дороги.

Лошадки не сразу решились ступить на скользкую тропу на склоне холма. Мора присмотрелась к грязи, которую они месили копытами, обернулась к своей воспитаннице и сообщила:

— По этой тропке кто-то недавно ехал. Несколько всадников. И собаки.

— Это Хьюго, — догадалась Элис. — Вчера, наверное, здесь охотился. Какая разница, Мора? Сегодня он от нас далеко. Обычно он сидит с миледи до конца обеда.

— Лучше бы он был дома целый день, — пробурчала старуха, бросив на воспитанницу сердитый взгляд.

Она раздраженно пришпорила пони, и тот, скользя по тропке вниз, поспешил вперед. Элис не отставала.

— Мы закончим и поедem в замок до того, как он отправится на охоту, — заметила она. — И у нас ведь нет выбора. Крест жестянщика — единственное освященное место поблизости. Вряд ли удалось бы незаметно копать землю на церковном кладбище.

Лошадь Мора вздрогнула, получив еще один удар пятками в бока.

— Не нравится мне это, — забеспокоилась старуха. — Если он увидит нас с грязной лопатой, даже когда мы закончим, он обязательно поинтересуется, в чем дело.

— Лопату спрячем, — предложила Элис. — Вернуть ее на место так же трудно, как и стащить. Спрячем лопату, и эту дерюгу, и короб тоже, а домой вернемся с пучками трав и вереска. И никто ничего не заподозрит, все же знают, что для здоровья Кэтрин нужны травы. Никто и внимания не обратит, Мора.

— И где же мы все это спрячем? — не сдавалась старуха.

Элис пожала плечами.

— Не знаю. Чем ты недовольна? Что, на берегу мало пещер, где можно спрятать целую армию? Сунем в одну из них и закрепим чем-нибудь, чтоб рекой не вымыло. Вода-то поднимается, скоро все затопит. Только к концу лета, когда будет сухо, можно будет спуститься в пещеру.

Мора задрожала и сплюнула через левое плечо.

— Вот ты и будешь прятать, — заявила она. — А я к пещере даже не приближусь, да и к воде тоже. Как станем переходить через реку, посмотри внимательней и найди подходящее место.

— Я поеду впереди, — вызвалась Элис. — Лошади могут испугаться переходить через мост.

Это был естественный каменный мост вверх по течению от старого домика Мора, сформированный огромными плитами известняка, под которыми кипела и бурлила коричневатая вода. Во время весеннего паводка из трещин в русле здесь фонтанами били мощные струи, вырывались наружу подземные потоки, и в каждой пещере или углублении вдоль берега кипела эта смесь дождевой и талой воды, вытесняемой из подземного озера на поверхность реки. На берегах с обеих сторон, футах в шести от кромки воды, лежала полоса из веток, соломы и всякого мусора, обозначающая границы последнего разлива. Пони опустили головы, подозрительно фыркая, обнюхали каменные плиты и наконец двинулись, осторожно, как горные козы, переставляя ноги, развернув уши вперед и прислушиваясь к шуму воды внизу.

— Вон хорошее место, — сказала Элис.

Совсем недалеко от моста виднелся вход в пещеру. Девушка спрыгнула с лошади и бросила Море поводья. Оба животных наклонили головы и стали щипать чахлую травку. Элис вскарабкалась по невысокому склону и заглянула в пещеру.

— Очень глубокая, — доложила она, и на ее голос откликнулось эхо. — Конца не видно. Уходит куда-то глубоко под холм.

Она спустилась обратно и взяла у Мора уздечку. Лицо старухи было чем-то встревожено.

— Ты слышала, как прибывает вода? — спросила она. — Боюсь, что скоро она поднимется и нас отрежет от того берега.

— Слышала, но это далеко внизу, на самом дне пещеры, — успокоила Элис. — Мы успеем. Пойдем.

Пони побрели вверх, увязая в трясине и стараясь нащупать копытами сухие участки. Впереди на тропинке виднелись следы лошадиных копыт.

На вершине холма была выложена пирамида из камней, а вокруг открывались широкие просторы пустоши. Мора сняла с лица платок и огляделась.

— Уже лучше, — заметила она. — Крест жестянщика должен быть где-то там.

Она поехала первой, пустив лошадь рысью. Лошадка Элис трусила сзади, и короб громычал при каждом шаге. На возвышении пустоши туман рассеялся, оставались только клочья, жавшиеся по краям долины. Впереди Элис увидела тонкий, устремленный в небо кельтский крест. Вокруг него из камней был выложен небольшой круг, обозначающий границу освященной земли. Когда Элис приблизилась к кресту, Мора уже спешила и привязывала пони к кусту падуба.

— Давай сюда кукол, — велела она. — И копай им могилу.

Девушка отвязала от седла короб и, не открывая, передала Море. Та, вытащив мешочек и крепко зажав его в руках, присела на корточки и стала тихо что-то напевать, обращаясь к куклам, пока Элис отвязывала лопату с другой стороны седла.

— Если еще помнишь какие-нибудь молитвы, прочти, — обронила старуха, не поднимая глаз. — Чем благочестивей обряд похорон, тем лучше.

— Помню, конечно, — ответила Элис. — Но в моих устах это все равно что чтение задом наперед. На мне больше нет милости Божьей, Мора. Думаю, ты ближе к Богу, чем я.

— Только не я, — возразила Мора, с сожалением пожав плечами. — Двадцать лет я не переступала порога церкви, да и раньше не понимала, о чем там говорят. Я давно сделала свой выбор и нисколько о нем не жалею. Но не стану больше связываться с темными силами, как ты. Слишком я слаба для этого.

Элис вонзила лопату в освященную землю и вывернула ком, обрывая крепкие корни трав.

— Я так глубоко завязла не по своей вине, — попыталась она оправдаться. — Это ты посоветовала. Ты сказала, что если я потеряла одного Бога, то должна поискать другого.

— Помолчи, — прервала ее Мора, озираясь по сторонам; мешочек у нее на коленях зашевелился, и она крепче его сжала. — Не так громко. Здесь действуют силы более древней магии, чем сила креста. Этот падуб посажен здесь, чтобы обозначить место, задолго до того, как поставили крест. Силы древней магии здесь очень мощные. Не вздумай их разбудить.

Послушавшись старуху, Элис понизила голос.

— Сама предложила, — прошептала она, глубже погружая лопату. — Я только решила воспользоваться, но ведь заклинание было твое.

Подняв голову, Мора горящими глазами посмотрела на свою воспитанницу и заявила:

— Мы ведь с тобой все обсудили.

Элис молча копала и дошла до каменистого слоя почвы; могилка для кукол была уже глубиной в штык лопаты.

— Ты отдавала им приказы, ты взяла на себя ответственность, — продолжала Мора. — Это теперь твои куклы. Ты обещала в любом случае не обвинять меня в том, что я дала тебе этих кукол, как бы они себя ни вели.

Девушка продолжала молча копать; рядом с ямой уже выросла куча влажной земли.

— По справедливости, я вообще не должна была ехать с тобой, — не успокаивалась Мора. — Это твои куклы, ты колдовала с ними, и твоя злая воля их оживила.

Опершись на рукоятку лопаты, Элис запачканной рукой откинула со лба прядь волос.

— Готово, — сообщила она. — Глубины достаточно?

Мора посмотрела в яму и сказала:

— Еще немного. Надо, чтобы эти красавчики крепко уснули.

Элис еще раз вонзила лопату и вдруг резко подняла голову.

— Что это? Ты слышала?

— Что? — быстро спросила Мора. — Что слышала? На землю снова опускался туман, клубясь вокруг них.

Элис отошла от ямки и пояснила:

— Мне показалось, я что-то слышала.

— Что слышала? — уточнила Мора. — Что ты слышала, Элис?

— Топот копыт, — тихо промолвила девушка. — Что будем делать, а, Мора? Что делать, если сюда кто-нибудь придет?

— Я тоже слышу, — встревоженно пробормотала Мора. — Трубят в рог.

Вдруг совсем близко раздалось громкое пение охотничьего рога, прямо из тумана выскочили две огромные охотничьи собаки. Они промчались мимо Мору, чуть не сбив ее с ног, и злобно залаяли на испуганную Элис. Та отпрянула и почувствовала, что спина ее упирается в холодный камень креста. Она прижалась к нему, а собаки, оцетинив на загривках шерсть и разинув страшные, как у львов, пасти, грозно на нее зарычали.

— Хьюго! — крикнула Элис. — Хьюго! На помощь! Прогони собак! Спаси меня!

Снова раздалось громкое пение рога, перед ними предстал огромный чалый жеребец и застыл как вкопанный. Не выпуская из руки хлыста, Хьюго спрыгнул на землю и отогнал собак.

Девушка бросилась к нему, и Хьюго обнял ее обеими руками.

— Элис?! — изумленно воскликнул он.

Из тумана появились и другие охотники; один из них прикрепил к собачьим ошейникам поводки.

— Элис, что ты здесь делаешь?

Хьюго огляделся по сторонам и увидел Мору; с серым лицом она поднялась на ноги, держа в руке мешочек, в котором что-то брыкалось и корчилось.

— Что это у тебя там? — отрывисто произнес Хьюго.

Мора еще крепче вцепилась в мешок и покачала головой. Казалось, от страха она потеряла дар речи. Голова ее тряслась все сильнее, как у ребенка, который не способен разговаривать.

— Что у тебя там? — прогромыхал Хьюго; он и сам испугался; его голос звенел металлом. — Отвечай! Отвечай немедленно! Что это ты прячешь?

Старуха молчала, но в мешочке вдруг все успокоилось.

И тут громко и пронзительно завизжала Элис, указывая пальцем на мешок: тот расползлся сверху донизу, как лопается кожура гнилого персика. Из образовавшейся дыры, дружно, как покалеченные солдаты, выскочили три восковые куклы. Сухопарый, большеносый старый лорд, кукла, изображающая беременную с огромным животом, и фигурка Хьюго, лишенная глаз, рта, ушей и пальцев.

— Это она их сделала! — закричала Элис, слова хлынули у нее изо рта, как река в половодье. — Это она их сделала! Она слепила их! Она заколдовала! Это все Мора! Мора!

Словно не веря своим ушам, старуха секунду смотрела на свою воспитанницу, потом круто повернулась, подхватила юбки и бросилась наутек, как зверь, которого хотят затравить. Ее фигура исчезла в тумане.

— Эй-эй! — завопил Хьюго. — Ведьма! Ведьма!

Он прыгнул в седло, подхватил Элис и втащил к себе за спину. Лошадь заплясала и сорвалась с места, знахарка отчаянно вцепилась Хьюго в плечи. Егерь спустил собак, и те с лаем окружили охотников, вертясь на месте, словно никак не могли взять след. Одна из них, жарко дыша широко открытой пастью, прыгнула на Элис, но Хьюго, крепко выругавшись, отогнал ее ногой.

— Эй-эй! Эй-эй! Ведьма! Ищите ведьму! Ведьму!

Огромный пес снова залаял и кинулся на Элис, но тут егерь дунул в рог, из него раздался громкий противный звук, и собаки скрылись в тумане. Огромный жеребец Хьюго крутанулся и бросился вслед за ними. Элис прижалась лицом к спине Хьюго и крепко обняла его за пояс; от страха из ее глаз покатались слезы.

Мора была где-то впереди, она с трудом пробиралась вниз по склону, скользила в грязи, переползала через валуны и опять вскакивала на ноги, спасая свою жизнь. Заметив ее, собаки зашлись громким лаем. Она услышала и обернулась, все увидели, как мелькнуло ее белое лицо; потом упала на четвереньки и на секунду пропала из поля зрения.

— Заяц! — воскликнул какой-то молодой охотник. — Смотрите, она сейчас превратится в зайца!

Вдруг откуда ни возьмись выскочил большой заяц и, закинув голову назад и прижав к спине уши с черными кончиками, помчался вниз по склону к реке.

Собаки почуяли новый запах и кинулись следом, твякая, как обезумевшие щенки, и видя, что заяц уходит.

— Он сейчас сделает петлю! Отрезайте его! — скомандовал молодой лорд. — Заставьте его повернуть назад!

Лошадь под ними неслась галопом, и Элис держалась за молодого лорда что было сил.

— Нет! Нет! Нет! — громко повторяла она, но Хьюго ее не слышал.

Егерь трубил в рог, собаки визжали, а бурый заяц бежал по склону, выбрасывая длинные лапы, его глаза с белой каемкой были наполнены ужасом.

— Он идет к реке! — крикнул егерь. — Удерет в пещеру на берегу, и его оттуда будет не выкурить!

Постепенно всадники настигали свою жертву, но недостаточно быстро.

— Скорей! — торопил Хьюго. — Отрезай его! Отрезай от берега!

Собаки рванули вперед, но заяц тоже прибавил ходу, сделал огромный прыжок и оторвался от преследователей. Лошади на крутом склоне скользили и спотыкались, всадники яростно их прищпоривали. Заяц направлялся к каменному мосту, они ясно видели, как он скачет по серым каменным плитам, а за ним, отстав всего на несколько метров, несутся собаки. Вдруг заяц сделал гигантский прыжок с моста влево, оставив собак беспомощно хватать острыми зубами воздух, и нырнул в глубокую пещеру, которую еще раньше обнаружила Элис. Яростно лая, собаки заплясали перед входом.

— Отгоните их! — распорядился Хьюго. — Отгоните их оттуда. Они там пропадут. Заяц заманит их туда, и они угодят в ловушку.

Он спрыгнул с лошади и зашагал к пещере, со свистом рассекая воздух хлыстом. Собаки, рыча и скаля зубы, с которых стекала пена, отступили и затрусили к охотникам. Дрожа от возбуждения, Хьюго медленно подошел к пещере и осторожно заглянул внутрь.

— Ужасно глубокая, — заметил он. — За зверем я бы еще рискнул полезть, но только не за зайцем, в которого превратилась ведьма.

Охотники закивали.

— Он может снова превратиться в ведьму, — предостерег один.

— Или в змею, — добавил другой.

— И что теперь будем делать? — спросил самый молодой охотник.

Все невольно обернулись на Элис. Лошадь под ней беспокойно переступала с ноги на ногу, и она обеими руками вцепилась в седло, а когда подняла голову, все увидели ее залитое слезами испуганное лицо.

— Ждать, — промолвила она дрожащим голосом.

Где-то далеко на западе, в верховьях реки, над темными вершинами холмов сверкнула молния, за ней пророкотал раскат грома. Хьюго вернулся к лошади и посмотрел на Элис.

— Ждать? — удивился он. — Что ты имеешь в виду? Кого ждать?

Девушка истерически засмеялась и громко ответила:

— Гроза приближается.

Она взглянула на запад. Несколько больших капель лениво упало сверху, потом еще и еще.

— И что?

— Вода прибывает, — пояснила Элис.

Голос ее сорвался, и она снова захохотала так, что уже больше не могла говорить, по ее лицу текли слезы.

— Вода прибывает, — наконец продолжила она. — Пока вы ждете здесь, где сухо, она ждет там, внутри. И слушает.

Хьюго смотрел на девушку, разинув рот.

— Слушает? — повторил он как эхо.

— Она услышит рев поднимающейся воды подземного озера, услышит журчание всех текущих к ней ручейков, потом почувствует, как поток воды омоет ей ступни, потом лодыжки, потом доберется до колен. — Элис секунду помолчала. — Она может попробовать выбраться, но голова упрется в каменный потолок пещеры, а вода-то будет подниматься все выше, пока не достигнет головы, и деваться ей будет некуда, и дышать — нечем. В пещере останется только вода.

— И она утонет под землей! — догадался Хьюго.

Лицо Элис побледнело от страха. Голос ее был тонок, и выглядела она как безумная. Она указала на полосу веток, соломы и мусора, обозначающую границы разлива — линия тянулась вдоль берега на целый ярд выше входа в пещеру, — и воскликнула, захлебываясь от смеха:

— Смотрите! Ничто не может выплыть оттуда. Ничто и никто! Главное — сторожить вход, и гроза сделает за вас всю работу. Дождь станет палачом. Река разольется и исполнит ваш приговор. Море конец! Она погибнет так, как боялась больше всего.

ГЛАВА 19

Минуту длилось молчание, и минута эта казалась бесконечной, потом снова сверкнула ослепительная молния, очертив геометрию дальних холмов на западе, раздался глухой раскат грома. Яркое, как гнилушка, небо приняло зеленовато-желтый оттенок, и с запада, клубясь, надвинулись черные как ночь тучи.

Хьюго посмотрел на Элис. Лицо ее исказилось и сделалось безобразным, сердце бешено колотилось. Думала она только об одном: как выжить, как избежать обвинения в колдовстве, которое за всем этим непременно последует? Дикий смех ее отнесло в сторону угрожающим порывом ветра, гнавшим грозу прямо к ним, но она все еще плакала.

— Перестань, — успокаивал ее Хьюго.

Он снял кожаную перчатку и вытер с ее щек слезы.

— Я испугалась, — пожаловалась Элис.

Когда до ее щеки дотронулась ладонь молодого лорда, она повернула голову и прижала к ней губы.

— Чего испугалась? — мягко промолвил он. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

— Да, — кивнула Элис. — Я знаю.

— Тогда чего ты испугалась?

— Ее. — Девушка кивнула в сторону темной пещеры. — Мора слепила каких-то кукол, заявила, что они станут выполнять все ее приказы, что если она сделает куклам больно, то и живым людям станет больно.

— Я видел, — отозвался Хьюго. — Мерзость ужасная.

— Да, ты видел, как она вытряхнула их из сумки, открыла сумку и вытряхнула их, — всхлипывала Элис. — Она хотела стать хозяйкой замка, получить власть над твоим отцом, над тобой и миледи и надо мной тоже. С помощью этих кукол.

Хьюго посмотрел на Элис, по его лицу пробежала тень суеверного страха.

— Чушь какая-то, — неуверенно произнес он. — Но тебе надо было сразу рассказать об этом мне.

Элис пожала плечами.

— Как бы я рассказала? Ведь теперь я не остаюсь с тобой наедине. А твой отец слишком стар и болен, чтобы пугать его жуткими историями. К леди Кэтрин обратиться я тоже не посмела, сейчас ее нельзя беспокоить.

— Но что ты тут делала с ней? — спросил Хьюго. — Когда я подъехал.

— Мне удалось уговорить ее завязать с куклами, — пояснила Элис. — Она согласилась. Пообещала похоронить их в освященной земле и покончить с колдовством. Но одна ехать отказалась. Вынудила меня сопровождать ее. Мора не посмела ступить на освященную землю и заставила меня копать яму. Только я могу ступить на освященную землю, потому что она черная ведьма, продалась дьяволу, а я нет.

— Тебе, наверное, было очень страшно, — заметил Хьюго.

Он положил теплую ладонь ей на руки, вцепившиеся в лук седла, и лицо Элис вспыхнуло от его прикосновения.

— Теперь я ничего не боюсь, — ответила она. — Во мне есть сила, моя светлая сила, добрая сила, она принесет благо вам и вашей семье. Я пользовалась ею, оберегая вас всех. Я боролась с ее злом — а вы и не знали об этом.

Милорд поставил ногу на стремя и запрыгнул в седло позади Элис.

— Едем, — бросил он через плечо своим людям. — Возвращаемся домой. Надо обсудить этот случай с отцом и со Стефаном. Алан, завали вход большими камнями, найди самые крупные валуны, какие будут тебе под силу, и вместе с Питером дождитесь, пока вода не поднимется и не затопит пещеру. Собаки пусть остаются с вами.

Оба мужчины послушно кивнули.

— Надеюсь, вы любите меня... — Хьюго помедлил секунду и продолжил: — Тогда молчите об этом, никому ни звука. Если хотите отправиться со мной в Ньюкасл, в Лондон, куда-нибудь еще — молчите. Скажем, что Мора упала в реку и утонула. Все ясно?

Сделав серьезные лица, молодые люди снова закивали.

— А если будете трепать языками, как глупые девчонки, я не стану разбираться, кто из вас проболтался, прогоню всех с позором, — пригрозил Хьюго, — и не видать вам службы в благородном доме, отправитесь к своим отцам, моим кузенам, а я передам им, что вы не достойны моей семьи.

— Даю слово, — поклялись мужчины по очереди. — Даю слово.

Наконец Хьюго тронулся с места. Молодые охотники вытянулись цепочкой вслед за ним. По тропе через пустошь процессия направилась обратно к Кресту жестянщика. Хьюго держал Элис обеими руками.

— А я ведь скучал по тебе, — промолвил он вдруг удивленно. — Я так тщательно планировал ту поездку, был так занят — фермы, замок, строительство нового дома, да и за Кэтрин надо ухаживать. Я совсем забыл, как приятно обнимать тебя, Элис.

Девушка кивнула и крепче прижалась к нему спиной, ощущая тепло его тела, легкие движения, с помощью которых он правил большой лошадей.

— Я видел, что ты такая бледненькая и тихая, но не придавал этому значения. Думал, ты дуешься на меня за ту ночь. И сам злился, что во второй раз ты мне отказала. — Хьюго опустил голову, прикоснулся своей щекой к ее щеке и добавил: — Прости меня. Я совсем про тебя забыл.

— Я была так несчастна, — тихо отозвалась Элис.

— Это все я виноват, — раскаивался Хьюго. — Попытался освободиться от твоей любви, выкинуть из головы свои обещания. Мне все это казалось... — Он помолчал. — Сложно объяснить... слишком все запуталось. А тут еще Кэтрин чуть не утонула, а потом слегла. И отец совсем сдал, но продолжает делать вид, что будет жить вечно. И новый дом, о котором я мечтаю больше всего на свете, а отец отказывает в деньгах! А ты — ты все смотрела на меня своими большущими, как у дикой лани, глазами. Дело в том, Элис, что я эгоист. И мне просто хотелось пожить спокойно.

Девушка повернулась к нему и улыбнулась.

— Я не собиралась лишать тебя покоя. Только я одна могу помочь тебе. Только я одна о тебе забочусь. Я сама зимой заболела, когда ухаживала за твоим отцом и женой, боролась со злом, принесенным Морой, которую ввели в вашу семью по настоянию миледи. Если бы не я и моя светлая сила, не представляю, что Мора могла бы натворить.

— Эх, оказалось бы все неправдой, — вздохнул Хьюго. — Но я видел своими глазами: была Мора, а потом вдруг заяц. Нехорошо это, Элис.

— Главное, что история кончилась, — твердо заявила она. — Постараемся забыть об этом. Я боролась с ней, а вы убили ее, и теперь все наладится.

Руки ее на луке седла побелели от напряжения, даже пальцам стало больно.

— Да, кончилась, — согласился Хьюго. — И пусть все останется между нами. Не нужно расстраивать Кэтрин, сейчас это совсем некстати. И отцу тоже вредно волноваться. Кукол этих отдадим Стефану. Он священник и знает, что с ними делать. Но ему тоже ничего не скажем.

Элис кивнула.

— Тебе повезло, что это я был поблизости, — заметил Хьюго. — Другой бы постарался схватить не одну, а сразу двух ведьм.

— Я прошла испытание, — холодно произнесла Элис. — Я не черная ведьма, а всего лишь лечу травами. И я советовала леди Кэтрин не приглашать в замок Мору, ведь про нее всегда ходили слухи, что она занимается темными делами. Я предупредила и миледи, и тебя, но меня никто не слушал.

— Это правда, — подтвердил Хьюго.

Они помолчали, пока лошадь не поднялась на высокую пустошь.

— Наверное, у тебя было странное детство, Элис, — предположил милорд. — Все время одна на болоте, и такая необычная мать, как Мора...

— Она мне, слава богу, не мать, — быстро поправила девушка. — Моя мать, настоящая мать, была леди. Она погибла во время пожара.

Хьюго остановил лошадь и оглядел место, где его люди застали знахарок. Лопата находилась возле неглубокой ямы, там же, где Элис ее бросила. Мешок валялся неподалеку, разорванный сверху донизу, а восковые куколки куда-то пропали.

Ветер волновал росший повсюду вереск; на землю упали первые крупные капли дождя. Элис накинула на голову капюшон; ветер рвал с ее плеч накидку.

Куколок поблизости не было. Хьюго спрыгнул с лошади и стал раздвигать ногой вересковые заросли.

— Нигде не видно, — сообщил он. — Эй! Уильям! Иди-ка сюда, помоги искать.

Один из мужчин слез с лошади и повел ее на поводу.

— Что искать, сэр? — уточнил он.

— Кукол, тех чертовых кукол, которые лежали у старухи в мешке, — раздраженно пояснил Хьюго. — Я видел их собственными глазами.

— А я ничего такого не заметил, сэр, — удивился Уильям. — Видел только, как убегала старуха, потом ребята поскакали за зайцем и загнали его в нору.

Хьюго прищурился; дождь уже лил как из ведра.

— Так-таки ничего? — переспросил он.

— Нет, милорд, — пожал плечами Уильям.

По его круглому лицу бежали струи дождя, волосы намокли и прилипли к черепу. Лорд задумчиво помолчал, затем коротко усмехнулся и хлопнул мужчину по спине.

— По коням, едем домой, — скомандовал он и прыгнул в седло. — И этих пони с собой прихватите.

— Вы не станете искать кукол? — тихо промолвила Элис.

Хьюго повернул лошадь в сторону дома.

— Если они из щелока или сала, сами скоро растают, — ответил он. — Может, лошади их растоптали копытами. А скорей всего, это просто фокусы, обман зрения, с колдовством так часто бывает. Главное, они на освященной земле, так что забудем о них.

Девушка в растерянности обернулась на священное дерево; у самых корней что-то белело. Она вытянулась, чтобы разглядеть получше, но Хьюго крепко держал ее за талию.

— Да не беспокойся ты, — улыбнулся он. — Надо торопиться, сейчас начнется гроза.

Он пришпорил лошадь, а Элис все смотрела на священное дерево. Что это там: маленький

белый корень, напоминающий червя, или крохотная ручка восковой куклы? Да-да, это маленькая белая изуродованная ручка. И она машет ей на прощание.

— Скорей поехали отсюда, — вдруг раздраженно бросила Элис.

Хьюго крутанул лошадь на месте. Та встала на дыбы и неровным галопом помчалась по пустоши и, только подойдя к броду у южной стороны замка, сбавила ход.

— А что скажем леди Кэтрин и твоему отцу? — крикнула Элис, и ветер унес ее слова в сторону.

— Что Мора упала в реку и утонула, — отозвался Хьюго. — А когда начнутся роды, ты ведь сможешь принять ребенка, да, Элис? Ты позаботишься о нем и о Кэтрин?

— Конечно, я с двух лет была рядом с Морой, когда она принимала роды. Я и сама это делала несколько раз. Мне не хотелось ухаживать за Кэтрин, пока она ненавидела меня, но теперь я все сделаю. Я позабочусь о малыше, как если бы это был мой ребенок.

— Спасибо тебе, — поблагодарил Хьюго, сильнее обнимая девушку.

— Я не подведу тебя, — заверила она. — Сделаю все, что в моих силах, только бы у миледи все было хорошо. А когда малыш родится, буду за ним присматривать. Для тебя, Хьюго, и для меня тоже. Ведь от этого зависит твое богатство и независимость. А я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты был богат и независим.

Милорд кивнул, и она спиной почувствовала, что он доволен. Она прижалась к его красивому, уютному камзолу; тепло его горячего тела согревало, его руки крепко держали ее талию.

— У меня есть для тебя одна новость, — заявила она, не колеблясь ни секунды. — Я жду ребенка, Хьюго. Твоего ребенка. Мы были вместе всего раз, но с тобой я сразу забеременела, потому что ты так... желал меня... очень сильно.

С минуту Хьюго молчал, наконец задал вопрос:

— Ты уверена? Так быстро?

В его голосе прозвучала нотка недоверия.

— Уже почти два месяца, — как бы защищаясь, проговорила Элис. — Мальчик родится на Рождество.

— На Рождество! — воскликнул Хьюго. — И ты уверена, что это будет сын?

— Да, — твердо произнесла Элис. — Сон, который я видела в прошлом году на Рождество, оказался пророческим. У нас с тобой будет сын, и мы будем любить друг друга, будем жить как муж и жена.

— Моя жена — Кэтрин, — напомнил Хьюго, — и она носит моего сына.

— А я ношу еще одного твоего сына! — Элис гордо вскинула голову. — И он будет сильным и красивым. Уж я-то знаю.

Хьюго усмехнулся.

— Конечно, — ласково проворковал он. — Умница ты моя, Элис. Милая моя девочка. Конечно, он будет сильным, красивым и умным. Я сделаю его богатым и влиятельным. Он и его единокровный брат станут товарищами. Они будут расти вместе.

Лорд ослабил повод, и его крупная лошадь перешла на галоп.

— Вот отец обрадуется! — Он старался перекричать шум ветра с дождем, хлеставшим им прямо в лицо. — Любовницы нарожали ему кучу сыновей, а жена — только одного.

— А кто любил его больше всех и кого он любил больше? — поинтересовалась Элис.

— Это неважно, — равнодушно обронил Хьюго, пожав широкими плечами. — Любовь не для нас. Земля, наследники, состояние — вот что для лорда главное, Элис. Это бедняки могут позволить себе всякую блажь, чувства, там, страсть. Мы думаем о более важных вещах.

Девушка прислонилась головой к его плечу.

— Когда-нибудь и ты страстно влюбишься, как какой-нибудь крестьянин, — тихо пообещала она. — Сойдешь с ума от любви. Будешь готов на все, землю есть станешь ради нее.

— Вряд ли, — засмеялся Хьюго. — Сомневаюсь.

Некоторое время они ехали молча. Элис прикидывала, насколько ложь о беременности способна обеспечить ей безопасность, как бы ни обсуждали в замке ее или Мору. Хьюго никогда не упустит шанс иметь еще одного сына, пусть даже матерью его будет настоящая ведьма. Пока Хьюго считает, что она носит его сына, он готов на все ради ее защиты. Но вот когда ложь всплывет... Элис покачала головой. Она умела просчитывать события только на шаг вперед, но где-то впереди брезжила мечта: она гуляет по парку в розовом платье Кэтрин с кремовой отделкой.

Порыв ветра бросил ей в лицо шквал дождевых капель, а удар грома над холмами на западе прокатился по небу ей навстречу. Вдруг Элис представила, как Мора стоит в темной пещере по колена в бурлящей воде и, упершись головой в каменный потолок, тоже прислушивается к ударам грома, к шуму дождя и к визгу собак, поджидающих ее у входа. Элис сощурилась. На мгновение собственной шеей она ощутила твердый, неподатливый камень, словно это не Мора, а она сама пытается вжаться в стену и спастись от прибывающей стихии. Ноги мерзнут, ледяная вода, которая бурлит и пенится вокруг колен, медленно, но неодолимо поднимается, вот уже и бедра в воде, и юбки всплыли. Что-то больно бьет ее, то ли бревно, то ли толстая ветка, она теряет равновесие и падает в воду, но вскакивает, дрожа и насквозь промокнув, и тяжелая от воды одежда сковывает движения.

Такое чувство, будто река попробовала ее на вкус и реке понравилось, захотелось еще. Огромная волна хлынула в пещеру, навалившись на нее сбоку; она ударяется лицом о каменную стену и остро ощущает, как земля давит со всех сторон. Еще немного, и будет поздно, она не сможет выбраться туда, где ее поджидают; страх утонуть вдруг пересиливает страх перед злыми собаками, и она начинает ощупывать стену, ища выход. Руки покрыты синяками и кровотокающими ссадинами, они колотят о камни и вдруг проваливаются в пустоту, где река пробила себе путь наружу. Как слепая, она протягивает руки, барахтаясь в быстром течении, страстно желая глотнуть свежего воздуха. Вдруг костяшки пальцев больно ударяются в потолок прохода, ведущего из пещеры.

Поздно. Узкий проход заполнен водой до самого верха, вода течет стремительным потоком; остается лишь небольшой запас воздуха под самым потолком. Чтобы глотнуть его, она поднимает лицо, но еще одна волна врывается в пещеру, и уровень воды от пояса подскакивает сразу до плеч. Платье совсем промокло, всюду крутятся струи ледяной воды. Течение сбивает с ног, она теряет опору и падает, вода заливает ей уши, нос и рот, вода ревет, омывая череп. Жажда жизни заставляет ее снова рваться наверх, где под самым потолком еще есть немного воздуха. Но голова с силой бьется о камень, и в разинутый рот попадает только вода...

Элис застонала.

— Что с тобой?

Голос Хьюго вернул ее к реальности, к ее опасной игре, к уюту, который дарил ее теплая рука.

— Ты что-то сказала?

— Нет, ничего, — бодро отозвалась Элис. Мощный шквал ветра с дождем темной пеленой налетел на долину, скрыв от глаз окружающие холмы.

— Река поднялась, — удовлетворенно заметил Хьюго. — Ведьма утонула. Скорей домой!

Он стряхнул с ресниц капли дождя и пустил свою чалую галопом.

Факт исчезновения Моря замять было невозможно. Слишком много народу знало, что знахарки уехали верхом, а потом Элис вернулась с Хьюго, но без Моря. Пусть Уильям ничего не видел, зато другие охотники могли свидетельствовать, что ведьма превратилась в зайца. Было ясно, что рано или поздно правда выйдет наружу. Главным было не допустить, чтобы история достигла ушей Кэтрин. Пока миледи спала, Хьюго собрал женщин в галерею и пригрозил, что если он услышит в присутствии Кэтрин хоть одно слово про Мору — одно-единственное слово, подчеркнул он, — то распорядится виновную высечь, а потом в одной ночной сорочке прогонит из замка. Дамы, широко распахнув глаза, зашушукались между собой.

— Мора утонула, — сообщил им Хьюго. — Я собственными глазами видел, как она упала в реку и пошла ко дну. Тот, кто станет это отрицать, мужчина или женщина, открыто назовет меня лжецом. — Рука его легко коснулась пояса, на котором висел широкий меч. — Мужчину я убью, а женщину прикажу высечь. Я не могу заставить вас не болтать. — Он обвел их мрачным, осуждающим взглядом. — Нет такой силы на земле, которая могла бы остановить вас. Но одно подозрительное слово в присутствии Кэтрин, одна фраза с тенью сомнения — и вы пожалеете о том, что появились на свет.

Лишь Элиза нашла в себе мужество открыть рот.

— А как насчет Элис? — осведомилась она.

— Элис остается с нами, — ответил Хьюго. — Она верный друг нашей семьи. Теперь она будет ухаживать за Кэтрин, а потом за сыном, когда малыш родится. Все будет так, как было до приезда Моря. А про Мору забудьте. Она погибла.

Хьюго подождал, не будет ли возражений, улыбнулся своей угрюмой, высокомерной улыбкой, вышел из галереи и направился к отцу.

Элис уже сидела в полутемной комнате лорда Хью, расположившись на табуретке у его ног. Не дожидаясь Хьюго, она доложила старику новость.

— Мора умерла, — начала она без предисловий.

Милорд резко повернул к ней голову.

— Мы с ней были в пустоши, — рассказывала девушка. — Она слепила восковых кукол и собиралась сделать что-то нехорошее. Я поехала с ней, хотела помешать. А там оказался Хьюго со своими собаками; увидев Мору, собаки понеслись за ней и загнали в пещеру, где

она и утонула.

Лорд Хью не проронил ни звука — он ждал продолжения.

— Она была ведьма, — заключила Элис. — Хорошо, что она погибла.

— А ты, значит, нет, — медленно промолвил старый лорд.

Побледнев, девушка подняла к нему голову.

— Нет, милорд, — тихо возразила она. — Ни во время испытания, когда миледи ненавидела меня и подвергла суровой проверке, ни сейчас. Я помирилась с Кэтрин, мы с ней теперь подруги. Я влюблена в вашего сына, я люблю и уважаю вас. Разрешите мне остаться в вашем семействе, под вашим покровительством. Я освободилась и от Моры, и от своего прошлого.

Старик со вздохом положил ладонь на руку Элис.

— А как насчет твоей силы? — спросил он. — Ты ведь потеряла ее, когда в замке появилась Мора и когда Хьюго разлюбил тебя.

Лицо девушки просияло.

— Сила вернулась, — с радостью призналась она. — Это Мора украла у меня силу и здоровье мое украла. Она знала, что я встану между ней и вами. Знала, что я постараюсь защитить вас и ваших близких от ее колдовства. Это она напустила на меня болезнь и слабость и уже замыслила злое против всех вас. А теперь, когда она погибла, сила вернулась ко мне и я могу позаботиться о вашем благополучии. Разрешите мне жить здесь под вашим покровительством в качестве подданной.

Глядя на разгоряченное лицо Элис, старый лорд улыбнулся.

— Да, — мягко произнес он, — конечно. С первого дня, как я увидел тебя, мне захотелось, чтобы ты была рядом. Только не лезь между Кэтрин и Хьюго, не мути воду, мне нужен законный наследник, а после него еще внуки. Вы с Хьюго делайте что угодно, устраивайтесь, как пожелаете, но пока невестка носит ребенка, она не должна ничего знать и беспокоиться.

Послушно кивнув, Элис взяла приласкавшую ее руку и поцеловала.

— У меня для вас еще одна новость, — решила она. — Хорошая.

Милорд снова приподнял брови в ожидании.

— Я жду ребенка, — сообщила Элис. — От Хьюго. Он навещал меня в ту ночь, когда вернулся из Ньюкасла. Я не такая, как Кэтрин, которой трудно забеременеть. Я ношу под сердцем ребенка Хьюго. Уже два месяца у меня задержка. Ребенок родится под Рождество.

— Отлично! — обрадовался лорд. — Вот так новость, ей-богу, прекрасная новость! Как думаешь, это будет сын, Элис? Ты уже можешь определить пол ребенка?

— Мальчик, — подтвердила девушка. — Сильный и красивый мальчик. Ваш внук, милорд. Я буду гордиться, что я его мать.

— Неплохо, неплохо, — быстро проговорил его светлость. — Вероятно, Хьюго, пока не родится твой ребенок, останется здесь. С вашей помощью, твоей и Кэтрин, я сумею привязать его к дому.

— Да, — горячо согласилась Элис. — Госпожа не смогла крепко привязать его, но ради меня

он останется. Я сделаю из него домоседа ради нас всех, милорд. Я, как и вы, также не хочу, чтобы он уехал в Лондон или еще куда.

Старый лорд гулко рассмеялся.

— Ну, тогда приворожи его. И держи при себе. — Он минуту помолчал, глядя на нее с жалостью. — Только не перестарайся, Элис. Вы с ним никогда не поженитесь. Ты всегда будешь одной из дам Кэтрин. При дворе может твориться что угодно, и это не мое дело, двор есть двор, но мы здесь люди простые. Кэтрин — твоя госпожа, и ты служишь ей хорошо. Хьюго хоть твой любовник, но он и твой господин. Я не отрицаю, что привязан к тебе, Элис, однако, если ты забудешь свой долг перед господами, я завтра же выброшу тебя из замка. Честно служи Кэтрин и доставляй Хьюго удовольствие, когда он пожелает. Так и я держал своих женщин. Жена для наследников, а остальные для наслаждения. Вот что я называю разумным порядком. Впредь так и должно быть.

Элис опустила голову, скрывая обиду и возмущение, и покорно ответила:

— Да, милорд.

Когда она спускалась по плохо освещенной лестнице, неожиданно кто-то схватил ее за рукав. Она повернулась и увидела Дэвида.

— Слышал, твоя родственница погибла, — тихо промолвил он.

— Да, — спокойно отозвалась Элис.

Голос ее не задрожал, лицо оставалось невозмутимым.

— Тяжелая смерть для женщины — утонуть в холодной реке, — заметил карлик.

— Да, — повторила девушка, глядя на него сверху вниз.

— И что ты теперь будешь делать? — не отставал Дэвид.

Элис улыбнулась ему прямо в лицо.

— Ухаживать за леди Кэтрин. Верно служить лорду Хью и его сыну. Что же еще?

Дэвид сильнее подтянул ее за рукав, чтобы она наклонилась и подставила ухо.

— А я помню, когда ты была шальной дикаркой из пустоши, — прошептал он. — Помню, как ты разделась догола, меняя обноски на роскошное платье содержанки. По слухам, тебя подвергли испытанию по обвинению в колдовстве. Я видел, как ты томилась и чахла по молодому лорду. А теперь скажи мне: что дальше?

Элис вырвала рукав и выпрямилась.

— Ничего, — ласково проворковала она. — Буду заботиться о леди Кэтрин и помогать ей в родах. Буду повиноваться милорду Хью и его сыну. Ничего больше.

Карлик кивнул. В темноте сияла его улыбка.

— Я все изумлялся, — продолжал он. — Смотрел на тебя и, ей-богу, удивлялся. Мне казалось, у тебя хватит сил перевернуть весь замок вверх тормашками. Когда ты притащила сюда эту старуху, эту ведьму, которая способна черт знает на что, я подумал: вот сейчас они начнут действовать. Я наблюдал за тобой и все ждал, когда же ты сделаешь свой ход. В моих

мыслях ты уже стала новой хозяйкой замка. Вы так близки с его светлостью. Ты так искусна в колдовских делах, что могла бы обуздать дикий нрав Хьюго и сделать его покорным. И если бы у тебя был ребенок — как ты и предвидела в своем сне, — ты стала бы для него прекрасной женой.

У Элис перехватило дыхание, хотя она старалась хранить спокойствие.

— Что же произошло? — допытывался Дэвид, сморщив мрачное, злое личико. — Что случилось между тобой и старой ведьмой? У вас ведь все шло как по маслу. Старая ведьма пользовалась доверием Кэтрин, вы могли принимать ее роды вдвоем. И чем бы все кончилось? Ребенок родился бы мертвым? Задушенным пуповиной? Ягодичные роды? Вышел бы ногами вперед, захлебнувшись в крови? — Дэвид засмеялся своим отвратительным смехом. — Но ты слишком поторопилась, верно? Решила, что уберешь Кэтрин с дороги и тогда Хьюго достанется только тебе. Ты бледнела и чахла, теряла красоту. Это чувство поедало тебя изнутри, как черви в желудке, да, моя маленькая Элис? Своим колдовством ты сбросила Кэтрин в реку, верно? В самое глубокое место, чтобы густые меха быстро намокли и утащили ее на дно.

Щеки Элис побелели, как снятое молоко.

— Что за вздор! — храбро воскликнула она.

— А старуха-то возьми и вытащи ее из воды, — не унимался карлик. — А ты знаешь, мне она нравилась, твоя мамаша.

— Она мне не мать, — отрезала Элис, ее лицо застыло неестественной маской. — Мы просто жили вместе. Моя мать погибла при пожаре.

— При пожаре? — переспросил Дэвид. — Что-то раньше я об этом не слышал.

— Да! — В голосе Элис звучала бездна отчаяния. — Моя мать, настоящая мать, погибла в огне. С тех пор как ее не стало, мир для меня померк.

Карлик склонил голову набок, глядя на нее, как на какую-то чудачку.

— Значит, одну мать ты потеряла в огне, а другую в воде, — заключил он без тени сочувствия. — Но буду ли я называть тебя леди Элис? Отправится ли Кэтрин вслед за твоими двумя матерями? В огонь? В воду? Или тут понадобится земля? Или воздух? А где окажешься ты? В замке или в каком-нибудь городском притоне?

У Элис внутри все кипело. Она стала спускаться, но вдруг обернулась; лицо ее пылало злобой.

— Ты будешь звать меня леди Элис, — прошипела она; карлик даже отпрянул, не ожидая такой ярости. — Ты будешь звать меня леди Элис, и именно я укажу тебе на дверь. Я стану Хьюго законной женой, а ты будешь стоять у моих ворот с протянутой рукой.

Она повернулась и, не оглядываясь, застучала каблуками по винтовой лестнице, только тонкое платье развевалось позади. Дэвид так и застыл на месте, слушая ее шаги.

Узнав о гибели Моры, Кэтрин была вне себя от горя. Заплакав, она прижалась к Элис, и та обняла ее; так они и стояли, обнявшись, как две осиротевшие сестрицы.

— Теперь ты должна всегда быть со мной, — всхлипывала миледи. — Ты умеешь все, что умела она, ты всегда была рядом, помогала мне. Ты ее дочь, я обеих вас очень любила. Она

тоже оказалась поблизости, когда я тонула и чуть не погибла. О, Элис! Мне так будет ее не хватать.

— И мне тоже, — согласилась Элис; синие глаза ее увлажнились, слезы покатались по щекам. — Она учила меня, передавала все свои навыки и умения. У меня такое ощущение, будто перед тем, как покинуть этот мир, она поручила мне заботу о вас.

Кэтрин доверчиво посмотрела ей в глаза.

— Ты думаешь, она знала? Была так мудра и предчувствовала скорую смерть?

— Думаю, знала, — вздохнула Элис. — Мора как-то обмолвилась, что видит мрак впереди. Когда она вытащила вас из воды, она догадывалась, что за это придется заплатить. Что река потребует свою плату.

Миледи заплакала еще сильнее.

— Значит, она погибла из-за моего спасения! — воскликнула она. — Она отдала за меня жизнь!

— Мора сама хотела этого. Она, да и я тоже, мы не задумываясь принесли бы такую жертву. Я потеряла ради вас свою мать и не жалею. — Голос Элис трогательно задрожал. — И не буду жалеть об этом.

Она нежно погладила Кэтрин по голове предательской рукой. Та уже рыдала не сдерживаясь.

— Ах, Элис, подруга моя, — повторяла она. — Моя единственная подруга.

— Бедная миледи, — приговаривала Элис. — Не плачьте, пожалейте себя!

Она тихонько покачивала госпожу, глядя на распухшее от слез лицо. Потом громким голосом позвала других женщин. Первой явилась Рут.

— Пошлите за Хьюго, — велела Элис. — Миледи сейчас очень нуждается в нем.

Он пришел сразу и даже отпрянул, когда Кэтрин, рыдая, протянула к нему руки и взывала от горя. Он упал на колени перед ее креслом, обнял ее и коснулся губами волос.

— Тише, тише, — ласково шептал Хьюго, затем поднял голову к Элис, словно не узнавая ее, и спросил: — Неужели у тебя нет ничего успокоительного? Это нехорошо для ребенка, нельзя же так предаваться страданию.

— Ей лучше самой успокоиться, — сдержанно ответила Элис.

Кэтрин всхлипнула и сильнее прижалась к мужу.

— Я знаю, — промолвила она, шмыгая носом. — Мора часто веселила меня. Она делала так, что все казалось ужасно смешным. Она рассказывала про себя такое, что я хохотала до слез. Я все жду, что сейчас она войдет и засмеется нам прямо в лицо.

Элис метнула взгляд на дверь; штора на двери дрожала. На мгновение девушке показалось, что Мора действительно сейчас войдет, оставляя мокрый след и влача за собой водоросли, и рассмеется им в лицо, широко раздвинув синие губы утопленницы.

— Нет, — возразил Хьюго. — Это невозможно, Кэтрин. Мора утонула. И постарайся не слишком расстраиваться по этому поводу. — Он обернулся к Элис. — Так есть у тебя что-нибудь, что ее успокоит?

— Могу предложить вытяжку цветка птицемлечника, — холодно произнесла Элис.

Она отправилась в свою комнату. Там в шкафу для белья хранились пузырьки, порошки, сухие травы, которые они собирали и готовили вместе с Морой. На кровати осталась белая ночная рубашка Моря. Сквозь открытую дверь влетел сквозняк, и рубашка надулась и приподнялась на кровати, словно собираясь встать и пойти к Элис. Рукава слегка шевелились, будто пытались указать на нее осуждающим жестом. Девушка прислонилась спиной к двери и смотрела на рубашку до тех пор, пока взглядом не смогла заставить ее лежать смирно и не двигаться.

Наконец она вернулась в галерею и протянула лорду лекарство.

— Вот, пожалуйста.

Хьюго, не глядя, взял из ее рук кружку и глоток за глотком заставил Кэтрин выпить, не отрывая глаз от ее лица и бормоча что-то тихим, нежным голосом. Когда миледи перестала всхлипывать, выпрямилась и вытерла лицо носовым платком, он посмотрел по сторонам и заметил Элизу.

— Ну-ка, ты, поди сюда! Быстренько приготовь постель ее светлости. Сейчас ей надо поспать.

Присев, Элиза побежала в спальню миледи.

— А снотворное у тебя есть? — бросил он Элис через плечо.

Девушка снова направилась в комнату, где недавно жила вместе с Морой. В камине треснуло горящее полено, и по стенам вокруг кровати заплескали тени. На секунду ей показалось, что на сундуке, стоящем у изголовья кровати, кто-то сидит, уставившись на дверь. Элис снова прислонилась спиной к двери и прижала ладонь к сердцу. Потом взяла себя в руки и достала настойку толченых зерен мака, чтобы госпожа хорошо отдохнула на широкой, удобной кровати. Затем вернулась и отдала снадобье Хьюго. Он обнял жену за располневшую талию и повел в спальню, не сказав ни слова благодарности. Элис сжала губы, сдерживая раздражение. Она наблюдала, как они уходят, видела, как голова Кэтрин склонилась на плечо мужа, слышала ее жалобный голосок и его ласковый шепот.

— Тебе не страшно спать одной в своей комнате? — поинтересовалась Элиза, когда дверь за ними закрылась.

— Нет, — отрезала Элис.

— В кровати мертвой женщины! — воскликнула Элиза. — На подушке, где еще остался след ее головы! После того, как она только сегодня погибла! Я бы очень боялась: а вдруг ночью она придет попрощаться? Они всегда так делают. Она обязательно придет попрощаться, перед тем как обрести вечный покой, бедная старуха.

— Была бедная старуха, а теперь умерла, — пожала плечами Элис. — С чего это ей не спать спокойно, а шлаться по ночам?

В их беседу вмешалась Рут. Бросив на Элис пронзительный взгляд, она заявила:

— А с того, что она не в земле, а в воде. Как она встанет из могилы в Судный день, если у нее и могилы-то нет?

Элис почувствовала, как у нее от страха задрожали коленки.

— Глупости, — отмахнулась она. — И слушать ничего не стану. Я пошла спать.

— И будешь спать? — удивилась миссис Эллингем.

— Конечно буду, — подтвердила Элис. — С какой стати я не буду спать? Лягу в постель, завяжу тесемки чепца и просплю до утра.

Гордо подняв голову, она удалилась в комнату и закрыла за собой дверь. Здесь она, как и обещала, сняла платье, надела рубашку, ночной чепец и завязала тесемки. Но потом подвинула табуретку к камину, подбросила полено в огонь и зажгла еще одну свечу; в комнате стало светло как днем, не было ни одного темного уголка. Всю ночь она глаз не сомкнула, чтобы холодная и насквозь мокрая старуха не явилась неожиданно, не положила холодную руку ей на плечо и не повторила еще раз: «Осталось недолго, Элис».

На следующее утро Элис позвала кухонную девчонку, и они вдвоем прибрали комнату, уничтожив все следы пребывания Моры. Служанка охотно откликнулась на просьбу, ожидая, что платья и нижнее белье достанутся ей. Но каково же было ее разочарование, когда Элис собрала вещи Моры в узел и отнесла на кухню, собираясь бросить в печку.

— Кто же сжигает шерстяную одежду! — возмутилась повариха, глядя на кучу одежды. — И совсем еще хорошее белье.

— Там полно вшей и блох, — без обиняков пояснила Элис. — Тебе очень нужны вши и блохи мертвой женщины?

— Можно постирать, — не сдавалась повариха, стоя между Элис и огнем.

Синие глаза девушки помутнели от злости.

— Мора лечила заразных больных, — сказала она. — Ты считаешь, что можно отстирать чуму? Хочешь попробовать?

— Да ладно, жги, жги, — раздраженно произнесла повариха. — Но только потом очисти очаг. Не забывай, что здесь готовится господский обед.

— У меня есть кое-какие травы, — успокоила ее Элис. — Отойди в сторону.

Повариха быстро отступила к камину, находившемуся у противоположной стены, где поваренок вращал вертел; она больше не донимала Элис, но следила за ней взглядом. Девушка бросила узел в самое пламя. Сначала он тлел, окутанный дымом, потом огонь зацепился за край старого платья Моры, ткань стала разгораться и наконец вспыхнула. Элис вынула из кармана небольшой пузырек.

— Это святое миро, — пояснила она.

Сняв крышечку, она капнула по одной капле на каждый угол плиты перед очагом и три капли в самое пламя, затем прошептала одними губами:

— Покойся с миром. Мы с тобой обе знаем, какие между нами счеты и как их свести. Мы обе знаем, когда и где встретимся снова. Но до этого дня оставь меня, я должна идти своим путем. У тебя была своя жизнь, ты сделала свой выбор. Так оставь меня, Мора, и я свободно сделаю свой.

Она шагнула назад, не сводя глаз с пламени. Благовонное масло горело, мерцая синим и зеленым. А в другом углу кухни повариха шумно втянула воздух и крепко сжала кулак, оберегаясь от колдовства. Элис не обращала на нее никакого внимания.

— Ты заботилась обо мне, как мать, — продолжала она. — Я признаю это. Сейчас поздно благодарить тебя, и доброта моя тебе тоже ни к чему. Ты заботилась обо мне, как мать, а я предала тебя, как злейший враг. И теперь я призываю любовь твою, материнскую любовь. Ты говорила, что у меня осталось мало времени. Так будь щедра, не отбирай этот короткий отрезок. Оставь меня, позволь жить, как я хочу, Мора. Не приходи ко мне, не тревожь меня.

Языки пламени жадно лизали одежду, узел распался и вспыхнул еще ярче, тряпки съезжались, превращаясь в черный пепел. Секунду девушка молчала, склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь. Запах сгоревшего мира наполнил кухню. Парень у вертела отвернулся к стене и крутил рукоятку с удвоенной скоростью; скрип вертела превратился в визг.

Элис ждала.

Ничего не происходило.

Мора не подавала никаких знаков.

С чистой улыбкой Элис отвернулась от пламени и кивнула поварихе.

— Готово, — весело сообщила она. — Одежда сгорела, и очаг я тоже очистила. Что ты готовишь господам на обед?

Повариха показала дюжину жареных цыплят на паштет, а также миндаль, рис и мед, готовые для смешивания, и сандаловое масло, придающее смеси розовый оттенок.

— На второе — белое мясо, — пояснила повариха. — И еще есть несколько хороших кусков баранины. И жареная оленина. Рыбка тоже есть, палтус, рыбаки привезли. Хочешь, я приготовлю для леди Кэтрин что-нибудь вкусненькое? — заискивающе спросила она.

Элис немного подумала и ответила:

— Какой-нибудь сладкий пудинг. Госпожа любит сладкое, и ей нужно как следует подкрепиться. Какой-нибудь крем или желе, только сиропа побольше.

— Она стала такая полненькая, — восхитилась повариха, — прямо вся расцвела, как цветочек.

— Да, — милостиво согласилась Элис. — С каждым днем леди Кэтрин все больше поправляется. Если так пойдет дальше, в ее постели совсем не останется места для милорда Хьюго. Пошли ей в спальню бокал глинтвейна и сладкого крема, и пирожных тоже, она уже на пятом месяце и часто хочет есть.

— Будет сделано, Элис, — пообещала повариха.

Девушка уже направилась к выходу, но, услышав эти слова, остановилась и, многозначительно вскинув брови, посмотрела поварихе прямо в глаза. Та растерялась и быстро отвела взгляд, не зная, что и делать. Элис стояла не двигаясь и продолжала в упор на нее смотреть.

— Слушаюсь, госпожа Элис, — догадалась наконец повариха, против воли употребляя это обращение.

Элис медленно окинула взором кухню, словно проверяя, нет ли поблизости кого-нибудь, кто сомневается в том, что ее следует называть именно так. Никто не посмел и рта раскрыть. Она кивнула мальчишке за вертелом, тот вскочил и побежал открывать ей дверь. Элис, не поблагодарив, переступила порог кухни.

Когда дверь за ней закрылась, она задержалась и послушала, не станет ли повариха кричать, что знахарка много о себе возомнила, ругаться и обзывать ее ведьмой. Раздался громкий шлепок и крик мальчишки, получившего незаслуженное наказание.

— Сиди на месте и крути, — отчитала его повариха. — Уже полдня прошло, надо поторопиться.

Улыбнувшись, Элис пересекла холл и по лестнице поднялась в дамскую галерею.

Кэтрин перед обедом отдыхала у себя, остальные дамы собрались вокруг камина и предавались безделью. Рут читала какую-то брошюрку, где толковался смысл святой мессы, Элиза, уставившись в огонь, о чем-то грезила наяву. Миссис Эллингем дремала, и ее прическа сбилась набок. Холодно кивнув дамам, Элис прошла в свою комнату.

Служанка смела с пола стебли тростника, как ей и было велено, и оставила веник. Элис взяла его и тщательно вычистила все углы, собрав пыль и солому посередине комнаты. Все до последней пылинки она бросила в огонь. Потом достала кусок тряпки и вытерла все в комнате, каждую вещицу, которой могла коснуться рука Моры, все, что могла задеть ее голова или юбка, все места, по которым могла ступать ее нога. Элис наматывала круги по комнате, словно паук, плетущий сеть. Круг за кругом, пока в комнате не осталось места, которого она не вытерла. Затем она в несколько раз сложила тряпку, будто пряча в ней неуловимый запах Моры, и бросила в огонь.

Недовольная служанка принесла новые покрывала и пледы, и Элис накрыла ими единственную подушку. Она встрясла полог кровати и повесила его обратно, украсив фестонами. Потом встала у двери и осмотрелась с легкой улыбкой.

Для двух знахарок, двух повитух, ждущих появления единственного сына и наследника хозяев, комната была почти роскошной, не меньше той, где жили остальные четыре дамы, спавшие по двое на убогих койках. А для одной женщины спальня выглядела просто изысканно. Почти такая же большая, как и комната госпожи, кровать ничуть не меньше, а портьеры столь же изящны. Правда, холоднее, чем у миледи — окна выходили на запад, на берег реки, — но зато просторней. Элис решила не разбрасывать по полу свежие травы, поскольку в воздухе и без того пахло свежестью. В комнате было чисто, не слышалось болтовни дам, не было горшочков с румянами и белилами, мазей и притираний, нигде не валялись недоеденные конфеты, как у Кэтрин. Платья, накидки, чепцы и постельное белье Элис держала в одном сундуке, а травы, ступку с пестиком, кристалл и все остальное — в другом.

Здесь были табуретка и стул со спинкой, но без подлокотников. Элис подвинула стул поближе к огню, положила ноги на табуретку и устроилась на огонь.

Дверь открылась, и в проеме показалась голова Элизы Херринг.

— Ах вот ты где! — грубовато воскликнула она.

Элис повернулась и посмотрела на приятельницу, но промолчала. Элиза с любопытством огляделась.

— А ты все тут подмела, — заметила она с удивлением. — Разве не выйдешь посидеть с нами? Тебе, наверное, скучно здесь одной.

— Нет, не скучно, — холодно отозвалась Элис.

Элиза засуетилась, прошла было в комнату, но снова вернулась к порогу.

— Я приду к тебе спать, — предложила она. — Ты же не хочешь оставаться одна? Ночью мы

можем поболтать о чем-нибудь, посмеяться. Марджери не имеет ничего против, если я уйду.

— Нет, — тихо промолвила Элис.

— Правда, она совсем не против, — не отставала Элиза. — Я уже спрашивала ее, когда подумала, что тебе нужна компания.

Увидев, что знахарка покачала головой, Элиза застыла в нерешительности и добродушно сказала:

— Так сильно печалиться тоже нехорошо. Мора была противной старухой, но любила тебя, и все это знали. Не надо долго горевать о ней. Не стоит сидеть в одиночестве и так убиваться.

— Я вовсе не убиваюсь, — возразила Элис. — Я ничего не чувствую. Мне наплевать на нее, и на всех вас, и на Кэтрин в придачу. Обо мне не беспокойся. Я ничего не чувствую.

— Тебя просто потрясла смерть Моры, — с запинкой произнесла Элиза, словно извиняя холодность приятельницы. — Ты не должна быть одна.

— Мне никто не нужен, и ты не будешь здесь спать, — отрезала Элис. — Здесь часто бывает Хьюго. И я приготовила комнату для нас двоих.

Утратив дар речи, Элиза округлила глаза и изумленно разинула рот.

— А как же миледи? — наконец выдавила она. — Госпожа не совсем здорова, Элис, но ее хватит на то, чтобы вышвырнуть тебя на улицу. И Хьюго не посмеет перечить ей, пока она беременна.

— Привыкнет, — отозвалась Элис; ее губы шевельнулись в холодной улыбке. — Теперь все будет по-другому.

Элиза прищурилась.

— Это потому, что утонула Мора? — попыталась угадать она.

— При чем здесь Мора? — отмахнулась Элис. — Я ношу ребенка Хьюго. И это будет сын. Думаешь, Хьюго позволит своей жене помыкать мной, когда она носит одного сына, а я другого?

— Ты?носишь его сына? — охнула Элиза.

С гордостью погладив свой совершенно плоский живот, Элис самоуверенно улыбнулась.

— Но ведь Кэтрин законная жена! — воскликнула Элиза. — Она ждет наследника!

— Ну и что из этого? — пожала плечами Элис. — Сыновей не бывает много, а у Хьюго их вообще пока нет. Надеюсь, к обоим мальчикам будут относиться как к наследникам, ведь неизвестно, кто продолжит род.

Приоткрыв дверь, Элиза осторожно выглянула.

— Это все твои предположения? Пророчества и гадания?

— Нет, — усмехнулась Элис, — просто знание, которым обладает всякая смертная женщина. Хьюго спит со мной с тех пор, как вернулся из Ньюкасла. Теперь я беременна от него, и мне нужна отдельная комната и служанка. С какой стати Кэтрин будет против? Ей-то какая разница?

— Но раньше тебе крепко от нее доставалось, — напомнила Элиза.

— Да, — кивнула Элис. — Однако теперь Кэтрин постоянно усталая и больная, и только я могу унять ее страхи. Что бы я ни делала, она будет за меня цепляться, я нужна ей. И я буду о ней заботиться, хорошо заботиться.

— А ты преуспела, — заметила Элиза с завистью и восхищением в голосе.

— Теперь ко мне следует обращаться «госпожа Элис». Позвони, пусть мне принесут лохань и горячую воду. Мне нужно помыться.

— Сама звони! — вдруг возмутилась Элиза.

Резко вскочив со стула, Элис схватила приятельницу за плечи и потрясла, а потом приблизила к себе ее сердитое лицо и процедила сквозь зубы:

— Предупреждаю тебя раз и навсегда. Здесь все теперь будет иначе. И я тебе больше не Элис. Я ношу в чреве внука лорда Хью, он зачат от его сына, бесплодного со всеми женщинами, кроме меня и миледи. Я стою сразу после его жены. Я могу считать тебя или другом, или врагом. Но если ты станешь мне врагом, долго здесь не продержишься.

Воинственный задор сразу слетел с Элизы.

— Да, тебе очень повезло, — промолвила она, безуспешно стараясь скрыть чувство обиды.

— Явилась сюда как полное ничтожество, а теперь тебя надо называть «госпожа Элис».

— Явилась как знающая и образованная женщина и сразу стала исполнять обязанности лекаря и секретаря милорда! — гордо заявила Элис. — Я дочь благородных родителей. И я занимаю надлежащее мне место. И у меня такое же право быть здесь госпожой, как у Джейн Сеймур — носить корону. А теперь звони, мне надо принять ванну.

Элиза нерешительно поклонилась и ответила:

— Слушаюсь, госпожа Элис.

Двое слуг, сгибаясь под тяжестью большой лохани, поднялись по винтовой лестнице в комнату Элис и поставили лохань поближе к огню. Судомойка принесла свежую простыню и постелила ее по дну и по стенкам. За ней еще двое притащили большие ведра с горячей водой, вылили воду в ванну и отправились за следующей порцией. Элис распорядилась, чтобы рядом с лоханью стояла горячая вода и можно было, если понадобится, черпаком подбавлять ее. Когда все ушли, она затворила дверь и открыла сундук, где в специальном полотняном мешочке хранились жимолость и лепестки розы. Элис захватила горсть и бросила в воду. Еще у нее был крохотный пузырек ромашкового масла, которым она промыла волосы. Она сидела в горячей воде, откинув назад голову, и натирала все тело цветочными лепестками. Пальцы кругами скользили по грудям; соски затвердели и трепетали при малейшем касании. Потом она выжала мокрые волосы и отбросила их за край ванны; вода стекала с них и капала на пол.

Когда вода в лохани остыла, Элис поднялась, завернулась в теплую простыню и в молчаливом одиночестве села перед огнем. Слово чуткий зверек, понюхала предплечье. От кожи пахло луговыми травами, а от светлых волос — медом. Тело ее было гибким, податливым, стройным и красивым, а лицо — суровым и мрачным. «Сегодня ночью, — подумала она. — Сегодня ночью, Хьюго».

Вымытая, умощенная ароматными маслами, благоухающая и одетая в простенькое синее платье с голубой ленточкой на поясе, Элис напустила на себя смиренный вид и терпеливо ждала, когда окончится этот долгий и скучный день. Леди Кэтрин продолжала предаваться горю и к обеду не спустилась. Она хныкала, что ее все бросили, и лорд Хьюго, который по пути в зал заглянул в дамскую галерею, решил обедать с женой в ее спальне. В результате его светлость трапезничал в одиночестве во главе длинного господского стола, сердито сверкая глазами из-под темных бровей. Когда покончили с мясными блюдами, Элис встала с места, подошла к милорду, наклонилась к его уху и что-то спросила. Остальные дамы слышали только, как он хрипло рассмеялся и что-то ответил. Потом небрежно указал на скамеечку возле себя и беседовал с девушкой до конца обеда. Дэвид, следивший за тем, как подавали десерт из вафель, фруктов и вина, сдобренного пряностями, сразу оживился.

— Элис больше не сидит за одним столом с дамами, милорд? — обратился он к его светлости. — Она теперь ваша гостья?

Лорд Хью пронзил его мрачным взглядом и угрюмо сказал:

— Мне было скучно. Торчишь тут, и пообщаться не с кем. Если моя невестка забыла свой долг и не обедает со мной, а сыну нравится бегать к ней в комнату, словно он не мужчина, а служанка, что мне остается делать? Сидеть и молчать, словно воды в рот набрал?

— Просто мне надо знать, куда подавать ей кубок, — виновато пояснил Дэвид. — Если вы желаете, чтобы Элис обедала с вами, ее прибор будут приносить сюда.

Лорд с силой ударил кулаком по столу.

— Когда Кэтрин отсутствует, Элис может есть из ее тарелки! — раздраженно воскликнул он. — Разве я не могу себе позволить любоваться красивой женщиной, если мне хочется? А Элис самая красивая во всем замке. В отсутствие Кэтрин со мной будет сидеть она. Я разрешаю ей пить из стеклянных бокалов и есть из серебряной посуды. Все ясно?

Дэвид молча поклонился, а когда выпрямился, поймал на себе сияющий взгляд Элис.

— Большое спасибо, Дэвид, — холодно произнесла она. — Очень любезно с твоей стороны позаботиться о моем комфорте. Если бы не ты, я бы не получила этого приглашения.

Старый лорд коротко хохотнул и щелкнул пальцами, веля принести вина. Элис взяла у виночерпия бутылку и наполнила старику бокал, наклонившись так, чтобы он мог полюбоваться на упругие девичьи груди в вырезе платья.

— Ах ты, распутница... хороша, что и говорить, — улыбнулся его светлость и, закинув голову, осушил бокал.

И Элис, нисколько не смущаясь, улынулась в ответ.

После обеда вместе с лордом Хью она отправилась в его покои и там под его диктовку строчила письма, пока не стемнело. Теперь, когда семейство Джейн Сеймур было в фаворе, лорду нужно было искать новых союзников, устанавливать дружеские контакты, к тому же ходили слухи, что невеста, которую с такой поспешностью выдали замуж, беременна. Поговаривали, что она пытается помирить короля с его дочерью Марией.

— Снова при дворе принцесса из папистского лагеря, — задумчиво промолвил лорд Хью. — Все меняется, и каждый тянет одеяло на себя.

Элис позвонила и распорядилась принести свечи, а для милорда — подогретого вина с пряностями.

— Я устал, — откровенно признался он. — Время тянется так долго, никак не дождусь, когда Кэтрин родит. А у тебя когда будет?

— В конце ноября, — сообщила Элис. — Как раз когда начнется подготовка к рождественским праздникам.

Старый лорд кивнул и закрыл глаза.

— Весело будет, — заметил он. — Во всяком случае, нам. А что ты думаешь про Кэтрин? Скоро она родит следующего?

— У нее в семье все больные, — пренебрежительно обронила Элис. — Это не значит, конечно, что у нее не будет больше детей. Но она не сразу забеременеет, она не очень плодовита, сами видите. Ведь ей понадобилось девять лет!

Его светлость беспокойно шевельнулся и проворчал:

— Надо было женить Хьюго на другой. Но этот путь казался легким и правильным, я был ее опекуном и все такое. Эх, если б я знал, что она так медленно запрягает, я бы ее и близко к сыну не подпустил.

Элис встала за спинку кресла и погладила старику лоб. Он в блаженстве откинулся назад.

— Не волнуйтесь, — успокоила она его. — Через год у вас уже будет двое внуков — один у миледи, а другой у меня. А потом я снова забеременею от Хьюго.

— Собираешься рожать каждый год? — усмехнулся лорд.

— Я хочу остаться с вами, — открыто призналась Элис. — Хочу, чтобы Хьюго был со мной. И еще хочу быть под вашей опекой. Разве есть для этого лучший способ?

— Лучшего способа нет, — подтвердил его светлость, покачав головой. — Пока ты носишь моего внука, я выполню любые твои желания. Тебе известно, что значит для меня этот ребенок.

— Да, известно, — кивнула Элис.

Лорд глубоко вздохнул и некоторое время сидел тихо. Медленно и легко Элис массировала его лоб, кончиками пальцев ощущая мягкие борозды его морщин.

— Я дам тебе землю, Элис, — пообещал он, наслаждаясь работой ее уверенных рук. — Когда у тебя родится сын, я подарю тебе землю. Такая женщина, как ты, должна иметь собственность и власть.

Элис улыбнулась, не прекращая поглаживать его лоб.

— Я бы хотела ферму неподалеку от хижины старой Мору, — заявила она, ни секунды не колеблясь. — Это чудесное место, Мора говорила, что поля там когда-то принадлежали ей, а потом их отобрали. Приятно будет вернуть ферму. Отплатить тем, кто ограбил Мору. — Девушка тихо рассмеялась. — Так восстановится справедливость.

— Может быть, — согласился лорд. — Попрошу Хьюго или Дэвида разобраться в этом.

Плавные движения пальцев Элис замедлились в такт его дыханию, теперь оно стало глубоким и ровным. Через несколько секунд он уснул, а она подвинула к креслу скамеечку,

села, опершись спиной о его ноги, и взглянула на огонь.

Не просыпаясь, он протянул руку и коснулся ее головы. Элис развязала чепец и сдвинула набок; ладонь его светлости легла на ее растрепанные волосы. Так они провели довольно много времени. Элис смотрела на огонь, ощущая приятное тепло руки на своей голове, как благословение. Она закрыла глаза. Чувство безопасности, приятный запах в комнате и тяжесть ладони лорда Хью — все это было почти как в аббатстве, когда она сидела вот так с матушкой Хильдебрандой. Элис погрузилась в себя и чего-то ждала.

Ждать пришлось недолго. В комнату широкими шагами влетел Хьюго, его плащ от быстрой езды откинулся на спину, открывая плечи, шляпа съехала набекрень. Прямо на пороге молодой лорд споткнулся, увидев живописную картину: знакомый профиль отца, черты которого смягчились во сне, и Элис, цветущая юной красотой, осененная его покровительственной рукой.

— Тише, — прошептала девушка, поднимаясь на ноги и уводя Хьюго из комнаты. — Твой отец устал. Весь день он диктовал письма.

— А я весь день провел в седле. После обеда Кэтрин почувствовала недомогание.

— Ну, значит, не спим сейчас лишь мы с тобой и... — Элис замолчала, глаза ее обещали Хьюго все, что только можно вообразить. — Одни мы не спим и... никак не утихомиримся.

Хьюго бросил на нее быстрый оценивающий взгляд из-под черных бровей и нетерпеливо спросил:

— А где остальные дамы? Когда я ушел, Рут и Марджери оставались в спальне Кэтрин. Где они?

— Отправились в Каслтон, — успокоила Элис. — Ты можешь пройти в мою комнату, и никто тебя не увидит.

— Иди ты первая, — велел Хьюго. — Посмотри, спит ли Кэтрин и закрыта ли к ней дверь.

Элис кивнула и стала спускаться по винтовой лестнице. Она прошла вестибюль перед большим залом и поднялась в дамскую галерею. Огонь в камине едва горел. Дверь в спальню Кэтрин была закрыта. Элис и Хьюго неслышно, как два привидения, пробрались в комнату Элис, затворили за собой дверь и задвинули засов.

— Что это с тобой, Элис? — удивился он. — После того раза я решил, что не в твоем вкусе.

Девушка помотала головой; ее волосы разметались по лицу и пролились золотым и медным дождем на плечи. Она отбросила их и откровенно заглянула Хьюго в глаза, как бы оценивая его растущее желание.

— Ты взял меня девственницей, девушкой-простушкой, — ответила она. — Теперь все иначе. Я избегала тебя, пока кое-чему училась. Мне пришлось искать учителей и познать глубочайшее искусство, зато теперь я могу разделить с тобой ложе.

— Что за искусство такое? — любопытствовал Хьюго; его голос слегка задрожал.

— Ты знаешь о нем, — мягко промолвила Элис. — Ты мечтал о нем, но почти не верил, что такое возможно между мужчиной и женщиной.

— Да, слышал кое-что. — Милорд облизал губы. — Это когда опытная, умелая женщина проделывает с мужчиной такое, что он начинает сходить по ней с ума. И еще я слышал, что если лечь в постель с ведьмой, она делает такие штуки, от которых ощущаешь райское

блаженство, даже больше, чем райское. Такое неземное наслаждение от простой женщины не получишь. — Он возбужденно рассмеялся. — Обман и вранье, наверное...

Элис медленно покачала головой, и волосы почти закрыли ее лицо. Хьюго потянулся к ней и сказал:

— От тебя пахнет медом.

— Я умею делать все, о чем ты говоришь. — Она помолчала, как бы взвешивая слова, и добавила: — Если ты готов рискнуть.

— Готов, — быстро согласился Хьюго. — Я очень хочу этого.

Улыбнувшись, она отошла в угол комнаты. Милорд не отрывал от нее взгляда. Она открыла сундук с травами, вынула бутылку с вином, сдобренным специями, и две чаши. На его глазах она наполнила обе чаши, на секунду отвернулась — даже на полсекунды — и всыпала в его чашу добрую щепотку измельченного в порошок земляного корня.

— Я пью за силу твоего желания, — провозгласила она. — Пусть оно принесет тебе все, о чем ты мечтаешь.

Он поднял чашу и в три нетерпеливых глотка осушил ее до дна. Затем посмотрел на Элис и задал вопрос:

— А твое желание? В тот раз в постели у тебя его не было.

— Я была девушкой-простушкой, — снова напомнила Элис. — Ты просил меня отказаться от своей силы, и я послушалась ради любви к тебе. Но потом ты вдруг обнаружил, что девушек-простушек в замке много. А ведьма только одна.

— Ведьма только одна, — как эхо повторил Хьюго и неуверенно засмеялся. — Со всем своим колдовским опытом и хитростями. — Он снова облизал губы. — Но я не верю в колдовство, Элис. Тебе придется иметь дело с современным человеком, неверующим скептиком.

Она улыбнулась, поскольку была совершенно убеждена в том, что Мора разбиралась в снадобьях и не обманывала ее.

— Эх, Хьюго! — Элис едва сдерживала смех. — Люди верят или не верят по своей воле. Но когда ты идешь по холодной пустоши, а кругом клубится густой туман и вода в реке прибывает, ты своими глазами видишь действие таинственных сил, и тебе становится страшно. И здесь со мной, в этой комнате, ты не устоишь перед колдовством и познаешь свои глубочайшие желания.

— Ты сегодня какая-то другая, — пробормотал Хьюго.

Элис кивнула.

— Я отыскала свою хозяйку, тайную повелительницу всех знахарок и колдуний, и она меня всему обучила. Мне пришлось повенчаться с ней, слиться в одно целое, словно мы любовницы. И теперь я знаю и умею все, что знает и умеет она.

— А что она умеет, эта твоя повелительница? — заинтересовался Хьюго.

Отведя руки за спину, Элис не торопясь, как бы между прочим стала распускать шнуровку платья. Хьюго молча наблюдал. Она повела плечами, и платье поползло вниз. Затем спустила наряд с бедер на пол и перешагнула через него. На ней не было ни сорочки, ни другого нижнего белья. Милорд так и ахнул, увидев ее нагое тело; он догадался, что она

заранее готовилась к этому обольщению. Приняв ванну, нарочно оделась так, чтобы сразу предстать перед ним обнаженной. Он протянул к ней руку, но она жестом указала ему на стул со словами:

— Предлагаю тебе сесть, Хьюго!

Торжественность в тоне этой обнаженной красавицы завораживала. Он послушно направился к стулу и по пути несколько раз запнулся. Девушка внимательно за ним наблюдала.

— Тебе трудно ходить? — спросила она.

Он открыл рот, собираясь ответить, но и язык плохо слушался.

— Тебе трудно ходить, — продолжала Элис, — трудно говорить, трудно поднять руку и коснуться меня. Ты можешь только смотреть.

Под действием снадобья мышцы Хьюго размякли, он лениво опустился на стул, зрачки его потемнели и расширились, он не отрывал взгляда от белого тела Элис, осененного шапкой золотых волос.

— Я расскажу, чему меня научила моя повелительница. — Голос Элис звучал усыпляюще тихо, как гипнотическое песнопение. — Она научила меня танцевать. Увидев этот танец, мужчина наполняется желанием.

Волосы девушки светлой завесой упали ей на плечи и грудь, она вращала бедрами то в одну сторону, то в другую. Хьюго не мог глаз отвести от ее гибкого тела.

— Мне не пошевелиться, — хрипло выдавил он.

— Повелительница научила меня созывать сестер моих, они скоро придут и станут ласкать меня, — пообещала Элис.

Ладони ее закрыли лицо, спустились к шее, провели по трепещущей груди. Твердые розовые соски таинственно мерцали сквозь завесу волос. Элис отбросила назад голову, обнажив шею, накрыла ладонями груди и направилась к Хьюго.

— Я всегда могу получить наслаждение, — шептала она. — Всегда, стоит мне только захотеть. Сестры мои явятся ко мне в любое время по первому зову. Они станут гладить меня, лизать мое тело, целовать меня. Ты уже видишь их, а, Хьюго? Они идут к нам обоим. Они ублажат меня и доставят удовольствие тебе.

Рот его жадно раскрылся. Элис встала перед ним, расставив в стороны ноги, и провела ему по губам сначала одним, потом другим соском. Хьюго тянулся к ним, поворачивал голову, как ребенок. Он вцепился пальцами себе в бедра, но не мог поднять руки и обнять ее.

— А вот и моя повелительница, — благоговейно произнесла Элис. — Она здесь, в этой комнате, с нами. О боже! Ты видишь ее, Хьюго? Она нагая, как и я, у нее густые черные волосы. Ее прикосновения жгут мою кожу, словно огонь, ее поцелуи заставляют меня просить еще и еще. И с ней мои сестры, десять, нет, двадцать юных обнаженных див. Они пришли танцевать для тебя, Хьюго!

Милорд неотрывно смотрел на нее, но ему казалось, что вся комната заполнена женщинами. Он ощущал на себе их взгляды, трепетал от жара нагих тел. Не отрывая от него глаз, Элис провела ладонями от груди до безукоризненной ямочки пупка.

— Чувствуешь ли ты меня, Хьюго? Чувствуешь ли меня, всех моих сестер, мою прелестную повелительницу? Видишь ли ты нас, обнажившихся для тебя, видишь, как сверкают звезды у

нас в волосах, видишь ли наши улыбки?

Крупная дрожь прошла по его телу.

— О Элис...

Рука девушки скользнула дальше к золотистому треугольнику волос между ног.

— Ответь мне, Хьюго, — говорила она. — В ваших отвратительных играх с Кэтрин она когда-нибудь стояла перед тобой величественно и гордо, чтобы ты мог любоваться ею?

Не издав ни звука, Хьюго покачал головой.

— Тогда погляди на меня, — промолвила Элис. — Мне несколько не стыдно. Я ничего не боюсь. Ни один мужчина не принесет мне боли и страдания. Мои сестры и я, мы дарим друг другу наслаждение, которого не может подарить ни один мужчина. Но мы позволяем тебе быть с нами, Хьюго. Мы позволяем тебе забавляться с нами, играть с нами, возбуждать наши желания.

Обеими руками она раздвинула волосы и пальчиком нежно провела по раскрывшейся розовой плоти.

— Дай, — выдохнул Хьюго. — Дай мне, Элис.

Она снова подняла голову и пожурела дразнящей улыбкой.

— А-а! погоди, не торопись. Жди, пока не увидишь нас всех. Ты должен всех нас попробовать, все сестры желают вкусить твоей плоти. Мы жаждем тебя, хотим твоих ласк, Хьюго. Мои сестры и я вместе с ними. Ты видишь нас? Теперь ты нас видишь?

— Я вижу тебя, — отозвался Хьюго, — и их тоже чувствую, меня касаются их пальцы.

Элис прижалась к нему плотней.

— Они ласкают твои волосы, гладят твое лицо, Хьюго. Чувствуешь их губы на лице своем и на шее? Чувствуешь их аромат, Хьюго? Запах их волос, их пота и влаги? Они готовы принять тебя, Хьюго. Они умирают от страсти к тебе. Ты сможешь угодить нам? Сможешь ли нас всех ублажить?

Откинув назад голову, милорд застонал. Элис подразнила его открытые губы сначала одним соском, потом другим, затем провела по его губам своими влажными пальчиками.

— Такова она на вкус. Такова на вкус сестра моя, Небесная богиня. Тебе нравится?

Хьюго, как безумный, сосал ее пальцы, на его лбу выступил пот, к щекам прилипли темные кудри — неудовлетворенная похоть доводила его до отчаяния.

— Да! — воскликнул он. — Теперь я вижу ее. Вижу белое тело и волосы.

Элис снова нагнулась и потерла грудями по его лицу, слегка постанывая, когда его щетина царапала по соскам.

— А это моя сестра, Солнечная колдунья. Ощущаешь тепло ее кожи? Она не имеет стыда, Хьюго. И ей ни до чего нет дела, кроме страсти и удовольствия.

Лорд громко стонал, тычась лицом в подвижные груди Элис.

— Поделись со мной страстью, Солнечная колдунья, — взмолился он. — Я хочу понять, как

ты бесстыдна.

Девушка слегка присела, коснувшись его ног стройными бедрами.

— Вот еще одна, сейчас она сядет к тебе на колени. Это Звездная богиня, она желает почувствовать твою плоть у себя между ног.

Под действием земляного корня Хьюго был покорным и только изгибался дугой, когда Элис приседала, и снова поднималась, и снова приседала и потом, уступая собственному влечению, сжала его бедрами и потерлась о его штаны, о его раздувшийся гульфик.

— Хочу... хочу... — стонал Хьюго.

Из его рта сочилась слюна, глаза закатились, сверкали только белки.

— Ты хочешь всех нас, — шептала Элис. — Каждую из нас, любыми способами, как тебе только пригрезится.

— Да, — стонал Хьюго. — О Элис, прошу тебя!

Она развязала ему гульфик и откинула клапан, под которым была голая плоть. Он дернулся бедрами вверх, и она резко присела, встречая его. Когда они соединились, она ощутила мощный прилив удовольствия, охвативший все тело, и вцепилась в широкие, подбитые плечи его куртки. Волны острого наслаждения омывали ее снова и снова.

— Она здесь, — торжествующе сказала Элис. — Наша повелительница сумела пленить тебя. Открой глаза и взгляни на нее. Ты бросаешь в нее свое семя, открой глаза и смотри на свою повелительницу, которую ты ни с кем не сравнишь, никем не заменишь, никогда не отвергнешь.

Хьюго, чуть не ослепший от страсти, заставил себя открыть глаза.

— Повелительница... госпожа моя... Элис! — удивился он.

— Я сама себе госпожа, — ответила девушка, счастливая своей силой. — Наконец-то я сама себе госпожа.

Она упала вперед, вцепилась пальцами ему в спину и услышала его резкий вздох, тело его напряглось, затрепетало внутри ее и затем затихло.

Когда оба успокоились, Элис сошла с него, накинула на плечи плащ и бросила в огонь горсть сосновых шишек. Потом отправила обратно в сундук бутылку с вином и обе чаши. Она не отрывала взгляда от Хьюго, который погрузился в глубокий сон, подобный гипнотическому трансу. Веки его подрагивали, ему снились все новые и новые бурные, безудержные оргии.

Положив в огонь еще одно полено, Элис посыпала его сосновыми иголками, и по комнате распространился приятный смолистый запах. Потом подвинула табуретку и опустилась на нее, обняв колени и дожидаясь, когда Хьюго очнется. Он видел сны столь яркие и красочные, исполненные таких возбуждающе-пикантных ароматов, таких интимных касаний, что они казались живее и ярче самой реальности. Элис рассматривала человека, которого любила, а он, сидя на стуле, упершись ногами в пол и приподняв зад, в экстазе, вызванном зельем, стонал и дергал бедрами вверх, в пустоту... вот он пробормотал ее имя, потом еще раз... Она же была далека от него, представляла, будто бредет по берегу замерзшей реки, вересковая пустошь вся занесена снегом, а он лежит в могиле, мертв и недвижим.

Постепенно Хьюго приходил в себя. Открыл глаза, заморгал, удивленно огляделся, в замешательстве помотал головой и пристально посмотрел на Элис, которая молча сидела

перед камином: по нагим плечам рассыпались волосы, плащ откинут назад, на коже тысячами оттенков оранжевого играют блики пламени.

— Элис, — подал он голос, — который час? Я долго спал? Какой сон я только что видел!

Она улыбнулась и одарила его загадочным взглядом.

— Скоро пора идти на ужин. Ты не спал, это не сон. Я была здесь, ты тоже был здесь, и они были с нами все это время.

Хьюго наклонился и схватил девушку за руки.

— Они были здесь? И это был не сон? Здесь были твои сестры?

Элис с удовольствием засмеялась, голос ее журчал как ручеек.

— Конечно, — нежно проворковала она. — Мы все были здесь с тобой, и ты наслаждался каждой из нас. Признайся, Хьюго, тебе было очень приятно.

— Да, — изумленно согласился он. — О да. Боже мой, Элис. Я слышал про такое, но не думал, что это бывает на самом деле. Но я же видел их! И трогал собственными руками!

— Да, трогал, — подтвердила Элис. — Еще как трогал, всех нас по очереди. Я ведь обещала тебе, что ты получишь неземное блаженство. А чего же ты ждал, Хьюго? Каких-нибудь фокусов, на которые способна всякая шлюха? Или этих твоих мерзких жестокостей, как у тебя с Кэтрин? Я могу дать тебе все, о чем ты мечтаешь, лучшее из того, что только можешь пожелать.

Откинувшись на спинку стула, он опять закрыл глаза и сообщил:

— Я сейчас как пьяный. У меня такое чувство, будто я неделю пил, а потом целый год видел чудесные сны.

— Когда ты с нами, время стоит на месте, — промолвила Элис. — Мои поцелуи и поцелуи моих сестер — как крепкое вино для мужчины.

Хьюго распахнул глаза и вдруг посмотрел на нее пронзительным взглядом.

— А не обман ли все это? — резко произнес он. — Не сыграла ли ты со мной какую-то шутку? Своими травками, зельями или еще какой-нибудь дрянью? Открой мне правду, Элис. О подобном наслаждении я и думать не смел, но теперь все закончилось, и я хочу знать правду. Я тебе не балаганный шут на деревенской ярмарке, и не надо меня дурачить. И моя любовь к тебе здесь ни при чем, так что давай выкладывай начистоту. Это все твое вино? Или другой обман?

— Это ты давай выкладывай, Хьюго, — сказала Элис со смехом. — Сколько раз ты бывал под хмелем! Разве ты ощущал в себе такую мужскую силу? А сестер моих разве видел прежде, когда бывал пьян или трезв? А просыпался ли ты с ясной головой, чувствуя себя бодрым после того, как напивался? — Элис была уверена в действии земляного корня и говорила смело. — Ты помнишь, что происходило. Помнишь, что ты делал. Одна женщина была с тобой или двадцать? От одной женщины ты получал удовольствие или от всех двадцати? Это была я? Или, может, я была повелительницей твоих видений и всех моих порочных и соблазнительных сестер?

Кивнув, Хьюго снова откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Настоящее волшебство, магия, — заключил он. — Вас действительно было много, очень

много. И ты, Элис, была повелительницей.

Девушка поднялась с табуретки и встала перед ним.

— Да. Я их повелительница. И власть моя огромна. Наслаждение, которое ты получил с нами, я могу подарить тебе в любой момент. Только стоит захотеть и добиться моего желания.

Глаза Хьюго потемнели от страсти — еще продолжали действовать остатки зелья.

— И они снова придут? — спросил он.

— Если я позову их, — ответила Элис. — Нам с сестрами нравится играть с тобой, Хьюго.

— О Элис, — улыбнулся он. — Любовь моя.

ГЛАВА 21

Следующие две недели Кэтрин была вялой и быстро уставала. По утрам ее подушка была вся мокрая от пота и слез. Спала она плохо, ей постоянно снились давно умершая мать и отец, о котором ходила молва, что он говорил мятежные речи против короля и умер в холодных темницах Йоркской тюрьмы, ожидая суда. А днем миледи оплакивала Мору, единственную, с кем по-настоящему подружилась за все годы, проведенные под опекой лорда Хью и в качестве жены Хьюго. Потеря Мору как будто усилила горечь всех потерь, которые были в ее жизни, горечь эта переполняла ее, сочилась из глаз, между ног и из пор ее кожи непрерывной холодной влагой.

Кэтрин, которая прежде тиранила своих дам и была грозой для слуг, уже не требовала поминутно то одного, то другого. Элис сидела при ней с утра и до обеда, а потом и днем, когда Хьюго вскакивал на лошадь и куда-то уезжал. Миледи пила много «клари» — французского красного вина, которое, по уверениям Элис, восстанавливает кровь, и ела за обедом и ужином, как опоросившаяся свинья, объедаясь до неприличия. Кэтрин была уже на пятом месяце. После обеда, осолопевшая и полусонная из-за вина, утомленная, то и дело рыгая от жирной пищи, она уходила в спальню и дремала, а вечером после ужина засыпала уже до утра. Пока она клевала носом, Хьюго, если хотел, проводил с Элис весь день, а после того как Кэтрин погрязла в пьяный сон, и всю ночь.

А он очень даже хотел. Земляной корень с его мощным магическим действием шел в ход почти ежедневно, и Элис скоро обнаружила, что для снов наяву ему требуются все меньшие дозы зелья. Пробуждаясь с затуманенным взором и вялыми мышцами, он неизменно уверял Элис, что любит ее, только ее одну. Прошел месяц любовных игр с упоительными видениями, и Хьюго, казалось, уже не мог жить без знахарки и ее земляного корня. Теперь ей не нужно было шептать ему, навевая видения, хватало лишь запаха, легкого прикосновения — одно это вызывало в нем лихорадочную похоть. Элис увлекала его в неизведанные бездны желаний, и Хьюго покорно следовал за ней.

— Что, выходит, подцепила его на крючок? — спросил ее однажды утром старый лорд, из окна круглой башни наблюдая, как Хьюго пересекает двор.

— Что вы сказали, милорд? — отозвалась Элис, даже не обернувшись.

Стоило ей увидеть Хьюго или услышать его имя, как у нее теплело на душе. Молодой лорд теперь полностью принадлежал ей, другие женщины его больше не интересовали. Время, когда он удовлетворял свою похоть быстро, беспечно, впопыхах где-нибудь в темном углу,

кануло в прошлое, и дамы в замке сразу почувствовали это. Хьюго совершенно потерял голову, госпожа Элис свела его с ума. И только леди Кэтрин ничего не знала.

— На крючок подцепила, — повторил его светлость. — Заманила в сети. Ну и как, сильно он трепыхается, милая Элис? Или присмирел и ведет себя хорошо — пару раз дернулся и весь выдохся?

— Ах, замолчите, — улыбнулась она. — Нельзя так о собственном сыне.

— Он все еще грезит Лондоном? — поинтересовался лорд Хью. — Все еще собирается бросить меня и отправиться ко двору? Или в это свое чертово путешествие?

— Вовсе нет, — гордо произнесла Элис. — Про путешествие еще мечтает, и о тысяче фунтов тоже. Но на корабле поплывут другие, он теперь не уедет. Я смогу удержать его.

— Так держи, пока корабль не покинет порт, — проворчал лорд Хью, — и заработаешь мою благодарность. Сможешь удержать его до весны?

— Пока я ношу его ребенка, он меня не оставит, — заверила Элис. — А когда увидит сына, которого я подарю ему, не сможет от нас оторваться, уж я Хьюго знаю. Сохраню его для вас в целости и сохранности, милорд.

— Ну смотри же, — погрозил пальцем его светлость. — Только не отрывай моего сына от работы по хозяйству. Он должен быть в курсе всего, общаться с людьми, объезжать рынки и собирать налоги. Заглядывать на фермы, которые месяцами задерживают выплаты; арендаторы женятся, рожают детей, умирают, меняются условия их контрактов, а они не выплачивают нам штрафы. В каждой деревне есть староста, который собирает пошлины и имеет с этого свою долю, а остальное должен отдавать нам. Или вот Хьюго строит новый дом, и рабочих надо контролировать, а я слишком слаб; он должен там присутствовать для своей же пользы, а не ловить блох у тебя в рубашке.

— Весь день он сидит не со мной, а с миледи, — возразила Элис. — А я могу ездить с ним, две пары глаз всегда лучше, чем одна. Но леди Кэтрин держит его дома. Если вы жалуетесь, что он забросил свои обязанности, виноват не он, а его жена.

Старый лорд нахмурился.

— Все еще плохо себя чувствует, так, что ли? Что ее беспокоит?

— Ей скучно, она устала, — пожала плечами Элис. — Испытывает недомогание. Для поддержания сил много ест, но чем больше ест, тем больше полнеет и меньше двигается. Энергия куда-то делась. Может, с приходом тепла ей станет лучше. Миледи нужно больше солнца. И еще она очень скучает по Море.

Лорд Хью раздраженно сутулился и напоминал рассерженную хищную птицу.

— Скучает, ишь ты, по этой старой ведьме! Постыдилась бы.

Элис едва заметно улыбнулась.

— Странно все это, правда? Можно подумать, что она скорбит по умершей матери. Я и то меньше печалюсь, а ведь Мора меня растила, и я знаю о ней все. — Элис помолчала и тихо промолвила: — Словно не она леди, а я.

— Что-о? — удивился его светлость, вскинув густые брови.

Девушка выдержала его взгляд.

— И не мечтай, — добавил он. — Будь довольна тем, что уже получила. К тебе теперь обращаются «госпожа Элис», выше этого в замке ты не поднимешься. Мне нравится, когда ты рядом, Хьюго по тебе сходит с ума, даже Кэтрин сейчас любит тебя и нуждается в тебе, к тому же ты носишь в животе моего внука. Но если попытаешься перевернуть естественный порядок, попробуешь выскочить в благородные, я выброшу тебя обратно в мусорную кучу. У нас тут не королевский двор. Передком карьеры не сделаешь.

Синие глаза Элис потемнели от гнева, но она промолчала.

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — спокойно отозвалась она.

— Так что попридержи амбиции, сохрани их для своего сына!

— Слушаюсь, милорд, — весело прощебетала Элис. — Ах, какой же это будет ребенок!

— Да, — все еще раздраженно проворчал старый лорд. — Позвони, пусть позовут отца Стефана, хочу, чтобы он почитал мне. Он долго был в отъезде, я соскучился по нему.

— Хотите, я почитаю, — предложила Элис, направляясь к столу, где лежали книги.

— Позови отца Стефана, — настаивал его светлость. — Хочу слышать мужской голос. Женщины хороши на своем месте, Элис. От них быстро устаешь.

— О да, — с готовностью согласилась девушка. — Я так устаю от болтовни в галерее — одни сплетни и всякий вздор! Эти глупые женщины только болтают, едят и толстеют и становятся еще неповоротливее. Сейчас же пришло к вам отца Стефана, и Хьюго тоже, когда он вернется. Он расскажет вам про новый дом, сегодня он должен был съездить туда и проверить, как идет строительство.

Старый лорд криво усмехнулся, заметив, как ловко Элис повернула его слова, и мягко произнес:

— А ты умненькая шлюшка.

Улыбнувшись, она сделала глубокий реверанс и упорхнула из комнаты.

В дамской галерее Элис выяснила, что Кэтрин еще не вставала, хотя было уже почти двенадцать, время обеда. С миледи находились Рут и Элиза, Рут разворачивала перед госпожой одно платье за другим, а Кэтрин раздраженно махала ручкой, отвергая все подряд.

— Они уже малы мне! — воскликнула она. — Ребенок ведь растет. Надо было давно их перешить, Рут, распороть и перешить. Сколько раз я говорила вам, а вы все ленитесь, совсем обо мне не думаете.

— Я перешивала, миледи, — испуганно прошептала Рут. — Как вы велели, так я и сделала. Но это было на прошлой неделе. С тех пор вы сильно раздались в талии.

Кэтрин вздохнула и откинулась назад.

— Я распухаю как на дрожжах, — печально заключила она. — Этот ребенок меня совсем доконает.

В этот момент на пороге возникла Элис, и миледи обратилась к ней:

— Помоги мне, пожалуйста. Я так устала.

— Вы хорошо питаетесь, у вас хороший аппетит? — поинтересовалась Элис.

Она подошла к Кэтрин и положила руку ей на лоб; тот был влажен и маслянист на ощупь. С любопытством посмотрев на знахарку, миледи заметила:

— Ты такая спокойная. Руки такие прохладные и так хорошо пахнут. Хотелось бы и мне быть такой же спокойной.

— Вы пили глинтвейн? — продолжала расспросы Элис. — А печенье кушали?

— Да, — подтвердила Кэтрин. — Но я совсем не голодна. Я не хочу идти обедать.

— Вы должны кушать, — вмешалась Элиза Херринг. — Вам надо поддерживать силы, миледи.

— Она права, — кивнула Элис. — Вам нужно думать о ребенке. И о своем здоровье не забывать. Вы обязаны кушать.

— У меня болят ноги, — пожаловалась Кэтрин.

Элис откинула одеяло. Лодыжки госпожи распухли и покраснели, икры, коленки и даже бедра были рыхлые от излишнего жира, кожа белая и одутловатая.

— Вам нужно больше ходить, — порекомендовала Элис. — Вы должны каждый день вставать с постели и ходить, миледи. Гулять на свежем воздухе или даже кататься верхом. На смирной лошади вы вполне могли бы выезжать.

Кэтрин отвернулась от окна, где по синему небу на восток уплывали белые облака.

— Я очень устала, — вздохнула она. — И я ведь ясно выразилась, Элис, у меня болят ноги. Что ты за знахарка такая? Я объясняю, что у меня болят ноги, а она отвечает: больше ходить! А если бы я ослепла, ты бы посоветовала больше смотреть, да?

Элис сочувственно улыбнулась и ласково произнесла:

— Бедная Кэтрин.

Рут вздрогнула, услышав, как Элис назвала госпожу просто по имени, однако лицо Кэтрин просветлело.

— Мора тоже меня так называла, — тоскливо сообщила она. — И мать моя, помню, так говорила: «бедная Кэтрин».

— Знаю, — нежно промолвила Элис. — Бедная, бедная Кэтрин.

— Я так устала! Я так несчастлива! — продолжала миледи. — С тех пор как умерла Мора, у меня такое чувство, будто все потеряло смысл, у меня нет желания ни шевелиться, ни вставать, ни одеваться. Как было бы здорово, если бы Мора была здесь! Как бы я хотела этого...

Элис взяла госпожу за руку и ласково погладила ее ладонь со словами:

— Знаю. Я все знаю. Я тоже скучаю по ней.

— А Хьюго все равно! — возмутилась Кэтрин. — Я обмолвилась как-то, что скучаю по ней, а он заявил, что Мора была грязной старухой и что если мне нравятся крестьянки, то в наших

владениях таких найдутся тысячи. Он ничего не понимает!

— Мужчины не понимают этого, — согласилась Элис. — Мора была очень мудрая женщина, она много повидала и понимала жизнь. Она обучила меня всему, что умела сама, и я все время буду рядом. Я не могу занять ее место в вашем сердце, но все, что требуется для вас и вашего ребенка, я сделаю, когда придет время.

Кэтрин шумно шмыгнула носом и полезла за носовым платком.

— Мне ведь необязательно спускаться к обеду, правда? — жалобно протянула она. — Я так утомилась. Пожалуй, покушаю здесь.

— Нет, конечно необязательно, — подтвердила Элис с доброй улыбкой. — Встанете завтра и, если почувствуете себя бодрей, немного прогуляетесь, но в зале шумно и много народу, люди будут смотреть на вас. Если нет желания, не ходите туда, обедайте здесь. Самое главное сейчас — ваше здоровье.

— Я слышала, когда меня нет за столом, ты занимаешь мое место рядом с лордом Хью, — заметила Кэтрин.

Элис пожала плечами.

— Он сам предложил, и я подумала, что так будет лучше. Он мужчина капризный, у него много всяких фантазий. Иначе он заставлял бы вас с Хьюго сидеть с ним, а мне известно, что вам нравится обедать здесь. Я подумала, что, если составлю ему компанию, он будет доволен и весел и не станет настаивать на вашем присутствии.

— Спасибо тебе, Элис, — поблагодарила миледи. — Мне нравится обедать вдвоем с Хьюго. Меня утомляет необходимость каждый раз спускаться в большой зал. Развлекай лорда Хью, как можешь, лишь бы мы с мужем могли побыть вместе.

Элис улыбнулась ей как сестре.

— Конечно, Кэтрин. Конечно.

Днем, когда миледи совсем осоловела от сытного обеда и выпитого вина, Элис, встретившись в дамской галерее с Хьюго, попросила взять ее на стройку дома.

— А разве мы не пойдем в твою комнату? — удивился он.

— Сегодня весь день здесь будут дамы, — пояснила Элис. — Придется подождать до ночи, милорд.

Хьюго скорчил недовольную гримасу.

— Ну хорошо. Возьми серого мула или пони.

Элис набросила на плечи накидку.

— А как насчет лошади миледи? — небрежно обронила она. — Кобылка смирная, правда?

Минуту Хьюго пребывал в нерешительности.

— Ладно, — кивнул он наконец. — Кэтрин уже несколько месяцев не садилась на нее, но лошадь каждый день выгуливали.

— Вот на ней и поеду, — обрадовалась Элис.

— Кэтрин может неправильно понять, — продолжал сомневаться Хьюго.

Подойдя к нему совсем близко, так, что он ощутил запах ее волос, Элис подняла на него глаза и вкрадчиво промолвила:

— У Кэтрин есть много того, что доставляет мне удовольствие. Очень много.

Милорд быстро посмотрел по сторонам. Рут сидела у камина и шила. Поймав его взгляд, она еще ниже склонилась над шитьем и энергично заработала иглой.

— Не дразни меня, Элис, — проговорил он вполголоса. — А то повалю тебя на пол и возьму прямо возле спальни Кэтрин... моя жена очень обидится.

— Как будет угодно милорду, — прошептала Элис с улыбкой. — Ты сам знаешь, как меня тянет к тебе. От одной мысли о тебе у меня там все становится мокрым.

Шумно выдохнув, Хьюго повернулся и взял плащ.

— Я беру с собой госпожу Элис посмотреть новый дом, — коротко сообщил он Рут. — Она мне понадобится, чтобы написать строителям кое-какие указания.

Рут поднялась со стула и сделала реверанс, но глаз не поднимала, будто боялась обжечься — такой страстью пылали их лица.

— Когда миледи проснется, передай ей, что я вернусь домой вовремя и поужинаю с ней, — добавил Хьюго. — Как только Элис закончит работу, я отошлю ее домой.

— Да, милорд, — ответила Рут.

Хьюго повернулся и направился к выходу.

— Сейчас распорядюсь седлать, — бросил он через плечо.

— Для меня пусть оседлают кобылу Кэтрин, — напомнила Элис. — Не люблю этих малорослых лошадей.

Лошадь спокойно перешла через подъемный мост и стала тихо спускаться к городу. Элис в седле держалась неловко; прежде она частенько ездила верхом на английских пони, но такие крупные лошади шагали более размашисто, ее трясло, к тому же ей было высоко, земля казалась далеко внизу. Она стиснула зубы и уже пожалела о своем тщеславии, заставившем ее выбрать лошадь Кэтрин и настоять на своем капризе.

Люди по обеим сторонам дороги оборачивались поглядеть на проходящую мимо процессию; женщины приседали, пряча зависть, мужчины снимали шляпы. Хьюго улыбался направо и налево, словно эти знаки почтения оказывались ему от чистого сердца. Элис, раздуваясь от гордости, смотрела прямо, словно обращать внимание на горожан было ниже ее достоинства.

На углу улицы стояла тележка со свежей рыбой. Продавала ее девушка не старше Элис, от силы лет семнадцати. Она была боса, в сером грязном платье, плечи покрывал коричневый платок. За ее юбку держался маленький ребенок с бледным личиком, а на руках она держала еще одного. Лицо ее было покрыто ссадинами, под глазом темнел большой синяк. Немытые, нечесанные волосы крысиными хвостиками свисали на плечи. Когда Элис и Хьюго в сопровождении двух слуг поравнялись с ней, она присела. Хьюго на нее даже не взглянул.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Элис подумала: «А ведь это могла быть и я. Вышла бы замуж за Тома, получала бы от него тумаки и мирилась с приступами похоти. Или жила бы с Морой, вечно бедной и грязной, была бы у нее в помощницах. Это могла быть и я, болезненная, вечно беременная, истощенная. Что бы я ни натворила, это все-таки лучше, чем такое существование».

Хьюго ехал впереди, держась в седле уверенно и легко. За его спиной колыхался синий плащ, в тон с темно-синими буфами штанов и синим камзолом с разрезами. Высокие черные сапоги из первоклассной кожи были начищены до блеска. Денег, потраченных на одни его синие замшевые перчатки с золотой вышивкой, хватило бы любой семье в городишке, чтобы питаться не один месяц. Элис смотрела ему в спину, сердце ее разрывалось между желанием и чувством обиды. Он обернулся в седле.

— Как лошадка, хорошо себя ведет?

Девушка ослепительно улыбнулась и самонадеянно заявила:

— О да! Ты должен купить мне такую же, Хьюго. Чалую, под цвет твоей.

Милорд рассеянно кивнул и спросил:

— Ты ведь еще не видела новый дом, верно?

Поразмыслив, Элис все же позволила Хьюго уйти от прежней темы.

— Нет, — наконец ответила она. — Но я видела чертежи и еще письма из Лондона, от людей, которые проектируют дома в новом стиле.

— Это будет отличный дом, — пообещал Хьюго. — Мы выкопали глубокий котлован, там будут прохладные подвалы и погреба. И продукты будут храниться даже в самое жаркое лето.

Булыжная мостовая внезапно кончилась, дальше шла плотно утрамбованная грунтовка, построенная еще римлянами и ведущая на север. По земле лошади ступали ровнее, и Элис постепенно привыкала к размашистому шагу кобылы.

— Фасад будет на южной, солнечной стороне, — расписывал Хьюго. — Архитектура в виде буквы «Н» с парадной дверью прямо посередине. Для Кэтрин и ее дам есть гостиная, как только войдешь, сразу налево. Никакого большого зала, никакой общей столовой. Хватит уже обедать вместе с солдатами и слугами.

— Да, перемены будут существенные, — согласилась Элис.

— Новый стиль жизни, — рассуждал он. — Аристократы уже не строят замков, живут в удобных домах с большими красивыми окнами. Зачем сейчас такое количество слуг — это же целая армия! А военному делу я стану обучать крестьян. И в любой момент у меня будет столько солдат, сколько понадобится. Кому нужен этот огромный, постоянно готовый к осаде замок? Настали мирные времена. Так далеко на юг больше не делают набегов ни шотландцы, ни шайки разбойников.

— И ты сэкономишь много денег, — подколола его Элис.

Хьюго усмехнулся — ее намек его нисколько не задел.

— А что здесь плохого? Это поколение моего отца думает, что чем больше народу трясется за тобой, когда ты выезжаешь из дома, тем больше у тебя власти и силы. Я хочу владеть землями, которые приносят реальные плоды, хочу иметь свои корабли на море. Люди будут

каждый день работать на меня и получать жалованье, а не киснуть от безделья в караулке, ожидая, когда они понадобятся, завтра или через год.

— Но все равно придется же иметь каких-то домашних слуг, — предположила Элис. — И хоть какую-то свиту.

— О да, — отозвался Хьюго. — Не заставляй же Кэтрин готовить обед!

— Конечно, — улыбнулась Элис. — Не представляю Кэтрин, которая своими руками добывает пропитание.

— Будут и домашние слуги, и конюхи на конюшне, — пояснил Хьюго, — останутся дамы Кэтрин и Дэвид, конечно. Но солдаты пускай идут на все четыре стороны, и кузнец тоже, и шталмейстер, и все эти пекари с пивоварами. Сами сможем варить пиво и печь хлеб, зато не придется кормить и поить целую ораву.

— Твой новый дом будет только для тебя, — заметила Элис. — Для тебя и тех, кого ты захочешь видеть рядом.

Милорд кивнул.

— Избавлюсь от лодырей, которые не зарабатывают на хлеб трудом, слоняются без дела и едят от пуза.

Элис засмеялась серебристым смехом и воскликнула:

— Тогда придется избавиться и от дамской галереи! Во всем замке не сыщешь таких обжор и бездельниц!

— Надо спросить у жены, может, и сократим, — сказал Хьюго. — Не хотелось бы совсем лишать ее общества.

— В последнее время Кэтрин мало что радует, — озабоченно промолвила Элис. — Только лежит в постели, вздыхает и ест. Уже несколько дней не появлялась в галерее и не брала иголку в руки. Встает, только когда обедает с тобой. Хьюго, ты не представляешь, как она обленилась!

— Это вряд ли хорошо для ребенка, — нахмурился милорд.

— Я много раз буквально умоляла ее сделать усилие и встать, — продолжала Элис, — погулять немного, хотя бы пройтись по галерее. Погода становится все лучше, она могла бы сидеть в парке и дышать свежим воздухом. Но она отказывается. Все время жалуется на усталость, постоянно плачет, вспоминает Мору и своих родителей. С ней нужно очень много терпения, Хьюго. Она не так молода, чтобы рожать первенца, и много лет была бесплодна. Организм уже не тот, тело не столь гибко и не такое крепкое, как в юности. Она постоянно пребывает в унынии.

Несколько секунд они молчали.

— Поскачем? — вдруг предложил Хьюго. — Ты ведь справишься с лошастью Кэтрин?

— Мне кажется, я с детства на ней ездила, — весело прощепетала Элис. — Конечно поскачем. Разве я не говорила, что ничего не боюсь, когда мы вместе?

— Но теперь мне надо заботиться и о твоей безопасности, — ответил Хьюго с улыбкой. — Ты ведь тоже носишь под сердцем моего сына.

— Ему ничто не грозит, — успокоила Элис. — Никогда в жизни мне не было так хорошо, я просто счастлива. С твоей любовью у меня есть все. Галопом? Пожалуйста! У меня такое чувство, что я и летать могу!

Хьюго засмеялся и легонько коснулся пятками боков своего коня. Огромный гунтер мгновенно рванул вперед. Кобыла Элис быстрыми скачками устремилась за ним. Вцепившись в луку седла, девушка подпрыгивала и молила Бога, чтобы Хьюго не оглянулся и не увидел, как побелело от страха ее лицо.

А он и не оглядывался. Несколько минут они мчались по дороге; слуги, стараясь не отстать, тряслись позади.

Вдруг Хьюго натянул поводья, кобыла Элис резко остановилась, и девушку бросило вперед, на шею лошади. Лишь крепкая хватка уберегла ее от падения.

— Смотри, — обратился к ней Хьюго. — Вот здесь будут ворота. Вокруг всей территории я возведу большую стену и оставлю внутри все так, как есть: все эти деревья, кусты и траву. Тут у меня будут бродить олени, а может, и кабаны, то есть можно будет охотиться. У ворот построю небольшой домик с привратником. И никаких караульных, никакой гауптвахты. А от ворот проложу дорогу прямо к парадному подъезду.

Он обвел рукой территорию, и Элис увидела человек двадцать рабочих, которые копали и таскали землю.

— Дом будет из камня или кирпича? — осведомилась она.

— Несущие стены из камня, но облицованы кирпичом, — гордо произнес Хьюго. — Красивый кирпич, теплого цвета. На фоне камня очень хорошо смотрится. Кирпичи формуют и обжигают прямо здесь.

— А что за камень? — небрежно обронила Элис, отвернувшись в другую сторону.

— Из женского монастыря, — пояснил Хьюго. — Я велел разобрать фундамент и перетащить камень сюда. Есть камни, украшенные красивой резьбой. И еще я снял у них с крыш шиферную плитку и некоторые балки, которые не сгорели. Смешно тебе будет, Элис, заниматься любовью под монастырской крышей?

У нее внутри все похолодело, но она постаралась взять себя в руки.

— И река недалеко, — заметила она, меняя тему.

Ее голос звучал напряженно, однако Хьюго ничего не заподозрил.

— Можно повернуть русло, перегородить реку и устроить несколько небольших озер, — рассуждал он. — Ловить в них рыбу, просто отдыхать на берегу. Мне нравится слушать журчание воды. Это единственное, чего мне будет не хватать, когда мы переедем из замка.

— И еще ты должен посадить красивый сад, — заявила Элис. — Я бы присматривала за посадками полезных трав, за клумбами, фруктовым садом и вольером с редкими птицами.

— Да, конечно, — с улыбкой согласился Хьюго.

— И за кладовой тоже, — добавила Элис, уже почти ощущая чистый запах кладовой, которая была в аббатстве. — Здесь будут расти лекарственные и другие полезные травы, а в кладовой я устрою уголок, где буду готовить лекарства для нас с тобой и всего семейства.

— Можешь взять кое-какие монастырские вещи, — разрешил Хьюго. — Многое удалось

спасти. Ступки и пестики, мерные чаши и все такое. Прекрасные стеклянные бутылки тоже, с золотыми этикетками.

У Элис пересохло во рту. Откинув голову, она звонко и беспечно засмеялась.

— Да! Почему бы и нет? Все, что было у этих монашек, все, что ты забрал у них, можно использовать. Зачем добру пропадать? Испортится или сломается. Оставляй все, что может пригодиться, в доме все должно быть по высшему разряду.

Спрыгнув с лошади, молодой лорд протянул девушке руки. Она сползла прямо в его объятия и прильнула к нему.

— Я люблю тебя, Элис, — признался он. — И мне очень нравится твоя жажда жизни. Ты бы содрала со старой монахини последнюю рубаху, если б тебе понадобилось, верно?

Подняв голову, она взглянула в загорелое довольное лицо Хьюго. Ее вдруг охватила неистовая радость, захотелось все ломать и крушить.

— Верно, — подтвердила она. — Терпеть не могу монашек, они только и делают, что исповедуются и постятся, все боятся согрешить. Того нельзя, этого нельзя. Желаю жить сейчас и жить в свое удовольствие! Если я проклятая грешница, то, когда приду на суд, пусть на языке у меня остается вкус всего, что я попробовала в жизни.

Хьюго хохотал вместе с ней.

— Давай совершим здесь какой-нибудь колдовской обряд, — предложил он. — Как-нибудь вечером, когда рабочие уйдут, приедем сюда, ты позовешь своих буйных сестер, мы все вместе опустимся на землю среди этих недостроенных стен и покажем, что камни, раньше принадлежавшие постным монашкам, и эти плиты тоже — отныне наши. Посвятим этот дом только нам и нашим удовольствиям!

— О да! — глухо отозвалась она. — Да!

ГЛАВА 22

— Хочу зеленое платье, — лениво протянула Элис.

Они с Хьюго лежали в ее комнате, раскинувшись на высокой кровати. На стенах висели новые портьеры, подобранные в тон новому балдахину. В камине пылал огонь, распространяя приятный запах горящих сосновых шишек, к которым подбросили щепотку ладана. За окном медленно садилось солнце, окрашивая летнее небо золотыми полосами.

— Зеленое платье, шелковое, на лето, — пояснила Элис.

Хьюго взял прядку ее золотисто-каштановых волос и тоже лениво произнес:

— А ты девчонка не промах, недешево мне обходишься. На твои платья у нас ушло уж и не сосчитать сколько ярдов самой дорогой материи. Да и о чем вообще речь? Ты ведь не имеешь права носить шелковые платья.

Элис все так же лениво и негромко засмеялась.

— Твой подарок будет преддверием будущих изменений в моей жизни. Твой отец обещал мне кусок земли и денег, когда родится наш сын. И тогда я стану свободной

землевладелицей.

— Правда? — удивился Хьюго. — Так значит, он пляшет под твою дудку? Я и не догадывался, что он раздает земли, прежде с ним такого не бывало. Даже Мег, его фаворитка, не получила от него ни клочка! Твою судьбу он принимает близко к сердцу.

Повернув к нему самодовольное личико, Элис ответила:

— Он любит меня, как свою дочь. И предложил мне сопровождать его на празднике последнего сенокоса. Хочу пойти туда в новом зеленом платье, которое видела вчера у одного торговца. Из чистого шелка, стоит целое состояние. Он принес показать его Кэтрин, но оно не подходит по цвету к крытой повозке. Тогда он показал мне, и я до смерти загорелась купить его, Хьюго!

— Настырная же ты девка, — хмыкнул он. — Клянусь, у тебя нарядов уже не меньше, чем у моей жены.

Элис вздохнула и поцеловала его в голое плечо. Совершенно обнаженный, он мирно вытянулся на ее постели; солнечный луч, пробивающийся через узкую бойницу, золотил его длинные ноги.

— Нет, — возразила Элис. — У Кэтрин больше. Ей от матери достались полные сундуки платьев. Да и ты всегда покупал ей чаще, чем мне.

— Будь я проклят, если это так, — заявил Хьюго. — За все годы, что мы с ней женаты, не чаще чем раз в год. А ты, Элис? Каждую неделю ты требуешь новое платье!

— А с какой стати у меня должно быть меньше платьев, чем у Кэтрин? — возмутилась она. — Ведь я нравлюсь тебе в новом платье больше, чем Кэтрин, правда? И тебе приятней раздевать меня, а не ее!

— Ну и сколько же у нее платьев? — притворно усталым тоном поинтересовался Хьюго.

— Двенадцать, — выпалила Элис.

Он перевернулся на живот, и она увидела его сияющие глаза и смеющийся рот.

— А у тебя сколько, моя маленькая ведьма? — спросил он.

— Одиннадцать! — торжествующе сообщила Элис. — И теперь мне хочется зеленое.

— И потом ты успокоишься? — усмехнулся Хьюго.

Сев на кровати, Элис отбросила назад волосы, залезла на Хьюго и улеглась у него на спине. Потом крепко прижалась к его нагим теплым ягодицам и легонько двинула бедрами вперед.

— Ты хочешь, чтобы я успокоилась? — промолвила она. — Стала всем довольной и толстой? Толстой и вечно усталой? И скучной вдобавок?

С каждым словом она толкалась бедрами все сильнее. Хьюго застонал и закрыл глаза.

— Ведьма, — пробормотал он тихо. — Ты и у мертвеца способна пробудить страсть.

Элис засмеялась и обеими руками обняла его за талию. Ее ладонь скользнула между его животом и измятыми простынями. Она нащупала его член и крепко сжала в пальцах. Хьюго снова застонал и попытался перевернуться.

— Не надо, — прошептала Элис ему на ухо. — Сейчас ты в моих руках, Хьюго. И я возьму

тебя так.

Он боролся с ней лишь секунду, но ладонь Элис настойчиво держала его член, он опустил голову и всем телом прижался к постели, ощущая, как она работает сзади бедрами и как трудятся ее пальчики. Затем он содрогнулся, застонал и замер, распростершись на постели. Элис припала щекой к его потной лопатке и тоже застыла, лежа на его спине, как змейка, пригревшаяся на солнышке.

Наконец Хьюго потряс головой, словно человек, очнувшийся от глубокого сна, и перевернулся на спину со словами:

— О Элис, любовь моя.

Она улыбнулась и сказала так, будто ставила условие:

— Зеленое платье. И тесьма в тон, а также перчатки.

— Тысячу платьев, — согласился Хьюго, обнимая ее и целуя в шею. — Тысячу платьев, хоть зеленых, хоть серебристых, хоть королевского пурпура, хоть из чистого золота. Стоит тебе только пожелать.

Элис легла на спину и закрыла глаза. Хьюго поцеловал ее груди и положил голову ей на живот.

— А живот у тебя все еще маленький, — задумчиво произнес он.

Открыв глаза, она улыбнулась и ответила:

— А я все ждала, когда же ты заметишь!

— Что замечу? — не понял Хьюго, садясь на постели. — Что я должен заметить?

Она потянулась, как кошка.

— Как что? Кэтрин беременная и все толстеет, становится все ленивей, а я такая же стройная, как прежде.

Хьюго пожал плечами.

— Мне просто казалось, что у женщин беременность протекает по-разному. В чем дело, Элис?

— Я обманула тебя, — спокойно сообщила она. — И тебя обманула, и твоего отца. Я не беременна.

У Хьюго перехватило дыхание.

— Постой, как же это? — воскликнул он.

— Я обманула вас, — повторила Элис.

Он протянул руку и развернул ее голову к себе. Над его бровями резко проступили вертикальные морщины, углы рта мрачно опустились.

— Ты уверяла нас, что носишь моего сына, а на самом деле это неправда?

Элис кивнула; ей совсем не было страшно. Хьюго оттолкнул ее. Он встал с кровати, накинул на плечи камзол, подошел к бойнице и уставился вдаль, туда, где за рекой виднелись

зеленые холмы.

— Но зачем? — спросил он, не оборачиваясь.

— Мора погибла, и я боялась, что вы обвините меня в колдовстве и прогоните, — пояснила Элис. — Кэтрин ненавидела меня с самого первого дня, и если б она узнала, что мы с тобой стали любовниками, она бы снова начала меня преследовать. А твоего отца больше всего волнуют внуки. Надо же мне было позаботиться о своей безопасности.

Повернувшись, он неприязненно посмотрел на нее и сказал:

— Ты интриганка. Ты просто пыталась завлечь меня.

Она села на постели, через голову надела рубашку и, завязывая на шее шнурки, направилась к нему.

— Ты сам себя завлек, — возразила она. — Твоя страсть ко мне завлекла тебя, и моя ложь здесь ни при чем.

Хьюго протянул руку и коснулся ее шеи. Под его пальцами билась жилка, мерно, неторопливо — Элис не ощущала тревоги.

— Так значит, ты не ждешь никакого ребенка, — заключил он, не скрывая разочарования.

Девушка улыбнулась, сверкая синими глазищами.

— Тогда его не было, но теперь есть! Теперь я беременна, как и говорила. В этом месяце случилась задержка, скоро я тоже стану толстой, как тебе нравится.

Лицо Хьюго потеплело, морщины на лбу разгладились.

— Наш сын родится в апреле, — сообщила Элис с несокрушимой уверенностью в голосе. — И я рада, что все так получилось, Хьюго. Во время нашей первой близости все было не так, вышло плохо. Ты спал с Кэтрин и снова вернулся к ней. Пока ты не принадлежал мне всей душой, не стоило зачинать нашего сына. Мне хотелось зачать ребенка в страстной любви.

— А ты уверена, что будет сын? — уточнил Хьюго, привлекая Элис к себе.

— Я знаю, что будет сын, — заявила она. — Он родится в то время, когда рождаются самые сильные и крепкие ягнята, когда стоит хорошая погода. Он родится в твоём великолепном новом доме, если ты поторопишься и отделаешь мне красивую комнату с деревянной панельной обшивкой и огромными светлыми окнами — они будут выходить на реку, и целый день в комнате будет солнце. Я подарю тебе сына, и в нем будет все лучшее, что есть в нас обоих: твоя смелость и мои таланты. Ты только подумай: лорд, который владеет тайнами магии! Он будет возвышаться все больше и больше, пока не станет величайшим властителем на земле.

Хьюго обнял ее еще крепче.

— Какой замечательный у нас будет мальчик! — обрадовался он.

Элис подняла голову, улыбнулась и добавила:

— И как далеко пойдет! А дочь, которая родится за ним, — только представь, за кого она может выйти замуж! Как высоко может взлететь наша семья с такими славными, удивительными детьми!

Минуту оба молчали. Элис видела, как лицо Хьюго вспыхнуло огнем честолюбия. И он, и его

отец страстно желали иметь сыновей, но нынешнее правление ясно продемонстрировало, какой вес в борьбе за власть имеют красивые женщины.

Наконец Хьюго взял себя в руки и вернулся в настоящее.

— Впредь никогда не лги мне, — предостерег он Элис. — Я выставлю себя глупцом, когда открою отцу правду, да и когда все в замке узнают об этом, тоже будет неприятно. Мне не нравится, когда ты так дразнишь меня. Больше не обманывай.

— Обещаю, — легко отозвалась Элис. — Мне необходимо было соврать, но теперь мне это не нужно. Мне ничего не угрожает. Ты любишь меня, и я в безопасности, верно? И что бы я ни делала, твоя любовь всегда останется со мной, разве не так, Хьюго?

Не выпуская ее из объятий, он прижался лицом к ее волосам и сказал:

— Это так. Что бы ты ни делала, моя любовь всегда останется с тобой.

— И для твоего отца я лучший собеседник и самый надежный друг, — удовлетворенно заметила Элис. — А теперь еще жду его внука. Сейчас мне действительно ничего не угрожает.

Хьюго нежно качал ее в своих объятиях, она казалась ему такой легкой, в его груди поднималась нежность, и в теле вновь просыпалось желание.

— Ничего не угрожает, — ласково повторил он. — Я с тобой.

Элис обняла его и прижалась к его большому телу. Ветерок, залетающий в узкое окно бойницы, нес с собой запах свежего сена и полевых цветов. Она закрыла глаза, улыбнулась и прошептала:

— Теперь я в полной безопасности.

— Но больше никогда не лги мне, — потребовал Хьюго; его обида еще не совсем улеглась. — Ненавижу обманщиц.

Следующий день был последним днем сенокоса, и Элис с Хьюго верхом поехали к высоким лугам между вересковой пустошью и рекой — посмотреть, как работают косари. К ним присоединилось больше половины замка: повара, слуги и служанки, военные со своими женами, мальчишки из прислуги и девчонки, занимающиеся в замке шитьем, пряжей, пивоварением или выпечкой хлеба. Даже старый лорд не усидел дома, велел оседлать своего старого приземистого боевого коня и отправился вместе со всеми, взяв с собой и Дэвида, который, сидя верхом рядом с ним в темном бархатном костюме, выглядел очень элегантно. Не менее сотни человек покинули замок, решив отдохнуть вне его стен. Поющая и смеющаяся толпа перешла через каменный мост у подножия замка и потекла в поля по другую сторону реки. Процессию возглавляли Хьюго на своем гунтере и Элис на новой чалой лошадке, одетая в новое зеленое платье.

Ее распущенные волосы лежали на плечах и на спине с красиво вплетенными зелеными и золотистыми ленточками, что было вызовом моде, введенной при дворе новой королевой, поборницей благопристойности. Позолота в лучах солнца сверкала, как настоящее золото, а зеленые ленточки так и летали вокруг головы, играя с ветерком. На руках у нее были новенькие светло-зеленые кожаные перчатки для верховой езды, отороченные зеленой тесьмой, а на ногах — такие же новые светло-коричневые кожаные сапожки. Чалая кобылка, которую Хьюго недорого купил на торгах в Эпплби, была смирной, и Элис держалась в седле уверенно. Гордо вскинув голову, она с улыбкой поглядывала по сторонам, словно эти

плодородные поля и поющие люди принадлежат ей. Когда Хьюго наклонился к ней и что-то тихо произнес, она засмеялась так громко, будто давала всем понять: молодой лорд делится своими секретами только с ней одной.

Кэтрин осталась в замке вместе с Рут, Марджери, горсточкой слуг, парой поварих и несколькими стражниками.

— Она отказалась с нами ехать, — сообщила Элис Хьюго. — Говорит, что очень устала. Она всегда говорит, что устала, что бы ей ни предложили! Без нее будет лучше.

Хьюго не скрывал своей озабоченности.

— До родов три месяца, — заметил он. — Если она сейчас не поднимается с постели, каково же будет в октябре?

— Станет совсем как мешок с картошкой, — ехидно ответила Элис. — Хватит, Хьюго! Она устала и хочет отдыхать, не можешь же ты силой заставить ее ехать с нами. Вечерком, когда вернемся, посидишь с ней, поделишься впечатлениями. Да и что для нее хорошего, если ты вытащишь ее из спальни на жаркое солнце, когда она так раздобрела и быстро утомляется?

Сенокос был последним в этих владениях, и Хьюго готовился потрудиться, поскольку сам должен был сделать окончательный прокос. Для него специально оставили узкую полоску ярко-зеленой травы. Свита из замка рассыпалась по краям поля, служанки и слуги уже расстилали скатерти, выгружали большие кувшины с элем и доставали буханки хлеба и мяса. Намечались танцы, и в углу поля настраивали инструменты с полдюжины музыкантов, от них шел такой шум, будто от стаи кошек. Косари и их жены собрались на жаре задолго до полудня — ждали события. Они нарезали зеленых ветвей и сложили из них шалаш, куда поместили кресло для старого лорда. Ему помогли сойти с лошади и отвели в тень, а в это время Дэвид уже бегал по полю, отдавая распоряжения для праздника и стараясь ничего не упустить.

Для Хьюго заранее приготовили остро наточенную косу, и управляющий, ответственный за сенокос, стоял вместе со своей женой, одетый во все самое лучшее, и собирался передать косу молодому лорду. Хьюго спрыгнул с лошади и бросил поводья мальчику, а сам помог спуститься Элис. Рука об руку они направились к крестьянину и его жене; Элис ступала по длинным рядам свежескошенной травы, вдыхала сладковатый, пьянящий запах полевых цветов и ароматного сена. Новое зеленое платье приятно шуршало по стерне. Она повернула голову к солнцу и вышагивала с таким видом, будто шла по собственному полю.

— Сэмюэл Нортон! — радостно приветствовал Хьюго управляющего, когда они приблизились.

Мужчина стащил с головы шляпу и низко поклонился. Его жена присела в глубоком реверансе. Когда она выпрямилась, лицо ее было белым. На Элис она не смотрела.

— Доброе сено уродилось, — весело продолжал Хьюго. — Прекрасный урожай в этом году. Благодаря тебе, Нортон, мои лошади горя не будут знать.

Тот что-то забормотал. Прислушиваясь, Элис подалась вперед. И только она это сделала, как жена управляющего вздрогнула и непроизвольно отступила назад. Элис сразу остановилась и задала ей прямой вопрос:

— В чем дело?

Крестьянин покраснел и пояснил:

— Жена не совсем здорова. Ей не надо было приходиться, но она настояла. Ей очень хотелось

повидать вас, милорд и леди Кэт... — Он осекся и невнятно добавил: — Она плохо себя чувствует.

Женщина снова присела и начала пятиться назад, подол ее лучшего воскресного платья зашуршал по скошенной траве.

— Что такое? — небрежно обронил Хьюго. — Вы больны, миссис Нортон?

Белая как полотно женщина открыла рот, но не издала ни звука. Она только переводила взгляд с мужа на Хьюго и обратно. Однако на Элис она так и не взглянула.

— Простите ее, — торопливо проговорил крестьянин. — Понимаете, она нездорова, с женщинами это бывает, никогда не догадаешься, что у них на уме... Просто бешеные становятся. Сами знаете, какие они бывают, милорд, эти бабы. Жена думала повидать леди Кэтрин. И мы не ожидали...

Благостное настроение Хьюго мгновенно улетучилось.

— Чего это вы не ожидали? — зловеще нахмурился он.

— Нет-нет, ничего, милорд, — снова забеспокоился Нортон. — Мы не хотели никого обижать. Просто жена приготовила для леди Кэтрин подарок... счастливый талисманчик, в общем, женские глупости. Ну вот, она и надеялась увидеть госпожу и подарить, значит. И больше ничего.

— Я передам ей, — вмешалась Элис; она шагнула вперед и протянула руку; складки зеленого шелка заструились вокруг. — Дай мне свой подарок для леди Кэтрин, и я передам ей. Я ее самая близкая подруга.

Миссис Нортон вцепилась в небольшой мешочек, висящий на поясе.

— Нет! — воскликнула она с неожиданной энергией. — Я сама занесу его в замок. Этот пояс — реликвия, освященная святой Маргаритой в помощь женщинам при родах, а молитва святой Фелицате поможет родить мальчика. Он уже дюжину раз сослужил мне добрую службу. И леди Кэтрин обязательно должна получить его. Вам нужно иметь его, милорд Хьюго, для вашего сына. Я приду в замок и вручу его самой миледи.

— Дай его мне! — раздраженно потребовала Элис. — Я передам его леди Кэтрин вместе с твоими пожеланиями.

Она протянула руку, но миссис Нортон отпрыгнула назад, словно видела перед собой опасного зверя. Из толпы людей, мужчин и женщин, донеслось шипение — так шипит кошка, почуявшая опасность.

— Только не в ваши руки! — К миссис Нортон полностью вернулся дар речи, и голос ее звучал визгливо и резко. — В чьи угодно, но только не в ваши! Это святая реликвия, спасенная в сгоревшем аббатстве. Монахини хранили ее ради блага тех, кто выходит замуж. Ради блага женщин, которые ожидают детей, зачатых в браке, от своих мужей, на супружеской постели. А не для таких, как вы!

— Как ты смеешь так со мной разговаривать? — задыхаясь, крикнула Элис.

Она еще раз потянулась к небольшому мешочку, который миссис Нортон сжимала в руке. Теперь девушка хорошо его рассмотрела. Это был кошелек из бархата, посередине весь вытертый от бесчисленных поцелуев женщин, молившихся о благополучных родах. Она помнила его по своей жизни в монастыре, он хранился в позолоченной шкатулке возле алтаря. Когда женщина с большим животом приходила в церковь, она могла обратиться к

какой-нибудь монахине и попросить поцеловать его. И как бы ни была женщина бедна, отказа никому не было. Элис поймала себя на том, что глаз не может отвести от золотой вышивки на кошельке. Она помнила, что эту вышивку сделала сама матушка аббатиса. «Моя матушка», — подумала Элис. Неожиданная боль пронзила ее сердце и вызвала волну гнева.

— Да ты сама знаешь, кто ты? — возмутилась она. — Воровка, вот ты кто! Эта вещь принадлежит монастырю, она не предназначена для сенокосов. А ну-ка, отдай!

— Ведьма! — выпалила миссис Нортон.

Она быстро отскочила, и Элис не успела выхватить у нее кошелек.

— Ведьма! — снова прозвучало то же слово, уже тише, но достаточно громко и отчетливо.

Толпа косарей и всех остальных замерла в гробовом молчании. На мгновение Элис показалось, что мир вокруг застыл, словно она превратилась в разрисованный кусок стекла в хрупкой освинцованной раме. Ничто не шевелилось, не двигалось, остановилось само время, умерли все звуки. Нет, не следовало миссис Нортон произносить это слово, как не следовало и Элис слышать его. Косарям, жителям деревни, обитателям городишка и людям из замка не следовало держать это слово в голове. Элис не знала, как реагировать, чтобы отвести от себя эту неожиданную опасность, выросшую из невинного утра.

Тут вперед вышел Хьюго.

— Нортон, — тихо промолвил он, как бы намекая, что надо делать.

— Прошу извинить меня, милорд, — быстро догадался управляющий.

Он подхватил за локоть жену и скорым шагом потащил через поле. Подойдя к первой попавшейся женщине, он остановился и толкнул жену к ней, хрипло отдавая какие-то приказания. Обе женщины согласно кивнули и, словно две крысы, убегающие от косы, засеменили прочь. Затем Нортон направился обратно, красное лицо его было в ярости.

— Проклятые бабы, — бормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Хьюго даже не улыбнулся.

— Вам надо быть поосторожней, мистер Нортон, — заметил он. — С такой языкатой женой легко схлопотать обвинение в клевете. Ее слова слишком серьезны, ими нельзя так легко разбрасываться. И благородная дама не заслужила подобного приема.

Управляющий промолчал, однако лицо его оставалось твердым.

— Мне кажется, ты еще не был представлен госпоже Элис, — продолжал Хьюго уже мягче. — Она лучшая подруга моей жены, у моего отца она исполняет обязанности секретаря. А сегодня я пригласил ее сопровождать меня. Вместе с ней мы откроем танцы.

Нортон покраснел, как обожженный кирпич, и не знал, куда глаза девать от стыда. Элис высокомерно смотрела на него, в ее зоре сверкали гнев и вызов. Он согнулся пополам в глубоком поклоне. Элис выдержала паузу и только потом протянула руку. Он с явным неудовольствием принял ее, чмокнув воздух в нескольких миллиметрах от пальцев. Она чувствовала, как дрожит его твердая, мозолистая рука. Затем Нортон выпрямился.

— Мы прежде уже встречались, — храбро заявил он. — Я знал вашу матушку, вдову Мору. И вас тоже знал, когда вы были совсем маленькой, вы часто играли в грязи в переулке.

Элис смерила его холодным взглядом.

— Тогда ты должен знать, что Мора не была моей матерью, — отчеканила она. — Моя настоящая мать, благородная дама, погибла при пожаре. А Мора была мне кормилицей и приемной матерью. Она уже умерла, а я вернулась туда, где мне и надлежит быть, — в замок. — Элис обернулась к Хьюго и весело защебетала: — Пока вы делаете прокос, я посижу в тени с его светлостью. Принесите мне пучок сена и букет полевых цветов.

Ясно дав всем понять, что ее слова для молодого лорда звучат как приказ — так любовница распоряжается своим возлюбленным, — она повернулась на каблуках и пошла по мягкой стерне через поле туда, где в тени сидел старый лорд. Идти ей пришлось довольно долго, и к каждому ее шагу было приковано внимание косарей и обитателей замка. Подол нового платья стелился по скошенной траве. Зеленый — цвет весны, цвет роста и развития... а также цвет колдовства и черной магии. Элис уже пожалела, что на ней платье этого цвета, но держала осанку и улыбалась всем, кто встречался на пути. И куда бы ни падал ее взгляд, люди опускали глаза, отворачивались и начинали смущенно переминыться. Она пересекала поле, как молодая и злая собака в стаде овец. Люди сторонились ее, словно осмотрительные старые животные.

Но сплетничать они не перестали. Элис слышала их тихий неприязненный шепот, совсем тихий, как дуновение ветерка, шевелящего нескошенную траву.

— А где леди Кэтрин? — вдруг спросил кто-то сзади и довольно громко. — Где жена лорда Хьюго? Пусть из замка на праздник последнего сенокоса приедет госпожа, а не какая-то потаскуха!

Элис продолжала высоко нести голову, глаза все так же твердо отвечали на встревоженные взгляды, улыбка все так же играла на губах. Но ей не удалось вычислить ни одного человека, который бы что-то говорил в ее адрес. В пустых лицах не было ничего, кроме страха. Не было среди них ни одного, кого она могла бы назвать своим очернителем, обвинить в злословии. Ее взор стремительно перебежал с одного угрюмого лица на другое, но шепот неизбежно умолкал раньше. Ее платье под мышками увлажнилось. И, подходя к навесу, в тени которого сидел лорд Хью, она чуть не споткнулась, торопясь, будто преступник, ищущий в храме убежища. Вдруг Элис остановилась как вкопанная: для нее под навесом не оказалось места, кресла были только для старого лорда и для Дэвида.

— Уступи мне место, Дэвид, — без обиняков обратилась она к управляющему. — Я утомилась на солнце и хочу сесть.

Была секунда, даже полсекунды, когда казалось, что он откажет ей.

— Пусть девушка сядет, — раздраженно произнес милорд. — Она носит в утробе моего внука.

Дэвид неохотно поднялся и встал за креслом своего господина.

— Что там у вас случилось? — поинтересовался его светлость.

Элис спокойно сложила руки на коленях и теперь хранила неподвижность и невозмутимость.

— Деревенские сплетни, — пояснила она. — Они завидуют мне, те, кто знал Мору. Они не могут понять, как это я жила с ней в грязной хибарке и вдруг оказалась здесь. Складывают небылицы про колдовство и сами себя пугают. Эта жирная старая мегера, миссис Нортон, вбила в голову, что я околдовала молодого лорда и заняла место Кэтрин. Пыталась меня оскорбить.

Его светлость кивнул, глядя, как Хьюго снимает толстый дорогой камзол и подает его хорошенькой девушке с золотистыми волосами. До их навеса долетел его довольный смех.

Управляющий Нортон подал Хьюго косу, тот закатал рукава белой рубашки, поплевал на ладони и взялся за косовище. От толпы донесся неровный гул одобрения. В этот год Хьюго приобрел всеобщую любовь: всем, кто работал на строительстве его нового дома, он хорошо платил, ну и жена его наконец забеременела.

— Странно, что слово «ведьма» никак от тебя не отстанет, — заметил старый лорд.

Он не отрываясь смотрел, как Хьюго работает. Юная девушка с камзолom в руках, мистер Нортон и другие косари медленно шли за ним, болтали и смеялись. Настроение у всех было приподнятое. Музыканты уже наигрывали какую-то визгливую мелодию, сопровождаемую гулким барабанным боем, и один из них затянул песню.

Элис молчала.

— Нехорошее словечко навесили на тебя, — безразличным тоном добавил милорд. — Это все плохо выглядит. И не только для тебя, но и для меня, и для Хьюго тоже.

— Все сплетни и чепуха, — отмахнулась Элис.

— Может, они узнали про испытание? — услужливо предположил Дэвид. — Или про сон, в котором Элис видела себя с Хьюго? Или им кажется подозрительным, что девушка так образованна — это необычно для той, что выросла в деревенской лачуге. Может, причина — странная, неожиданная гибель старухи знахарки? До меня доходили слухи, что она была ведьмой и утонула, спасаясь от погони.

Солнце в поле пекло немилосердно, но Элис в тени зеленого дерева дрожала так, будто ей было невыносимо холодно.

— Я жду от Хьюго ребенка, сына, — твердо заявила она. — Я всего лишь вторая, кого он смог оплодотворить. И если с Кэтрин и ее ребенком что-нибудь случится, тогда мой станет вашим единственным внуком, милорд. Не думаю, что нам с вами прилично уподобляться черни и обсуждать всякие сплетни про колдовство, магию и подобную чушь. Мы с Хьюго любим друг друга, и я — мать его будущего сына. Если какая-нибудь старая дура, как эта ваша миссис Нортон, желает устраивать сцены и портить всем праздник, почему мы должны позволять ей это, вместо того чтобы мирно отдыхать и радоваться?

Старый лорд кивнул.

— Не удивлюсь, если твоя беременность будет долгой, Элис, ведь этот ребенок — твоя защита от всех бед. По моим подсчетам, месяцев тринадцать будет?

Девушка улыбнулась и с готовностью кивнула.

— Значит, Хьюго рассказал вам. Я уже извинялась перед ним за свою ошибку. Это нередко бывает. Мне так хотелось от Хьюго ребенка, что я неправильно истолковала некоторые симптомы. Но теперь я вполне уверена. Скоро вы увидите, как быстро я начну полнеть. Но такой толстой, как леди Кэтрин, надеюсь, не стану.

— Ну ты и стерва, — усмехнулся старый лорд. — Не тронь Кэтрин. Сыновей не бывает много. Места хватит для вас обеих.

Хьюго дошел до конца прокоса, наклонился и подхватил пучок скошенной травы и тонких душистых полевых цветов. Белокурая девушка выбежала вперед с его камзолom и помогла ему одеться. Он повернулся к ней, обнял одной рукой за плечи, от души расцеловал в обе щеки и заткнул пучок цветов в вырез ее платья. Девушка наклонилась, прижимаясь к его руке и улыбаясь. Она была молода и красива, на ней было ее лучшее платье ярко-синего цвета с очень глубоким прямоугольным вырезом, в котором была хорошо видна ее пышная

белая грудь.

— Судя по всему, цветов вам сегодня не достанется, госпожа Элис, — обронил Дэвид.

— Я заставлю Хьюго принести мне еще, — беспечно ответила она.

Затем встала, повернулась к мужчинам спиной и, продолжая улыбаться, вышла на яркое солнце. На свежескошенной траве расстилали белые скатерти, косари сгребали граблями сено в длинные ряды, чтобы оно быстрее сохло под свежим ветерком. Кувшины с элем были открыты, люди уже тянули глиняные кружки и наполняли их до краев. Элис спешила по полю к Хьюго, специально выпятив вперед свой плоский живот. Она улыбалась, будучи уверенной в своей власти над ним. И когда совсем приблизилась, девушка с цветами, торчащими в лифе, извернувшись, высвободилась из беззаботного объятия Хьюго и отступила назад, избегая смотреть на Элис, а потом и вовсе куда-то исчезла.

— Элис, — мрачно произнес Хьюго.

— Ты разбрасываешься моими цветами, — кокетливо отозвалась она.

Милорд наклонился к куче сена и выхватил пучок, смешанный с полевыми цветами.

— Держи, — довольно грубо буркнул он. — Это тебе, а сейчас я буду открывать танцы.

— Со мной? — уточнила Элис.

Лицо лорда оставалось мрачным.

— Поскольку ты здесь вызвала целую бурю, которую мне пришлось успокаивать, то сначала я станцую с тобой, а потом с каждой девушкой, которая участвует в празднике, — тогда все будут довольны.

Никак не выдав обиды, Элис продолжала улыбаться. Она взяла протянутую руку Хьюго, и вместе они направились к музыкантам. Позади уже выстраивались другие пары. Но все они двигались неохотно, будто по обязанности, против воли, не отказываясь танцевать лишь потому, что боялись ослушаться.

Сделав шаг назад, Элис встала лицом к Хьюго, ожидая, когда заиграет музыка, и вдруг обмерла. Из-за плеча Хьюго в толпе зрителей выглядывало чье-то лицо, до боли знакомое.

Это был Том, на его руке висела женщина грубоватой внешности.

Элис и бровью не повела. Глаза ее равнодушно скользнули по лицу Тома, она и намеком не дала понять, что узнала его, на губах играла все та же широкая безразличная улыбка, предназначенная для всех. Но Том вдруг отбросил руку жены и направился прямо к танцующим. На лице Элис была маска беззаботного веселья, она покачивала головой, как бы внимая музыке, а ногой отбивала ритм. Том, не спрашивая разрешения, упрямо и неумолимо приближался.

— Элис! — крикнул он.

Хьюго так и крутанулся на месте. Том, вставший прямо за его спиной, даже не взглянул на своего господина, даже шляпы перед ним не снял. Он не обращал на Хьюго внимания, словно перед ним был не лорд, а столб в поле. Он видел одну только Элис, удивительно красивую в новом зеленом платье и с зелеными и позолоченными ленточками, вплетенными в золотисто-каштановые волосы.

— Элис, — повторил он.

Та будто только что заметила его. Она склонила головку к плечу, словно разглядывая некое странное явление природы, и наконец с любопытством откликнулась:

— Да?

Сглотнув слюну, Том сбивчиво и торопливо заговорил:

— Я уведу тебя отсюда. Я заберу тебя, Элис. Заберу тебя отсюда. Я слышал, какие о тебе ходят сплетни... тебе опасно здесь оставаться. Я заберу тебя прямо сейчас.

Откинув голову назад, девушка засмеялась; смех ее был чист и хрупок, как звон бьющегося стекла. Потом повернулась и с улыбкой посмотрела на Хьюго.

— Кто этот человек? — спросила она. — Местный дурачок или просто грубиян? За кого он меня принимает?

Том побледнел, словно она ударила его.

— Элис, — снова начал он, перейдя на хриплый шепот.

Нахмурившись, Хьюго хлопнул его по плечу и сказал:

— Ты мешаешь танцевать. Давай шагай отсюда.

Но Том, казалось, не почувствовал хлопка, не услышал своего господина и не обратил внимания на его реплику. Его взгляд был прикован к красивому, равнодушному лицу девушки.

— Я хочу спасти тебя, Элис! — В его голосе звучало отчаяние. — Тебя называли ведьмой, и тебе угрожает опасность. Я заберу тебя, увезу далеко отсюда, чего бы мне это ни стоило.

— Том! — позвала его жена резким, приказным тоном.

— Кто он такой? — обратился Хьюго к Элис. — Какой-то твой дружок?

Она обернула к нему сияющее невинное лицо и пожала плечами.

— Сама не знаю. Мы с ним незнакомы.

— Я заберу тебя, — продолжал твердить Том. — Я не подведу. Я брошу ферму и жену, даже детей брошу. Я спасу тебя, Элис. Тебе не нужно оставаться в замке с этими людьми, с их пороками. Я увезу тебя далеко отсюда. Я прикопил немного денег. Мы найдем где-нибудь небольшую ферму, и я сделаю все для твоего удобства. Ты будешь мне, как законная жена! Я буду верен тебе, буду заботиться, я жизнь за тебя отдам! — Он запнулся, помолчал и тихо продолжил: — Ты снова станешь порядочной женщиной, Элис. Ты же была доброй девочкой, и я тогда любил тебя. Ты и сейчас добрая. Ты снова станешь моей возлюбленной.

Не потеплевшим ни на мгновение взглядом, с нескрываемым изумлением Элис уставилась на Тома. Она смотрела даже не на него, а сквозь него, будто перед ней не живой человек, а соломенное чучело или вообще никого. На ее губах блуждала все та же улыбка.

— Не пойму, о чем ты болтаешь, мужлан, — холодно произнесла она. — Поди прочь, я впервые тебя вижу.

— Элис! — воскликнул Том и осекся.

Он никак не мог поверить, что подруга его детства, его детская любовь, может так глядеть сквозь него, словно он сделан из чистого стекла. Словно он для нее ничто, пустое место.

Словно никогда для нее ничего не значил. Бесконечно долго длилась эта минута; в ее лице ничто не шевельнулось, не изменилось, оно оставалось все таким же надменным и равнодушным, только глаза сияли, как прежде.

Резко повернувшись на каблуках, Том бросился прочь, подальше от этого пустого улыбающегося личика. Он пробился сквозь толпу, перепрыгнул через калитку в самом углу поля, и только его и видели.

Снова раздался беспечный смех Элис. Она помахала рукой музыкантам, которые, наблюдая за происходящим, играли кто в лес, кто по дрова, умолкая один за другим.

— Чего же мы ждем? Давайте танцевать! — весело крикнула она. — Танцевать, танцевать!

ГЛАВА 23

Когда они вернулись домой, миледи спала. Элис и Хьюго на цыпочках прокрались мимо ее закрытой двери в спальню к Элис и велели Элизе позвать их, как только Кэтрин проснется. Милорд прошел прямо к бойнице и выглянул наружу. Элис вынула из волос ленточки и сбросила платье, открыв мягкие, соблазнительные плечи.

— Милорд, — тихо позвала она.

Хьюго оглянулся и холодно ответил:

— Не сейчас. Что это за парень пристал к тебе на поле?

Элис, казалось, не тронул отказ Хьюго.

— Да не знаю я этого парня, — отмахнулась она.

— Девушка, с которой я танцевал, та маленькая блондинка, уверяла, что это твой прежний возлюбленный. А его жена наговаривает на тебя невесть что. Якобы из-за тебя он потерял покой, ты приворожила его, теперь он не ест и не спит, думает только о тебе, а ее совсем не любит.

— А я-то тут при чем? — засмеялась Элис. — Хотя из твоих слов я поняла, что это, должно быть, Том из Ридейла. В детстве мы играли вместе. Но я не видела его десять лет! Он женился на какой-то мегере. Она кого угодно может оклеветать из-за того, что Том холоден к ней. Я тут не виновата.

— Нехорошо все это, — заметил Хьюго.

Он отвернулся и снова уставился в окно бойницы. Элис пожала плечами и отбросила назад волосы. На минуту она растерялась, затем подошла к нему, обняла за талию и прижалась к его спине.

— Нынче ночью, — тихо промолвила она, — нынче ночью, Хьюго, я позову к нам моих сестер и буду с ними забавляться. Я позову их, и они лягут со мной, станут ласкаться своими гладкими телами, и я получу бесконечное наслаждение.

Плечи Хьюго напряглись, она почувствовала его возбуждение, но он не оборачивался.

— А как же ты? — кокетливо продолжала Элис. — Нет, тебе, пожалуй, ничего не перепадет. Ни поцелуя, ни даже легкого прикосновения. Будешь лежать, словно скованный по рукам и

ногам, и только наблюдать и облизываться, а они станут трогать меня своими нежными пальчиками, нежными губками и язычками. Ты будешь смотреть, как извивается мое тело под их неистовыми ласками, и слушать, как я кричу от удовольствия.

Хьюго вздохнул, желание уже охватило его, он наклонил голову и прислонился лбом к холодной каменной перемычке окна.

— Я разрешу им, и они свяжут меня, — фантазировала Элис. — Ты увидишь, какие муки я испытываю, доставляя им радость. Увидишь, как я пробую освободиться, порвать их страстные путы, когда они проникают во все мои отверстия, услышишь мои крики, я буду умолять их прекратить эту сладкую пытку.

Он повернулся в ее руках и крепко прижал к себе, уткнувшись носом в ее обнаженные плечи, вдыхая запах ее кожи и волос, но лицо его оставалось угрюмым.

— Там, на поле, была безобразная сцена, — сказал он. — Ты должна быть осторожней.

Элис раздраженно отпрянула.

— Ну что я могу поделать со сплетнями? Ничего! Все переменится, люди смирятся. Увидят нашего сына, привыкнут к тому, что я всегда рядом с тобой, что я госпожа в этом замке, госпожа во всем, кроме имени.

Милорд покачал головой — слова ее, судя по всему, его не убедили.

— Сегодня же вечером Кэтрин должна ужинать в зале, — заявил он. — Хватит с меня этих намеков, сыт по горло. Слишком много было опасных сплетен про колдовство и про то, что Кэтрин осталась одна, что ее отодвинули в сторону.

Пожав плечами, Элис подняла к нему голову и улыбнулась.

— Меня не интересует, кто там и что болтает, — уверенно произнесла она. — Важно одно: я жду от тебя ребенка, я здорова и сильна. Пусть болтают, что хотят, пусть думают, что хотят. Что бы ни говорили, это не имеет значения. Ты всегда защитишь меня, и твой отец тоже. Все эти старухи, которые шепчутся по углам, не могут мне навредить.

— От этого вред для всех нас, — резко возразил Хьюго. — Ты, Элис, просто дура, если считаешь, что находишься в безопасности. Каждое слово против меня, каждая фраза, порочащая мое имя, — это угроза миру и благоденствию всего края. Нынче чернь может взбунтоваться по любому поводу. В такие времена люди подозрительно относятся к колдовству, боятся его. Сейчас везде полно бродяг, монастыри закрываются, и монахи выходят на большую дорогу, повсюду выражая недовольство из-за потери своего пристанища. Произошли такие перемены, которых и предположить никто не мог. Маленькие аббатства, и мужские, и женские, исчезают, и в людях зреет недовольство — они привязаны к старой религии, к устоявшимся предрассудкам. Но мне не нравится, когда меня осуждают. Выезжая из замка, я хочу встречать улыбки. Мне приятно, когда мое имя вызывает уважение, когда хорошенькая девушка ласково улыбается и кокетливо приседает передо мной, а не убегает прочь от страха перед твоими чарами. Сегодня на поле ты нехорошо себя вела, Элис. Тебя перед всеми открыто называли ведьмой, а ты не стала это отрицать.

— Да? А как насчет тебя? — возмутилась Элис, еле сдерживая гнев. — Это ведь ты готов на все ради моего колдовства, ты сам умоляешь меня пускать в ход свое искусство. Предлагаешь позвать моих сестер в новый дом и окрестить его шиворот-навыворот, чтобы уничтожить святость украденных тобой монастырских камней. Тебе подавай все удовольствия и без усилий с твоей стороны, Хьюго! По ночам тебе нужно колдовство, а при свете дня — святость. Ты не можешь подняться над толпой, выйти из ряда вон, ждешь их

всеобщего обожания, когда едешь мимо на своей большой лошади.

— Ты ничего не понимаешь, — упрекнул он. — Несмотря на всю ученость, ты как была, так и осталась глупой девчонкой. Как ты думаешь, почему слова, сказанные против короля, означают смерть? Вовсе не потому, что кто-то решил отобрать у него трон. И не потому, что у него мало солдат. А потому, что в сплетнях и слухах кроется главная опасность! Смута начинается со слухов и нашептываний. А здесь шепчутся как раз о тебе.

Элис отошла от Хьюго к сундуку с платьями и вынула гребень.

— Тот, кто выделяется из толпы, всегда вызывает недовольство, — ответила она тихим сердитым голосом. — А я всю жизнь не похожа на других. Люди всегда мне завидовали и изумлялись, что у меня такие способности. Уж я как-нибудь выйду из этого положения. В замке меня любят, для твоего отца я как родная дочь. И в конце концов, я дама твоего сердца.

Он покачал головой, но промолчал.

Она подвинула к камину табурет и села к милорду вполоборота. Несколько раз она пропустила пальцы сквозь густые пряди, распуская косички, потом стала расчесывать волосы, пока гребень не заскользил свободно и гладко. Все еще сердитый Хьюго вдруг поймал себя на том, что глаз не может оторвать от завораживающего зрелища, когда гребень снова и снова сквозит в ее густых, шелковистых, золотых волосах. Элис закрыла глаза и тихо напевала какую-то песенку. Хьюго прислонился спиной к стене, сложил руки на груди и бесстрастно наблюдал за ней. Но и с закрытыми глазами она остро чувствовала его присутствие и представляла, что пройдет еще несколько минут, и она даст ему выпить вина, куда подсыплет щепотку земляного корня. Минуло уже несколько дней с тех пор, как Хьюго в последний раз отведал этого безумного зелья. Она ощущала потребность — это было как покалывание и дрожь в кончиках пальцев — снова потянуть за ниточки и заставить любовника плясать, повинувшись ее воле и собственной похоти. О, на этот раз она вынудит его ползать за ней, умолять вкусить ее тела. Не открывая глаз, Элис улыбнулась. Она не позволит Хьюго называть ее глупой девчонкой и дурой, он заплатит за это своей мучительной страстью.

Стук в дверь напугал обоих, и она не успела начать свои сладострастные заклинания.

— Госпожа Элис! — раздался голос Элизы Херринг. — Миледи проснулась и зовет вас к себе.

Элис снова натянула на плечи платье, разгладила складки юбки и отбросила с лица волосы.

— Пойду сидеть с твоей женой, — сердито произнесла она. — Передам, что к ужину она должна спуститься в зал. Если она откажется, то подвергнет всех нас опасности, мы рискуем получить новое оскорбление.

Лицо Хьюго оставалось непроницаемым.

— Не думаю, что тебе на твоем месте подобает учить леди Кэтрин, как себя вести, — отчеканил он. — Можешь просто сказать, что я прошу ее спуститься. И твои желания здесь ни при чем.

Непреклонность Хьюго вывела Элис из равновесия.

— Сегодня ночью... — начала она.

— Я пересплю с тобой, когда захочу, — резко оборвал он, — сегодня или в другой день. И это никак не связано с твоими обязанностями по отношению к леди Кэтрин. Ты не должна

заставлять ее ждать.

Элис кинула на него твердый взгляд, но Хьюго встретил его спокойно. В глазах милорда не было ни страха, ни любви. Потемнев от злости, она отложила в сторону гребень и отправилась к госпоже.

Леди Кэтрин возлежала в постели, откинувшись на мягкие вышитые подушки. После сна лицо ее было помято, глаза покраснели.

— Мне было так одиноко, — сообщила она сразу, без предисловий.

— Сочувствую вам, — отозвалась Элис, подавляя враждебность.

В комнате было нечем дышать. Окна выходили на восток и на двор замка, и днем в помещении было довольно темно, несмотря на то что на золотисто-голубом небе светило солнце. Кэтрин распорядилась подбросить в камин побольше дров; на столе ярко горели свечи. В воздухе стоял густой запах какой-то кислятины. Рассыпанные по полу ароматные травы высохли. В шкафу был страшный беспорядок: тарелки с засахаренными фруктами, горшочки с кремами и бальзамами, пузырьки с духами, лежащий на боку кубок, какие-то прилипшие к полке объедки и пустой кувшин из-под эля.

— Мне приснился дурной сон, — пожаловалась миледи. — Будто Хьюго бросил меня и уехал в Лондон. Бросил ради королевского двора и политики. — Она слегка всхлипнула. — Как и мой отец.

Присев на кровать, Элис взяла пухлую и влажную руку госпожи.

— Не расстраивайтесь, — успокоила она. — Никуда он не уехал и уезжать не собирается. Вам надо думать о ребенке. Для него нехорошо, если вы будете все время плакать. Ваш муж здесь, он спокоен и счастлив. У него и в мыслях нет вас покидать. К тому же Генрих — король добрый и благородный. И с Хьюго при дворе ничего плохого не случилось бы.

Лицо миледи покраснело, капля пота скатилась между пышными грудями под рубашку.

— У меня болит спина, — капризно протянула она. — Ужасно ломит.

— Вы весь день так и пролежали в постели, Кэтрин? — спросила Элис, стараясь скрыть раздражение.

Миледи кивнула.

— Если откажетесь от прогулок, — продолжала Элис, — то совсем растолстеете и будете постоянно чувствовать себя разбитой... и, разумеется, все у вас будет болеть. Давайте я помогу вам подняться.

— Я не могу ходить, — нетерпеливо пояснила Кэтрин. — Я хромаю. У меня болят лодыжки и коленки. Ноги постоянно ноют. Ты просто не понимаешь, Элис. Я оказалась слишком старой для вынашивания ребенка. У меня нет больше сил. — Она засопела носом, снова всхлипнула и повторила: — У меня нет больше сил.

Наклонившись, Элис погладила ее лоб, отводя назад прилипшие к щекам пряди каштановых волос.

— Не желаете принять ванну? — предложила она. — Я прикажу, и вам принесут ванну с горячей водой, я положу в нее лекарственные травы, которые снимут усталость. Помою вам голову, а вы наденете перед ужином красивое платье. И вам станет гораздо легче. Хотите?

Кэтрин подставляла лицо ласковой ладони Элис.

— Да, — согласилась она, как ребенок, который старается угодить взрослому. — Хорошо. Вели принести ванну.

Элис отправила служанку с наставлениями: немедленно притащить в спальню леди Кэтрин самую большую ванну и задрапировать ее тончайшими тканями; простыни для заворачивания и для вытирания должны быть тщательно просушены. Сама Элис пошла к себе за сухими цветами и вербеновым маслом для ванны, которое хранила поближе к огню — для запаха.

Когда она вернулась в свою комнату, Хьюго дремал на кровати, положив пыльные сапоги прямо на покрывало. Услышав скрип двери, он лениво открыл один глаз, но даже не пошевелился.

— Что ты делаешь? — поинтересовался он. — Кэтрин хорошо себя чувствует?

— Капризничает, — ответила Элис. — Надеюсь, горячая ванна немного ее успокоит. Она говорит, что все покинули ее, оставили на весь день одну. Она так и не одевалась и даже не умывалась сегодня. Я сделаю ей ванну, вымою голову и помогу одеться к ужину.

— Угу, — промычал Хьюго.

Потом потянулся и снова закрыл глаза. Новое покрывало было все испачкано грязью с его сапог.

Секунду Элис в нерешительности постояла перед ним; ей было обидно. «Все в этом замке делают, что пожелают, — подумала она. — Хьюго лежит и мечтает о глупенькой белокурой крестьянке. Кэтрин принимает ванну, когда захочет. Только мне приходится бегать между обоими». Не проронив ни звука, она взяла травы и масло и отправилась обратно в комнату госпожи. Элиза сопровождала ее, придерживая перед ней двери.

Огромная ванна уже стояла перед камином, задрапированная красивой тканью и до краев наполненная водой, от которой шел пар. Элиза положила рядом травы и масло и, повинувшись кивку Элис, помогла госпоже выбраться из постели.

Ноги Кэтрин стали еще хуже. Кожа вокруг коленок и лодыжек побелела и распухла. Большой живот выступал вперед, выставив торчащий пупок. Пронизанные синими венами груди туго налились. Соски опухли, потемнели и напоминали синяки. Руки тоже опухли, и обручальное кольцо глубоко врезалось в палец. Элис взяла ее ладонь и спросила:

— Здесь вам больно?

Кэтрин кивнула.

— Кольцо стало мне тесным. Чувствую, как пульсирует кровь.

Держа руку госпожи, Элис обхватила ее за широкую талию и помогла опуститься в ванну. Кэтрин погрузилась в воду и вздохнула от удовольствия, как выброшенный на берег кит, который наконец вернулся в родную стихию. Затем знахарка обратилась к Элизе:

— Принеси свою лютню и спой нам что-нибудь.

Миледи оперлась головой о край ванны. Элис сложила одну из простыней в плотный квадрат и подоткнула ей под голову и под твердую белую шею.

— Вот так, — сказала она. — Так вам будет удобней.

Леди Кэтрин закрыла глаза, но губы ее все еще дрожали.

— Я так устала, — пожаловалась она, — так устала.

Зажав в горсти размякшие, пропитавшиеся водой травы, Элис мягкими, круговыми движениями стала растирать ей плечи. Кэтрин вяло подняла одну руку, потом другую, чтобы удобней было тереть и мыть ее. Элис с маслом помассировала каждый палец и осторожно потянула на себя обручальное кольцо; оно сидело туго и не поддавалось. «Придется, видимо, вызывать кузнеца, — подумала Элис, — который как-нибудь распилит его и снимет».

Ворча, Кэтрин наклонилась вперед — большой живот мешал ей, — и Элис стала тереть ей спину. Потом она зашла с другой стороны и по очереди подняла и вымыла обе ноги. Мышцы казались мягкими и рыхлыми на ощупь. Лодыжки так сильно опухли, будто там было растяжение связок, и обе коленки тоже. Элис сильно сжала их, но Кэтрин почти ничего не почувствовала. Пальцы Элис оставили темно-красные пятна.

Настроив лютню, Элиза тихонько напевала. Миледи, закрыв глаза, лежала на спине, Элис держала в руках ее распухшую белую ногу, растирала подошву и ощущала, как поднимается вверх и струится из пальцев ее целебная сила. Она улавливала внутреннюю неуравновешенность Кэтрин, расстройство в ее теле, что-то нездоровое, что-то такое, что отравляло ее организм. Она подняла и помассировала другую ногу, предварительно помазав маслом.

Закончив с ногами, Элис встала у изголовья ванны и начала осторожно поливать водой густые каштановые волосы Кэтрин, потом намылила ей голову, добавила масла и легонько потерла, обращая особое внимание на макушку и на виски, и наконец промыла волосы чистой водой.

И совершилось почти чудо: только что Кэтрин сидела в ванне с лицом недовольного ребенка, а тут вдруг щеки ее порозовели, глаза заблестели, словно искусные руки Элис вернули ее к жизни. Когда Элиза кончила петь, Кэтрин вполголоса промурлыкала несколько строк, махнула рукой и распорядилась:

— Спой еще раз!

Фамильярно подмигнув Элис, Элиза снова взяла в руки лютню и повторила песню от начала и до конца. Госпожа глубоко вздохнула от наслаждения.

— Вода уже почти остыла, — заметила Элис. — Пора вылезать, Кэтрин, иначе вы можете простудиться.

Элиза отложила лютню и открыла дверь подошедшей служанке. Затем девушки расправили нагретые простыни и обернули миледи.

— Уберите все здесь, — приказала Элис служанке и Элизе.

А сама уложила Кэтрин на кровать и тщательно, досуха вытерла ей лицо, руки и плечи, сопровождая это легкими похлопываниями. Потом расчесала ее густые каштановые волосы и разбросала их вокруг головы, чтобы они скорей высохли и не спутались.

Кэтрин, покрасневшая и распаренная, напоминала разрисованную статую. Элис опустила полог и полностью задернула кровать. Пришли мужчины и забрали ванну.

Когда они удалились, переругиваясь и расплескивая воду, в комнате стало совсем тихо. Элис снова подняла полог, и Кэтрин увидела камин, где потрескивали и пылали ярким пламенем дрова, распространяя приятный запах благовоний, которые принесла Элис. Миледи заулыбалась и закрыла глаза.

Распахнулась дверь, и в комнате появился Хьюго. Он приблизился к кровати и положил руку на талию Элис, хотя она и отшатнулась в сторону.

— Как вы себя чувствуете, миледи Кэтрин? — ласково обратился он к супруге.

Веки Кэтрин задрожали, глаза открылись. Увидев мужа, она так и засияла от радости и воскликнула:

— Хьюго! Как долго тебя не было со мной!

— Я совсем забыл о своем долге перед тобой, — вздохнул он. — Я оставил тебя, и тебе пришлось самой заботиться о себе и о ребенке, и вот Элис говорит, что ты не выполняешь необходимого моциона.

Посмотрев на Элис, миледи улыбнулась и ответила:

— Она очень хорошо за мной ухаживает.

— И у нее просто удивительные руки, правда, Кэтрин? — спросил Хьюго.

Элис бросила на него быстрый взгляд. Он улыбался, и в этой улыбке чувствовался какой-то странный жар. Она сразу поняла, что его терзает похоть. Она напряглась и снова попыталась отойти в сторону. Но Хьюго продолжал все так же улыбаться, хватка его усилилась.

— О да, — согласилась Кэтрин. — Она терла мне ноги и спину, массировала голову. Она одними пальцами может излечить человека, ее прикосновения — просто чудо.

Даже через одежду Элис ощущала, что Хьюго пылает как в лихорадке. Вокруг нее сгущалась опасность, клубилась по углам комнаты и подкатывала все ближе, как дым горящего леса.

— Мне лучше оставить вас вдвоем, — заявила она. — Пойду распорядюсь, чтобы ужин вам подали сюда.

— Нет, — отрезал Хьюго, не отрывая глаз от порозовевшего, спокойного лица жены. — Знаешь, Элис, мне пришла в голову мысль понаблюдать, как ты массируешь мою супругу этим своим маслом.

Миледи широко распахнула глаза, но промолчала.

— Так делать не подобает... — начала было Элис.

— Сделаешь, — перебил Хьюго. — Ты всегда делала то, что мне хочется. А сейчас мне хочется именно этого.

Он снял с Кэтрин простыню и откинул в сторону. Миледи, довольная его вниманием после нескольких недель пренебрежения, лежала неподвижно, выставив перед его блуждающим взором свое обрюзгшее, бледное тело с раздутым животом.

— Я нравлюсь тебе? — робко промолвила она.

— Да. — Хьюго опустил руку на холм ее живота и добавил: — Но больше всего мне нравится вот это.

Он обернулся к знахарке, которая застыла в нерешительности, и поторопил:

— Давай же, Элис, начинай. Это был приказ.

Медленно подойдя к столу, она плеснула на руки лавандового и миндального масла и

потерла ладони друг о друга, разогревая пальцы. Она лихорадочно соображала, как убежать, как спастись от них, как выбраться из этой комнаты и оказаться в безопасности галереи, где остальные дамы сидели вокруг огня и болтали о происшествии на сенокосе. Огибая кровать с другой стороны, она быстро посмотрела на Хьюго. Его темные глаза сверкали. Казалось, сейчас он способен на что угодно. Элис ощущала угрозу так же ясно, как струйку дыма от искры, запалившей стог сена.

Осторожно и мягко она начала втирать масло в белые, пухлые плечи Кэтрин и в ее руки. Миледи приподняла голову, подставив толстую шею, закрыла глаза и лежала неподвижно.

Слегка посмеиваясь, Хьюго направился к двери. Элис услышала, как щелкнул замок, когда он повернул ключ, потом донеслось шуршание сбрасываемого камзола. Когда Хьюго снова появился у кровати, рукава его рубахи были закатаны, а в пригоршнях блестело масло.

— Я стану делать то же, что и ты... глядишь, и сам научусь твоему искусству.

Его голос был подобен шелесту шелка. Элис чувствовала, как нарастает его похоть, и старалась на него не смотреть.

Он тоже массировал плечи и шею Кэтрин, и ее соски затвердели.

— Теперь немного пониже? — весело предложил Хьюго.

Мягкими и осторожными касаниями Элис стала поглаживать ниже, там, где начинались пышные груди. Хьюго в точности повторял все ее движения. Кэтрин слегка выгнула спину, ее живот поднялся, и груди подвинулись к их ладоням.

Лорд усмехнулся. Рука его уверенно направилась вниз; Элис увидела, как ее любовник накрыл мягкую грудь своей жены, и прошептала:

— Сейчас мне лучше уйти.

Она не могла отвести взор от его рук, уверенно ласкающих грудь Кэтрин. Та вздыхала от удовольствия, глаза ее были закрыты.

— Делай, что делаешь, Элис, — скомандовал Хьюго. — Давай-давай.

Он озорно улыбался, глядя прямо в напряженное, встревоженное лицо девушки. Она осторожно погладила верхнюю часть груди Кэтрин.

— Я приказываю тебе, слышишь? — тихо произнес Хьюго.

Ладонь Элис скользнула вниз, дотронулась до мягкого соска, и тот отреагировал на это приятное прикосновение, мгновенно отвердев. Кэтрин тихо застонала и пробормотала:

— Еще.

— Давай же, сделай это, — потребовал Хьюго.

Он потянулся через Кэтрин, взял другую руку Элис и положил ее на вторую грудь миледи. Почувствовав прикосновение, Кэтрин улыбнулась, ее лицо расплылось от удовольствия и в тусклом свете свечи казалось даже красивым. Элис нежно, круговыми движениями поглаживала горячие груди Кэтрин, ладонями потирала соски и вдруг ощутила потребность прижать их крепче, теревить это теплое, раздувшееся тело, щипать, разглаживать эту только что вымытую кожу, видеть, как госпожа извивается под ее ладонями, как растет ее возбуждение.

— Я должен признаться вам, миледи, что я спал с Элис, — вдруг сообщил Хьюго.

У девушки перехватило дыхание, и она замерла, но Кэтрин не отвлеклась на слова супруга, она закинула голову назад, груди ее толкались вверх, отвечая на ласки, ее охватило жадное чувственное желание.

— Я не смог ей противиться, — ласково продолжал Хьюго. — Она такая аппетитная, ни одна самая опытная шлюха с ней не сравнится.

Засмеявшись каким-то горловым, задышающимся смехом, Кэтрин ответила:

— Ты можешь получать удовольствие там, где хочешь, Хьюго. Ты ведь мужчина. Ты господин. Ты должен иметь все, что пожелаешь.

— Я уйду, — резко заявила Элис.

Она повернулась к двери, но Хьюго опередил ее. Он преградил ей путь, и она остановилась перед ним, яростно сверкая глазами. Прежде Элис никогда не видела у Хьюго такой бесшабашной и мерзкой улыбки.

— Вернись, Элис, — велел он.

Секунду она колебалась, и тогда он мягко взял ее за плечи и повернул обратно к растянувшемуся на кровати пышному телу. Кэтрин с улыбкой открыла глаза; казалось, она готова проглотить Элис. Девушка содрогнулась — частью от отвращения, а частью и от растущего и совершенно ненужного желания. Она попала в ловушку и теперь потакала похоти Хьюго и его капризам, а ведь прежде сама загоняла его в такую же ловушку.

Он легко подтолкнул ее к кровати со словами:

— Дотронься до нее, Элис. Прикоснись к моей жене еще раз. Можешь погладить ее, даже ущипнуть или шлепнуть. Мне кажется, тебе очень хочется шлепнуть ее. И она будет совсем не против. Кэтрин это любит.

Он снова подтолкнул Элис, она наклонилась и провела скользкой, масляной ладонью от толстой шеи миледи вниз к ее жирной груди. Та тихо застонала и протянула к ней руки.

Проворные пальцы Хьюго пробежали по спине девушки, развязывая и быстро распуская шнуровку платья. Протестуя, она выпрямилась, но Кэтрин, не открывая глаз и все еще улыбаясь, поймала ее руку и снова притянула к своей теплой мягкой груди.

— Натирай же, — промолвила она. — Натирай сильнее, слышишь, Элис?

Гнусно усмехнувшись, как усмеваются испорченные мальчишки, Хьюго еще сильнее обнял Элис за талию и с едва слышным шорохом потянул за шнуровку. Зеленый корсаж с широкими рукавами упал на пол. Хьюго спустил вниз белоснежную полотняную сорочку, обнажив руки и грудь Элис. Она издала негромкий негодующий возглас.

— Это мое платье, — напомнил Хьюго. — Новое зеленое платье. Я подарил его, чтобы иметь возможность снимать, мы об этом с тобой договаривались.

Он распустил шнурки верхней юбки и бросил дорогую парчу на пол. Потом развязал шнурки зеленой шелковой нижней юбки, и она кольцом свернулась у ног Элис. Девушка стояла в спущенной по пояс тонкой сорочке, склонившись над кроватью, Кэтрин держала ее руки, а за талию крепко ухватил Хьюго.

— Полезай на кровать, — скомандовал он и легонько подтолкнул ее, а когда она не

послушалась, толкнул сильнее. — Я не шучу. У тебя нет выбора, госпожа Элис.

В его голосе звучала недвусмысленная угроза. Против воли она забралась на кровать и легла рядом с Кэтрин. Та повернула к ней довольное лицо и проворковала заплетающимся от желания языком:

— Какая ты хорошенькая, Элис. Хьюго, сними с нее рубашку. Раздень ее, слышишь?

Одним быстрым движением милорд сорвал с ее бедер рубашку. Кэтрин протянула к ней руки и подтащила к себе поближе.

— Я не смогу вам вставить, миледи, — хрипло произнес Хьюго. — Это было бы вредно для ребенка и для молока тоже. Но надеюсь, удовольствие я вам доставлю.

Кэтрин засмеялась счастливым, радостным смехом.

— Ты нарочно привел сюда свою содержанку? — шутливо упрекнула она его. — Хьюго, какой же ты нехороший! Привел ко мне свою наложницу, чтобы она ласкала меня своими серебряными пальчиками.

— Да, такой вот я нехороший, — усмехнулся милорд.

Они общались так, словно заигрывали друг с другом, исполняя некий утонченный ритуал. Элис между ними вся дрожала и, когда пахнущее благовониями влажное тело Кэтрин придвинулось к ней, отпрянула.

— Она соблазнит и святого, как думаешь, Кэтрин? — приглушенным голосом спросил Хьюго.
— Ты ведь не станешь винить меня, что я не устоял перед искушением?

Он взял Элис за волосы и оттянул ее голову назад. Потом прижал губы к ее губам, и она почувствовала, как его язык бесстыдно лезет ей в рот; Кэтрин со жгучим вниманием наблюдала за этим долгим жадным поцелуем. Элис ощутила внутри нарастающее возбуждение и не поверила своим ушам, услышав тихое восторженное хихиканье миледи.

Наконец Хьюго отпустил ее.

— Видишь, Кэтрин, — сказал он, — я ничего от тебя не скрываю, у меня нет от тебя тайн. Ты моя супруга и госпожа! А это моя наложница.

Миледи взяла вялую руку Элис и снова положила себе на грудь.

— Ласкай же меня, — приказала она. — Ласкай, как ласкала раньше.

— Я не стану это делать, я вам не игрушка! — возмутилась Элис.

Она старалась говорить твердо, но ее голос звучал слабо, от твердости осталось одно только раздражение. Она чувствовала, как ее сила уходит, эти двое высасывали из нее всю силу. Она отодвинулась, пытаясь освободиться от железной хватки Кэтрин, но Хьюго уже вскочил на кровать позади нее и подвинул обратно. Его руки протиснулись под ее талией и стали ласкать ее грудь. Элис сразу узнала эти ладони, теребящие отвердевшие соски. А руки Кэтрин уже были на ее животе, пальцы миледи бегали, слегка пощипывая и лаская ее кожу.

— Не надо, — еле слышно пробормотала Элис.

Хьюго понял, что она уже уступает. А в ней нарастало желание уступить, отдаться обоим, позволить делать с собой все, что угодно. Словно они были двумя богатыми, избалованными детьми, а она — их новой игрушкой, которой они могли забавляться, а могли и сломать. Она

была для них ничего не стоящей вещью, ничтожеством, которое они могут раздражить, обидеть и оттолкнуть. И если эти двое заиграются так, что сломают ее, разорвут на куски своими жадными ртами и сильными пальцами, это будет справедливо. Она получит сполна то, что заслужила.

— Не надо, — тихо повторила Элис.

Радуюсь, что она поддается, что уже согласна на все, Хьюго засмеялся и нежно прошептал:

— Ах ты, шлюшка моя. Думаю, Элис, тебе самой интересно, как низко ты можешь пасть.

Он подтолкнул ее вперед, его твердый член уперся ей в спину. Она перегнулась через большой живот Кэтрин, уткнулась носом в ее жирные груди и кончиком языка стала ласкать соски. Язык Элис покрылся тонким слоем масла со сладким, пикантным привкусом. Ей казалось, что она попала в какой-то кошмар опьяняющих, тошнотворных, новых для нее вкусовых ощущений и запретных эмоций.

Прикосновения девичьего языка заставляли Кэтрин содрогаться от наслаждения, она крепко обняла Элис и притянула к себе. Потом взяла ее руку и опустила себе между ног. Передергиваясь от противоречивого чувства отвращения и похоти, Элис нащупала густые волосы на лобке миледи, а ниже — глубокую, скользкую, сочащуюся жидкостью щель. Ее ноги между бедер тоже увлажнились и стали липкими.

Кэтрин учащенно дышала. Руки ее все настойчивей двигали ладонью Элис, она изогнула спину и со стонами ввела в себя ее пальцы. Не в силах совладать с отвращением и желанием, девушка тихо охнула. Она была зажата между Кэтрин и Хьюго. Кэтрин корчилась и изгибалась под ней, а Хьюго атаковал сзади. Оба играли с ней, как две злобные кошки с мышью. И в то же время Элис испытала огромный прилив желания, ей было мучительно приятно лежать между ними, ощущая, как рука Кэтрин то елозит по ее груди, то, вызывая ужас и восхищение, — между ног. Хьюго терся о ее спину твердым и скользким от ее влаги членом, готовым проткнуть насквозь, затем встал сзади на колени и яростно вонзил в нее член. И в ту же секунду Кэтрин схватила Элис за руку, завертела задом, толкая ее пальцы в свою горячую и влажную плоть, и вдруг засунула в себя чуть ли не всю ее ладонь.

Издавая сладострастные стоны, Кэтрин и Хьюго ритмично и в унисон дергали бедрами, как опытные любовники, которые хотят достичь кульминации одновременно. Элис, сама возбужденная собственным желанием, внезапно обезумела, крутилась и извивалась между ними, но Хьюго уже ослаб и успокоился, член его съезжился и отпустил ее.

Кэтрин откатилась в сторону, дыша глубоко и легко, она порозовела и обмякла. Хьюго шумно вздохнул и уткнулся лицом в подушку. Элис молчала, она не была удовлетворена, внутри все клокотало от ярости. Пальцам руки было больно — Кэтрин чуть не сломала их, яростно всовывая в свою дыру. Тело пылало и ныло от боли, между ног было мокро, и ей хотелось еще.

Она посмотрела на одного, потом на другую: оба довольно улыбались. На нее не глядели, им было все равно, неудовлетворенное, болезненное желание Элис их нисколько не трогало. И чувства Элис их не волновали. У нее осталось лишь ощущение, будто она только что предавалась грязному разврату. Кэтрин подтянула на себя одеяло, лицо ее обмякло, она насытилась, расслабилась и теперь быстро уснула.

В горящем камине что-то тихо щелкнуло, в комнате пахло приятным ароматом лимонной вербены. Все трое — две обнаженные беременные женщины и полуодетый молодой лорд — лежали неподвижно. Лорд и его жена крепко спали.

Кэтрин спустилась к ужину в большой зал в своем бледно-розовом платье; пухлая, как пудинг, с распущенными по плечам волосами, она была весела и румяна, улыбалась и очень хотела есть. Они вошли в большой зал рука об руку с Хьюго, и присутствующие дружно приветствовали их одобрительными криками. Заняв свое прежнее место, Элис высокомерно поглядывала на дам, как бы предупреждая: той, которая осмелится насмехаться над ней, сильно не поздоровится.

— С возвращением, — не удержалась неугомонная Элиза.

Элис холодно посмотрела в ее сияющие глазки и спокойно произнесла:

— Я очень рада разделить с тобой трапезу... и с остальными тоже. Главное, помните: я жду от Хьюго ребенка, нашего сына; каждая из вас отдала бы за это свое годовое содержание. Не забывайте и о том, что, когда Кэтрин снова сляжет, я буду сидеть рядом со старым лордом, ведь я у него любимица. Так что для всех вас я не просто Элис, а госпожа Элис. Мое положение может меняться, но даже в худшие времена оно так высоко, что вам и не снилось.

Дамы уткнулись в свои тарелки и хлебали суп молча. Элис не стала больше нарушать надолго повисшую тишину. Она наблюдала за Хьюго. Как давно это было, когда она сидела здесь рядом с Морой, не отрывая взора от его спины, и страсть ее была так сильна, что ей казалось, она сейчас не выдержит и умрет. Теперь она разглядывала его плечи, эту шею и затылок с безмолвной ненавистью.

— Что же вы ничего не кушаете, госпожа Элис? — обратилась к ней Рут.

Элис опустила глаза в тарелку. Суп уже успел остыть, в нем плавали толстые куски сала. Она сделала глоток вина: в оловянной чаше оно имело металлический привкус. Управляющий Дэвид проследил, чтобы место ей сервировали оловянной посудой, как и остальным дамам. Стеклянные бокалы ставили только на главный стол, а она теперь утратила право сидеть там.

— Я не голодна, — коротко ответила Элис. — Попрошу Хьюго, он распорядится прислать мне что-нибудь в комнату.

Она поднялась и направилась прямо к главному столу, к старому лорду.

— Мне надо покинуть ужин, — прошептала она ему на ухо. — У меня что-то болит внутри и немного подташнивает. Мне лучше уйти к себе.

Он посмотрел на нее добродушно, но его улыбка свидетельствовала о том, что мысли Элис для него — открытая книга.

— Ну что ты такая завистливая, ведьмочка? — тихо промолвил он. — Ты же здесь вторая после Кэтрин. Мы всегда тебе говорили об этом. Вернись на место, ешь и пей из оловянной посуды. Когда-нибудь она снова не спустится к ужину, и ты будешь царить здесь. Но когда она хочет сидеть с нами, ты должна занять свое место, то, которое положено тебе по статусу.

Элис бросила быстрый взгляд на Хьюго. Тот слушал, как кто-то из глубины зала, напрягая голос, рассказывает анекдот. Поняв его соль, молодой лорд откинул голову назад и громко расхохотался.

— Нет, — отрезал его светлость, проследив за ее глазами. — Мое решение обжалованию не подлежит. Хозяином здесь остаюсь я, Элис. Иди и сядь, где тебе велено.

Девушка улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой.

— Хорошо, милорд. Просто я не хотела своим нездоровьем портить веселье и радость нашим дамам. Но если вы так желаете, конечно же, я посижу с ними.

Лорд Хью окинул взором кислые физиономии дам и резким лающим голосом рассмеялся — они изо всех сил старались услышать, что это Элис с ним обсуждает.

— Господи, Элис, делай что угодно, — снисходительно разрешил он. — Так и быть, пощадим веселье и радость этой компании. Иди к себе, но в следующий раз ты останешься с этими глупыми курицами.

Сделав реверанс, Элис покинула зал через завешанную гобеленом дверь. Уходя, она успела посмотреть на Элизу, поймала ее взгляд и вспомнила свой первый обед в замке, когда ей сообщили, что никто не имеет права покидать свое место раньше господ.

— Дела у меня сейчас получше, чем тогда, — мрачно произнесла Элис.

Поднявшись по ступенькам, она вошла в дамскую галерею, подвинула кресло поближе к огню и села.

— Сейчас мне лучше, чем у Моры в хибарке.

Она подбросила в огонь еще одно полено и теперь наблюдала, как летят вверх искры.

— Я всем показала, кто я такая, — рассуждала она. — Поначалу я была никем, а теперь все обращаются ко мне «госпожа Элис», и у меня двенадцать собственных платьев. Новых платьев у меня не меньше, чем у самой Кэтрин.

Тишина в комнате давила.

— Я всем показала, кто я такая, — повторила она.

Минуту она молчала, глядя на огонь, затем негромко добавила:

— Теперь они считают меня содержанкой Хьюго. И сегодня я действительно стала его содержанкой. И все об этом знают.

ГЛАВА 24

Когда остальные поднялись в галерею, Элис находилась в своей комнате. До нее долетали веселая болтовня и смех, стук кувшина об оловянные кружки. Она сидела за плотно закрытой дверью перед своим маленьким камином и слышала, как поет Элиза, а остальные играют в карты. Шум постепенно стихал, дамы одна за другой извинялись и расходились по комнатам. Потом донесся голос Хьюго, он пожелал кому-то спокойной ночи. Она все сидела перед камином и ждала.

Но он так и не появился.

Рано утром, когда было еще совсем темно, а на западе висела луна, Элис завернулась в шаль, встала, отворила дверь и осторожно выглянула. Огонь в галерее погас, угли в камине остыли. Дверь в комнату Кэтрин была закрыта. Не было слышно ни единого звука.

На минуту Элис остановилась перед холодным камином, вспомнив ту ночь, когда она сидела здесь, охваченная страстью к Хьюго, а он вышел из комнаты жены, обнял ее и признался в любви. Девушка поежилась. Это было давно, очень давно. Мощные силы магии еще не взяли

над ней верх, она еще не занималась блудом с Хьюго и верила каждому его слову.

Подкравшись к двери Кэтрин и осторожно повернув ручку, она слегка приоткрыла дверь, заглянула в щелку и услышала глубокое размеренное дыхание. Как призрак, она проскользнула в комнату и внимательно осмотрелась.

Внутри было темно. Свечи не горели, огонь в камине потух. Узенькое окошко выходило во двор и в парк, в темном небе не видно было ни луны, ни звезд. Элис сощурилась, пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

Кэтрин раскинулась на большой, высокой кровати, ее огромный живот горой вздымался под одеялом. Одну руку она забросила над головой, и Элис был виден густой пучок темных волос у нее под мышкой. Другой рукой она обнимала лежащего рядом мужчину. Элис подобралась поближе и увидела, что это Хьюго. Повернувшись на бок, он крепко спал, уткнувшись головой в шею жены и властно обняв ее одной рукой. Так обычно спят супруги. Так обычно спят любовники. Элис, не двигаясь, разглядывала их, прислушивалась к их мирному, спокойному дыханию. Она смотрела на них так, словно вбирала в себя их дыхание и убивала их силой, дарованной ревностью, разочарованием и обманутыми надеждами. Хьюго пошевелился во сне и что-то пробормотал.

Нет, не ее имя.

Миледи улыбнулась и подвинулась к нему поближе; даже в темноте Элис заметила в этой улыбке спокойную радость. И снова оба замерли и лежали спокойно.

Потихоньку Элис притворила за собой дверь и на цыпочках вернулась через пустую холодную галерею в свою комнату, там подвинула кресло поближе к огню, закуталась в шаль и стала ждать рассвета.

В утренних сумерках, когда солнце еще не взошло, но небо уже прояснилось и порозовело на горизонте, обещая солнечный день, Элис поднялась и открыла сундук, где у нее хранились принадлежности для колдовских обрядов. В самом углу был спрятан старый мешочек Моры с костями, на которых были вырезаны руны.

Девушка обернулась. Дверь была заперта, все в замке спали. Она выглянула в узкую бойницу. В неярком утреннем свете над рекой струился туман. Он все сгущался и уже клубился, словно облака. Элис вздрогнула: одно из них здорово напоминало женщину, седоволосую старуху с накинутой на плечи шалью.

— Нет, — прошептала Элис, сразу узнав ее. — Я не звала тебя. Мне нужны только твои руны, мне важно узнать свое будущее. Улетай, я не звала тебя. Оставайся в воде. Я не желаю тебя видеть. Мы обе пойдем, когда придет время для нашей встречи.

Так она стояла, пока туман не отхлынул; вот он поредел, снова расслоился и успокоился, и только тогда Элис отошла от окна и села на коврик перед камином.

Она потрясла мешочком, как игрок трясет стаканчиком, и одним движением выбросила кости перед собой. Закрыв глаза, она вслепую выбрала три кости; выбирала сосредоточенно, держа ладонь над каждой, прежде чем взять ее или потянуться к другой.

— Мое будущее, — начала гадание Элис. — Хьюго просто пользуется мной, я для него содержанка и шлюха, теперь я здесь никто. Меня это не устраивает, мне нужно больше. Раскройте мое будущее.

Она разложила в ряд три кости, а остальные убрала в мешочек. Первая лежала лицом вниз, сверху на ней ничего не было. Элис перевернула ее, но и на лицевой стороне было пусто.

— Один, — встревожилась девушка. — Небытие. Смерть.

Вторая тоже была пуста. Элис покрутила ее в руках и пробормотала:

— Но это невозможно, двух пустых рун не должно быть. Пустая только одна, на всех остальных есть знаки.

Она перевернула третью кость. И та тоже оказалась пустой и плоской с обеих сторон. Элис сидела не двигаясь с тремя безликими костями в руке. Она подняла голову и посмотрела в сторону бойницы. Потом подошла. Туман над рекой дрожал, клубился и снова принимал облик покойницы.

— Так ты все знала, — тихо сказала Элис, не отрывая от нее глаз. — Ты говорила мне, да я не слышала. Ты говорила про смерть. Смерть была в твоих рунах. Я спросила: «Скоро ли?», а ты решила не отвечать. Теперь и для меня твои руны пустые.

Элис вытряхнула из мешочка остальные кости, и они рассыпались по полу. Все были гладкие, как отполированный череп, ни на одной не было ни единой отметины.

Ее затрясло, словно к ней вплотную подступили холодные воды реки, словно зеленоватая влага добралась до ее подбородка и вот-вот хлынет в рот. Торопливо собрав кости, она сунула их в мешочек, а мешочек швырнула в угол сундука. Затем плотней закуталась в шаль и легла на постель. Она так дрожала, что никак не могла уснуть.

Хьюго уехал еще на рассвете. Кэтрин допоздна оставалась в постели. Когда Элис с красной накидкой на плечах появилась в галерее, лицо ее было невозмутимым и спокойным. Дамы оценивающе на нее посматривали.

— Я отправляюсь в пустошь, — сообщила она Элизе. — Займусь сбором трав для госпожи. Она хорошо спала?

— Да, — ответила Элиза. — А когда вы вернетесь?

Элис смерила ее холодным взглядом.

— К ужину. Пообедаю в пустоши, возьму с собой чего-нибудь.

— Я провожу вас до конюшни, — вызвалась Элиза.

Они спустились, пересекли зал и через главный вход вышли в парк. Элиза семенила, едва успевая за Элис; они миновали ворота, мост и по заросшей лужайке направились к конюшням.

— Какая хорошенькая кобылка! — с завистью воскликнула Элиза, когда мальчишка-конюх вывел лошадь из стойла.

— Да, — с мрачным удовлетворением отозвалась Элис. — Хорошенькая, это верно. На нее потратили кучу денег.

Она щелкнула пальцами конюху.

— Сбегай на кухню, принеси какой-нибудь еды. Пообедаю в пустоши.

Парень отвесил поклон и помчался к кухне.

— Хьюго всю ночь спал с Кэтрин, — доверительно доложила Элиза, понизив голос и глядя в

спину конюху.

— Знаю, — кивнула Элис.

— Он теперь к вам охладел? — любопытствовала Элиза.

— Я жду от него ребенка, — напомнила Элис. — Место мое прочно и надежно.

Приятельница смотрела на нее, и в глазах ее мелькнуло что-то похожее на жалость. Элис поймала ее взгляд и почувствовала, что краснеет.

— В чем дело? — спросила она строго. — Что-то не так?

— Ваше положение было бы прочней и надежней, если бы вы сочетались браком с тем солдатом, которого выбрала леди Кэтрин, — рассудительно заметила Элиза. — Если вы ищете прочных отношений, он был бы для вас в самый раз. Хьюго переменчив, как наша погода. Он снова вернулся к Кэтрин, а потом заведет себе еще кого-нибудь. Доверять ему нельзя, он по природе ненадежный.

Конюх уже торопился обратно, неся в руке небольшую кожаную суму. Он привязал ее к седлу и повел кобылу вперед.

— Ты вот это видишь? — Элис указала на лошадку. — Ведь это Хьюго купил ее для меня, разве не так? И платьев у меня полные сундуки. И ребенок дожидается у меня в чреве. Разве это не говорит о прочности моего положения?

Держа в руках сумку для трав, пока парень помогал Элис забраться на лошадь, Элиза пожала плечами.

— Нет, Хьюго все-таки ненадежный, — настаивала она. — Женщина, которая живет с ним как содержанка, должна иметь мешок сбережений, на всякий случай, мало ли что. Ты, Элис, высоко вознеслась, но теперь, возможно, катишься вниз.

— Для тебя я — госпожа Элис! — прикрикнула на нее Элис.

Она встряхнула подол красного платья, разгладила богатую вышивку на верхней юбке и взялась за поводья, глядя на приятельницу сверху вниз, как знатная дама на нищенку у своих ног.

— Для тебя я — госпожа, запомни это, — повторила она.

— А я считаю, что больше не госпожа, — возразила Элиза. — Ты катишься по наклонной. И еще я думаю, что падать тебе осталось недолго.

С каменным лицом Элис резко развернула кобылу к внешним воротам замка и пришпорила ее. Когда она проезжала мимо стражи, солдаты, отдавая ей честь, вскинули копья на плечо, но Элис и головы не повернула. Спустившись к подножию холма, на котором стоял Каслтон, она снова пришпорила лошадь, обогнула скалу, подпирающую замок, и, только переехав через мост на другой берег, где начиналась пустошь, замедлила ход. Дул такой сильный ветер, что трудно было дышать. Она натянула поводья и оглянулась на замок, на его красивые, величественные серые стены, освещенные солнечными лучами. Элис смотрела на него так, будто хотела проглотить, сожрать вместе со всеми лордами и леди, дамами и слугами и всем остальным — только так она могла бы насытить свой голод.

Наконец она развернула лошадь и устремилась в глубь пустоши.

Элис не собиралась навещать хибарку Моры, она просто направила кобылку к западу от

замка и ехала куда глаза глядят, без всякой цели. Травы были только предлогом, но когда живая изгородь по обеим сторонам дороги кончилась, а местность стала более дикой, Элис заметила на обочине небольшую кучку полевых цветов и остановила лошадь. Она спешила и нарвала пучок, обернула его большими листьями конского щавеля и, ведя лошадь на поводу, пошла через широкое поле к реке, глядя под ноги и стараясь не пропустить в густых зарослях какую-нибудь полезную травку или цветок.

Река, как всегда в летнее время, обмелела, течение было слабым, вода лениво струилась вдоль каменных плит, неподвижно стояла в глубоких коричневых торфяных омутах, стекала в расщелины в речном русле, чтобы в нескольких ярдах ниже вскипеть ключами и бежать дальше узким, пересыхающим ручейком. От одного из омутов вылетел кулик-красноножка и чистым голоском завел долгую красивую песенку. Дальше вниз по течению была пещера, где Мора нашла свою могилу. Элис подумала, что тело знахарки уже давно высохло и гниет, полное червей и окруженное тучами мух. Она поежилась и сделала усилие, прогоняя неприятные мысли.

Она все брела вдоль берега и вела за собой лошадь, стараясь не пропустить лекарственные травы или места, откуда смотрели на нее веселенькими невинными личиками незаметные луговые цветы. Сладкий запах чабреца кружил голову, колокольчики под постоянным ветерком пустоши кивали головками. Маленькие темные соцветия пеннинских фиалок качались из стороны в сторону, когда их касались длинные юбки красного платья Элис. Вдали на склоне на длинных стебельках волновались заросли белых, розовато-лиловых и синих цветов лугового сердечника. Элис все шла, будто хотела оказаться подальше от замка, оставить позади свое одиночество, свою беду, свою единственную любовь, которая обернулась горечью, как только она попыталась извлечь из нее выгоду.

Лошадка покорно плелась за ней, а Элис уходила от замка, от Хьюго, от своих бесконечных честолюбивых желаний. Глазами она искала целебные травы, а сама пребывала в смятении, не зная, что делать дальше. Бог обманул ее ожидания, колдовство загнало ее в ловушку. Элис, так твердо шагающая по знакомым дорожкам, погибла. Теперь, впрочем как и всегда, она остро испытывала только одну жажду — выжить во что бы то ни стало. За этим чувством пряталось другое: давнее горе из-за потери матушки Хильдебранды. Эта острая боль не погасла в ней, даже когда руны оказались пусты и Элис снова стала незаметной, как и всякая другая, обыкновенная женщина. В этот ясный, солнечный день, когда высоко в небе всюду заливались жаворонки, чибисы гнусавыми голосами вопрошали «чи-вы, чи-вы» и печально завывали кулики и кроншнепы, Элис пребывала в ином, собственном мире, где царили мрак, холод и беда.

Вдруг она резко остановилась — перед ней был глубокий омут, тот самый, что находился неподалеку от старой хижины Мора. Прикрыв глаза ладонью от яркого утреннего солнца, Элис посмотрела наверх, туда, где стояла хибарка. Вон она, и, кажется, совсем не изменилась. Сланцевая плитка, которой покрыта крыша, скоро совсем съедет вниз и будет беспорядочно валяться, единственное крошечное роговое оконце темно и подслеповато. Ни из окна, ни из двери не видно курящегося дымка. Элис подошла к дому и привязала лошадь к кусту боярышника, растущего возле огородной стенки и усыпанного бледными, чахлыми цветочками. Она подобрала юбку и протиснулась через узенькую овечью калитку. Овощные грядки Мора дали всходы, но успели зарости густым сорняком. С минуту девушка смотрела на них, вспоминая, как много месяцев назад, осенью, их сажала. Казалось странным, что Мора уже мертва, и довольно давно, а на ее грядке все еще растет репа. Дверь в хижину была не заперта, маленький крючок всегда держал ее плохо, и теперь она свободно болталась и стучала от легкого ветерка. Элис догадалась, что, наверное, какие-нибудь самые храбрые мальчишки из Боуэса пробрались сюда, открыли дверь, заглянули внутрь и, задыхаясь от страха, бросились врассыпную. И больше к этой хижине никто не осмеливался приближаться.

— А я рискну, — вслух произнесла Элис.

Но осталась на месте, словно чего-то ждала.

Дверь заскрипела и хлопнула. Внутри что-то тихо зашуршало. Девушка подумала, что это, скорей всего, крысы, разжиревшие на Мориных запасах зерна и устроившие себе норы в тряпье ее постели. Элис все ждала у порога, словно хотела услышать раздраженный голос Моря, которая велит ей не валять дурака и побыстрее заходить в дом.

Шорох внутри прекратился. Элис все еще медлила, не решаясь толкнуть дверь и переступить через порог. Она уже сомневалась, стоит ли, как вдруг из дома донеслось отчетливое шевеление. Внутри кто-то был, кто-то двигался. Это было не шуршание крысы или какого-то другого маленького животного. Раздались шаги, там кто-то ходил медленно и тяжело.

Элис невольно отступила и протянула руку к поводьям лошади. Шаги в доме стихли. Девушка открыла рот, чтобы позвать того, кто в лачуге, но не смогла издать ни звука. Лошадь замотала головой и прижала уши, словно почуяв охвативший Элис страх и жутковатый, потусторонний запах смерти, исходивший из хижины.

Снова послышался шум, будто кто-то подтаскивал табуретку поближе к огню. Элис отчетливо представила Мору, с которой стекает речная вода, посиневшую от холода, с распухшей плотью, пропитавшейся влагой за много месяцев; вот спадает уровень реки, и она выбирается из пещеры, вся мокрая, бредет вверх по течению к своему дому, там придвигает табуретку к давно остывшему очагу и протягивает раскисшие от воды руки к пустой решетке. Влажный запах смерти, казалось, тянулся из щелей входной двери. Элис снова представила себе, как полусгнившее тело Моря, окончательно разложившись во время дороги домой, кусками отваливается от ее костей, как Мора в темноте поджидает Элис, ждет, когда же воспитанница явится к ней и откроет скрипучую дверь.

От ужаса Элис даже негромко вскрикнула. Мора там, в доме, да, она ждет ее, минута сведения счетов настала.

Девушка поняла: если сейчас она повернется и побежит, то за спиной раздадутся быстрые хлюпающие шаги и она почувствует, как ледяная рука ложится на плечо.

С испуганным возгласом Элис шагнула вперед и рывком распахнула дверь. И сразу самые худшие кошмары стали реальностью.

Ей вовсе не показалось, что она слышит шум.

Ей вовсе не показалось, что она слышит чьи-то шаги в доме.

В полумраке хижины, сгорбившись перед очагом, сидела закутанная в плащ женщина. Как только дверь со стуком открылась, ее спина распрямилась, женщина обернулась.

Стуча зубами от страха, Элис сдавленно крикнула. В темноте лица не было видно, оно было скрыто капюшоном. Вот она встала и медленно направилась к Элис, все ближе и ближе; вот подошла к порогу и переступила его, подставив лицо солнечным лучам. Элис закрыла глаза, не желая видеть мертвенно-бледную, посиневшую и распухшую плоть, вдыхать отвратительное зловоние трупа утопленницы.

Но нет, это не Мора. Эта женщина выше ростом, немолодое белое лицо изрезано морщинами — это морщины страданий. Из-под капюшона выбиваются густые седые волосы. Глаза серые. Протянутые к Элис руки с худыми пальцами покрыты старческими пятнами. Они крупно дрожат, как бывает при параличе.

— Прошу вас... — с трудом произнесла женщина. — Прошу вас...

— Кто ты такая? — грубо спросила Элис, все еще не оправившись от страха. — Я думала, это Мора! Кто ты такая? И что ты здесь делаешь?

— Простите меня, — робко промолвила женщина; от старости или перенесенных невзгод ее голос звучал как надтреснутый колокол, но речь была нетороплива и благозвучна. — Не сердитесь на меня, пожалуйста. Я надеялась, что здесь никто не живет. Я просто искала...

Подойдя к ней ближе, Элис дала выход злости, взбодрившей, как бокал доброго вина.

— Ты не имеешь права здесь находиться! — закричала она. — Как это никто не живет? Это тебе не ночлежка для попрошаек и нищих! Убирайся прочь!

Женщина умоляюще заглянула ей в лицо.

— Простите, миледи... — начала она, но вдруг просияла радостью и воскликнула: — Сестра Анна! Дорогая моя сестра Анна! Маленькая моя! Боже милостивый! Ты жива!

— Матушка! — охнула Элис.

Она вдруг прозрела и узнала ее, матушку Хильдебранду. Шагнув вперед, она раскрыла руки; аббатиса обняла ее, и обе замерли, будто никогда не расставались.

Долго они так стояли, не в силах оторваться друг от друга.

— Матушка моя, матушка, — повторяла Элис, сотрясаясь от рыданий.

Наконец аббатиса отпустила ее.

— Мне надо отдохнуть, — сконфуженно пояснила она. — Я очень слаба.

Она прошла в дом и села на табурет. Элис упала возле нее на колени.

— Как вы сюда попали? — поинтересовалась она.

— Наверное, это Мать Божья привела меня к тебе, — улыбнулась Хильдебранда. — Все это время я была больна, меня прятали преданные мне люди на одной ферме недалеко от Стартфорта. Они и рассказали про эту лачугу. Когда-то в ней жила одна старушка, но она пропала. Они подумали, что если я поселюсь здесь и начну продавать нуждающимся лекарства, для меня это будет лучшая возможность избежать опасности. Не сразу кто-нибудь отличит одну старуху от другой.

— Она была ведьма, — с отвращением заявила Элис. — Она была старая грязная ведьма. Всякий сразу догадался бы, что это не она.

— Та старая женщина имела слишком много познаний, что небезопасно, — мягко возразила аббатиса. — И я тоже такая. Ее мудрость превышала ее общественное положение, как и у меня. И та женщина, должно быть случайно или по своему выбору, была отверженной, и я отвергнута. Теперь я буду жить здесь, скрываться, с покоем в душе, пока не настанет время, когда я снова смогу служить Господу в церкви, которую Он избрал.

Аббатиса улыбалась Элис столь светло, будто такую судьбу предпочел бы всякий, будто такой доле позавидовала бы любая знахарка.

— Ну а ты как? — ласково обратилась она к девушке. — Я горевала о тебе и каждую ночь молилась о твоей бессмертной душе с тех пор, как мы в последний раз виделись. А теперь ты снова со мной! Воистину, милосердие Господа не имеет границ! Расскажи мне о себе, сестра Анна. Как ты сумела спастись от огня?

— Я проснулась, когда начался пожар, — быстро соврала Элис. — И побежала в часовню звонить в колокол, но меня схватили. Меня утащили в лес и хотели изнасиловать, однако мне удалось вырваться. Пешком я добралась до Ньюкасла, потом направилась дальше искать другой монастырь, чтобы не нарушить обета, но везде было очень опасно. Тогда я вернулась поискать вас или кого-нибудь из сестер, и лорд Хью, хозяин замка, узнал обо мне и дал у себя работу секретаря.

Лицо матушки Хильдебранды посуровело.

— Приказал ли он тебе поклясться и отречься от твоей церкви и твоей веры? — осведомилась она.

Руки ее все еще дрожали, а лицо говорило о том, что она очень стара и слаба. Но голос звучал строго и уверенно.

— О нет! — воскликнула Элис. — Нет! Лорд Хью придерживается старой веры. Он оградил меня от этого.

— И ты до сих пор хранишь свои обеты? — продолжала допрос аббатиса.

Она окинула взглядом богатый наряд Элис, красное платье, которое прежде носила Мег, умершая от сифилиса содержанка.

— Да, — быстро отозвалась Элис, подняв на матушку свое бледное личико с остреньким подбородком. — Я соблюдаю часы и молюсь молча, читаю молитвы в уме. Конечно, я не имею возможности молиться вслух и носить то, что пожелаю. Но я соблюдаю пост, когда положено, и у меня нет ничего своего. Ни один мужчина не тронул меня. И я готова слушаться вас во всем. Ни один из основных моих обетов не был нарушен.

Матушка Хильдебранда потрепала Элис по щеке.

— Молодец, — похвалила она. — Мы с тобой преодолели трудное и горькое испытание, дочь моя. Я часто думала, что остальным выпала более легкая доля, в ту ночь они все погибли и теперь пребывают в раю, а я осталась здесь и изо всех сил стараюсь хранить обеты, полностью отдаваясь борьбе с миром, который с каждым днем становится все более безнравственным и греховным. Представляю, как тяжело и тебе пришлось, дочь моя. Хвала Господу, теперь мы с тобой вместе. И больше не расстанемся.

Элис спрятала лицо в коленях у матушки Хильдебранды. Старая женщина опустила руку на светлую девичью головку и нежно промолвила:

— Какие чудесные у тебя волосы. Я совсем забыла, сестра Анна, что у тебя такие красивые волосы.

Девушка подняла голову и улыбнулась.

— Я не видела твоих волос с тех самых пор, когда ты была еще девочкой, — вспоминала аббатиса. — Когда ты явилась ко мне из того мира, где царит грех, у тебя было красивое бледное личико и светлые вьющиеся волосы. — Она помолчала и продолжила: — Остерегайся греха тщеславия. Судьба вышвырнула тебя в этот мир, когда ты стала уже совсем женщиной. На тебе красное платье, сестра Анна, и ты носишь распущенные волосы.

— Меня заставляют так наряжаться, — быстро пояснила Элис. — Другой одежды у меня нет. И я решила, что справедливо будет не подвергать опасности лорда Хью, который мне покровительствует, и не требовать себе темных платьев.

Аббатиса недоверчиво покачала головой.

— Ну хорошо, — ответила она. — Значит, тебе пришлось пойти на компромисс. Но теперь мы начнем самостоятельно строить свою судьбу. Здесь, в этом маленьком домике. Здесь у нас будет новый монастырь. Пока нас двое, но кто знает, возможно, потом прибавится. Мы с тобой будем соблюдать обеты и вести образ жизни, который предназначен нам свыше. Станем маленьким лучом света во мраке этой пустоши. Маленьким лучом света для остального мира.

— Здесь? — ошеломленно выдохнула Элис. — Здесь?

Матушка засмеялась, как смеялась в старые добрые времена, светло и весело.

— А почему нет? — сказала она. — Ты что думала, сестра Анна, служение Матери Божьей требует богатых облачений, серебряной посуды и дорогих свечей? Ты же не настолько глупа. Мать Божья была женщина простая. Возможно, и дом ее был не намного лучше этого. Ее муж был обычным плотником. Зачем нам хотеть большего, чем было у нее?

Девушка смотрела на нее, раскрыв рот от изумления. Она попыталась собраться с мыслями.

— Но, матушка Хильдебранда, здесь нам не прожить. Летом еще ничего, а зимой здесь ужасно холодно. У нас нет денег, у нас нет еды. И люди станут про нас судачить, а потом придут солдаты...

Однако аббатиса все улыбалась.

— Господь даст нам все необходимое, сестра Анна, — ласково произнесла она. — Сколько молилась я за тебя, сколько молилась о том, чтобы еще раз пожить по законам и правилам нашего монастыря, и теперь, ты сама видишь, молитвы мои услышаны.

Элис покачала головой.

— Ничего они не услышаны! — В ее голосе звучало отчаяние. — Это не ответ на ваши молитвы. Мне известно, каково здесь жить! Здесь грязно и холодно. На огороде не растет ничего съедобного, а зимой снегом закрывает дверь так, что не выйти. Господь не желает нам подобной доли.

Хильдебранда рассмеялась — откровенно, как в старые добрые времена.

— Ты рассуждаешь так уверенно, словно знаешь все Его мысли, — мягко заметила она. — Не надо так волноваться, сестра Анна. Будем смиренно принимать все Его дары. Он дал нам друг друга и эту крышу над головой. Как же не думать, что Он добр и милосерден?

— Нет! Это невозможно, — настаивала Элис. — Надо уходить отсюда. Надо уезжать во Францию или в Испанию. В Англии для нас нет больше места. Если мы поселимся здесь и станем исповедовать нашу веру, то навлечем на себя беду.

Старая аббатиса улыбнулась и покачала головой.

— Я дала обет исповедовать мою веру здесь, — возразила она. — Мне было велено свыше руководить монастырем в Англии. И ни слова не было о том, что, если настанут трудные времена, я должна бежать отсюда.

— Почему бежать? — не сдавалась Элис. — Просто найдем другой монастырь, и там примут нас. Мы будем соблюдать наши обеты и вести праведную жизнь.

Аббатиса улыбнулась и покачала головой.

— Нет, — тихо промолвила она. — Господь даровал мне тридцать лет благоденствия и

богатства, когда я служила Ему, утопая в роскоши. Теперь Он призвал меня служить в лишениях и невзгодах. Как я могу отказать Ему?

— Матушка Хильдебранда, да вы же не сможете здесь жить! — раздраженно повысила голос Элис. — Вы не знаете, каково это. Вы ничего не понимаете. Зимой вы погибнете здесь. Это просто глупо!

Услышав слова, сказанные столь грубо, аббатиса минуту потрясенно молчала. Потом заговорила мягко, но тоном, не допускающим возражений:

— Я считаю, что такова воля Божья. А я связана обетом повиноваться Ему и во всем исполнять Его волю. — Она помолчала немного и добавила: — И ты тоже.

— Но это невозможно... — пробормотала Элис.

— И ты тоже, — повторила матушка Хильдебранда, и в голосе ее звучало предостережение.

Девушка вздохнула. На какое-то время воцарилась тишина. Стоя на коленях у ног матушки, она увидела в ее глазах слезы.

— Я... — начала было Элис и осеклась.

— Когда ты сможешь вернуться сюда ко мне? — строго спросила матушка. — Надо не откладывая начинать новую жизнь. Для тебя найдется много работы.

Момент раскаяния Элис был очень недолгим.

— Не знаю, — смущенно выдавила она. — В замке все так быстро меняется...

Она замолчала, вспомнив про Хьюго и Кэтрин, про своего ребенка, растущего в чреве.

— Может, на следующей неделе. Да, через недельку приду к вам на несколько дней.

Аббатиса покачала головой.

— Этого недостаточно, сестра Анна, — мягко упрекнула она. — Долгие месяцы ты была оторвана от нашей святой церкви, но ведь перед тем много лет жила с нами. Ты не могла так скоро забыть наш порядок. Сейчас можешь идти, но завтра вернешься в простом темном платье и принесешь с собой все, что сможет подарить нам добрый лорд Хью. А в остальном, мы сами вырастим еду и соткем ткани на платья. Сами изготовим свечи, сами по памяти напишем святые книги. Мы будем печь хлеб и продавать его на базаре, ловить рыбу и тоже продавать. И еще будем делать простые лекарства и другие средства, тоже продавать или отдавать людям, которые в них нуждаются.

Элис опустила голову, чтобы матушка Хильдебранда ненароком не заметила ее тревогу, не прочитала в ее глазах решительный отказ.

— Для церкви здесь, конечно, мрачновато, — продолжала аббатиса. — Но и у самого святого Павла было не лучше или у святого Катберта, когда язычники почти уничтожили английскую церковь. Тогда, как и сейчас, Господь призвал своих верных служить Ему во мраке, втайне и в нужде. Тогда вера их восторжествовала, восторжествует и сейчас. Господь возложил на нас особую миссию, сестра Анна, и только Ему известно, как велики будут наши труды.

Девушка совсем сникла. А матушка Хильдебранда оживилась. В ней уже не было ничего от усталой пожилой дамы. Лицо светилось радостью, голос звучал уверенно и сильно. Она одарила Элис знакомой нежной улыбкой и ласково произнесла:

— А теперь иди. Приближается время дневной молитвы. Молись, когда будешь возвращаться в замок, а я помолюсь здесь. Ты не забыла молитв, которые нужно читать в течение дня, сестра Анна?

Элис покачала головой, хотя уже не помнила ни слова.

— Помню, хорошо все помню, — заверила она.

— Читай их в надлежащие часы, — наставляла аббатиса. — Господь простит нас за то, что мы не стоим на коленях в Его часовне. Он все поймет. А завтра исповедуешься передо мной в своих грехах, и мы начнем все сначала.

Не проронив ни звука, Элис кивнула. Аббатиса встала, и девушка заметила, что передвигается она с трудом, словно у нее болят спина и суставы.

— Я немного устала, — пояснила аббатиса, поймав на себе взгляд Элис. — Но как только начну работать на огороде, снова буду здоровой и сильной.

Молча кивнув, Элис вышла из хижины. Матушка проводила ее до порога. Девушка отвязала поводья лошади и тут вспомнила про свою сумку с провизией.

— Возьмите, — сказала она. — Я прихватила в дорогу еду, но теперь она не нужна мне.

Мудрое старое лицо аббатисы осветилось.

— Вот видишь, дитя мое! — радостно воскликнула она. — Господь позаботился о нас, Он и впредь будет о нас заботиться. Не допускай малодушия, сестра Анна! Доверяй Ему во всем, и Он дарует нам великую радость.

Элис вскарабкалась на камень у овечьей калитки и забралась в седло.

— Какая хорошая у тебя лошадка, — удивилась аббатиса. — Слишком хороша даже для секретаря самого лорда.

— Это лошадь леди Кэтрин, — быстро нашлась Элис. — Госпожа сейчас беременна, ожидает ребенка и не может ездить верхом. И чтоб кобыла не застоялась, ее дают мне, когда необходимо.

Аббатиса неторопливо качала головой, переводя взгляд с лошади на Элис. На мгновение девушке с холодной ясностью показалось, что эта старая женщина все поняла, что от ее глаз ничто не укрылось. Она все видела: и ее ложь, и колдовство, и живых восковых кукол, и убийство Моры, и кровать, на которой корчатся три сладострастных тела. Смех Хьюго, назвавшего ее своей развратной шлюхой, в этот яркий, солнечный день эхом прокатился над их головами.

Матушка Хильдебранда без улыбки посмотрела Элис в лицо.

— Завтра приходи, — велела она. — Мне кажется, ты чуть не совершила тяжкий грех, дочь моя. Приходи завтра и сможешь мне исповедоваться. С Божьей помощью я отпущу тебе все грехи.

— Я не знаю за собой никакого греха, — задыхаясь, возразила Элис, пытаясь выдавить на губах светлую, искреннюю улыбку. — Ни даже чуть-чуть, хвала Господу! — весело добавила она.

Однако матушка на ее улыбку не ответила. Она перевела взгляд с дорогой и красивой лошади в богатой и нарядной сбруе на красное платье Элис, ее шитый серебром корсаж и

накидку вишнево-алого цвета, и прежняя радость сбежала с ее лица: словно острый нож вонзился ей в сердце.

— Завтра в полдень, — твердо произнесла она, повернулась и исчезла в полумраке хижины.

За ее хрупкой фигурой закрылась дверь, а Элис все не трогалась с места. Не было ни стука огнива, ни потянувшегося из окошка дымка. В убогой хижине не имелось даже сухой растопки, может, осталась одна или две дешевые свечки. Но Мора могла куда-нибудь припрятать огниво. Хотя матушка Хильдебранда все равно не умела им пользоваться, чтобы высечь огонь.

Элис развернула лошадь в сторону дома.

— Пошла! — глухо прикрикнула она, с силой ударив ей пятками в бока.

Животное вздрогнуло и рванулось вперед так, что Элис чуть не вылетела из седла.

— Пошла! — крикнула она еще раз.

ГЛАВА 25

Когда она подъехала к внутренним воротам замка, со ступенек стремительно сбежала Элиза; она протолкалась через толпу солдат и потянула ее из седла.

— Скорей! Скорей! — тревожно повторяла она, понизив голос. — Кэтрин плохо, у нее страшные боли. Никто не знает, что делать. Слава богу, ты вернулась. Уже собирались посылать солдат на твои поиски.

Элис повиновалась, приятельница схватила ее за руку и потащила через подъемный мост, через большой зал и наверх в дамскую галерею.

Там уже было полно народу. Туда-сюда сновали слуги с подносами. Перед камином сушились простыни. Кто-то впустил в галерею охотничью собаку Хьюго, и, увидев Элис, она зарычала. Двое слуг поднимали по лестнице ванну, еще двое несли вслед за ними бидоны с горячей водой.

— Она собиралась принять ванну, — сообщила Элиза. — Хотела, чтобы ты снова ее выкупала, как вчера. Потом пожаловалась на боль в животе и кругами заходила по комнате, пытаюсь унять боль. Мы уговорили ее лечь в постель. Хьюго сам недавно вернулся, мы боялись, что вы уехали вместе на весь день. Дэвид только что пошел доложить лорду Хью. Госпожа сейчас в спальне, иди к ней, Элис. Иди к ней немедленно!

Элис хлопнула в ладоши. Вся ее злость, весь страх и разочарование вдруг вскипели и разрядились взрывом ярости.

— Ну-ка, пошли прочь отсюда! — закричала она. — Вон отсюда, слышите, вы, пьяницы, негодяи и бездельники!

Одного из слуг она схватила за плечо, развернула и вытолкала из помещения; на ступеньках он споткнулся и налетел на другого, бегущего вверх с новыми простынями. Потом она взяла за ухо мальчишку-пажа и тоже спустила с лестницы. Одна из служанок, глядя на творящийся хаос, не смогла удержаться и захихикала; Элис залепила ей мощную пощечину и с удовольствием отметила, как у той на щеке выступило багровое пятно.

— Немедленно все убирайтесь отсюда! — скомандовала она. — Если кто понадобится, я позову.

Пока они толкались у дверей, она направилась в комнату Кэтрин.

Хьюго стоял в изголовье кровати и держал супругу за руки. Ее приближенные дамы, Рут, миссис Эллингем и Марджери, выстроились с другой стороны кровати. Рут размахивала камильницей, которую Элис сразу узнала: это была часть добычи, украденной Хьюго в монастыре. В воздухе стоял густой запах благовоний, от которого першило в горле. Марджери губкой обтирала Кэтрин лоб. Голова миледи была откинута на подушку, глаза закрыты. Время от времени она стонала от боли, тело ее выгибалось, словно невидимая рука какого-то великана хватала ее за живот и тянула к потолку.

— Прекратите все это, — приказала Элис. — И откройте окно. Здесь у вас смердит.

Хьюго поднял голову, его лицо просветлело, и он воскликнул:

— Слава богу, Элис, ты вернулась! Никто не знает, что делать, а врач из Каслтона куда-то уехал еще неделю назад. Я уже собирался посылать за знахаркой из Ричмонда.

— Когда начались боли? — осведомилась Элис.

Услышав ее голос, Кэтрин открыла глаза.

— Утром, — ответила она. — Как только я проснулась.

Элис понимающе кивнула, хотя эта информация ей ничего не дала.

— Мне надо осмотреть ее, — заявила она присутствующим. — Вам лучше подождать за дверью.

Милорд наклонился над супругой и поцеловал ее в лоб. Проходя мимо Элис, он положил руку ей на плечо и тихо промолвил:

— Спаси мне сына. Для меня в мире нет ничего важнее.

— Постараюсь, — отрывисто произнесла Элис.

Хьюго похлопал ее по плечу — так мужчина хлопает по плечу товарища, на которого надеется и которому доверяет. Вспомнив, как он держал ее обеими руками за обнаженные груди, как толкал в душные объятия миледи, Элис гневно на него взглянула, но он смотрел на жену. Элис он как будто не видел.

— Дай ей что-нибудь, что уменьшит боль, — продолжал он. — Она молодец, терпит. Я все время буду за дверью. Если она позовет, я войду.

— Хорошо, — холодно отозвалась Элис.

Первым вышел из комнаты Хьюго, дамы торопливо засеменили за ним.

— Давай я останусь? — предложила Элиза.

— Какая от тебя польза? — сурово проговорила Элис. — Ты же ничего не умеешь. На что ты мне? Лучше распорядись, пусть принесут из моей комнаты сундучок с вещами.

Миледи снова застонала, и Элис быстро к ней подскочила.

— Как у вас болит? — спросила она.

— Словно что-то раскрывается, — с трудом дыша, пояснила Кэтрин. — Словно раскрывается и отделяется. Элис, помоги!

В дверь постучали. Двое слуг внесли в комнату сундук с травами и маслами, осторожно поставили его на пол и вышли. Открыв сундук, Элис вынула бумажный пакетик с порошком.

— Справа или слева? — уточнила она. Кэтрин снова застонала.

— Везде. Очень странное чувство, Элис. Словно это не со мной. Словно меня что-то сжимает.

— Откройте рот, — велела знахарка.

Она ловко всыпала порошок миледи на язык и протянула бокал с водой. Кэтрин запила лекарство, ее щеки сразу порозовели, дыхание стало легче.

— Что это может быть? — встревоженно поинтересовалась она. — Что-то не так с ребенком, как ты думаешь?

— Кажется, началось раньше времени, — сказала Элис. — Кэтрин, не ошиблись ли вы в сроках? Вы ведь только на седьмом месяце. Ему еще рано родиться.

Новый приступ боли заставил Кэтрин раскрыть рот и тяжело задыхаться.

— Могла и ошибиться, — выдавила она. — Но ведь не на два или три месяца. Что-то со мной случилось, что-то не так. Я чувствую это!

— Что вы чувствуете? — задала новый вопрос Элис.

В глубине ее души давно таилась надежда, что беременность Кэтрин не завершится благополучно. Что это ложная беременность, или родится девочка, или ребенок окажется мертвым. Или Кэтрин умрет...

— Очень странное ощущение, — продолжала Кэтрин; голос ее звучал как-то ненатурально, словно откуда-то издалека. — Помоги мне, Элис! Мне кажется, малыш уходит от меня, растворяется, ускользает.

Элис откинула одеяло. Мягкие, пухлые ноги миледи, порозовевшие от жары, были пронизаны синими венами. Девушка с отвращением задрала на Кэтрин рубашку. На простыне виднелось бледное пятно какой-то густой жидкости.

— Это что, уже воды? Уже воды отходят? — спросила Элис, глядя Кэтрин в глаза.

Та покачала головой, ее тело снова содрогнулось от пронзившей боли.

— Не знаю... не думаю... — пробормотала она. — Кроме этого, у меня ничего не было.

— Крови не было? — допытывалась Элис.

— Нет, — помотала головой Кэтрин. — Удержи ребенка, я чувствую, как он растворяется.

— Хватит глупостей, — отрезала Элис, опустив подол рубашки и положив руку на круглый живот миледи. — И прекратите дурацкую истерику. Дети не растворяются. Я понимаю, что у вас боли, но крови нет, и воды не отошли. Ребенок еще там, и с ним все в порядке. Дети не растворяются.

Помогая себе руками, Кэтрин попыталась приподняться на постели. С выпученными глазами, обезумевшим лицом, вокруг которого разметались спутанные волосы, она уставилась на

знахарку.

— Да говорю же я, он растворяется, плавится! — закричала она. — Дура, почему ты меня не слушаешь? Почему меня не слушаешься? Сделай что-нибудь и спаси ребенка! Он плавится во мне! Я чувствую, как он плавится! Он плавится во мне и куда-то исчезает!

Элис толкнула миледи обратно на подушки и схватила за плечи.

— Замолчи! — грубо бросила она. — Слышишь, замолчи, Кэтрин. Так не бывает. Ты ошибаешься. Ты несешь какую-то чушь.

Она снова опустила руку ей на живот и тут же, повинувшись безотчетному страху, отдернула. Кэтрин снова застонала.

— Говорила же я тебе, — заплакала она.

В очередной раз положив руку, Элис едва верила тому, что теперь ощущала: округлый живот Кэтрин ужимался, полнота его спадала. Под толстым слоем жира и плоти снова что-то задвигалось, зашевелилось и забулькало. И сразу же Кэтрин застонала.

— Ребенок уходит, — отчаянно лепетала она.

Ее стоны шли откуда-то глубоко из груди, напоминая вой раненого животного.

— Я не могу удержать его, — скулила Кэтрин. — Он уходит от меня.

Снова задрав ей рубашку, Элис внимательно посмотрела на ее расставленные ноги. На простыне уже образовалась целая лужа густой белой жидкости. Комок тошноты подступил ей к горлу.

— Я не знаю, что это такое, — пробормотала она. — Не знаю, что делать.

Но Кэтрин ее уже не слышала. Она выгибалась животом вверх, словно кто-то подбрасывал ее к потолку; округлое пятно под ней, словно речной ил, растекалось по простыне, меняя форму.

— Лежи смирно, не шевелись, — скомандовала Элис, пребывая в полной растерянности. — Не шевелись, и ничего не случится.

— Он исчезает! — кричала Кэтрин. — Я не могу удержать его! Я не могу удержать его! О-о-о!

И вдруг Элис заметила, что родовые пути миледи широко раскрыты; там мелькнуло бледненькое тельце. С неожиданной надеждой девушка подумала, что ребенок должен родиться сейчас, целым и невредимым, что она спасет его, что госпожа действительно просто перепутала сроки.

— Я вижу его! — воскликнула Элис. — Пусть выходит, Кэтрин, помоги ему. Тужься. Еще немного, и ты родишь. Помоги ему.

Миледи стала тужиться, стараясь вытолкнуть младенца в мир, мышцы ее живота напряглись. Элис просунула свои миниатюрные умелые ручки в родовой канал и осторожно ухватила крошечное тельце. Секунду она ощущала ребенка в руках, маленького и вполне сформированного, чувствовала его округлую попку и сильные, мускулистые ножки. Ее пальцы добрались до его безупречного плечика, нащупали сжатую в кулачок ручку. Он был слегка скособочен. Несмотря на напряжение, Элис улыбнулась и полезла глубже в теплые, влажные недра женщины, чтобы найти головку и направить ее наружу, чтобы помочь ему совершить это первое, маленькое, но столь важное в его жизни путешествие. Плечико было круглым и

гладким. Осторожные ладони Элис добрались до его твердого черепа и ощупали миниатюрное личико.

Кэтрин снова застонала, ее мышцы напряглись. Почувствовав сжатие, Элис вытащила руки, но потом снова просунула внутрь — надо было развернуть ребенка и помочь ему выбраться. Он уже поворачивался, уже выходил на свет, и выходил правильно, головкой вперед. Осторожно, но крепко Элис с обеих сторон держала его за головку и тянула к себе через скользкий и тесный родовой канал Кэтрин.

— Есть, — сказала она, — я спасла его.

Элис совсем забыла, что это наследник Хьюго, существование которого будет грозить ее безопасности, безопасности ее собственного сына. Девушку заворожило участие в родах. Она действовала в бессознательном ритме всех знахарок и повитух, которые проникают в само чрево матери и выводят ребенка в мир в целостности и сохранности. Сердце ее билось в унисон с сердцем ребенка, руки двигались, повинувшись движениям Кэтрин, подчиняя свои усилия ритму, в котором текли роды.

— Он выходит, — возбужденно шептала она. — Он выходит.

Крошечное тельце снова повернулось. Проникнув глубоко внутрь миледи, Элис держала ребенка за головку и за маленькое плечико и постепенно и осторожно тащила его на себя.

Вдруг словно кто-то толкнул ее, и ее пальцы, вызвав волну отвратительного чувства, прорвали мягкую корочку маленького черепа и вошли в тельце младенца, мякотьное, как щелочное мыло. Ручка отломилась и осталась у нее в руке, струя жидкости ударила ей в ладонь. От ужаса Элис завизжала.

В тот же момент Кэтрин снова дернулась бедрами, из нее вырвалась мощная струя липкой слизи и ударила Элис прямо в лицо, горячими сгустками залепив ей губы, глаза, прилипнув к рукам, к волосам и к платью.

— Нет! Нет! Нет! — кричала Элис, обеими руками отбиваясь от этой жути, настигнувшей ее на постели Кэтрин. — Нет!

А миледи снова и снова дергала бедрами, и все новые сгустки белой пены вылетали из нее, пока простыни не покрылись этими жуткими выделениями и комната не провоняла салом.

— Это же воск! — в совершенном ужасе охнула Элис. — О боже, это же свечной воск!

Она отбежала к окну, прижалась спиной к стене и закрыла руками, облепленными воском, лицо, к которому уже успели крепко прилипнуть капельки воска.

— Боже мой, боже мой, — промолвила она. — Это воск. Это свечной воск.

Кэтрин в последний раз простонала и затихла.

— Боже мой. Это свечной воск, — снова и снова повторяла Элис, пока слова эти не утратили смысла, превратившись в вопль страха: — Свечной воск! Свечной воск! Свечной воск!

Элис стала отчаянно отковыривать от кожи засохшие кусочки воска, содрогаясь, когда воск застревал у нее под ногтями. Она отскребала его с рук, с платья. Она была покрыта воском с ног до головы.

— Я никогда теперь не отмоюсь, — произносила она визгливо и громко, впадая в неуправляемую истерику. — Свечной воск! Я никогда от него не отмоюсь!

Миледи лежала на спине, глухая к безумным причитаниям знахарки. Организм ее выбросил из себя всю мерзость, она выбилась из сил и была пуста. Прошло немало времени, прежде чем она пошевелилась, протянула руку и недоверчиво похлопала себя по животу. Он оказался совсем не таким, каким был, потерял прежнюю форму. Все еще жирный и полный, он уже не выпирал, не вздымался с гордостью. Ребенка в нем больше не было. Она медленно, с усилием подтянулась, села, опершись на подушки, увидела месиво на простыне и взглянула на Элис. Та стояла, прислонившись спиной к стене, с ног до головы заляпанная свечным воском, глаза ее потемнели от ужаса, а пальцы лихорадочно шарили по лицу, в волосах и по платью, отрывая кусочки воска.

— Что это? — спросила Кэтрин дрожащим от страха голосом. — Что это за гадость такая? Что со мной было?

Элис сглотнула слюну, закашлялась, сглотнула снова. Она с сомнением посмотрела на свои мечущиеся руки — ей никак не удавалось остановить их.

— У вас нет ребенка, — прохрипела она. — Ваш ребенок куда-то пропал.

Наклонившись вперед, Кэтрин ткнула пальцем в белый комок.

— Это и был мой ребенок?

— У вас никогда не было настоящего ребенка из плоти и крови, — сообщила Элис. — Это воск, он весь вытек из вашего чрева. Не было никакого ребенка. — В конце фразы она перешла на визг и, чтобы заглушить его, прижала ладонь ко рту. — Был воск, он просто вытек, вот и все. А ребенка не было.

Лицо Кэтрин вытянулось.

— Как не было ребенка? — не понимала она. — Не было сына для Хьюго?

Не доверяя больше голосу, Элис только покачала головой. Минуту женщины во все глаза смотрели друг на друга, онемев от ужаса.

— Только не говори ему, — взмолилась Кэтрин; в ее резком, надтреснутом голосе звучало безумие. — Не говори, что все было вот так...

Элис поймала себя на том, что потирает ладони, при этом воск скатывался в тоненькие колбаски и падал на пол, как мертвая кожа.

— Чертов воск, — пробормотала она. — Будь ты проклят.

— Никому не говори, как все было, — настаивала Кэтрин. — Соври, что случился выкидыш. Не дай бог, узнают об этом... об этом кошмаре!

Элис молча кивнула.

— Если об этом узнают... — Кэтрин помолчала, всматриваясь в подавленное, объятые страхом лицо знахарки. — Если об этом узнают, мне конец, от меня просто избавятся. Скажут, что я ненормальная, что я чудовище.

Руки Элис двигались торопливо и нервно, она все старалась очиститься от мерзкого воска; он застрял у нее между пальцами, и она отковыривала его ногтями. Кэтрин не отрываясь следила за ней широко распахнутыми глазами.

— Как могло такое случиться? — наконец воскликнула она. — Элис! Ты же опытная повитуха, ты много раз принимала роды. Разве такое бывает?

Девушка не отвечала. Перед ее глазами живо стояла восковая Кэтрин, маленькая кукла с круглым животом, она вспомнила свечной воск в пальцах, который мяла когда-то, вылепляя этот круглый живот. Она соединила восковую Кэтрин с восковым Хьюго, вставив ей в щель его восковой пенис. Все случилось в точности по ее приказу, это она предрекла, что ребенок будет точной копией отца, воскового отца. В ее памяти всплыло предостережение Моря о том, что куклы иногда «неправильно тебя понимают».

— Не знаю, — наконец отозвалась Элис, чувствуя, что инстинкт самосохранения побеждает страх. — Наверное, у вас какая-то ужасная болезнь. У вас в организме, должно быть, завелась порча. Вы бесплодны, вы способны зачать и породить только эту мерзость.

Кэтрин задрожала, в ее глазах пылал ужас.

— Значит, это моя вина, — медленно промолвила она, словно получила урок, который был выше ее понимания. — Значит, что-то во мне не так.

— Да, — подтвердила Элис, не обращая внимания на краску стыда, проступившую на щеках госпожи.

Они снова замолчали.

— Убери это куда-нибудь подальше, — велела миледи. — Никто не должен узнать об этом. — Она бросила взгляд на камин. — Сожги.

Элис кивнула. Кое-как, задыхаясь от усилий, Кэтрин выбралась из постели. Вместе они вытащили испачканную простыню, разорвали ее пополам, потом еще раз и еще. Каждый кусок свернули и сунули в огонь, который в камине едва горел. Ткань задымилась, а когда огонь захватил воск, тот заискрился и стал капать, сгорая зловещим желтым пламенем. От дыма шел запах, какой бывает в сырмятнях.

— Тебе надо привести в порядок лицо, — отрывисто произнесла Кэтрин. — И волосы тоже.

Она стала тщательно вычищать волосы Элис от воска. Девушка тем временем терла и щипала пальцами щеки, каждый раз вздрагивая, когда отрывала маленькие белые чешуйки от кожи.

— И платье, — добавила Кэтрин.

Красные рукава Элис до локтей сплошь покрывали белые пятна воска, то же самое было и спереди. Знахарка стояла, а миледи расшнуровывала на ней наряд, и наконец он упал на пол. В сундуке Элис нашла старое платье, которое госпожа не носила с тех пор, как забеременела.

Кэтрин молча зашнуровала его. Потом Элис взяла свежую простыню, сохнущую возле камина, и застелила постель.

— Придется их впустить, уже можно, — заметила она.

— Но они же поинтересуются, где тело, — спохватилась вдруг Кэтрин.

Элис разорвала салфетку, завязала ее в несколько маленьких узелков, намочила в бокале красного вина и бросила на постель; темно-красным пятном вино расплылось по простыне. Затем взяла миску, налила в нее немного воды и остатки вина и накрыла скатертью со стола.

— Обманем их, — пояснила она. — Никто не станет разглядывать все это вблизи.

Кэтрин вдруг побледнела, лицо ее приняло нездоровый, желтоватый цвет.

— У меня кружится голова, — пожаловалась она.

— Впустите их на минутку, а потом можете отдохнуть, — ответила Элис без особого сочувствия. — А вы представляете мои ощущения? Меня сейчас вытошнит.

Она направилась открывать дверь, но Кэтрин остановила ее:

— Элис!

Девушка обернулась.

— Поклянись, что никому не расскажешь. Никому! — потребовала миледи. — Особенно Хьюго. Поклянись никогда не рассказывать Хьюго, что у меня... — Она глубоко вздохнула и закончила: — Что у меня внутри было чудовище.

— Он так и так узнает, что вы не способны зачать ребенка, — неохотно возразила Элис.

Кэтрин помолчала, глядя на знахарку так, будто впервые ее видела, стараясь понять, что означает эта ее холодность и мрачность.

— Да, — печально согласилась она.

— Я не стану говорить милорду, что там была эта отвратительная масса, — заверила Элис. — Он никогда от меня не узнает, что вы извергли из себя комья белой грязи. Вонючие комья грязи.

— Мне очень стыдно, — призналась Кэтрин, опустив глаза.

Элис смотрела на нее, и в ее глазах не было жалости.

— Я сохраню вашу тайну, — пообещала она. — Не скажу лорду Хьюго ни слова.

Она помолчала, дожидаясь ответа Кэтрин. И, не дождавшись, вышла из комнаты.

Ближе всех к двери находился Хьюго, но как только появилась Элис, люди, заполнившие галерею, затихли и обратили к ней жадные взоры. Старый лорд в сопровождении Дэвида сразу поспешил к ней. Элис стояла, сложив руки и опустив голову.

— Милорд, — начала она. — Лорд Хьюго. У меня для вас печальные новости. Леди Кэтрин разрешилась от бремени слишком рано и потеряла ребенка.

По комнате прокатилась волна восклицаний и ропота. Горящие глаза молодого лорда впились в лицо Элис, лицо же его отца было чернее тучи. Затем Элис обратилась лично к Хьюго:

— Сейчас она может с вами увидеться. — Девушка встретилась с ним взглядом и добавила с беспредельной нежностью: — Мне очень жаль, милорд. Кэтрин ничем нельзя было помочь. Она с самого начала была не способна к деторождению и к тому же нездорова.

Обойдя ее, Хьюго скрылся в спальне жены. Старый лорд взял Элис за рукав.

— Отчего произошел выкидыш? — строго спросил он. — Вчера она спускалась к ужину и была здорова. Может, перенапряглась?

Элис потянулась к его уху и прошептала:

— Хорошо, что так случилось. Ребенок родился бы уродом.

Старый лорд посмотрел на нее так, будто она его ударила.

— Господи, не может этого быть, — пробормотал он. — Нет. В моем роду мерзкий урод? И это после стольких лет ожидания!

— Она сможет еще родить? — вмешался Дэвид. — Как по-вашему, госпожа Элис? Леди Кэтрин сможет снова зачать ребенка?

— Думаю, нет, — покачала головой Элис. — Впрочем, стоит на всякий случай позвать врача. Но я уверена в своем прогнозе. Она не в состоянии зачать нормального ребенка.

Его светлость рухнул в кресло, обеими руками уперся в трость и уставился в пространство.

— Это жестокий удар, Элис, — тихо промолвил он. — Жестокий, жестокий удар. Значит, ребенка у Кэтрин нет и не будет. Никаких шансов. И все за один день. Жестокий удар.

Дверь в комнату Кэтрин снова отворилась, и появился Хьюго. Лицо его было подобно маске. Лоб прорезала глубокая морщина, углы рта мрачно опустились.

— Сейчас она будет отдыхать, — сообщил он. — Кто-то должен посидеть с ней.

Элиза и Рут сразу сделали реверансы и проскользнули в спальню.

— Она хочет вас видеть, сэр, — обратился Хьюго к отцу. — Хочет попросить вашего благословения.

— К черту благословение, — отрезал старый лорд; он с трудом поднялся и несколько раз стукнул тростью в пол. — Я не желаю ее видеть. Она бесплодна, сын мой. Она провела в этом замке столько лет даром, что мне и не сосчитать. Я встречаюсь с ней, только когда она родит. Что толку сидеть у постели больной и бесплодной бабы? Насколько я помню, у меня двадцать три внебрачных ребенка и трое законных, из них один сын. Я в грош не ставил бесплодную бабу, не ставил и не буду ставить.

Он щелкнул пальцами, чтобы мальчишка-паж открыл ему дверь. Люди, собравшиеся в галерее, видя его ярость, в страхе расступились, давая дорогу.

— Ты! — крикнул старый лорд, тыча пальцем в Элис. — Марш в мою комнату! У меня полно работы.

Выставив выступающий под платьем живот, девушка направилась к нему. Заметив это, его светлость сразу изменил свое решение.

— Нет. Я совсем позабыл. Лучше отдыхай. Сядь и шей что-нибудь, или пой, или еще чем-нибудь займись. Береги себя, Элис. Эй, Дэвид! Выбери ей девку порасторопней, туда-сюда, принеси-подай и все такое. И пусть в ее комнату притащат удобное кресло. Она должна хорошо отдыхать. Больше отдыхать. Не дай бог, заболеет. Она ждет от Хьюго ребенка. И позаботься о том, чтобы у нее была любая еда. Что потребует, то и подавай. У нее должно быть все, что она захочет.

Поклонившись лорду Хью, управляющий острым взглядом окинул Элис, и на губах его мелькнула улыбка.

— Берегите ее, — продолжал старый лорд. — И никаких прогулок верхом, слышишь, Элис? Тебе следует сидеть дома, так будет лучше. — Он посмотрел на сына. — И не раскармливай ее, как эту свою корову. Скорей всего, дело в этом. Элис должна питаться, как добрая

породистая лошадка, хорошо, но не обжираясь. Пусть ежедневно сидит за моим столом, мне надо видеть, что она ест.

— Как вам угодно, сэръ, — холодно отозвался Хьюго. — Если позволите, сейчас я прокачусь немного верхом. Меня тошнит от этих бабьих дел.

— Это уж точно, черт побери, — раздраженно согласился его светлость. — Сколько болтовни, сколько издержек, а в результате свинья оказалась бесплодной.

Затем отец и сын вышли. Хьюго, громко топая, сбежал по лестнице, было слышно, как он приказывает оседлать лошадь. Слуги и служанки, незанятые солдаты и пажи, толпясь в дверях и тихо переговариваясь, поспешили за ними. Было ясно, что теперь по всему городу и за его пределами пойдут гулять сплетни, скандальные слухи, недобрые пересуды. Элис неподвижно стояла посередине комнаты. Выходя, женщины приседали перед ней, мужчины низко кланялись. Элис не улыбалась и знаки почтения принимала как должное, достаивая каждого лишь коротким кивком. Наконец они с Дэвидом остались одни.

— Не хотите что-нибудь заказать к ужину, госпожа Элис? — пряча лукавую улыбку, спросил Дэвид.

— Все самое лучшее, — просто ответила Элис. — Лучшее из всего, что у нас есть. Самое-самое.

ГЛАВА 26

Кэтрин проснулась среди ночи с криком, и только одна Элис смогла ее успокоить. Миледи вся покрылась потом, ей приснился какой-то кошмар, ее трясло как в лихорадке. Знахарка дала ей немного сушеных ягод красавки и сидела с ней, пока она снова не уснула. Три раза кошмары миледи будили Элис, а также всех остальных дам. Три раза к Элис прибегала служанка, барабанила в дверь и докладывала, что леди Кэтрин бьется в истерике и что надо бежать к ней. На третий раз девушка всыпала в чашу с бренди добрую щепотку сонного порошка, Кэтрин выпила, опрокинулась на спину и мгновенно захрапела.

Наутро миледи была тиха и молчалива — видимо, все еще сказывалось действие снотворного. К ней в комнату заглянул Хьюго, и она протянула к нему руки, со слезами, непрерывно текущими по толстым щекам.

— Вы должны простить меня, сударыня, — холодно заявил он, — но вы еще не совершили очистительного обряда.

Не веря своим ушам, Кэтрин открыла рот от горестного изумления и посмотрела мужу в лицо; оно было безжалостным.

— Хьюго! — воскликнула миледи. — Я претерпела столько горя...

Он отступил к двери, стараясь держаться от жены подальше, как от чумной.

— Ты еще не очистилась, — строго произнес он. — Мне нельзя прикасаться к тебе. Если что нужно, зови Элис.

— Но я думала, что ты не поверил... — начала было Кэтрин.

Однако Хьюго, едва кивнув, вышел вон, не глядя ни на нее, ни на Элис. Знахарка отступила,

давая ему пройти, и с тихим удовлетворением закрыла за ним дверь.

Старый лорд вообще отказался навещать невестку, хотя она и приглашала его. Он велел передать, что очень занят, напомнил, что когда Кэтрин исполняла обязанности хозяйки замка, она встречалась с ним в любое время, теперь же ему нечего делать в комнате больной, он не может помочь ей, а сидеть у ее постели без толку у него нет возможности.

Утратив расположение обоих лордов, Кэтрин непрерывно плакала, горячие слезы так и текли по ее щекам.

— Они возненавидели меня, потому что мой ребенок умер, — жаловалась она Элис. — Ребенок умер, и теперь они оба меня ненавидят.

Элис долго убеждала Кэтрин хоть что-нибудь съесть на завтрак, подняться на подушки и причесаться. Та неохотно повиновалась, словно ребенок. Но заставить ее успокоиться было невозможно. Из нее, пачкая простыни, постоянно сочилась напоминая расплавленный воск липкая дрянь, и по лицу стекали крупные маслянистые слезы. Она не всхлипывала и не рыдала, она даже не стонала. Просто сидела, послушно делала все, что велели, но унять слезы не могла.

До обеда Элис была с ней, потом спустилась в большой зал, оставив в спальне миледи Рут и миссис Эллингем. Знахарка вошла в зал через расположенную сразу за главным столом дверь, закрытую гобеленом. Как только она опустила за собой портьеру и приблизилась к креслу по левую руку от старого лорда, из зала донесся глухой одобрительный гул. Теперь она была единственной женщиной, которая носила в чреве ребенка Хьюго. Единственной надеждой лордов иметь наследника. Пускай дамы в замке боялись ее и негодовали, пускай там, за пределами замка, с кислыми лицами твердили про колдовство, про то, что молодого лорда сглазили, приворожили, что он теперь сходит с ума от страсти, но наследник перевешивал все сплетни и толки. Женщине, которая подарит Хьюго сына, прощалось все.

— После обеда мне понадобится твоя помощь, — обратился к ней старый лорд. — Надо написать несколько писем. А потом посидишь со мной, считаешь что-нибудь.

— С радостью, милорд, — согласилась Элис.

Он удовлетворенно хмыкнул и спросил:

— Ты ведь не очень устала, правда? Как спала, хорошо?

— Ночью мне пришлось ухаживать за леди Кэтрин, — сообщила Элис безразличным тоном.

— Она плакала и умоляла меня побыть с ней. Три раза меня туда вызывали.

Лорд Хью сделал знак Дэвиду, и тот налил Элис вина.

— Выпей, это доброе вино, — хрипло посоветовал его светлость. — Пей, пей как следует. У ребенка должна быть добрая кровь. — Он помолчал и мрачно пробурчал: — Это надо прекратить. Для тебя утомительно бегать по ночам по каждому щелчку этой бесплодной бабы. Пускай сколько угодно льет слезы, но не на твоём плече. Хьюго!

Молодой лорд, который сидел, уставившись на свои сцепленные пальцы, поднял голову.

— Передай жене, пусть больше не беспокоит Элис. Ей нельзя переутомляться. Она теперь не может прислуживать Кэтрин.

— Как прикажете, сэр, — кивнул Хьюго.

— Понимаю, у тебя кошки на душе скребут, — с сочувствием промолвил старый лорд. —

Неудивительно. Девять лет ждал, наконец дождался — и на тебе, пшик. Но послушай меня, мой мальчик. Наш договор остается в силе. Если Элис родит тебе сына, ты получишь свою тысячу фунтов. Когда выбирать не из чего, этот сын ничем не хуже другого. Ты все равно получишь свои деньги. Что ты на это скажешь?

— Благодарю вас, — отозвался Хьюго. — Вы очень щедры. Но мне нужны деньги, чтобы снарядить корабль. А Элис не родит раньше апреля. К тому времени мой друг найдет средства в другом месте.

Старый лорд задумчиво крошил кусок хлеба.

— У меня имеются кое-какие мысли по этому поводу, Хьюго, — заметил он. — Но обсудим это после. Может статься, ты получишь свои деньги вовремя. Есть у меня соображения, я тут придумал кое-что...

Выдавлив на губах кислую улыбку, Хьюго ответил:

— О да, вы у нас известный прожектор.

— Хочу музыки! — громко крикнул старый лорд управляющему. — Пора расслабиться. Надоела эта затянувшаяся меланхолия. Беда иметь дело с бесплодной бабой, но пусть сама расхлебывает. Дайте мне другого вина, фламандского, и, ради бога, пошлите в Каслтон за акробатами и жонглерами — и за медведем, что ли. Меня устроит даже петушиный бой, если больше нечем развлечься. Я не стану огорчаться из-за Кэтрин. У меня другие планы. Да найдите же наконец кого-нибудь, будем веселиться!

Дэвид щелкнул пальцами и кивнул одному из пажей, затем подбросил в воздух серебряную монету, парнишка подпрыгнул, поймал ее на лету и помчался выполнять поручение, а собаки, вдруг встрепенувшись, залаяли и бросились вслед, пытаясь ухватить его за пятки. С полдюжины музыкантов, сидевших в зале, соскочили с лавок, схватились за инструменты и принялись их настраивать, торопясь и переругиваясь между собой. Наконец заиграли, служанки встали в круг для старинного деревенского танца. Элис, вспомнив музыку своего детства, с интересом наблюдала, притопывая ногой.

— Ну-ка, станцуй с ними, — велел старый лорд. — Бери с собой дам и отправляйся танцевать.

Покраснев, Элис улыбнулась, кивнула Марджери с Элизой, и они присоединились к танцующим. Одна из дам отплясывала посередине, остальные — вокруг, затем она выбирала пару, все следовали ее примеру и водили хоровод уже парами, а потом другая дама выходила в середину. Женщины выгибали шеи и вовсю старались, сознавая, что ими любуются много мужчин. В такт музыке они притопывали ногами, затем положили руки на бедра и, соблазнительно поигрывая ими, широкими, плавными движениями поплыли по кругу. Элис танцевала вместе со всеми, ее распущенные волосы летали по воздуху, она искоса поглядывала на Хьюго. Когда настала ее очередь находиться в центре, ее щеки порозовели, она грациозно покачивала гордо поднятой головкой, самодовольно выставив уже оформившийся животик. Наконец молодой лорд посмотрел на нее, и на ее губах заиграла самоуверенная улыбка.

Хьюго широко улыбнулся, мрачное настроение исчезло, морщина меж бровей разгладилась. Что-то прошептав отцу, он спрыгнул с помоста и встал в круг танцующих. Когда пришло время Элис выбирать партнера, она направилась к нему, и ей сразу устроили овацию. Другие мужчины по примеру Хьюго тоже отплясывали вместе со всеми. Круг стал слишком велик, места между столами оказалось мало, и он распался сначала на два, а потом и на четыре хоровода. Музыка звучала все громче и зажигательней, барабан бил все настойчивей. Элис в своем зеленом платье кружилась в танце с торжествующей увлеченностью. Хьюго

подпрыгивал и притопывал рядом. Когда музыка завершилась россыпью колокольчиков, девушка упала ему в руки, он поднял ее и понес на помост.

Спальня Кэтрин располагалась как раз над большим залом, до нее доносились музыка, смех, гром аплодисментов в честь Элис и веселый гомон танцующих. Сидя на своей широкой кровати, даже не притронувшись к стоящему перед ней обеду, миледи слушала, и огромные слезы катились по ее щекам.

После обеда у лорда Хьюго нашлась для Элис работа: надо было составить несколько писем. Она сидела за маленьким столиком возле окошка, на ней было зеленое платье, головка покрыта французским чепцом зеленого цвета, а на плечах лежала зеленая шаль.

— Ты напоминаешь весеннюю лужайку, — пошутил старый лорд. — Мне нравится на тебя смотреть, Элис.

Девушка улыбнулась, но ничего не ответила.

— Ну а теперь к работе, — быстро добавил он.

Выпрямившись в кресле и вытянув опирающуюся на трость руку, не глядя на Элис, он без остановки диктовал послания своим адресатам — по списку. Макнув перо в чернильницу, девушка писала, стараясь выводить слова как можно более отчетливо, не отставать, писать с такой же скоростью, с какой лорд говорил. Кроме того, она быстро переводила его сжатый образный английский на классическую латынь. И держала голову низко, исполняя роль верного, прилежного секретаря, тупого писца.

Его светлость обращался ко всем своим друзьям, занимающим теперь высокое положение при дворе, с просьбой поддержать его в затеваемом процессе развода его сына на том основании, что они с женой — близкие родственники.

Продиктовав шесть посланий и объявив перерыв, его светлость сообщил:

— В Верховный суд королевства напишет отец Стефан. Он сможет убедительно это оформить, риторика и все такое, в общем, подпустит пыли, грамотеи знают, как это делается.

— А он возьмется? — засомневалась Элис.

Лорд Хью озорно ухмыльнулся.

— У него нет выбора, милая моя. Он полностью в моих руках, с потрохами. Я отдал ему все бенефиции[12] в своих владениях, причем без налогов. Он такой же простой смертный, как и мы с тобой, любит мирские радости, честолюбивый, хотя и ревностный священнослужитель. Он тщеславен, как и мой сын, они два сапога пара. Если Хьюго поднимется высоко, он и друзей за собой потянет. Отец Стефан понимает, что цена этому — мои интересы в церковных судах.

— А что будет с Кэтрин? — тихим голосом поинтересовалась Элис.

— Бог его знает, — беспечно отозвался милорд. — В прежние времена отправилась бы в монастырь. А сейчас непонятно. У нее и родных никого не осталось. Можно найти кого-нибудь и выдать ее замуж. Какого-нибудь вдовца с сыновьями, которого устроит бесплодная жена. Она женщина вполне привлекательная и в постели горячая, по словам Хьюго. Я верну ей часть ее приданого или подарю небольшое имение. Отпущу с ней пару ее дам, несколько слуг. В общем, как сама пожелает. Будет вольна делать все, что захочет. Если не станет

противиться моей воле, то увидит, что я бываю щедрым.

— А Хьюго известно об этих планах? — уточнила Элис.

Старый лорд покачал головой.

— Нет. И держи рот на замке, красавица моя. Мы поговорим с ним, когда придут ответы. Если они будут благоприятны, начнем эти планы осуществлять. Отдай письма Дэвиду и накажи отправить их немедленно. Курьеры обязаны дожждаться ответов, а потом сразу возвращаться. Каждому, кто будет проворным, я подарю серебряный шиллинг. И еще передай, что курьеры не должны в Лондоне ни есть, ни пить. В городе снова чума, не дай бог, ее занесут в замок. А потом иди ложись. Если Кэтрин позовет тебя, скажи ей, что по моему распоряжению днем ты должна отдыхать.

Кивнув, Элис собрала бумаги и вышла.

Но про матушку Хильдебранду она не забыла. Перед обедом, приводя в порядок волосы у зеркала, она вдруг увидела в его гладкой поверхности строгое лицо матушки. Аббатиса стояла в проеме двери маленькой хижинки и, приложив ко лбу ладонь, всматривалась в даль, туда, где вдоль берега реки бежала тропка; она ждала вновь обретенную дочь, не сомневаясь, что та придет, полагаясь на суровое воспитание, привычку к дисциплине и послушанию, но больше всего — на взаимное чувство любви между ними. Она будет ждать целый час, преодолевая боль в ногах и в спине. Но на тропинке так никто и не появится. Сначала это ее озадачит: Элис, будучи послушницей, никогда не опаздывала на урок или на молитву, всегда первой являлась на службу в часовню. Потом аббатиса забеспокоится, не случилось ли чего с ее дочерью, может, упала с лошади, может, приключился несчастный случай — мало ли какие опасности могут подстергать девушку. Потом медленно повернется и поплетется в сырую хижину, опустится на колени перед холодным очагом, сложит ладони и помолится за душу Элис, которая не пришла, хотя во что бы то ни стало обязана была прийти, которая не исполнила свой долг перед Господом, долг перед духовной матерью, единственным любящим ее человеком.

Лицо матушки стояло перед Элис и когда под одобрительные возгласы, выпятив живот, она вошла в большой зал к обеду и села в кресло Кэтрин. Перед ней расставили тарелки с едой, и она вдруг увидела внутренним взором, как матушка Хильдебранда пытается разжечь в очаге Моры сырые дрова, и почувствовала вкус зачерствевшего хлеба, оставленного накануне. Девушка вспомнила о матушке и когда хмурое лицо Хьюго осветилось, когда, осушив бокал, он прыгнул в круг танцующих, и даже когда его рука спустилась по ее спине к ягодицам и она замерла, прильнув к его ласкающей ладони, и опустила длинные ресницы, якобы скрывая притворное возбуждение.

И когда переводила письма, пользуясь навыками, которым ее обучила матушка Хильдебранда, какая-то часть ее была с этой старой женщиной. Элис думала, что речные берега теперь круты, в разгар лета река сильно обмелела, и матушка не сможет принести воды. Когда кончится хлеб, оставленный ею, аббатисе нечего будет есть и ей придется тащиться на вершину холма и просить у путников милостыню. Элис живо представляла, как женщина, которую она любила, словно собственную мать, стоит у дороги с протянутой рукой, как незнакомые люди проходят мимо, всякие коробейники оскорбляют и унижают ее, а она все стоит и молчит, сохраняя тихое достоинство.

Элис передала Дэвиду письма и наставления старого лорда, особенно подчеркнув опасность заразиться в Лондоне чумой, пошла к себе, закрыла дверь, сбросила туфельки и легла на кровать. Она смотрела на красивую, зеленую с желтым тканью искусно сшитого роскошного и дорогого полога и вдруг поняла, как и тогда, у ног матушки Хильдебранды в хижине Моры: в

эту жалкую лачугу на берегу она никогда не вернется. Поняла, что не желает больше испытывать страдания и нужду, особенно зимой, когда желудок постоянно пуст и голоден, что никогда больше не будет разбивать лед застывшей реки, пытаюсь набрать в ведро коричневатой воды. Никогда не будет, ломая ногти и оставляя на руках синяки, ковыряться в мерзлой земле в поисках холодной репы. Никогда, если она действительно хозяйка своей судьбы.

— Я не могу вернуться, — произнесла она вслух. — И не хочу.

Она все размышляла о матушке, о женщине, к которой когда-то стремилась всем сердцем, по которой тосковала, утрата которой заставляла ее каждый день горевать, и вдруг осознала: глубокая, болезненная рана зарубцевалась, пропала, исчезла. Теперь она думала о матушке Хильдебранде со страхом, боялась ее неожиданного появления, сама мысль об этом ее раздражала и тревожила. Аббатиса была теперь не мертвой святой, которую положено оплакивать, а живой угрозой.

— Она должна уйти отсюда, — рассудила Элис. — Уйти в подходящий монастырь. Если б она нашла такой, я бы присоединилась к ней. Даже теперь, когда Кэтрин получила отставку и все считают Хьюго моим возлюбленным, а меня — матерью будущего наследника. Если б аббатиса ушла в подходящий монастырь, я бы отправилась с ней.

Девушка замолчала. Она вспомнила то счастливое время, когда жила в монастыре над рекой и была любимицей матушки Хильдебранды. Вспомнила тихие уроки латыни и греческого, как ей было приятно учиться, как легко все давалось — она была первой ученицей. Кладовую монастыря с запахами трав и настоек. Высокие грядки лекарственных трав, их тонкие длинные листочки; вспомнила, как пахнет лаванда, если ее потереть меж ладоней, вспомнила бархатистые на ощупь листья шалфея, резкий вкус мяты, когда она срывала стебель и пробовала его на зуб. Как покойно было у нее на душе!

Элис покачала головой. Она смотрела на полог кровати и на занавески, но видела маленькую светловолосую девчущку, страстно желавшую комфорта и достатка и любившую свою матушку аббатису, которая предоставила ей и то и другое.

— Нет, — сказала она наконец. — Нет, не отправилась бы. Я не пошла бы с ней даже в другое аббатство. В той жизни я была девчонкой, точно так же, как и у Моры, таким было мое детство. В прошлое не возвращаются. Все кончено. Пусть былое умрет и исчезнет.

Вдруг без стука распахнулась дверь, и на пороге появился Хьюго.

— Отдыхаешь, как настоящая леди? — небрежно спросил он, держась за косяк двери, чтобы не упасть.

После обеда, когда старый лорд и Элис занялись делами, он остался в большом зале. Музыканты играли без устали, по кругу передавали кувшины с вином. Из кухни вышли другие служанки и тоже стали лихо отплясывать. Хьюго сильно напился с солдатами, орал на женщин, выхватывал из хоровода то одну, то другую и бесцеремонно лапал. Пока Элис и старый лорд работали, писали и планировали будущее, Хьюго забавлялся в зале. Ему было нечего делать. Это был праздный ребенок.

— Твой отец велел мне отдыхать, — осторожно пояснила Элис, приподнявшись на локте.

Хьюго оттолкнулся от косяка, закрыл дверь и направился к ее кровати, торопливо перебирая ногами, которые немного заплетались.

— Ах да, — язвительно ответил он, — теперь ты ходишь у него в фаворитках, верно?

Она молчала, прикидывая, насколько он пьян и насколько опасно его с трудом подавляемое раздражение.

— И почему это так, одному Богу известно! — воскликнул он. — Если б ты не совала свой нос со своим проклятым провинциальным знахарством, мой ребенок был бы жив. Ты лишила меня сына. Ты лишила моего отца внука. Если б мы позвали нормального врача из Йорка или из Лондона, настоящего специалиста, Кэтрин сейчас была бы беременна. И я получил бы осенью свои деньги и имел бы наследника.

— Младенец был болен, — возразила Элис. — Ты можешь думать что угодно, но он не дотянул бы до полного срока.

— Это все чушь собачья, — возмутился Хьюго, сверкнув на нее глазами. — Ты сама клялась и божилась, что он здоров. Ты клялась мне, что это здоровый малыш. Ты плутовка и обманщица. И все твои слова — это ложь и жульничество.

Элис покачала головой, но промолчала, видя, что его нервозность только растет, переходя в откровенную злобу.

— Снимай платье, — вдруг приказал Хьюго.

Она совсем растерялась.

— Оглохла, что ли? — прикрикнул молодой лорд. — Снимай платье. Это мое платье, не забывай этого! То самое, с которым у тебя стало двенадцать штук, как у Кэтрин! То самое, которое ты выпрашивала у меня, словно последняя шлюха!

Поднявшись, Элис расстегнула платье, сняла и аккуратно повесила на спинку кровати, затем откинула холодные полотняные простыни, не спуская глаз с Хьюго, и забралась в постель. Он расстегнул гульфик, развязал и спустил вязаные чулки.

— Послушай, — вдруг озадачился он. — Может, это наша забава тогда... из-за нее Кэтрин потеряла ребенка?

— Нет, — отозвалась Элис, пряча охватившее ее дурное предчувствие: настроение Хьюго не сулило ничего хорошего.

Судя по всему, она утратила власть над его похотью. Еще на сенокосе он вожаделенно смотрел на ту девчонку. Он затащил Элис в постель, не интересуясь ее желанием, и получал свое удовольствие от нее и от Кэтрин одновременно, будто обе были для него женщинами одного сорта: покорными рабынями. Он и Кэтрин забавлялись с ней, она была для них игрушкой. Он унижал ее. Теперь Хьюго свободен от ее власти и может пользоваться ею, как захочет.

Вскарабкавшись на кровать, он опустился перед Элис на колени. От него густо несло вином и луком. Он наклонился и, грубо сжав ей жесткими пальцами грудь, поцеловал ее. Мышцы Элис напряглись, теплая влага между ног похолодела и высохла.

— Я взял тебя тогда, как последнюю шлюху, — заявил он.

Притворяясь, она закрыла глаза и положила руки ему на шею, демонстрируя страсть, в которой не было ни капли любви.

— И это тебе очень понравилось, — добавил Хьюго. — Все бабы в душе шлюхи. И ты, и Кэтрин, и та девчонка на поле. Все шлюхи.

— Неправда, я не такая, — промолвила Элис. — Я жду твоего ребенка. Я единственная

женщина, которая может от тебя родить. И я способна очаровать тебя, Хьюго. Ты что, забыл, как тебе было хорошо, когда мои сестры приходили ублажить тебя?

— Мне нужна жена, а не коварная ведьма со своими интригами, — сердито пробубнил Хьюго.
— Мне нужен законный сын, а не ублюдок от женщины без роду и племени. Я не знаю, как управлять своей жизнью. Смотрю на Кэтрин и вижу, что она с ума по мне сходит, смотрю на тебя и понимаю, что сам схожу по тебе с ума. Но все пустое. Все это ерунда. Самое главное утекло от меня, как вода сквозь пальцы. Мне отказано во всех моих настоящих желаниях. Я могу только играть с тобой в эти безумные игры и иметь сына, от которого не будет никакого толку, который будет лишь тешить мое самолюбие.

— Ты можешь управиться со своей жизнью, — осторожно заметила Элис.

Хьюго размяк от выпитого и был раздражителен. Он пытался войти в нее, но безуспешно, тогда протянул руку и пощупал: у Элис там все было сухо и холодно — она не хотела его. Между тем она быстро продолжала:

— Все получится, если Кэтрин уйдет и у меня родится сын, твой сын, и ты перестанешь видеть во мне шлюху, перестанешь унижать, перестанешь относиться ко мне как к своей содержанке, заметишь, что на самом деле я женщина, которая обладает огромным даром и возможностями. Мне не нужно принадлежать к какому-то роду, мне не нужно имя. И состояние мне тоже не нужно. Мое умение, навыки и сила — вот мое приданое, от которого не отказался бы любой мужчина. Мы бы могли пожениться, я всегда об этом мечтала. И твой дом, твой новый красивый дом стал бы нашим домом и домом нашего сына. И мы зажили бы все вместе совсем по-другому, так, как ты хотел.

— И родили бы еще сыновей, — с пьяным воодушевлением подхватил Хьюго.

Он еще раз толкнулся в нее. Элис чувствовала, как что-то дряблое и влажное тычется в ее плотно сжавшиеся мышцы. От его белья шел густой запах пота. Стиснув зубы от отвращения, она сказала:

— Да, мы могли бы иметь еще сыновей. И ты стал бы зачинателем нового рода. Со своими законными сыновьями.

— Да, с сыновьями, которых будет больше, чем у отца! — воскликнул Хьюго. — Больше, чем у деда! Мне надоело, что меня постоянно обвиняют, будто я не способен зачать ребенка. Мы поженимся и переедем в новый дом, у нас будет не меньше сотни детей.

— Поженимся? — тихо повторила Элис, уже готовая поймать его и заставить обручиться.

Обещание жениться — очень серьезное обещание, и благородный человек не может от него отказаться.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

— Сотни сыновей! — кричал Хьюго, которого вдруг охватила хмельная радость. — Сотни, сотни!

— Так мы с тобой поженимся? — напирала Элис. — Поженимся и у нас родятся законные сыновья? Ты хочешь на мне жениться, Хьюго?

Еще немного, и он ответит, еще немного, и она получит его честное слово, а вместе с ним и возможность шантажировать, используя его щепетильность в вопросах чести. Но он вздохнул, повалился лицом в подушки и захрапел.

Выбравшись из-под милорда, Элис набросила на голые плечи какую-то тряпицу, подвинула к

камину кресло, села и уставилась на огонь.

— Один, — проговорила она, вспомнив о пустых рунах. — Смерть старого и рождение нового. Старое отжило и должно умереть. Старая любовь должна уступить, уйти. Должна явиться смерть.

Полено в камине сдвинулось и ярко вспыхнуло, желтое пламя осветило лицо Элис — теперь она напоминала бормочущую заклинания ведьму.

— Смерть старого. Должна наступить смерть. Смерть. Только не моя смерть, и не Хьюго, и не старого лорда. Но смерть должна прийти. Прежние привязанности сменятся новыми. И старая любовь погаснет.

Больше она не проронила ни звука, просто сидела и смотрела на пламя. Она понимала, что руны нагадали смерть, и надеялась откупиться, предложив символическую смерть своей прежней любви и прежней привязанности. Но в самых тайниках души Элис знала: руны требуют крови.

— Но только не моей крови, — прошептала она.

Хьюго проснулся с ясной головой, и ему не терпелось поскорей отправиться на охоту. Элис помогла ему надеть камзол, похлопала по толстой, подбитой ватой спине и плечам и одернула дорогую шелковую подкладку сквозь прорези на рукавах и на груди. Даже с тенями под глазами после попойки и темной щетиной на подбородке Хьюго был неотразим. Когда он предположил, что накануне они занимались любовью, Элис не стала его разубеждать. Она проводила его из дамской галереи до лестницы, посмотрела, как он легко сбегает по ступенькам, а потом кивнула сидящей у камина Элизе.

— Принеси мне доску для письма из комнаты Кэтрин, — велела она и опустилась на табурет у огня.

Миссис Эллингем вышивала длинный гобелен, над которым трудились с тех пор, когда Элис только появилась в замке. Еще мать Кэтрин и ее приближенные дамы начинали над ним работать, и теперь продолжала сама Кэтрин со своими дамами. Элис представила, что после миледи, которая с позором покинет замок, уже она и ее дамы будут еще долго вышивать этот гобелен, который пока был готов только на четверть. Элис лениво расправила складки и изучила яркие краски сложного узора.

— А где Рут и Марджери? — осведомилась она.

— Гуляют в парке, — сообщила миссис Эллингем. — Леди Кэтрин спит, но после обеда она справлялась о вас.

— Я была с лордом Хью, — пожала плечами Элис. — Я больше не могу быть у Кэтрин на побегушках.

Брови миссис Эллингем взлетели, но она промолчала.

Элиза принесла доску слоновой кости. В чернильнице наготове торчало перо такого же цвета, лежали листы гладкой бумаги, короткая свечка для запечатывания писем и несколько обрывков тесьмы. Элис с удовлетворением поставила доску себе на колени, потрогала каждый предмет, погладила бумагу и провела кончиком пальца по мягким волоскам пера. Затем взяла его и начала писать.

Передаю вам эти вещи с курьером, потому что приехать, как я предполагала, сегодня не смогу.

Леди Кэтрин, хозяйка замка, больна, мне приказано ухаживать за ней. Не хочу привлечь к вам внимание и поставить под угрозу вашу безопасность, как и мою собственную, а потому не настаиваю на визите к вам. Не говорите с курьером. Не пишите ответа.

Приеду, как только смогу.

Закончив, она сложила листок втрое, в трех местах накапала по лужице жидкого воска и прижала каждую небольшой печаткой с миниатюрным фамильным гербом Хьюго; печаткой этой пользовались дамы его семейства уже много поколений подряд. Под каждой печатью Элис аккуратно вывела красивую букву «Э» и подождала, пока просохнет.

— Что вы пишете? — любопытствовала Элиза, не в силах больше сдерживаться.

— В хижине старой Моры появилась новая знахарка, — пояснила Элис. — Не знаю, кто она и откуда взялась. Но я решила кое-что послать ей. Когда мне придет время рожать, понадобится опытная повитуха, которая могла бы принять ребенка. Если окажется, что она добрая и умелая, я приглашу ее.

— В Ричмонде есть повитуха, у нее прекрасная репутация и большой опыт, — заметила миссис Эллингем.

— Тогда и ей отправлю подарок, — нашлась Элис. — Хорошо, когда заранее подготовишься.

Кивнув на дверь в комнату миледи, где та спала в своей постели и слезы катились из-под опущенных ресниц, а простыни намокали от непрерывно сочащейся белой густой жидкости, Элиза спросила:

— С вами такого не случится, правда?

Элис покачала головой.

— Ходят слухи, что это все из-за болезни Хьюго, — осмелилась продолжить Элиза. — Мол, он не способен дать женщине ребенка, а если получается, то младенец не выживает.

Миссис Эллингем поджала губы и заявила:

— Прежде никогда не видела таких выкидышей. У леди Кэтрин должна идти кровь, а ее совсем нет.

По примеру других Элис тоже понизила голос.

— В жидкостях ее организма завелась какая-то порча, — прошептала она. — Помните, как был зачат ребенок? Госпожа всегда или слишком возбуждается, или совсем холодна. Я старалась, как могла, пытаюсь привести ее в равновесие, но ребенок был зачат в состоянии жара и сухости, а погиб в состоянии влажности и холода. Я могу сделать Кэтрин здоровой, но мне не под силу изменить ее природу. И никто не вселит в нее способность зачинать и рожать детей. Очистить ее невозможно.

— Тогда милорд даст ей отставку, — заключила Элиза, сообразив, куда идет дело.

Кивнув, Элис приложила палец к губам. Ее приятельницы обменялись настороженными взглядами.

— Зато вы ждете от него ребенка, — добавила Элиза.

Элис улыбнулась и встала, расправляя складки своего прекрасного зеленого платья.

— А ты говорила, что я качусь по наклонной, — напомнила она. — Надсмехалась надо мной,

уверяла, что мне недолго осталось. Назвала меня шлюхой.

Покраснев как помидор, Элиза пробормотала:

— Прошу у вас прощения. Я была не права, Элис... госпожа Элис. Я позволила себе обращаться с вами слишком вольно, я заблуждалась.

Милостиво приняв извинения, Элис направилась к себе, вынула из сундука старое темно-синее платье бывшей содержанки Мег, подарок его светлости, встряхнула и осмотрела. Матушке Хильдебранде оно будет слишком свободно, поскольку она похудела и сгорбилась. Зато сшито платье из доброй, толстой шерстяной материи, и матушке в нем будет тепло даже в сырой хижине. Сложив наряд, Элис спустилась по лестнице и через пустой большой зал прошла на кухню.

Здесь было тихо. Повара с подсобными рабочими сбежали из замка в Каслтон: навестить друзей, поваляться на травке на берегу реки, кутнуть со свободными от службы солдатами. Лишь один мальчишка прикорнул возле вертела, который крутил целый день. На вертел был нанизан большой жареный кусок говядины, оставшийся от обеда.

— Просыпайся, — повелительно произнесла Элис.

Он мгновенно вскочил на ноги, грязной рукой протирая глаза. Увидев перед собой Элис, он отпрянул.

— Хочу послать одной знахарке в пустошь немного еды и платье, — с улыбкой сообщила она.
— Отвезешь ей, понятно? Можешь взять мою кобылу.

Парнишка растерянно заморгал.

— Возьми корзинку, уложи все, что найдется съедобного, да получше, — продолжала Элис.
— Большой кусок этого мяса, хлеба, фруктов, каких-нибудь сладостей и кувшинчик вина.

Однако парень стоял в нерешительности.

— Давай, давай, — поторопила Элис. — Я передам повару, что отправила тебя с поручением.

Кивнув, он подошел к висевшим на балке корзинам, снял одну и поплелся в кладовую возле холодной внешней стены замка.

Элис огляделась. Пол на кухне был посыпан травой, которая давно высохла, но не менялась уже много месяцев. Всюду гуляли курочки и петушки, клевали, что попадется, оставляя на каменных плитах пола белые и зеленоватые кучки помета. В камине, расположенном в дальнем конце, тлело и дымил толстое сосновое бревно; к ужину оно разгорится и будет полыхать всю ночь. Одна стена кухни представляла собой сплошную каменную глыбу с полудюжиной полостей для получения древесного угля, на огне которого в небольших кастрюльках готовили подливки, соусы и тому подобное. Все вокруг было покрыто легким налетом черной сажи.

Шафы здесь не запирались. Все кладовые были открыты: ледники для хранения мяса и рыбы, кладовка для сладостей. Открыт был даже погреб с элем. Вспомнив про планы Хьюго переехать в новый дом и освободиться от лишних бездельников-слуг, Элис поняла: да, он мог бы на этом немало сэкономить.

— Возьми кувшин вина с затычкой, — велела она. — Да смотри, самого лучшего.

Парень вышел из кладовой с корзинкой, наполненной едой, там было полголовы сыра, две

буханки хлеба, кусок мяса, миска с рано поспевшими ягодами, толстый шмат ветчины и кружка миндальной пастилы со смородиной.

— Там есть еще горшок меда. Взять? — предложил он.

Матушка Хильдебранда очень любила мед. Элис помнила, что аббатиса не ест мед по религиозным праздникам или дням святых, однако напрочь забыла церковный календарь, который когда-то знала назубок.

— Нет, не надо, — ответила она. — А белое мясо есть?

Белое мясо представляло собой пюре из курятины либо крольчатины, подслащенное медом и подаваемое со щепоткой сандала, придававшего кушанью приятный розовый цвет. Белое мясо матушка Хильдебранда ела в пост, если не было рыбы. Парень снова пошел в кладовку, наполнил оловянную миску, вернулся на кухню, накрыл ее грубой полотняной салфеткой и перевязал тесемкой.

Поставив корзинку на стол, он отправился в винный погреб за вином, которое хранилось в огромных бочках, укрепленных подпорками наклонно, и напиток стекал вниз через специальный кран. Элис слышала, как струя вина журчит, перетекая в кувшин. Потом парень вернулся на кухню, заткнул кувшин пробкой и вытер его о свою рубаху. Элис приняла вино, завернула кувшин в синее платье, чтобы не разбился, и поспешила к конюшне, а мальчишка поплелся за ней.

Конюх, молодой простоватый парень, оказался на месте, он валялся на куче сена, греясь на солнышке и ковыряя соломинкой в зубах.

— Оседлай мою кобылу, — велела Элис. — Хочу послать этого мальчишку с важным поручением.

Тот сразу вскочил на ноги и поклонился, глупо хихикая.

— И проводи его до ворот, — распорядилась Элис. — Эти припасы он везет по моему указу.

Она повернулась к своему курьеру, достала письмо и сказала:

— Отдашь это пожилой женщине. Она не причинит тебе вреда. — Девушка помолчала минуту, наслаждаясь своей властью, и медленно, внушительно произнесла: — Ты не должен с ней разговаривать. Если она сама заговорит с тобой, молчи. Просто покивай, и все. Пусть думает, что ты немой. Смотри не пророни ни слова. Ни единого слова. И никуда не отклоняйся, ничего не ешь из корзины. Я обязательно узнаю, если ты привезешь меньше, чем положил. И обязательно узнаю, если ты не послушаешься и начнешь болтать.

Мальчишка покрутил головой и беспокойно сглотнул слюну.

— Ты знаешь, где живет знахарка из Боуэса? — осведомилась Элис. — Ее хижина стоит на берегу реки, перед каменным мостом.

Парень кивнул, и она сунула письмо в щель у стенки корзинки так, что его не было видно.

— Отвези все это туда. Письмо вот здесь. Смотри не показывай его никому и не потеряй. Я все равно об этом узнаю. Когда вернешься, я дам тебе шесть пенсов, — пообещала с улыбкой Элис.

Мальчишка взглянул на нее вопросительно.

— Что такое? — не поняла она.

— А можно вместо этого вы дадите мне кусочек вашей ленточки? — попросил он. — Или еще чего-нибудь, что вам не нужно. Старый платочек.

— Зачем тебе? — удивилась Элис.

— Чтобы защищал меня от побоев, — пояснил он, уставившись в землю. — На кухне говорят, вы можете достать все, что захотите. И можете сделать все, что пожелаете. И я подумал, вот если б получить от вас какую-нибудь вещь...

— Я обыкновенная женщина, — прервала его Элис. — Умею лечить болезни и знаю, как это делать, и это священное знание. Мои вещи не могут быть талисманом. Я просто знахарка, целительница, Бог подарил мне эту способность. Я ничего не делаю ради собственной выгоды.

Парни тайком обменялись недоверчивыми взглядами; Элис предпочла этого не заметить.

— И поторопись, скажи как можно быстрее, — промолвила она на прощание. — А когда вернешься, обязательно найди меня.

ГЛАВА 27

Несмотря на подробные инструкции, мальчишка все-таки привез ответ от Хильдебранды, нацарапанный обломком грифеля на грубой бумаге, с обратной стороны счета какого-то постоянного двора. Письмо не было запечатано. Увидев его, Элис сжала губы. Пока оно добиралось, его мог прочитать кто угодно, причем без ее ведома. «Как похоже на матушку, она совсем не понимает, что мы рискуем, — подумала девушка. — Эта женщина одержима идеей мученичества, ей не терпится выставить себя, показать, что она ничего не боится. Она так долго не жила в миру, что понятия не имеет, какие опасности здесь подстерегают на каждом шагу, какому риску она меня подвергает». Дав мальчишке обещанный шестипенсовик, Элис сунула письмо аббатисы в рукав и направилась в садик.

Теплое вечернее солнышко золотило листья трав и цветов. Садик, со всех сторон окруженный высокими стенами, был защищен от ветра, летом здесь всегда было жарко. Жужжали пчелы, неторопливо перелетая с цветка на цветок. Элис шла по узким дорожкам, подол ее зеленого платья шуршал по траве, отчего запахло цветами еще сильнее. Впереди был цветник с беседкой, в тени которой спрятались от палящего солнца Рут и Марджери. Они увидели Элис, но остались на месте. Слева находилась пекарня, в ней было тихо и прохладно. Из круглой тюремной башни за спиной не доносилось ни звука. Элис уселась на низенькую стенку, окружающую грядки с мятой, подставив непокрытую голову немилосердным лучам солнца. В неподвижном воздухе над грядкой лекарственного белокопытника повисло благоухающее облако. Из фруктового сада долетали мелодичный щебет и свист. Во внешнем дворе раздалось радостное ржание лошади.

Вынув из рукава письмо, Элис расправила его на коленях и стала читать.

«

Дорогая дочь во Христе » — так начиналось письмо Хильдебранды, первыми же словами обвиняя Элис. Девушка огляделась вокруг — поблизости никого не было. Она поспешно оторвала верхнюю часть листка, скомкала ее, вонзила свои острые ногти в мягкую бумагу и разорвала ее на клочки, которые запихала в кошель. Только после этого она стала читать дальше.

Я не желаю обсуждать с тобой причины твоего промедления. Не может быть никаких причин, когда воля Господа для нас ясна и очевидна. Предай леди Кэтрин, пусть с чистым сердцем доверится Матери Божьей, которой известны все ее страдания. Ты можешь навестить ее и позаботиться о ней потом. Жду тебя нынче вечером.

Далее шел пропуск, а за ним продолжение, почерком более округлым, словно теперь не аббатиса обращалась к упрямой монахине, а мать к дочери.

Прошу тебя, Анна, приезжай не откладывая. Не за себя я боюсь, хотя я слаба и не могу добыть огонь и принести воды, а за тебя опасаясь. Что ты делаешь там, в этом замке, почему не торопишься проявить послушание?

— Так и знала, что она не сумеет разжечь огонь, — раздраженно произнесла Элис.

Она снова разгладила листок на коленях. В этом садике, освещенном лучами солнца, такой далекой была Хильдебранда с ее больными суставами, тщетно пытающаяся с помощью огнива высечь огонь, слишком старая и слабая, чтобы донести до хижины ведро воды с крутого берега реки.

Элис скомкала письмо в плотный комок, сунула в кошель, намереваясь после сжечь, и вытянула ноги, любясь тем, как красиво их облегает подол зеленого платья. Она подставила лицо солнцу и зажмурилась.

— Вы почернеете от загара, госпожа Элис, — раздался рядом чей-то вкрадчивый голос, — и станете как крестьянка.

Она открыла глаза. Перед ней стоял управляющий Дэвид, а рядом совсем еще юная девушка, лет шестнадцати, не старше. Светленькая, с волосами золотистого оттенка, но красивей, чем волосы Элис, и глаза голубые, но светлей и ярче. Фигурка полненькая, с округлыми формами; Элис обратила внимание, как тесно корсаж сжимает ее крепкую юную грудь, зато платье коротко, словно она еще не вполне взрослая.

— Это Мэри, — представил девушку Дэвид, — по приказу лорда Хью ее назначили к вам в служанки.

Элис кивнула, разглядывая новую знакомую. Та делала то же самое, изучая каждый дюйм платья Элис, ее волосы червонного золота, зеленый чепец.

— Она давно служит? — холодно осведомилась знахарка.

— С детства, — коротко доложил Дэвид. — Она была служанкой в доме одного торговца из Каслтона. Я обратил на нее внимание, потому что она красива и расторопна. Решил, что как раз вам подойдет. Не хотелось брать вам в служанки этих грязнуль с кухни. Тупые, как коровы, и такие же неповоротливые.

— Да ты просто прелесть, — сказала Элис таким тоном, словно хотела оскорбить девушку. — Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, миледи, — ответила та.

— Обращаясь к ней «госпожа Элис», — резко поправил ее Дэвид. — Госпожа Элис не хозяйка замка, всего лишь одна из дам леди Кэтрин.

Посмотрев на карлика испепеляющим взглядом, Элис заявила:

— Раз уж она моя служанка, пусть обращается ко мне, как пожелает, лишь бы это нравилось мне.

Тот пожал своими сильными плечами.

— Как вам будет угодно, госпожа Элис.

— Ты уже помолвлена или, может, замужем? — обратилась Элис к девушке.

— Нет, миледи, — едва слышно пролепетала Мэри. — Я еще девица.

Элис бросила на Дэвида быстрый подозрительный взгляд. Тот в ответ льстиво улыбнулся.

— Подожди пока в дамской галерее, я пришлю за тобой, — отрывисто распорядилась она.

Сделав реверанс, Мэри направилась в замок. Дэвид остался. Он отщипнул цветок лаванды и понюхал, наслаждаясь запахом и демонстрируя непринужденность и совершенное спокойствие.

— Она очень красива для дочери крестьянина, — заметила Элис.

— Да, очень, — согласился Дэвид.

— И похожа на ту девушку, которой Хьюго на сенокосе подарил цветы.

— В общем-то, она ее сестра. — Дэвид сощурился, глядя в синее небо, и добавил: — Действительно, они здорово похожи, теперь и я это вижу.

— Уж не думаешь ли ты выжить меня этой пухленькой красоткой, а, Дэвид? — прямо спросила Элис. — Надеешься, что Хьюго бросит меня ради внезапной прихоти, когда я жду от него ребенка, когда он почти год как влюблен в меня до безумия?

Карлик изумленно вытаращил глаза.

— Что вы, что вы, госпожа Элис, конечно нет! Такова была воля его светлости, а я просто исполнил ее. Он велел найти вам служанку, вот я и нашел. Если она не нравится вам, я отошлю ее. Передам молодому лорду, что девушка, которую я подобрал, слишком хороша на ваш вкус и придется подыскать какую-нибудь старушку из простых. Вам не о чем беспокоиться.

— Ладно, не важно, — отмахнулась Элис. — Я не боюсь, Дэвид. Можешь привести и поставить перед ним хоть сотню таких, как она. Ни одна из них не понесет от него ребенка. Ни одна не займет моего места. Пусть забавляют его сколько угодно, но ни одна из них не сядет за главным столом. Ты всерьез полагаешь, что старый лорд предпочтет мне деревенскую девку? — Элис громко рассмеялась, с удовольствием глядя на рассерженного коротышку. — Я беру эту Мэри. Будет заниматься шитьем и служить у меня на посылках.

— Например, бегать в пустошь, к хижине у реки? — резко сменил тему Дэвид. — Навещать там новую обительницу? Еще одну знахарку, явившуюся неизвестно откуда? Кто она, Элис? Дальняя родственница, седьмая вода на киселе? Или это Мора, восставшая из мертвых?

— Привидение, а как же! — мгновенно нашлась Элис. — Просто странствующая знахарка, которая поселилась в хижине Моры. Я послала ей кое-какие вещи и записку, весной придет время рожать, и мне понадобится повитуха. Я еще не решила, кого позову: ее или повитуху из Ричмонда.

— Понятно.

Дэвид повернулся, собираясь идти. Элис с облегчением вздохнула — она неплохо

справилась, выпутываясь из его сети.

— А зачем мальчишке надо было притворяться немым? — вдруг задал он новый вопрос. — Почему ему было запрещено разговаривать с ней? У нее есть какие-то тайны, о которых она может проболтаться?

Элис расхохоталась — ее залиvistый смех был подобен пению птички в саду.

— Эх ты, умник! — воскликнула она. — Я велела ему не утомлять пожилую женщину беседами, не есть по пути ничего из корзинки и не останавливаться, если ему взбредет в голову поиграть с друзьями. А он, значит, решил, что должен разыгрывать немого! Жаль, что меня там не было, вот бы повеселилась, глядя, как он строит из себя дурачка!

— А он и есть дурачок, — неохотно усмехнулся Дэвид.

Он кивнул и отправился своей дорогой. Элис смотрела ему в спину, пока он не скрылся из виду, к ее застывшему лицу приклеилась беззаботная улыбка.

Яркое солнце немилосердно жгло спину. Ей казалось, что щеки пылают, что под густой шапкой волос голова и шея охвачены жаром. По всему телу выступила испарина. Зеленое платье было затянуто слишком туго, жесткий корсаж давил. Ища прохлады и тени, она вошла в замок.

Поднявшись в дамскую галерею, она почувствовала сильную головную боль, будто кожа за ушами натянулась и сжала череп, словно клещами.

Свою новую служанку она отыскивала у себя в спальне, та расправляла на постели стеганое покрывало и смотрела в окно.

— Как у вас тут хорошо, миледи! — прошебетала она, увидев Элис. — Так хорошо, так замечательно и красиво.

— Расшнуруй меня, — приказала Элис, повернувшись к ней спиной.

Мэри распустила корсаж и шнуровку, Элис сбросила платье, и служанка ловко его подхватила.

— У меня болит голова, — пожаловалась Элис. — Закрой ставни и ступай в галерею, посиди там. Мне надо побыть одной. Позови меня за час до ужина.

— Я уберу ваше платье, — промолвила Мэри.

Она двинулась было к сундуку, где хранились травы и масла.

— Не туда, — резко остановила ее Элис. — Ты должна знать, что я занимаюсь травами и лечу ими. В том сундуке лекарства. Я запрещаю тебе приближаться к нему. Даже не прикасайся. Некоторые настойки требуют осторожного обращения, они испортятся, если кто-нибудь кроме меня дотронется до них. А для платьев у меня другой сундук.

Сделав реверанс, Мэри аккуратно уложила платье, куда было указано, но, закрывая сундук, громко стукнула крышкой.

— Простите, миледи, — испуганно пробормотала она.

Элис улеглась на подушки и закрыла глаза.

— Мне велено сообщить, что вас желает видеть леди Кэтрин, — не унималась служанка. — Я забыла вам сразу сказать.

— Передай ей, что у меня болит голова и я отдыхаю, — ответила Элис, не открывая глаз. — Зайду к ней перед ужином.

Мэри снова присела и удалилась. В галерее были открыты окна, потянул сквознячок, и дверь громко захлопнулась. Элис вздрогнула. Из-за двери было слышно, как Мэри общается с Элизой.

— Миледи Элис легла отдохнуть, — говорила девушка. — Она навестит леди Кэтрин перед ужином.

Превозмогая боль, знахарка улыбнулась.

— Миледи Элис, — произнесла она вслух. — Миледи Элис.

Она понимала, что ей придется навестить Хильдебранду. Обмениваться письмами было безумием — Дэвид знал о мельчайших подробностях поездки мальчишки-курьера, а значит, доверять нельзя было никому. Видимо, карлику докладывали обо всем, что происходило в замке и за его пределами. Нет, отправлять еще одно письмо было бы безрассудством. А Хильдебранда оказалась настолько глупа, что додумалась слать свои дурацкие наставления в незапечатанном виде. За ужином Элис сидела рядом со старым лордом и молча ковыряла в тарелке.

— Ты совсем ничего не ешь, Элис, — забеспокоился он. — Плохо себя чувствуешь?

Элис с усилием улыбнулась.

— Немного тошнит, милорд. И еще у меня кончились нужные порошки.

— Тебе принесут все, что требуется, — пообещал он, — и немедленно. Для ребенка нехорошо, если мать ничего не ест. У тебя будет все, что пожелаешь.

— Мне нужно толченой коры вяза, — пояснила Элис. — Причем не всякого, и только я знаю, где он растет. Я не смогу подробно объяснить, как найти его. Он растет в роще на берегу реки, там, где начинается пустошь. Мне одной известно, какой именно вяз мне нужен.

— Хочешь сама ехать? — догадался старый лорд. — Я прикажу отнести тебя в паланкине. Тебе небезопасно скакать верхом.

— Если на муле, то ничего страшного, — возразила Элис. — С него я не упаду, буду двигаться не быстрее пешехода. Ни мне, ни ребенку вреда не будет. Мне действительно очень нужен этот порошок.

— Тогда отправлю с тобой пару моих людей с оружием, — решил лорд Хью. — И твою новую служанку. По словам Дэвида, он нашел красивую девицу, которая очень рада помогать тебе. Можешь выезжать завтра утром, а к обеду вернешься.

— Хорошо, — кивнула Элис. — Или возьмем провизию с собой. Завтра снова будет тепло, и тогда спешить необязательно. Не люблю делать что-то впопыхах.

— Конечно, конечно, — согласился старый лорд. — Оставайся хоть до вечера, делай свои дела и не торопись, но соблюдай осторожность. Впрочем, с тобой будет охрана. Тебе полезно бывать на солнышке, только смотри не переутомись.

— Прекрасно, — с приятной улыбкой ответила Элис. — Я воспользуюсь вашими советами, милорд.

В тот вечер Хьюго не явился ни в дамскую галерею, ни в комнату Элис. Новая служанка Мэри спала с ней в одной комнате на маленькой, низенькой кровати, которая на деревянных колесиках выдвигалась из-под большой кровати. Элис лежала в темноте и с нарастающим раздражением слушала размеренное дыхание служанки. В полночь она растолкала ее и отослала спать в галерею.

— Я не могу заснуть, когда ты в комнате, — пожаловалась она.

— Хорошо, миледи, — отозвалась девушка.

Колечки ее светлых волос были взъерошены, на щеках играл румянец. Она, словно сова, хлопала на Элис глазами, еще не вполне проснувшись. Рубашка с открытым воротом демонстрировала соблазнительные, упругие груди.

— Иди, — раздраженно произнесла Элис. — Я не смогу заснуть, пока не останусь одна.

— Простите, миледи, мне очень жаль, миледи, — извинялась Мэри.

Стараясь не шуметь, она в полной темноте нащупала дорогу, вышла из комнаты, осторожно прикрыла дверь и тут же загремела, наткнувшись на табуретку. Потом все стихло. Элис перевернулась на другой бок и крепко уснула.

Утром она приказала Мэри принести эля и хлеба с сыром и, сидя в постели, в одиночестве позавтракала. Потом велела девушке доставить кувшин с горячей водой и нагреть перед огнем простыню, чтобы вытереться. Затем Мэри направилась к сундуку с платьями.

— Коричневое, — распорядилась Элис. — И черный корсаж, а также черный головной убор.

Одевшись, она посмотрелась в ручное зеркальце. Плоский как доска корсаж делал совершенно незаметными ее выступающий животик и грудь. Хильдебранда не увидит этого проклятия, называемого беременностью. Старомодный головной убор в виде двускатной крыши спереди почти закрывал ей лоб, а сзади полностью прятал волосы. Платье было сшито из толстой, теплой домотканой материи, ладно скроено и совсем не похоже на красный наряд, доставшийся ей от содержанки Мег, да и на другие платья Элис.

— Ты умеешь сидеть верхом? — обратилась она к служанке, когда они спустились вниз.

— Да, — промолвила Мэри. — У моего отца когда-то была небольшая ферма. Он держал много лошадей. Разводил их и продавал господам.

— А что, теперь у него нет фермы? — любопытствовала Элис.

Она шла впереди; через внутренние ворота, разводной мост и следующий двор они направлялись к конюшне.

— Ферма была на земле аббатства, — пояснила служанка. — А когда аббатство разрушили, милорд Хью скупил земли у короля. И арендная плата оказалась для нас неподъемной, пришлось бросить все и уехать.

— Чем теперь занимается твой отец? — небрежно спросила Элис.

— Потеря фермы была для него равносильна смерти, — вздохнула служанка. — Перебивается кое-какими заработками, летом стрижет овец, косит сено. Зимой копает землю. Но чаще всего ничего не делает. Живут они очень бедно.

— Возьми пока мою лошадь, — велела Элис. — А я сяду на мула. Но когда замок скроется из виду, поменяемся. Лорд Хью слишком беспокоится о моей безопасности.

Мэри кивнула. Мальчишка-конюх вывел лошадей, и она легко вскочила в седло, с изяществом и грацией развернув юбки своего серого платья, словно была благородной дамой, достойной и более красивого наряда. Глядя на нее, парень присвистнул, и Мэри отбросила кудряшки назад и улыбнулась. Элис усадили на спину мула, и она ударила пятками ему в бока.

Когда они проезжали ворота в Каслтон, к ним присоединились двое вооруженных людей. Один вышагивал впереди, а другой замыкал маленькую кавалькаду.

Путники быстро перебрались через мост и устремились в гору. Солнце ярко светило в глаза, перед ними расстилалась бледная дорога, день обещал быть жарким.

В своем тяжелом головном уборе и в теплом платье, плотно закрывающем шею, Элис с завистью посматривала на Мэри, которая держалась в седле легко и уверенно, вертя головой по сторонам, любуясь полями начинающей желтеть ржи и бледно-зеленой пшеницы.

— Скоро сбор урожая, — весело щебетала служанка. — В этом году зерно уродилось доброе. Мой отец уверяет, что осенью будет много фруктов.

— Слезай, — оборвала ее Элис. — Теперь я поеду на лошади.

Они остановились, и солдаты помогли им пересечь. Дальше ехали молча, дорога забиралась все выше и выше, посеы сменились пастбищами, где росли грубые травы, годные только для овец, а за ними начиналась бескрайняя пустошь, покрытая густыми зарослями вереска. Вдаль простирались холмы, и над ними огромной голубой чашей опрокинулось небо. В вышине порхали и звенели бесконечными трелями жаворонки. С правой стороны над обрывом, раскинув в жарком воздухе широкие крылья, неподвижно зависли сарычи. А еще выше в небе крохотным пятнышком кружил беркут.

Река куда-то пропала, спряталась под землю, будто хотела скрыть от солнца свои темные тайны. Белый известняк твердого русла холодным сиянием отражал солнечные лучи. Элис обрадовалась, когда они наконец оказались в прохладной тени зеленой рощицы.

— Здесь сделаем привал. Отдохните немного, перекусите, — сказала она своим спутникам. — Я поеду дальше, найду нужное дерево и надеру коры. Ждите меня здесь. Для поиска дерева с хорошей корой понадобится время. И не ищите меня, ничего со мной не случится, просто не надо мешать.

Солдаты смотрели на нее в нерешительности, не понимая, как реагировать.

— Лорд Хью приказал не отходить от вас ни на шаг, — наконец возразил один из них.

— Что здесь может приключиться? — улыбнулась Элис. — Дорога пуста, в лесу тоже никого. Я родилась в этих местах и знаю их как свои пять пальцев. Ничего со мной не произойдет. Я буду недалеко, в пределах слышимости. Сидите здесь и ждите, пока я не вернусь.

Она поехала дальше; дорога шла под уклон, и кобыла спускалась осторожно, переступая корни деревьев; когда ее спутники скрылись из виду, Элис натянула поводья. Несколько долгих минут она ждала — нет, никто, кажется, за ней не отправился. Тогда она повернула лошадь вверх по течению реки, пришпорила, и кобыла перешла на рысь, а потом и в галоп, скача по заросшему травой берегу в сторону хижины Моры.

Матушка Хильдебранда сидела на пороге, обратив усталое морщинистое лицо к солнцу, словно впитывая в себя теплые лучи. Услышав топот копыт, она открыла глаза и поднялась, придерживаясь руками за дверной косяк.

Спешившись, Элис привязала лошадь к кусту боярышника и прошла через калитку.

— Матушка, — позвала она.

Быстро оглядев окрестности, она убедилась, что в открытой пустоши не видно ни души, и опустилась перед порогом на колени. Матушка Хильдебранда положила трясущуюся руку ей на голову и благословила ее.

— Наконец ты пришла, дочь моя, — промолвила аббатиса; ее глаза горели решимостью.

Элис поднялась и ответила:

— Я не могу остаться с вами. Пока не могу. Я приехала сообщить вам об этом.

Старуха с трудом села на стоящий возле двери табурет. Элис опустилась на землю у ее ног. Матушка Хильдебранда молчала. Она ждала.

— Я не отказываюсь, я хочу остаться, — стала убеждать ее Элис, — но леди Кэтрин больна, она при смерти. Кроме меня, в замке никто не может как следует о ней позаботиться. У нее был выкидыш, из нее выходит какая-то ужасная белая мерзость, говорят, кто-то наслал на нее и на весь дом лорда Хью проклятие за то святотатство, когда они сожгли наш монастырь. И теперь им нужна благочестивая женщина. Леди Кэтрин убеждена к тому же, что только я могу защитить ее от страха. Никто не знает, что делать. Она смертельно боится, хотя ни в чем не виновата. Я не верю, что по замыслу нашего милосердного Господа я должна покинуть ее. Да меня все равно не отпустят. Даже сейчас мне позволили уехать только затем, чтоб собрать для леди Кэтрин лекарственных трав и коры вяза.

Матушка Хильдебранда все молчала. Она сидела неподвижно, глядя на чистый профиль Элис, а та склонилась к ней на колени, как в былые времена, и лгала.

— Старый лорд благосклонно относится к моей вере, — продолжала Элис. — Ему все равно, во что верить. Но сын его — протестант, неверующий. Это он разрушил наше аббатство, а теперь присматривается к каждому дому в округе, где живут набожные люди. Шериф графства — его отец, но именно Хьюго творит святотатства от имени короля. Он ни во что не верит. Он ненавидит истинную веру, а верующих хватает и бросает в тюрьму. Если ему станет известно, что вы здесь, что вы настоятельница сожженного монастыря, он прикажет вас изловить и пытаться, пока вы не отречетесь от своей веры.

— Я не боюсь его, — мягко произнесла матушка, которая слушала Элис, не отрывая глаз. — Я ничего не боюсь.

— Но что хорошего из этого выйдет? — горячо возразила Элис. — Что хорошего подвергать себя опасности, когда можно проявить осторожность и немедленно уйти туда, где ничто не угрожает? Разве это не угодно Богу? Уйти в безопасное место и снова жить в согласии с Его законом?

— Нет, сестра Анна, — покачала головой аббатиса. — Спасать собственную шкуру не богоугодное дело. Твои слова звучат весомо, но это слова мирянина. То, что ты предлагаешь, называется хитростью, когда победа достигается обманом. Нам был дарован другой путь. Богу угодно, чтобы мы свидетельствовали о Нем открыто, подтверждали Его истину всей жизнью. Я никогда не была искусна в речах и не отличалась изворотливостью ума, но я могу быть мудрой. Я могу своей жизнью преподать урок, о котором более образованные напишут в книге. Я не умею доказывать истину, но могу показать ее. Я умею жить так, как живу, и собственной смертью напомнить, что существуют вещи более важные, чем привязанность к земным благам, что попытки отсрочить смерть суетны.

— Но это же глупо — умереть просто так! — воскликнула Элис.

Хильдебранда тихо засмеялась, и сухая кожа на ее лице покрылась сеткой морщинок.

— Тогда выходит, что все люди — глупцы, — заметила она. — Умереть, Элис, это нормально, даже разумно. Все умрут, нам лишь остается выбирать, умрем мы в вере или нет. Придет ли твой страшный молодой лорд по мою душу сегодня или я скончаюсь на мягкой постели в окружении друзей завтра — для моей бессмертной души неважно, ведь боится только тело. Где бы и когда бы я ни умерла, я хочу умереть в моей вере, и моя смерть покажет, что вера была самым важным в моей жизни.

— Но я-то хочу жить, — упрямо заявила Элис.

— Ох, я-то ведь тоже хочу, — улыбнулась аббатиса, и Элис услышала в ее голосе бескрайнюю жажду жизни. — Но не любой ценой, дочь моя. Мы обе приняли это решение, когда давали обеты. Теперь их соблюдать трудней, чем когда ты была маленькой, а аббатство было для тебя прекрасным домом, словно из сказки. Но мы все-таки связаны обетами, и тот, кто способен соблюдать их, получит взамен радость оттого, что он остался с Богом и Его святой Матерью.

На какое-то время воцарилась тишина.

— Возвращайся в замок, — кротко добавила матушка. — И передай им, что Кэтрин поправится и без тебя. А потом возвращайся. Если это чудовище, твой молодой лорд, явится за тобой, мы встретим его со всем мужеством, которое нам дарует Господь. А если нет, тогда начнем здесь новую и спокойную жизнь.

— Но меня держат под стражей! — не сдавалась Элис. — Я не могу уехать. Мне не позволят.

Матушка Хильдебранда внимательно на нее посмотрела и просто ответила:

— Тогда оставайся сейчас. Будем ждать и, если за тобой придут, встретим их вместе.

— За мной придут сразу же, — пояснила Элис. — Нас обеих заберут и посадят в темницу. У нас никаких шансов!

— Мудрую женщину никто не может лишить свободы, — глубокомысленно изрекла Хильдебранда. — Ее душа и разум всегда с ней. Если ты свято блюдешь обеты, все препятствия на твоём пути отступают.

— Но вы же не знаете, что они сделают с вами, когда схватят, — с отчаянием промолвила Элис.

Аббатиса покачала головой.

— Анна, десять месяцев я скрывалась, с того самого дня, как сожгли и разграбили аббатство. Мне прекрасно известно, что со мной сделают. Сначала учинят допрос по поводу моей веры, потом прикажут отречься от нее. Потом продемонстрируют орудия пыток. У вас в замке есть пыточная?

— Не знаю, — неохотно отозвалась Элис. — Думаю, есть... не знаю.

— И это меня называют слепой, — с улыбкой заметила матушка. — Тогда я сама скажу тебе. У лорда Хью в каслтонском замке есть пыточная, и еще какая! С рыночной площади в Каслтоне видно крышу тюремной башни; она находится в восточном углу внутреннего двора напротив круглой башни, где покои лорда Хью. Так вот, в тюремной башне есть пыточная. И если тебе об этом неизвестно, значит, ты и в самом деле слепа. Говорят, это помещение расположено в подвале, туда ведет узенькая лестница, на которую можно попасть через охраняемый люк в караульной. У них там много полезных инструментов: специальные клещи

для отрывания ногтей, особые гвозди, отдельно для рук и для ног, есть еще огромные ножницы для стрижки ушей и языков. Небольшой кузнечный горн, чтобы нагревать железо и прижигать плоть, и дыба, на которой растягивают тело, пока кости не выскочат из суставов, и человек остается калекой на всю жизнь, если, конечно, выживает.

— Перестаньте! — крикнула Элис, заткнув уши. — Прекратите немедленно!

— Есть еще пресс из резного дерева, он выдавливает из тела дух и крушит ребра. Есть кляп, с помощью которого раскрывают рот острыми железными пластинами. Воротник, изнутри усеянный шипами, которым можно сжимать шею, пока шипы не проткнут горло.

— Я не могу это слышать! Я не стану слушать! — голосила Элис.

Матушка Хильдебранда замолчала и подождала, пока девушка не отнимет от ушей ладони.

— Мне прекрасно известно, что меня ждет, — заключила аббатиса. — Но какое это испытание веры, когда оно происходит случайно? Я представляю, что со мной могут сделать, если схватят. Мне дано знать мои муки, и это хорошо. Наш Господь с самого начала знал, что с Ним будет. А эти страдания не страшней, чем Его распятие. Не страшней мук, которые Господь добровольно принял ради нас всех. И если Он призовет меня страдать ради Него, разве я могу отказаться?

Элис молча помотала головой.

— Ты боишься, сестра Анна? Ты слишком напугана для такого пути? — жалостливо произнесла матушка Хильдебранда. — Если это так, мы подыщем тебе другой путь, более безопасный.

Минуту Элис размышляла о безопасных путях, которые уже выбрала. О побеге из горящего аббатства, например, об ужасной смерти Моры. Она крепко зажмурилась, словно защищаясь от картин своего предательства.

— Страх — это еще не грех, — продолжала аббатиса. — Все мы боимся, Анна, только страх толкает нас на падения и грехи. Ты грешила когда-нибудь от страха?

— Нет, — отозвалась Элис.

Ей не хотелось сообщать матушке Хильдебранде, насколько силен ее страх, насколько глубок грех, как она перед ней виновата и насколько изолгалась. О, как велик этот ужас перед необходимостью открыться своей матушке! Она бы не перенесла, если б аббатиса со стыдом и неприязнью отвернулась от нее.

— Нет, — повторила Элис. — Я не боюсь. Я стала вашей дочерью сразу, как только увидела вас. Я обещала вам следовать за вами, куда бы вы ни повели меня. И если на то Божья воля и вы считаете, что мы должны пойти навстречу опасности, я не могу отказаться.

Аббатиса нежно положила руку на голову Элис и благословила ее.

— Но тогда почему мне кажется, что ты колеблешься? — тихо спросила она. — Это из-за молодого лорда, да, сестра Анна? Ты полюбила его?

Девушка отрицательно покачала головой, но матушка Хильдебранда не отводила от нее внимательных глаз.

— Ты согрешила, Анна? — допытывалась она. — Ты посмотрела на женатого мужчину и забыла о том, что он принес обет жене, а ты — Господу нашему? Прости меня, Боже, но, когда я в первый раз увидела тебя в том красном платье, я испугалась и подумала, что ты

стала его содержанкой.

— Нет, не стала, — прошептала Элис.

— Он молод и красив, и говорят, любит женщин, гоняется за каждой юбкой. Если он взял тебя силой, Анна, или даже если соблазнил тебя и ты уступила, ты можешь признаться мне, и мы вместе подыщем тебе епитимью. Ты можешь искупить свою вину. Мать Божья милосердна, она заступится за тебя перед Господом.

— Я ничего такого не сделала, — с вызовом заявила Элис.

Не объяснять же Хильдебранде, что ее грех — это похоть. Тот день, исполненный отвратительного разврата, когда они втроем корчились в постели, исходя возбуждением, — неподходящая тема для беседы, а уж тем более для исповеди. Элис слишком стыдилась этого.

— Меня никто не соблазнял, я не принадлежу никакому мужчине, — сказала она.

Снизу вверх она посмотрела в лицо Хильдебранды, и на мгновение старой аббатисе показалось, что она снова видит стоящую меж грядок с лекарственными травами голодную девочку и та клянется, что у нее нет родных или близких, которые не пустили бы ее в аббатство.

Матушка помолчала еще минутку, пытливо вглядываясь в чистое, открытое лицо Элис, и наконец ответила:

— Я молюсь о том, чтобы было так. А теперь ступай, Анна, и передай тем, кто тебя ждет, что ты не вернешься с ними в замок. Мы должны не откладывая начать новую жизнь. Задержка в служении Богу не терпит оправданий. Его призыв для тебя важнее призыва хозяйки, кем бы ни был ее муж.

Элис неохотно поднялась на ноги.

— У вас есть провизия? — осведомилась она.

— Благодаря твоему подарку я пировала как королева, — улыбнулась аббатиса. — Еще много осталось, а когда кончится, Мать Божья пошлет мне еды. Мы не будем здесь голодать, сестра Анна. Нам не будет холодно или одиноко. Господь — наш покровитель. Я верю, что Он всегда накроет для меня стол и моя чаша будет полна до краев.

— Я разожгу вам огонь, — предложила Элис.

— Ты можешь сделать это, когда вернешься, — заметила аббатиса.

— Нет, лучше сразу. Хижину надо просушить. Чем раньше разгорится огонь, тем лучше.

Пустив девушку внутрь, матушка закрыла глаза от солнечных лучей и произнесла благодарственную молитву о том, что нашлась сестра Анна, прекраснейший ребенок, цветок аббатства, нашлась и снова возродилась к служению Господу. Каковы бы ни были ее грехи — а должно быть, она много успела нагрешить за эти долгие и опасные месяцы в миру, — девушка исповедуется и покается в них и искупит свою вину. Главное, что дитя, ее возлюбленная дочь вернулась к ней, такая радость сравнима с радостью святого зачатия.

— Как возвращение блудного сына, — тихо бормотала аббатиса, и слезы наворачивались ей на глаза под закрытыми веками. — Бог спас сестру Анну от огня, спас ее от насильников и привел домой.

— Все в порядке, — сообщила Элис, выходя на солнце с испачканными руками. — Еще немного, и можно класть дрова. Только добавляйте по одному полену, дрова сырые.

— Я буду гулять по берегу и встречу тебя, когда ты вернешься от своих провожатых, — радостно промолвила старуха. — Река здесь уходит под землю, и на берегу иногда слышно, как она там течет. А знаешь, Анна, я вот подумала, что так и наша вера: то она глубоко прячется, то выходит на поверхность, но струится не переставая.

Элис кивнула. Всякий раз при виде пещер, размытых водой, она непременно вспоминала о Море, представляла ее холодное тело, гниющее во мраке подземных промоин. Но она не ощущала влажности, которую несла вода, скрытая глубоко под землей, под скалами. Она видела только ослепительный блеск известковых плит, только их беспощадную сухость.

— Я скоро вернусь, — пообещала она.

ГЛАВА 28

Элис ехала в сторону Каслтона, не оглядываясь. За ней, снова верхом на ее лошади, следовала Мэри. Солдаты, пообедавшие в лесу и изрядно отдохнувшие, были довольны и веселы. Тот из них, кто возглавлял кавалькаду, что-то тихо насвистывал сквозь зубы.

Погода портилась, вдоль реки стлался туман, клубясь и густея над неподвижными омутами. С запада потянуло холодом, а за спиной собирались темные тучи.

— Надо поторопиться, — обернувшись через плечо, бросил солдат. — Собирается дождь, а у вас нет плащей.

Элис кивнула, и он перешел на неторопливую, ровную трясцу. Мул семенил за ним, пыль под его копытами была белой, как соль. Рассматривая его длинные смешные уши, Элис ерзала в седле, ей было очень неудобно и тряско. Позади раздавался легкий топот копыт ее лошади, которой уверенно правила Мэри. Пыль забивала Элис рот и скрипела на зубах, сухим слоем оседала на лице и в волосах. После того как она бросила Хильдебранду одну в пустоши, ей казалось, что эта мертвая кристаллическая пыль окружила ее густым облаком и сопровождает всю дорогу.

Но вот копыта гулко застучали по каслтонскому мосту. Когда они достигли городка, солдат снова перешел на шаг. Торговцы на рынке уже собирали товар. Налетел ветер, растрепал ткани на прилавке, и они захлопали, словно десяток разноцветных флагов. Лошадь Элис испуганно шарахнулась в сторону, но крепко сидящая в седле служанка легко справилась с ней; мул, глядя на это, только прижал свои длинные уши.

— Вернулись как раз вовремя, — заметил солдат.

Стража у ворот преградила им путь копьями, но сразу же подняла их, приветствуя Элис. За спиной глухо пророкотал гром.

— Сейчас польет, — сказал солдат. — Вам повезло, госпожа Элис, добрались до дому сухой.

Как только они спрятались под крышей, прикрывающей ворота, она позволила снять себя с мула и отрывисто распорядилась:

— Дайте мне какой-нибудь плащ.

И в ту же минуту на двор замка обрушился ливень.

Мэри взяла протянутый солдатом плащ и накинула на плечи Элис, а та набросила его поверх жесткого головного убора. Опустив голову под проливным дождем, она пробежала через двор, через вторые ворота, через внутренний двор и наконец оказалась в замке.

В большом зале она на секунду остановилась: ослепительная молния прошла небеса, и в зале стало светло как днем, а следом раздался оглушительный раскат грома. Сидящий перед камином солдат испуганно вскочил и перекрестился.

— Господи, спаси и помилуй, — пробормотал он. — Прямо над нами шарахнуло!

— Где молодой лорд? — обратилась к нему Элис. — Где Хьюго?

— Он у отца, госпожа Элис, — доложил солдат. — От короля прибыл гонец, и они читают письма.

Кивнув, Элис пересекла зал и по коридору дошла до круглой башни. Когда она поднималась по лестнице, вдруг снова полыхнула молния, осветив перед ней ступеньки, и удар грома потряс здание.

— Я все равно сделаю это, — процедила она сквозь зубы.

Под дождем она была совсем недолго, но платье успело промокнуть насквозь и теперь обвисло, прилипало к бедрам и мешало движению. Оно тянуло ее вниз — так тяжелый наряд тянет под воду утопленницу.

— Я все равно сделаю это, — повторила Элис.

Преодолев еще десяток ступенек, она вошла в круглую караульную, находившуюся прямо под комнатой старого лорда. Там двое солдат играли в кости.

— Молодой лорд у отца? — спросила Элис.

— Да, госпожа Элис, — подтвердил младший. При ее появлении он встал и снял шляпу.

Тут глухо зарокотал гром, словно спешил с яростью наброситься на другую башню, тюремную.

— Гроза сейчас стихнет, — добавил парень. — А только что так сверкнуло!

— Не стихнет, — возразила Элис.

Она устремилась вверх по лестнице, держась рукой за каменную стену, словно неожиданно почувствовала слабость в ногах. По поводу грозы она оказалась права. Только она протянула руку к ручке двери в комнату старого лорда, как темноту пронзило ослепительное жало молнии, которое сквозь узкую бойницу ударило ей прямо под ноги, и сразу башню потряс гневный раскат грома. Элис испуганно отпрянула и ввалилась в комнату, едва не растянувшись по полу.

Хьюго, его отец и Дэвид сидели вокруг камина.

— Какая гроза! — воскликнул старый лорд. — Ты промокла, Элис? Ты не замерзла?

— Нет-нет, — заверила она.

Ей самой показалось, что ее голос звучит слишком резко, слишком встревоженно. Она перевела дыхание, пытаясь успокоиться.

— Пришлось пробежать через двор под дождем, но вернулись мы, когда гроза еще не началась.

Наконец и Хьюго посмотрел на нее.

— Пойди переоденься, — велел он. — Мы с отцом сейчас заняты, читаем послания членов королевского совета.

— Тогда не буду вам мешать, — отозвалась Элис. — Если понадобится моя помощь, милорд, пришлите за мной, я сразу приду. — Она помедлила и добавила: — Можно только пару слов, милорд? В старой хижине Моры в пустоши появилась какая-то знахарка. Очень подозрительная. Я столкнулась с ней в лесу, когда собирала кору вяза. Она несла какую-то чушь и напугала меня.

Хьюго снова поднял голову и спросил:

— Она причинила тебе вред?

— Нет, — покачала головой Элис, — но не дай бог, она окажется поблизости, когда придет мое время рожать. Я послала ей вещи в подарок, думала, что эта женщина может мне пригодиться. Но она говорила такие дикие вещи и выглядела так странно... В общем, она не понравилась мне. И я не хочу, чтобы она жила в хижине Моры.

Старый лорд с любопытством смотрел на девушку.

— Ты боишься ее? — удивился он. — На тебя это не похоже, Элис. Впрочем, в твоём положении так бывает.

— Да, наверное, — согласилась она. — Но эта старуха принимает меня за кого-то другого. Она называла меня Анной и умоляла остаться с ней. Велела идти в хижину и припугнула, что, если я не послушаюсь, мне угрожает опасность. Конечно, я очень испугалась.

— Она пыталась околдовать тебя?

— Нет, — твердо заявила Элис. — Ничего такого. Полагаю, это все мое глупое воображение, и только. Я ни в чем ее не обвиняю и давать показания против нее не стану. Мне просто не нравится, что она поселилась так близко. И ходит там, где я люблю собирать травы. И ведь хижина принадлежала старой Море, значит, теперь она принадлежит мне. Я не желаю, чтобы она жила в моем доме.

— Прогнать ее? — предложил старый лорд, приподняв бровь и глядя на сына.

Тот коротко рассмеялся и ответил:

— Пусть проваливает из наших земель в Уэстморленд. У них там полно сумасшедших старух, она попадет в хорошую компанию.

— Я не хочу причинять ей зло и стать причиной ее несчастий, — продолжала Элис, положив ладонь на живот. — Пожалуйста, Хьюго, сделай это как-нибудь помягче. Я нервничаю просто потому, что беременна, но не стоит создавать вокруг моего имени недобрые слухи.

— Хорошо, — кивнул молодой лорд. — Пошлю к ней моих людей, ее посадят на лошадь и переправят через границу. Ты никогда ее больше не увидишь, она не будет тебя беспокоить.

— Только пусть ее не обижают, — промолвила Элис. — Если ее обидят, со мной случится какое-нибудь несчастье, я это чувствую.

— С ней обойдутся ласково, — заверил Хьюго. — Не волнуйся, Элис.

— Ну, тогда я спокойна, — улыбнулась она. — Я уйду, а вы занимайтесь своими делами, милорды.

Как только она коснулась пальцами дверной ручки, снова вспыхнула яркая молния и в небе пророкотал яростный гром.

— Твою работу, сынок, за тебя сделает гроза, — заметил его светлость. — Она вышвырнет старую каргу за пределы графства.

— Только не в ту сторону, — уточнил Хьюго. — Гроза унесет ее в Йоркшир, а я и врагу не пожелал бы попасть туда.

Старый лорд усмехнулся, и как раз в это время Элис тихо закрыла за собой дверь.

Гроза вокруг замка бушевала всю ночь. На ужин Элис спускалась под ослепительные вспышки, отчего свечи казались черными. Кэтрин осталась наверху, хныча от страха перед грозой, вздрагивая и трясясь при громе и молнии. Окно ее было плотно закрыто ставней, штора задернута, но все равно сквозь щели в ставне и сквозь штору в комнату проникали ярко-серебристые вспышки, и почти сразу, через мгновение, сокрушительный удар грома погружал весь мир в тартарары.

Элис покраснелась, глаза оживленно блестели, распущенные волосы, свободной волной спадавшие на плечи, искрились, словно сама молния запуталась в них. На ней было ярко-желтое платье. Она смеялась, так и льнула к старому лорду, улыбалась при этом Хьюго, милостиво кивала сидевшим в конце зала солдатам, и те откликались резким одобрительным шумом. Большими глотками она пила темно-красное вино, которое ей настоятельно рекомендовал старый лорд, и ела с отменным аппетитом.

— Значит, кора вяза поправила твой желудок, — удовлетворенно произнес старый лорд. — И с ребенком у тебя все будет хорошо, Элис. Никаких таких штук вроде выкидыша, верно?

Она одарила его пленительной улыбкой. А за стенами иное сияние дробило ночной мрак на мелкие осколки, гремел гром, напоминавший оглушительный хохот, и какая-нибудь женщина в глубине зала обязательно вскрикивала.

— Нет, милорд, — беспечно прощепетала Элис. — Я знаю, как предотвратить выкидыш. Уже весной у вас будет прекрасный внук, и вы будете качать его на руках.

— Выпьем за это! — провозгласил Хьюго.

И снова ярко сверкнула молния, и следом раздался гром. Какая-то служанка закричала от страха, уронила поднос с мясом, и собаки, забившиеся под столы, выскочили, торопливо похватали куски и снова спрятались.

Элис весело рассмеялась.

— Этот дождь побьет всю пшеницу, — мрачно заметил Хьюго. — Если он скоро не кончится, пшеница не выправится и будут большие потери.

— Летние грозы быстро кончаются, — успокоил его старый лорд. — И эта к восходу прекратится, утром ты увидишь на небе яркое солнышко, оно быстро подсушит пшеницу.

— К концу жатвы мы должны отпраздновать день урожая, — вставила Элис.

Подбежавший паж что-то прошептал на ухо старому лорду. Тот откинулся в кресле, отдавая ему распоряжение. В это время Хьюго обратился к Элис:

— Тебе лучше остаться дома. В прошлый раз тебя встретили в поле не очень-то любезно.

Снова сверкнула молния, будто острый меч прорезал полумрак зала. Элис отразила хмурый взгляд Хьюго улыбкой не менее ослепительной, чем молния, и не дрогнула, даже когда раскат грома заглушил его последние слова.

— А мне-то какое до этого дело, — ответила она. — Как и до этой грозы, пускай себе беснуется. Послушай, приходи ко мне ночью, Хьюго. Я возьму тебя на прогулку, и ты запомнишь эту грозу на всю жизнь. В такие ночи любят забавляться мои сестры, и я буду с ними. Ты совсем забыл, на что я способна, Хьюго, ты же знаешь: стоит мне протянуть руку, и меня не остановить. Я не боюсь этих твоих деревенских, которые гордятся своим клочком земли, свиньей в свинарнике и ульями с пчелами. Я не боюсь их, пусть сплетничают и делают что угодно. Я ничего не боюсь, Хьюго. Приходи ко мне ночью — и увидишь, как упоительно играть с громом и молниями.

Стальной, осуждающий блеск в его глазах сразу померк.

— Элис, — страстно прошептал он, его дыхание участилось.

— После ужина, — добавила она и отвернулась.

Рядом с ней сидел Дэвид, перед ним на одном колене стоял разносчик мяса, протягивая серебряную тарелку с едой.

— Дайте-ка мне кусок побольше! — воскликнула Элис, стараясь перекричать шум грозы. — Я сильно проголодалась. Мне надо много есть! Побольше, побольше!

Ужин закончился быстро: шум грозы мешал беседам, ничего не было слышно, и даже наименее суеверные чувствовали тревогу и страх. На какое-то время гром стих, откатываясь вверх по долине. Но в самом конце долины, возле большого водопада, гроза повернула и, с яростью набирая скорость, снова пошла верх по течению реки, вздувая и вспенивая воды, и волны уже перехлестывали через берег. Сидеть в галерее в такую погоду дамы отказались: ветер потрясал оконными рамами, проливной дождь заливал трубы, дрова в камине шипели и гасли. Все рано разбрелись по постелям; Рут спала на выдвигной кровати в комнате Кэтрин, держа ее за руку, чтобы той было не так страшно. Представив себе эту картину, Элис весело засмеялась. Она впустила Хьюго и заперла за ним дверь на засов.

Ее настроение передалось ему, глаза его сияли. Он покорно ждал приказаний.

— Выпей, — скомандовала Элис.

Она протянула ему бокал с вином, куда успела всыпать щепотку земляного корня, и подала пример, выпив свою порцию.

— И скорей раздевайся, Хьюго, мои сестры примут тебя только голым.

Медленными движениями он стал стягивать с себя одежду: земляной корень уже успел пробежать по его жилам, руки и ноги отяжелели и плохо слушались, глаза потемнели, зрачки расширились.

— Элис, ведьмочка ты моя, — пробормотал он.

— Ложись на кровать, — велела она. — Мои сестры спешат к нам. Еще удар грома, и они появятся. Слушай, Хьюго! Когда в небе полоснет молния, они сразу падут к нам с облаков, с

криками и смехом, и волосы у них за спинами будут подобны черному пламени. Вот они, уже приближаются! Вот они, вот они!

Обнаженная Элис стояла перед узкой бойницей, вытянув вперед руки.

— Я вижу их, — говорила она. — На фоне светлого неба, озаренного молнией, я вижу, как они идут к нам, Хьюго. Эй, сестры мои! Сюда! Я здесь! Возьмите меня позабавиться с вами, поиграть с громом и молнией!

В узкое окно влетел сильный порыв ветра. Элис, воспламененная чувством вины и страстным желанием, ощущая лихорадочное возбуждение, хохотала, словно безумная, а струи дождя хлестали ее нагое тело.

— О, как хорошо! — стонала она.

Холодные капли жалили ей соски тысячами нежных укусов.

— О, как хорошо! — повторяла она.

Затем Элис повернулась к Хьюго — она была в том состоянии, когда человек теряет всякую осторожность, — и беспечно предложила:

— Пошли отсюда на воздух. На крышу круглой башни.

— На воздух, — хрипло отозвался Хьюго.

Элис накинула на голое тело темно-синий плащ, а плечи Хьюго обернула одеялом. Она провела его через галерею, и он, спотыкаясь, послушно плелся за ней, потом они спустились по лестнице и прокрались по коридору в круглую башню. Старый лорд все еще оставался в зале, а в караульной никого не было. Элис и Хьюго вошли внутрь и по темным узеньким ступенькам поднялись мимо комнаты старого лорда, потом мимо покоев Хьюго и дальше по лестнице на самый верх башни.

В защищенном от непогоды углу стояли клетки почтовых голубей. Элис вдруг захотелось выпустить их, швырнуть на волю буйных, шальных ветров, которые бы закружили бедных птиц и унесли далеко, и те заблудились бы и никогда не нашли дороги домой. Кроме клеток, на крыше ничего не было; перекрытая шиферным сланцем, она выглядела негостеприимно; казалось, башня находится в самом центре разбушевавшейся стихии. Дико завывал ветер, его яростные порывы оглушали, даже собственных слов было не разобрать. Элис шагнула к парапету и взглянула на землю.

Высокие стены падали отвесно, внизу едва виднелось основание башни, которая вырастала, как некий странный утес, взметнувшийся из скалы, уходящей в реку. Вспышка молнии осветила торчащие из воды блестящие мокрые камни; они вздымались, будто острые пики, а под ними неистово бились и пенились черные волны реки, украшенные белыми гривами. Элис подставила лицо безжалостным струям дождя; ее плащ развевался за спиной.

— Вот они, здесь! — пронзительно завопила она. — Вот они, сестры мои, они берут нас с собой, зовут играть с громом и молнией! Ты видишь их, Хьюго?

Порыв ветра сорвал с его плеч одеяло и унес прочь, словно пушинку. Дождь яростно хлестал его стройное белое тело. Он закинул голову и захохотал, и ветер, словно откликнувшись на его смех, набросился на него потоками холодной воды.

Элис обхватила руками Хьюго, зажала его бедро у себя между ног, и так они стояли под ливнем, глядя во тьму. На секунду их ослепляла молния, затем они снова погрузились в беспросветный мрак.

— Ты чувствуешь с нами сестер моих? Мы несемся с ними по волнам бури. Нас швыряет из стороны в сторону. Буря беснуется, мечется ветер, молния рвет небо, и сердито грохочет гром. Буря — наша с тобой возлюбленная сестра. Обними ее, слейся с ней, Хьюго. Стань с ней единым целым и возьми нас.

Земляной корень помутил его рассудок и вскружил голову. Кожа его похолодела под струями дождя, но организм лихорадочно пылал внутренним жаром, вызванным действием зелья. Хьюго свирепо вцепился в Элис, толкнул ее к стене башни и яростно вонзил в нее свой горячий член. Прислонившись к каменной стене, Элис хохотала, а над ней во всю мощь свирепствовала буря.

— Хьюго, ты мой ураган, мой возлюбленный ураган, о Хьюго! — кричала она. — Люби меня, люби до безумия! Ради тебя я оставила все! Все потеряла ради тебя одного!

Хьюго глубоко погрузился в нее, вышел и снова вошел. И с каждым толчком Элис подвигалась все ближе к краю зубца башенной стенки, где высота была уже не в полный рост, а всего лишь по пояс. Далеко внизу широко разлилась река, над ее темными глубокими водами носился ветер, вспенивая и гоняя волны. Заметив грозящее ей роковой опасностью движение к краю зубца, Элис снова засмеялась. В глубинах ее существа страстное желание и безумие срослись воедино. Она обвила талию Хьюго ногами и откинулась на стенку. А совершенно ослепший от страсти Хьюго видел перед собой только обворожительных юных ведьм в сумасшедшей буре и, глухой ко всему, кроме своего полубморочного вождения, яростно двигался снова и снова.

Вот последний толчок отбросил Элис, и она ощутила за спиной пустоту: башенная стенка уже почти не защищала ее. Хьюго держал ее за бедра, ее ноги обхватили его торс, однако почти все тело повисло над пропастью. И вдруг, в жажде получить удовлетворение и освободиться от терзающего страха и чувства вины, Элис отпустила плечи Хьюго и раскинула руки в стороны, словно решила ринуться в бездну. Сверкнула молния, осветив ее безумное смеющееся лицо и застывшую в экстазе физиономию молодого лорда. Элис висела головой вниз, внизу чернела пустота, и только ее ноги еще держались за Хьюго. Она вскрикнула от наслаждения, и бешеный порыв ветра тут же подхватил ее крик и куда-то унес. Она открыла глаза и огляделась. Раскачиваясь, она свешивалась с вершины башни, над ней носились ураганные вихри, хлестали потоки дождя, а далеко внизу яростно бросалась на скалы разбушевавшаяся река. Элис протянула обе руки в пустоту и громко захохотала: ей страстно захотелось испытать это: последние секунды ужаса при падении в пустоту, а потом — мрак, небытие.

И вдруг ее чрево свело судорогой вождения, и она инстинктивно свела ноги, обнимавшие его спину, прижимаясь к нему все плотнее и плотнее, заставляя его погружаться в нее глубже, глубже, еще, еще, ежесекундно выжимая из него последние крупницы нахлынувшей страсти. Хьюго, не сознавая, что делает, не заботясь о ее безопасности, лишь бездумно желая получить удовольствие, вытащил ее из пропасти, опустил на каменные плиты перекрытия башни и всей тяжестью обрушился на нее. Дождь поливал два катающихся по башне блестящих тела, плотно переплетенные друг с другом. Снова вспыхнула молния, прогрохотал гром, и Хьюго со стоном содрогнулся и замер.

Элис лежала навзничь, открытым ртом ловя и глотая капли дождя; волосы ее плотной грязной массой разметались по камню. Хьюго, выбившийся из сил, часто дышал, придавив ее своим тяжелым телом. Она оттолкнула его и медленно села. Голова все еще кружилась от выпитого за ужином вина, от мощного, всепоглощающего желания, от прочно засевшего в ее сознании страха. Рывком она поднялась на ноги и нетвердой походкой направилась к краю башни. Теперь она была полностью трезва — так пьяный, увидев внезапную опасность, вдруг за какую-то долю секунды совершенно трезвеет. Держась за один из зубцов башни, она заглянула вниз; высота кружила голову. Внизу было так темно, что подножия башни не было

видно. Зато было слышно, как шумит вода в реке, разбиваясь о торчащие камни. Тут молния снова разорвала небо пополам, осветив высоко выступающие скалы, вокруг которых яростно металась взбесившаяся река. Элис отступила от края башни, подняла плащ и завернулась в него. Она вся дрожала.

— Совсем, совсем близко, — пробормотала она. — Совсем близко. Еще чуть-чуть, и... Совсем близко. — Она помотала головой, словно избавляясь от транса. — Пустые руны, это пустые руны. О господи, пустые руны. Один. Еще раз она на мгновение заглянула вниз, потом посмотрела вдаль, в сторону пустоши. Гроза уже бушевала на востоке; когда снова сверкнула молния, девушка увидела сплошную стену дождя, вставшую до самой гряды высоких холмов. Вода в реке быстро прибывала. Элис подумала, что пещеру, в которой осталась Мора, скоро снова затопит. И в крошечной тьме река выйдет из берегов и жадно пожрет маленькую хижину, а вместе с ней и старую женщину с ее больными суставами и унесет ее в своем чреве прежде, чем придут солдаты Хьюго.

— Тихих вам снов, — насмешливо прошептала Элис в темноту. — Спи спокойно, и ты, Мора, моя приемная мать, и ты, матушка моя, аббатиса. Добрых вам снов. Да накроет вас обеих гроза, да смоеет вас дождем прочь из моей жизни, да унесут вас далеко от меня буйные ветры.

Громким и хриплым голосом она рассмеялась — ей понравился собственный мрачный юмор — и повернулась к Хьюго.

Он все еще лежал там, где она оставила его, весь мокрый и посиневший от холода. Она плотней закуталась в плащ и подняла люк в каменных плитах перекрытия. Из клеток под небольшим хрупким навесом за ней беспокойно наблюдали маленькие красноватые птички глазки, а когда она шла мимо, в клетках поднялся настоящий переполох. Закрыв за собой люк, Элис тихо спустилась по узеньким каменным ступенькам мимо комнаты Хьюго и покоев старого лорда. Не доходя до караульного помещения, она встретила на лестнице какого-то солдата.

— Возьми с собой еще кого-нибудь, и отведите лорда Хьюго к себе, — быстро приказала она. — Он мертвецки пьян и сам не поднимется, ему вдруг вздумалось залезть на крышу и полюбоваться грозой. И проследи, пусть слуги обогреют его, высушат и уложат в постель. Солдат ухмыльнулся.

— Слушаюсь, леди Элис, — ответил он и побежал вниз, в караульную.

До ушей Элис донесся дробный хохот мужских голосов. Она направилась следом, пересекла караульную, где солдаты сразу расступились, давая ей дорогу и украдкой бросая взгляды на ее босые ноги, и поднялась в дамскую галерею.

Зайдя к себе, она увидела Мэри, которая поджидала ее возле кровати. Не проронив ни звука, девушка сняла с Элис промокший насквозь плащ и завернула ее в теплую простыню. Элис так утомилась, что не стала возиться с ночной рубашкой и чепцом; она юркнула в уютную постель, закуталась в одеяло и, словно запеленатый ребенок, быстро уснула.

— Спокойной ночи, ваша светлость, — промолвила Мэри, задувая свечу, но та ее не услышала.

Ночью Элис приснился сон. Причиной его были гроза, ливень, хлещущий по стенам, взбесившаяся река, которая с яростью бросалась на скалу у взметнувшихся к небу башен замка. И пустые руны тоже были причиной. И Мора, лежащая глубоко под водой в затопленной пещере. Наконец, причиной была Хильдебранда, которая молилась во тьме, не

вытирая слез, текущих по ее дряблым щекам, истово молилась за заблудшую овечку, за свою дочь, предавшую ее.

Элис снилось, что, покинув хижину Моры, она возвращается в Каслтон, едет верхом на своей кобыле. День прекрасный, теплый и солнечный, и кобыла спокойно и смирно переставляет копыта по белой пыли. И вдруг на краю дороги Элис видит голубоватые листья дикого шалфея; она натягивает поводья, чтобы сойти и набрать свежих цветов.

Кобыла останавливается, Элис спрыгивает и наклоняется над растением. И сразу в испуге отшатывается. Обочина шевелится — на ней извиваются черви, белые личинки мух, крошечные и тоненькие, в огромном количестве ползущие по какой-то гнили. Прижавшись спиной к лошади, Элис беспомощно оглядывается и видит, что и другая обочина кишит тысячами таких же червей. С обеих сторон она зажата полчищами белых червячков, молча справляющих пир на гниющей земле.

Она собирается вскочить в седло, но, как это часто бывает во сне, на лошади уже нет ни седла, ни стремян. Влезть на нее невозможно. Она шарит по спине кобылы, потом заходит с другой стороны, надеясь, что седло просто сбилось. Но и там ничего нет, и она чувствует, что шевелящиеся обочины дороги подступают все ближе. Подминая под себя цветы и травы, заполняя каждую ямку, на нее с обеих сторон надвигаются чудовищные валы белых червей.

Элис закричала что было силы, и этот крик разорвал тонкую ткань сна; она открыла глаза, рывком села и проснулась в холодном поту.

— Господи боже мой. Господи боже мой, — твердила она в темноте.

В замке все было тихо, гроза отошла. За окном раздавалось лишь мягкое бормотание летнего дождика, сквозь чистые облачка небо светлело — близился рассвет.

— Господи боже мой, — повторила Элис.

Она перевернула мокрую от пота подушку и повыше натянула одеяло. Ей было холодно, она дрожала всем телом, словно промокла под проливным дождем.

— Какой ужасный сон, — сказала она в тишине спальни. — Какой кошмар. Какая чушь. Чушь и чепуха.

Она покрутила головой, снова легла на подушку и подоткнула одеяло — ей все еще было холодно.

— Чушь, — тихо произнесла она. — Чепуха.

И через минуту уснула. И ей снова снился сон. Она снова ехала на своей прекрасной кобыле по дороге. И снова заметила нужное растение, остановила лошадь и бросилась к усеянной цветами обочине. Под листьями шевелилось что-то белое.

Элис отпрянула, подумав, что это опять какой-то червяк, а может, змея. Потом пригляделась и увидела маленькую белую человеческую ручку. Она громко вскрикнула, но крика не получилось, из груди вырвался лишь слабый стон.

Вот ручка отодвинула листик щавеля, и из травы показалась маленькая восковая кукла. Это был Хьюго, наиболее обезображенный из всех трех. Безглазый, безухий, безротый, на руках ни пальчика. Раскачиваясь на маленьких ножках, он пробрался сквозь заросли травы и ступил на дорогу. А за ним, словно игрушечные солдатики, появились и остальные двое. Фигурка лорда Хью, сгорбленная и, видимо, усталая, решительно шла за Хьюго, следом плелась Кэтрин. Не в силах оторвать от них глаза, Элис наклонилась пониже. Фигурка Кэтрин изменилась. Огромный жирный живот исчез, словно кто-то оторвал его. На его месте зияла

глубокая ямка с рваными краями. И с каждым шагом кукла оставляла за собой небольшой след, как змея, что-то липкое и противное — это из раны в животе капал расплавленный воск.

— Куда вы идете? — осведомилась Элис.

От ее слов крохотный лорд Хью и леди Кэтрин замерли на месте. Но бедный Хьюго не мог ни слышать ее, ни видеть, ни обонять, ни говорить с ней. Он продолжал двигаться дальше, словно заведенная игрушка.

— В Каслтон, — простодушно пропищали восковые человечки. — Мы хотим найти нашу матушку, которая нас сделала.

— Но я же похоронила вас! — воскликнула Элис. — Я закопала вас в освященной земле. Вы должны лежать там. Вот и лежите! Лежите и не шевелитесь, я вам приказываю.

— Но нам нужна матушка, — возразили они тоненькими, чистыми голосками. — Нам нужна наша матушка, сестрица Анна, она наша матушка.

— Нет! — закричала Элис, и собственный крик разбудил ее.

Тут хлопнула дверь, в комнату вбежала Мэри и тревожно спросила, не заболела ли она.

— Нет, — повторила Элис и, почувствовав прикосновение служанки к своей руке, окончательно проснулась.

Но все равно услышала ответ кукол, долетевший за три мили с Каслтонской дороги.

— Ты нужна нам, матушка! — радостно верещали они. — Ты нужна нам!

ГЛАВА 29

Утро выдалось ясным и солнечным, как и предсказывал старый лорд. Гроза унесла с собой все тучи. Окончательно проснувшись, Элис подошла к узкой бойнице и выглянула: далеко впереди расстилалась пустошь, белой змейкой на запад вилась дорога.

Девушка долго стояла, всматриваясь в даль, словно ожидала кого-то увидеть. Затем пожала плечами и отвернулась.

— Я ничего не боюсь, — вполголоса проговорила она. — Ничего. Еще не хватало бояться этих снов. Я не такая дура, как Кэтрин. Не боялась и не буду бояться.

В дверь постучали, вошла Мэри с подносом, на котором были хлеб, мясо и кувшинчик эля. Вернувшись в постель, Элис с аппетитом позавтракала, одновременно разглядывая платья, которые Мэри одно за другим вынимала из сундука и разворачивала перед ней.

— Новое голубое, — наконец решила Элис. — А волосы просто расчеши, пусть будут распущены.

Служанка выложила платье, налила в тазик теплой воды из кувшина, помогла своей госпоже одеться и зашнуровала корсаж. Платье было переделано из голубого шелкового, некогда принадлежавшего Мег, перешито местными швеями в стиле, который очень нравился новой королеве Джейн. Элис улыбнулась. Это платье, подчеркивавшее растущий живот, с ее легкой руки могло бы войти в моду. Корсаж был скроен коротко, прижимал грудь и шнуровался на

спине, словно корсет. На животе юбка собиралась широкими складками. Надень такое платье девственница, она будет смотреться как беременная. А уж Элис с ее животиком, округлость которого подчеркивали шелковые складки, выглядела будто богиня плодородия. Она открыла дверь, пожелала доброго дня дамам и прошла через галерею к Кэтрин.

Миледи все еще лежала в постели. Поднос с завтраком был отодвинут в сторону, в руках она держала кружку с элем. При появлении Элис она поставила кружку и протянула обе руки. Наклонившись к кровати, Элис позволила миледи обнять себя и уткнуться мокрым носом себе в шею.

— Элис, — протянула Кэтрин несчастным голосом. — Ты должна мне помочь.

Без приглашения и позволения знахарка пододвинула стул к кровати и села.

— В каком смысле, Кэтрин? — весело спросила она. — Вы же знаете, я готова сделать для вас все, что в моих силах.

Миледи всхлипнула, полезла в подушки за носовым платком и потерла глаза и мокрый нос.

— Я все плачу и плачу, не могу остановиться, — заплетающимся языком заметила она. — С утра до вечера и даже ночью. Я плачу даже во сне!

Казалось, Элис изучает свои руки, лежащие на голубом шелке юбки. Чистые, белые и гладкие, как у настоящей благородной дамы. Всякий, кто взглянул бы на них, подумал бы, что Элис в этих пальчиках никогда не держала ничего тяжелее иголки.

— И почему же вы плачете? — уточнила она без особого интереса.

Кэтрин прижала тыльные стороны ладоней к пылающим щекам, пытаясь их остудить.

— Хьюго ко мне не приходит. Отказывается меня видеть и прикасаться ко мне, потому что я не очистилась. Но ведь отца Стефана сейчас нет, вот я и не очистилась. И Хьюго это известно. Он пользуется этим как предлогом, чтобы унижать меня. Я знаю это. Знаю, знаю. — Последние слова прозвучали громко и сердито; миледи тяжело вздохнула и возмущенно продолжила: — Но верит ли сам отец Стефан в очистительную молитву? Если он назовет обряд предрассудком и откажется его совершить, а Хьюго без него не притронется ко мне, что же мне тогда делать? Это все обман и увертки. Хьюго наказывает меня за то, что я потеряла ребенка. Но я же ни в чем не виновата! Ну в чем тут моя вина?! — закончила она визгливым криком.

Кэтрин опять глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Элис все так же отводила взгляд.

— И старый лорд не желает меня видеть, — пожаловалась миледи. — Обещает навестить, когда я снова стану здоровой и смогу сидеть с ними за столом, но я-то понимаю, что он на меня злится. — Она колебалась какое-то время, затем перешла на шепот: — Я подозреваю, что он намерен дать мне отставку.

Элис вскинула на нее голову, но промолчала.

— А ты должна об этом знать, — вдруг с жаром добавила Кэтрин. — Ты пишешь для него письма, он обсуждает с тобой дела. Скажи, он занимается темой аннулирования нашего брака?

— Да, — без обиняков ответила Элис. — Он ждет, что его ходатайство поддержат друзья при дворе.

Кровь отхлынула от лица Кэтрин, она побледнела, как воск, и пролепетала:

— На каком основании?

— Слишком близкое родство, — пояснила Элис.

— Но ведь было разрешение... — начала Кэтрин.

— Купленное у Папы, — перебила ее Элис. — Теперь эти вопросы решает не Папа, а король.

Широко распахнутыми глазами Кэтрин уставилась на Элис. Посыпались вопросы:

— А что Хьюго? Он все еще меня любит? Он хочет быть со мной? Он выступит против отца?

— Хьюго пока ничего не знает, — отозвалась Элис. — Но сомневаюсь, что в этом деле он пойдет против воли отца.

— Боже мой, — пробормотала Кэтрин, качая головой. — Не пойдет, значит. Женился на мне, потому что отец приказал, и спал со мной только потому, что им нужен был наследник. А теперь, когда я не могу дать наследника, я никому не нужна. И меня можно выбросить.

Элис разглядывала свои ногти, бледно-розовые, ровные, с чистыми белыми кончиками и маленькими светлыми полумесяцами в основании. Она смотрела на них, и они ей нравились. Страдания миледи совершенно ее не трогали, она ждала, чем все кончится.

— Я пропала, — бесцветным голосом промолвила Кэтрин. — И что тогда со мной сделают?

— Вы можете снова выйти замуж, — заметила Элис. Щеки миледи немного порозовели.

— После Хьюго? — удивилась она.

— Или можете поселиться в домике со слугами на своей земле, которая входила в приданое, — предложила знахарка. — Что-то вроде небольшого имения или фермы.

Пухлое лицо Кэтрин так и затряслось от огорчения.

— Я была хозяйкой этого замка, — захныкала она. — Я жена лорда Хьюго. Они считают, что я могу жить в жалкой хижине и держать уток?

— А вы сможете с ними бороться? — улыбнулась Элис.

— Куда там, я все равно проиграю, — махнула рукой Кэтрин. — Екатерина Арагонская и та не могла победить, а она была принцессой и в своем праве. Дядя сестер Болейн признал ее виновной и отправил в ссылку, где ее и убили. Вряд ли меня возьмут в расчет. Члены королевского совета не любят слушаний о мужской неспособности, о мужском бесплодии. Куда проще обвинить во всем жену.

Элис быстро оглянулась, желая убедиться, что дверь плотно закрыта.

— Ваши слова — это измена, — решительно произнесла она.

— Мне уже все равно, — с вызовом заявила Кэтрин. — Меня использовали как игрушку, а теперь собираются выбросить на помойку. Если меня осудят за измену и повесят, это ранит меня не больше, чем такое предательство.

На несколько минут установилась тишина. Непрерывно льющие по лицу миледи слезы вдруг высохли, и на ее розовых пухлых щеках снова стали прорезаться прежние морщинки.

— И на ком его хотят теперь женить? — осведомилась она. — Кому-нибудь писали об этом?

Пытаясь скрыть радость от того, что беседа потекла в нужное русло, Элис держалась спокойно, словно эта тема ее не занимала.

— Лорд Хью переговоров ни с кем не вел, — сообщила она.

Ей казалось, Кэтрин сама догадается, что новой хозяйкой замка станет она, Элис. Девушка хотела взрыва ярости, ревности, припадка злобы, который приведет к тому, что Кэтрин немедленно выдворят из замка и навсегда поселят на какой-нибудь маленькой ферме и только иногда станут посылать к ней Дэвида с ненужными вещами. Оставят без средств. И совсем одну.

— Думаю, будут ждать аннулирования брака, — предположила Кэтрин.

Услышав это, Элис мысленно усмехнулась: миледи так глупа, ну просто ничего не видит.

— Затем найдут какую-нибудь девчонку помоложе, — рассуждала Кэтрин, — сильную, здоровую, способную рожать. Благородную особу, которая страстно влюбится в Хьюго, как когда-то влюбилась и я. Потом всю жизнь она будет мучиться от страсти и ревности, как и я. И ждать и ждать, когда же он подарит ей ребенка. Ведь это он бесплоден, это у него испорчено семя.

Элис сидела, опустив голову, скрывая от миледи улыбку. Еще бы, на горизонте нет юной невесты благородных кровей и тем более списка претенденток. Ни один человек в замке не близок к лорду Хью так, как Элис. Если бы собирались женить молодого лорда, она узнала бы первой, даже раньше его самого. Планировалось аннулирование брака. А второй брак... это зависит от желания Хьюго и предпочтений его отца. Элис была уверена: как только Кэтрин покинет замок, новой хозяйкой станет она.

Откинув одеяло, миледи поднялась, подошла к окну, отдернула штору и распахнула ставни. В комнату хлынул поток утреннего солнечного света, в лучах которого заплясали пылинки.

— Ты посмотри на него, — с глубокой обидой в голосе сказала она. — Веселится, как всегда.

Элис встала рядом. Во дворе внизу Хьюго держал за руку служанку Мэри.

— Кто это? — вполголоса поинтересовалась Кэтрин.

— Новенькая, моя служанка. Дэвид нашел ее в Каслтоне, — ответила Элис.

У нее перехватило дыхание и похолодело в животе, сердце часто забилось в приступе ревности. Веселый смех Хьюго огласил двор; обе увидели, как девушка отбросила назад волосы и улыбнулась. Из маленькой дверцы круглой тюремной башни появился солдат, он сбежал по узенькой внешней лестнице и помахал Хьюго рукой. Мэри пожала плечами и засмеялась.

— Ну вот, теперь ты все понимаешь, — торжествующе произнесла Кэтрин. — Теперь ты знаешь, что чувствовала я, когда тебя привезли из пустоши и Хьюго всякий раз сворачивал шею, когда ты проходила мимо. Тебя назначили одной из моих дам, но мне-то было ясно, что ты здесь не для меня, а ради Хьюго и старого лорда, ради их удовольствия. Он так жаждал добиться тебя, и для меня это было смерти подобно. А сейчас и ты видишь его со своей служанкой, с этой глупой, необразованной девчонкой. Гляди, как Хьюго увивается вокруг нее! Теперь всякий раз, когда она будет идти мимо, ты будешь вынуждена смотреть, как он сворачивает шею, а на тебя и внимания не обращает.

Элис легла грудью на твердый каменный подоконник и снова выглянула вниз. Хьюго уже положил руку на талию Мэри и что-то шептал ей на ушко. Служанка откинулась назад, шейка ее соблазнительно выгнулась, над корсажем вздымались аппетитные груди. Вот Хьюго

наклонил темную голову и поцеловал сначала шею, а потом и грудь девушки, а жена его вместе с любовницей молча наблюдали за этим. Они слышали, как Мэри рассыпалась звонким смехом и оттолкнула его. Будто пытаюсь соблюсти приличия, она на несколько шагов отбежала от Хьюго и оглянулась через плечо, словно приглашая догнать. Но он остался на месте, тогда она уперла корзинку в бок и, покачивая бедрами, пошла через двор. А Хьюго лениво смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду.

— Как считаешь, долго Хьюго придется ее уламывать? — спросила Кэтрин. — Месяц? Или неделю? А может, и дня хватит? — Она хрипло, с горечью засмеялась и положила руку на столбик кровати. — Мне давно понятно: лучше, когда они сдаются сразу. Тогда ему быстро надоедает. Для меня не было худшей муки видеть, как он добивался тебя. Ты ведь так долго держалась. Так больно было ждать, бесконечно ждать, когда он насытится тобой и вернется ко мне.

В растерянности Элис покачала головой. Сладкие муки прошлой безумной ночи, озаряемой вспышками молний, и этот прозаичный флирт на освещенном солнцем дворе — как такое возможно?

— Ведь только сегодня ночью мы любили друг друга, — неосторожно вырвалось у нее. — Как он мог уже наутро позариться на эту грязную сучку? Ведь мы провели с ним безумную ночь. А он лишь глаза продрал — и уже хвостом перед ней крутит!

— Бывало, он из моей постели без паузы перелезал в твою, — заметила Кэтрин. — Для Хьюго изменить — что плюнуть, раз — и готово. Уж кто-кто, а ты должна знать об этом.

— Но ведь прошлой ночью... — начала Элис и осеклась.

Кэтрин права. Уж кто-кто, а она должна знать о непостоянстве мужчин, переменчивости их желаний. С самого раннего детства она слышала, как Мора предупреждала девушек, обращавшихся за приворотным зельем: похоть в мужчине возбудить легко, но только не серьезную симпатию, а тем более не любовь. Мужчину можно приворожить, свести с ума, но это не любовь, а совсем другое.

— Ты что, любишь его? — любопытствовала Кэтрин.

— Нет, — рассеянно отозвалась Элис. — Поначалу любила. Сохла по нему, ради него готова была отдать все, душу заложить дьяволу, только бы он полюбил меня. Но с тех пор... — Она тяжело вздохнула. — Иногда испытываю желание, не более. Теперь он нужен мне, чтобы удержать свое положение. Мне нравится быть здесь хозяйкой, первой леди рядом с ним и его отцом. Нет, сказать, что нежно люблю его, я не могу. Нежно любила я только одного человека.

Она вспомнила об оставшейся в хижине старой женщине, представила, как, услышав топот лошадиных копыт, матушка выйдет на яркое солнце, как солдаты грубо схватят ее и посадят на лошадь за спиной детины, который станет отпускать сальные шутки, фамильярно называть ее бабулей, а потом сбросит, будто куль с мукой, прямо посередине Эпплбийского рынка.

— Но наверное, я так и не полюбила ее по-настоящему, в моей любви был какой-то изъян, — размышляя о чем-то своем, добавила Элис.

— Ты говоришь о Море? — попыталась угадать Кэтрин.

Перед глазами знахарки встало мертвое тело, плавающее в мутных водах пещеры.

— Нет, не о Море, — ответила она. — Но и ее ожиданий я не оправдала.

Протянув руку, миледи обняла Элис за талию.

— Когда мне придется уходить, ты пойдешь со мной? Когда меня отправят на ферму? Мы бы жили вместе, ты бы занималась врачеванием. Нам было бы хорошо вместе. — Кэтрин помолчала, искоса и неуверенно поглядывая на Элис. — Я бы заботилась о тебе. Защищала бы тебя. Была бы тебе вместо мужа. Я люблю тебя, Элис, люблю с той самой ночи, когда Хьюго привел тебя ко мне, да и раньше тоже... Это я подкинула Хьюго идею переспать с нами обеими одновременно. Однажды он стал выпытывать у меня мои тайные фантазии, и я призналась, что ты возбуждаешь меня. Даже когда ты была мне соперницей, я ненавидела тебя, но и желала тоже. Помню, лежу одна и думаю, что Хьюго сейчас с тобой в постели... и меня охватывает влечение к обоим, я представляю вас и завидую. Тебе, потому что Хьюго был тогда у тебя на побегушках. А ему, потому что он рядом с тобой и делает все, что заблагорассудится. Мне до ужаса хотелось видеть вас вместе, ваши соединенные тела. Теперь, когда я потеряла ребенка, я ненавижу Хьюго. Мне противно вспоминать о нем и о его вонючем семени. Однако страсть к тебе не прошла. Я мечтаю о том, чтобы мы были вместе.

Элис увернулась от руки миледи, но в голове сразу завертелись мысли о выгодах, которые можно извлечь из ее откровений.

— Постой, позволь мне прийти в себя, — сказала девушка, пытаясь выиграть время. — Я и предположить не могла ничего подобного.

Кэтрин смотрела на нее напряженным, страстным взглядом. Увидев эту нежную страсть, поняв, что хозяйка замка нуждается в ней, Элис почувствовала, как внутри вновь пробуждается ее сила. Она тихо, кокетливо засмеялась и добавила:

— Я и не знала, что ты так любишь меня, Кэтрин. Я и представить не могла.

Миледи снова потянулась к ней и обняла за талию, продолжив уговаривать:

— Ты будешь у меня как у Христа за пазухой. А здесь, в этом замке, ты пропадешь. Рано или поздно Хьюго устанет от тебя и захочет чего-нибудь новенького. Старый лорд умрет, и тебя обвинят в его смерти, а может, и в колдовстве. Ты подумала об этом? Но с моими деньгами и на моей земле тебе ничто не грозит. Ты будешь в полной безопасности.

— Но я и здесь в безопасности, — возразила Элис. — Хьюго может сколько угодно заигрывать со служанками, но настоящее желание он испытывает только ко мне. Я сохраню свое положение в замке, когда эта Мэри давно уже будет торговать собой на улицах Каслтона. Хьюго никогда от меня не устанет.

— погоди, — предостерегла ее Кэтрин. — Это ты сейчас так рассуждаешь. Посмотрим, что будет потом. Явится новая жена и потребует тебя прогнать. И если она будет молода, красива да еще из знатного рода, Хьюго из кожи вон вылезет, чтобы доставить ей удовольствие. Она будет ругать и дразнить тебя, приведет своих дам, и тогда в галерее ты станешь лишней. А когда Хьюго захочет посидеть с ними, они будут глумиться над тобой, уверять, что ты кривобока и глупа как курица, одеваешься как старуха и платье на тебе висит как на вешалке. Элис, они станут смеяться над каждой твоей фразой и даже над методами твоего лекарского искусства. Они будут оскорблять тебя и унижать, и когда ты заплачешь от обиды, им будет весело. Я избавлю тебя от унижений со стороны его новой жены. Я хочу жить с тобой в маленьком домике, в тихом месте. Подальше от Хьюго, подальше от его отца. Ты и я и наша маленькая ферма.

В кончиках пальцев Элис ощутила покалывание и теплоту — это пробуждалось ее умение, ее сила сгущалась вокруг, словно плащ кукловода, когда он широко расправляет его черную ткань, заставляя плясать своих кукол. Она обвила рукой широкую талию Кэтрин и сразу почувствовала, как томится по ней эта большая женщина.

— Если я соглашусь поселиться с тобой, когда явится новая жена Хьюго, уйдешь ли ты сейчас по доброй воле и с миром? — спросила она. — Старый лорд обещал не пожалеть денег, если ты благосклонно примешь расторжение вашего с Хьюго брака. Поймав его на слове, мы сможем вытянуть из него больше денег.

Кэтрин оцепенела.

— Чтоб у них все пошло как по маслу? — возмутилась она.

— Чтоб у нас все пошло как по маслу, — поправила Элис. — Сначала возьмешь деньги, а потом, когда спокойно устроишься в своем маленьком имении, забереешь меня.

Миледи привлекла к себе Элис, покрыла поцелуями ее шею и щеки, а потом потянулась к губам.

— И я смогу спать с тобой, как спал Хьюго, — обрадовалась она. — О, как я мечтала делать с тобой то же самое, что и он, я сгорала от ревности и страсти, представляя, что он с тобой вытворяет. Теперь у меня нет Хьюго, он ненавидит меня, из-за него я сама себе противна. Но по крайней мере, я украду у него содержанку. На худой конец, у меня будешь ты.

Элис заставила себя положить руки на пышные бедра Кэтрин, тогда как сама Кэтрин все крепче сжимала ее талию одной рукой, а другая уже подбиралась к ее груди.

— Ты действительно любишь меня или просто хочешь отомстить Хьюго? — не сдержала любопытства Элис.

— И то и другое, — честно призналась миледи. — Он унижал меня — вот и получит свое, для него это будет унижением. Я потеряла ребенка, а он потеряет содержанку. Я украду у него самое дорогое сокровище — тебя. Я присвою тебя, как могла бы присвоить его кобылу. Ты станешь моей собственностью, и всякий раз, когда я буду лежать с тобой в постели, я буду наслаждаться и за себя, и за Хьюго.

Она уже обернулась к измятой постели и стала настойчиво подталкивать к ней Элис. От простыней несло какой-то кислятиной, и на них виднелись пятна воска. Элис похолодела, но постаралась скрыть отвращение.

— Не сейчас, — быстро произнесла она. — Ночью, Кэтрин. Сегодня ночью, если смогу удрать от Хьюго, то навещу тебя.

Просияв, миледи отпустила ее и радостно воскликнула:

— Мы обманем Хьюго! Как раз теперь, когда он уверен, что меня смешал с грязью, а тебя сделал содержанкой. Мы сбежим от него вдвоем и посмеемся над его самолюбием. И получим такое удовольствие, о котором Хьюго со своей жестокостью даже не мечтал.

— Да, — подтвердила Элис. — Я обязательно приду, если смогу улизнуть от него. И в имение твое перееду, как только ты устроишься.

Она опустила голову, пряча от Кэтрин глаза, сверкающие торжеством.

— Поклянись Матерью Божьей, — настойчиво попросила миледи.

— Клянусь, — промолвила Элис с такой же легкостью, с какой бабочка пьет нектар.

— Я согласна! — отозвалась Кэтрин, протягивая к ней руки. — Я согласна, Элис. Дай мне еще раз обнять тебя.

Она чуть не задушила девушку в объятиях.

— Дай же, дай мне еще раз обнять тебя, — повторяла она.

Переживая этот прилив эмоций, Элис несколько долгих утомительных мгновений скрывала от нее сияющее, довольное лицо. Наконец осторожно высвободилась и отступила.

— Ты должна отдохнуть как следует, — посоветовала она. — Ложись в постель, да не забудь хорошенько пообедать. А мне пора к лорду Хью. Вчера прибыл курьер от короля, и сегодня нужно написать ответ.

— Приходи днем, когда будешь свободна, — потребовала миледи, неохотно выпуская ее. — Обсудим наше имение. Я велю Дэвиду принести счетные книги, и мы вместе выберем дом.

— Если смогу — приду, — уклончиво пообещала Элис. — А ты сейчас же отправляйся в постель.

— Я люблю тебя, Элис, — пропела Кэтрин, взбираясь на высокую кровать, словно маленькая девочка. — Ты не любишь меня, я знаю. Но когда Хьюго заставит тебя страдать, а потом выгонит, ты вспомнишь обо мне. Ты могла бы меня полюбить, как думаешь?

— Я уже люблю тебя, — улыбнулась Элис. — И жду не дождусь, когда мы поселимся вдвоем в нашем маленьком домике.

Кэтрин снова протянула к ней руки со словами:

— Пожалуйста, обними меня.

Шагнув вперед, Элис обвила ее руками и скрепя сердце позволила ей положить голову себе на плечо. Потом оторвалась от нее и накрыла одеялом, чуть не насильно затолкав в постель.

— Прикажу служанке сменить тебе простыни, — сказала она.

Миледи смотрела на нее обожающим взглядом.

— О Элис, ты так заботишься обо мне! — Слезы благодарности блестели в ее глазах. — Как нам будет хорошо вместе, мы будем любить друг друга, когда окажемся далеко отсюда.

По пути в покои старого лорда Элис снова выглянула в узенькое окошко бойницы. В ярких лучах солнца дымка над высокими холмами пустоши казалась пурпурной. Воздух был чист и свеж, в окна задувал легкий ветерок, и Элис, торопясь наверх по спиральной лестнице, дышала то ароматом полей, то затхлыми запахами замка, скопившимися в темных углах. Белая дорога пустовала, на ней не было ни единого человека. Девушка остановилась и пригляделась внимательней: нет, в пыли никто не шевелился.

Прежде чем зайти в комнату старого лорда, она задержалась у последнего окна и еще раз глубоко вдохнула свежий воздух.

Его светлость сидел в кресле перед камином в легком летнем халате. Также в комнате был Хьюго; когда Элис открыла дверь, он весело смеялся над какой-то шуткой, закинув назад темную голову. Увидев ее, он быстро подмигнул ей, взял за руку и втащил внутрь. Когда их пальцы соприкоснулись, оба снова почувствовали трепет страсти, которую испытали ночью.

— Доброго дня, моя Элис! — радушно поприветствовал он.

За его спиной стоял священник отец Стефан, еще в дорожной одежде, похудевший и как

будто более важный. Рядом с ним — Дэвид со свитками писем в руках.

— А, это ты, Элис, — сердечно проговорил лорд Хью. — Заходи, заходи. Видишь, здесь и наш добрый отец Стефан, он привез новость о своем повышении. Он теперь у нас архидиакон! Ты должна поздравить его.

— С удовольствием. — Элис любезно протянула руку священнику. — Думаю, лучшего человека на эту должность и не найти.

Отец Стефан взял ее ладонь и слегка поклонился. Его взгляд быстро скользнул с лица девушки на ее живот. До него уже дошли слухи, что Элис ждет от Хьюго ребенка. Теперь он лично убедился, что это правда.

— У меня много работы, — продолжал лорд Хью. — Стефан, ты займешь свои старые комнаты, хорошо? А днем после обеда мы пообщаемся.

— Отлично, милорд, — отозвался священник.

— А сейчас поехали, прокатимся верхом, — предложил ему Хьюго. — Возьмем с собой двух собачек, добудем немного мяса в пустоши.

— Ты все охотишься, Хьюго? — усмехнулся Стефан. — То одна птичка, то другая, никто от тебя не улетит.

Они любили подтрунивать друг над другом, словно школяры. Оба переглянулись и расхохотались.

— Сегодня никаких молитв! — шутливо запротестовал Хьюго. — В первый день, когда ты наконец с нами, молитвы отменяются!

Отец Стефан снова засмеялся и кивнул. Они вихрем умчались из комнаты, только мелькнули расшитые плащи; за ними, тихо притворив дверь, вышел Дэвид.

Усевшись за столик у окна, Элис расправила на коленях синее платье, обернулась к лорду Хью и улыбнулась.

— Ты чем-то очень довольна, — одобрительно заметил он.

— Я беседовала с миледи, — сообщила Элис. — Надеюсь, я оказала вам услугу, которая придется вам очень по вкусу. Если вы устроите для Кэтрин приличную ферму с домиком и обеспечите пенсионом, я смогу убедить ее принять аннулирование брака безропотно. Она готова покинуть нас хоть сейчас.

— Спаси нас Христос! — воскликнул старый лорд; он поднялся, опираясь на трость, и зашагал по комнате. — Но почему? Почему все эти годы она так цеплялась за Хьюго, а теперь вдруг уступает и отказывается от него?

— Чувствует себя виноватой... и нечистой, — промолвила Элис. — Она очень глубоко переживала свой выкидыш, постоянно плакала. Она очень тревожится, что вы с Хьюго сердитесь на нее. Ей хочется угодить вам и поскорее уехать отсюда. Она поняла, что бесплодна и ей, так или иначе, придется уйти.

— Но я всегда считал ее женщиной сладострастной и ревнивой, — недоумевал старый лорд. — Боялся, что нам придется чуть не силой вырывать Хьюго из ее лап.

— У этой женщины противоестественные наклонности. — Элис опустила глаза и самодовольно улыбнулась. — Теперь она сходит с ума от страсти ко мне.

Старый лорд развел руками и хрипло захохотал.

— Помоги нам Господи! Но для Хьюго это будет пощечина. Держала его член у себя между ног, а теперь предпочла бабью дырку. погоди, вот я все ему расскажу! Он умрет от стыда! Кэтрин дает ему отставку, чтобы заполучить его содержанку!

Только через несколько минут милорд пришел в себя. Он перестал смеяться и спросил:

— Ну а ты что? Как всегда, и нашим и вашим, я не ошибся?

Элис подняла на него невинные глазки.

— Мило-орд?

— Что ты обещала ей, выкладывай, — потребовал его светлость. — Давай-давай, девочка. Мне надо знать условия, все условия, которые ставит Кэтрин.

— Я пообещала поселиться в ее доме, если мне придется уйти отсюда, — ответила Элис.

— И ее это устраивает? — удивился старый лорд. — Что-то малоубедительно.

— Она полагает, что Хьюго снова женится, — пояснила Элис. — Ей неизвестно, что я жду от него ребенка. Совершенная дура. Тревоги и страхи совсем ослепили ее. И ни одна из дам не осмелилась доложить ей, что я беременна. Она думает только о себе, о своих потребностях, меня в упор не замечает. И ничего не понимает. По ее мнению, он просто увлекся мной и это скоро пройдет. Кэтрин и представить себе не может, что я могу быть женой Хьюго.

Услышав это, старый лорд даже не шелохнулся. Элис не видела его лица, но его неподвижная спина насторожила ее.

— Так ты решила, что будешь его новой женой? — наконец подал он голос.

Сердце Элис тревожно забилося. Чувство страха и злости, которое она испытала, наблюдая, как Хьюго заигрывает с Мэри, снова охватило ее. Щеки похолодели, но сразу вспыхнули.

— Да, — смело заявила она. — Пускай я не благородных кровей и у меня нет приданого, зато, кроме меня, никто не может от него забеременеть. Когда родится мой сын, он будет у вас единственным наследником. Мы с вами прекрасно знаем, что Кэтрин не бесплодна — ее осматривало множество врачей. Тут дело в Хьюго, что-то не так с его семенем. Если вы найдете ему другую жену, у вас получится еще один бесплодный брак. Только я способна зачинать детей от Хьюго. Только я способна вынашивать их полный срок. Когда весной у меня родится сын, вы не посмеете не обвенчать нас, иначе ребенка признают незаконным.

Стоя к ней спиной, старый лорд закинул голову и разразился тяжелым, безрадостным смехом. Элис на всякий случай беспокойно улыбнулась. Затем он повернулся и подошел к ней.

— Я не посмею? Ты утверждаешь, что я не посмею? И ты говоришь это мне? Ах ты, милая моя потаскушка, да я посмею сделать кое-то посерьезней, чем это! — Милорд выбросил прямо перед ее лицом костлявые пальцы и стал загибать их по очереди. — Хьюго никогда не женится на женщине подлого происхождения, без роду и племени — раз! Я никогда не делаю ставок, пока не увижу результата, — два! — Он похлопал ее по животу тыльной стороной ладони. — А вдруг у тебя там какой-нибудь урод, как у Кэтрин. Или девчонка.

Прозвучало это так, будто что урод, что девчонка — все равно мерзость.

— А если родится мертвый или круглый идиот, тогда как?

Элис инстинктивно положила ладони на живот, словно хотела оградить малыша от этих слов. Но милорд отбросил ее руки.

— Или не доносишь, — безжалостно продолжал он. — Случится выкидыш, как у Кэтрин. Тебе еще ждать целых шесть месяцев, шлюшка ты моя, а пока получается кот в мешке, ты согласна?

Она уставилась на него широко раскрытыми глазами, руки ее лежали на коленях ладонями вверх.

— И третье, — громко произнес он. — Даже если будет сын, крепкий и здоровый мальчик, Хьюго все равно на тебе не женится, глупышка ты маленькая. Мы узаконим только сына! Я признаю его и сделаю своим наследником. Нам нужен лишь ребенок, нам не нужна ты! Ты здесь только для того, чтобы писать для меня письма и услаждать Хьюго!

Девушка побелела, руки ее тряслись.

— С чего это ты взяла, что можешь загнать меня в ловушку, потаскушка ты этакая? Тебе напомнить, кто я такой? Вырядилась в красивые тряпки и сразу забыла про свою нечистую кровь? Неужели забыла, кто перед тобой стоит? Я лорд, мне принадлежат земли на сотни миль вокруг! Моих предков поселил здесь сам Вильгельм Завоеватель, они дрались за каждый акр земли. Видит бог, у тебя отшибло память! Ты хоть помнишь мое имя? Ты забыла, какому роду я принадлежу? Забыла про мое могущество? Забыла про мое достоинство и гордость? Да-а, судя по всему, действительно забыла, кто я...

Элис поднялась, ноги едва держали ее, щеки дрожали.

— Я плохо себя чувствую, — пробормотала она, с трудом ворочая языком. — Я оставлю вас, милорд.

— Сядь-ка, сядь, — раздраженно приказал лорд Хью.

Гнев его сразу как ветром сдуло. Он силой заставил ее опуститься в кресло, со стуком поставил на стол бокал и налил вина. Элис взяла бокал и сделала глоток. На щеки вернулся румянец.

— Я же предупреждал тебя, — уже мягче заметил он. — Предупреждал: и думать не смей перескочить границу, поставленную самим Богом, границу между людьми благородного происхождения и всеми остальными.

Вино успокоило Элис.

— Но Хьюго любит меня, — снова возразила она, хотя и не столь настойчиво.

— Замолчи, Элис, не будь душой! — взмолился старый лорд. — Ты нравишься Хьюго, ему приятно быть с тобой. Ты красивая женщина, соблазнительная и страстная. Всякий нормальный мужчина не пройдет мимо. Был бы я помоложе и поздоровей, сам бы тобой занялся. Но серьезные вещи не решаются одной прихотью, красивым личиком или ночью страсти. Да сам король сверяет свои аппетиты с этими правилами. Тут решения принимаются, исходя из политических соображений. Наследники, новые союзники и все такое. Борьба за власть, укрепление власти. Женщины в этой игре — пешки. Хьюго не меньше меня понимает, что следующий брак надо заключать осмотрительно, он должен принести нам преимущества, выгоду. Нам нужна связь с одним из родов на юго-востоке, с кем-нибудь, кто близок к трону. Хьюго прав: король все больше становится источником силы и власти, источником богатства. Мы должны породниться с семейством, которое пользуется его благосклонностью.

— И у вас уже есть кто-то на примете? — с горечью осведомилась Элис, ставя бокал на стол.

— А как же! И не одна, а целых три! — торжественно сообщил милорд. — Невеста из семейства де Берси, девочка двенадцати лет, они не прочь выдать ее за Хьюго; в семействе Бизов тоже есть девочка, правда, ей всего девять, но если она не по годам развита, а такое бывает, то тоже вариант. И в семействе Мамсеттов имеется девица, помолвка которой почему-то расстроилась. Ей двадцать лет, в самый раз для Хьюго. Надо только разобраться, почему расторгли ее брачный договор, а так она вполне подойдет.

Вино побежало по жилам Элис, ее охватило отчаяние.

— Я ничего этого не знала, — тупо произнесла она. — Вы никогда не упоминали об этом. Вы же не писали им. И от них не получали посланий. Вот я и не знала. Как вы устроили все это? Я ничего такого для вас не писала.

— Ты что — решила, я показываю тебе все письма? — усмехнулся милорд. — А ты не догадывалась, что Дэвид тоже для меня пишет, и на латыни, и на английском, и на итальянском, да и на французском? Что иногда и Хьюго пишет для меня? Ты не догадывалась о том, что самые-самые важные послания, которые требуют глубочайшей тайны, я пишу сам и отправляю с голубиной почтой, отпускаю голубя своими руками, так что об этом не известно никому, кроме меня и умненькой, скромненькой птички?

— Я думала, что вы доверяете только мне одной, — пролепетала Элис. — Я думала, что близка вашему сердцу.

Старый лорд поглядел на нее с жалостью и сказал с легкой насмешкой:

— И тебя еще называют знахаркой![13] Да ты просто дура, Элис.

— И что теперь станет со мной? — спросила она, опустив голову.

— Исполни, как и раньше, обязанности моего секретаря, — ответил милорд. — Для тебя здесь всегда найдется место. Первые два года будешь нянчить своего ребенка. До того я не стану его отбирать. Когда он начнет ходить, заберу его к себе, а ты делай что пожелаешь.

— Мне можно будет остаться в замке? — уточнила Элис.

— Почему нет, как его нянька, если, конечно, будешь держать язык за зубами. И если не станет возражать новая жена Хьюго. Она займется воспитанием твоего сына. Он будет расти как ее ребенок.

— Значит, она получит и Хьюго, и замок, и моего сына, — ошеломленно проговорила Элис. — Девчонка, с которой вы даже не знакомы. Она получит все: и Хьюго, и замок, и моего ребенка. А я не получу ничего.

Лорд Хью кивнул.

— Хочешь, когда у тебя заберут ребенка, я отправлю тебя во Францию, в какой-нибудь монастырь? — предложил он. — Дам приданое, дам имя человека, который уже умер. И ты снова поступишь монашкой, уже как вдова. Могу и это для тебя сделать.

— Я утратила веру в Бога, — с усталым достоинством заявила Элис. — В этом замке я шаг за шагом опускалась все ниже, совершая один тяжкий грех за другим, и потеряла даже те крупницы веры, которые были. Я вела здесь такой образ жизни, что и святого сделает смертным грешником.

Старый лорд хохотнул.

— Ну прости, — отозвался он. — Я простой мирянин и не могу рассуждать на эти темы. Но жизнь, которую ты вела здесь, для святого была бы действительно тяжелым испытанием. А для начинающего святого проверка в самый раз.

Услышав этот обидный укол, Элис опустила голову.

— В конце концов, у тебя есть и последнее пристанище, — напомнил он, едва сдерживая смех.

Элис молча подняла на него глаза.

— Кэтрин и ее маленькое имение! — Лорд Хью не выдержал и расхохотался. — Ночи в постели с ней, ее мягкое жирное тело, подскакивающее на тебе, как мячик, ее пальчики вместо мужского члена, которые она станет совать во все твои дырки!

Он уже хохотал без остановки, совершенно не обращая внимания на неподвижно застывшую Элис, это был даже не хохот, а гогот, грубый и искренний. Наконец он успокоился, вытер слезы и добавил:

— Да, какое пристанище, какая тихая гавань, маленькая моя! Но ведь все могло быть гораздо хуже. Ты вспомни, где ты родилась, в каких жалких условиях росла. Ребенок от Хьюго для тебя — настоящий успех, своего рода триумф. В завещании я оставлю тебе землю, как и обещал, и у Кэтрин тоже будет вполне приличное имение. Это лучше, чем ничего, Элис, ведь от рождения у тебя ничего не было и даже не светило.

Девушка сидела, опустив глаза в стол и сжав на животе руки.

— А теперь приступим к работе, — быстро сменил тему милорд. — Сегодня у нас в большом зале заседание суда. Хочу просмотреть дела, которые буду рассматривать. А эти письма прислали из Королевского совета. Целая куча инструкций о преследовании еретиков, колдунов и ведьм с папистами. О том, что следует делать с нищими, о поддержании в надлежащем состоянии дорог и мостов. О количестве лошадей, которое должен держать арендатор, а также овец на его земле. Об обучении молодых людей стрельбе из лука, о запрещении арбалетов. О регулировании огораживания. Бог знает о чем еще. — Он свалил на стол перед Элис груды бумаг. — Рассортируй на две части. В одной — те, что требуют немедленного ответа, с ними придется разбираться сегодня. В другой — с которыми можно подождать. А я пока почитаю дела, которые будут обсуждать днем.

Склонив голову к бумагам и разглаживая загибы, Элис стала раскладывать их на две стопки. Теперь ей было не до интриг, не до того, как обернуть планы по устройству брака Хьюго в свою пользу. Ей казалось, что она утратила всякую способность оборачивать что-либо в свою пользу. Она уперлась лбом в непробиваемую стену: силу и авторитет мужчин. И ее ожидало неминуемое поражение.

ГЛАВА 30

Элис трудилась до обеда. Лорд Хью доверил ей набросать ответы на рутинные письма и потом прочитать их вслух, чтобы он мог поставить закорючку своей подписи и скрепить личной печатью. Но кое-что он оставил и для себя. В холщовом пакете с запечатанными швами пришла почта из Лондона. Сидя в кресле перед камином, он по очереди открывал эти секретные послания, пробежал глазами и тут же бросал в огонь.

В полдень в покоях появился Дэвид.

— Обед готов, милорд, — доложил он.

Его светлость очнулся от дум и протянул руку Элис со словами:

— Пойдем, Элис. Время обеда. Утомительная у тебя сегодня работа, ты не очень устала?

Она поднялась из-за стола и последовала за милордом. От нее не укрылся пронизательный взгляд Дэвида, которым он окинул ее бледное лицо и поникшие плечи.

— Вижу, вижу, дела идут превосходно, да, Элис? — спросил управляющий. — Пусть и впредь Господь дарит тебе радость и веселье.

Она посмотрела на него, не удосужившись скрыть свою неприязнь, и сказала:

— Благодарю. Засунь свои пожелания себе в задницу.

Карлик нахмурился, сжал руку в кулак, поместив большой палец между указательным и средним — старинный способ уберечься от колдовства и дурного глаза, — и перекрестил себя этой фигурой, поцеловав большой палец.

Заметив его расстроенное лицо, Элис рассмеялась и добавила:

— Гляди, как бы не увидел отец Стефан. А то обвинит тебя в папизме!

Высоко подняв голову, она спустилась за старым лордом по лестнице и вошла в большой зал, не слушая, что бормочет у нее за спиной карлик.

По правую руку от себя старый лорд усадил Хьюго, полевою — отца Стефана, в знак особого расположения и в честь возвращения в замок. «И подчеркивая тем самым власть новой церкви», — кисло подумала Элис. Ее же усадили рядом со священником.

Слуги подали серебряные кувшины и лохани, лорд Хью, а за ним и все остальные мыли руки и вытирали их полотенцем. Дэвид следил за тем, как разливают вино, а потом и похлебку.

— Как ваше здоровье, госпожа Элис? — вежливо осведомился отец Стефан.

— Благодарю вас, хорошо, — отозвалась она. — Просто чуть-чуть устала. Сегодня мне пришлось прилично поработать. Надо было ответить на письма от короля, а тут еще заседание суда после обеда.

— Мы с Хьюго немного прибавили суду работы, — сообщил отец Стефан. — Сегодня поймали ведьму.

За столами, расположенными поближе, сразу установилась тишина, обедающие с любопытством вытянули шеи. Многие перекрестились. У Элис перехватило дыхание.

— Милорд! — воскликнула она. — Храни вас обоих милосердие Божье!

— По молитвам моим, по молитвам моим, — важно изрек отец Стефан. — Мой долг оберегать епархию от этих мерзких тварей. — Он оглядел зал и повысил голос, чтобы все могли его слышать. — Против колдовства нет лучшей защиты, чем пост, покаяние и молитва. Одна ведьма не поможет от другой ведьмы. Такая дорожка ведет прямо в лапы господина этих чудовищ, который бродит по нашей земле, аки алчный волк, уловляя человеческие души. Но истинная церковь Англии защитит вас. Она изловит и уничтожит всех ведьм на нашей земле, вырубит их под корень, вплоть до самого малого корешка.

В зале царило безмолвие — настолько красноречив был священник.

— Да, — нарушила молчание Элис. — И мы должны быть благодарны вам, отец Стефан, за вашу бдительность.

Он повернул к ней голову и тихо, только для нее, произнес:

— Я не забыл о несправедливости по отношению к вам, когда вас подвергли испытанию. Я ношу этот грех в своем сердце, он служит мне напоминанием, что следует избегать таких папистских обычаев, как якобы суд Божий, и руководствоваться только своей совестью. Теперь я не прибегаю к подобным испытаниям, а просто задаю вопросы, правда, рядом всегда стоит дыба, но я пользуюсь ею только в крайних случаях, когда это совершенно необходимо, и в делах с ведьмами Божьим судом не злоупотребляю. Уступив тогда лорду Хью и леди Кэтрин, я сделал большую ошибку. Однако с тех пор подобных ошибок не совершал.

— Но вы применяете пытки? — уточнила Элис. Голос ее слегка дрожал. Она взяла бокал и отхлебнула вина.

— Только если это предписывается правилами следствия; в сфере тяжких преступлений закон очень строг, — пояснил отец Стефан. — Сначала идет допрос, потом еще один, но уже рядом с дыбой, а уже после — и только тогда — допускается допрос с пристрастием, то есть под пыткой. Когда я знаю, что делаю Божье дело в этом безбожном мире, что подчиняюсь закону в мире беззакония, то я исполняю свой долг без гнева и злобы, без страха совершить грех из-за собственной слепоты.

Элис снова потянулась к бокалу и заметила, что ее рука трясется. Тогда она спрятала ладони на коленях, подальше от чужих глаз, под камчатую скатерть стола.

— Кто же эта ведьма, которую вы сегодня изловили? — поинтересовалась она.

— Та старуха, про которую вы рассказывали, — ответил отец Стефан. — Та, что поселилась в пустоши у реки. Мы поехали в ту сторону охотиться и встретили солдат, которым было велено переправить ее через границу в Уэстморленд — как вы и хотели.

— Это, должно быть, ошибка, — пролепетала Элис. — Я и не думала обвинять ее... в том, что она ведьма. Она просто напугала меня. Я столкнулась с ней... когда была одна в лесу. Она называла меня каким-то... чужим именем. Но она... безобидная старая женщина... никакая не ведьма.

В ее ушах так стучало, что она едва могла говорить. Она задыхалась, дыхания хватало только на короткие фразы.

Отец Стефан покачал головой.

— Мы остановили их, желали убедиться, что с ней хорошо обращаются, — вы же знаете, солдаты любят подурачиться. Она спросила, кто мы такие, и когда Хьюго назвал свое имя, она прокляла его.

— Она не могла это сделать, — отозвалась Элис.

— Она обвинила его в том, что он сжег монастырь и разрушил другие святые места, — настойчиво произнес священник. — Предрекла ему смерть без наследника, потому что он совершил святотатство и богохульство, и ее Бог отомстит ему. Она призвала его покаяться в грехе перед другими женщинами, опорожнявшимися дьявольской слизью, — это, по ее словам, все, что он способен произвести на свет. И еще она умоляла отпустить какую-то Анну. Это была последняя капля, больше мы не стали ее слушать!

— Это ужасно, — согласилась Элис. — Но ведь это лишь бред сумасшедшей женщины.

— Епископ назначил меня для поиска проклятых ведьм, — заявил отец Стефан. — В каждой деревне найдется такая, а уж в городе не меньше дюжины. Мы должны искоренить зло. Люди слабы, и когда наступают тревожные времена, вместо молитв и поста они бегут к этим колдуньям. Дьявол прячется везде, а сейчас как раз времена беспокойные. Мы должны бороться с дьяволом и с его прислужницами, с ведьмами.

Дрожащим голосом Элис засмеялась, но тут же умолкла и подняла брови.

— Вы что, пугаете меня?

— Простите, — извинился священник. — Я не хотел. Я разгорячился — дьявол, с которым я неустанно воюю, силен. Я совсем забыл о вашем положении и слабости вашего пола.

Они немного помолчали.

— Что касается этой сумасшедшей старухи, — небрежно обронила Элис, — неужели вы не отпустите ее? Мне было бы очень жаль, если б мое недовольство привело ее к такому финалу.

— Вы не до конца понимаете всей серьезности преступления, — мягко укорил ее отец Стефан. — Когда она рассуждает о своем Боге, сразу ясно, что она имеет в виду дьявола, ведь Господь благ, Он не проклинает людей. Он посылает нам беды и несчастья из любви к нам, испытывая нас. Когда она кричит о Хьюго как о разрушителе церкви, мы знаем, что речь идет о ложной папистской церкви и это сам дьявол вопит ее устами против священной войны, которую мы объявили ему. Каждый день мы вырываем из его лап человеческие души. Когда католические попы кормили людей сказками, предрассудками и разного рода магией, пугали их небылицами, дьявол почивал на лаврах. А теперь мы распространяем свет Божьей истины по всей стране и изгоняем из нее дьявола и его приспешников, таких как эта старуха. Все они сгорят в печи огненной.

Яркие лучи солнца, бьющие через высокие, смотрящие на восток окна, слепили Элис, и, пока она слушала священника, комната вдруг закружилась вокруг нее.

— О, прошу вас, не надо, — промолвила она с внезапной болью в голосе. — Отец Стефан, вспомните, каково было мне, когда вы подвергли меня испытанию. Вспомните мой ужас. Пожалейте эту бедную старуху, лучше отошлите ее куда-нибудь подальше, например в Шотландию. Или во Францию. Пожалейте ее, бедняжку. Она сама не ведала, что творила, она безумна. Я видела это, когда встретила с ней. Она просто сумасшедшая.

— Тогда как ей стало известно о болезни Кэтрин, если не с помощью колдовства? — возразил отец Стефан. — Ведь это хранилось в глубокой тайне. Посвящены были только вы, приближенные дамы и лорд Хьюго. Сам его светлость не знал, что из Кэтрин сочтется белая жижа.

— Сболтнул кто-нибудь, — быстро нашлась Элис. — Слухи носятся повсюду. Скорей всего, это одна из тех старух, которые сидят с утра до вечера возле печки и чешут языками. Я послала ей платье и немного еды, и она, видно, посплетничала с моим курьером. Не сжигайте ее только за то, что она глупа и безобразна, эта старуха, отец Стефан!

— Мы не собираемся никого сжигать, — отрезал священник.

Элис заглянула в его бледное решительное лицо.

— Не собираетесь? Мне показалось, вы обещали бросить ее в огонь.

— Я имел в виду, когда она умрет, на том свете ее ждет адское пламя, — пояснил отец Стефан.

— Ах вот оно что. Значит, я неправильно вас поняла. Вы так утешили меня. — Элис рассмеялась, но тут же умолкла и положила руку на грудь: сердце билось реже и спокойней. — Значит, вы не сожжете ее. Не сожжете. — Она снова смущенно засмеялась и добавила: — А я вся прямо трепетала от страха, что по моей вине старая дама умрет на костре! Я так за нее испугалась. Но вы не сожжете ее, даже если ее обвинят в чем-то. Даже если она окажется в чем-то виноватой. Вы ведь не станете сжигать ее?

— Нет, — помотал головой отец Стефан. — Ведьм и колдуний мы вешаем.

Когда Элис пришла в себя, она лежала в постели, над ней нависал темно-зеленый полог, который она так любила, шторы были наполовину задернуты, чтобы на лицо не падали яркие лучи солнца, проникающие через узкую бойницу. В первые секунды она никак не могла сообразить, какой сейчас день и час. Просто лежала и улыбалась, словно маленькая девочка, потягиваясь и разглядывая окружающие ее дорогие ткани. Слышалось тихое потрескивание горящих дров в камине, беленые стены, освещенные заходящим солнцем, нагрелись и отдавали тепло. И вдруг она с ужасом вспомнила тихие слова отца Стефана, его обещание, вспомнила о том, что днем матушке Хильдебранде предъявили обвинение в колдовстве. Элис громко закричала и села на постели. Мэри была тут как тут.

— Мидели, — озабоченно проговорила она, — миледи.

— Который час? — быстро спросила Элис.

— Не знаю, — удивленно отозвалась служанка. — Думаю, около пяти. Сейчас как раз расходятся люди после судебного заседания. До ужина еще далеко.

— Судебное заседание кончилось? — задала новый вопрос Элис.

— Да, миледи, — кивнула Мэри, не отрывая от хозяйки тревожного взгляда. — Если вам что-нибудь нужно, вы только прикажите, я сразу принесу. Может, что-то из вашего сундука с травами? Вы такая бледненькая, миледи. За обедом вы потеряли сознание и лежали как мертвая, и вас отнесли сюда. И за все это время вы даже не пошевелились. Вас навещал даже сам лорд Хью. Принести что-нибудь?

— А что было на суде? — допытывалась Элис.

Мэри нахмурилась.

— Я была все время здесь, с вами, — ответила она с обидой в голосе. — Откуда мне знать, что там было? Но госпожа Херринг говорила, что одному человеку выжгли клеймо за воровство, а фермеру сделали предупреждение за то, что он передвинул межевые столбы. Еще вызвали сына Питера Марвика...

— Нет, я не о том, — отмахнулась Элис. — Меня интересует старуха, которую обвинили в колдовстве.

— А! — догадалась служанка. — Ее не судили, допросили под пыткой, и она оказалась никакая не ведьма. И обвинение в колдовстве сняли.

Элис выдохнула, ей сразу стало легче, легкость охватила все ее тело, от мучительно ноющей челюсти и стиснутых в кулаки пальцев до самых пяток. Кожа горела, словно она только что вышла из горячей ванны. Кровь побежала по жилам, ей стало жарко.

— Значит, ее отпустили, — пропела она, наслаждаясь надеждой, звучащей в этих словах, сладкой, как новая страсть.

— Теперь ее обвиняют в другом, — сообщила Мэри. — Ей собираются предъявить обвинение в ереси. Ее будут судить завтра, на второй день судебных слушаний.

Элис показалось, что комната покачнулась и поехала в сторону, как корабль, попавший в шторм и потерявший управление. Она вцепилась в простыни, словно это канаты, и жалобно промолвила:

— Что-то я не совсем расслышала. Я не поняла, Мэри, повтори еще раз.

— Ее будут судить завтра за ересь, — с расстановкой прокричала Мэри, словно обращалась к глухой старухе. — Она не ведьма, а еретичка. Папистка. Ее будут судить завтра после обеда.

Откинувшись на подушки, Элис закрыла глаза. Ребенок у нее в животе, видимо почуяв, как часто и сильно бьется ее сердце, зашевелился и дрыгнул ножкой. Элис показалось, что настала расплата за все ее грехи. От страха у нее скрутило живот, сердце трепетало, как пойманная в силки птица.

— Принеси поскорей лохань, — хрипло выдавила она. — Меня сейчас вытошнит.

Служанка держала перед ней лохань, пока она извергала неперевавленную похлебку, съеденную за обедом, за ней завтрак — хлеб с мясом и элем, потом потекла желчь, и наконец ее стало выворачивать чуть не наизнанку, но выходила только слюна.

Мэри бегом вынесла лохань из комнаты и вернулась с кувшином и полотенцем, смоченным холодной водой. Она протерла разгоряченное и потное лицо Элис и шею под густой шапкой волос, потом поднесла ей к губам бокал с водой.

— Может, у вас потница?[14] — встревожилась служанка. — Или ребенок сильно толкается в животе? Его светлости не следует загружать вас работой! Принести вам покушать?

— Помоги мне встать, — велела Элис, наклонившись вперед.

Мэри пыталась протестовать, но Элис отбросила одеяло и протянула обе руки со словами:

— Да помоги же!

Ее прямо в одежде уложили в постель и просто накрыли одеялом. Теперь платье было измятым и влажным.

— Переодень меня, — распорядилась Элис. — Хочу зеленое.

Служанка сняла с нее наряд, встряхнула и отправила в сундук. Затем достала зеленое платье и через голову натянула на нее. Мэри наряжала ее, а Элис стояла неподвижно, как в пустоши языческая каменная баба, которую украшают шарфами и лентами.

Ноги ее дрожали, и Мэри поддерживала ее, когда они шли по галерее, спускались по лестнице в большой зал. После заседания суда слуги расставляли по местам столы и скамейки. Элис позволила служанке проводить ее до двери, а потом жестом отослала. Из прохлады большого зала она ступила на горячие камни двора и направилась в сад, намереваясь найти там старого лорда. Он сидел под деревом, наслаждаясь вечерним солнышком. Рядом с ним расположились Элиза Херринг и Марджери. Элиза играла на лютне.

На секунду Элис остановилась. В лучах солнца седые волосы старого лорда блестели; Элиза и Марджери были одеты в яркие летние платья, желтое и голубое. Над головой милорда с ветвей персикового дерева свисали сочные плоды. Перед ними было разбито несколько

правильных цветочных клумб, между которыми извивались посыпанные гравием дорожки, по обеим сторонам росли самшитовые деревья. А слева, в самом дальнем углу замковой стены, стояла башня, и на третий этаж вела лестница, упирающаяся в единственную дверь. Нижние этажи не имели ни дверей, ни окон. Башня была совершенно глухая, сложенная из цельного камня. Там располагалась тюрьма, в нее можно было попасть через люк в полу караульной, спустившись по грубым ступеням. А выйти можно было, как часто шутили, только в гробу.

Элис двинулась по лабиринту дорожек, подол зеленого платья шуршал в траве, впереди бежали несколько кур с петухом во главе; наконец она предстала перед лордом Хью.

— Элис! — радостно воскликнул он. — Тебе уже лучше? Ты так нас всех напугала. В жизни не видел столь глубокого обморока. Присядь. Да садись же!

Согнав со скамейки Элизу и Марджери, он жестом приказал им удалиться. Они сделали по реверансу и ушли, склонив головки друг к дружке. Элис опустилась рядом с лордом Хью на нагретую солнцем скамейку.

— Как приятно здесь пахнет, — лениво промолвила она. — Как хорошо разросся наш сад.

— Маловат, конечно, — заметил лорд Хью. — Моя жена мечтала разбить регулярный сад со всякими развлечениями. Да у меня все времени не было, впрочем, и большого желания тоже тратить деньги на всякие там цветочки. — Он сердито захлопал в ладоши на ковыряющихся в клумбах кур. — Они поклюют все цветы. Куда подевался этот чертов мальчишка с кухни? Зачем он выпустил их сюда?

— А какая она была, ваша жена? — с улыбкой поинтересовалась Элис.

— Да ничего вообще-то, — неопределенно отозвался милорд. — Из хорошей семьи, набожная. Бестолковая, правда. — Он на какое-то время задумался. — Много читала. Жития всякие, церковные книжки и все такое. У нее были черные волосы — это лучшее, что в ней было. Длинные такие, густые черные волосы. Как у Хьюго.

— Она умерла молодой? — поддерживала беседу Элис.

— Не совсем, — ответил старый лорд. — Ей было сорок, где-то около того — для женщины прилично. Частые роды подорвали ее здоровье. Выкидыши. Господи! У нее их было двенадцать, не меньше. А в результате, как ни старались, получились две дочери и Хьюго.

Между ними наступило сочувственное молчание; его светлость тихо улыбался какому-то старому воспоминанию, Элис невозмутимо сидела рядом.

— А что эта старуха, — обронила она как бы случайно, — что с ней стало?

— С колдуньей? — уточнил лорд Хью. — Нет, она оказалась никакая не ведьма. Ей учинили допрос с пристрастием, и ничего такого, что можно связать с колдовством, не нашли. Даже сам отец Стефан признал это, а уж он колдунов под землей видит.

— Он человек увлекающийся, — усмехнулась Элис; получилось как-то делано и убедительно.

— Готов на все в достижении цели, — подхватил старый лорд. — Теперь церковь у нас подчинена королю. Стефан стремится подняться выше, на самой вершине — королевский двор, а уж за ним небеса. Заманчивая перспектива.

Элис улыбнулась и кивнула.

— Кто знает, чем все кончится, — рассуждал милорд. — Да я и не увижу, это точно. Раньше я

думал, что все вернется к старому, а теперь понимаю: это невозможно. Аббатства стоят полуразрушенные, все священники присягнули королю. Впрочем, это уже дело Хьюго. А он полностью на стороне новых порядков. Ему предстоит топтать в этом мире свою дорожку. Не сомневаюсь, у него получится. Вместе с отцом Стефаном возвышаться будет и Хьюго. Они идут в одной упряжке.

— А эта старуха... — снова начала Элис.

— Папистка, — махнул рукой его светлость. — Обвиняется в ереси и измене. Когда ее сняли с дыбы и облили холодной водой и она снова обрела дар речи, она стала угрожать всем преисподней и кричать, что готова умереть за веру. Судить ее будем завтра. Вряд ли она отречется. Женщина крепкая.

— А разве нельзя ее отпустить? — промолвила Элис. — Посадить на корабль и отправить куда-нибудь подальше. Она уже такая старая, все равно скоро помрет. От нее никому никакого вреда.

— Раз она уже арестована, не получится, — сухо произнес старый лорд. — На нее заведено дело, отцу Стефану известно о ней. Его доклад направится к епископу, а мой — в королевский совет. Теперь она не может взять и просто исчезнуть. Ее придется судить и признать виновной или невиновной.

— Но, судя по вашим словам, она виновна! — воскликнула Элис. — Если она не отречется от своей веры, ее обязательно признают виновной.

— Да, — подтвердил милорд; он прислонил голову к нагретым солнцем камням. — На этой стенке хоть хлеб пеки. Нагревается и держит тепло, словно печка.

— Если ее казнят, — настойчиво продолжала Элис, — ничего хорошего из этого не выйдет. Она очень стара и слаба, и народ возненавидит вас с Хьюго за то, что вы мучаете беспомощную старуху. Это может обернуться против вас. Вряд ли стоит так рисковать.

Старый лорд повернул к девушке голову.

— Это уже не в моей власти, — снова пояснил он. — Ей предъявлено обвинение перед судом, и завтра я буду ее судить. Отец Стефан будет ее допрашивать и урезонивать. От адвоката она отказалась. Если она не отречется, не признает верховную власть короля и не присягнет ему как главе нашей церкви, ее казнят. Это не я придумал, Элис. Таков закон.

— А вы не могли бы... — не сдавалась Элис.

— Ты что, знаешь ее? — перебил милорд, проницательно всматриваясь в лицо девушки. — Она из твоего монастыря? Ты заступаешься за нее?

— Нет, — ответила Элис, выдержав его взгляд. — Я никогда ее прежде не видела. Она ничего для меня не значит, совсем ничего. Я просто сочувствую ей. Глупая старуха погибнет из-за своих заблуждений. Я переживаю, что моя жалоба привела к таким последствиям, ничего больше.

Лорд Хью склонился и опять захлопал руками на кур. Те бросились врассыпную. Петух растерянно забил крыльями, неуклюже вскочил на невысокую ограду, вытянул шею и закукарекал.

Элис наблюдала, как дрожит его шея в изумрудном оперении.

— Ты здесь ни при чем, твоей вины нет, — успокоил ее лорд Хью. — Она все равно стала бы проповедовать и поучать людей. Собрать вокруг себя народ. И рано или поздно попалась

бы нам на глаза. И тогда пришлось бы арестовать ее. Старая дура, ищущая святости, больше ничего. Такие не выбирают легких путей, не меняют веру, не идут в ногу со временем. Глупая старая мученица. Это ты у нас, Элис, знахарка, мудрая женщина.

Отворив дверь, Элис медленно переступила порог замка. После сада, залитого золотом вечернего солнца, в дымном полумраке большого зала ей стало легче. Она шла, сама не зная куда, без цели, без направления. Хьюго поскакал верхом к своему новому дому, или тренировался в стрельбе из лука, или протыкал копьем чучело на турнирном поле — да мало ли у него игрушек. Ему было все равно, как развлекаться. Остановившись посреди зала, Элис прислонилась к столу, за которым обычно обедали старшие военные. Хьюго был совсем как ребенок. Благодаря долгой жизни и необъятной власти отца он мог позволить себе оставаться тем же веселым и славным мальчишкой — счастливым, когда дела идут хорошо, угрюмым, сердитым и обиженным, когда его желания почему-то не исполняются. Он не станет спасать матушку Хильдебранду, даже если Элис попросит. Это все мало его волнует. Ему нет дела ни до бедной старухи, которая чуть не погибла в прошлом году, ни до самой Элис. На лавках, задвинутых под столы, спали люди — после обильных обеденных возлияний необходимо было проспать. Элис тихо прошла мимо, поднялась на помост и отдернула портьеру, закрывающую проем для господ. Один из спящих заворочался во сне, распахнул глаза, увидел ее и перекрестился. От Элис не укрылось это движение. Так значит, за ней все-таки тянется шлейф суеверий. Она не должна забывать, что и ей самой каждую минуту угрожает опасность. Она прижала ладонь к животу. Безопасность ей обеспечивал только ребенок, которого она носила в чреве, сын Хьюго. Она устало поплелась вверх по лестнице в дамскую галерею.

Ну и что, что она носит сына Хьюго, ведь старый лорд спланировал все заранее, он отберет у нее малыша и признает его наследником. Прежде Элис и в голову не приходило подобное развитие событий. Она и не подозревала, что такое возможно. Ей казалось, что ее ребенок, ее мальчик, станет для нее пропуском в эту семью. Она задержалась на ступеньках, чтобы отдышаться и избавиться от пляшущих в глазах черных точек.

— Я заболела, — вслух произнесла она.

Если она заболит, Кэтрин не будет настаивать на ее визите, а лорд Хью не станет угрожать ей. Если она заболит и сляжет, никто не обвинит ее в том, что она ни слова не сказала в защиту матушки Хильдебранды, не попыталась спасти ее, когда аббатису подвергли мучительной смерти и она стяжала венец мученицы за веру. Да и в чем виновата Элис, если матушка Хильдебранда сама страстно желает стать святой? К тому же Элис нездоровится.

— Я заболела, — повторила она, и в ее голосе уже прозвучала уверенность. — Я очень больна.

Она медленно потащилась дальше, добралась до дамской галереи и открыла дверь.

Внутри было пусто, стояла полная тишина. Одна только Мэри сидела у камина и что-то шила. Увидев Элис, она сразу отложила работу, вскочила и сделала реверанс.

— Вами интересовалась леди Кэтрин, миледи Элис, — радостно сообщила она. — Передать ей, что вы пришли? Или, может, желаете прилечь?

Взглянув на нее с неприязнью, Элис ответила:

— Я зайду к леди Кэтрин. Она очень встревожилась, когда утром увидела в окно, как ты заигрываешь с ее мужем.

Мэри изобразила удивленное лицо.

— Молодой лорд Хьюго не привык спрашивать разрешения, когда хочет получить удовольствие, — сдержанно продолжила Элис. — Но советую тебе лишний раз не попадаться ему на глаза, Мэри. Если станешь расстраивать леди Кэтрин, она прогонит тебя из замка.

Щеки служанки пылали.

— Простите меня, миледи, — пролепетала она. — Мы ничего такого не делали, просто болтали и смеялись.

Элис смотрела на нее недовольно, словно в жизни не слышала веселой болтовни и смеха Хьюго, не видела его обольстительной улыбки.

— Если ты похотлива, как кошка, держись подальше от молодого лорда, — отчеканила она. — Тебе придется несладко, если ты обидишь его жену. Сама говорила, что отец твой беден и у него нет работы. Думаю, тяжело придется твоей семье, если ты вернешься домой без гроша в кармане и без надежды снова попасть в услужение в хороший дом.

— Извините меня, пожалуйста, миледи, — смиренно промолвила Мэри, опустив голову. — Этого больше не повторится.

Кивнув, Элис направилась в комнату Кэтрин; в ее груди пылала злоба.

Госпожа была одета, она сидела в кресле, уставившись в окно. За ней Элис разглядела двор, сад, залитую солнцем внутреннюю стену, верхушки яблонь, растущих на внешнем дворе. А за низеньким зданием пекарни высилась мрачная, без единого окна, круглая тюремная башня.

— Как хорошо ты сегодня выглядишь, Кэтрин, — проворковала Элис тоненьким голоском. — Тебе уже лучше?

Но лицо миледи, когда она обернулась, было унылым. С утратой беременности исчезли полнота и румянность щек, на лице прорезались прежние глубокие морщины.

— Я только что видела тебя в саду, — заметила она. — Ты беседовала со старым лордом.

Насторожившись, Элис кивнула.

— Какая я была дура! — вдруг крикнула Кэтрин. — Я позвала твою девчонку и спросила, уж не беременна ли ты, а она сделала реверанс и ответила: «Да, миледи» — таким тоном, будто это давно всем известно и никого не удивляет!

Элис подвинула к себе кресло и села.

— Это ребенок Хьюго? — яростно зашипела Кэтрин. — Говори, это его ребенок? Как я была слепа, что не догадалась раньше! А теперь смотрю: идет по саду и выставляет свой живот перед милордом. Ты действительно ждешь от Хьюго ребенка?

— Да, — тихо отозвалась Элис.

Широко раскрыв рот, Кэтрин беззвучно заплакала. По ее желтоватым, болезненным щекам покатались крупные слезы. Она плакала, не стыдясь, как ребенок, которому сделали больно, губы ее расползлись, на сморщенном лице некрасиво зиял разинутый рот. Элис увидела нездоровый налет на ее языке и черное дупло в зубе.

Наконец миледи судорожно вздохнула и подавила горькое рыдание.

— И давно уже? — уточнила она.

— С июня, — не стала скрывать Элис. — Рожать буду в апреле. Уже три месяца.

Кэтрин кивнула, потом еще и еще, она кивала без остановки, словно заводная кукла.

— Так значит, ты обманула меня, — заключила она, ухватив край рукава, вытерев мокрое лицо и продолжая кивать. — Значит, ты не поселишься со мной на ферме, это все вранье. Ты останешься здесь, и родишь Хьюго ребенка, и будешь надеяться, что поднимешься выше в его благосклонности и в благосклонности старого лорда.

Элис молчала. Кэтрин подавила подступившие к горлу слезы, ее скулы шевельнулись, будто жабры у плавающего в пруду карпа.

— А я, дура, решила, что ты придешь ко мне, будешь любить меня, ты пообещала жить со мной, а сама в это время плела интригу, чтобы меня отослали подальше и вам с Хьюго можно было спокойно развлекаться, ни от кого не скрываясь! Ты опозорила меня, Элис. Ты осрамила меня перед замком, перед городом, перед всем светом. Я-то надеялась, что ты любишь меня, что мы с тобой друзья, что между мной и Хьюго ты предпочла меня. Утром, когда мы планировали совместное будущее, ты играла со мной. Надеялась быстро от меня избавиться.

Слушая эти обвинения, Элис сидела неподвижно, как изваяние. Она ощущала, что раздражение миледи нарастает и переходит в гнев, что горе накрывает ее безжалостной волной, но оставалась безучастной.

— Ты предала меня, — продолжала Кэтрин. — Ты мне не друг, ты вероломна и лжива. У тебя нет чести. — Она подавила еще одно мощное рыдание. — С Хьюго ты ведешь себя как шлюха, а к старому лорду подлизываешься, словно ты его дочка. Со мной прикидываешься подругой, с моими дамами строишь из себя королеву, помыкаешь ими. В тебе все лживо, нет ни крупицы правды, Элис, ни капли чести. Ты совершенно бесчувственная, Элис бесчувственная!

Оторвав взгляд от круглой башни без окон, Элис опустила голову. Да, Кэтрин, скорей всего, права. Значит, бесчувственная. Интересно, что там делают сейчас с матушкой Хильдебрандой?

— Мне немного нездоровится, — пожаловалась Элис, вставая. — Пойду к себе, отдохну перед ужином.

Кэтрин подняла к ней свое болезненное, жалкое, мокрое от слез лицо.

— И ты ничего мне не скажешь? — удивилась она. — Ты вот так уйдешь и оставишь меня расстроенной и сердитой? Ты даже не попробуешь оправдаться, объяснить, почему ты обманула меня? Почему не сдержала слово? Почему так вероломна? Почему поступаешь столь низко?

Элис еще раз бросила взгляд на круглую башню.

— Вероломна? Поступаю столь низко? — Она коротко рассмеялась. — Это все пустой звук, Кэтрин! Тебе понятно? Пустой звук!

— Но ты же лгала, глядя мне в глаза, — не отставала миледи. — Ты обещала быть мне другом, любить меня. Какое коварство!

Пожав плечами, Элис решительно заявила:

— Я плохо себя чувствую. Я очень больна. Тебе придется страдать одной, без меня, Кэтрин. Я не могу брать на себя ответственность и возиться с тобой. С меня хватит.

Кэтрин побелела как мел.

— У тебя тоже такая болезнь, как и у меня? — изумленно спросила она. — Его ребенок тоже гниет в тебе заживо, как и мой? Значит, это все, что Хьюго способен породить? Только свечной воск?

Перед мысленным взором Элис встали яркие картины сна, где на обочине дороги шевелились черви, а потом восковые куклы спешили в Каслтон на поиски матушки. Она заморгала и помотала головой, пытаясь избавиться от этого жуткого воспоминания, затем положила руки на живот, словно защищая ребенка, и ответила:

— Нет. Мой сын жив и здоров. Не то что твой.

Этот ее жест, естественный жест всякой беременной женщины, подействовал на Кэтрин: гнев ее как ветром сдуло, осталось одно горе.

— Элис! — воскликнула она. — Я прощаю тебя! Прощаю все. И твой обман, и твою ложь, и мой позор. И то, что Хьюго изменял с тобой. Я прощаю, если только ты поедешь со мной. Меня выгонят отсюда, и мне придется покинуть замок. Пойдем со мной, Элис! Мы станем вместе заботиться о твоём сыне. Он будет и моим ребенком тоже. Я сделаю его своим наследником. Своим наследником, понимаешь? Когда-нибудь он получит имение, которое мне отдадут, и приданое, которое мне вернут. Со мной ты станешь богата. Со мной ты будешь в безопасности, и твой сын тоже.

Мгновение Элис колебалась, взвешивая выгоды, прикидывая возможности. Но потом покачала головой и холодно промолвила:

— Нет, Кэтрин. С тобой все кончено. В замке тебе давно подписали приговор, скоро от тебя избавятся. Хьюго больше не притронется к тебе. Старый лорд отказывается тебя видеть. Я действительно играла тобой, использовала твою страсть, пыталась заставить тебя уехать тихо, без шума, хотела услужить милорду. Я и не думала жить с тобой. Мне не нужна твоя любовь.

Миледи прижала ладони ко рту. Распахнутые глаза ее не отрываясь смотрели на Элис.

— Какая же ты жестокая, — не веря самой себе, пробормотала она. — Жестокая. Ты и Хьюго вместе лежали в моей постели, еще сегодня утром ты держала меня в объятиях. Ты нянчилась со мной, когда я болела, ты хранила мою тайну.

Пожав плечами, Элис открыла дверь.

— Это ничего не значит, — отрезала она. — Ты уже ничто, пустое место. В тот день, когда вы с Хьюго гуляли на берегу реки, ты должна была утонуть, Кэтрин. Но от судьбы не уйдешь, она все равно настигнет. Ей суждено сгореть, тебе утонуть. Тебя ждет своя участь, ее — своя.

Кэтрин окинула комнату безумным взором.

— На что ты намекаешь? Какая участь? И кому суждено сгореть?

— Уходи, Кэтрин, — угрюмо произнесла Элис. — Твое время здесь кончилось. Просто уходи, и все.

Миледи издала протестующий вопль, но Элис уже переступила порог и закрыла дверь. В галерее дамы как раз вернулись из сада, они снимали головные уборы, причесывались и

жаловались на жару. Элис шла мимо них, словно мрачная тень.

— Миледи что-то беспокоит? — обратилась к ней Рут, поскольку все слышали крики и причитания Кэтрин и видели расстроенное лицо знахарки. — Может, зайти к ней?

— Она должна покинуть замок, — холодно пояснила Элис. — Милорд приказал. Ей дают отставку, брак аннулируют.

На несколько секунд воцарилось молчание, потом вдруг разом все загалдели. Элис подняла обе руки, отмахиваясь от истерических вопросов.

— Спросите ее сами, — повторяла она. — Сами спросите! Но помните, когда будете ей прислуживать: скоро она станет простой крестьянкой на маленькой ферме где-нибудь в отдаленной дыре. Леди Кэтрин больше не леди.

В помещении вдруг повисла мертвая тишина. Дамы замолчали, каждая думала, что теперь с ней будет. Они неуверенно, не зная, как реагировать, смотрели на Элис. Та невозмутимо улыбнулась и заявила:

— Мне надо помыться перед ужином. Элиза, вели принести ванну. А ты, Марджери, распорядись, чтобы у меня в камине горел огонь. Рут, приведи в порядок, пожалуйста, мое синее платье, я надорвала край, когда на днях поднималась по лестнице. Мэри...

Она огляделась. Мэри, опустив глаза, уже стояла у двери ее спальни, являя картину идеальной служанки.

— А ты приготовь белье, я надену свежую рубашку.

Все кинулись исполнять поручения; Элис проводила их взглядом: теперь это ее дамы.

А за дверью спальни, на которую опускался вечер, плакала Кэтрин. На ужин ее никто не позвал, никто не принес поесть. Она лежала на кровати, рыдала в подушку, а снизу в зале раздавались звон ножей и вилок, оживленная болтовня и веселый смех. Стало совсем темно, но никто не явился к ней, никто не принес свечи, не разжег огонь в камине. Все бросили ее, она осталась совсем одна в холодной, мрачной комнате.

Кэтрин слышала, как из зала поднимаются по лестнице дамы, слышала их приглушенные голоса. Вот кто-то резко, раздраженно засмеялся, кажется Элис. Но нет, никто не приблизился к двери Кэтрин. Никому не пришло в голову поинтересоваться, нужно ли ей что-нибудь.

Из ее спальни не доносилось ни звука, и эта тишина придавала зловещий оттенок атмосфере в дамской галерее. Никаких решений насчет нее не принималось, но как-то сам собой определился новый порядок. Хьюго, казалось, забыл о существовании жены и не спрашивал про нее; старый лорд вообще ее игнорировал с того самого дня, когда случился выкидыш. А теперь вот и дамы, которые служили Кэтрин с детства, старались не смотреть на ее закрытую дверь и не делали попыток предложить ей свои услуги. «Словно она уже не живет здесь, уехала куда-то в глушь, — усмехаясь, думала Элис, — или утонула и ее похоронили».

— Сегодня я услышала одну удивительную историю, — сообщила Элиза, разливая по кружкам вечерний эль.

Рут бросила быстрый взгляд на дверь леди Кэтрин, словно все еще боялась своей госпожи.

— Расскажи! — откликнулась Марджери. — Но только если не очень страшная, а то я не усну.

— Сегодня утром я ходила на каслтонский рынок и встретила там знакомую, которая торгует яйцами, — начала Элиза. — Она живет в Боуэсе и на рынок шла по дороге через пустошь.

Подняв голову от кружки, Элис внимательно посмотрела на Элизу.

— И вдруг под ногами в пыли увидела что-то очень странное, — продолжала та.

Рут вздрогнула и перекрестилась, после чего предупредила:

— Я не стану слушать рассказы про дьявола. Не стану, и все.

— Замолчи, — шикнули на нее остальные. — Если такая чувствительная, отправляйся к себе в спальню. Давай, Элиза, что она увидела в пыли?

— Она увидела маленькие следы, — с таинственным видом проговорила Элиза.

— Следы? — эхом отозвалась Элис; у нее внутри все похолодело.

— Ну да, отпечатки ног, — подтвердила Элиза. — Маленькие такие отпечатки сапожек для верховой езды и еще следы туфелек. Как будто от двух мужчин и одной женщины.

— И что? — пожала плечами Марджери.

— А то, что они были совсем крошечные, — пояснила Элиза. — Крошечные-прекрошечные, как следы мышки...

— Это были эльфы! — воскликнула миссис Эллингем, всплеснув руками. — И она загадала заветное желание? Ну, когда заметила следы?

— Она внимательно их изучила! Два следа от сапожек и один от туфелек, словно шли двое мужчин и одна женщина.

Пораженные дамы качали головами. Элис прихлебывала эль и молчала. Напиток казался ей холодным как лед.

— А женские следочки, когда она пригляделась, были в чем-то испачканы. Какой-то слизью, как от улитки. Ну, как слизняки оставляют после себя.

Быстро перекрестившись, Рут встала и заявила:

— Я больше не желаю слушать. Чепуха, только детей пугать.

Остальные дамы смотрели на Элизу как зачарованные.

— И что? Что было дальше?

— Она нагнулась и ткнула в след палкой. Рукой побоялась трогать.

Дамы закачали головами. Еще бы, если прикоснешься к слизи эльфов, неизвестно, чего потом ожидать.

— И она сказала, что это...

Элиза перешла на шепот, и все наклонились к ней поближе.

— Она сказала, что это напоминало свечной воск! — торжествующе закончила Элиза, затем откинулась на спинку кресла и оглядела приятельниц. — Жуткая история, верно?

Элис осушила кружку, заметив, что ее руки спокойны.

— А где твоя знакомая видела эти крошечные следы? — небрежно обронила она. — На какой дороге? В каком месте?

Возникла пауза, во время которой Марджери собрала все кружки и спрятала вместе с опустевшим кувшином в шкаф.

— Примерно в миле от моста, — наконец ответила Элиза. — На дороге из Боуэса в Каслтон. Они направлялись сюда. Просто кошмар! Но она клянется, что видела все своими глазами.

— Крошечные следы! — насмешливо бросила Элис. — Свечной воск! А я-то думала, ты напугаешь нас каким-нибудь огромным привидением!

Элиза казалась пристыженной.

— Но это правда... — промолвила она.

— Я устала, — перебила ее Элис. — Пришли ко мне Мэри, я пойду спать.

Кивнув на закрытую дверь госпожи, Элиза предложила:

— Может, посмотреть, все ли там в порядке?

Остальные ждали решения Элис. Та мрачно улыбнулась, у нее из головы не выходили крошечные восковые куклы, от которых ее отделяла всего одна миля.

— Это уже не важно, — ответила она и засмеялась громким, отрывистым смехом.

Женщины удивленно переглянулись.

— Скоро все будет уже не важно, — добавила Элис. — После всех этих неприятностей. В конце концов, ничто не имеет значения.

ГЛАВА 31

Двигаясь в темноте на ощупь, Хьюго вошел к Элис в комнату, когда она еще только задремала и видела первый сон. Она испуганно села на постели и крикнула, стряхивая остатки сна:

— Пожар?

Хьюго громко рассмеялся. Он оставался в зале допоздна, много пил и был возбужден. Сорвав с Элис одеяло, он игриво похлопал ее по заду и громко произнес:

— Слышала новость? Мой брак аннулируется, меня женят на девчонке, которая чуть ли не пешком под стол ходит! А отец Стефан никак не может ничего добиться от этой старухи из пустоши.

Элис схватила край одеяла и натянула на плечи.

— Для меня это уже не новости, — хмуро заметила она. — Кроме твоей старухи. Что он делает с ней? Пытает?

— Нет, — отозвался Хьюго. — Он что, по-твоему, варвар, что ли? Она пожилая дама. Просто ведет с ней богословские споры. Судя по всему, она держится твердо, не сдается. После

обеда у него было отвратительное настроение. Он сообщил мне обо всем этом, когда мы сидели за кувшинчиком горячего вина. Они спорили о пресущест... пресувещ... пресу... — Хьюго усмехнулся и сдался. — Ну, в общем, это плоть Христова или просто хлеб, — своими словами объяснил он.

— Отец Стефан отпустит ее? — спросила Элис.

У Хьюго было веселое настроение. Он распахнул камзол, снял его и швырнул в сторону кресла, но тот упал на пол, а тем временем Хьюго расстегнул ремень и гультфик, развязал подвязки, стянул чулки и свалил все в кучу. Потом в одной рубашке подошел к ее постели.

— Подвинься, девушка, — довольным голосом велел он. — Сегодня я буду спать здесь.

— Он отпустит ее? — допытывалась Элис.

Хьюго крепко обнял ее за талию и уткнулся носом в живот.

— Кого, старуху? — уточнил он, отодвигая взъерошенную голову. — Послушай, ты же знаешь, какой этот Стефан. Он всем хочет угодить, и Богу, и епископу, и простому смертному, да и себя не забыть. Если он обнаружит, что эта старуха ни в чем не виновна, а просто заблуждается, он уговорит ее принять присягу и отпустит, а я, так и быть, ради тебя переброшу ее через границу в Эпплби, и этим все кончится.

Элис легла и закрыла глаза.

— И этим все кончится, — тихо повторила она.

— Почему бы и нет? — ответил Хьюго. — Какая разница, одной старухой больше, одной меньше. В конце месяца мы со Стефаном едем в Лондон взглянуть на мою невесту. Отец, наверное, совсем впал в детство. Из всех претенденток выбрал девятилетнюю девчонку, и я пока обручусь с ней, номинально, разумеется. — Он рассмеялся и нежно похлопал Элис по животу. — Да и плевать! Кэтрин дали отставку, ты ждешь от меня ребенка. Новая жена может приехать, а может и подождать — разница небольшая. Главное, ты родишь мне сына, которого я сделаю наследником, а потом еще одного и еще, пока по всему замку не будут бегать маленькие наследники. У меня достаточно времени наделать с тобой детей, Элис. Куча времени. По горло. И денег куча, и земли полно, хватит на всех.

Он качал Элис в такт своим словам, а она обвила руками его спину и поймала себя на том, что улыбается.

— Ты не поверишь, сегодня был такой неприятный день, — пожаловалась она. — Сначала Кэтрин устроила истерику, потом твой отец угрожал вышвырнуть меня из замка за пару случайных фраз. Эта старая дама не дает мне покоя, а потом еще Элиза напугала так, что со мной чуть припадок не случился, рассказывала про какие-то привидения, очень страшно.

Усмехнувшись, Хьюго полез рукой под одеяло и задрал ей рубашку.

— Бедненькая моя, любимая моя, — проговорил он. — Зря не поехала со мной. Я собирался в Котерстоунское поместье, но по дороге наткнулся на такого оленя, что не утерпел и погнался за ним. Несколько часов мы преследовали его, и, поверишь ли, я промахнулся в него из лука! Я был совсем близко, но пот заливал мне глаза, и я ничего не мог разглядеть. И промахнулся! Целил в сердце, но видел перед собой не оленя, а какое-то пятно. В конце концов Уильям убил его. Я чуть не взбесился от злости! На следующей неделе попробуешь его за обедом.

Легким толчком, с едва слышным стоном наслаждения он вошел в нее.

— Радуйся, Элис, — продолжал он, плавно работая бедрами. — Скоро мы избавимся от Кэтрин, и пусть себе идет на все четыре стороны. Отец только и думает о моей новой невесте. А твоя старушка упрямится, Стефан ничего не может с ней поделаться, и ей не нужна ни твоя помощь, ни моя... а эти твои призраки — пусть ими пугают детишек, ты взрослая женщина, Элис, ты мудрая женщина, ты же у нас знахарка.

Он вздохнул и погладил рукой ее грудь. Она шире раздвинула ноги.

— Тебе хорошо, моя маленькая Элис? — дышал он ей в ухо.

Теперь он двигался энергичней, главным для него было собственное удовольствие.

— Хорошо, — отозвалась Элис.

Тело ее следовало за Хьюго, но голова была занята событиями прошедшего дня, где всего было много: и страхи, и торжество над соперницей. Она улыбалась и не препятствовала молодому лорду в удовлетворении его желаний.

— О-о-о! — простонал он. И оба замерли.

— Элис, — разбудил ее Хьюго. — Элис!

Она сразу проснулась. Сквозь бойницу струился серебристый луч луны, падая на стеганое одеяло с зелеными и желтыми квадратами.

— Что? — испуганно вскрикнула она; ее собственные страхи еще больше усилились, когда она услышала его срывающийся от ужаса голос.

На Хьюго лица не было.

— Матерь Божья, — пробормотал он. — Какой сон. Мне приснился жуткий сон. Ущипни меня и скажи, что все это чушь собачья.

Он так вспотел, что намокли простыни. В свете луны Элис видела, что к его лбу прилипли влажные пряди волос, его глаза распахнуты, и он трясется как в лихорадке.

— Тебе приснились куклы? — неосторожно предположила Элис. — Маленькие куклы, которые пришли в замок?

— Нет! — Хьюго вытянул перед собой дрожащие руки. — Матерь Божья. Мне снилось, что у меня онемели пальцы, я не могу ими пошевелить. И куда-то исчезли ногти. Затем пропали и кончики пальцев. А потом и полностью пальцы, словно у меня проказа. И вместо рук остались какие-то культяпки!

— Ужасный сон, — хрипло выдавила Элис. — Но все, все, ты проснулся, Хьюго. Не бойся.

Он обнял ее рукой и уткнулся лицом в шею.

— Боже всемогущий, как я испугался! Мои пальцы, Элис, они таяли, как воск, расплавлялись. Таяли, будто воск!

Обхватив его тело, Элис не шевелилась и чувствовала, как он трясется.

— Тише, тише, — приговаривала она, словно маленькому ребенку. — Успокойся, Хьюго, дорогой, любовь моя. Тише, теперь тебе ничего не угрожает.

Скоро он перестал дрожать и замер в ее руках.

— Господи! Какой это был ужас! — снова воскликнул он и, храбрясь, коротко рассмеялся. — Теперь ты будешь думать, что я совсем как ребенок.

Он был смущен и немного стыдился своей реакции. Напоминая неподвижностью статую, залитую лунным светом, Элис покачала головой; живот ее был холоден, точно лед.

— Нет, не буду, — пообещала она. — У меня тоже хватает кошмаров. Спи, Хьюго.

Он устроился рядом с ней, будто маленький мальчик, положил голову ей на плечо и обнял одной рукой.

— Какой страшный сон, — тихо произнес он.

Элис погладила его по голове, расправила влажные, спутанные кудри.

— Я кричал совсем как ребенок, — усмехнувшись, добавил Хьюго.

Она прижала его к себе еще крепче. Скоро дыхание его выровнялось, волнения испарились. Лежа рядом, Элис размышляла о страхах, которые слетались к ним, как голуби к голубятне, и смотрели пылающими бусинками глаз.

Рука Хьюго покоилась на ее животе. Ей стало тяжело, и она подняла его ладонь, собираясь убрать, но передумала. В темноте было плохо видно, и она сначала нащупала кончики его пальцев. Ногти странно короткие, гораздо короче, чем были прежде, да-да, это так, совершенно точно. Элис подтянула его руку к лунному свету, пытаясь разглядеть получше. Да, кончики пальцев совсем тупые, а ногти намного короче и не такие продолговатые, словно их кто-то стер.

Тихо застонав от ужаса, Элис выбралась из постели, подошла к камину, сунула лучину в красные угли и зажгла свечу. Потом вернулась в кровать, пугаясь огромных, пляшущих вокруг теней. Она двигалась медленно, боясь убедиться в том, что изменения, произошедшие с ее возлюбленным, — правда. Она вспомнила про маленького воскового Хьюго, которого несколько месяцев назад с такой решимостью и злостью изуродовала, когда хотела, чтобы он оставил ее в покое. Стерла ему рот, приказав не общаться с ней, не называть ее по имени. Смяла пальцы, приказав не касаться ее. Соскоблила уши, приказав не слышать ее. Соскребла глаза, приказав ослепнуть и не видеть ее. Теперь Хьюго приснился сон, будто пальцы его тают, а вчера он промахнулся, стреляя из лука в большого оленя.

Элис поставила подсвечник на прикроватный столик и опустилась на край постели. Она не стала прикрывать пламя свечки, не сомневаясь — и уверенность ее была холодна, как сама смерть, — что Хьюго не проснется, что свет не побеспокоит его сквозь плотно сомкнутые веки. Она взяла его руку и поднесла поближе к свече.

Действительно, пальцы короткие и тупые, словно кто-то отщипнул кончики. Всегда длинные, сильные пальцы Хьюго были теперь короче обычного, последний сустав каждого пальца был словно срезан. Ногти тоже короче и квадратной формы, будто их грубо спилили. Элис лихорадило. Действительно, рука выглядела непропорциональной, словно кто-то подрезал кончик каждого пальца вместе с ногтем.

Она перевернула руку, будто собиралась читать линии на ладони. Подушечки пальцев совершенно гладкие. Узор начисто стерт. Ничего, никаких отметин, просто гладкая розовая кожа с обрезанными пальцами, как у небрежно вылепленной статуи. Элис тихо простонала и несколько секунд сидела неподвижно, положив руку Хьюго себе на колени.

Потом наклонилась, взяла свечу, подняла ее повыше и посветила на уши. Боже, и уши

совсем крошечные, как у ребенка. Она не замечала этого раньше из-за густой шевелюры Хьюго и из-за того, что он всегда ходил в головном уборе. Она перевела взгляд на его губы. Резкие очертания верхней губы смазаны. Красивого изгиба, который так приятно целовать, и резкого выступа нижней губы больше нет. Лишь щетина вокруг рта указывает место, где должны быть губы. Свеча задрожала в ее руке, пламя испуганно заметалось. Повинуясь импульсу, она наклонилась и осторожно потрясла его за плечо.

— Открой глаза, Хьюго, — прошептала она. — Открой на минутку глаза.

От ее прикосновения он что-то пробормотал и повернулся на другой бок, но когда она снова потрясла его, веки его затрепетали и распахнулись, хотя он все еще спал.

Через мгновение он опять закрыл их и погрузился в сон, однако Элис успела заглянуть в его глаза. На темных зрачках имелся странный серый след, словно кто-то чиркнул по глазным яблокам ногтем.

Элис не стала больше его будить и осторожно поставила подсвечник на столик. Затем забралась под одеяло, прислонила подушки к резной спинке кровати и откинулась на них, ожидая рассвета. Скоро она замерзла, но даже не пошевелилась, чтобы накрыть плечи одеялом или опуститься вниз и прижаться к теплому телу Хьюго. Она дрожала на своей дорогой кровати, рядом спал молодой лорд, его рука нежно ее обнимала. Она ждала, когда же наступит утро, лицо ее было мрачным, в глазах затаился страх — так смотрела ее приемная мать Мора, когда Элис была еще маленькой и когда магии было недостаточно для их безопасности.

Утром Хьюго проснулся и сразу заторопился на охоту. Стефан привез ему новую лошадь, молодому лорду не терпелось испытать ее. День обещал быть солнечным, и задержка с выездом грозила сильной жарой и для людей, и для лошадей. Кроме того, он хотел пораньше вернуться и успеть на заседание суда. Он едва заметил, что Элис бледна после бессонной ночи.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Элис? — спросил он, задержавшись в дверях. — Что-нибудь случилось?

— Мне приснился дурной сон, — пояснила она, напряженно шурясь, вглядываясь в него, одетого в одну рубаху, красными от ночного бдения глазами.

— Господи боже, и мне тоже! — вспомнил Хьюго. — Мне приснилось, что у меня нет пальцев. Как у прокаженного. Боже мой! Какой ужас!

Элис попыталась улыбнуться, но у нее не вышло.

— Ну-ка, покажи пальцы, — попросила она. — Покажи, слышишь?

Хьюго засмеялся.

— Это был всего лишь сон, любовь моя. Гляди! Он шагнул обратно в комнату и протянул ей правую руку. В ярком свете утреннего солнца, льющемся из бойницы, она внимательно осмотрела тыльную сторону его ладони. Ногти как ногти, гладкие и крепкие. Пальцы длинные и вполне соразмерные.

подавив удивленное восклицание, Элис с облегчением повернула его ладонь. На подушечках виден отчетливый узор, сами пальцы без малейшего изъяна.

— Что-то у нас с тобой с головой не в порядке, — заметил Хьюго, затем наклонился и быстро

поцеловал ее в щеку. — А теперь отпусти меня, Элис. Я еду на охоту.

Он повернулся и снова направился к двери.

— А уши, с ними все нормально? — не сдавалась Элис.

Хьюго снова оглянулся и улыбнулся во весь рот, беспечно, словно ребенок.

— Да! Да! У меня все нормально, все члены, а некоторые просто о-го-го! Я могу наконец идти?

Элис невольно засмеялась, и ей, несмотря на все страхи, стало легче на душе.

— Ладно, иди уж, — разрешила она.

Дверь хлопнула, он ушел. Она откинула одеяло и нырнула в постель, с наслаждением ощущая оставленное его телом тепло. Куда только подевался этот ночной ужас — вспомнив о нем, она лишь пожала плечами.

— Больше не стану об этом думать, — сказала она вслух и закрыла глаза. — Не стану, и все.

Когда утром дамы появились в галерее, они обнаружили, что дверь в спальню Кэтрин открыта. Миледи настезь распахнула ее, а сама развалилась на постели, поджидая их.

— Я буду завтракать здесь! — крикнула она. — Рут, немедленно принеси эля. И еще жареной говядины или оленины и козьего сыра. Прошлым вечером я постилась и сегодня очень голодна. Бегом!

Покосившись на Элис, Элиза прошептала:

— Пьяная. Господи, что теперь будет?

В ее тоне не было и капли прежней почтительности. Элис шагнула к раскрытой двери. Возле кровати Кэтрин валялся кувшин, который обычно хранился в шкафу галереи, рядом с ним на полу разлилась красная лужица.

— Кэтрин, где ты взяла вино? — осведомилась Элис.

Щеки госпожи покраснелись, волосы спутались, глаза ярко сверкали.

— Встала утром и сходила в большой зал! — с торжествующим вызовом заявила она. — Когда надо, я могу и сама себя обслужить, вот так. Я вам не девчонка, я не боюсь вас, я не позволю над собой издеваться. Сколько лет я здесь хозяйка, я — леди Кэтрин! Растолкала мальчишку-пажа, и он принес мне еды и вина. Вот я и пью здесь, жду, пока вы продерете глаза.

Дамы за спиной Элис всполошились: им трудно было представить такой ужас.

— Пошла вниз в одной рубашке, — пробормотала Рут. — Боже мой.

Сдержав улыбку, Элис ответила:

— Ты пьяна. Закуси-ка хлебом и ложись поскорее спать. Иначе потом тебе будет плохо.

Кэтрин помотала головой и властно протянула руку к окну.

— Здесь я отдаю приказы. Я пока не командую свиньями и коровами где-нибудь на краю пустоши. Я еще не дошла до такого позора, и брак мой не аннулирован в пользу тебя и ублюдка, который сидит у тебя в животе. Так что сходи мне за вином. Да смотри принеси муската — днем хорошо идет только мускат. А на завтрак я буду пить эль. Потом распорядись, пусть мне принесут ванну. Искупаюсь и надену светло-розовое платье. И обедать сегодня буду в зале.

У себя за спиной Элис услышала хихиканье Элизы, которая тут же прикрыла рот ладонью. Элис повернулась и обратилась к дамам:

— Эта женщина невыносима. Кто-нибудь должен посидеть с ней. Придется сделать все, что она требует. Скоро она совсем напьется и заснет.

— Ее нельзя в таком виде пускать вниз, — возмущенно заметила Рут.

Элис покачала головой.

— Если она пила всю ночь, ей станет плохо задолго до обеда.

— Где мой завтрак? — властно произнесла Кэтрин — вино явно придало ей сил. — Я сказала: немедленно, слышишь, грязная девчонка?

Вот уже несколько месяцев никто не называл Элис девчонкой, да еще и грязной. Криво усмехнувшись, она кивнула в сторону миледи и насмешливо передразнила:

— Немедленно, ишь ты! — Затем закрыла тяжелую резную дверь и кивнула Рут, а потом Мэри. — Ты принесешь ей завтрак, все, что она требует. Впрочем, это не важно, у нее сразу все полезет обратно. А ты, Мэри, ступай на кухню и вели нагреть воду и принести ванну.

Обе с готовностью поспешили выполнять поручения. Элис и остальные дамы спустились к двери в зал и дождались, пока из круглой башни не показались старый лорд и Дэвид.

— Доброе утро, Элис, — поздоровался его светлость.

Шагнув навстречу, она поцеловала ему руку. Дэвид открыл для них дверь, и они вошли в зал вместе.

Завтрак в замке не был окружен ритуалами и церемониями. В ранние часы всегда находилось много работы, поэтому трапеза проходила быстро. С кухни непрерывно подавалистряпню — несли подносы с хлебом и сыром, холодную ветчину. Слуги сновали по залу, подавая эль и горячую воду. Люди переступали порог, быстро кланялись в сторону главного стола, если там был кто-нибудь из господ, а после еды так же быстро удалялись.

Хьюго не было, он отправился на охоту с отцом Стефаном. Солдаты были давно накормлены и заступили на свои посты. Сидя рядом со старым лордом, Элис ела вместе с ним прекрасный хлеб и запивала из маленькой кружки горячей водой с настоем ромашки.

— Что это у тебя за варево? — поинтересовался старый милорд.

— Ромашка, — пояснила Элис. — Хорошо успокаивает.

— Покой у нас будет в гробу, — насмешливо фыркнул его светлость. — Я предпочел бы каждодневное беспокойство. Это напоминает, что ты еще жив.

— Тогда вам надо было родиться женщиной, — промолвила Элис.

Старый лорд так и загоготал.

— Боже упаси! — воскликнул он. — Что за страхи тебя терзают, моя маленькая Элис?

— Кэтрин, — отозвалась девушка. — Ночью она где-то достала вина и все утро пьянствовала, кажется, пьет до сих пор. Она собирается нарядиться во все лучшее, спуститься к обеду и снова завоевать вашу любовь.

Лорд Хью хлопнул по столу ладонью и громко засмеялся. За ближайшими столами люди посмотрели на него и заулыбались.

— Поделитесь с нами шуткой, милорд! — крикнул один из них.

Тот покрутил головой, из глаз его текли слезы.

— Да все бабьи склоки! — отмахнулся он. — Бабьи склоки!

Едоки снова заулыбались и закивали.

— Ну так что, — сказал он, отдышавшись, — когда же мне ждать эту обольстительницу?

Сдерживая раздражение, Элис закусила нижнюю губу, отхлебнула из чашки и предупредила:

— Если ее не удержать, она таки сойдет к обеду и устроит сцену, опозорит себя, а также вас. Если она облюет вас и вашего сына, полагаю, вам будет не до веселья. А мы там, в галерее, не в силах остановить ее. И приказать слугам не давать ей вина тоже не можем. Она будет продолжать в том же духе, если вы не остановите ее.

Его светлость все еще усмехался.

— Господи, Элис, только этого вашего курятника с его кудахтаньем мне не хватало, — добродушно заметил он. — Дай ей вина да накапай туда какой-нибудь дряни, и пусть крепко уснет. Через несколько часов проспится, встанет трезвенькой и с больной головой, вот ей и будет урок. Потерпи несколько дней, я подготовлю бумаги, она подпишет и покинет замок навсегда.

— Несколько дней? — уточнила Элис.

— Да, — подтвердил милорд. — И тогда на завтрак ты будешь спокойно пить эль, а не это пойло, дорогая моя. — Он снова усмехнулся. — Хорошо успокаивает. О господи!

Скучно улыбнувшись, Элис положила на серебряную тарелку еще хлеба и сменила тему.

— По словам Хьюго, вы уже выбрали ему невесту, ту девятилетнюю девочку.

— Лучшего варианта нет, — заверил милорд. — Я долго мучился: кого предпочесть? Конечно, я хотел бы поскорей свадьбу, медовый месяц, а там и внуков, но сейчас нам важно породниться именно с этим семейством. К тому же она наверняка плодовита, у нее в роду все такие. У ее матери было четырнадцать детей, десять сыновей, жаль, умерла рано. Ей еще и двадцати пяти не было.

— Повезло женщине, что и говорить, — насмешливо бросила Элис.

Лорд Хью пропустил ее колкость мимо ушей.

— Девчонка поселится здесь, и мы вышколим ее на свой вкус, — продолжал он. — Если будешь добра к ней, Элис, можешь остаться и служить ей. Девчонка неглупая. С семи лет служила в семействе Ховардов и даже при дворе побывала. Думаю, к двенадцати уже сможет рожать. Надеюсь, я еще увижу их сына.

— А что с моим сыном? — тревожно спросила Элис.

— Он станет моим, как только родится, — заявил старый лорд. — Не волнуйся, Элис. Если малыш будет крепкий и здоровый, он станет моим наследником, а ты будешь жить здесь, пока жена Хьюго позволяет и пока позволяем мы. Для тебя это, между прочим, хороший исход. Удача следует за тобой тенью.

— Тенью... — отозвалась Элис тихим, спокойным голосом. — Удача следует за мной тенью.

Лорд Хью едва ли ее слышал. Он отодвинул тарелку, к нему подошел паж с серебряной лоханью и кувшином и налил ему воды помыть руки. Потом подошел другой с вышитым полотенцем.

— Сегодня мы обедаем рано, — напомнил ей милорд, вытирая руки. — Днем надо закончить судебные дела.

А пока я отдохну. Надоели все эти украденные свиньи и пропавшие ульи. Вдобавок в каждом письме из Лондона новые поправки к законам. Как хорошо было в старое время, когда я судил так, как хотел, по справедливости.

— А что насчет той старухи? — осведомилась Элис.

Лорд Хью уже встал и собирался уходить.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Вчера вечером после ужина Стефан снова беседовал с ней, а сегодня уехал с Хьюго. Отец Стефан решил, что она может не предстать перед судом, если не отыщется состава преступления. — Милорд широко улыбнулся. — Вчера за обедом он признался, что она таки заставила его поплясать. Женщина ученая, не меньше, чем он сам: он уличает ее на латыни, она ему по-гречески, а он ничего не понимает! Представляешь, каково ему, ученому мужу? Чтобы не было путаницы, ее надо судить на древнееврейском!

— И он может ее отпустить? — допытывалась Элис.

— Все может быть. — В глазах милорда вдруг заплясали озорные чертики. — Хочешь быть ее адвокатом? Ее знания и твоя сообразительность — чем не защита? Давай я скажу отцу Стефану, что ты будешь защищать ее в суде? Разве у тебя нет желания встать перед всеми нами и защищать папистку и изменницу любой ценой?

Его темные глаза впились ей в лицо, на губах играла безжалостная улыбка. Элис быстро опустила голову и торопливо ответила:

— Нет-нет. Да и кто она мне? Пусть уж судит отец Стефан. Я не могу вмешиваться. У меня и так дел по горло, да и о здоровье надо подумать. Мне вредно волноваться.

Лорд Хью еще раз злобно улыбнулся.

— Вот и правильно, Элис. Оставь это дело мужчинам. А если нам понадобится твоя ромашка, я дам знать.

Он быстро вышел, только широкий плащ мелькнул в дверях. Элис слышала, как, поднимаясь по лестнице к себе в круглую башню, он над чем-то громко смеется. Она допила ромашковый чай и направилась в дамскую галерею; остальные дамы последовали за ней.

Еще на лестнице до них донесся голос Кэтрин: она во все горло распевала какую-то песню. Открыв дверь, они увидели, что миледи сидит в своем старом кресле перед камином, в одной руке кувшин, а в другой кружка. Элиза фыркнула и захихикала.

При их появлении Кэтрин просияла.

— Ну наконец-то мои служанки вернулись! — воскликнула она. — Мои верные прислужницы и компаньонки!

— Немедленно отправляйся в постель, — велела Элис, шагнув вперед. — Ты очень много выпила, тебе будет плохо, Кэтрин.

Та помахала кувшином и пропела:

На свидание Робин отправился в лес,

Зеленый, дремучий, густой,

А Марион, дама сердца его...

— Это невыносимо, — сквозь зубы проговорила Элис.

— Немедленно принесите мне ванну, — резким тоном приказала Кэтрин.

Только Элис обернулась к Мэри, та сразу сделала реверанс и доложила:

— Уже несут. Но она хочет мыться с вашими травами и маслами, миледи.

— Как в прошлый раз, — с пьяным восторгом подтвердила Кэтрин. — Когда ты купала меня в воде с ароматными цветами и натирала маслами, а потом пришел Хьюго и спал сразу с нами обеими.

Услышав такое, дамы ахнули.

— Нам было так хорошо, Элис. Ты лежала на мне, лизала мою грудь, совала в меня свои пальчики. Вот так.

Элис обвела дам быстрым предостерегающим взглядом. Лицо Элизы побагровело, она едва сдерживала смех. Рут была шокирована, от возмущения она побелела как мел и крестилась от греха сладострастия.

— Приготовь ванну, — обратилась Элис к Мэри. — Так и быть, положу своих трав.

Не имея возможности немедленно обсудить то, о чем они только что узнали, дамы набрались терпения и молча наблюдали, как вносят тяжелую деревянную ванну, драпируют ее занавесками и заливают бидон за бидоном горячей водой.

Элис принесла из сундука мятного масла, надеясь, что оно заставит Кэтрин пропотеть и выгонит из ее организма хмель. Миледи тупо глазела на огонь и не замечала любопытных взоров, которые бросали на нее слуги, сновавшие туда-сюда с горячей водой.

— Он вернется ко мне, — вдруг сообщила она. — Он будет спать со мной и с Элис. Какой мужчина устоит перед этим? У меня есть земли, приданое, у Элис ребенок. Ребенка я признаю. Какой мужчина от такого откажется?

Схватив миледи под локоток, Элис кивнула Марджери, чтобы та поддержала с другой стороны.

— Помолчи, Кэтрин, — пригрозила Элис, пока они ковыляли к спальне, где от ванны, установленной перед пылающим камином, уже шел благоуханный пар. — Помолчи. Ты позоришь себя перед всеми...

— Я признаю в тебе равную, — пообещала Кэтрин, глядя на Элис. — Буду любить тебя, как собственную сестру, и заживем здесь все вместе и будем спать втроем. Почему бы и нет? Мы господа. Мы можем делать, что нам угодно. И Хьюго будет счастлив с нами, с тобой и со мной.

— Да замолчи же ты, — прошипела Элис.

Ее мозг лихорадочно работал. А ведь Хьюго мог бы согласиться жить на приданое Кэтрин, унаследованное детьми Элис. Династические амбиции, связанные с новой юной невестой, владели его отцом, именно отец всегда был одержим подобными идеями и плел свои интриги. Хьюго же мечтал служить при дворе, ему нужны были деньги для путешествий и рискованных предприятий, он хотел добывать уголь и копать известь. Так что если Кэтрин и Элис помирятся и Элис родит ему сына, он мог бы отказаться от нового брака.

— Поздно, — задумчиво промолвила Элис. — Его светлость настроен решительно.

Кэтрин все еще была сильно пьяна. Ее мотало из стороны в сторону, пока Мэри развязывала на ней шнурки и стаскивала через голову рубашку. Опускать ее в ванну пришлось втроем. Наконец миледи села на низенькую табуреточку, опущенную в воду, и откинула голову на край, накрытый сложенной простыней.

— Ты могла бы удержать его, — сказала она; язык у нее заплетался, отяжелевшие веки хлопали. — Могла бы убедить его. Мое приданое и твой ребенок. Ему это позарез нужно.

Закатав рукава, Элис стала грубо тереть ей плечи и грязную шею. После так называемого выкидыша по всему ее телу свисали жирные складки.

— Ах, если б скорей умер старый лорд, — громко заявила Кэтрин.

Это уже было небезопасно. Марджери у окна слышала ее. И Элиза у двери наострила уши. И греющая простыню перед огнем Мэри тоже все слышала; она быстро повернула голову и изумленно уставилась на Кэтрин, лениво развалившуюся в ванне в неприличной позе.

— Что ты такое болтаешь! — возмутилась Элис. — Милорд здоров, прекрасно себя чувствует и проживет еще много лет, благодарение Господу.

Открыв пьяные, блуждающие глаза, миледи с улыбкой посмотрела на нее.

— А что, разве я не права? Тогда Хьюго и в голову бы не пришло дать мне отставку. Он любит получать все удовольствия сразу. Зачем ему ждать, пока подрастет девятилетняя невеста? Это интриги его отца. Если б старый лорд умер, мы бы зажили просто отлично, все втроем.

— Замолчи, — снова одернула ее Элис.

Да, Кэтрин права. Если бы старый лорд завтра скончался и Хьюго вступил бы в права наследника, миледи осталась бы номинальной хозяйкой замка и положение Элис упрочилось бы. У Хьюго не было ни сил, ни умения, ни желания избавляться от Кэтрин самостоятельно и затевать новый брак. Кроме того, он любил комфорт, свободу и беззаботный образ жизни. Кэтрин как хозяйка, Элис как реальная госпожа — для Хьюго это было бы идеальным

сочетанием, которое без всяких усилий с его стороны предоставляло бы ему и богатство, и чувственные удовольствия.

— Добавьте горячей воды, — попросила Кэтрин. — Буду лежать в ванне и пить вино.

Элиза захихикала, и Элис метнула на нее такой взгляд, что ее как ветром сдуло.

— Добавить ей горячей воды и дать разбавленного вина, — распорядилась Элис. — Я иду к себе. Для меня здесь очень жарко. — Она повернулась к миледи. — После ванны отправляйся в постель и спи. А когда отдохнешь, можешь надеть свое розовое платье. Я прикажу разбудить тебя к обеду, а пока ты должна поспать.

Кэтрин и так уже клевала носом. Крупные черты лица, расплывшиеся на ароматном пару, размякли, ее явно клонило в сон.

— Хорошо, Элис, — послушно отозвалась она. — Но ты ведь придешь ко мне в постельку? И Хьюго тоже пусть приходит, пусть он залезет на тебя, а я посмотрю. Как мы делали раньше, а?

В комнате снова повисла гробовая тишина.

— Все это тебе приснилось, — грубо отрезала Элис. — Что за грязные сны ты видишь? Стыдно, Кэтрин! У тебя какое-то игривое настроение. Наверное, перегрелась в ванне. Тебе пора отдохнуть.

Она повернулась и быстро удалилась, пока остальные не успели заметить ее виноватое лицо. Едва она закрыла дверь в свою комнату, как от эркера галереи до нее донеслись возмущенный возглас и приглушенный шепот — дамы сразу покинули спальню Кэтрин, чтобы немедленно обсудить все услышанное.

Элис подошла к узкому окну бойницы. За мостом белая ниточка дороги огибала холм и убегала дальше в сторону пустоши, прямая, будто римское копьё. По берегам реки расстилались пыльные желто-зеленые поля. Сено было скошено, зерно убрано. Оставшуюся солому укладывали в ряды, которые предстояло собрать к концу месяца. В полях по ту сторону реки на стерне скошенного сена паслись коровы. За ними виднелся кусок серо-зеленой пустоши, по которой кое-где бродили овцы. Было время цветения вереска, и страннику, попавшему в пустошь, пришлось бы с трудом пробираться через фиолетовые заросли чуть ли не по пояс высотой и весь день шагать в облаке сладковатой пыльцы. Броды пересохли, человек мог идти на север через высокие холмы, преодолевая такие глубокие долины, как Грета, Лун и Котерстоун, даже не замочив ног, но и не найдя и капли воды для утоления жажды.

Глядя на тоненькую белую полоску дороги, Элис размышляла о том, где теперь маленькие восковые куклы, где ступают их крошечные ножки, бредут ли они устало к замку, оставляя за собой неприметный налет растаявшего свечного воска. Дорога пыльная, наверняка они движутся медленно, а едва заслышав шум тележных колес, звук чужих шагов или страшный топот копыт, прыгают в заросли придорожной травы. Восковой старый лорд припадает на одну ногу, леди Кэтрин оставляет позади осклизлый след, а восковой Хьюго слепо ковыляет, вытянув перед собой бесчувственные обрубки вместо рук.

В окно тянуло резким сквозняком, и Элис вдруг замерзла, ее затрясло, словно она попала в сырую пещеру, медленно заполнявшуюся холодной осенней водой.

В лучах солнца кружили голуби, целая стая, их перья, словно сделанные из чистого золота, сверкали на солнце; вся стая меняла направление одновременно, как по команде. Вот, словно пучок оперенных стрел, они понеслись к стоящей у окна Элис, но в самый последний

момент резко свернули и скрылись на крыше круглой башни, где слуга собирался рассадить их по клеткам и снять привязанные к красным лапкам послания. Вздвогнув, Элис отпрянула от окна, легла на кровать и уставилась вверх, на богатую вышивку зеленого балдахина.

Должно быть, она задремала. Ее разбудил сильный стук в дверь, неожиданно громкий вопль ужаса и топот бегущих ног, кто-то визгливым, испуганным голосом произнес ее имя. Элис вскочила, распахнула дверь, еще не вполне проснувшись, и закричала:

— Пожар? Пожар? Что случилось?

Она пошатнулась и прижалась спиной к двери. Элиза подскочила к ней, схватила за плечи и потрясла, приводя в чувство.

— Леди Кэтрин! Леди Кэтрин! Она утонула! Утонула! Скорей, скорей!

Элис стояла на месте, еще не вполне соображая, что происходит, но Элиза взяла ее за руку и потащила через галерею в комнату Кэтрин. Элис никак не могла прийти в себя и озиралась кругом, ожидая увидеть промокшую насквозь и сияющую от гордости Мору, ее густые, приглаженные речной водой седые волосы, услышать слова: «Я спасла ее!»

— Она не утонула, — тупо возразила Элис. — Мора вытащила ее.

— Да проснитесь же! — воскликнула Элиза и грубо толкнула знахарку к спальне миледи.

В галерею уже успело набиться много народу; солдаты, слуги — все суетились без пользы, отдавая распоряжения.

— Разотрите ее!

— Пошлите за отцом Стефаном!

— Отнесите ее на кровать!

— Дайте глоток виски!

— Подожгите конский волос!

Элис протолкалась в комнату и, увидев ванну, отпрянула. Кэтрин лежала в ней вся синяя. Ее белое лицо с распахнутыми глазами и дряблое тело были сплошь покрыты синими венозными пятнами.

Кто-то сначала вытащил ее, но потом опустил обратно, и из воды торчала только вялая, как у куклы, голова, опрокинутая на край ванны. Эта женщина мало походила на ту сладострастную Кэтрин, что громко требовала вина и горячей воды; скорее, это была жуткая пародия на нее. Миледи, всю жизнь предававшаяся удовольствиям и любившая только себя, теперь наложила на себя руки.

— Как это случилось? — спросила Элис. Со сна ее голос хрипел, и она прокашлялась.

— Мы оставили ее одну, — стала рассказывать Элиза (ага, отметила про себя Элис, она не столько огорчена, сколько чувствует себя виноватой). — Леди Кэтрин захотела побыть одна, мы вышли и закрыли дверь. Бог знает о чем я только думала. Мы же видели, что она пьяна. Но ей вдруг стало грустно, она заплакала и приказала нам покинуть спальню, ну, мы и послушались. Оставили ее одну.

— Она упала? — уточнила Элис.

— Если б упала, я бы услышала, — вмешалась Рут; лицо ее было почти такое же бледное,

как и страшное лицо миледи. — Я постоянно прислушивалась, когда она нас позовет. И я не сплетничала про всякий там грех и распутство, как некоторые. Если б она упала, я бы обязательно услышала. Но я ничего не слышала. Ничего.

Она замолчала, отвернулась, приложила платок к глазам и всхлипнула.

— Леди Кэтрин была пьяна, — заметила миссис Эллингем. — Наверное, просто соскользнула в воду, ее накрыло с головой и она не смогла выбраться.

— Неужели ничего нельзя сделать? — взмолилась Элиза. — Вскрыть вену, пустить кровь... Хоть что-нибудь!

— Нет, все кончено, — медленно проговорила Элис. — У нее нет пульса. Она умерла.

Все дамы застыли в скорби и раскаянии.

— Закройте дверь. Выпроводите отсюда людей, — распорядилась Элис. — Пошлите кого-нибудь прикрыть тело... и вытащите ее из ванны. Придется сообщить старому лорду и Хьюго, а им не следует смотреть на нее в таком виде.

По толпе в галерее прошел шум, и все послушно затолпились у выхода.

— Старому лорду я доложу сама, — оцепенело добавила Элис.

Рут громко всхлипнула и с плачем побежала в свою комнату. Элиза поплелась следом, но остановилась, обернулась к Элис и сказала:

— Как странно. В ледяной воде не утонула, в реке, где было полно льдин и острых камней, а у себя дома в ванне взяла — и на тебе.

Элис покачала головой, глаза ее были полузакрыты.

— Это какой-то кошмар, — искренне ответила она. — Настоящий кошмар.

ГЛАВА 32

Холодное, пропитавшееся водой тело Кэтрин обрядили и поместили в часовенку, стоящую во внешнем дворе возле привратничкой; у головы и у ног покойной зажгли свечи. Вернувшийся с охоты отец Стефан, едва соскочив с лошади, переоблачился с черные архидьяконские одежды и приказал читать над ней молитвы во спасение души, хотя уже и без монахов или монахинь, которые совершали бы бдение над телом усопшей. Эти обряды остались в прошлом, теперь никто и не знал, как правильно оплакивать смерть хозяйки замка.

Отец Стефан отобрал четырех солдат и заставил их выучить необходимые молитвы. Надгробное бдение совершали они, относясь к этому как к караульной службе. И это было как-то нехорошо; все понимали, что нехорошо, когда нет ни монахов, ни монахинь, чтобы помолиться о душе этой много грешившей женщины. Из домочадцев одна Рут стояла возле кое-как сколоченного гроба. Положив руку на его край и склонив голову, она перебирала четки и бормотала молитвы, которые заучила еще в детстве, и ничто не могло сдвинуть ее с места.

Дамы пытались увести Рут в галерею, а когда в часовню заглянул отец Стефан, Элиза заслонила ее, надеясь, что священник ее не заметит. Услышав щелканье четок и латинские фразы, которые бормотала Рут, он вскинул брови, но, взглянув на ее бледное, отчаянное

лицо, не стал прерывать молитвы.

— Что там происходит? — строго обратился он к Элис. — Эта женщина папистка? Я знал о ее набожности, но понятия не имел, что она читает латинские молитвы и пользуется четками. Она хоть давала присягу или, может, нет? Ей известно, что глава английской церкви — король?

— Она просто глубоко переживает, — пояснила Элис. — Она очень любила леди Кэтрин. Когда потрясение пройдет, она будет вести себя как должно.

— А остальные дамы? — спросил священник с нарастающим раздражением. — Неужели и они насвозь пропитаны римской ересью? Неужели и они не понимают, что такое истинная церковь?

— Нет-нет, — быстро отозвалась Элис. — Все мы теперь добрые христианки. А Рут просто не в себе от шока.

— Отберите у нее четки, — распорядился отец Стефан.

— Разве это грех? — смущенно промолвила Элис. — Мне казалось, четки не запрещены.

— Да, кое-кто считает, что от них нет вреда, — страстно произнес отец Стефан, — но лично я согласен с моим епископом: пользование четками все равно что идолопоклонство или служение языческому божеству. От них прямая дорога к совершению греха, если не сам грех. Заберите их у нее.

Элис не знала, как быть.

— Но четки принадлежат Рут, — возразила она. — Они просто помогают ей не сбиться со счета при чтении молитв.

— Все равно заберите, — настаивал отец Стефан. — Я не позволяю ими пользоваться, даже чтобы оплакивать смерть леди Кэтрин. От них, повторюсь, прямая дорога в ад.

Когда священник покинул часовню, Элис подошла к Рут и положила руку ей на плечо.

— Отдай, — резко сказала она, кивком указывая на четки. — Иначе отец Стефан замучит всех нас допросами и уличит в ереси. Глупо выставлять четки напоказ. Отдай их мне или надежно спрячь.

Бледное лицо Рут исказилось от горя.

— Ведь это все, что я могу для нее сделать, — горячо проговорила она. — Кто еще помолится за нее, кроме меня? Она надоела мне своими противными историями, и я ушла, а она утонула. Она умерла во грехе, и нужно помолиться за ее душу. Я должна зажигать для нее свечи, петь мессы. Она умерла в глубоком грехе, и надо хотя бы попытаться спасти ее душу.

— Теперь никто не верит в прежние обряды, — заметила Элис. — По словам отца Стефана, все это неправда.

Нечто неизбежно трогательное было в лежащей на гробе руке Рут, крепко сжимающей четки. Элис вдруг вспомнила монастырь, мрак часовни, долгие ночи бдения над гробом одной умершей монахини, красивые кадении заупокойной мессы и упоительный запах ладана. Дрожащее пламя свеч, матушка Хильдебранда, ее улыбающееся, ясное лицо, в котором нет ни капли сомнения в вечной жизни.

Схватив четки, Элис потянула их к себе.

— Никто в это больше не верит, — твердо заявила она. — Хочешь молиться — молись про себя, иначе нам всем будет плохо.

Рут отдернула четки обратно и воскликнула:

— Я буду молиться о душе миледи, как положено! Я не предаю ее! Я воздам ей должное!

Элис снова потянула, и шнурок больно впился ей в ладонь. Вдруг с резким щелчком шнурок лопнул, и бусины четок, подпрыгивая, рассыпались по каменному полу часовни во все стороны, под скамьи, за решетки, в щели между камнями. Дамы так и ахнули, а Рут издала громкий вопль, упала на четвереньки и с обезумевшим лицом стала собирать раскатившиеся шарики.

— О господи, — охнула Элис в отчаянии.

Она покинула часовню, сжимая в руке шнурок с остатками четок и побрякивающим крестом и не слушая протестов Рут. Стук ее каблучков эхом отдавался в боковом приделе часовни, а подол платья, колыхаясь из стороны в сторону, шуршал по камням. Элис вышла с высоко поднятой головой, сжимая порванные четки так крепко, что след от шнурка красным рубцом отпечатался на ее пальцах. Она остановилась на крыльце часовенки и взглянула на маленький деревянный крест. Казалось, прошла целая жизнь с тех пор, как она сама перебирала пальцами четки, повторяя молитвы и целуя крест. А теперь вот вырвала их из руки молящейся и собиралась вручить врагу веры ее детства и инквизитору ее матушки. С мрачным видом Элис протянула четки одному из солдат у ворот.

— Отнеси это отцу Стефану, — велела она. — И передай, что ересь подавлена. Я отобрала четки у молящейся женщины.

Солдат кивнул, взял четки и хотел уже идти.

— Он должен быть у старого лорда, — добавила Элис.

— Нет, он сам сказал, что отправляется в тюремную башню, — ответил солдат. — Там сидит одна старуха, которую сегодня будут судить, он собирается допросить ее в последний раз и убедить раскаяться в своих ошибках.

Элис еще больше побледнела и слегка покачнулась на месте.

— Да-да, — пробормотала она. — Я совсем забыла, меня слишком потрясла смерть миледи. Значит, ту старуху все-таки будут судить? Разве суд не откладывается по случаю траура?

Солдат покачал головой.

— Слишком много народу пришло в город на слушания, никак нельзя отложить. Его светлость приказал продолжать. А отец Стефан надеется добиться от этой старухи раскаяния, если Богу будет угодно.

Элис кивнула и отвернулась.

— Если Богу будет угодно, — откликнулась она вполголоса.

Эти слова не имели никакого смысла. Они потеряли для нее всякий смысл с той самой ночи, когда ее разбудило буйное пламя горящего аббатства. Но она снова повторила:

— Если Богу будет угодно.

Она понимала, что у нее нет больше Бога, в которого можно верить. Понимала, что боги, которым она служит теперь, на просьбы откликаются пугающе быстро, но угодить им ничем нельзя.

В галерее дамы делились друг с другом нарядами, чтобы у каждой было темное платье, обязательно с темными рукавами, темные нижние юбки, а также темные чепцы. Свое темно-синее платье Элис давно уже отправила с кухонным мальчишкой матушке Хильдебранде; казалось, с тех пор прошли годы. Она порылась в сундуке Кэтрин и отыскала темно-зеленое платье, такое темное, что вполне могло сойти за черное. Под него она надела черную нижнюю юбку и старомодный высокий головной убор в виде двухскатной крыши. Закрывая сундук, она увидела розовый наряд, который, как надеялась Кэтрин, вернет ей благосклонность непостоянного, словно флюгер, Хьюго, наряд, о котором мечтала и Элис, когда представляла, как гуляет по саду рука об руку с молодым лордом. Крышку сундука она захлопнула с громким стуком.

Перед обеденной молитвой отец Стефан прочел заупокойную по Кэтрин; он читал ее на английском языке. Элис с удивлением слушала поток светской болтовни, которой предавался отец Стефан, обращаясь к Богу. В ней не было ничего, что бы напоминало о священном. Такой молитвой вряд ли спасешь грешную душу Кэтрин и избавишь ее от адских мук. Элис стояла, опустив голову, и вместе со всеми в конце произнесла «аминь».

На этот раз она решила обедать с остальными дамами. Ей не хотелось сидеть за главным столом, между старым лордом и отцом Стефаном, не хотелось занимать место, принадлежавшее Кэтрин, в то время как сама миледи, посиневшая и холодная, лежала в часовенке под недостойным ее присмотром четырех нерадивых солдат и Рут, которой запретили молиться вслух. Элис не желала вглядываться в непроницаемое, улыбающееся лицо старого лорда и понимать, что он просчитывает и прикидывает, какую выгоду можно извлечь из неожиданной смерти невестки. Она не желала смотреть на беззаботное лицо Хьюго, который радуется обретенной свободе.

Дамы за обедом не проронили ни слова. Подали похлебку и с полудюжины мясных блюд и салатов. Ели мало и без аппетита. Глядя со своего прежнего места на затылок и плечи Хьюго, Элис заметила, что после утренней верховой прогулки на аппетит он не жалуется. Конечно, он ведь не видел посиневшей Кэтрин в ванной, не видел ее наполовину погруженного в воду лица с открытыми под водой синими губами. И в часовню он не ходил, чтобы помолиться за ее душу. Он даже не переоделся, оставаясь в красном камзоле с разрезами, из которых выглядывала белая рубаха, на плечах — тяжелый красный плащ, на ногах — красные штаны и кожаные сапоги для верховой езды. А когда какой-то слуга в середине зала уронил блюдо, Хьюго, несколько не тронутый всеобщим унынием, громко засмеялся.

Старый лорд спокойно сидел в своем кресле и тихо улыбался. Он думал о том, что его сын стал вдовцом, все земли из приданого Кэтрин теперь принадлежат ему и никто не смеет это оспорить. И ферма, которую он собирался отдать Кэтрин, останется у него. Что касается брака с девятилетней девочкой, то здесь, конечно, все неплохо, но с состоянием Кэтрин и значительно поправившимся статусом Хьюго, отныне вдовцом, условия брачного контракта, вне всякого сомнения, необходимо пересмотреть в пользу Хьюго.

Пажи расставляли на столах подогретое вино с пряностями, фрукты и сласти. Элис выпила небольшую кружку сладкого вина, и тепло побежало по ее венам.

— Мне кажется, не совсем хорошо пить и есть, когда и часу не прошло, как умерла миледи, — наконец подала голос Элиза.

— Если хочешь, можешь отправиться в часовню и молиться вместе с Рут, — ответила Элис.
— Но в замке все будет идти по желанию милорда. Он считает, что должно быть так, и я не

стану с ним спорить.

— Как скажете, — пробормотала Элиза, избегая холодного взгляда Элис.

Лорд Хью обернулся и повелительно крикнул:

— Элис!

Она встала из-за стола, подошла к его креслу и склонила голову.

— Отец Стефан сейчас занят приготовлениями к похоронам Кэтрин и допросом той старухи, поэтому сегодня ты будешь исполнять обязанности секретаря суда. Через час приходи ко мне, подготовим бумаги. Заседание суда начнется здесь в два часа.

— Я же не знаю, что и как записывать, — растерялась она. — Попросите Дэвида, он лучше справится. Или милорда Хьюго.

— Я покажу тебе, что и как писать, — настаивал его светлость. — Там все просто. Есть специальная книга, в одну графу вносишь обвинение, в другую приговор. Любой дурак с этим справится. Жду тебя через час.

— Хорошо, милорд, — без особого воодушевления отозвалась Элис.

— А сейчас ты свободна, — заявил он и бросил быстрый взгляд на ее бледное лицо. — Ты, случаем, не заболела? С ребенком все в порядке? Смерть Кэтрин, надеюсь, не настолько потрясла тебя, чтобы повредить ребенку?

— Нет, — холодно произнесла Элис.

У нее мелькнула мысль притвориться больной и избежать присутствия на суде, но она понимала, что нельзя больше сидеть в неведении в своей комнате и ждать у моря погоды. У нее было слишком мало информации о суде над матушкой Хильдебрандой. Она надеялась сидеть где-нибудь за дамским обеденным столом в конце помоста, не поднимая головы, усердно записывать все, что велит лорд Хью, и, по крайней мере, лично слышать все разговоры.

— Я чувствую себя вполне здоровой и готова делать все, что прикажете, — добавила Элис.

— Хочу быть вам полезной.

Лорд Хью кивнул, однако заметил, что девушка бледна, что под глазами у нее темные круги и губы странно поджаты, — она явно переутомилась.

— Выглядишь ты вообще-то не очень, — угрюмо буркнул он. — Потом отдохнешь как следует.

— Спасибо, милорд, — поблагодарила Элис. — Обязательно.

Большой зал был набит битком. Уже с полудня толпа за воротами замка ждала, когда господа отобедают и еще посидят немного за бокалом вина. Как только трапеза закончилась, столы в зале отодвинули к стенам, огонь в очаге, не гаснувший с тех пор, как Элис впервые появилась в замке, залили водой и пепел вымести, чтобы люди могли полностью занять все помещение. Скамейки и стулья расставили концентрическими кругами вокруг главного стола; на них расположились зрители. А сзади напирала толпа: замковые слуги и жители Каслтона, не успевшие занять местечко. На скамейках у задней стенки тоже стояли неустойчивыми рядами, вытягивая шеи над головами присутствующих.

Элис вместе с дамами сидела позади главного стола, в дальней части помоста, съежившись и прижавшись спиной к стене. Погода, до сих пор ясная, явно портилась, солнце померкло и затянулось серой дымкой. Было еще только два часа дня, а зал уже тонул во мраке. Элис пряталась в тени, стараясь быть незаметной. Перед ней лежали два пера, чернильница и книга, в которую лорд Хью вносил записи ежеквартальных судебных заседаний. Остальные дамы сдвинулись, давая Элис побольше места, и сидели лицом к главному столу.

Дверь за портьерой открылась, и герольд его светлости, находившийся высоко на хорах в дальнем конце зала, затрубил в рог. Все поднялись на ноги, какая-то скамейка перевернулась и упала на носки позади стоящих, раздались крики и ругательства. Лорд Хью вошел в зал, одетый в свой лучший костюм с отороченным мехом воротником, и занял место за главным столом. Следом появился Хьюго и сел по правую руку от отца, как обычно.

— Введите обвиняемых, — спокойно распорядился лорд Хью.

Специальный человек уже был наготове, он шагнул вперед и почтительно доложил:

— Джон Тиммс, милорд.

Его светлость огляделся и раздраженно воскликнул:

— Элис! Мне не видно, чем ты там занимаешься, куда ты спряталась? Неси сюда свою книгу, мне надо смотреть в записи.

— Я бы хотела... — растерянно начала она.

— Давай-давай, — резко перебил ее лорд Хью. — У нас и так мало времени. Чем раньше мы с этим покончим, тем скорей этот сброд уберется из замка и вернется к работе.

Взяв книгу, Элис направилась к месту Кэтрин за главным столом по левую руку от старого лорда. Элиза несла за ней чернильницу и перья. Элис села и низко склонилась над книгой головой. Она очень надеялась, что в темном платье и большом черном головном уборе на нее никто не обратит внимания, что она полностью сольется с окружением, словно скромный, незаметный писарь.

— Пиши: «Джон Тиммс», — продиктовал лорд Хью, ткнув пальцем в нужную строчку.

Элис послушно записала. В книге уже имелась длинная колонка имен, рядом графы: возраст, род занятий, предъявленное обвинение, вердикт о виновности или невиновности и приговор. В большинстве случаев вердикт был «виновен»: лорд Хью был не из тех, кто позволит обвиняемому пользоваться неясностями в деле или недостатком улик.

— «Отлынивал от упражнений в стрельбе из лука», — прочитал лорд Хью по мятой бумажке, стопка которых лежала перед ним на столе.

— Виноват, — отозвался Джон Тиммс. — Я очень сожалею. Но у нас плохо пошли дела, и у меня совсем не было времени, и у сына не было времени, и у подмастерьев тоже не было времени.

Милорд Хью сверкнул на него глазами.

— А если у меня не будет времени содержать солдат, а на нас нападут шотландцы, или французы объявят войну, или вторгнутся эти чертовы испанцы, что тогда? — прогремел он. — Штраф три шиллинга. И смотри больше так не делай, все должны исполнять свой долг.

Элис быстро записала вердикт и приговор.

Потом было дело об украденной свинье, как и предполагал старый лорд. Обвиняемая, Элизабет Шор, утверждала, что свинья постоянно забиралась к ней во двор, поедала куриный корм и таким образом все лето бесплатно питалась за ее счет. Истец же заявлял, что обвиняемая нарочно приманивала животное. Его светлость минуту послушал их препирательства, хлопнул ладонью по столу и велел в дальнейшем кормить свинью вместе, а когда придет время — заколоть и поделить: три четверти отдать владельцу, остальное — Элизабет Шор.

Следующим был человек, который не поддерживал дороги в должном порядке, потом — обвиняемый в краже, далее женщина, уличенная в клевете, затем торговец, продававший товары низкого качества, и наконец человек, которого обвиняли в развязывании драки. Элис записывала имена и все прочее, люди входили и уходили, лорд Хью держал их недолго и каждого одаривал справедливым вердиктом.

— Это все? — спросил он, когда наступил небольшой перерыв в слушаниях.

К столу шагнул судебный пристав.

— Рядовых дел больше нет, милорд, — ответил он. — Но мне неизвестно, собирается ли отец Стефан заслушать сегодня дело пожилой женщины из Боуэса.

Элис подняла голову.

— Пошлите кого-нибудь к нему и выясните, — раздраженно распорядился лорд Хью. — Если он колеблется, старуху лучше отпустить. Не стоит подвергать ее преследованию из-за какого-то крючкотворства.

Элис снова склонила голову к книге. Бумага казалась ей очень уж белой, буквы на ней — слишком черными и колючими. Подавив лучик надежды, она крепко сжала губы, чтобы не шевелились, когда она будет тихо молиться за матушку неведомым богам.

Хильдебранду могут освободить. Если из замка ее отправят в Каслтон, несложно будет послать ей денег и одежду и помочь перебраться куда-нибудь на юг или даже на восток, на побережье, а оттуда морем во Францию. Элис думала о том, что теперь аббатиса сама подверглась опасности из-за прихоти работать и молиться так, как когда-то было принято в монастыре. Наверное, ее очень напугали, возможно, обращались с ней грубо. Что ж, это покажет ей, что мир уже не тот, в нем теперь нет места благочестию и преданности прежней религии. Элис положила перо. Хильдебранда должна уразуметь, что прежнее время безвозвратно ушло. Она должна быть готова доживать свои дни тихо, где-нибудь на маленькой ферме. Элис смогла бы подыскать ей людей, которые приютили бы ее и хорошо бы к ней относились. Аббатиса должна быть довольна, что в старости может спокойно сидеть на крыльчке и греться на солнышке. Дай бог, она усвоила наконец мудрость тех, кто выбирает испытание себе по силам.

Услышав голоса стражников, что-то прокричавших за двойными дверями большого зала, Элис подняла голову. С серьезным видом вошел отец Стефан, он двигался медленно, под мышкой торчала большая книга.

Сердце Элис часто забило. Она пристально взгляделась в лицо священника. Да, конечно, он не торопится и так задумчив, потому что собирается сообщить, что дело рассматриваться не будет. Ему не удалось предъявить матушке Хильдебранде обвинение. Ее ученость, ее потрясающий изощренный ум — ему это оказалось не по зубам. Возможно, матушка даже слегка охладила в нем реформаторский пыл. Элис постаралась скрыть беглую усмешку.

— Пожалуйста, введите эту пожилую женщину, — велел отец Стефан. — Хочу задать ей несколько вопросов.

Он положил книгу на стол, подтолкнул к Элис и сделал знак открыть ее.

Девушка молча открыла заложенную темной ленточкой страницу. Старый лорд наклонился прочитать, что там написано. Отец Стефан обошел помост, поднялся по ступенькам и сел на стул рядом с Элис.

Перед ней лежал тяжелый фолиант в черном переплете, где делались записи епископского суда. Страницы тоже были разделены на графы: дата, имя, род занятий. В графе «обвинение» было пусто, пусто было и в графе для вердикта о виновности, и в графе «приговор». Элис пробежала глазами по странице, почти заполненной именами людей, обвиненных в разных преступлениях, от супружеской измены до ереси. Рядом с обвинением в ереси неизменно стояло слово «виновен», а дальше, в следующей графе, — «сожжен на костре».

— Сожжен, — не веря своим глазам, пробормотала Элис.

— Видите, как правильно писать? — ободряюще прошептал отец Стефан. — Вот вам еще бумага, это протокол для записи. Когда надо будет что-то записать, я вам кивну. Можно использовать английский, на латынь переведем после.

— Расступитесь, пропустите старую женщину из Боуэса, — нетерпеливо произнес лорд Хью, махнув рукой стоящим посреди зала. — Ради бога, дайте же ей пройти. Поскорей, а то будем торчать здесь до вечера.

Наклонившись к милорду, Элис настойчиво заявила:

— Я не хочу это делать. Прошу простить меня.

— Только не теперь, не теперь, — отозвался он, заглянув в ее бледное лицо. — Потерпи, давай поскорей покончим с этим. Грязное дело. Мне оно очень не нравится.

— Ну пожалуйста! — взмолилась Элис.

Лорд Хью ничего не желал слушать, он помотал головой и грубо ответил:

— Делай, что тебе сказано, Элис. Это последнее дело. Я сам уже устал.

Она склонилась над книгой и старательно вывела дату. Она слышала шум в зале, слышала медленные шаги солдат, не грохочущих сапогами в ногу, как обычно, — чьи-то тихие, прихрамывающие шаги не позволяли им идти быстро.

— Дайте же обвиняемой табурет, — распорядился его светлость. — Неужели не замечаете, что она не может стоять? И принесите ей вина.

Элис низко опустила голову. Ее посетила безумная мысль, что если она не поднимет головы, если так и не посмотрит в зал, то не увидит матушку Хильдебранду, сидящую на табуретке в большом зале в окружении толпы глазееющих на нее людей. Если она так и просидит, опустив голову, и не станет смотреть, то не будет никакой матушки Хильдебранды. Будет кто-то совершенно другой.

И по другому делу. Совершенно по другому делу. Вообще другой человек, и все.

— Ваше имя? — спросил отец Стефан, встав с кресла.

Элис не подняла глаз.

— Хильдебранда из Эглстоунского монастыря.

Голос изменился, совсем незнакомый, какой-то скрежещущий, словно у обвиняемой поцарапано горло. Более низкий и сиплый. И выговор какой-то иной. Что-то мешает старухе говорить, она шепелявит на звуке «с», и слова у нее как-то странно булькают. В графе «обвиняемая» Элис вывела: «Хильдебранда», убедив себя, что раз она не слышит чистого голоса матушки, не слышит отчетливых звуков, значит, это совсем не матушка.

— Назовите не эту вашу претенциозную папистскую кличку, а настоящее имя, — потребовал отец Стефан.

Не поднимая головы от книги, Элис подумала, что священник, пожалуй, излишне сердит. А он не должен гневаться на эту пожилую даму с большим горлом, что бы она там ни сделала.

— Мое настоящее имя Хильдебранда, — раздался скрипучий голос и замолчал — видимо, обвиняемая переводила дыхание. — Из аббатства Эгглстоун.

— Запишите: отказывается назвать свое настоящее имя, — обратился отец Стефан к Элис.

Аккуратно раскрыв скобку под последней строкой, она вывела: «Отказывается назвать свое настоящее имя» — и удовлетворенно кивнула. Нет, это не матушкин голос, эту женщину зовут не Хильдебранда. Это вообще кто-то другой. Стефан между тем продолжил допрос.

— В аббатстве вы были монахиней? — осведомился он.

— Да.

— Вы были там в ту ночь, когда проводилась проверка на предмет обнаружения ереси, папистских порядков, вопиюще непристойных ритуалов и богохульства, в результате которой монастырь был закрыт?

По толпе прошел ропот. Элис не могла догадаться: осуждают ли зрители поведение монахинь или возмущаются словами священника. Но она не стала поднимать голову, чтобы выяснить, в чем там дело.

Несколько томительных минут прошли в молчании.

— Я была там, когда аббатство сожгли, — наконец устало проскрипел голос. — Не было никакой инспекции, как и не было никаких непристойных ритуалов. Было нападение с целью поджога. Преступное нападение.

В зале поднялся шум. Постучав по столу рукояткой эбеновой трости, лорд Хью крикнул:

— Тихо!

— Это ложь, — заявил отец Стефан. — Это была законная проверка порочного и безнравственного гнездилища разврата, к тому же опасного. Вас выкурили оттуда, как ядовитых змей, каковыми вы и являлись.

Снова возникла пауза.

— И куда вы потом отправились, когда скрылись от правосудия и милосердия Божьего? — поинтересовался отец Стефан. — Где вы были все эти одиннадцать месяцев?

— Я не стану отвечать, — твердо отозвался голос.

— Вам задавали уже этот вопрос под пыткой, — угрожающе напомнил священник. — Вас могут подвергнуть испытанию еще раз.

Элис не поднимала глаз. В зале стояла мертвая тишина.

— Я знаю, — промолвил голос со слабым вздохом. — И я готова умереть под пыткой.

Толпа негодуяще загудела. Склонившись над книгой и закрыв лицо ладонью, Элис сквозь пальцы украдкой посмотрела в зал. Ей были видны только первые два ряда; там располагались солдаты Хьюго, но и они беспокойно ерзали на лавках.

— Запишите: покрывает своих друзей-заговорщиков, — приказал священник Элис.

Она послушно занесла его слова в протокол, а он продолжал допрос.

— Вы можете назвать еще кого-нибудь, кто в ту ночь тоже бежал от правосудия? Кто так же, как и вы, скрывался все это время? Кто, возможно, намеревался встретиться с вами? Кто планировал присоединиться к вам?

Снова томительное молчание.

— Скажите, кто такая Анна?

Пораженная, не успев вовремя опомниться, Элис резко вскинула голову и сразу увидела ее.

Сгорбившись, Хильдебранда сидела на табурете. Ладонями она упиралась в колени, словно пыталась удержать вместе сухожилия и кости. Старое синее платье, которое ей отдала Элис, все было в пятнах крови и еще чего-то. На подоле юбки в самом низу виднелось большое темное пятно — видимо, старая женщина не выдержала мук и испачкала себя. Плечи неуклюже сутулились, одно криво обвисло, оно было вывихнуто и не вправлено обратно в гнездо. Матушка была боса. На бледной старой коже виднелись иссиня-темные и красные кровоподтеки, точно обозначившие места, где были узлы, которыми ее привязывали к дыбе. Синяки на запястьях почернели — это были следы веревки, на которой она висела. Пальцы ног кровоточили; ногти на них были вырваны. На пальцах рук было то же самое. Ее руки напоминали два окровавленных пальца, которые обхватили старое тело, чтобы не дать ему развалиться на части и удержать в нем душу, стойко сохраняющую свою веру.

Заметив резкое движение, Хильдебранда посмотрела в сторону Элис.

Их глаза встретились.

Она сразу узнала свою Анну. Разбитые в кровь губы старухи растянулись в жуткой улыбке. Элис видела темные синяки на ее щеках, оставленные железным кляпом, а потом, когда ее страшная улыбка стала еще шире, она заметила, что и зубы почти все вырваны из десен, только некоторые сломаны и после них остались темные, наполненные кровью дыры. Глядя на эту улыбку, Элис поняла, что сама вложила в руки Хильдебранды оружие мести. Конечно, матушка не станет страдать одна. Она не захочет гореть на костре в одиночестве.

Элис смотрела на нее и молчала. Она не вымолвила ни слова. Не уставилась на нее жалостливыми глазами, не сложила своих нежных ручек, тайно подавая ей знак и моля о прощении. Она ждала, когда наступит ужасная минута и Хильдебранда назовет ее имя — имя беглой монашки и своей сообщницы. Имелись все необходимые улики: на старухе было платье Элис, в хижину из замка посылалась еда. Девушка ждала, когда Хильдебранда назовет ее имя и отомстит ей за боль разочарования и обманутых надежд, за страдания, которые она перенесла на дыбе и во время пыток.

Выцветшие голубые глаза аббатисы неотрывно смотрели на Элис из черных, разбитых глазниц.

— У меня не было сообщников, — сказала она, и на этот раз ее голос звучал чище. — Я была одна. Я всегда была одна. Совсем одна.

— Кто такая Анна? — повторил свой вопрос отец Стефан.

Матушка Хильдебранда улыбнулась, глядя прямо на Элис; лицо ее напоминало призрачную, беззубую маску.

— Святая Анна, — не колеблясь, солгала она. — Я призывала святую Анну.

Опустив голову, Элис стала торопливо записывать слово в слово. Старый лорд подался вперед и подергал отца Стефана за одежду.

— Заканчивай, — велел он. — Мне не нравится эта толпа.

Священник кивнул, приосанился и повысил голос почти до крика.

— Я требую, чтобы перед лицом этого высокого суда ты отреклась от ложной верности Папе и присягнула на верность нашему королю, его величеству Генриху Восьмому и его святой церкви.

— Я не могу это сделать, — отозвался утомленный голос.

— Еще раз предупреждаю: если ты сейчас не расскаешься, — погромыхал отец Стефан, — тебя признают виновной в ереси против святой церкви Англии и за свои прегрешения ты будешь сожжена на костре, а потом станешь вечно гореть в аду.

— Я тверда в своей вере, — спокойно промолвила Хильдебранда. — И дожидаясь своего креста.

Отец Стефан неуверенно посмотрел в сторону лорда Хью и спросил:

— Продолжить ли мне борьбу за ее заблудшую душу?

— По ее виду понятно, что вы достаточно за нее поборолись, — холодно ответил его светлость. — Я объявляю приговор, если вы не против.

Кивнув, отец Стефан занял свое место, а лорд Хью ударил по столу тростью.

— Суд считает, что подсудимая виновна в измене его величеству королю Генриху Восьмому, виновна в ереси по отношению к святой церкви Англии. Завтра утром на рассвете она будет доставлена отсюда к месту казни и за все свои преступления сожжена на костре.

Элис машинально записывала, не видя и не слыша ничего, тупо наблюдая, как кончик пера ходит по бумаге. Она чувствовала на себе взгляд Хильдебранды, чувствовала, что эта старая замученная женщина хочет в последний раз встретиться с ней глазами. Она ощущала, как давит на нее это желание аббатисы — посмотреть друг на друга теперь уже без обмана, без притворства, понимая, что обе они — поистине чистые и открытые существа; Элис и была такой, когда маленькой девочкой сидела с матушкой Хильдебрандой в саду, заменив аббатисе дочь, которой не суждено было родиться.

Элис понимала, что Хильдебранда ждет от нее этого последнего короткого взгляда, в котором можно прочесть искреннее взаимное прощение, покаяние и отпущение грехов.

Последнее «прости».

Но она так и не подняла головы, пока не услышала, как старуху уводят из зала. Элис не захотела смотреть ей в лицо. Она так и не попрощалась.

Во сне я почуяла адское зловоние проходящей мимо ведьмы и, укрывшись с головой тонкой вышитой простыней, зашептала: «Святая Мария, Мать Божья, моли Бога о нас», чтобы она отогнала от меня этот сон, этот страшный кошмар. Потом я услышала крики и жуткое потрескивание голодного пламени и сразу проснулась, с бьющимся сердцем села на кровати и испуганно огляделась.

По стенам комнаты метались желтые и алые отблески пламени, до слуха доносился низкий гул и ропот ожидающей чего-то толпы. Пережив страшное горе и душевное смятение, я долго спала и, похоже, все проспала, у ее ног давно сложены вязанки хвороста, и наверняка их уже подожгли. Я схватила плащ и босиком выбежала из спальни в галерею. Через витражное стекло эркера свет костра озарял все помещение, сквозь щели между оконными створками сочился дым. Дамы уже собрались; Элиза Херринг повернулась ко мне, половина ее лица была ярко освещена пламенем.

— Мы звали вас, но вы так крепко спали, — сказала она. — Скорей, госпожа Элис, уже загорелось.

Ничего не ответив, я помчалась к двери, быстро спустилась по винтовой лестнице и выскочила во двор.

Костер развели перед тюремной башней в квадратной яме, заполненной камнями, внизу уложили сухую лучину для растопки, сверху навалили охапки хвороста, чтобы огонь горел ярко и высоко, до самого неба.

Перед костром стояли солдаты, слуги, старый лорд, отец Стефан и мой Хьюго. Никого из жителей города не допустили, опасаясь беспорядков. Хьюго обернулся и увидел в дверях меня, с распущенными волосами и сверкающими от страха глазами. Он протянул руку и позвал меня, двинулся ко мне сам, но я оказалась проворнее.

Пробежав через двор к огню, к самому пламени, я сквозь дым увидела белое, искаженное мукой лицо Хильдебранды. Ветер дул западный, свежий, он дарил запах дождя и уносил от меня пламя. Как ребенок, я вскарабкалась на большую кучу сухих поленьев, а потом и на кучу вязанок с хворостом, добралась до столба и обвила руками ее худые, измученные колени, потом встала на ноги, подтянулась повыше и обхватила ее за поясницу.

Руки ее были связаны за спиной, она не могла обнять меня. Но она обернула ко мне лицо, и я увидела, что глаза ее, окруженные синяками, полны любви ко мне. Она ничего не говорила, она молчала и, казалось, была совершенно спокойна, как бывает спокоен самый центр разбушевавшейся бури; языки пламени уже подбирались к нам, они лизали сухие прутья, будто голодные змеи, и я стала задыхаться в клубках дыма и терять сознание от жара и страха.

В животе у меня забился ребенок, словно он тоже почувствовал жар, словно тоже больше всего на свете хотел жить. Вглядевшись сквозь мечущийся вокруг дым, я увидела бледное, испуганное лицо Хьюго, он смотрел на меня, и я попыталась заставить губы шевелиться, чтобы сказать «прощай», хотя понимала, что слишком далеко нахожусь. За дымом его фигура расплывалась и быстро тускнела. Он так и не увидел, как я прошептала это слово.

Я крепко держала матушку Хильдебранду за талию и заставляла себя стоять смирно, как женщина, обладающая бесстрашием и мужеством святой. Но у меня плохо получалось. Вязанки сухих дров под ногами лежали неустойчиво, пламя снизу подбиралось все ближе. Я переступала с ноги на ногу в каком-то нелепом танце, тщетно пытаюсь спасти свои босые ступни от жгучей боли.

— Элис! Прыгай! — завопил Хьюго.

Он пытался сбить пламя плащом. За ним стоял отец Стефан и кричал, чтобы скорее несли воду и заливали огонь.

— Прыгай! — пронзительно кричал Хьюго.

За его спиной появился старый лорд, он протягивал ко мне руки.

— Слезай оттуда! — умолял он. — Немедленно уходи!

Потом Хьюго бросился прямо в костер, и отец Стефан и другие мужчины едва успели оттащить его. Они боролись, а я испуганно прыгала с одной ноги на другую, и жар ходил вокруг меня, словно дыхание дракона. Сквозь расплавленный воздух я видела лицо Хьюго, он смотрел в мою сторону, губы его шевелились, он звал меня по имени, по его глазам было понятно, что он страшно боится меня потерять, и вот тогда я поняла, возможно впервые: он любит меня. И что какое-то недолгое время — Бог свидетель, всего лишь недолгое, очень недолгое время — я тоже его любила.

Я отвернулась от Хьюго, отвернулась от замка, от всех от них. Я опустила голову матушке на плечо и еще крепче обняла ее за талию. Пламя уже лизало столб, и опаленная веревка, связывающая ей руки за спиной, неожиданно лопнула. Она погладила мне волосы сломанной, вывихнутой на дыбе рукой и благословила меня. И, несмотря на боль в обожженных ногах, несмотря на то, что горло было заполнено горячим дымом и глупый страх охватил все мое существо, я ощутила удивительный покой. Да, наконец-то я обрела настоящий покой. Я поняла, где мое истинное место, нашла в конце концов ту любовь, которую больше никогда не предаю.

Последнее, что я узнала, еще более мощное, чем мой давний, постоянный страх огня, — ее руки и голос. Она обняла меня и сказала: «Дочь моя».

Примечания

1

Благодарение Богу!

(лат.) (Здесь и далее прим. перев.).

2

Приветствую вас!

(лат.).

3

Старый Хоб — архаическое прозвище дьявола.

4

Церковное богослужение суточного круга, совершается в три часа дня.

5

Во имя Отца и Сына и Святого Духа

(лат.).

6

Екатерина Арагонская (1485–1536) — первая жена короля Англии Генриха VIII, мать королевы Марии I. После 24 лет супружества Генрих настоял на аннулировании брака из-за отсутствия наследников мужского пола. Этот шаг стал одной из причин конфликта Генриха с Папой Римским, разрыва с Римско-католической церковью и Реформации в Англии.

7

С XIII в. нормандское витражное стекло считалось одним из лучших в Европе.

8

В Англии пони называются лошади низкорослых пород высотой в холке до 147 см.

9

Один — верховный бог в скандинавской мифологии.

10

Имеется в виду Анна Болейн (1507–1536), вторая жена короля Англии Генриха VIII (с 25 января 1533 г. до казни).

11

«Сумасшедший, как мартовский заяц» — распространенная английская поговорка.

12

Бенефиция — церковный приход и связанные с ним доходные статьи.

13

Выражение «wise woman» (колдунья, ворожея, знахарка, повивальная бабка) буквально переводится с английского как «мудрая женщина».

14

Имеется в виду английская или лондонская потница — эпидемическое заболевание, сопровождающееся обильным потоотделением; было распространено в Англии в XV–XVI вв.